

**Церковные праздники русского народа:
от прошлого к настоящему**

Сборник статей и очерков

Москва 2011

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Рецензент: С.В. Крюкова
Ответственный редактор: О.В. Кириченко
Корректор В.П. Терехов

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Издание осуществлено в рамках проекта «Церковные праздники в русле народной традиции» по программе «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» при финансовой поддержке ОИФН РАН

Введение

Церковный праздник в его богослужебной части ограничен пределами церковной территории, границами храма и, по сути, имеет, с функциональной точки зрения, достаточно узкую задачу — литургически прославить существо праздника. Конечно, это самая главная, центральная часть церковного празднества, его нерв, но это лишь первый импульс, который не затихает, а разгорается, приобретает видимую силу и мощь, красоту и величие, по мере того как он волнами разбегается из храма и становится достоянием верующих. Праздник хотят украсить всевозможными средствами, воспеть, прославить, т.е. вкусить не только дух, но и плоть праздника. И эта вторая часть церковного праздника наполняется сложными формами народного творчества. Одни из этих форм были устойчивыми, общепринятыми для всего православного русского народа, другие — региональными или еще более локальными. И в данном творческом разнообразии, в сложности картины народного празднества заключается важная смысловая амплитуда этого явления.

Маятник каждого крупного церковного праздника, получающего свое начало за церковной службой, постепенно движется в сторону социума и природы, мира, с которым народ связан самым тесным образом. Именно природная стихия, земля, лес, вода, животный мир возделываются, опекаются и используются человеком. Праздник, переносимый сюда, в природную сферу, должен подчеркнуть, что в возделывании земли и в целом природы нет только меркантильной заботы о хлебе насущном, или труда, направленного на корыстное отбирание природных ресурсов, а есть и движение к созданию и укреплению общности человеческого миру. Это самая главная, самая заветная цель народной праздничной традиции. Зримым образом православный люд не природное тащит в церковь, а церковное несет в родную ему природу. Поэтому и наша исследовательская задача в рамках поставленной в заглавии проблемы состоит в выявлении путей и форм перенесения православным народом церковного в природное. Если же ставится обратная задача: показать, как формировался мир суеверий, по мере проникновения природного в церковное, то мы получаем совершенно иную картину.

Народная праздничная культура фундаментально описана в исследовательской литературе. Но акцент в абсолютном большинстве научных трудов делается на втором подходе, поскольку доньше продолжает считаться, что именно он отражает сущность народной традиции. В нашем проекте мы специально берем за точку отсчета «церковные праздники», чтобы сделать акцент на том, как формировались изначальные церковные константы народного праздника, что поддерживалось и что отвергалось народной стихией по мере выхода церковного праздника из церковных стен. Это практически неисследованная область народной праздничной культуры, которую можно обозначить термином «церковная народная праздничная культура».

В сборнике представлен современный опыт православной народной традиции, почерпнутый исследователями в полевых экспедициях в разные области Центральной России за последние полтора десятилетия. Безусловно, сегодня этнографы сталкиваются со значительно обедневшей, трансформированной народной праздничной культурой. И причина этого прежде всего в разрушении традиционного сельского крестьянского уклада. То богатство форм взаимоотношения с природой, которыми отличалась прежняя трудовая и культурная жизнь сельчан, сменилось достаточно простым набором механических действий, направленных в селе только на получение урожая. Нет уже (в целом, а не в единичных случаях) ни общественной заботы о лесе, нет повсеместного общественного интереса к созданию в природном окоеме сакрально значимых точек: часовен, поклонных крестов и много другого. Демографическое и духовное истощение, которое претерпела народная традиция в результате революционных перипетий XX столетия, позволяет говорить о том, что ныне народ идет в церковь, почти не имея понятия о традиции. То есть те этнографы, которые сегодня продолжают изучение народной традиции в направлении «от природы к церкви», а не наоборот, вынуждены констатировать, что народная праздничная традиция почти угасла.

Вместе с тем для исследователей, занимающихся вопросом народного праздника в контексте направления «от церкви к природе», очевидно, что идет первоначальное, медленное возрождение церковной народной праздничной культуры. И это

показатель, в целом характеризующий состояние народной традиции, залога ее неугасания, но продолжения и, возможно, в будущем — роста.

На нынешний день существует немало научных работ по народному аграрному месяцеслову у русских. Тема праздничной народной обрядности, круга обычаев, существующих в разных регионах России, освещена достаточно полно как на региональном уровне¹, так и в обобщающих трудах². Этнографы продолжают вести исследовательскую работу по специальным программам, собирая данные как о сохранившихся элементах старинной праздничной народной культуры, так и о новшествах в этой области народной жизни³.

Между тем существует другой пласт — церковная народная праздничная культура, которая до сих пор не получила еще должной научной проработки и не имеет даже свидетельств описательного характера. Формы народного участия в годовых церковных праздниках Русской Православной Церкви разнообразны и самобытны, как и сам народный аграрный праздничный календарь. Каждый праздник обязательно был окрашен в той или иной местности в свои тона, что делало в целом эту культуру богатой и самобытной. Почему же исследователи практически прошли мимо данного пласта народной праздничной культуры? Причин здесь несколько. В ту пору, когда этнография в России только зарождалась и набирала научный вес (XIX — начало XX в.), внимание ученых привлекали редкие образцы народной культуры, поэтому «современности» уделялось мало внимания. Исследователи советского времени, как

---

¹Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001. 284 с.; Васильев М.И. Новгородская традиционная праздничная культура: Местные праздники Вологодского района. Великий Новгород, 2001; Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX—XX вв.). Омск, 2002. 234 с.

²Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / Авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство, 2001. 672 с.; Панкеев И.А. Обычаи и традиции русского народа. М., 1999. 542 с.; «Развитие русских праздников» (Н.С. Полищук); «Местные праздники» (Н.С. Полищук); «Календарные праздники и обряды» (Л.А. Тульцева) в: Русские. / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1999. С. 573—647.

³Традиционная народная культура русских: Сб. программ и вопросников для этнографических исследований / Отв. ред. и сост. Б.В. Горбунов. Рязань, 1997.

ни велики их заслуги в области этой науки, также прошли мимо указанной сферы народной жизни, но по идеологическим причинам. Тем не менее за последние 20 лет ситуация в этой области стала меняться в лучшую сторону. Появились отдельные статьи по народной церковной культуре; ученые, занимавшиеся прежде лишь аграрным календарем, начали включать в круг своих тем и некоторые церковные праздненства⁴. Вместе с тем до сих пор нет ни одной монографической работы, где бы обобщались данные по церковной праздничной культуре в контексте народной традиции. Существует насущная потребность понять, насколько широким и глубоким было включение русского народа, исповедующего православие, в ткань церковного праздника, насколько творчески вел себя народ в этой области культуры; наконец, существует просто необходимость дать подробные описания годового цикла народного церковного месяцеслова по регионам и по приоритетам посвящений⁵.

В настоящем сборнике представлены разные научные жанры и разные временные пласты описываемого явления. В ряде очерков присутствуют такие важные для понимания процесса трансформации народных церковных праздников формы, как подробные выдержки из авторских полевых дневников, где фиксируются описания современных образцов народной культуры. Привлечение материалов, взятых из Интернета, также может быть отнесено к попыткам использовать дополнительные источники для освещения нынешней картины народного церковного праздника. Некоторые авторы обращаются к периоду XIX в., чтобы выявить особенности традиции в классический период ее существования, поскольку по отдельным направлениям (разговины, обетные праздники, реконструкция рождественского и крещенского циклов) такие исследования не проводились прежде.

---

⁴Тулъцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков / Под ред. Т.А. Листовой. М., 2001. С. 124—168.

⁵Вологодский этнограф А.В. Камкин в своих трудах (прежде всего в докторской диссертации) разрабатывает тему картографирования праздничных посвящений, чтобы и на основе сакрально-топографической картины можно было строить суждения о закономерностях этой стороны народной традиции. — Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.

В целом авторский коллектив ставит перед собой задачу привлечь внимание исследователей к проблеме церковных народных праздников, чтобы и эта сторона народной культуры («от церкви к природе») получила со временем свое фундаментальное научное освещение.

Воронина Т.А.

Русский праздник: от заговенья к разговинам

На фоне всех церковных и памятных дат, соединяющих в себе сведения о вселенских и русских святых, памятных событиях из истории Православной Церкви, постах и трапезах и других установлениях Церковного устава выделяются особенно торжественные для верующих дни. Это прежде всего Пасха Христова, двенадцатые переходящие и непереходящие праздники, а также великие праздники. Они, как и многие другие дни, что отмечаются поныне, насчитывают почти две тысячи лет и возникли во времена распространения христианства, поэтому их называют еще праздниками новозаветной Церкви. Многие православные праздники или священные дни восходят ко временам Ветхого Завета. К ним примыкают праздники, получившие свое начало в Новозаветное время. Каждый из них посвящен воспоминанию важнейших событий в жизни Иисуса Христа и Божьей Матери или памяти святых угодников, поэтому в своих службах Церковь прославляет тех, кому посвящен известный день года. Торжественным образом совершаемые годовые службы называются праздниками, или праздничными службами.

Не лишним будет напомнить, что православными или ортодоксальными называли себя в первом тысячелетии западная и восточная ветви христианства, но после раскола в 1054г. название «Православная» закрепилось за Восточной Церковью. Это название, равно как и почитание Иисуса Христа, Божьей Мате-

ри, святых, ангелов, поклонение святым мощам и священным реликвиям, богослужения каждого дня седмичного и годичного циклов, включая праздничные, перешло к Русской Церкви, свято чтущей традиции раннего христианства.

К истории православных праздников

Первый и древнейший праздник — воскресный день, или Воскресенье. В книге Бытия вслед за рассказом о сотворении мира говорится: «И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел» (Быт. 2, 3). Тем самым Всевышний подал пример шесть дней трудиться, а на седьмой день не работать. Это остается правилом для всех верующих и по сей день. Из десяти заповедей, данных Богом на Синае и содержащих в себе весь нравственный закон, четвертая заповедь обязывает человека шесть дней работать, а на седьмой день прекращать свои дела и служить Богу (Исх. 20, 8—10).

Кроме субботы, как праздничного дня, в Ветхозаветной церкви были и другие дни, посвященные воспоминанию важнейших событий в жизни еврейского народа — Пасха, праздник опресноков, пятидесятница, день очищения кущей, пурим и другие. Но у христиан вместо седьмого дня, субботы, почитается первый день недели — воскресенье — в воспоминание Воскресения Господа нашего Иисуса Христа.

В Новозаветное время при учениках Иисуса Христа — апостолах — празднование воскресного дня началось в воскресенье — первый день недели. Во II в. они молились с верующими, пели гимны, тогда же производился сбор в пользу бедных и нуждающихся (1Кор. 10, 2). После совместных молитв устраивались вечера любви или агапы — благотворительные трапезы. Жители Иерусалима, обращенные в христианскую веру, «постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2, 42). Это совместное ежедневное «преломление хлеба» стало обозначением Евхаристии. Примечательно, что уже тогда для Евхаристии употребляли квасной хлеб, подобно тому как на Тайной вечери Спаситель предложил квасной хлеб и вино как новозаветную Пасху, тогда как в ветхозаветной употреблялись опресноки с горькими травами. Квасной хлеб назывался «артос» («поднявшийся, вскисший»); именно артос преломляли апостолы со своими учени-

ками спустя семь дней после дней опресночных (Деян. 20, 3). «Преломление хлеба есть форма причащения, исключительно принадлежащая первохристианскому времени»⁶. Агапы просуществовали до IV в., когда Евхаристия была от них отделена и стала важной частью утреннего богослужения, а на основе самих агап возникла вечерня с ее благословением хлебов. Таким образом, было положено начало суточным богослужениям, совершаемым и поныне.

На совместных трапезах члены христианских общин после совершения Евхаристии ели «начатки» — то, что верующие добровольно жертвовали клиру: фрукты, виноград, огородные овощи нового урожая, растительное масло, мед. Например, в Египте ели виноград, смокву (инжир), яблоки, маслины, груши, гранаты, персики, вишню, миндаль, а лотос, лук, чеснок, дыню, арбуз, огурцы и другие овощи в храм не принимали. Впоследствии эти приношения стали основой для обычая освящать виноград и яблоки в день Преображения Господня (6/19 августа). Хотя корни этой традиции усматриваются в ветхозаветное время: «И праздник седмиц совершай, праздник начатков жатвы пшеницы и праздник собирания плодов в конце года» (Вторая книга Моисея. Исход 34, 22). Интересно, что некоторые жители богатой Александрии пытались превратить агапы в пир, но современники выступали за сохранение прежнего строгого рациона. Так, знаменитый писатель и богослов Климент Александрийский (конец II — начало III в.) требовал, чтобы обычной едой на агапах были лук, маслины, зелень, молоко, сыр, фрукты, морсы, т.е. растительная пища⁷.

Для ежегодного воспоминания о великих событиях истории искупления человеческого рода первые христиане по примеру ветхозаветной церкви кроме дня воскресного установили празднества в некоторые другие дни. Из их числа особенно почитался праздник Пасхи, заключающий в себе воспоминание о распятии и Воскресении Господа нашего Иисуса Христа. При чем, если сначала Пасху отмечали как пост в честь смерти Спасителя, то постепенно на нее стали смотреть как на радостное воспоминание о воскресении Христовом, но перед праздни-

---

⁶Арсений, епископ Серпуховский. Как причащались древние христиане. СПб., 1998. С. 5, 24—25.

⁷Скабалланович М. Толковый Типикон. М.: Издание Сретенского монастыря, 2004. С. 76—77, 85.

ком постились. Интересно, что длительность поста сперва была различной: 40 часов или 1—2 недели, и только потом Святая Четыредесятница установилась на тот срок, который мы соблюдаем и сейчас — сорок дней, заканчивающиеся торжественной пасхальной утреней. В IV—V вв. Пасху начали отмечать как «праздник веры» с непременным ночным бдением, тогда же окончательно празднование Пасхи удлинилось до целой седмицы, которая стала называться Пасхальной.

Наряду с днем Пасхи праздновали день Вознесения Иисуса Христа (через сорок дней после Пасхи) и Сошествия святого Духа на апостолов (через 50 дней после Пасхи), дни рождения и крещения Спасителя, Сретения (встречи) Его во храме Симеоном. Вместе с этими праздниками вспоминались события из жизни Пречистой Богородицы: Введение Ее во храм, Благовещение и другие памятные дни.

Во II в. постепенно умножаются праздники и дни памяти святых, оформляется церковный календарь и год; в III в. праздничные дни обособились от будней. В IV в. помимо трех праздников — Пасхи, Пятидесятницы и Богоявления — начали отмечать праздник Рождества Христова, в V в. — Вознесения Господня.

Поскольку Церковь враждебно воспринималась противниками христианства, скоро в ней появились и мученики, чья жизнь была поучительна для верующих, и потому дни их кончины свято чтились, в их честь составлялись церковные песнопения. Многие из великих отцов и учителей Церкви, прославившиеся своими сочинениями и благочестием, были так же причислены к лику святых, и дни кончины их сделались днями праздничными. Так составилась годичный круг памяти святых и появился месяцеслов; в книге, именуемой Минеей, содержатся службы святым на каждый день года.

Признавая праздники полезными с точки зрения благочестия, Церковь всегда придавала их празднованию торжественный характер. При этом необходимым условием считалось совершение таинства Евхаристии, или причащения Святых Тайн. Сообразно этому была устроена и вся жизнь христиан в праздничные дни: они освобождали себя от мирских занятий и трудов, не устраивали шумные увеселения, пиршества, но освящали их благотворениями в пользу Церкви и бедных. В IV—VI вв. покровительствовавшие Церкви византийские

императоры издали закон, согласно которому запрещалось нарушать святость праздников отправлением общественных должностей и судопроизводства, прекращались забавы и увеселения, например, театральные представления, поединки и конские скачки. Император Константин Великий (274—337 гг.) запретил производить в воскресные дни торговлю. Следуя традиции, праздничные дни до сих пор отличаются от будничных дней освобождением от трудов и работ, торжествами, некоторыми обрядами и церемониями, придающими отличительный характер тому или иному празднику.

На Первом Вселенском соборе, состоявшемся в 325 г. в городе Никее, и на Втором Вселенском соборе, проходившем в 381 г. в Константинополе, были приняты главные положения православного вероучения, содержащиеся в Символе веры, формула которого сохранилась в первоначальном виде до сих пор. Символ веры, читаемый в храме на каждой Божественной литургии, свидетельствует о верности установлениям первых веков распространения христианства.

Формирование цикла православных праздников тесно связано с созданием Типикона, или церковного устава, включившего все те праздники, что мы отмечаем сейчас. Родиной устава считается Палестина, и его создание связано с именами многих подвижников и прежде всего святого Саввы Освященного, основавшего в V в. обитель недалеко от Иерусалима. Однако формирование устава продолжалось, и богослужебный устав, единый почти для всей Восточной Церкви, появился позже. Достаточно сказать, что только в IX в. появились полные списки богослужебного устава, а в XI столетии стало известно о существовании и распространении на Востоке более или менее полных записей Типикона. В это же время сформировался и Устав Великой Константинопольской Церкви.

В настоящее время все церковные праздники годового круга разделяются на несколько разрядов. По предмету воспоминаний они делятся на праздники Господские, Богородичные и праздники святых. Большая их часть упоминается в апостольских постановлениях, некоторые праздники сначала отмечались какой-либо Восточной Церковью, потом сделались общими для всей Православной Церкви. Многие завершают многодневные или однодневные посты.

Особенностью Русской Православной Церкви является то, что до сих пор праздники отмечаются по старому стилю, т.е. по юлианскому календарю, в отличие от нового стиля — по григорианскому календарю, поэтому в современных календарях указаны две даты — по старому и новому стилю.

По важности воспоминаемых событий общие праздники разделяются на большие, средние и малые. В зависимости от их значимости и времени они включают предпразднество, попразднество и отдание, которые также считаются праздничными днями. Сообразно с различными назначениями и воспоминаниями различаются и все дни богослужений в кругу последования седмичного и особенно годового. Чем выше и важнее воспоминание, тем торжественнее церковь отмечает его.

Большие праздники, в свою очередь, делятся на три разряда. К первому относится величайший из праздников — Пасха, ко второму — двенадцать праздников, известных под именем двенадесятых, и к третьему — недвенадесятые. Помимо них есть еще великие праздники.

По времени отмечаемые праздники разделяются на подвижные и неподвижные. Это различие происходит оттого, что одни приурочены к числу, другие — ко дню. Поэтому часть праздников меняет день, не меняя числа, а часть меняет число, не меняя дня. Первые называются неподвижными, вторые — подвижными. Во главе неподвижных праздников Господских стоит Рождество Христово, а подвижные возглавляет Пасха, которая отмечается в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния.

Двенадесятые праздники по времени разделяются на переходящие и непереходящие. Первые ежегодно, в зависимости от дня празднования Пасхи, имеют различные даты. Это Вход Господень во Иерусалим, Вознесение Господне, день Святой Троицы, или Пятидесятница. Вторые отмечаются в одни и те же дни. К ним относятся Рождество Христово (25 декабря/7 января), Рождество Пресвятой Богородицы (8/21 сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября /4 декабря), Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня (14/27 сентября), Крещение Господа нашего Иисуса Христа, или Богоявление (6/19 января), Сретение Господне (2/15 февраля), Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта/7 апреля),

Преображение Господне (6/19 августа), Успение Божьей Матери (15/28 августа)⁹.

Праздник Рождества Христова впервые был введен в IV в. Константинопольской Церковью, а потом распространился по всему православному Востоку. Цель его установления — воспоминание и прославление рождения Господа по плоти от Пресвятой Девы. Рождество Христово завершает сорокадневный Рождественский пост (Святая Четырнадцатница). Накануне праздника соблюдается строгий пост в Рождественский сочельник (24 декабря/6 января), упоминания о котором встречаются в IV в. После Рождества наступают святки — святые дни, или 12 дней, в течение которых отмечается праздник.

Рождество Пресвятой Богородицы было плодом праведной жизни Ее родителей — святых Иоакима и Анны. В церковном смысле оно есть начало исполнения всех божественных обетований, которыми жило и утешалось человечество в течение многих тысячелетий, явление миру тайны, которая предуготована от вечности во спасение и славу павшего рода человеческого.

Введение во храм Пресвятой Богородицы установлен в память введения Святой Отроковицы в возрасте трех лет в Иерусалимский храм, где Она пребывала до обручения с праведным Иосифом.

Праздник Воздвижения Креста Господня был установлен в воспоминание обретения Креста Господня в IV в. при Константине Великом, когда был освящен храм Воскресения Христова, что отразилось в тропаре праздника: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». В VII в. с воспоминанием обретения Креста Господня было соединено другое воспоминание — о возвращении Креста Господня из персидского плена. Особенность праздника том, что накануне крест Господень возлагается в храме на престол и соблюдается строгий пост.

Крещение Господне, или Богоявление, предваряется Навечерием, когда соблюдается строгий пост и вечером совершается великое водоосвящение, которое, в отличие от меньшего водоосвящения, проводится с большей торжественностью.

---

⁹Здесь и далее все даты указаны как по старому стилю — юлианскому календарю, которому до сих пор следует Русская Православная Церковь, так и по новому стилю — гражданскому, или григорианскому календарю.

Освященная вода называется в Православной Церкви великой агиасмой (святыней), которой окропляют храмы и жилища и назначают пить тем, кто не допущен до причастия Святых Таин. Ее хранят дома и пьют только в исключительных случаях на тощак. В день праздника Богоявления происходит повторное великое освящение воды, равнозначное тому, что совершалось накануне. Как правило, в храмах наблюдаются торжественные шествия к воде с крестом, Евангелием, светильниками и хоругвями, при колокольном звоне и пении тропаря праздника.

В день Сретения Господня воспоминается принесение Иисуса Христа Девой Марией по исполнении дней очищения в храм, где Младенец был встречен праведным Симеоном. От этой встречи праздник и получил свое название и был известен уже в IV в. в Иерусалимской Церкви. С ним соотносится избавление от многих бедствий в Константинополе и Антиохии (Сирии), сопровождавшееся всенародным молением и постом; в воспоминание об этом установлено совершать в этот праздник перед литургией литию в монастырях.

День Благовещения Пресвятой Богородицы посвящен воспоминанию события, которое у древних христиан имело разные названия, например, «Зачатие Христа», «Благовещение Ангела Марии», и только в VII в. ему было дано теперешнее наименование. По особенностям богослужения он приближается к праздникам Рождества Христова и Богоявления и обычно приходится на Великий пост. Введение праздников Рождества Богородицы, Благовещения и Сретения приписывают императору Маврикию (582—602 гг.).

Праздник Преображения Господня посвящен воспоминанию события на горе Фавор, когда Иисус Христос преобразился и явился Своим ученикам телесно. Его стали праздновать повсеместно в VIII в., хотя корни его скрываются в предшествующих веках христианства. Он приходится на Успенский пост, и в России он получил название Второго Спаса, Спаса на горе или Яблочного Спаса, поскольку в этот день принято помимо винограда и пшеницы освящать в храме яблоки.

Праздник Успения Божьей Матери установлен для прославления Богоматери и Ее успения (кончины), по преданию, последовавшего в 48 г. Вместе с тем этим событием Церковь научает, что смерть не есть уничтожение нашего бытия, а только переход от земли на небо, от тления и разрушения к вечному

бессмертию. Всеобщее его празднование установлено с 582 г. при императоре Маврикии. Праздник завершает Успенский пост.

Двунадесятые непереходящие праздники имеют по одному дню, который предшествует празднику — предпразднество. Рождество Христово имеет пять дней, а Богоявление — четыре дня предпразднества. Продолжение двунадесятых праздников составляют попразднества, длительность которых неодинакова, но все они завершаются отданием праздника, который отмечают не менее торжественно, чем сам праздник.

К великим праздникам, отмечаемым доньше, относятся пять дней: день Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября), Обрезания Господня (1/14 января), Рождества святого Иоанна Предтечи (24 июня/ 7 июля), день святых апостолов Петра и Павла (29 июня /12 июля), Усекновение главы святого Иоанна Предтечи (29 августа /11 сентября).

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы был установлен в воспоминание видения в середине Хв. святым Андреем Богоматери, покрывавшей Своим покрывалом (омофором) христиан во Влахернском храме в Царьграде (Константинополе). Это было воспринято как знак спасения греков от осаждавших их сарацин.

Обрезание Господне установлено еще в Ветхом Завете, в Православной Церкви его стали отмечать в IV—V вв. В соответствии с христианскими догматами, этим праздником утверждается вера в ту истину, что Господь есть Богочеловек.

Праздник Рождества святого Иоанна Предтечи совершался уже в IV в., как воспоминание о святом пророке, предвозвещавшем явление Сына Божия во плоти и удостоившем крестить Его во Иордане, поэтому он прославился как ангел, апостол, мученик, пророк. Спасенный от смерти, постигшей тысячи младенцев в Вифлееме, святой Иоанн Предтеча вырос в дикой и бесплодной пустыне, приготавливая себя к великому служению. Своєю проповедью он приготовил народ к принятию давно ожидаемого Спасителя — Мессии.

В день святых апостолов Петра и Павла они вспоминаются как ученики Спасителя, проповедавшие Его учение. Оба претерпели мученическую смерть в 67 г. за распространение учения Христа и обращение в христианскую веру язычников. Этим праздником завершается Петров пост.

Усекновение главы Иоанна Предтечи отмечается в воспоминание казни святого пророка в 32г. царем Иродом, правителем Галилеи, обещавшим своей возлюбленной Иродиаде исполнить любое ее желание. В этот день установлен строгий пост во имя прославления великого постника и пустынника, а также поминаются православные воины, пострадавшие за веру и отечество.

К средним праздникам относятся дни памяти трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого (30 января/12 февраля), святого Георгия Победоносца (23 апреля/6 мая), святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (8/21 мая), святых Кирилла и Мефодия (11/24 мая), святого князя Владимира (15/28 июля), святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября/9 октября), святого Иоанна Златоустого (13/26 ноября), святого Николая Чудотворца (6/19 декабря) и некоторые другие дни.

Средние праздники бывают двух видов: одни, как и великие праздники, имеют всенощное бдение, а другие — только полиелей. К праздникам этого вида присоединяются храмовые праздники в честь мощей местного святого. Последования средних праздников первого вида, в отличие от праздников великих, не посвящаются исключительно воспоминаемому событию, потому что на них к праздничному канону прилагается канон Богородице на утрене. В средние праздники второго вида бдение не происходит.

Малые праздники тоже бывают двух видов. Святые, в честь которых совершаются такие праздники, в церковном уставе называются святыми со славословием. В некоторые из этих праздников имеющееся на тот же день последование другого святого поется на повечерии.

Кроме того, праздники подразделяются на общие, которые одинаково торжественно отмечаются во всех храмах, и местные, которые проходят с особенной торжественностью только в некоторых местах. Чаще всего такие праздники совершаются в дни освящения храмов и в воспоминание тех, во имя кого был устроен престол церкви, поэтому они называются храмовые, или престольные. По особенностям богослужения данные праздники принадлежат к разряду средних праздников.

Начало храмовых праздников относится еще к ветхозаветным временам (Исх. XX, 34; XXIV, 36; Лев. XVI гл.; и др.). Из ново-

заветных времен особенно частые свидетельства о храмовых праздниках идут с IV в.

В России престольный праздник составляет как бы вторую Пасху. Наиболее часто храм освящали в память Спасителя и Пресвятой Богородицы. В XIX в. около трети церквей на Руси было посвящено Богородице и в первую очередь праздникам Успения, Покрова, Благовещения. Почти шестая часть всех храмов посвящалась святителю Николаю Угоднику. В престольный праздник совершается крестный ход с праздничной иконой, хоругвями и другими церковными атрибутами вокруг церкви.

Помимо этих праздников Православная Церковь отмечает дни, в которые вспоминаются другие священные события, сопровождающиеся предпразднеством. К ним относятся дни памяти великих святителей, мучеников, преподобных и иных святых, например, трех святителей (30 января/12 февраля) — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого (с 1084 г.); святого Николая Чудотворца (6/19 декабря), которому на Руси с самого начала введения христианства воздавались особые почести, в его честь воздвиглись монастыри, храмы, часовни; святых Кирилла и Мефодия учителей словенских (11/24 мая), живших в IX в. (в России этот день отмечается как День славянской письменности); святого равноапостольного князя Владимира, крестившего Русь, и многие другие.

Отличительная особенность православных праздников — обязательное посещение храма. В дни праздников совершается литургия — богослужение, центральным моментом которого является совершение Евхаристии, возношение даров. Церковные и памятные дни включают дни интронизации и тезоименитства российских патриархов. Дни поминовения усопших также отмечаются торжественно.

Общее число православных праздников значительно превышает число дней в году, и поэтому на каждый день церковного календаря приходится по несколько праздничных дат. В XX веке сонм российских святых из числа новомучеников, пострадавших за веру, увеличился, соответственно возросло число праздничных дней, особенно после празднования в 1988 г. 1000-летия принятия христианства на Руси.

Испокон веков традиционная русская кухня строилась на четком разделении будничной и праздничной пищи. После

принятия христианства в 988 г. в систему питания русского народа были включены многодневные и однодневные посты. Поститься означало ограничивать «скоромное» — пищу животного происхождения, включая мясные, молочные блюда, яйца, а иногда и рыбу, — и есть только растительную пищу в строго установленные дни православного календаря. Таким образом, питание в течение года практически разделялось на собственно «пост» и «мясоед» — дни, когда употребление пищи не ограничивалось. Чтобы нагляднее представить, какое место занимают посты в народной жизни, достаточно сказать, что из 365/366 календарных дней года на посты приходится более 200 дней, т.е. большая часть года. Столь значительное число постных дней не могло не отразиться на традициях русской национальной кухни.

Весь круглогодичный цикл праздников и постов повторялся от года к году, т.е. каждый многодневный пост предвляло заговенье, потом наступало собственно время поста, окончание которого всегда приходилось на один из праздников церковного календаря. Праздничное застолье после окончания поста называлось разговинами. Весь этот замкнутый цикл чередования постных и скоромных блюд был движением от заговенья к разговинам.

По уставу Русской Православной Церкви многодневные посты включали Великий, Петров, Успенский и Рождественский посты; однодневные посты, помимо еженедельных постов в среду и пятницу, соблюдались в Крещенский сочельник, в день Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи и в день Воздвижения Креста Господня. Каждый многодневный пост завершался христианским праздником: Великий пост заканчивался Светлым Христовым Воскресением, Петров — днем памяти святых апостолов Петра и Павла, Успенский — днем Успения Божьей Матери, Рождественский пост — праздником Рождества Христова.

Годовой круг, неразрывно связанный с днями поста и праздниками православного календаря, — от заговенья к разговинам — составлял земную жизнь русского человека. «Времена года, четко определенные в русском климате, создавали острое чувство перемен. В разделении буден и праздников, поста и обильной пищи имелся глубочайший смысл, кроме непосредственного, религиозного. Этот порядок позволял

по-настоящему ощутить и то, и другое, глубже прочувствовать их»¹⁰.

В XIX — начале XX в. преобладание крестьянского сословия, по сравнению с другими сословиями Российской империи, было очевидным. По переписи 1897 г., сельское сословие составляло 81,5% от числа всех сословий, а сельское население, проживавшее в 50 губерниях страны, насчитывало более 112 млн чел., т.е. составляло большую часть жителей страны¹¹. В жизни русского народа было немало праздничных дней: насчитывалось в среднем 135 нерабочих дней, включая, кроме воскресений, государственные, религиозные и народные праздники¹².

К семантике оппозиции «постное — скоромное», «заговины — разговины»

Значительное число постных дней в церковном календаре не могло не отложиться в повседневной лексике и фразеологии русского народа. Такие противоположные категории, как «постное» и «скоромное», бытовавшие в различном написании и словосочетаниях, довольно устойчиво сохранялись и в XIX в. Многие слова и выражения оказались неотъемлемой принадлежностью повседневного разговорного лексикона русских крестьян.

Церковнославянский язык стал не только языком церковного богослужения, но и важным объединяющим началом древнерусской народности, поэтому слова и выражения, связанные с постом, органично вошли в повседневный лексикон. Слова «пост», «поститься», «постный» и их производные в древнерусском лексиконе употреблялись наравне со словами «говейно», «говеть», «говейный», «говейник» и др. Существительное «говейно» чаще встречалось в сочетании со словом «Великое», что означало Великий пост: «Отъяша Новгородци посадничьство у Андрея Климовича... в Великое говение» (Новгородская первая летопись). В летописях упоминался Рождественский

---

¹⁰Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII — начало XX века. М., 2009. С. 316.

¹¹Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991 / (репринт: СПб., 1898). С. 83.

¹²Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 10.

пост — «Филиппово говение» (Ипатьевская летопись) и Петров пост — «Петрово говение» (Псковская первая летопись). В «Жалованной грамоте великого князя Василия Троице-Сергиеву монастырю» (1453) есть также отсылка на Петров пост: «И при став мои им даст два срока в году, на сбор да другой срок уг о вев Петрова говейна неделю»¹³.

Существительное «говейн» означало то же, что и «говейник», т.е. тот, кто говеет, соблюдает пост. Это отразилось в первых переводах Священного Писания на русский язык: «Буди же говенье твое причтено смиренной мудрости тако да будеши истинный говейн». В переводе религиозных текстов прилагательное «говейный» означало «благоговейный», наречие «говейно» — вести себя «благочестно», существительное «говение» — «благочестие» («Блажен муж, иже устращается всего за говенье», ХІв.). В этом же значении слово «говение» употреблялось и в русских переводах: «с говением и целомудрием» (Тим. 1, 2, 9); «С говением и срамом» (Евр. 13, 28). Причем слово «говение» было также синонимично посту: «Речи говенья и вопля их» (Есф. 9, 36). На это есть указание в «Русской Правде»: «А вирьнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици, а перед гривна, или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан». Глагол «говети» («говею», «говлю») в древнерусском языке означал также благоговеть: «Устави женам за един муж посагати и ходити говеущее» (Ипатьевская летопись)¹⁴.

И.И. Срезневский приводит несколько значений глагола «постити». Во-первых, он имел значение «воздерживаться»: «Постяся человек от грех своих и паки ходя и то жеде творя, мольбу его то услышит» (ХІв.). Второй смысл слова — «поститься, постничать»: «Не предано постити, но чрез вся та неделя мясо ясти» (Поучение митрополита Фотия, 1431 г.). В-третьих, «постити» означало также «воздерживаться от пищи»: «Пощься дъни и ноци, послед взалка» (Остромирово Евангелие); в-четвертых, — «поститься»: «Страстная неделя уставлена есть поститися Страстии ради Господень» (Повесть временных лет); в-пятых, — «совершать обряд очищения»: «Обретоша мя постившася в церкви» (Деяния, 24, 18)¹⁵.

---

¹³Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. Стб. 531—533.

¹⁴Там же. Стб. 533.

¹⁵Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 2. М., 1958. Стб. 1263—1264.

Исследователи считают, что само слово «пост» было заимствовано русскими у других народов, уже соблюдавших посты. Так, М. Фасмер, обратившись к его происхождению, обнаружил параллели в старонемецком языке¹⁶. Что касается слова «говейно» и его производных, то их этимология прослеживается в санскрите: «го» — речь, в духовном смысле слова, «hava» — жертвоприношение, «гу» — жертвователи. Значение этих составляющих наводит на мысль, что еще в глубокой древности говение состояло в молитвах, соединенных с жертвоприношением¹⁷.

Нередко тот или иной многодневный пост служил указанием на календарную дату события. В летописях довольно часто указывается время года со ссылкой на какой-либо пост: «В Великой говейно, на похвальной недели» (Новгородская вторая летопись)¹⁸.

В древнерусской лексике часто употреблялись слова «среда» и «пятница» — дни недели, по которым, в соответствии с церковным уставом, также соблюдали пост. Например, в Суздальской летописи (по Лаврентьевскому списку) говорится о запрещении есть молоко и масло в среду и пятницу¹⁹. Слово «среда», означавшее середину чего-либо, подразумевало и средний день недели: «Маслице же в первую не тѣчию да не едят, а вы ины дни поста наслажатися их да не възбраняют, разве среде и пятнице» (1193). Существительные «средоговение», «средопостие», «средохрестие», «средохрестие», «средокрестие» означали середину Великого поста, а именно среду на четвертой неделе поста: «Приидоша ис Цернигова... на средоговение» (Новгородская первая летопись). От них же образовано и прилагательное «средохрестный» («средохрестный», «средокрестный»), т.е. относящийся к середине Великого поста: «И потом его отпусти в Великий пост на средокрестной недели» (Новгородская первая летопись). Слово «пятница» («пятък», «пяток») означало пятый день недели, пятницу, когда, как и в

---

¹⁶Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.

¹⁷Полный православный богословский энциклопедический словарь (далее — ППБЭС). В 2-х т. Т. 1. М., 1992. Стб. 653—654.

¹⁸Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 1. Стб. 531—532.

¹⁹Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1927. Вып. 2. С. 354.

среду, запрещалось есть скоромную пищу: «Мяс пустити прежде, в который день причется, опроче среды и пятка» (Правило митрополита Максима, 1305 г.). Особо выделялся «Великий пяток» на Страстной неделе: «На Страстной недели в Великий пяток» (Псковская первая летопись). В обиходе употреблялось и прилагательное от слова «пяток» — «пятечный», т.е. пятничный. Постной пище противопоставлялась непостная пища, что нашло отражение в существительном «скором», означавшем жир, масло, скоромную пищу: «Черньца в скиму постригав, не дах ясти скорома до осмаго дни» (Вопрошание Кирика). Соответственно, прилагательное «скоромный» имело значение запрещенной во время поста пищи: «Говел есми, ничего скоромного, никакая ястыв бесерменьская, а ял есми все по двожды днем» (Афанасий Никитин)²⁰.

В памятнике древнерусской письменности «Домострое» наминалось, чтобы верующие соблюдали «и среду и пятокъ и святый постъ и Богородичень»²¹, т.е. помимо поста по средам и пятницам Великий и Успенский посты.

В XIX — начале XX в. более широкий смысл имело слово «говение», означавшее благочестивый обычай не только быть умеренным в пище, не есть скоромное и даже сладкое (обычно не меньше трех дней), но и посещать богослужения, а потом приступить к исповеди и причащению Святых Таинств. Поведение, таким образом, отразилось в выражениях «говеть», «гавливать». Известны и другие производные слова: «говельный» — до говения относящийся, «говельщик» или «говельщица» — тот, кто говеет; «разговляться» — есть скоромное в первый раз после поста (отсюда — «разговенье», «разговины»).

Соответственно, «заговение» означало последний день накануне поста, когда еще можно употреблять скоромную пищу²². Это отразилось и в русском фольклоре, прежде всего в пословицах и поговорках: «Удобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье все щи выхлебать»; «Испостился, измолился в нитку»;

---

²⁰Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 2. Стб. 1795—1796; Он же. Материалы... Т.3. М., 1958. Стб. 381—382, 481—483.

²¹Добавления к «Материалам для истории древнерусской покаянной дисциплины» // Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 287; Домострой. М., 1994. С. 82.

²²Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М., 1889. С. 364; Т. 3. СПб.; М., 1882. С. 345.

«Деньгам нет заговенья»²³. Столь распространенное ранее в повседневном лексиконе слово «заговеть» означало начало говения; глагол «загавливаться» (или заговляться, заговеться) — начинать поститься, прекращать есть скоромную пищу на время поста, вообще отказываться от каких-либо удовольствий; слово «загавливанье» (заговление, заговенье, заговины) — последний день мясоеда, канун поста. Слово «заговинный» равнозначно словам, «относящийся к заговенью, к заговинам; «заговляльщиком» (заговляльщицей) называли того (ту), кто загавливался.

Прилагательное «заговинный» означало: «относящийся к заговенью, к заговинам». Отсюда того, кто загавливался («пируя нередко напоследях»), называли «заговляльщик» («заговляльщица»).

Таким образом, столь распространенное ранее в повседневном лексиконе слово «заговеть» подразумевало начало говения; глагол «заговеть» — начать говеть («Заговевши, догавливай!»; «Хоть бы та избушка сгорела, в которой я заговела!»).

Загавливаться или заговляться; заговеться означало начинать поститься, прекращать есть скоромную еду на время поста, вообще отказываться от каких-либо удовольствий до срока, на срок (Здорово заговелись, на хрен, на редьку, на кислу капусту! Заговляюсь на хрен, на редьку да на белую капусту! Заговляюсь на сыр да на масло, говор. В канун масляны. Заговелась лиса — загоняй гусей!)²⁴.

Слово «загавливанье» (заговление, заговенье, заговины) — последний день мясоеда, канун поста. Соответственно, слово «заговинный» синонимично словам «относящийся к заговенью, к заговинам»; «заговляльщиком» (заговляльщицей) называли тех, кто загавливался.

Слово «разговины» («розговины», разгавливанье, разговление, разговенье) означало первый день мясоеда после окончания поста (Заговляйся в заговенье, а разговляйся — когда Бог приведет! Солдат заложил шинель на заговенье — его простили; другой заложил на разговенье — его наказали).

Глагол «разговляться» (разгавливаться, разговеться) означал поесть впервые после поста впервые скоромного, разрешить себе скоромную пищу. По старинному обычаю, на Пасху

---

²³Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х т. Т. 1 М., 1993. С. 66—67, 86.

²⁴Он же. Толковый словарь... Т. 1. М., 1989.

весь дом, с чадами и с домочадцами разговляется вместе с хозяевами²⁵.

Праздничные разговоры всегда олицетворяли «скоромную» еду. По мнению филологов, слова «скором», «скоромный» и их производные имеют архаичную основу, включающую праславянское сочетание «сь-», что значит «хороший, большой». Оно заимствовано из индоевропейского языка, в котором «su-» означало «хороший, добрый; большой; очень, совсем»²⁶. Следы указанной основы можно встретить в олонецких, ярославских и пошехонских говорах XIX в., включающих существительное «скором» — «жирная, скоромная пища», которое сводится к праславянскому *skormъ — «жир» и связано с праславянским *kъrmъ — «корм». Считается, что только после принятия христианства и запрета употреблять в пост пищу животного происхождения в слове «скором» развилась семантика: «мясная или молочная еда, запрещенная церковными канонами для употребления в постные дни»²⁷.

В народной лексике слово «скоромный» противопоставлялось слову «постный». В Пошехонском у. Ярославской губ. в ходу было слово «сковорный». Синонимом скоромного было прилагательное «воложный», означавшее пищу, дозволенную в мясоед и частью в мясопустие (на Масленицу). В понятие «скоромное» входила пища от теплокровных животных — мясо, молоко, масло, яйца и пр. У католиков скоромным считались только мясные блюда, причем «скоромный стол» русские крестьяне называли «католический». В повседневном обиходе часто встречались выражения «скоромный стол», «скоромные дни», т.е. когда едят скоромное. «Скоромные речи» означали «непристойные». В разговоре часто использовали выражения: «Вам скоромно, а нам на здоровье»; «Про ваше здоровье и говорить скоромно» (о распутном человеке). Если растительное масло называли постным, то, соответственно, сливочное (коровье) масло — скоромным.

---

²⁵Он же. Толковый словарь... Т. 4. М., 1991. С. 22.

²⁶Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 539—540, 685—686, 690, 691, 539—540, 816.

²⁷Лучик В.В. Диалектизмы как материал для реконструкции архаичной основы сь- // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Вып. 2: Доклады и сообщения Восьмой российской научно-практической конференции. Орел. Декабрь, 2001. М., 2001г. С. 165—166.

Словами «скором», «скоромятина», «скоромная пища», «скоромщина» зачастую обозначали все скоромное («Что за скором — одна коровенка!»). В народном лексиконе встречались и такие глаголы, как «скоромить кого-либо», «оскоромить», т.е. кормить в пост «скоромью», «скоромиться» — поесть что-то скоромное в пост («Не грехи, не скоромья!»; «Зазнамо скоромиться нехорошо, а оскоромишься нечаянно — Бог простит»; «Скоромничают бары да собаки»; «Ну, на здоровье когда не скоромно!»).

Глагол «скоромничать» означал есть в пост скоромное заведомо, не постничать, отказываться от поста («Вы Петровками постничаєте? — Нет, скоромничаем»). «Скоромничанье» — недержание постов. В Псковской губ. о том, кто не постился, говорили «скоромник», так же называли мясной или молочный стол. «Скоромник» (скоромница) противопоставлялось слову «постник» и означало того, кто ест скоромное и не держит постов, кто «скоромно» говорит. Близки к этому слову «скоромщик» (скоромщица) — это то же, что и «скоромник», но более укоризненно, бранно. «Скоромок» — так называли остаток от чего-либо скоромного, оставшегося от заговенья. «Скоромушкой» называли дойную корову²⁸.

Посту противопоставлялся «мясоед», под которым понималось время употребления мясной пищи, или скоромного. Отсюда пошло выражение «мясное заговенье», означавшее канун Масленицы. Во время мясоеда для приготовления пищи использовали «мясник» — скоромный горшок, в котором варили мясо. Слово «мяскасть» означало просить, требовать в пост мяса и вообще мясной пищи. В южных губерниях было распространено слово «мясницы», означавшее скоромные дни — «мясоед», «мясоед». Все эти слова воплотились в пословицах и поговорках: «Мясное в мясоед, а постному свой черед»; «Рад бы хоть в пост, да и в мясоед не дают»; «Бог даст совет, так и в пост мясоед»; «За совет, все мясоед»; «Бился, колотился, мясоед прошел, а все не женился». В повседневной лексике были распространены и такие слова, как «мясоедный», «мясоестный», т.е. относящиеся к мясоеду, к скоромному. «Мясоеденье» («мясоестие») означало употребление мясной пищи, пору скоромной еды, «мясоед». А слово «мясопустье», или «мясопуца», означа-

---

²⁸Даль В.И. Толковый словарь... Т. 4. С. 204—205.

ло день, в который, по церковному уставу, мясная пища запрещалась, т.е. «заговенье». К нему относится воскресный день за 56 дней до Пасхи, мясное заговенье, канун «масляны» (масляницы) и поста. Прилагательное «мясопустный» понималось как «к мясопустью относящийся». В крестьянском быту употребительным было и слово «промежговенье» («межговение», «мясо-ястие», в Сибири — «промежго'нье), означавшее «зимний мясоед», начинавшийся с Рождества Христова до Великого поста, точнее, до Масленицы²⁹.

Синонимом прилагательного «скромный» служило слово «молосный» — производное от «молочный», означавшее не только молочную, но и всякую скромную пищу. Соответственно, глагол «молочнить» (молосниться) имел значение «скоромить» («измолочнилась», т.е. оскромилась); существительное «молосник» (молочница), или «скромник», относилось к человеку, не соблюдающему постов. В повседневном быту пользовались утварью, предназначенной как для скромных дней, так и для дней поста. Например, «молистик» — название молочной кринки (Владимирская губ.); «молюстка» — молочный горшок (Таврическая губ.); «молюстовка» — молочный горшок или корчага для сбивания русского (сливочного) масла, а также горшок или корчага, обвитый берестой («Много новых горшков перебито, а молюстов другой век служит»); «дойница» — название большого молочного горшка (Тамбовская, Рязанская и Владимирская губернии). Возможно, слово «молюстовка» имело происхождение от церковнославянского «мелзти» (мельзити) — доить³⁰. Кстати, в XIX в., крестьяне, воздерживаясь в дни постов от определенной пищи, переносили понятие «скромное», как запретное, недопозволенное, и на предметы быта. Почти каждая деревенская хозяйка считала своим долгом иметь «постную» посуду — горшки, миски, ложки, которыми пользовалась только в дни поста³¹.

Вся хозяйственная, трудовая жизнь русского народа, равно как и праздничная, была ориентирована на время поста и мясоеда. Так, «осенний мясоед» начинался с Успения Пресвя-

---

²⁹ Он же. Толковый словарь... Т. 3. М., 1990. С. 495; Т. 2. М., 1989. С. 374.

³⁰ Он же. Толковый словарь... Т. 2. С. 334.

³¹ Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 376. Л. 9—10, 16—18; Д. 339. Л. 47.

той Богородицы (15 августа) и продолжался до начала Рождественского поста (14 ноября). К празднику Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября) завершались все основные полевые работы. «Зимний мясоед» начинался с Рождества Христова (25 декабря) и продолжался до Масленицы, после нее начинался Великий пост. С его окончанием наступал первый «летний мясоед». Через неделю после праздника Святой Троицы наступал Петров пост. С Петрова дня (29 июня) до «Спасовок» (1 августа) шел второй «летний мясоед», когда можно было есть скоромную пищу, а после Успенского поста вновь следовал осенний мясоед.

Чередование постных и праздничных дней задавало ритмичность народному календарю, в котором праздники сменяли будни; после работы было положено отдыхать, после продолжительных дней поста с его ограниченным рационом наступали дни сытной еды³².

По мнению С.М. Толстой, изучавшей соотношение христианского и народного календаря у славян, оппозиция «постный — скоромный» занимала важное место в числе других универсальных семантических оппозиций³³.

Наиболее ярко и достоверно идеал русского праздника воплотился в произведениях И.С. Шмелева. Это прежде всего роман «Лето Господне», построенный на трех вечных сюжетах: праздники — радости — скорби, которые обнимают весь церковный год³⁴. «Причем, абсолютные ориентиры (Великий пост, Благовещение, Рождество, Святки, Крещение — это главы книги, совпадающие с этими ориентирами), оставаясь вечно значимыми для христианского мира, никогда не исчерпываются»³⁵. Глава «Праздники» начинается с Великого поста, им же и заканчивается. Роман построен на многочисленных диалогах юного Шмелева со своим воспитателем М.П. Горкиным, благодаря ко-

---

³²Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX—начало XXв.) // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120—153.

³³Толстая С.М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 168.

³⁴Здесь и далее цитаты приводятся по: Шмелев И.С. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 4. Богомолье: Романы. Рассказы. М.: Русская книга, 1998.

³⁵Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 260.

торому ему становится понятным значение и величие каждого праздника, а также поступки людей не только из ближайшего окружения отца, московского купца³⁶, но и других обитателей Замоскворечья.

В целом можно сказать, что лексика постов и праздников занимала достаточно большое место в истории русской языковой культуры. В XX в. в разговорном языке еще продолжали бытовать старинные слова и выражения, связанные с практикой поста и праздника, но постепенно исчезли церковнославянизмы, многие пословицы и поговорки можно встретить разве что в классической художественной литературе. А с исчезновением ряда диалектизмов ушел большой пласт слов и выражений, имеющих отношение к посту, которыми была так богата фразеология традиционной культуры в прошлом. Многие слова, например, связанные с практикой поста, в академических изданиях приводились как архаизмы³⁷. Вместе с тем существующая в настоящее время практика соблюдения постов и отмечаемых праздничных дней по-прежнему характеризуется преемственностью наиболее значимых слов и выражений и их устойчивым бытованием в русском языке.

Заговенье. Пост как преддверие праздника

По церковному уставу верующие соблюдают четыре многодневных поста, каждый из которых завершается определенным христианским праздником. Великий пост приурочен к Пасхе, дню Светлого Христова Воскресения, Петров пост — памяти святых первоверховных апостолов Христовых Петра и Павла, Успенский пост — Успению Божьей Матери, Рождественский пост — ко дню Рождества Христова. Дни Рождества Христова и Успения Божьей Матери, являются непереходящими праздниками: Рождественский пост начинается 15/28 ноября и кончается 24 декабря/6 декабря в день Рождества Христова. Успенский пост продолжается с 1/14 по 14/27 августа и заканчивается в день Успения Пресвятой Богородицы. День Пасхи — перехо-

---

³⁶Грико Т.И. История семьи Шмелевых // И.С. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века. Алушта, 1998. С. 73—74.

³⁷Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд. М., 1990. С. 567; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 88, 559, 714.

дящий праздник, следовательно, и Великий пост каждый год начинается в разные дни. От дня празднования Пасхи зависит и продолжительность Петрова поста, точнее, его начало, ибо конец его всегда приходится на день памяти святых апостолов Петра и Павла (29 июня/12 июля).

Однодневные посты соблюдаются по средам и пятницам (седмичные посты) в течение всего года: в среду — в воспоминание предания Спасителя на Страдание, а в пятницу — в память самого Страдания и Смерти Его. В эти дни разрешается только растительная пища без растительного масла, если они не приходятся на праздники.

Исключение составляют сплошные седмицы, к которым относятся седмица о мытаре и фарисее, святки (время от Рождества Христова до Крещенского сочельника), Сырная (Масленица), Пасхальная (Светлая седмица) и Троицкая недели, когда можно есть все. После Пасхи до дня Святой Троицы по средам и пятницам разрешается рыба.

Однодневные посты соблюдают в Рождественский (24 декабря) и Богоявленский (5/18 января) сочельники, в день Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи (29 августа/11 сентября) и в день Воздвижения Креста Господня (14/27 сентября).

От Масленицы — к Великому посту

Из четырех многодневных постов Великий пост, или Святая Четыредесятница, — самый продолжительный и строгий. За собственно Четыредесятницей (шесть недель) следует Страстная седмица в воспоминание страстей Христовых, которые добровольно принял на Себя Спаситель мира во искупление грехов человеческих. Страстная седмица заканчивается Пасхой, или Христовым Воскресением. Воскресение из мертвых Иисуса Христа во плоти — прообраз всеобщего воскресения из мертвых всех людей, так же во плоти, в день Страшного суда и обетование жизни вечной, уготованной Богом для всех праведников.

Подготовка к длительному посту начинается за пять воскресений до его начала, т.е. за четыре седмицы. Подготовка начинается с «недели» (Воскресения) (неделя — от слова «не делать», т.е. не работать в праздничные дни), в которую вспомнят об евангельском мытаре Закхее (Лк. 19, 1—10), который, в отличие от иудейских книжников и фарисеев, уверовал в Сына Божия и искренне покаялся в грехах не на словах, а на деле.

В воскресенье — в начале следующей седмицы — вспоминают евангельскую притчу о мытаре и фарисее — иначе, притчу о покаянии истинном и показном: о возвышении смиренных и низвержении гордых (Лк. 18, 9—14). На этой неделе Церковь отменяет два постных дня в знак последования своих чад примеру мытарева смирения, указывая таким образом верующим на опасность заразиться фарисейской гордыней. Поэтому эта неделя названа «сплошной». Другое название — «всеядная» — связано с тем, что во все дни этой недели (включая среду и пятницу) Церковь позволяет «всеястие», т.е. употребление любой пищи.

Третья подготовительная седмица идет после воскресенья, названного «неделей о блудном сыне». Из притчи о блудном сыне следует, что любые преступления и грехи могут быть прощены Богом путем истинного покаяния, которое омывает человеческие грехи. О покаянии возвращающегося к Нему грешника Бог радуется более, чем о жизни праведников, ибо это радость о тех, кто «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15, 32). В субботу этой седмицы празднуется Вселенская родительская (мясопустная) суббота, входящая в число дней, когда поминают умерших. Воскресенье в конце этой седмицы известно как «Неделя мясопустная». Оно посвящается Суду Христову над миром и всеобщему воскресенью из мертвых всех от века усопших, поэтому получило название «неделя о Страшном суде». В этот день последний раз можно есть мясо, далее наступает заговенье на мясо.

С началом следующей седмицы — «сырной», или «сыропустной», более известной как Масленица, — церковный устав предписывает воздержание от мяса. Это последняя перед Великим постом неделя. На седмице, расположенной между «сплошной» и масленой, мясопуст сочетается с постными днями — средой и пятницей, поэтому в народе эту неделю называют «пестрой». Среда и пятница этой действительно «пестрой» седмицы — «великопостные»; в эти дни не полагается совершать даже Божественную литургию, и весь порядок богослужений имеет особенность, относящиеся к посту. На Масленице разрешается во все дни есть рыбу, яйца, масло, сыр и другие молочные продукты. Народный обычай и в городе, и в деревне отмечать Масленицу веселыми играми и гуляньями, а также помянуть предков блинами сохранился до наших дней. Запрет на мясо в эти дни уже сам по себе служит напоминанием о предстоящем посте.

Последнее воскресенье перед Великим постом — «неделя сыропустная» — имеет особое название: «прощеное воскресенье», или «прощеный день». Церковь вспоминает о «первородном грехе» человечества, поэтому второе, литургическое название этого воскресенья — «вспоминание Адамова изгнания» («изгнание Адама из рая»). Прощеное воскресенье — кульминация подготовительного периода к Великому посту. В этот день принято прощать друг другу обиды, чтобы на следующий день с чистой совестью начать Великий пост. Традиция посещать в конце Масленицы родных сохраняется и сейчас.

На Великий пост приходятся церковные праздники, когда пост ослабляется, к некоторым из них, по народной традиции, издавна выпекали особое печенье. Так, на четвертой неделе, в среду, исполняется половина Святой Четыредесятницы и совершается поклонение Честному и Животворящему Кресту Господню. В народе ее называли Крестопоклонной, Средокрестной, Крестовой и повсеместно из пресного теста пекли кресты.

«В субботу третьей недели Великого Поста у нас выпекаются кресты: подходит „Крестопоклонная“, „Кресты“ — особенное печенье, с привкусом миндаля, рассыпчатое и сладкое, где лежат поперечинки креста — вдавлены малинки из варенья, будто гвоздочками прибито. Так спокон веку выпекали еще до прабабушки Устины — в утешение для поста. Горкин так наставлял меня: — Православная наша вера, русская... она, милоч, самая хорошая, веселая! и слабого облегчает, уныние просветляет, и малым радость. И это сущая правда. Хоть тебе и Великий Пост, а все-таки облегчение для души, „кресты-то“» (И.С. Шмелев). Но не везде кресты делали крестообразной формы. В Рязанской губ. чаще пекли обычную пресную пышку по типу просфоры из ржаной муки с изображением на ней креста (Пронский у.).

Подробное описание этой традиции есть в статье Л.А. Тульцевой, которая приводит также значительное число названий этого праздника в разных регионах России, например, «Средокрестный день» (Новгородская обл.), «Крестова середа» (Нижегородская обл.), «Сладохрестье» (Рязанская обл.), «Покрестники» (Тульская обл.) и др.³⁸

---

³⁸Тульцева Л.А. Средокрестный день русского аграрного календаря: мифосемантика обычаев и фольклорных образов // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. С. 410—459.

Традиция выпекать кресты практически исчезла, хотя в последнее десятилетие в некоторых приходах Москвы с возрождением православных традиций стали печь кресты для детей.

На Великий пост приходятся «сороки» — день сорока мучеников в Севастийском озере мучившихся (9/22 марта). В этот праздник пост ослабляется, и если он приходится не на субботу или воскресенье, то можно есть пищу с растительным маслом.

На время Великого поста приходится и один из великих двенадесятих праздников — Благовещение Пресвятой Богородицы, установленный в память явления Божьей Матери архангела Гавриила с благой вестью о зачатии Иисуса Христа (25 марта/7 апреля). Праздник Благовещения открывает последовательный ряд описанных в Новом Завете событий воплощения, земной жизни и служения, крестной смерти и светлого Воскресения Господа Иисуса Христа. Его духовное содержание — раскрытие великой, непостижимой человеческому уму тайны воплощения Сына Божьего от Девы, предреченного еще в Ветхом Завете святым пророком Исаией в VIII в. до Рождества Христова.

Благовещение Пресвятой Богородицы может приходиться на разные дни Великого поста или даже Пятидесятницы, периода после Светлого Христова Воскресения (такая Пасха именуется в церковной традиции «Кириопасхой», по-гречески — «Пасхой Господственной»). В зависимости от этого рацион допустимой пищи существенным образом меняется.

Если указанный праздник попадает на Великий пост и до праздника Входа Господня в Иерусалим включительно, то в этот день пост ослабляется и допускается есть рыбные блюда. Если Благовещение приходится на дни Страстной седмицы — с Великого понедельника по Великую субботу, то в дни праздника разрешается вкушение только постных блюд; исключаются и рыбные блюда. А если Благовещение совпадает с днем Пасхи или приходится на Светлую седмицу, то можно есть любые блюда.

В конце шестой седмицы Великого поста — в воскресенье — Церковь празднует день Входа Господня во Иерусалим, а именно прославление Иисуса Христа перед Его крестной смертью для показания, что страдания Спасителя были вольные. Указание на этот праздник впервые встречается в практике Иерусалимской церкви, а в IV—V вв. к этому дню в Иерусалим

стекались паломники³⁹. Паломница римлянка Эгерия (Эгерия) оставила письма, в которых подробно описала праздники. По ее словам, это было время «первого пения петухов» юной христианской веры⁴⁰. Согласно обычаю в указанный день несли «ваии» (ветви финиковой пальмы) как символ победы; такими ветвями встречали Спасителя. Отсюда и название — «Неделя вайи», или Цветоносная, Цветная (в Восточной церкви этот день известен как «Пальмовое воскресенье»). В России издавна было принято освящать распускающуюся в данное время года вербу, что и дало название дню — Вербное воскресенье (цветоносное), а всю неделю в народе называют *Вербной*, *Вербницей*, *Вербич*.

В Вербное воскресенье разрешается есть рыбу. В субботу перед Вербным воскресеньем — в день воскресения праведного Лазаря, жившего в селении Вифания близ Иерусалима, или Лазареву субботу — можно вкушать только рыбную икру, но не рыбу. Кроме того, в дореволюционной России принято было печь постные блины.

После Вербного воскресенья наступают Великие дни, или Страстная седмица. В храме читают Евангелие Страстей Христовых, т.е. Страданий Христовых, в воспоминание о том, как Он был предан Иудой Искариотом, взят под стражу, бичеван и распят на кресте. Пост на этой седмице строже, чем в предыдущие недели. Каждый день седмицы имеет название — Великий понедельник, Великий вторник и т.д. Эту неделю в народе называют также Белой, или Чистой, потому что верующие начинают готовиться к Пасхе, т.е. стараются чаще посещать храм, сохранять духовную и телесную чистоту, убирать в доме.

Из всех дней последней седмицы в народной традиции выделяется Великий четверг (Страстной, Чистый, Великий Четверток). Этот день установлен Церковью в воспоминание Тайной Вечери, на которую Иисус Христос собрал своих учеников в первый день иудейской Пасхи. На этой трапезе Спаситель преломил хлеб, и, раздавая его ученикам, сказал: «примите, ядите: сие есть Тело Мое». И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: «пейте из нее все; Ибо сие есть Кровь Моя нового завета,

---

³⁹Скабалланович М. Указ. соч. С. 251—252.

⁴⁰К источнику воды живой: Письма паломницы века. М., 1994. С. 185, 201—217; Кулькова Н.А. Об авторе «Истории египетских монахов» // История египетских монахов. М., 2001. С. 87.

за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26—28). Так впервые Иисус Христос установил таинство Евхаристии, заповедав совершать его в дальнейшем.

В Великий четверг вечером (на всенощной) совершается утренняя с чтением 12 Евангелий Святых Страстей Иисуса Христа, на которой верующие стоят с зажженными свечами. Особое значение придается не только освященному огню, но и самой свече. Ее не гасили после службы, а придя домой, свечой выжигали на косяках дверей и окон кресты с охранительной целью. Этот обычай соблюдается и поныне.

В народе раньше придавали большое значение четверговому хлебу, поэтому в воспоминание о преломлении хлеба на Тайной Вечери подавали в храме заздравную просфору, по силе своей равнозначную благовещенской. В Великий четверг пекли куличи, красили яйца (фуксином или луковой шелухой). Особо строгий пост соблюдается в пятницу — Великий пяток. Уроженец Воронежской губ. И. Столяров в своей книге «Записки русского крестьянина» писал: «С середины недели мать начинала готовиться к празднику Пасхи, к встрече светлого Христова Воскресения. Она постилась с 12-ти часов Великого Четверга до конца пасхальной обедни. Три дня жила без еды, продолжая исполнять все работы — уход за скотиной и приготовление к празднику Пасхи: хорошенько вычистить избу, приготовить разные кушанья и т.д. Их тех дней без пищи мать проводила две ночи совсем без сна. Для меня, малыша, это было непонятно. „Мама, ты умрешь с голоду, — говорил я, — Как ты делаешь, чтобы не чувствовать голод?“ В ответ на мой вопрос она говорила, улыбаясь: „А ты попробуй: не ешь, может ты и не умрешь“. Я пробовал не есть, но у меня ничего не выходило. Я еще выдерживал до обеденного часа, но потом у меня под ложечкой так сильно начинать сосать, что я умолял мать дать мне „хоть“ маленький кусочек хлебца. Это трехдневное воздержание от еды перед Пасхой мать соблюдала в течение всей жизни».

«В Великий Четверг мы с братом ходили к „стоянию“, так называется чтение Двенадцати Евангелий. Мы думали, что он кончается в полночь (т.е. в 12 часов ночи). На самом деле мы не знали, когда чтение начинается и когда оно кончается. При начале чтения первого Евангелия мы зажигали свои свечи и тушили их по окончании каждого Евангелия. Так повторялось двенадцать раз. Мы, дети, а иногда и взрослые, чтобы сосчитать, сколько

Евангелий прочитано, отламывали кусочек воску от свечи и лепили из него шарик. После двенадцатого Евангелия зажженную свечу несли домой и старались сделать все возможное, чтобы защитить ее от ветра. Иногда окружали свечку шарообразным бумажным фонариком, красного, желтого или оранжевого цвета. Тот, кому удавалось донести свечку до дома под полой или же просто между двумя ладонями, сложенными в форме шара, считался особенно ловким»⁴¹.

В 1920-е годы в Касимовском у. Рязанской губ. в Великий четверг рано утром до восхода солнца тоже пекли куличи из пшеничной и ржаной муки, сверху их посыпали сахаром, делали пасху из сладкого творога, а потом освящали в храме накануне праздника. В Скопинском у. куличи называли «пасхами»⁴².

К.М. Веригин также вспоминал, как «...вся страна готовилась шесть недель к великим и строгим дням Страстной седмицы. На эти дни дети выпускались из школ, работа теряла свой смысл, все ждало радости Воскресения... Но не то было у хозяек. Со Святого четверга в домах начиналось оживленное приготовление всевозможной пасхальной снеди. К нам же, в детскую, приносили две сотни горячих яиц, сваренных вкрутую, пакетики с красками и большие круглые чашки. Сто яиц красились для стола, сто — для „людей“. Многие заворачивались в цветные бумажки, дающие особые мраморные разводы. Умевшие рисовать расписывали настоящие писанки: вся яичная скорлупка расцветала церквями с яркими куполами, весенними полями и цветами, зайчиками и цыплятами... Раскрашивать яйца было большим удовольствием для детей, о чем долго вспоминали потом, когда Пасха была позади»⁴³.

Пасха. Пасхальные разговины

Для русского человека наиболее важным днем в году была и остается Пасха — «царь дней», «торжеств торжеств», «праздник из праздников», завершавший самый длительный и строгий Великий пост. В православной традиции праздник Пасхи затмевает величие праздника Рождества Христова, ибо духовное воскресение считается важнее земного рождения.

---

⁴¹Столяров И. Записки русского крестьянина. Париж, 1986. С. 85—86, 88.

⁴²РИАМЗ. ЭА ОИЭРК. Кн. 1. №5. Л. 2; Кн. 3. №39.

⁴³Веригин К. Жизнь в ее ароматах... // Родина. 1997. №6. С. 103—107.

В современной России, согласно церковной традиции, с Великой субботы после окончания литургии освящаются в церкви небольшая конусообразная горка сладкого творога с изюмом — «пасха», высокий пасхальный кулич из сдобного теста и вареные яйца, ими разговляются в воскресенье после праздничной заутрени.

Название «Пасха» ведет свое происхождение от иудейского праздника пасхи (песах), в воспоминание об исходе евреев из Египта. Праздник отмечался весной, и главным обрядовым хлебом были опресноки — пресный хлеб.

Особенностью дня новозаветной Пасхи является обычаем освящать особой молитвой круглый хлеб — «артос» (по-гречески — хлеб), или «просфору всецелую», который в отличие от иудейских опресноков был квасным. Он находится в храме всю пасхальную — Светлую седмицу на аналое перед иконостасом, а в пасхальную субботу его разделяют на небольшие кусочки и раздают прихожанам во всех православных храмах России как благословение в воспоминание о пребывании с нами Спасителя⁴⁴. Верующие хранят артос как святыню и стараются вкушать его чаще всего в случае болезни. Этот обычай сохраняется донныне. Существует предание, согласно которому апостолы во время трапезы оставляли за столом одно место и клали перед ним хлеб (артос) в знак незримого присутствия среди них Христа.

По сути, пасхальный кулич — это тот же артос, однако он приготовлен в домашних условиях и в Великую субботу освящается (окропляется) святой водой священником, после чего уподобляется артосу. Кулич — главное и неизменное украшение праздничного стола. Его выпекают из сдобного дрожжевого теста разных размеров, но высокой и круглой формы. Круглая форма кулича объясняется тем, что, по преданиям, саван Иисуса Христа, похороненного по иудейским обычаям, был круглой формы.

Празднование Пасхи заповедали святые апостолы: «Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы безквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1 Кор,

---

⁴⁴ППБЭС. Т. 1. Стб. 238.

5, 7—8). До смерти Христа он и его ученики ели пресный хлеб, а после воскресения Христа из мертвых — квасной (дрожжевой) хлеб, что отразилось на приготовлении пасхальных куличей. Поэтому кулич называют «домашним артосом» по подобию пасхального, церковного артоса.

Радость подготовки к пасхальным разговинам на всю жизнь запомнил и К.М. Веригин (1898—1982): «поднимался сдобный, теплый и веселый дух куличей, полный ванильной задронности и душистости, удивительно вкусной и праздничной. Казалось, он всюду проникал и вся страна начинала им пахнуть»⁴⁵.

В советский период кулич заменяли кексы «Весенний» или «Майский», состав которых был приближен к составу старинного кулича. В настоящее время в преддверии Пасхи куличи пекут государственные и частные предприятия, учитывая повышенный спрос на них. Во многих семьях до сих пор сохраняется множество старинных рецептов, в основе которых лежит приготовление сдобного теста из муки высшего сорта, замешанного на молоке с добавлением сливочного масла, яиц, сахара, изюма, цукатов, миндаля, ванилина, цедры лимона и других пряностей. Небольшие куличи обычно пекут в раздвижной форме, которая сохраняется только у некоторых хозяек, чаще — в обычных банках из-под консервов, которые доступны каждому. Названия куличей зависят от основных составляющих: «Миндальный», «Шоколадный», «Шафранный» и т.д.

В южных областях Российской Федерации, а также на Украине и в Белоруссии кулич по-прежнему называют «пасхой», или «паской».

Непременный компонент пасхальной трапезы — творожная «пасха», которую верующие готовят разными способами. Для приготовления «сырой» пасхи к протертому творогу добавляют сливочное масло, сметану или сливки, яйца и сахар. С учетом вкусов и возможностей в пасху кладут изюм, орехи, цукаты, сироп от варенья, лимонную цедру, корицу и т.д. В зависимости от состава готовая пасха называется «Царская», «Красная», «Боярская», «Заварная» и т.д.

Можно также перетереть по частям творог через сито или через мясорубку, в миксере, добавить часть сахарной пудры, растертое сливочное масло, сметану. Основную часть сахара рас-

---

⁴⁵Веригин К. Указ. соч. С. 103—107.

тирают с яйцом, чаще с желтком, добела. Затем сахарно-яичную смесь добавляют к творожно-масляной и растирают вместе, потом добавляют круто взбитые сливки, а в самом конце — изюм, цукаты и орехи и перемешивают. Заварную пасху, в отличие от сырой, проваривают, и она хранится дольше. Для ее приготовления все или часть продуктов растирают и смешивают в той же последовательности. По традиции, творожную пасху, завернутую в марлю или хлопчатобумажную ткань, выкладывают в «пасочницу» — деревянную разъемную форму, состоящую из четырех дощечек, скрепленных небольшими деревянными гвоздями. На внутренней стороне одной из них вырезаны символы праздника — буквы «ХВ» (сокращенное от «Христос воскрес»), крест и растительный орнамент, отражающие радость воскресения к новой жизни. Примерно через сутки сыворотка полностью стекает, форму разбирают, а на твороге в виде четырехгранной пирамиды остаются четкие отпечатки символов. Сырная пасха олицетворяет Голгофу — горную возвышенность в Иерусалиме, на которой распяли Христа. Старинные пасочницы делали также из металла со штампованными углублениями. В последнее десятилетие в продаже появились пластмассовые формы. Некоторые верующие для приготовления пасхи готовят такую же сладкую массу и заворачивают в марлю, которую подвешивают, чтобы стекла сыворотка. Готовую массу круглой формы выкладывают на тарелку и украшают цукатами или изюмом в виде креста.

Очень важно, что в каждой семье в подготовке к празднику самое живое участие в окраске яиц принимали участие дети, которые «начинали заготавливать краски, резали цветные бумаги, щипали разноцветные ниточки, заготавливали луковую шелуху, — и в Великий четверг торжественно красились яйца»⁴⁶. В настоящее время продолжают окрашивать яйца травами, цветными нитками и лоскутками.

Современная традиция красить вареные яйца в красный цвет и обмениваться ими друг с другом при возгласе «Христос воскрес!» ведет свое происхождение с первых веков христианства. Церковное предание сообщает, что первой так поступила святая Мария Магдалина, которая поднесла красное яйцо в дар

---

⁴⁶Рыбникова М.А. Горбовская хроника. По архивам семьи Щукиных. М., 1919. С. 33.

императору Тиверию со словами «Христос воскрес!». Яйцо служит символом гроба и возникновения жизни в самых недрах его; красный цвет яйца знаменует наше возрождение кровью Христа⁴⁷.

Современные верующие следуют этой традиции, хотя помимо красного цвета куриные яйца красят отваром луковой шелухи. В зависимости от продолжительности варки яйца могут иметь желтый или красно-коричневый цвет. В прежние времена использовали отвары из сушеных ягод бузины, листьев березы, синих подснежников и других растений, свекольный сок и т.д. Окрашенные таким способом яйца называются «крашенки», а те, что иногда расписывают различными растительными узорами или орнаментом от руки акварельными или другими красками, — «писанки». Вместе с тем в последнее десятилетие получило широкое распространение украшение вареных яиц уже готовыми картинками с изображениями евангельских событий, переводными картинками и т.д. При освящении яиц их нередко помещают в блюдо со свежими зелеными ростками пшеницы или кресс-салата, что еще больше подчеркивает яркие цвета и затейливые узоры пасхальных яиц.

Пасхальная трапеза после окончания праздничного богослужения всегда отличалась торжественностью и обилием особых блюд, среди которых освященные в храме кулич, пасха и яйца занимали центральное место. Праздник Пасхи ожидали с большим нетерпением, предвкушая обильный и сытый стол, вкусные блюда, общение с близкими за совместной трапезой.

И. Столяров помнил, как торжественно обставлялось возвращение родных из церкви: «Розговенье кончается перед рассветом. Я прихожу из церкви домой и христосуюсь с матерью, которая не могла быть в церкви, т.е. целую ее три раза со словами: „Христос воскрес!“ и все поздравляют друг друга с праздником Воскресения Христова и садятся разговляться»⁴⁸.

Слово «трапеза» пришло в русский язык из Византии. Еще в Древней Греции так называли не само застолье с угощением, а небольшой столик, который ставили рядом с ложем. С распространением христианства трапезой стали называть совместный ужин; этим словом обозначали не только застолье, пищу,

---

⁴⁷ ППБЭС. Т. 2. Стб. 1767—1768.

⁴⁸ Столяров И. Указ. соч. С. 85—86, 88.

но и престол в алтаре храма. Название трапезы получила также часть храма (внутренний притвор), в которой ели, а в монастырях аналогично ему называлось то помещение, где для монахов устраивался обед⁴⁹.

В художественной литературе есть немало красочных описаний пасхальных разговин в прежней России, тем не менее наиболее ярко встреча Пасхи и праздничное застолье описаны в романе И.С. Шмелева «Лето Господне»: «И все накрыло великим гулом, чудесным звоном, из серебра и меди. Христос воскрес-се из мертвых... — Ну, Христос воскрес... — нагибается ко мне радостный, милый Горкин. Трижды целует и ведет к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевельником. ...смертью смерть ... по-пра-ав!.. Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная».

Благодаря И.С. Шмелеву была точно воссоздана картина старинного обычая, когда в праздничном застолье принимал участие весь дом, поэтому на Пасху хозяева разговлялись вместе с чадами и домочадцами, включая прислугу. Поскольку отец писателя был связан с подрядными работами, в доме проживало немало простого народу — ремесленники, плотники, каменщики, маляры и другие мастера своего дела. Оттого и разговоры устраивались на 150 человек; для их угощения выпекали 100 куличей: «У нас не как у Жирнова там, не калачами разгавливаемся, а ешь по закону, как указано». И в семье Шмелевых эти законы свято соблюдали. И если булочник Воронин своих рабочих угощал на праздник только рубцом, то у Шмелевых рабочим рубец подавали сначала на закуску, а потом уже начинался настоящий пир. Горкин не без гордости перечислял: «Грудинки взял у Богачева три пудика, да студню заготовили от осьми быков, во как мы! Да лапша будет, да пшеник с молоком. Наше дело тяжелое, нельзя. Землекопам особая добавка, ситного по фунту на заедку. Каждому по пятку яичек, да ветчинки передней, да колбасники придут с прижарками, за хозяйский счет... все по четверке съедят колбаски жареной. Нельзя. Праздник». «Розговини для всех» начинались с радостного возгласа «Христос Воскресе!» и христосования, потом приступали к трапезе: «Весело глазам: все пестро. Куличи и пасхи в розочках, без конца. Крашенные яички, разные, тянутся по столам, как нитки» (И.С. Шмелев).

---

⁴⁹ППБЭС. Т. 2. Стб. 2172.

Та же радость встречи пасхальной заутрени есть и в воспоминаниях еще одного выходца из московской купеческой семьи, Н.М. Шапова: «Дома парадно накрытый стол. Блестит кипящий самовар (прислуга ушла из церкви после заутрени), пестрая скатерть вся заставлена единственной в году едой: пасха, кулич, красные яйца, ветчина. Ах, как все вкусно! Пасха сладко тает во рту, на языке остается коринка, крошечки душистого миндаля. Кулич внутри весь янтарно-желтый, ноздреватый, с изюмом. Снаружи вкуснейшие корочки, утыканные поджарившимся миндалем»⁵⁰.

В некоторых купеческих семьях хозяйки искусно делали еще какие-нибудь оригинальные блюда, например, барашка из сливочного масла, лежащего на тарелке: «Рога заменялись восковой свечой..., глаза делали из корицы, а в рот барашку клали немного зелени, которая висела вниз, изображая траву»⁵¹.

Интересно, что В.В. Розанов, бывший в 1901г. в Риме накануне католической Пасхи, с удивлением обнаружил, что итальянцам не знакомо такое радостное чувство, как момент «разгавливания»: «То ли дело у нас: какое веселое и даже прямо восхитительное зрелище предоставляют в Петербурге и Москве кондитерские в Великую субботу, а также и каждый дом, всякая семья. Все еще уныло, везде — пост, но завтрашний день — „красное яичко“ среди будничных некрашенных яиц. Минута уныния, которому завтра конец, — прекрасна». Именно в разделении календарного года на пост и мясоед писатель видел объяснение характера русского человека: «Он живет не ровным темпом, а полосами, порывами, в сущности — увлечениями, то в сторону грусти, то в сторону необузданного веселья и всяческого невоздержания»⁵².

Разгавливание раньше Светлой заутрени считалось недопустимым: «Кто до освященной пасхи другой едой разговляется, тот целый год хворать будет»⁵³.

---

⁵⁰Шапов Н.М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М., 1998. С. 73.

⁵¹Волкова А.И. Воспоминания, дневник, статьи. Нижний Новгород, 1913. С. 12.

⁵²Розанов В.В. Пасха в соборе св. Петра // Розанов В.В. Среди художников / Сост., подг. текста и вступ. ст. А.Н. Николюкина. М., 1994. С. 28—30.

⁵³Лейкин Н.А. После Светлой заутрени // Писатели чеховской поры. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982. С. 32.

Существовал еще один очень старинный обычай в прежней России, когда священник ходил по своему приходу с иконами в сопровождении народа. Это называлось «ходить за Богоматерью». После славления членам причта «христосовали» пасхальные яйца. А в Вологодской губ., помимо яиц, их одаривали еще и пряниками. Пряники были трех видов: «суропленики», «косники» и «листовики». Суроплениками назывались большие белого и красного цвета «именные» или «сыропные» пряники продолговатой формы, снабженные надписанными на них именами. «Косниками» назывались пряники трапециевидной формы из крупитчатой муки, почти безвкусные. На них имелись изображения петуха, корабля и т.д. «Листовики» — это те же косники, но прямоугольной формы только тоньше, мягче и вкуснее. Пряников собиралось иногда так много, что священникам хватало их по крайней мере на полгода. Кроме яиц и пряников членам причта давали пироги, витушки и колобки. Пироги пекли из ячной муки, продолговатой формы, посыпанные крупой. «Витушки» — маленькие крендельки, имеющие форму буквы «в»; их выпекали из ячной муки, замешанной на масле. «Колобки» тоже пекли из ячной муки, только они имели форму круглого каравашка. Пирогов собиралось очень много, по одному-два с дома; их сушили или продавали кому-нибудь из прихожан. Кроме того, во многих домах по желанию хозяев служились молебны, читались акафисты. В каждой деревне причту полагалось угощение⁵⁴.

Пасхальные разговоры в народной среде включали традиционные для каждой местности блюда. Так, в Вологодской губ. на Пасху крестьяне ели щи с овсяной крупой из телячьего осердья, студень из телячьих или овечьих ног, молодое ссевшееся молоко. Пироги с разной начинкой — «рогульки» картофелные и крупяные — носили к заутрене для освящения вместо куличей (Вологодский у.)⁵⁵. В Пельшемской вол. Кадниковского у. «рогульки» называли «лесенкой», а в Двиницкой вол. соченья с овсяной крупой именовались «онучками»: крестьяне верили, что со дня святой Пасхи Иисус Христос ходит по земле и в день Вознесения поднимается на небо⁵⁶.

---

⁵⁴АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 108. Л. 16.

⁵⁵Там же. Д. 131. Л. 24.

⁵⁶Там же. Д. 231. Л. 12.

После праздника Пасхи следует сплошная пасхальная седмица — «Святая неделя» (Праздная, Светлая, Великоденская, Радостная). Пост в среду и пятницу отменяется: «разрешение на вся». В течение Светлой седмицы устраивают «целодневный» звон в знак торжества церкви, празднующей победу Христа над смертью и адом. Праздник Пасхи продолжается 40 дней в память 40-дневного пребывания Христа на земле по воскресении⁵⁷.

В следующий за пасхальной седмицей период от Антипасхи до праздника Пятидесятницы пост в среду и пятницу возобновляется, но по уставу в эти дни можно есть рыбу.

Вознесение Господне

На 40-й день после Пасхи отмечается Вознесение Господне — один из великих (двунадесятых) праздников, поэтому он всегда приходится на четверг. По церковному преданию, Иисус Христос не раз являлся апостолам по Своем Воскресении, научая их основам созидания Церкви и распространения новой веры, а в последний день пребывания на земле Иисус Христос явился апостолам, благословил их и вознесся на небо (Деян. 1, 9). В IV—V вв. на Востоке праздник стал уже всенародным⁵⁸. По значению это великий праздник, показывающий, что в план Божественного домостроительства о спасении человека входит и то, что касается прославления человеческого естества, «обожения» тела.

В прежние времена в этот день крестьяне пекли продолговатые пироги, украшенные сверху поперечными перекладинами. Пироги называли «лесенками» (лестнички), причем полагалось делать семь перекладин. Вообще, еще в древности числу «семь» придавалось большое значение и считалось, что имеется всего семь небес и семь подвижных светил. Сейчас эта традиция уже не соблюдается.

День Святой Троицы — Пятидесятница

День Пресвятой Троицы, или Пятидесятница празднуется в десятый день после дня Вознесения Господня и приходится на

---

⁵⁷ ППБЭС. Т. 2. Стб. 1767—1768.

⁵⁸ Скабалланович М. Указ. соч. С. 263.

50-й день после Пасхи. Он называется также днем Сошествия Святого Духа на апостолов, потому что во время праздника Пятидесятницы в Иерусалиме на Сионской горе появился Божественный огонь в виде множества языков огненного цвета и верующие начали говорить на разных языках. Троицыным днем он называется потому, что с явлением Святого Духа открылось таинство Святой Троицы, вследствие чего Церковь, уча «православно» и благочестиво исповедовать Пресвятую Троицу, чувствует и прославляет все три Лица Святой Троицы, участвовавшие в Сошествии Святого Духа — Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа. Особенностью празднования этого дня в России является украшение храмов и домов ветками березы, травой и цветами, подобно тому как ветхозаветная Церковь праздновала Пятидесятницу, принося в этот день начатки жатвы.

В Вологодской губ. на Троицын день за вечерней в церкви все стояли с ветками вербы. Освященные ветви уносили домой, где украшали ими иконы, а в Крещенский сочельник ими окропляли святой водой избу.

В Сольвычегодском у. Вологодской губ. на Троицу после обеда устраивали большое игрище. В следующее после Троицына дня воскресенье заговлялись на Петров пост, поэтому этот день называли «яичным заговением». В каждом доме день делали яичницу и варили столько яиц, сколько могли съесть. После обеда молодежь устраивала гулянье и игрище на лужках, а подростки — катание яиц⁵⁹.

В Западной Сибири на праздник после обязательного посещения храма устраивали застолье. А если Троица совпадала с престольным праздником, то готовили угощение — блины, пельмени, холодец, окрошку, пироги, шаньги, калачи. К столу подавали квас и пиво. В настоящее время верующие обязательно посещают храм и освящают ветки распутившейся березы, но таких больших застолий, как прежде, для всех односельчан уже никто не устраивает⁶⁰.

Вслед за днем Святой Троицы (Пятидесятницы), празднуемой через семь недель после Пасхи, перед Петровым постом

---

⁵⁹АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 336. Л. 26—27.

⁶⁰Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Новосибирск, 2003. С. 10—11, 46.

наступает сплошная троицкая седмица, на которой пост в среду и пятницу снова отменяется.

Праздник святых апостолов Петра и Павла

От дня празднования Пасхи зависит и продолжительность Петровского поста. Петров, или Апостольский, пост («Петровки», «Петрово говейно») установлен в память святых апостолов Петра и Павла, которые постились, готовя себя для Евангельской проповеди (Деян. 13, 3). Он начинается через неделю после дня Святой Троицы, в девятое воскресенье по Пасхе. В зависимости от даты празднования Пасхи длительность поста различна: от восьми дней до шести недель, но он всегда оканчивается в день святых апостолов Петра и Павла (29 июня/12 июля), когда Церковь воспевает «Петрову твердость и Павлов разум». Если же день святых апостолов Петра и Павла попадает на среду и пятницу, то пост сохраняется, т.е. мясное, яйца и молочное есть не следует, но можно вкушать рыбу и растительное масло.

Петров пост приходится на то время года, когда запасы заканчиваются, а новый урожай еще впереди, поэтому в народе его называли «Петровки — голодовки».

Петров пост не такой строгий, как Великий; он тоже начинается с заговенья и заканчивается разговинами. В романе И.С. Шмелева «Богомолье», где описано паломническое путешествие Горкина с юным Шмелевым во время поста «к Сергию» в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, есть описание и радостного разговления, которое еще более усиливается после «хлебного благословения» и благословения старца Варнавы Гефсиманского. Им в радость и еда в блинной («Едим блинчики со сметочками, и с лучком, и кашнички заварные, совсем сквозные, видно, как каша пузырится»), и обед у Аксенова: «... из соленого судака ботвинья..., и картофельные котлеты со сладким соусом, с черносливом и шепталой, и пирог с изюмом, на горчичном масле, и кисель клюквенный и что-то еще».

В настоящее время день святых Петра и Павла отмечают как престольный праздник во многих храмах, но обычай устраивать особое застолье дома исчез.

Успение Пресвятой Богородицы

Великий (двунадесятый) праздник Успения Пресвятой Богородицы (15/28 августа), завершающий Успенский пост («Госпожинки», «Оспожинки», «Спожинки»), празднуют «в числе», т.е. всегда в один и тот же день. Если он приходится на среду или пятницу, то можно есть рыбу (скоромное вкушать нельзя). Успенский пост — краткий, он длится всего 14 дней, но соблюдается так же строго, как и Великий пост. Церковь предписывает воздержание от употребления рыбы. послабления в рационе допускаются по субботам и воскресеньям (растительное масло для тех, кто постится без него, и вино), а также в праздник Преображения Господня (6/19 августа), когда можно есть рыбу, растительное масло и пить вино. Во вторник и четверг едят без масла; в понедельник, среду и пятницу — сухоядение. Успенскому посту предшествует заговенье.

На Успенский пост падают «Спасы», это общее название трех августовских праздников, посвященных почитанию Спасителя и символическим проводам лета. Первый Спас (Медовый) — это начало поста (1/14 августа), его отмечают как день Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня. Праздник берет начало от давнего византийского обычая освящать каждый месяц года молебном в его первый день (в данном случае 1 августа по старому стилю), для чего в Константинополе Крест Животворящий несли крестным ходом из дворца императора в храм святой Софии. На Руси в этот день Кресту воздавали такое же поклонение как на Воздвижение Креста Господня. Кроме того, в данный праздник совершался крестный ход для освящения в реках и источниках. Отсюда еще одно его название — «Спас на воде».

Это первый осенний праздник, в народе его называют «Первый Спас», или «Медовый Спас», потому что он считается медовым разговеньем. В тех губерниях, где местные условия позволяли разводить пчел, к указанному дню пекли пироги с медом, повсеместно освящали медовые соты, пчеловоды святили собранный мед в храмах. Мед — основная обрядовая пища на этом празднике («На Первый Спас и нищий медку попробует»). Традиция освящать мед на богослужении сохраняется повсеместно.

В Вологодской губ. (1 августа) в день Всемилостивого Спаса в д. Першимский Починок Вельского у. к часовне во имя вели-

комученика Георгия, известной в народе под названием «Спас в Рамень», на всенощный молебен собиралось около 10 тыс. богомольцев. После крестного хода жертвовали, чем могли и потом все это продавали, вырученные деньги поступали в местную Михайло-Архангельскую церковь. На улице против домов выставляли стол с яствами, тут же стояли бочка или ушат пива и немного водки. После богослужения начиналось угощение, на другой день угощали родных, а на третий день — соседей⁶¹.

День Преображения Господня (6/19 августа) — это один из двенадцатых праздников, и он также приходится на Успенский пост и называется «Вторым», или «Яблочным, Спасом», потому что в храме освящают яблоки.

Согласно Евангелию, Спаситель молился на горе с учениками и Преображением явил свою божественную сущность, поэтому в народе его еще называли «Спас на горе». В народе считалось грехом есть до этого дня яблоки нового урожая, которое приносили на Преображение в церковь для благословения и освящения. Освящают и разговляются в первую очередь яблоками — спасовками. До праздника по церковному уставу не рекомендовалось употребление в пищу плодов и овощей нового урожая, кроме огурцов. Главный запрет налагался на яблоки, есть которые до праздника считалось грехом. В Яблочный Спас угощались фруктами и стар, и млад — «спасовка-лакомка»; плодами садов и огородов делились с нищими. Отсюда выражение — «На Второй Спас и нищий яблоко съест».

Праздник Преображения был избран для благословения плодов потому, что в Иерусалиме к этому времени созревал виноград, который, собственно, и положено освящать в этот день. Церковь, благословляя плоды, подчеркивает, что все должно быть посвящено Богу как его творению. По церковному преданию, «если же кто от братии снестъ гроздие прежде праздника, то запрещение за непослушание да примет и не вкусит гроздие во весь месяц август»⁶².

Естественно, что в иных климато-географических условиях в этот праздник в церкви освящали не виноград, а яблоки, груши и другие созревшие к тому времени плоды. На Руси праздник Преображения был приурочен к старинному земледельческо-

---

⁶¹АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 236. Л. 15.

⁶²Как приучить себя к посту. М.: Новая книга, 2002. С. 25.

му празднику, с которого начиналась уборка урожая яблок. Церковь освятила бытовавший обычай не есть яблоки до их созревания и связала сбор яблок с праздничной датой.

В романе И.С. Шмелева «Лето Господне» Горкин, стараясь помочь своему воспитаннику хорошо сдать экзамены в гимназии, пытается как можно проще объяснить ему значение церковных праздников: «Первый Спас, — погибает он желтый от политуры палец, страшно расплющенный, — медовый Спас, Крест выносят. Значит, лету конец, мед можно выламывать, пчела не обижается... уж пошабашила. Второй Спас, завтра который вот, — яблошный, Спас-Преображение, яблоки кропят»). Поездка за яблоками — тоже радость, потому что не для себя эти яблоки, а для людей. После того как они в церкви на амвоне „обкадятся“, яблоки будут «совсем другие, не покупные, а церковные яблоки, святые. Это и есть — Преображение».

После окончания короткого, но строгого Успенского поста в народе было принято разговляться. Праздник слился с существовавшим ранее празднованием жатвы хлебов. Богородица воспринималась не только как всеобщая заступница, но и как благонесущая, подательница плодородия и урожая, покровительница земледельцев. В народном календаре праздник Успения связывали с окончанием жатвы яровых хлебов. В этот день во многих местах приносили в храм семена и колосья зерновых культур для благословения и освящения, святители каравай нового хлеба. Последним по возвращении домой разговлялись: до «освященного куска» никто в этот день ничего не ел. В селах было принято устраивать «успенщину» в виде братчины — в складчину варили пиво, пекли пироги, созывали родных и соседей и вообще задавали хлебосольный пир.

После праздничных розговин на Успенье наступает «Третий Спас» (16/19 августа), который в народе еще называли «ореховый» (орешный), потому что поспевали орехи, которые в прошлом широко использовали в питании. Горкин объяснял юному воспитаннику: «Орехи поспели, после Успенья. У нас в селе крестный ход, икону Спаса носят, и все орехи грызут. Бывало, батюшке набираем мешок орехов, а он нам лапши молочной — для розговин». В народе этот день еще называли Спас на полотне. В этот день пекли хлеб и пироги из зерна нового урожая («Хлебный Спас хлеба припас»).

Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

Праздничным днем считается день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14/27 сентября). Праздник получил название в воспоминание события в IV в., когда святая Елена (супруга византийского императора святого Константина) после 300-летних гонений нашла подлинный Крест Христов и воздвигла его для всеобщего чествования и поклонения. Позднее Крест был похищен, но возвращен вновь, потому в празднике соединились два избавления Креста Господня из плена. В день Воздвижения соблюдается пост — разрешается употреблять пищу с растительным маслом (молочное, яйца и рыбу есть нельзя).

День праздника Воздвижения Креста Господня во многих местах считался датой сбора урожая капусты. В народе говорили: «У доброго мужика на Воздвиженьев день и пирог с капустой».

Рождество Христово

Один из наиболее почитаемых верующими праздников — Рождество Христово (24 декабря/6 января) — празднуют «в числе», т.е. всегда в один и тот же день. К празднованию православные готовятся Рождественским постом, который длится 40 дней и, как Великий пост, называется Святой Четырехдесятницей. Он начинается после дня святого апостола Филиппа (14/27 ноября), поэтому имеет названия — «Филипповский», «Филиппов» пост, или «Филипповки». 14 ноября — заговенье на пост, но если этот день попадает на среду или пятницу, то заговенье должно быть 13 ноября, поскольку среда и пятница — дни постные.

В романе И.С. Шмелева Горкин обращается к воспитаннику перед началом Рождественского поста: «Заговеемся с тобой завтра, пощенье у нас пойдет, на огурчиках — на капустке кисленькой-духовитой посидим, грешное нутро прочистим». И маленький мальчик уже понимает, что начало поста — это не только постная пища, а еще и очищение души. Важно только осознать, для чего оно, это заговенье: «Заговины — как праздник: душу перед постом порадовать. Так говорят, которые не разумеют по духовному. А мы с Горкиным разумеем. Не душу

порадовать, — душа радуется посту! — а мамону, по слабости, потешить».

Накануне Рождества — день навечерия Рождества Христова, или Рождественский сочельник (24 декабря/6 января), для более достойного приготовления к празднику Церковь усиливает предшествующий 40-дневный пост и предписывает в сочельник строгий пост, т.е. запрещается есть до окончания службы или, как говорили в народе, «до звезды», после чего впервые принимают пищу — едят сочиво.

На Руси «сочивом» называлась каша из обваренных зерен гороха, бобов или чечевицы («сочевицы»), смешанных с семенным соком или «молоком», — «сочивом» (миндальным, ореховым, маковым, конопляным). От слов «сочиво», «сочевица» и произошло само название сочельника. В более древние времена сочиво называли «коливом» — это та же пшеница с медом и сладкими овощами. Готовили также «узвар» (взвар) из сухих яблок, груш, слив, изюма или вишен. Кутья и взвар — основные традиционные блюда Рождественского сочельника. Кутья с медом в древности предназначалась для оглашенных, которые намеревались креститься в праздник Рождества Христова и готовились к таинству постом, а после крещения вкушали мед — символ сладости духовных даров. От слова «сочиво» произошли и другие слова — «сочевник», «сочевный», «сочевичный» и т.д.

Поскольку сочиво готовили накануне Рождества Христова и Богоявления, когда полагалось строго поститься, то канун праздника называли, соответственно, Рождественский и Крещенский сочевник (сочельник). Отсюда пошло выражение «сочевничать» или «сочельничать», т.е. не есть в сочельник до звезды: «Постничает весь дом, а старики сочельничают»⁶³.

Близко по значению и по приготовлению к «сочиву» стоит кутья (кутия) или коливо — смесь вареного зерна (пшеницы, гороха, риса) с медом, которую готовят дома и освящают в храме при совершении панихиды или литии по умершим. Зерна и мед имеют аллегорическое значение: зерно, истлевающее в земле, воскресает в новом произрастании; так тело умершего, погребенное в земле, истлевет, но затем в будущей жизни вос-

---

⁶³Даль В.И. Толковый словарь... Т. 4. С. 263—264.

креснет (1 Кор. 15, 36—38; Иоанн. 12, 24). Мед знаменует сладость будущей блаженной жизни⁶⁴.

Кутья упомянута впервые в начале XII в. в «Повести временных лет»⁶⁵. Но устав о трапезах, принятый в Тихвинском монастыре в XVI в., различал кутью и «коливо сиречь пшеница варена с медом и изюмью чинена». Исследователи считают, что изюм стали добавлять в кутью только в конце XVI в. и для отличия от подобных ей блюд пользовались термином «коливо», который означал то же, что и кутья. В трапезе монахов Тихвинского монастыря упоминались толокно, толокно мешаное, каша гороховая, каша соковая и соковая с маслом (на конопляном соке), каша крутая и тертая, репяная и морковная, т.е. уже в указанном веке в русская кухня знала более 20 каш. Например, в Тихвинской обители в 1590 г. в сочельник подавали «шти репяны соком заливным, по три блина — два с соком, третей с маком, да лоша горохова с перцом, да кутья с медом». В названном уставе о трапезах предписывалось есть в сочельник наряду с кутьей также традиционное блюдо — блины⁶⁶.

В.И. Даль подтверждает, что кутья в виде каши из обдирного ячменя, пшеницы или риса (из «толстой» крупы), политая *сытой* с добавлением изюма, помимо обязательного поминального блюда в некоторых местах России готовилась в Рождественский и Крещенский сочельники, но называлась она «постная», «голодная» или «богатая» кутья. От нее пошли слова «кутейный» — к кутье относящийся, «кутейник» — место в церкви, где ставили кутью. Отсюда и народные поговорки, например: «Ешь кутью, поминай Кузьму!»; «Вари кутью, а кутейники придут»⁶⁷. В некоторых местах России вместо слова «кутья» говорили «коливо», подразумевая под этим поминальную кашу из пшеницы, полбы или риса с изюмом (Тамбовская губ.)⁶⁸.

Происхождение слова «коливо» (кутья) связано с традицией тех древних римлян, которые по своей бедности употребляли в пищу кашу из вареной пшеницы с медом, на-

---

⁶⁴ГПБЭС. Т. 2. Стб. 1503.

⁶⁵Повесть временных лет. Ч. 1. М.: Л., 1950. С. 184.

⁶⁶Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 226, 244.

⁶⁷Даль В.И. Толковый словарь... Т. 4. С. 227.

⁶⁸Там же. С. 136—137.

зывавшуюся «колифия» (coliphia). С распространением христианства коливо стали освящать в честь и память Господних праздников и святых, а также в память усопших. Его начали готовить в пятницу на первой неделе Великого поста в воспоминание о том, как святой Феодор Тирон уведомил епископа Евдокия о приказании императора Юлиана Отступника окропить все припасы на торжище Антиохии и посоветовал употребить в пищу коливо и этим спас христиан от осквернения. Обычай приносить коливо в первых двух случаях существовал уже в IV в., а в третьем случае — не ранее XIII в. Коливо в первых случаях составляет, вероятно, воспоминание тех древних трапез — «агап», или вечерь любви, которые устраивались в христианской церкви во дни кончины мучеников и простых смертных. Поминование усопших и приношение за них колива совершаются в Великий пост только в пятницу вечером, субботу и неделю (воскресенье), исключая остальные седмичные дни; это основывается еще на постановлении Лаодикийского собора 364 г. Как остаток древних трапез в дни памяти святых и усопших коливо входит и в настоящее время в состав поминального стола и для него благословляется⁶⁹. На Руси обычай приносить коливо отмечался уже в «Вопрошаниях» Кирика к епископу Нифонту.

По поводу того, что такое коливо, М. Скабалланович отмечал в «Толковом Типиконе», что это слово не греческое. Это кутья, или вареная пшеница с медом, украшенная сладкими плодами и приносимая в церковь в честь и память «Господских (т.е. двенадесятих, великих) праздников или святых Божиих», святых великих. Как показывают содержание молитвы над коливом, оно, с одной стороны, имеет такое же знаменование, как приносимое в память усопших, т.е. предуказывает на воскресение, уподобляемое в Священном Писании прозябанию зерна из земли; с другой стороны, коливо имеет целью, как и благословляемые на вечерне хлеб и вино, освящение праздничной трапезы, являющейся образом наслаждения вечными благами⁷⁰.

В царствование Алексея Михайловича (1645—1676) по его указу в пятницу на первой неделе поста одно блюдо освящен-

---

⁶⁹ ППБЭС. Т. 2. С. 1401—1402.

⁷⁰ Скабалланович М. Указ. соч. С. 130—131, 795—796.

ного «колива» — кутьи относили патриарху, который раздавал его своим подчиненным⁷¹.

Коливо в виде каши давно стало важной составной частью трапезы в рождественский сочельник⁷².

Слово «сочельник» восходит к слову «сок», который означает «сок маковый, конопляный, сок ореховый, молочко, выгнетаемая слизистая и маслянистая жидкость с примесью воды». Соответственно, слово «соковой» означает к соку относящийся. Название «соковая каша» (Владимирская губ.) происходит от каши, заправленной выжатым конопляным соком, по виду белым, как молоко, она же «соковица» (Таврическая, Псковская губернии), «сокоуша» (Таврическая губ).

Слово «сочиво» (ср. сеянный сок или молоко: миндальное, ореховое, маковое, конопляное и пр.) означало постное блюдо, приготовленное в виде каши из каких-либо зерен (сочевича). Отсюда их производные — сочевник, сочевный, сочевичный и т.д. Поскольку сочиво готовили накануне Рождества Христова и Богоявления, когда полагалось строго поститься, то канун праздника называли, соответственно, рождественский и крещенский сочевник (сочельник) и ели сочиво, т.е. «кашу без скороми». Отсюда пошло выражение «сочевничать», или «сочельничать», т.е. не есть в сочельник до звезды: «Постничает весь дом, а старики сочевничают».

Сочень, сочник (сочни) — это пресные, тонкие лепешки, постные на конопляном соку; зовут так иногда и скоромную лепешку на масле, вернее, *п्राженик*; также лепешку с кашей сверху, со сметаной или творогом, род шаньги, ватрушки; сочни б.ч. ячные; также картофельные *пресняки*, с припечкою из конопляного семени с луком и пр.

Сочни с ягодой пеки и в Таврической губ. в Рождественский сочельник, там его называли «сочен(в)ник», а лепешку, намазанную конопляными отолкишами, — «соковник». «Соковеня» — так во Владимирской губ. называли блины с квасом. В Вологодской губ. «сочельницей» называли пирожную доску, на которую клали пироги, перед тем как их поставить в печь, чтобы они «вытронулись», т.е. поднялись. В Тульской губ. «со-

---

⁷¹ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. М., 1904. С. 179—180.

⁷² Дворникова Н.А. Пицца // Народы мира: Народы СССР: Восточная Европа. Т. I. М., 1964. С. 394.

ченным» молоком называли конопляное и льняное молоко, приготовленное во вторник на Страстной неделе⁷³.

Помимо кутьи (сочива) готовили еще и взвар из сушеных фруктов и ягод, сваренных в воде и подслащенных медом или сахаром. По сравнению с компотом из сухофруктов взвар более густой и сладкий. Сочетание кутьи и взвара как бы соединяло воспоминание о рождении и смерти Иисуса Христа. Было принято готовить их вместе с детьми, чтобы передать традиции, которые сохранялись в народе веками.

В праздник Рождества Христова полагается разрешение поста независимо от того, на какой день недели этот праздник приходится: можно есть скоромное. Священники раньше в этот день ходили «со славою» по домам прихожан с молитвою подобно ангелам, возвестившим великую радость о рождении Спасителя Вифлеемским пастырям. (В настоящее время эта традиция исчезла.) За Рождеством наступают святки — дни радости о воплотившемся Спасителе, поэтому с 25 декабря до 4 января в среду и пятницу поста нет. Оканчиваются святые дни крещенским сочельником 5/18 января.

Рождественский стол включает самые разнообразные горячие и холодные блюда. Но основным блюдом считалось блюдо, приготовленное из свинины. И.С. Шмелев писал: «Как увидишь, — на Конную площадь обозы потянулись, — скоро и Рождество. Всякую живность везут, со всей России: свиней, поросят, гусей... — на весь мясоед, мороженных, пылкого мороза». Продукты для праздничного стола старались заготовить не только москвичи. В Рязанской губ. к празднику Рождества Христова тоже готовили блюда из свинины: щи, холодец (студень), колбасу, ветчину. Почти в каждом дворе выкармливали свинью, к тому же все базары в городе и в деревне были завалены свиными тушами и привозной из степных губерний солониной. Последние базары в конце Рождественского поста были очень многолюдны. Крестьяне спешили закупить то, что было необходимо для праздника: покупали муку для пирогов, пшено, бычьи ноги и губы на студень, а кто-то и сам продавал излишки продуктов⁷⁴.

---

⁷³Даль В.И. Толковый словарь... Т. 4. С. 263—264.

⁷⁴Селиванов В.В. Год русского земледельца. М., 1914. С. 128.

По поводу того, почему готовили именно свинину, сказать трудно. А. Страхов подвергал сомнению то, что «жареная свинина как ритуальное новогоднее блюдо берет начало от римских сатурналий», как писал Д.К. Зеленин⁷⁵. Но можно согласиться с выводами А.Страхова, который проводит параллели с другими народами, соблюдающими пост и не брезгующими свининой как «нечистой», что «разговление свининой означает, в известном смысле, полное, подчеркнутое разговление». В то же время у народов, которые вообще не употребляют свинину в соответствии с их религиозными предписаниями, свинина находится в числе «нечистой» пищи: «В иерархии пищи, ранжируемой в соответствии с признаками: 'постный'/'скоромный', свинина брезгливо помещается на крайнем полюсе 'скоромности'»⁷⁶.

И. Столяров вспоминал, как на его родине в Воронежской губ. «Рождество ждали с нетерпением еще и потому, что с наступлением этого праздника кончался сорокадневный филипповский пост, который нас сильно изнурял... Потому ли, что желудок наш уставал от однообразной пищи или от недостаточности питания, к концу поста появлялось желание съесть что-нибудь „скоромненькое“... Под Рождество мать совсем не спала. С вечера затапливалась вновь печь, и начиналось приготовление рождественского обеда»⁷⁷.

В Пинежском у. Архангельской губ. раньше к Рождеству всегда выпекали печенье «козули» в виде лепных фигурок животных и птиц⁷⁸.

Праздник Рождества Христова широко отмечали в Вологодской губ.⁷⁹ Корреспондент Тенишевского бюро И. Ивонинский описал один из таких обедов зажиточной крестьянской семьи в праздник Рождества Христова в Никольском у. Перед началом обеда хозяйка накрыла стол чистой скатертью и на оба конца стола положила по стопе пирогов, испеченных из пшеничной муки: одни — с творогом, другие — «загибники» с говядиной и яйцами. К ним она положила несколько ломтей черного хле-

---

⁷⁵Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 402.

⁷⁶Страхов А. Ночь перед Рождеством. Cambridge: Paleoslavica, 2003. С. 95.

⁷⁷Столяров И. Указ. соч. С. 75.

⁷⁸Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1. М., 1877. С. 147.

⁷⁹АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 284. Л. 14—15.

ба для «штей»). Когда все члены семьи уселись за стол, хозяйка принесла студень, потом шти из баранины. Причем особым лакомством считалось хлебать шти из плоски, в которой недавно была жареная говядина, от которой остался рассол и жир. За штями последовали каши: «молосная», сваренная из овсяной крупы на пресном молоке; «заспяная» — из овсяной крупы, круто замешанной на молоке или воде, сваренная со скоромным маслом; пшенная каша на молоке. За кашей подавали жареную баранину в плоске, горячий овсяный кисель с маслом или холодный с молоком, пряженики, блины, шаньги или сочни с пресным молоком и, наконец, по одному-два яйца на каждого члена семейства. Основным хмельным напитком было пиво⁸⁰.

Сейчас на Рождество стали чаще готовить жареную утку, реже — гуся, с какой-либо начинкой — яблоками, капустой и т.п., что характерно для многих стран Западной Европы.

В дореволюционной России существовал повсеместный обычай «славить Христа», связанный со сбором продуктов. Помимо причта этим занимались крестьянские дети. Они несли изображение Вифлеемской звезды и начинали с пения тропаря и кондака Рождеству Христову, после чего главный заправил обращался к хозяину со стихами «Снеги на землю падали, перепадывали...», которые заканчивались просьбой дать «вина бутылку, маслица чечулку, на верх козулку... Вам на копейки потешки, нам — на орешки!» В награду дети получали какую-нибудь еду (Никольский у.). В Сольвычегодском у. во время рождественской славы собирали караваи хлеба⁸¹. В Чакульском приходе «о Рождестве» все члены причта ездили со славой по деревням вместе, но каждый член причта — на отдельной лошади. Во всех домах им давали пироги сообразно с их должностью: если священнику давали три пирога, то дьякону — два, а псаломщику — один. В каждой деревне во время славы причт угощали обедом, чаем же — несколько раз. Славление продолжалось дней пять⁸².

К числу особых дней относился праздник накануне Нового года — день преподобной Мелании Римляныни (31 декабря/13 января). В Калининской вол. Тотемского у. Вологодской губ. в

---

⁸⁰Там же. Оп. 1. Д. 286. Л. 20—21.

⁸¹Там же. Оп. 1. Д. 327. Л. 9—10.

⁸²Там же.

этот день хорошо вычищенные и вымытые свиные кишки начиняли овсяной крупой со свиным жиром или коровьим маслом и зажаривали в печке. В Чакульском приходе Сольвычегодского у. в день «Маланьи-Кишницы» свиные или бычьи кишки набивали овсяной или ясной крупой и жарили в масле вместе с картошкой. Если праздник приходился на постный день, то их ели на другой день. Также готовили это блюдо и в Никольском у., где свиные кишки начиняли соломятом, т.е. овсяной крупой с коровьим маслом, а концы кишок связывали тонкими лучинками, а потом такую колбасу обжаривали в большом количестве жира.

Наступивший после Рождества Христова Новый год совпал с днем памяти святого Василия Великого (1/14 января), поэтому его в народе называли «Васильев вечер». Отсюда пошла поговорка: «Свинку да боровка — для Васильева вечерка». В прежние времена не праздновали так широко, как отмечают сейчас⁸³.

Крещение Господне

Накануне одного из двенадцатых непереходящих праздников — Крещения Господня отмечается Навечерие Богоявления, или Крещенский сочельник (5/18 января). Как сказано в Евангелии, во время Крещения Христова в Иордане явился Бог: Отец свидетельствовал гласом с небес; Сын, крестившись, выходил из воды, и Дух Святой явился в виде голубя (Лк. 3, 21—22). На богослужении в эти дни совершается великое освящение воды, т.е. по Великому чину. Богоявленская вода (иначе Великая Агиасма), имеет большую целебную силу чем та, которая освящается по чину малого освящения воды. К освященной воде христиане относятся с особым благоговением. Ею освящают дома и как святыню хранят при иконах для особенных случаев, прежде всего в случае болезни.

В Крещенский сочельник соблюдают строгий пост и не едят «до святой воды» (ср.: в Рождественский сочельник — «до звезд»). После богослужения, на котором совершается чин великого освящения воды, разговляются постной пищей. В старину ею служили кутья и «сочни» — небольшие пироги из пресного теста круглой формы. В народе праздник получил множество

---

⁸³Там же. Оп. 1. Д. 257. Л. 20; Д. 315. Л. 6; Д. 336. Л. 18.

названий: Крещенский сочельник, Крещенский вечер, Голодная кутья или Голодный святой вечер.

В день Святого Богоявления, или Крещения Иисуса Христа, (6/19 января) после литургии совершается великое освящение воды на источниках, реках и озерах или прудах и колодцах в воспоминание Крещения Господня — то же, что и в навечерие праздника. Освящение всегда совершалось торжественно с крестным ходом при колокольном звоне и пении тропаря. Поста в этот двенадесятый праздник нет, даже если он приходится на среду или пятницу. Далее снова соблюдается пост в среду и пятницу вплоть до недели о мытаре и фарисее.

Коливо подавали к столу в Крещенский сочельник в Рязанской губ. В.В. Селиванов писал: «В старину во многих господских домах в этот день подавалось за стол коливо, попросту — нынешняя деревенская кутья, то есть разваренная пшеница, подслащенная медом. Впоследствии коливо это заменилось сочивом, кушаньем, состоящим из разваренных в горшке всяких сухих домашних плодов и ягод, варимых с медом или сахаром. Это последнее блюдо за многими помещичьими столами употребляется еще и поныне в Крещенский сочельник»⁸⁴.

Пост, будучи преддверием того или иного праздника церковного календаря, сформировал традиции русской национальной кухни, которые оставались незабываемыми в течение многих столетий.

По церковному уставу, в праздники Рождества Христова и Богоявления, случившиеся в среду и пятницу, поста нет. В Рождественский и Крещенский сочельники, в праздники Воздвижения Креста Господня и Усекновения главы святого Иоанна Предтечи разрешается пища с растительным маслом. В такие праздники, как Сретение Господне (2/15 февраля), Преображение Господне (6/19 августа), Успение (15/28 августа), Рождество Богоматери (8/21 сентября) и Покров (1/14 октября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября/4 декабря), Рождество святого Иоанна Предтечи (24 июня/7 июля), святых апостолов Петра и Павла (29 июня/2 июля), апостола Иоанна Богослова, случившиеся в среду и пятницу, а также в период после Пасхальной седмицы до дня Святой Троицы в среду и пятницу можно есть рыбу.

---

⁸⁴Селиванов В.В. Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / Сост. Ю.В. Лебедев. М.: Современник, 1987. С. 135.

Престольные праздники

Традиционным в прошлом было празднование храмовых, или престольных праздников, к которым готовились заранее и отмечали широким застольем. Очень подробно о престольных праздниках писала Л.А. Тульцева⁸⁵. Некоторые ее работы были, например, посвящены связанным с этими праздниками обрядам и обычаям рязанских крестьян⁸⁶.

Праздничная пища, приуроченная к датам православного календаря и дням памяти святых угодников, отличалась широким ассортиментом блюд и лучшим качеством продуктов, благодаря чему застолье в домашних условиях превращалось в настоящий пир. Отсюда в народе издавна повелась поговорка «Пир на весь мир». Для выражения совместной трапезы или «пировки» наиболее характерным было слово «пировать».

Праздничная трапеза всегда проходила за столом, располагавшимся в красном углу перед иконостасом («божницей»). Стол, если за ним не ели, всегда содержался в чистоте, потому что его считали «престолом Божиим» или «Божьей ладонью». Готовясь к приему гостей, стол (или несколько столов) накрывали чистой холщовой скатертью, ставили на нее солонку с караваем хлеба, блюдо с пирогами.

Отличительной чертой крестьянского праздничного стола было изобилие и частая смена блюд. В меню входило угощение первыми и вторыми блюдами с добавлением сладкого в виде пирогов, киселей.

Двунадесятые и великие праздники, установленные Русской Православной Церковью, отмечали и все жители Вологодской губ. В эти дни они обязательно посещали приходские храмы, а после праздничного богослужения устраивали у себя дома богатый стол, с приглашением церковного причта. В приготовлении отдельных блюд в эти дни имелась своя специфика. В Вологодском у. в каждом приходе был свой местный праздник. Таких «деревенских» праздников в каждой деревне справляли, по большей части, по два в год: один — весенний или летний, дру-

---

⁸⁵Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Расы и народы. Вып. 25. М.: Наука, 1998. С. 157—210.

⁸⁶Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязанский этнографический вестник. №30. Рязань, 2001.

гой — осенний или зимний. Из весенних праздников особенно чествовался Николин день, Троицын день, Неделя всех святых; из летних — Петров день, Ильин день; из осенних праздников — Рождество Богородицы. Кроме них крестьяне отмечали почти в каждой деревне так называемые «богомолья», или молебствия, совершаемые в воспоминание каких-либо особых событий.

Крестьянин, на которого возлагалась ответственность за проведение праздника, обязан был, во-первых, сходить в церковь, а если праздник *обещанный* и принимались иконы, то ему необходимо было участвовать в принесении и отправке икон в храм; во-вторых, приготовить дома все лучшее к праздничному обеду, созвать гостей. Кроме того, если молебен в деревне отправлялось поочередно, то ему следовало отправить свой «черед», т.е. заплатить за обедню, за молебен, «откормить» обедом причт.

Все храмовые как общеприходские праздники отмечались сообща, «всем миром»⁸⁷. В Грязовецком у. Вологодской губ. по три дня отмечали день святого Власия (11 февраля), день памяти перенесения мощей благоверного царевича Димитрия (3 июня), день памяти обретения мощей святого Димитрия, митрополита Московского (21 сентября); по два дня отмечали день памяти святых Космы и Дамиана (1 ноября). Помимо этого отмечали особые однодневные праздники, устраивали молебствия, в каждой деревне в разные дни, неизменно сопровождавшиеся приемом гостей и обильным угощением. В Калининской вол. Тотемского у. на престольный праздник Рождества Богородицы (8 сентября) съезжались гости из других волостей и местные крестьяне ходили друг к другу в гости. На Тихонов день (16 июня) в Лапшинской вол. Никольского у. каждый крестьянин варил пиво, в гости приходили родственники и знакомые⁸⁸.

В народе среди церковных праздников особенным вниманием пользовался день святого Иоанна Крестителя (24 июня), или Иванов день. В с. Моле Тотемского у. каждый крестьянин считал долгом сходить на праздник в храм и помолиться о благополучном завершении сенокоса, а также попить у род-

---

⁸⁷АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 156. Л. 17—17 об.

⁸⁸Там же. Д. 213. Л. 8; Д. 350. Л. 7; Д. 295. Л. 13.

ных и знакомых. Из соседних приходов на праздник отправлялись накануне, особенно молодое поколение. Собравшись, все молодцы и девицы («славницы») с большими узлами (нарядами) и каждая с зонтиком отправлялись в гости. К этому дню каждый крестьянин варил пиво⁸⁹. В Кадниковском у. крестьяне особенно праздновали память святых Петра и Павла (29 июня) и устраивали в этот день пивной праздник⁹⁰.

День святого пророка Илии (20 июля/2 августа) отмечали по всей России. В с. Кубенском Вологодского у. в этот день крестьяне приходили на праздник в с. Кубенское. Первым долгом шел крестный ход в церкви св. Ильи, после обедни и молебна «громоздному Илье». В Кадниковском у. многие крестьяне постились не только в Ильин день и в пятницу накануне, но и в течение всей Ильинской недели, не занимались никакими полевыми и домашними работами: «Страшно!». В Калининской вол. Тотемского у. в Ильин день считалось грехом работать, даже если и в горячую пору⁹¹.

В день святых Космы и Дамиана (1 ноября) в Сямженской вол. Кадниковского у. принято было варить кашу, поминая святых угодников. Причем, садясь за стол, приглашали и святых отведать каши со словами: «Кузьма и Демьян, идите кашу хлебать!»⁹² На Кокшеньге существовало поверье, что эти святые работали на других всегда бесплатно и за это их кормили кашей. Здешнее население забывало, что они были врачами и безвозмездно лечили. Чаще всего они за кашу молотили, а потому крестьяне Кокшеньги на домолотках последнего овина варили кашу. Когда овин был умолочен, обыкновенно один из крестьян говорил: «Хозяину ворошок, а нам каши горшок». Даже дети, ночующие в училище, приносили на этот день крупу, чтобы сварить кашу⁹³.

Праздничное застолье сплачивало родственников, близких и дальних, содействовало сохранению социальных связей между несколькими поколениями.

---

⁸⁹Там же. Д. 369. Л. 18—19.

⁹⁰Там же. Д. 240. Л. 31.

⁹¹Там же. Д. 121. Л. 14; Д. 240. Л. 45; Д. 357. Л. 15.

⁹²Там же. Д. 240. Л. 48.

⁹³Там же. Д. 345. Л. 13—13 об.

Престольные праздники праздновали везде одинаково. После водосвятия и молебна был крестный ход с иконами по деревне (если это был обещанный праздник) и после обедни (если храмовый). Потом начинался обед, на который собирались родственники и вообще гости из своего прихода, особенно «зятевья» из других приходов.

На стол подавали кушанья в такой последовательности: первым блюдом был пирог с рыбой, вторым — холодное, например, студень, щи, жаркое и круглые пироги, которых бывает до шести и более перемен. Количеством круглых пирогов определялось достоинство обеда. Перед каждым кушаньем произносили тосты с известными приговорками. Так, перед пирогом с рыбой или ухой говорили: «Рыба по суху не ходит»; перед подачей на сто щей — «за щеницу», т.е. хозяйку, приготовившую щи; перед жарким прямо говорилось, что следует выпить «по обычаю»; перед пирогами — «за пирожницу», т.е. застряпуху и т.д. Хозяин потчевал гостей и с каждым был обязан «чокнуться». За обедом велись разные договоры, но большей частью — о хозяйстве; пели духовные песни, до которых крестьяне были большие охотники.

В народе говорили: «Праздник есть долг Богу», поэтому к непразднующим вместе со всеми крестьяне относились настороженно. Работающего в праздник называли «скалдырником», «безхребетником» и сулили ему несчастье: «Все равно ведь в другом прорвет»⁹⁴.

В Никольском у. (с. Вознесенское) кроме двух общих храмовых праздников — Рождества Христова и Троицына дня, в которые устраивались однодневные ярмарки, крестьяне праздновали все воскресные и двенадцатые праздники и вообще все праздники, установленные церковью. От работы в этот день строго воздерживались. За этим следил «старшина» и в каждой деревне в отдельности — полицейский и десятский. Не работали в Петров день, Ильин день, Преображение Господне и в Успенев день. Особенно чтился Спасов день. В этот день вся паперть в приходской церкви была заставлена столами. Тут можно было найти все: картофель, горох, огурцы, репу, брюкву, рожь, ячмень, пшеницу, овес и т.д. После обедни священник благословлял все это и читал особые молитвы и прихожане с

---

⁹⁴Там же. Д. 156. Л. 18—19.

благоговением пробовали освященные плоды. Крестьяне говорили, что если кто попробует плодов до Спасова дня, то тот не должен был есть их со Спасова дня 40 дней. И действительно, этого придерживались: не ели горох, картофель, огурцы. Особенно боялись Ильинской пятницы⁹⁵.

В Лапшинской вол. Никольского у. крестьяне замечали, кто кто-либо из соседей не принимал участие в празднествах. К зажиточным людям, не принимавшим участие в пиршествах, крестьяне относились с насмешкой и презрением, называя их «скупердяями», «жилами», «кремнями», т.е. скупыми. К тем, кто не мог принять участие в пиршестве по бедности, относились с сожалением и охотно угощали их, если они появлялись на празднике.

В застолье, по мнению крестьян, должны были обязательно принимать участие крестьянин с женой и с взрослыми сыновьями и их женами. Молодые неженатые парни могли не принимать прямого участия в пиршествах, также могли отсутствовать и девушки, особенно готовящиеся скоро выйти замуж. Запрещалось присутствовать и подросткам⁹⁶.

Поскольку женщины были постоянно заняты домашним хозяйством и не имели возможности часто посещать храм, священники служили всенощную. Кроме того, женщины часто носили малых ребятишек в церковь, чтобы приобщить их святых таинств⁹⁷.

Престольные праздники отмечали как сообща, так и в домашнем кругу с приглашением родственников, друзей и знакомых. Этические установления и традиции требовали исключительно доброжелательного отношения ко всем, кто приходил в гости.

В праздники особенно ярко проявляется традиционное русское гостеприимство. К тому же прием гостей был поводом реализовать не только индивидуальные кулинарные способности, но и приверженность многовековой традиции — угощению из множества блюд, особенно выпечки, что составляет одну из особенностей русского застолья и русской ментальности. «Совместная трапеза является сердцевинной и средоточием ритуа-

---

⁹⁵ Там же. Д. 292. Л. 1—2.

⁹⁶ Там же. Д. 295. Л. 13—14.

⁹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 23, 30.

ла гостеприимства»⁹⁸. Гостей рассаживали за столом по рангам и по возрасту: близкую родню сажали в красный угол — под образа, а прочую — по сторонам. Во время трапезы хозяин обновил гостей пивом, часто повторяя: «Покушайте, гости дорогие!» На что гости отвечали: «То и дело, то и дело»⁹⁹.

В течение XXв. многие традиции, связанные церковными праздниками, постепенно исчезли. Даже на Русском Севере, где долгое время отмечалась длительная сохранность народных обычаев празднования памятных дней церковного календаря, многие обряды ушли в прошлое¹⁰⁰. Хотя в некоторых местах сохранилась традиция приготовления характерной для прошлого выпечки. Например, в Каргопольском районе Архангельской обл. к 22 марта пекут «тетерки» — печенье из жгута в виде разных замысловатых узоров. В Архангельске благодаря инициативе местных мастеров пряничного дела возрождается традиция вырезного пряника¹⁰¹. В.А. Липинская, посвятив отдельную работу народным традициям в современных праздниках русского населения Алтайского края, отмечает, что в конце XXв. в Западной Сибири большинство обычаев и традиционных действий, связанных с обрядами, безвозвратно исчезли. Память о них сохраняется лишь среди людей старшего поколения¹⁰². Несмотря на сохранность наиболее характерных национальных черт на рубеже XX—XXI вв., праздничный стол утратил множество особенных блюд, которыми он отличался в прошлом¹⁰³.

---

⁹⁸Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. С. 121.

⁹⁹Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1890. Т. LXIX. Тр. этнографического отд. С. 59.

¹⁰⁰Воронина Т.А. Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области // Русский Север: ареалы и культурные традиции. М., 1992. С. 78—101.

¹⁰¹Дурасов Г.П. Народная пища Каргополя: по материалам 19—20 веков // Сов. этнография. 1986. №6. С. 78—91; Онучина Т.А. Вырезной архангельский пряник в системе северного обрядового печенья // Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки. М.: Наука, 2004. С. 144—172.

¹⁰²Липинская В.А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения Алтайского края // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 111—141.

¹⁰³Воронина Т.А. Традиции в пище русских на рубеже XX—XXI веков // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 41—72.

Празднование памятных дней церковного календаря ранее было нормой для приверженцев православной веры, проживавших на всей обширной территории Российской империи. В традиции отмечать церковные праздники вместе с каноническими установками переплетались порой и народные, но не менее благочестивые традиции. Праздничное застолье сплачивало родственников, близких и дальних, содействовало сохранению социальных связей между несколькими поколениями.

Традиция отмечать праздники православного церковного календаря сохраняется и поныне, хотя, к сожалению, многие народные обычаи и обряды, связанные с празднованием дней церковного календаря, безвозвратно ушли в прошлое. Утрачена символика праздничных блюд, а подрастающее поколение уже не знает их значения. Однако в целом жизненный цикл русского народа по-прежнему повторяет тот непрерывный круг чередования будничных и праздничных дней — от заговенья к разговинам, включающий дни поста и праздники православного календаря, что превращает земную жизнь человека в вечность.

Кириченко О.В.

Новые формы церковной народной праздничной культуры (заметки этнографа)

В постсоветский период, когда Русская Православная Церковь получила возможность не зависеть от государственного контроля в вопросах чисто духовных, церковных, внутри нее начали происходить активные трансформационные процессы, связанные со свободным состоянием, с желанием в чем-то вернуться к дореволюционной традиции. Праздничная церковная культура до революции имела по-настоящему народный характер, но в советский период все народное практически было сведено на нет, что-то в большей, что-то в меньшей степени.

К тому же отказ от советской праздничной культуры в начале 1990-годов поставил перед властными органами на местах, в малых городах и селах, задачу поиска новой праздничной обрядности, и здесь самым естественным было обратиться к авторитету Церкви. Только Церковь позволяла решить проблему исторической преемственности России постсоветской и России досоветской, чтобы естественной была апелляция к дореволюционному опыту.

Вместе с тем и сама Церковь не могла сразу, директивным путем решить проблему возвращения праздничной народной традиции, потому что, в конечном счете, все зависело от людей, от верующих, их совместных усилий, долгого многолетнего труда по возвращению народной культуры. Как плоды церковной молитвы, богослужение не в одночасье приносят результаты, собирают и просвещают людей, так и народная церковная праздничная культура требует больших духовных усилий для того, чтобы стать чем-то значительным. Вот почему сегодня мы наблюдаем начало этого процесса, первые робкие шаги, но этот опыт уже можно анализировать, делать какие-то прогнозы, давать рекомендации. В целом можно наблюдать, как из самого простого явления, наиболее живучего материала, который сохранился из прошлого, — крестных ходов — начинают лепиться образцы современной народной церковной культуры. Уже ясно, что она не такая, как была до революции, что в ней отсутствуют какие-то важные элементы, однако эта культура живет и развивается, становится все сложнее, что указывает на ее эволюционирующий, развивающийся характер. Остановимся на некоторых образцах новой народной праздничной культуры.

Проведение дней города и села

В начале июля 2003 г. экспедиционный отряд Института этнологии и антропологии РАН находился в Курской обл. и после встречи с курским архиереем митрополитом Ювеналием (Тарасовым) в его резиденции и просьбы посетить ряд мест, где идет активное восстановление церковной жизни и одновременно народных традиций, получил разрешение и архиерейское благословение. Так мы оказались в Горшеченском районе¹⁰⁴. Это самый восток области, здесь немало проблем, есть пере-

---

¹⁰⁴Поселок Горшечное Курской обл. Экспедиция ИЭА РАН 2003 г.

вес коммунистов во властных структурах, но в целом повсюду немало делается для восстановления нормальной церковной жизни. Приехав в районный центр Горшечное, мы вскоре стали свидетелями проведения юбилея с. Горшечного, которому исполнилось 75 лет в статусе райцентра. Горшечное — старинное село, но до революции оно не являлось центром волости. Главные торжества проходили 5 июля, в Горшечное прибыли курский губернатор и митрополит Ювеналий. В храме Воскресения Христова состоялась торжественная архиерейская служба. На клиросе пел архиерейский хор семинаристов. Но в храм пришло не так много жителей Горшечного, хотя побывавшие на богослужении с восторгом отзывались о нем: «стены храма будто раздвигались от такого громкого и стройного пения».

По словам настоятеля храма протоиерея Василия, к приезду губернатора была написана икона Иверской Божьей Матери и после литургии от лица прихода она была подарена ему настоятелем. Глава администрации Горшечного, хотя и коммунист, не посещающий церковь, как верующий, но и он пришел в храм, где присутствовали губернатор и епархиальный владыка. Позже в беседе с нами настоятель храма отметил, что для его храма это было необычное (не часто случающееся) событие. Когда служба закончилась, митрополит Ювеналий вместе со светскими властями отправились к памятнику воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Рядом с памятником совсем недавно вырос свежий холм, под которым были захоронены воины, погибшие в окрестностях с. Горшечное. Останки их были обнаружены следопытами, потом перенесены и положены в гробы (сделанные для каждого погибшего) и захоронены в одной могиле. Здесь и прошла архиерейская панихида по погибшим. Надо сказать, что следопыты сумели собрать сюда родственников тех погибших, чьи имена удалось установить. Брат одного из воинов приехал из Сибири и привез 40 саженцев сибирских кедров, чтобы посадить тут на Алее Памяти. Частью торжеств стал и большой концерт для жителей села.

Одной из церковных задач поддержки этого светского праздника было восстановление исторической памяти у жителей Горшечного. В райцентре совсем недавно начали восстанавливать православный храм, построенный в 1898г. Но восстановление идет медленно по той причине, что из тысячного

населения Горшечного в обычный воскресный день единственный в селе храм посещает не более 80 чел. С трудом восстановили колокольню, медленно идет реставрация, иконы и утварь в храме самые простые. Отсутствие былого церковного благолепия, несомненно, влияет на посещаемость. И в этом смысле торжественная архиерейская служба должна была привлечь ту часть жителей, которые особенно ценят внешнее благолепие.

Проведение дня города в тесном контакте с церковью — явление достаточно новое. Такие инициативы возникают там, где губернатор и мэр города имеют намерение возвращать лучшие формы дореволюционной традиции и в целом стараются обратиться к исторической памяти. Например, в г. Вышнем Волочке решили почтить память тех царствующих особ, которые имели отношение к городу. Так, на вокзальной площади был поставлен памятник Петру I и одному из известных горожан — сподвижников Петра. Планируется в скором времени поставить памятник Екатерине II. Популярным среди молодоженов стал памятник Венецианову: художник рисует крестьянку, кормящую грудью ребенка. Сюда после венчания приезжают пары и возлагают цветы. В конце сентября в Вышнем Волочке проходит день города, совмещенный с фестивалем туризма и спорта. Начинается праздник со службы в кафедральном соборе, после которого общегородской крестный ход с Казанской иконой Божьей Матери — покровительницей города — движется от Богоявленского собора к женскому Казанскому монастырю или же к Успенскому храму. Звучат церковные песнопения, у Успенского храма читается Евангелие, народ кропится святой водой. После крестного хода торжественно открывается ярмарка, а на спортивных площадках устраиваются спортивные соревнования. Примеры проведения таких торжественных дней города мы встретили в некоторых городах, где работали наши этнографические отряды: Курске, Белгороде, Воронеже, Эртиле Воронежской обл. В целом это явление приобретает размах, формируются собственные традиции, образуется своя локальная специфика, общим же является одно: широкое участие церкви в проведении городского праздника.

Вывод: День города и села можно отнести к совершенно новым явлениям. Это западноевропейский обычай, который привился у нас недавно, в советское время. Привлечение церкви к участию в этих празднествах также может быть сочтено

новшеством. Однако церковное участие пока имеет локальный характер и вполне возможно, что это явление не получит дальнейшего развития.

Престольные праздники

Престольные праздники — ярчайшее явление русской народной духовной культуры. Коллективный день рождения места, где люди проживали, они связывали с именем почитаемого святого. Это именование приходило посредством освящения церковного престола в приходском храме. Само же посвящение чаще всего не было — оно связано с особенностями появления у села духовного опекуна, сельского ангела хранителя. Народ поднял престольные праздники на небывалую высоту. Престол сравнивали по значимости с Пасхой, Рождеством, Троицей, и в этом сближении заключалась огромная духовная сила, вера в Божье духовное водительство, Божий Промысел, когда Бог через своих святых печется о людях, и не только о каждом в отдельности, а о сообществе людей, крестьянском мире. Эта вера в коллективное водительство ангелом хранителем и заставляла не только односельчан приходить на праздник, но и многочисленному народу съезжаться со всей округи, чтобы почтить праздник, поздравить родственников, порадоваться вместе с ними. Оттого и называли праздник, как отмечает Л.А. Тульцева, по-другому — *съезжой*¹⁰⁵. За веселость и широту праздника он еще именовался *гулевой*, за значимость — *годовой*¹⁰⁶. Важнейшие функции престольного праздника могут быть обозначены именно исходя из этих терминов: этот важнейший праздник в году, когда вместе собиралось большое число родственников, главным образом выходцев из данного села, и они широко отмечают праздник — гуляют, веселятся.

Если мы обратимся к современному варианту приходского праздника, то сразу заметим, как он глубоко трансформирован, поскольку из него исчезли такие основополагающие элементы, как «съезжаться» и «гулевание». Между тем возрождение традиции только начинается и нам важно зафиксировать, в каком

---

¹⁰⁵ Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного христианина // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв. М., 2001. С. 135.

¹⁰⁶ Там же.

виде она представлена сегодня. Исследователи русской народной праздничной культуры отмечают, что старинные престолы в их усеченном виде существовали и в советское время. В 1970—1980 гг. ушло из жизни «последнее поколение носителей традиционных знаний»¹⁰⁷, а с ними уходили и знания, и опыт празднования престольного праздника, и это явление по сути сегодня возрождается заново.

В Горшеченском районе Курской обл. нам пришлось также стать свидетелями празднования престольного дня с участием курского архиерея и местных руководителей. В с. Бараново должен был пройти престольный праздник в честь Тихвинской иконы Божьей Матери, во имя которой назван местный храм, недавно восстановленный. На торжество архиереем были приглашены глава администрации района и села, несколько директоров крупных предприятий в округе. Представители власти выехали за пределы села на встречу с архиереем на нескольких машинах. Выйдя из машин с хлебом и солью, они приветствовали митрополита Ювеналия. Владыка был удивлен этой встречей. Глава администрации подчеркнул, что для него великая честь приезд архиерея на праздник в село. Владыка благословил всех присутствующих и подарил всем номер газеты «Русь Державная».

Когда гости подъехали к храму Тихвинской Божьей Матери, сияющему новыми позолоченными куполами, их встретила длинная вереница людей, тянувшихся от паперти до дороги, метров на 30. Звонили колокола с восстановленной недавно колокольни, люди стояли с иконками в руках, а некоторые складывали руки для благословения. Дорожка для архиерея и гостей была выстлана листьями каштана. Но на службу осталось меньше людей, чем встречало гостей, человек 60. Необычным оказалось и то, что причащалось после окончания литургии лишь человек 5 детей. В церкви совсем не было подростков, пришло немного молодежи. Основная часть прихожан — пожилые женщины от 50 лет и старше. То есть обычный «советский» контингент верующих, характерный для 1970—1980-х годов. Совершенно очевидно, что церковная жизнь в селе еще не наладилась, храм живет по инерции прошлых лет и восста-

---

¹⁰⁷ *Тулцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань, 2001. С. 9.

новление его, очевидно, проходило быстро, за счет денежных средств, а не за счет привлечения новых людей к вере.

Праздник использовался курским архиереем прежде всего для подъема веры, для христианской проповеди. За время литургии два раза говорилась проповедь. Один раз перед верующими яркое слово произнес священник, приехавший с владыкой. После причащения вокруг храма по традиции прошел крестный ход. Опять подтянулась часть жителей Баранова. Они стояли с иконками вокруг храма и смотрели со стороны на крестный ход. После него в храме владыка произнес проповедь. Он говорил о значении иконы Тихвинской Божьей Матери для России в разные времена. И в целом коснулся темы защиты святынями Земли Русской. В слове архиерея были отмечены благодетели храма. Владыка не стал уходить после проповеди, но сам держал крест для целования верующими и каждому подходившему давал в благословение подарок — хорошего качества молитвослов. Это также указывало на миссионерский характер данного приезда курского архиерея.

После окончания богослужения прихожане имели возможность на улице выпить чаю с пирожками, а почетные гости и церковный клир были приглашены в сельскую столовую на центральной площади, где администрация подготовила праздничную трапезу. По монашеской традиции (поскольку епархиальный архиерей — монах) был постный рыбный стол. После благодарственного слова владыки Ювеналия перед началом трапезы, слово взял глава администрации района. Он отметил, что рад возвращению старой традиции коллективного празднования престольного праздника. В детстве он видел, как сюда, к Тихвинскому храму, на престол собирались из других мест родственники жителей Баранова, чтобы поздравить их с праздником. Этот день остался ярким воспоминанием детских лет. Также он подчеркнул, что сельчане счастливы видеть гостем владыку. Мэр села (бывший председатель сельского совета), поблагодарив владыку за сотрудничество, обратился к нему с просьбой: передать одно из бывших церковных помещений под больничный корпус, а за это сельская администрация готова восстановить другие, требующие ремонта церковные здания. Только к архиерею чиновники обращались «владыка», ко всем же остальным представителям Церкви, включая благочинных, — по имени отчеству. После нескольких праздничных

речей по знаку владыки зазвучало прекрасное пение семинаристского хора. Особенно ярким было исполнение народной песни «Ой ты степь широкая».

Нам удалось побеседовать на престольном празднике с несколькими священниками и спросить их мнения о перспективах восстановления традиции праздновать престольный праздник. Было заметно, что праздник вызвал не только положительные чувства радости от торжества, но для многих он стал поводом для обсуждения накопившихся проблем. Настоятель одного из храмов говорил, что в отношении Церкви со стороны местных властей пока еще сохраняется политика двойных стандартов: во всеуслышание власти говорят о своей поддержке Церкви, но в реальности этой поддержки не оказывают. Только в трех школах района разрешили ввести курс «Основ православной культуры», также ничего не делается для духовного просвещения молодежи. Отпеваётся 13 человек, а крестится только один. Говоривший с нами сельский священник напрямую связывал демографические проблемы с состоянием нравственности среди молодежи: отношения их к абортам, слову родителей, ответственности за семью и друг за друга. Тему зависимости демографических проблем от нравственных, затронули в своей беседе с нами и миряне-прихожане. Чувствовалась, что она волнует всех, и приезд высоких гостей подвиг людей на обсуждение. Одни приводили многочисленные пророчества своих дедов и отцов о времени, когда «женщины будут пожирать детей во чреве», другие высказывали конкретные размышления о молодежи.

Со стороны духовенства мы также услышали оценку современного престольного праздника. Хорошо, что такой праздник возвращается для народа, но возвращается он «не в народном виде и размахе, не для народа, а для начальства». Не было широкого общего угощения, торжественно угощали лишь церковный клир. Также эти встречи, по мнению критически настроенных священников, носят меркантильный характер. Власть заинтересована в рейтингах накануне выборов и потому прибегает к помощи церкви. Один из священников привел пример, что он 10 лет «пробивал» у себя в селе инициативу объявить престольный праздник выходным днем, но так и не добился. У колхозников до сих пор даже воскресный день не является выходным — он оплачивается лишь в том случае, если они его

отработают. «У нас на приходе мы специально варим компоты, печем пироги и после совершения литургии и крестного хода угощаемся все вместе»¹⁰⁸.

Выводы. Сохранение памяти о престольном празднике, как о важном общественном явлении, позволило начать возвращение праздника в русло церковной и народной традиции. Но при этом возвращение идет «сверху», по инициативе правящего епархиального архиерея и поддерживающих его инициативы государственных чиновников. Может быть, в силу такой локальности и недемократичности праздник сегодня имеет зауженный характер, у него нет многих общественно выраженных составляющих: ни функции гостевания, ни гулянья, ни народных игр.

Престольный праздник в храме святителя Димитрия в Очаково (г. Москва). Что отличает проведение современного престольного праздника в столичном храме, если общественно-развлекательный характер празднования здесь по большей части сведен на нет. Основное внимание в городском храме уделяется церковному богослужению, украшению храма, подготовке прихожан к причащению, праздничному водосвятному молебну с чтением акафиста (он проходит перед началом всенощной). При этом внехрамовые формы празднования престола в городских условиях мегаполиса почти отсутствуют. В ряде случаев мы встречаемся с ситуацией, когда по инициативе отдельных священников и прихожан праздник все же получает выход на стихию общественного развлечения и проведения внехрамовых церковных мероприятий. При этом для детей и взрослых в престольный день силами воскресной школы организуется концерт и устраивается общая для прихода праздничная трапеза. На примере храма свт. Димитрия в Очаково подробнее остановимся на этой стороне проведения приходского праздника¹⁰⁹.

Храм свт. Димитрия Ростовского находится в промышленной зоне Москвы, на ее окраине, недалеко от МКАД. Когда-то это был приходской и домовый помещичий храм в подмосковном с. Очаково. После переселения очаковских жителей в 1970-е

---

¹⁰⁸ Село Бараново Курской обл. Экспедиция ИЭА РАН 2003 г.

¹⁰⁹ Материал собирався автором, посещавшим приход в течение нескольких лет, начиная с середины 1990-х годов.

годы из частных домов в многоэтажки храм оказался единственным представителем традиции, связывающим прошлое и настоящее в этой местности в одно целое. В послевоенные годы он сохранился от разрушения только потому что был занят реставрационными мастерскими, выполняя функцию склада. Несмотря на тесное окружение промышленной зоной, здесь вплоть до 1990-х годов сохранялся зеленый массив, старинный пруд, остатки парка — посаженных еще в XIX в. сосен и лип. Поэтому когда в начале 1990-х годов началось восстановление храма по инициативе местных жителей из района Матвеевское, это место больше напоминало монастырь, нежели городской приходской храм. Счастливо совпало, что особый природный ландшафт вокруг и назначенный настоятель — ценитель старинных традиций — ориентировали восстановителей церкви (прихожан) на особый мир старорусского по духу прихода. Здесь рано образовались различные вспомогательные профессиональные артели плотников, кузнецов, иконописцев, механиков, слесарей, электриков, появился свой клирос, а также целая череда постоянных добровольных помощников в самых разных областях церковного послушания. Выросли свои повара, ризничные, умельцы в пошиве церковной одежды, цветоводы, дизайнеры, хорошо работающие с цветами, когда возникла необходимость в украшении цветами икон, да и в целом всего храмового пространства.

Праздники, приходящиеся на два осенних престола, стали важным средством еще большего единения общины и развития ее творческих сил. В значительной степени вся приходская община принимала участие в подготовке к празднованию: уборке в храме, подготовке территории, помощи тем, кто трудился в трапезной. Педагоги воскресной школы готовили концерт, клирос репетировал и разучивал русские народные песни, духовные стихи, канты.

Первый престол 4 октября приходится на раннюю осень, и хотя в храмовом саду продолжали еще цвести астры, бархотки, другие поздние летние и осенние цветы, но все равно для украшения икон и храмового пространства покупали специальные цветы: розы, лилии и др. Храм украшался в правилах южнорусской традиции — пышно и разнообразно. Цветовая корона обрамляла паникадило, венок из цветов висел над Царскими вратами, пышно украшались три иконы святителя Димитрия. Эта

была многочасовая кропотливая работа, требующая усилия и участия нескольких человек, но под руководством опытного, хотя и непрофессионального дизайнера.

Вся металлическая утварь — лампы и паникадило — начинала начищаться за два-три дня до праздника традиционным (не химическим) способом, с помощью лимона. В храме мылись окна, сметалась пыль с верхних ярусов (а это означало монтирование и разбор массивной металлической лестницы в течение одного дня). Нелегким выдавалась предпраздничная ночь у тех, кто трудился в трапезной и у их добровольных помощников. Поскольку за праздничный стол приглашался самый широкий круг прихожан, приходилось готовить угощение на 100 с лишним человек. Повара трудились весь предпраздничный день и всю ночь. Средства на трапезу выделялись частично спонсорами прихода, частично настоятелем.

Начало праздника, как это общепринято, ознаменовывалось чтением акафиста святителю Димитрию и водосвятным молебном. Священник кропил народ водой, и после люди разливали святую воду в емкости. За праздничной всеобщей собирался весь приход (что совсем не характерно для современного сельского праздничного богослужения), храм был переполнен некоторым приходилось стоять рядом с храмом и слушать трансляцию богослужения через усилители. Священники долго принимали исповедь; даже когда служба закончилась, люди продолжали ждать своей очереди, чтобы исповедаться. Причащались на следующий день почти все, как на Пасху или Рождество, с большим количеством детей и молодежи. После литургии все прихожане участвовали в торжественном крестном ходе вокруг храма. Впереди шли дети из воскресной школы: впереди фонарщик со свечей, потом десятка полтора детей несли храмовые писанные иконы на старинных расшитых полотенцах, затем шествовали мужчины-хоругвеносцы из прихожан, затем духовенство, клирос и следом за ними — все остальные в праздничных одеждах. Крестный ход останавливался с южной, потом восточной, северной и западной стороны храма, читалось Евангелие и священник кропил прихожан святой водой. Затем все подходили в храм ко кресту и настоятель благословлял почти каждому (тем, кто принимает какое-либо участие в жизни храма) остаться на трапезу.

Четыре длинных стола (метров по 10—12) были накрыты для прихожан и один стол, стоящий перпендикулярно четырем, предназначался для духовенства и дьяконства. После общей молитвы и начала трапезы настоятель обращался к гостям и прихожанам со словами благодарности, приглашенное духовенство также говорило свои слова. Тон этих речей, хотя имел серьезное содержание, но сопровождался шутками, и добрым юмором, что подчеркивало общую атмосферу доброжелательности и братского единства. Очень скоро начинал пение клирос вместе с певчими гостями из других храмов. Нередко поначалу звучали духовные канты на стихи святителя Димитрия Ростовского, потом — псалмы, духовные стихи, а когда переходили к русским народным песням, то все сидящие подхватывали, и начиналось общехоровое пение. Через какое-то время можно было выйти и поучаствовать в детском празднике, который разворачивался во дворе: спортивные конкурсы, хороводы, народные забавы собирали вокруг этой детской площадки большой круг из взрослых. Веселье продолжалось до 2—3 часов дня, постепенно все начинали расходиться и праздник завершался.

Выводы. В проведении престола в Очаковском храме заметны некоторые черты старой дореволюционной традиции — отмечать начало внебогослужебной части праздника рядом с храмом. В прежнее время эти общественные трапезы проходили по большей части во дворе храма, на улице, на специально подготовленных общественных столах. Праздничная пища готовилась всеми прихожанами из продуктов, принесенных вкладчину. Общественная трапеза в Очаковском храме включала в себя значительную часть прихожан, которые так или иначе помогали храму, в том числе продуктами для приходской трапезной. В современной общественной трапезе нельзя обойтись без целевых расходов — на покупку мяса, рыбы и др, поэтому на эти цели настоятель сам выделяет деньги. Хотя и здесь возможна помощь отдельных прихожан. Новым выглядит активное участие воскресной школы в празднике, когда дети готовят праздничные номера, разучивают народные игры. Все то, что в прежнее время было естественной частью праздника за пределами храмовой территории. Также в современном приходском городском празднике отсутствует домашняя составляющая: нет праздничного домашнего стола, нет гостей-род-

ственников, приезжавших из соседних приходов. Это, пожалуй, самая важная отличительная часть современного городского приходского праздника от дореволюционного. Причина заключается в том, что до сих пор не восстановлена система межприходских связей, порушенная в советское время. Основой их были многолетние межличностные и межпоколенные связи жителей, наличие родственных связей в округе и своя культура почитания святых.

*Престол в пос. Каменка Воронежской обл.*¹¹⁰ В поселке два храма — Казанский и Параскевы Пятницы. Они стоят рядом, оба — новопостроенные, поскольку до революции здесь была отдельно стоящая железнодорожная станция «Каменка» с часовней на вокзале. Пос. Каменка появился в советское время, он разросся и теперь тут проживает несколько тысяч человек. Прот. Александр (Долгушев) поначалу служил в соседнем селе, а жил в Каменке, поскольку там были и школа для детей и поликлиника, где работала врачом его жена. Уже в середине 1980-х у священника появилась мысль построить в Каменке свой храм. И как только началась горбачевская перестройка, он сразу же поехал в Воронеж к уполномоченному по делам религий, а потом в Москву и получил разрешение на строительство. Сначала он построил, опираясь на помощь местных производственников, небольшой храм во имя Параскевы Пятницы, самой почитаемой святой на его родине — г. Кузнецке Пензенской обл., а потом и приступил к строительству большого храма во имя иконы Казанской Божьей Матери. При вокзальной часовня в Каменке до революции была во имя Казанской, и там находился чудотворный образ Казанской Богоматери, очень почитаемый в окрестных селах. Когда храмы стали закрывать, то икона исчезла, считалось, что ее спрятали верующие. Когда началось строительство Казанской церкви, о. Александр хотел заново написать похожий образ Казанской, но, обратившись к старцу схииеримандриту Серафиму (Мирчуку), он решил подождать. И действительно, через некоторое время икона была обретена вместе с несколькими другими в простенке одного дома.

---

¹¹⁰Этнографическая экспедиция ИЭА РАН 2000г. Информанты: настоятель прот. Александр Долгушев (1939г.р.), псаломщик Сергей (1978г.р.), прихожанин Филипп Михайлович Аношкин (1914г.р.), клирошанка и повар Мария Ивановна Шевцова (1925г.р.).

20 июля 2000 г. в Казанском храме с утра, до начала литургии, стали совершать праздничный водосвятный молебен. Народ пришел с емкостями — банками, бидонами, пластиковыми бутылками, уже наполненными водой. Люди ставили посуду на молебный столик рядом с церковной чашей, полной воды. После молебна многие из тех, кто пришел со своей посудой, подходили к алтарнику и просили добавить чуть водицы им в емкость из церковной чаши.

Храм украсили просто и безыскусно теми цветами, которые имелись в этот сезон у сельчан: в вазах стояли флоксы и пионы, крупные ромашки, мелкие розы. Основная часть прихожан — пожилые женщины 60-ти лет и более. Хор также сугубо народный, из молодых непрофессиональных певцов, как привычно сегодня видеть в городских храмах. Хору периодически помогали священник о. Александр, псаломщик Сергей и алтарник. Пение не всегда стройное, но, как говорит настоятель, «молитвенное». Исповедовалось немного — пять человек, что довольно необычно для престольного праздника. Потом была длинная проповедь об истории иконы, «о сектантах, которым мы должны давать отпор». К крестному ходу подошло много людей, не бывших на службе, в результате собралось человек 100 — главным образом местная интеллигенция: врачи, учителя, художник, кто-то из администрации поселка. Основную массу все же составляли пожилые верующие — преимущественно женщины и два-три мужчины. Крестный ход три раза обходил храм, как это было принято до революции в дни престольных праздников, а после, подойдя к западной части, перед папертью остановился, и какое-то время пелись богородичные песнопения («Царица моя преблагая», «Богородице Дева, радуйся», «Не имамы иные помощи» и др.). Все это были старинные элементы древнерусской церковной традиции, о которых отец настоятель знал от своих духовных воспитательниц — старинных монастырских монахинь в 1960-е годы.

Подходя ко кресту, каждый прихожанин кропился священником святой водой. Настоятель объявил, что все приглашаются на праздничную трапезу. Но на трапезу осталось человек 30 пожилых женщин. Они пошли в трапезную при богадельне, где был накрыт общий стол для престарелых, которые опекаются при богадельне (человек 15) и для гостей. Почетные гости были отведены в другую комнату, где обычно обедало духовенство

и принимались гости. Вместе с тем после целования креста богослужебная часть праздника не закончилась. Священник стал служить заказные молебны с чтением акафистов (что было особенно характерно для советского времени церковной жизни, когда верующие заказывали в воскресные дни заказные молебны с чтением акафиста). Молебны служились о. Александром перед почитаемым образом прп. Серафима Саровского, где были прочитаны два акафиста Казанской Божьей Матери и свт. Николаю Угоднику. Из прихожан осталось только 12 человек. После чтения Евангелия каждому на голову возлагается Евангелие, которое потом каждый целует. Подходя после молебна ко кресту, люди скрещивали руки на груди, целовали крест, а священник кропил их освященной на молебне водой. Здесь и последовало приглашение почетных гостей на трапезу. За столом собрались директор одной из средних школ района, директор каменной средней школы, руководитель иконописной мастерской, клир храма. Поскольку была пятница, постный день, то на столе стояла постная закуска: салаты, огурцы, помидоры, рыба жареная, копченая, соленая, холодный борщ, картофельное пюре, компот. Разговор за столом был скорее будничным, чем праздничным, без тостов, пожеланий, напутствий. Трапеза оказалась непродолжительной, после нее священник уехал по делам.

В другой раз нам пришлось бывать в том же приходе зимой 2001г., на престоле, посвященном св. великомученице Параскеве. Торжество было более масштабным. И в крестном ходе участвовало больше людей — одних только почетных гостей собралось человек 50. Стол накрыли на втором этаже богадельни в специальном помещении. Здесь присутствовали почти все представители администрации поселка, интеллигенция, директора предприятий. Произносилось много длинных речей и пожеланий, а хор гостей из г. Эртиля, пел много народных песен и духовных стихов (псалмов). Эта музыкальная часть праздника была очень яркой и находила отклик у присутствующих, которые и подпевали, и отмечали в своих речах красоту народных песен. Праздничная трапеза продолжалась не менее полутора часов. Несомненно, тут здесь озвучивалась особая культура, которая была мало знакома светским представителям, отличался особый язык произнесения пожеланий, создавалась атмосфера народного (по размаху и содержанию) праздника.

Но все же это был внутрицерковный праздник, с его четким регламентом, этикетом и нормами. Здесь не устраивались ни танцы, ни игры, ни обрядовые действия.

Во многом благодаря прот. Александру, знатоку и ценителю старинных обычаев, старой церковной традиции, в приходе уделяется большое внимание народной составляющей. Священник старается выходить за пределы «положенного», вводить больше старых обычаев, где есть место народному участию в богослужении, пытается украсить церковную службу дополнительными элементами, эстетически значимыми (общее песнопение перед папертью в момент окончания крестного хода). Тем не менее все эти усилия ограничены рамками церковной территории, незаметна какая-либо организация народного празднества в доме, на улице.

Современный престольный праздник в монастыре, отмечаемый многодневным крестным ходом

Нынешняя религиозная ситуация характеризуется возникновением большого числа новшеств, которые можно наблюдать в коллективных формах народного благочестия. Появляются новые формы религиозных внехрамовых молений, каких не существовало до революции, и причина этого объясняется в первую очередь безвозвратными потерями в области народной церковной традиции проведения церковных праздников, а кроме того — в крайней упрощенности нынешней церковной народной культуры. Крестные ходы сегодня — самый распространенный вид внехрамового народного моления¹¹¹. Крестный ход, как самый простой и доступный формат для народного церковного творчества, стал ныне основой самых разных форм праздничной народной культуры. Причем порой эти народные инициативы носят локальный и даже единичный характер, что указывает на зарождающийся характер современного церковного народного творчества. Оно, действительно, постепенно набирает вес, усложняется, заявляет о себе как о традиции. Новое не может не учитывать элементов прошлой культуры, и

---

¹¹¹ Главное в крестном ходе — коллективная молитва, как считает исследователь этого вопроса Г.А. Романов (*Романов Г.А. Современные крестные ходы // Материалы международного научного симпозиума «Православие и культура этноса»* (Москва, 9—13 октября 2000г.) М.; Воронеж, 2001. С. 180).

здесь мы видим, что крестные ходы, привязанные к почитанию престольных монастырских праздников, частично вбирают в себя сохранившиеся образцы старой традиции.

Мы рассмотрим два вида современного коллективного внехрамового моления. Один — территориальные крестные ходы, организуемые по инициативе монастыря или благочинного в благочинии, когда из окружающих селений собираются в крестные ходы и движутся в монастырь, объединяясь по пути в один крестный ход¹¹². Другой вид коллективного внехрамового моления, предпринятого ради монастырского праздника, — детское паломничество — относится пока к числу локальных и даже единичных явлений.

Крестный ход в Серафимовский скит, находящийся в Эртильском благочинии, Воронежской епархии начался 28 июля 2003 г. из двух точек: из городов Новохоперска и Борисоглебска¹¹³. Борисоглебцы должны были пройти за два дня около 80 км, а новохоперцы — около 70. Было важно, чтобы крестный ход уже с отправной точки оказался многолюдным, а этого можно было достичь, только отправляясь из города. В крестный ход из Борисоглебска собрались прихожане нескольких храмов, в результате чего набралось не менее 100 человек, в большинстве своем люди молодого и среднего возраста. Из Новохоперска вышло человек 30, поскольку в городе всего один храм. Среди новохоперских богомольцев выделялась группа православных цыган (восемь человек) — прихожан Воскресенского храма. Во главе новохоперцев был деятельный и энергичный, неделю как рукоположенный, священник Михаил. Борисоглебцы возглавлял ответственный мирянин. Благочинный прот. Александр на каждой ночной стоянке подъезжал к крестному ходу, узнавал новости, принимал участие в богослужениях. Так же действовал и благочинный из Новохоперска, прот. Виктор.

Наша экспедиционная группа разделилась: кто-то поехал в монастырь, другие — с крестным ходом из г. Новохоперска прошли весь путь с богомольцами. 28 июля в 6 утра в Воскресенском соборе г. Новохоперска (величественный образец

---

¹¹²По классификации Г.А. Романова, этот крестный ход по признаку повторяемости событийным, по признаку церковной общины можно считать приходским, по причине крестного хода — праздничным, по длительности — многодневным. (Романов Г.А. Указ. соч. С. 181).

¹¹³Воронежская обл. Экспедиция ИЭА РАН 2003г.

епархиальной архитектуры второй середины XIX в. архитектора К. Тона) крестоходцы собрались на водосвятный молебен о путешествующих. Всех окропили водой, дали целовать крест, как благословение на дорогу. Одежда крестоходцев была «походной», кроме того, каждый имел на веревочке на груди икону. Для торжественности и подчеркивая духовный характер шествия, были взяты из храма хоругви, а также фонарь со свечей, который обычно несут, когда обходят вокруг храма крестным ходом. Фонарь поначалу долго нес парень 23 лет, по имени Александр. Также впереди крестного хода несли запрестольный деревянный крест. Всего было четыре хоругви: две деревянные — с иконой Богородицы, с иконой свт. Николая и две матерчатые. Все эти святыни несли все время впереди молодые мужчины, сменяя друг друга. Было задано молитвенное правило во время крестного хода: все вместе пели дивеевским распевом (ритмичным) «Богородице Дева, радуйся». А когда останавливались, 10 раз выпевали «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею помилуй нас грешных». После первых пяти километров у лесочка прочитали акафист иконе Божьей Матери «Умиление». Крестный ход обязательно останавливался у святынь: полуразрушенных храмов, кладбищ, источников, и тогда совершалось коллективное моление: на кладбище пели панихиду, у полуразрушенных храмов читали Евангелие. Было странным видеть, что сельчане не встречали крестный ход должным образом, не подходили к крестоходцам, не шли с ними на родное кладбище.

Неподалеку от кладбища, где крестный ход разместился на отдых в тени берез, был прочитан акафист прп. Серафиму Саровскому. На костре вскипятили чай и естественным образом расселись отдельными группами по 8—10 человек. Тут стоит сказать, что в крестном ходе приняли участие не только взрослые, но и подростки, и дети. Одна церковная семья взяла с собой детей трех и пяти лет, которые почти всю дорогу сидели в колясочке. Было три подростка из числа шедших с нами цыган. Они проявляли ревностное отношение к несению святынь, искренне молились, но нередко посмеивались, когда кто-нибудь на общей молитве пел слишком «крикливо». Организаторами было предусмотрено, что не все смогут пройти пешим ходом весь путь почти в 100 км, поэтому за нами ехал небольшой автобус. Самая пожилая в крестном ходе Неонилла Михайловна,

75 лет, так и не воспользовалась автобусом, пройдя весь путь пешком. Но машина и без нее не пустовала.

Первый день планировалось завершить в сел. Таволжанка, в 31 км от Новохоперска. Пришли туда уже под вечер, когда садилось солнце. Сразу же был проведен водосвятный благодарственный молебен, все участники окроплены святой водой. Святыни, включая нагрудные иконы, сложили на один столик. По договоренности с одной семьей крестный ход был встречен, накормлен и устроен на ночлег. На ужин были борщ, картошка с огурцами и капустой, ситро. Большая часть народа расположилась на сеновале, где места было предостаточно. Таволжанка оказалась не совсем обычным селом, здесь до революции был крупнейший в Воронежской епархии женский монастырь, ныне полностью разрушенный. По нашей просьбе была устроена встреча со старожилами села, которых оказалось немного. Одна из жительниц села 1921 года рождения, рассказала о разорении женской обители в начале 1930-х годов, но лишь самые общие сведения. Главное, что осталось в памяти — педагогическая деятельность монахинь. Было упомянуто имя монахини Елены Константиновны, которая учила крестьянских детей и пользовалась у крестьян большим уважением. Запомнились и престольные праздники в монастыре (4 ноября, на Казанскую), когда ходили не только таволжанские жители, но и народ со всей окрестности. В монастыре были комнаты для богомольцев, пришедших из дальних мест.

29 июля крестоходцев подняли в 6 часов утра, после легкого чая все помолились за благодарственным молебном, отслуженным священником ради хозяев дома. Далее крестный ход двинулся к разоренному монастырю, и на месте разрушенного собора священник также отслужил молебен, а после совершил панихиду на монастырском кладбище. Отсюда крестный ход, читая распевным речитативом молитву «Богородице Дево, радуйся», двинулся дальше. Чем ближе мы продвигались к монастырю, чем больше верующего народа стало попадаться в селах. В огромном с. Кутки крестоходцев стали спрашивать о том, кто мы и куда идут. Священник минут 30 рассказывал в центре села о цели нашего крестного хода. Но стоило вдали показаться вдали машине со свежим хлебом, как половина местных жителей побежала к хлебному магазину, не дослушав рассказ до конца. Впрочем, в этом селе впер-

вые люди начали писать записки и передавать нам для монастыря. Отец Михаил впервые здесь благословлял крестом всех подходивших. Почти никто из сельчан не мог правильно креститься, не знал, что нужно прикладываться к святыням. Тем не менее значительная часть местных жителей смотрела на крестный ход издали, от своих домов. В конце села одна семья, стоявшая у ворот дома, проявила искренние чувства: все перекрестились и в пояс поклонились святыням и крестному ходу.

В следующем крупном населенном пункте — с. Тихвинка — люди проявили еще большую активность: тут многие уже ждали крестный ход, встречали его группами по пять семь человек, в основном пожилые женщины. Они присоединились к нам, и мы все вместе двинулись к полуразрушенному храму во имя иконы Тихвинской Божьей Матери. С разбитых стен еще проглядывали лики святых, но в целом храм был сильно руинирован. Встав перед алтарем, где уже не было ни алтарной преграды, ни пола, целых окон, священник отслужил водосвятный молебен, окропил храм водой, потом все перешли на место, где было церковное кладбище, и здесь была отслужена панихида. Жители высказали уверенность, что теперь начнется восстановление их церкви. По местоположению храм находился чуть в стороне от сельской улицы, и, когда мы опять вернулись на дорогу, бросился в глаза контраст между руинами храма большим числом крепких хозяйств, высокими кирпичными домами, свидетельствовали о зажиточности сельчан.

Местные жительницы, человек 20—30, проводили крестный ход до окраины села. Впереди у нас ожидалось еще 15 км полдневной и послеобеденной июльской жары, без ветра, с подъемом в гору. Планировалось, что ночевать крестный ход будет в с. Листопадовке, где предполагалась встреча с крестным ходом из г. Борисоглебска. На подходе к селу нас встретил местный священник о. Александр и после приветствия крестоходцев, тут же уехал в село готовиться к встрече. Листопадовка, как и предыдущие два населенных пункта, — зажиточное село. Посредине его — на заросшем лесном островке — находятся останки почти разрушенного в советское время храма, который даже не стали восстанавливать. Новый храм в селе построили из белого кирпича, но вид у него классического «типового» сельского храма XIX в.

Религиозность жителей села, проявляемая по отношению к нашему крестному ходу, была неодинаковой. Чем ближе мы подходили к действующему храму, тем активнее вели себя жители. Поначалу на нас смотрели с любопытством издали, сидя на скамейках рядом с домами, никак не выражая своего чувства. Потом стали появляться люди, которые крестились, завидя нас, и делали поклоны. Еще большее воодушевление и нормы религиозной культуры мы обнаружили в этом селе, когда на следующий день, отправились в дорогу в сторону монастыря. Люди выходили из домов с иконами, убранными праздничными домоткаными полотенцами и торжественно молитвенно приветствовали крестоходцев. Некоторые выносили продукты и передавали их для крестного хода или монастыря.

Пройдя за день около 30 км, крестный ход из Новохоперска приблизился к листопадовскому Покровскому храму. Возле храма стояли настоятель и группа прихожан, человек 50. Они встретили крестный ход хлебом-солью, после чего все двинулись в церковь, чтобы отслужить благодарственный молебен. Настоятель о. Александр сказал проникновенное слово о крестных ходах и о покаянии. Закончил торжественным пасхальным обращением «Христос воскрес!», на что все в храме дружно отвечали «Воистину воскрес!». Пасхальное обращение в конце августа было, очевидно, не случайным. Крестный ход представлял собой величественное церковное, соборное торжество, апофеоз единения и веры. Кроме того, он шел в Серафимовский скит, а прп. Серафим Саровский имел обыкновение обращаться к приходящим богомольцам с этим приветствием в любое время года.

Крестоходцев усадили за длинные столы, стоявшие во дворе храма под березами, и покормили ужином: куриным супом, картошкой, пирожками с повидлом, печеньем, чаем, колбасой. В тот же вечер должен был подойти еще один крестный ход, из Борисоглебска. Когда борисоглебцы появились, было заметно, как они разительно отличались от новохоперского крестного хода: и гораздо большим числом, более энергичным, ритмичным песнопением и наличием в крестном ходе храмовых святых: больших деревянных икон, которые несли по два человека. Среди идущих пешком крестоходцев находилась семья с ребенком-инвалидом на инвалидной коляске. Было много молодежи. Как потом выяснилось, в Борисоглебском крестном

ходе приняло участие 100 горожан, потом к ним присоединились в пос. Поворино (по пути) еще 18 человек, из г. Балашова подъехала небольшая группа, из с. Грибановки — 10 человек. После торжественной встречи борисоглебцы прошли в храм и там был отслужен благодарственный молебен. Новохоперские крестоходцы отправились со священником Василием читать акафист прп. Серафиму Саровскому. Предполагалось, что новохоперцы будут в течение дня прочитывать два акафиста: Божьей Матери «Умиление» и прп. Серафиму Саровскому. На ночевку отправились кто куда: одни остались спать в храме, других разобрали по домам прихожане.

Утром на этот раз отправились в путь не рано, а только в 9 часов. Крестный ход стал единым после слияния борисоглебцев и новохоперцев (а это 150 человек), и в него влились жители Листопадовки. Молитвенное правило новохоперцев изменилось. До этого они пели речитативом «Бородице Дево, радуйся, благодатная Мария, Господь с Тобою, благословена Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших», а борисоглебцы — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Надо было выбирать что-то одно. Взяли за основу борисоглебское пение. А они пели не только на дивеевский распев, но и двумя хорами: первую часть молитву пели мужчины, а вторую — женщины, или наоборот. И такое пение придавало молитве еще большую динамику и цельность. До монастыря оставалось небольшое расстояние. К полудню крестный ход подошел к основной трассе, дорога от которой уходила в сторону монастыря. Здесь высился большой деревянный крест с каменной Голгофой и чуть в стороне виднелся остов сгоревшей часовни. Часовню, как потом выяснилось, сожгли недавно неизвестные люди. Крестоходцы, приблизившись к поклонному кресту, начали петь «Кресту твоему поклоняемся Владыко и святое Воскресение Твое славим». Здесь сделали последний привал перед приходом в монастырь. Около 40 минут шло прикладывание ко кресту, и все это время возле него стояла группа запевальщиц из Борисоглебска, которая продолжала петь «Кресту твоему...».

Подъехал настоятель скита игумен Серафим (Ключанцев), облачился. Тем временем погода испортилась: пошел ливень, поднялся такой сильный ветер, что хоругви вырывало из рук. Под проливным дождем и шквальным ветром дошли до обители,

где обнаружили свои сложности. Здесь не было ни асфальта, ни даже щебня, утрамбованный воронежский чернозем, быстро разбухал от воды и становился на глазах жирным и клейким. Рано стемнело. К монастырскому храму крестоходцы подошли уже сильно уставшие от долгого пути, мокрой одежды и грязной обуви. Но благодарственный молебен с акафистом вернул всем необходимую бодрость и люди снова повеселели. Настоятель помазывал всех святым елеем и благословил прикладываться к многочисленным святыням-мощевикам. Уже затемно отправились на трапезу и размещаться на ночлег. Большая часть женщин разместились в храме, помыв предварительно в нем полы.

Для многих крестоходцев испытания последних нескольких часов оказались не под силу (холод, сырость, скудный ужин, перспектива неуютного ночлега), поэтому половина новохоперцев уехала на автобусе в Новохоперск с тем, чтобы вернуться на следующее утро на нем же в монастырь.

Утром мужчины собрались у храма, получив от настоятеля задание (послушание) построить навес перед церковным входом, поскольку здесь собирались поставить выносной престол. Ввиду большого числа богомольцев, предполагалось совершить праздничную литургию под открытым небом. Многие из женщин отправились трудиться на монастырский огород, хотя и залитый водой (дождь продолжал накрапывать). Впрочем, скоро дождь прошел, выглянуло солнце и земля стала быстро подсыхать. Плотницкая бригада крестоходцев подчинялась монастырским плотникам, которые хорошо знали свое дело, и работа спорилась. Подходил настоятель и интересовался, как идут дела, помогал. После полудня начали съезжаться богомольцы на машинах. Они что-нибудь да везли: цветы на украшение праздника, кули с продуктами. К вечерней праздничной службе собралось человек 150—200 приехавших богомольцев. Выстроенный деревянный помост (своего рода алтарь) к этому времени украсили цветами. На заднюю стену повесили ковры с изображениями Божьей Матери «Умиление» и прп. Серафима. Немногочисленный монастырский хор, пел за богослужением. Как только служба закончилась, престол унесли в храм, в алтарь, и народ пошел на трапезу (суп, огурцы, компот с хлебом). Все вместе выслушали вечернее молитвенное правило и правило к причащению.

Утром движение началось рано. В пятом часу ударил колокол, по кельям прошел человек с колокольчиком, сзывая всех в храм. Прошли монастырское правило, чтение акафистов, водосвятный молебен. На помосте водрузили престол, чудотворный образ прп. Серафима, украшенный цветами, поставили множество ваз с цветами, повесили еще два ковра со Спасителем и образ Казанской Божьей Матери. Вместо монастырского хора на клирос встал профессиональный хор из борисоглебского Знаменского собора. В богослужении участвовали 14 священников, три дьякона. Монастырь не имеет ограды, и было заметно обилие легковых автомашин, прибывших сюда. Собралось не менее 1000 богомольцев. Было много причащающихся, поэтому приобщение к Святым Тайнам велось из четырех чаш. Как только завершилось причастие, сразу начался грандиозный крестный ход вокруг обители (по периметру около 1 км). Вся дорога, по которой двигалась процессия, была устлана свежей полевой травой с цветами. На массивные носилки была поставлена чудотворная икона прп. Серафима Саровского, на другие (поменьше) — мощевик. Группа, несшая святыни, двигалась справа и слева от зеленой дорожки. Все богомольцы коридором выстроились на пути иконы и мощей и, как только они приближались, становились на колени и «подныривали» под икону и мощевик. Когда святыни вернулись к помосту, где стоял престол, там совершили торжественный молебен, после чего несколько священников сказали проповеди. Настоятель Серафимовского монастыря сообщил, что в этом году исполняется пять лет со дня основания обители. И в первый год здесь присутствовало только несколько человек. На второй год число богомольцев увеличилось — люди ценят, что собирается некое подобие монастыря. В речах почетных гостей прозвучала мысль о духовно-оформительском значении монастыря для большой округи, в том числе для городов Борисоглебска и Новохоперска. Общество борисоглебских паломников преподнесло монастырю две писанные иконы Божьей Матери «Умиление» и прп. Серафима Саровского. Потом богомольцам было предложено несколькими партиями пойти на трапезу. Каждому богомольцу обители был выдан небольшой подарок: освященные сухари, пузырек с освященным маслом и небольшая иконка прп. Серафима. Часть гостей направилась к святому источнику, другие продолжали стоять рядом с помостом и петь духовные стихи.

После трапезы новохоперцы и борисоглебцы сели по своим автобусам и отправились домой. В Новохоперске богомольцы были встречены благочинным о. Виктором и в церкви был отслужен благодарственный водосвятный молебен. Каждого участника крестного хода настоятель окропил святой водой.

Выводы. В проведении праздника настоятель описанной нами обители в значительной степени руководствовался фактором «народного благочестия». Совершенно очевидно, что он сознательно ориентировался не на «отдельного богомольца», отдельного верующего, а на массу, на единое духовное тело. Поэтому настоятель монастыря организует *народное моление* задолго до начала праздника в монастыре. Народное молитвенное единение начинается с многодневного (два с половиной дня) крестного хода, который в значительной степени не только духовно воспитывает людей, но подготавливает религиозное чувство крестоходцев к праздничному участию в монастырской службе. И в самом монастыре настоятель также целенаправленно организует народную стихию на коллективную молитву, на коллективное духовное единение, когда проводит крестный ход со святынями для того, чтобы богомольцы могли «благословиться у самого преподобного». Очень важным представляется этот момент созидания духовного пафоса, когда люди в духовном восторге встречают святыни и молятся перед ними. В монастыре они могут коллективно сходить на святой источник, коллективно потрудиться на обитель, коллективно вычитывать молитвенные правила. Здесь богомольцы встречаются с большим числом таких же, как они, верующих, и эта сила их единения также служит залогом соборности, которым пронизана жизнь монастыря. Таким образом, благодаря умелому и духовному подходу настоятеля мужской обители за короткий срок (пять лет) происходит собиание социальных сил верующих в сообщество людей, объединенных общей молитвой на крестных ходах, общим участием в поклонении святыни, общими границами особого монастырского мира.

До революции самой распространенной формой монастырского участия в духовном единении верующих был вынос монастырской святыни за пределы обители и хождение с нею по округе. Настоятель Серафимовского монастыря имеет обыкновение бывать на важных церковных мероприятиях в Борисоглебске и в отдельных приходах, привозя в праздничные дни

сюда монастырские святыни. Но в случае с проведением дня памяти прп. Серафима Саровского в Серафимовском монастыре описанные выше формы коллективного народного моления являются новыми, не существовавшими до революции, но при этом они очень быстро прививаются и становятся близки людям. И причина этого в том, что и участники крестного хода, и организаторы его (в том числе настоятель монастыря) не выходят за рамки народной церковной традиции, которой привычны и крестные ходы, и прохождение под святыней, и посещение святых источников и др.

Описанный нами крестный ход из нескольких точек (городских) в монастырь, совершаемый к престольному дню, не соответствует ни одной из классификаций, существовавшей в дореволюционной России. В перечне типов крестных ходов, приведенных Г.А. Романовым, нет описанного выше типа. Это явление совершенно новое, сложившееся в последнее время и, очевидно, имеющее не только локальный, но и, возможно, пока единичный характер. До революции инициаторами крестных ходов по округе в абсолютном большинстве были сами монастыри. Не было случаев привязки крестных ходов к престольному празднику в монастыре. Настоятель недавно организованного монастыря (пять лет обители) через благочинных и настоятелей городских храмов организует крестные ходы в монастырь ко дню престола. То есть он использует «народный фактор» и форму крестного хода для того, чтобы сделать праздник более многолюдным и в тоже время церковным. Для этих же целей используется необычный крестный ход внутри монастыря после литургии с перенесением чудотворного образа и обрядом прохождения под ним всех верующих. Новые формы, продуманные заранее, нашли живой отклик у верующих, потому что им были близки и крестный ход, и предложенные в монастыре народные формы почитания святыни.

Детское паломничество (дневник участника)

Следующий пример коллективного моления, который мы также опишем и подробно разберем, относится к типу детских паломничеств. Этот феномен, хотя и локальный сегодня, но ведет свое начало с 1880-х годов дореволюционной России.

Школьные паломничества, как явление широкого и во многом нового в религиозной жизни дореволюционной России,

принято связывать с именем великого русского педагога Сергея Александровича Рачинского (15 мая 1833 г. — 15 мая 1902 г.). Генезис церковно-приходской школы не земского, а приходского происхождения, школы, опирающейся на приходского священника и на приход (в 1860-е годы), было экспериментальным, новаторским делом, получившим резонанс и распространение. Отрыв высшей школы (а после 1861 г. и низшей) от религиозного воспитания тогда уже принес свои негативные плоды — появился широкий слой разночинной интеллигенции с атеистическими и нигилистическими воззрениями, прямо или опосредованно поддерживающий боевые организации революционеров, тех самых террористов, которые сегодня стали проблемой номер один в мире. Свои идеи революционеры понесли в народ. Многие народники работали в деревне врачами, педагогами, агрономами. Лечили тело народное, но дух его отравляли безверием и нигилизмом. Но кроме народников деревне и через официальные структуры стал навязываться безрелигиозный тип учебного заведения на основе земской школы — школы узко практического направления, прагматической, духовно выхоленной. И как важно было дать верное направление народной школе, чем занимались такие русские православные педагоги и идеологи, как Н.И. Ильминский, С.А. Рачинский, К.П. Победоносцев и др.

Школьное паломничество С.А. Рачинского следует рассматривать в свете всей его многогранной педагогической деятельности. Только после 20 лет существования Татевской школы (с. Татев, или Троицкое — имение Рачинского в Тверской губ.) Сергей Александрович делает первую попытку отправиться вместе с детьми на богомолье в Нило-Столобенскую пустынь. С.А. Рачинский пишет, что его стало задевать, что деревенские дети не участвуют, как правило, вместе со взрослыми в их долгосрочных паломничествах в окружающие монастыри, вследствие чего лишены духовного укрепления, которое приносит паломничество (это и духовный труд, и соприкосновение со святыней, и знакомство с монастырской традицией). Но время и обстоятельства уже не отпускали такой возможности — ждать срока взросления детей. В 1878 г. небольшая группа татевцев — 40 человек детей и четыре педагога — отправились в монастырь¹¹⁴. Важным

---

¹¹⁴Еще один поход состоялся в 1886 г.

культурным результатом паломничества было составление его описания Сергеем Александровичем и публикация этого материала в «Русском вестнике» в 1887г.¹¹⁵ Но понадобилось несколько лет, чтобы пример был осмыслен и получил распространение в общероссийском масштабе. Такие паломничества стали необычно популярны, и можно говорить о многих сотнях примеров в самых разных местах страны, когда сельские (реже — городские) учителя предпринимали пешие паломничества вместе с детьми и видели благие результаты этого начинания.

В 1901г. Св. Синод обязал все духовно-учебные заведения и церковно-приходские школы ежегодно праздновать 11 мая — память святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славянских. На местах начали совершаться миссионерские, паломнические, краеведческие походы с детьми, приуроченные ко дню этого праздника. В епархиальных ведомостях за период с 1901 по 1917г. отражена эта впечатляющая общероссийская картина сельских школьных паломничеств¹¹⁶.

В 2000г. по инициативе Натальи Ивановны Пономаревой, директора Санкт-Петербургской школы народных искусств императрицы Александры Федоровны, состоялось памятное событие: силами учеников и педагогов школы был повторен паломнический поход дореволюционного прославленного педагога из с. Татева. Новый поход назвали «по следам школьного похода С.А. Рачинского в Нило-Столобенскую пустынь». В рамках этого паломничества решались следующие задачи: 1) культурная (знакомство с историей и традицией края); 2) духовная

---

¹¹⁵ Работа С.А. Рачинского «Школьный поход в Нилу пустынь» переиздана в наше время в: Школа православного воспитания / Сост. А.Н. Стрижев. М.: Паломник, 1999. Было более раннее американское переиздание в журнале «Православная жизнь» (Нью-Йорк). №10—12 за 1956 г. и №1—2 за 1957г.

¹¹⁶ Приведем некоторые из них: Паломничество учеников Новотроицкой церковно-приходской школы (Кальновской) в Валуийский Успенский монастырь // Воронежские епархиальные ведомости. 1897. №5. С. 415—418; Пензенские епархиальные ведомости. 1904. №14. Неоф. С. 485—488; Паломничество учеников сельских школ в Ошевенский монастырь // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. №12. С. 466—467; Религиозное паломничество учащихся школ // Там же. 1904. №12; *Ильинский И. свящ.* В Ошевенский монастырь // Там же. 1908. №12. С. 276; *Сергиевский Г.П.* Паломничество учеников Каргопольского училища в Кирилло-Челмогорскую пустынь // Там же. 1912 №23. С. 405—407; Паломничество детей Медведевской школы грамоты на поклонение мощей св. прав. Симеона Верхотурского // Церковные ведомости. 1895. №21. С. 736—737.

(паломничество предполагает молитву в пути, поклонение встречающимся святыням и особую встречу с главной святыней, ради которой совершается паломничество, в конце пути); 3) туристическая (спортивные игры, пешее и транспортное путешествие по территориально значительной части Тверской обл.). В рамках культурного направления велась интенсивная краеведческая и этнографическая работа с местным населением: собирался фольклор, записывались поверья, старинные свадебные песни, духовные стихи, обычаи проведения народом церковных праздников.

Культурный пласт памятников был неоднороден: внимание уделялось как чисто церковным раритетам (известные церкви, многие из которых были руинированы, святые источники, почитаемые иконы), так и светским (памятные места, связанные с именами Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и др.). Не оставались незамеченными и следы Великой Отечественной войны. Предполагалось, что научная работа будет частью паломничества, поэтому что у всех детей был свой участок деятельности: одни рассказывали об истории места, другие зарисовывали встречающиеся этнографические артефакты, третьи вели дневники, четвертые записывали на диктофоны фольклор и рассказы старожилов, пятые фотографировали и т.д. Сводный отчет был составлен уже после возвращения домой. Единство и цельность паломничеству придали именно паломническая форма — движение в направлении к святыне — Нило-Столобенскому мужскому монастырю. Именно эта сверхцель позволяла формировать особое отношение ко всему, что встречалось в пути, включая прекрасную тверскую природу, Волговерховье, начало Валдайской возвышенности.

Началась наша паломническая поездка из г. Ржева, куда утром 4 июня 2000г., в 9 часов, тепловоз привез петербургских ребят и педагогов из Школы народных искусств императрицы Александры Федоровны. Приехали седьмой и десятый классы, с ними три педагога и директор школы Н.И. Пономарева. Здесь они встретились с небольшой группой, которая «десантировалась» несколькими днями раньше, готовила маршрут, договаривалась с транспортными организациями, директорами школ и т.д. В тот же день они уезжали обратно в Петербург. Для укрепления научной стороны паломничества из московского Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

РАН был приглашен старший научный сотрудник О.В. Кириченко, который стал ответственным за этнографический аспект этого необычного духовно-культурного мероприятия.

На вокзале нас уже дожидался когда-то популярный в малых городах автобус — так называемый вахтовичок, с одной передней дверью, которую закрывал длинным рычагом сам водитель. Водителя звали Иваном. С ним паломникам просто повезло: непьющий, некурящий, добродушный и спокойный семейный человек. Но и у него были свои слабости: водительский салон был обклеен плакатами с изображениями женских фигур в модных купальниках. Что-то особенно откровенное срочно пришлось задрапировать.

Мы поехали по ржевским улицам. От старины здесь почти ничего не осталось. Мелькали обычные пятиэтажки или массивные постройки сталинского послевоенного времени. У ребят был заранее приговорен рассказ об истории Ржева, и десятиклассник Владик Гаврилов, поднявшись с сиденья, начал повествование издалека. Рассказал скрупулезно о седой древности, а потом перешел к истории последней войны. Войн здесь было много. Город три раза занимал неприятель. Позже мы узнали, что и советская власть крепко по нему прошла своим железным катком. До революции город славился многочисленными церквями, садами, купеческими и мещанскими домами, ухоженными кладбищами. Из всего церковного богатства сохранилось только два храма. Не пожалели большевики городской кафедральный Успенский собор¹¹⁷ и могилу рядом с ним прославленного на всю Россию протоиерея Мефодия Константиновского. А ему город был многим обязан. Духовник Н.В. Гоголя, тесно общавшийся с великим писателем последние годы его жизни, о Мефодий немало сделал для восстановления церковного и городского благолепия в родном Ржеве после войны 1812г.

В советское время все православные храмы были закрыты, действовал один единственный — старообрядческий. Туда и ходили православные крестить детей. Этот храм и ныне один старообрядческий на всю Тверскую обл., поэтому сюда с мест приезжает на службы много старообрядцев. Храм богатейший, выстроил два больших детских лагеря, каждый на 80 человек.

---

¹¹⁷Здесь была гробница Ржевских князей XIII в. — святых благоверных Владимира и Агрипины (см.: *Голубинский Евгений, свящ. История канонизации святых в Русской Церкви*. М, 1998. С. 454—459. Репринт М., 1903.

В память «о пострадавших за веру от богоборцев» в городе возводится православный деревянный храм с престолом, посвященный новомученикам и исповедникам российским. Кроме того, действуют два восстановленных храма: Оковецкой иконы Божьей Матери (или Предтеческий, официально — по главному престолу) и кладбищенский храм, который ныне является кафедральным.

Оковецкий храм — ротонда XIX в. — стоит на горе, на берегу Волги, и виден издалека. У храма большой земельный участок на склоне и под ним. Тут же внизу вновь выстроенный из белого кирпича со вторым деревянным этажом комплекс первой церковной средней школы в г. Ржеве. Знакомимся с настоятелем церкви о. Константином и по случаю поздравляем его с только что прошедшим днем ангела. Отец настоятель с большим интересом рассказывает о своей школе. Она существует только год, имеет 32 ученика и считается филиалом тверской общеобразовательной церковной школы. Отец Константин приехал в эти края с Урала, из Челябинска, но во Ржеве живет с момента восстановления обоих действующих православных храмов. Кладбищенский храм начал возрождаться в 1988 г. По словам настоятеля, «народ православный был тогда очень слаб в понятиях веры, мало кто читал и знал евангельские тексты». Ныне ситуация значительно изменилась в лучшую сторону.

Храм Оковецкой Божьей Матери стал восстанавливаться совсем недавно — 6 лет назад. Он уже отремонтирован внутри и снаружи, в нем установлены иконостас и киоты.

Дети из православной школы — активные помощники настоятеля храма. В школе преподаются, кроме обычных дисциплин, церковно-славянский язык (в 5—8-х классах), литургика (в 9 классе). Главный вопрос, который ставят перед собой и педагоги и ее руководитель — о. Василий, — воспитание детей в рамках традиционной православной веры, духовности. А это сейчас подразумевает критическое отношение к разного рода материалистическим мифам, которыми так богата была советская школа и от которых совсем не желает отказываться современная демократическая, или светская школа. Это и дарвиновская теория «происхождения от обезьяны» через эволюцию, и узкое морализаторство в классической художественной литературе, и многое другое.

Ученики здесь подробно и много занимаются русской святостью: изучают жития святых, собирают местный материал о новомучениках и исповедниках, подвижниках благочестия. Пишут доклады на эти темы, с которыми выступают перед одноклассниками. В литературе практикуется долгое, подробное изучение одного произведения. Так, «Лето Господне» И.С. Шмелева дети проходили одну четверть: читали, пересказывали, рассуждали, писали сочинения, делали рисунки. На лето получили задание — прочитать несколько житий святых, «Недоросль» Д. Фонвизина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева и «Слово о полку Игореве».

По предмету Закон Божий готовят доклады. Например, о святом праведном Иоанне Кронштадтском, о святом царе Николае II, прп. Серафиме Саровском, также по истории некоторых монастырей. С любовью и вниманием ребята относятся к своему церковному огороду, который по территории достаточно большой.

Есть в школе и несколько кружков по рукоделию: вязанию, вышиванию золотом и бисером. Для церкви уже вышивалась плащаница. Заметна и искусная работа тех, кто из нанизанного бисера создавал стаканчики для лампад. Ребята — плотники и резчики — научены делать скворечники и некоторым навыкам художественной резьбы. Оковецкий храм сохранил старинную традицию особого почитания иконы Божией Матери Оковецкой — иконы, явленной в XVI в. в с. Оковцы. Когда то в XVI в. эту икону в Москве называли Ржевской. До революции 24 июля — день празднования «Явленной» — был во Ржеве высокоторжественной датой. Заранее сюда из с. Оковцы прибывал крестный ход с чудотворным образом. Икона некоторое время находилась в соборе, перед ней совершались многочисленные молебны. Позже крестный ход отправлялся к месту явления. Сегодняшние православные Ржева в день праздника 24 июля едут в Оковцы на автобусах и машинах. И хотя сама явленная икона не сохранилась, память об этом событии жива в народе. В этот день со всего Тверского края в Оковцы к святому источнику (на месте явления чудотворного образа) съезжается множество почитателей святой иконы.

Отец Константин посчитал, что начало нашего паломнического маршрута по Тверской земле следует освятить молебном о путешествующих. Батюшка облачился в ризу и вместе с

петербургским детским хором отслужил молебен, а после благословил каждого крестом и преподнес в благословение образок Божьей Матери Оковецкой. С.А. Рачинский глубоко почитал образ Оковецкой Божьей Матери. В свое время его отец, Александр Викторович, получил исцеление от долговременной и тяжелой болезни, когда с верой пришел на поклон в с. Оковцы к чудотворному образу¹¹⁸.

Общий маршрут нашего паломничества несколько отличался от того, каким шел со своими учениками С.А. Рачинский. Они двигались пешком из с. Татева в направлении с. Оковцы, и шли более короткой лесной дорогой, которая ныне для нас, увы, стала недоступной. Сначала нам пришлось заехать в районный центр Оленино и лишь оттуда отправиться в Татево.

Общий маршрут выглядел так: Ржев — Оленино (50 км); Оленино — Татево (45 км); Татево — с. Оковцы — г. Селижарова (90 км); г. Селижарово — д. Голенково — д. Малое Гольтино (10 км); Малое Гольтино — г. Осташков (30 км); г. Осташков — с. Волговерховье (67 км); г. Осташков — Нило Столобенская пустынь (30 км). Таким образом, наша дорога оказалась длинной — более 300 км.

Мы шли по той, и не совсем той земле, по которой двигались татевцы. Сергей Александрович Рачинский не искал со своими питомцами следов старинного русского православного быта, не учил ребят приглядываться к остаткам могучей русской духовной традиции, не был гостем в этих краях. Он шел как простой искренний богомолец по земле, еще не тронутой насилием и разрухой. Путь их «Божьего радения», как народ называл тогда богомолье, лежал мимо сел, деревень, погостов, многочисленных часовенок, поклонных крестов, мимо нераскрестьяненной еще русской глубинки. Но этот паломнический поход нужен был его школе, как нужен он и теперешней Школе народных искусств в Санкт Петербурге. Школа должна в свои учениках «выцветать» (по образному выражению философа К. Леонтьева, современника С.А. Рачинского) до той необходимой сложности — полноты знания, которую дает только единение в Боге. Церковь, вера, любовь к святости открывают глаза на красоту, и паломники тогда начинают видеть родную русскую природу — простую и безыскусную, в ином свете.

---

¹¹⁸Историческое и археологическое описание церкви села Оковец Осташковского уезда Тверской губернии. Тверь, 1998. (Репринт). Тверь, 1912. С. 72.

В записке Рачинского о походе в Нилову пустынь много описаний природы. И хотя автор ее биолог и естествоиспытатель по профессии, он видел не собрание сухих законов, а мир Божий. Видел, что за полнотой и разнообразием форм, цветов и запахов стоит тайна первоустроения мира, сокровенная и непостижимая. И петербургские школьники прикасались в своем пути к этим тайнам.

Мы сознавали, что вступили в епархию преподобного Нила, молились ему, в утренних и вечерних правилах читали ему тропарь. С нами был деревянный образ — фигурка преподобного, — та, где он согбенно в схимнической одежде, опираясь на костылики, держит четки и молится. «Он — великий!» — не раз слышали мы от простых людей об угоднике Божиим.

Итак, наш паломнический вахтовичок довез нас до с. Оленина, где было необходимо решить ряд важных организационных вопросов в отделе культуры и образования. Пока мальчишки играли в футбол на главной сельской площади, мы с учителем музыки Александром Николаевичем Тепловым осмотрели местный храм и музей. Оленино — старинная усадьба Олениных, самый известный из которых — А.Н. Оленин, директор Академии художеств в Санкт-Петербурге с 1817 по 1841г., к дочери которого сватался А.С. Пушкин. Краеведческий музей оказался действующим и весьма интересным. Помещается он в одноэтажном деревянном доме, разделенном на пять комнат. И в каждой — своя экспозиция. Зал флоры и фауны Оленинского района, зал народного быта (крестьянского, купеческого, дворянского), залы, посвященные войнам: Великой Отечественной, афганской и чеченской. Директор музея — она же и единственный его научный сотрудник — патриот своего края. И сегодня пополняет она экспозицию новыми материалами. Например, в музей совсем недавно поступили документы тех воинов односельчан, кто героически сражался или погиб в Чечне.

В ходе поездки мы не раз сталкивались с «музейной» темой. Великая Отечественная война 1941—1945гг. оставила здесь глубокий след, и в любом крупном селе, в школе или краеведческом музее имеются материалы, посвященные ей. Даже в детском саду в г. Осташкове, где пришлось останавливаться на ночлег, мы обнаружили такую комнату памяти. Но замечается при этом вот что: мы перестаем все это чтить, благоговеть перед священными следами страшного прошлого. Не в том ли

причина, что везде, где бы мы ни прошли, двигаясь в Нилову пустынь, мы встречали остатки другой великой разрухи — покалеченные храмы, а рядом, в селениях, духовно искалеченных людей. Военные раны, хотя бы и внешне, удалось уже залечить, государство, люди так или иначе пеклись и пекутся об этом. Но раны церковные, духовные до сих пор зримо кровоточат. Слово оглохли мы без колоколов, сломились без крестов и не хотим видеть своей мертвенности.

Правда в самом с. Оленино выстроен новый деревянный однопредельный храм новомучеников и исповедников российских. Строился он в 1995 г., на средства, собранные сельчанами. По тем деньгам на это ушло 10 млн (10 тыс. нынешними). Закупили лес, наняли плотников, и вот у 5 тыс. оленинцев появилась своя церковь. Сейчас достраивается дом причта. Ходят в храм в основном старушки, около 50 человек, но на Пасху и Рождество собирается до 200 и более человек. Хор клирошан — молодой, профессиональный — состоит из пяти человек. Руководит клиросом матушка — жена настоятеля. Очень важно, что в селе шел энергичный и глубоко верующий человек — нынешний староста, который сумел разбередить народ, затеял строительство, сам строил, резал иконостас. Жена же его занималась иконописными работами. Отец настоятель — молодой, ему 25 лет, он приехал из Москвы. Привез оттуда в храм святыни — икону св. Андрея Первозванного с частицей его мощей и икону св. патриарха Тихона с частицей его мантии. Для прихожан в храме действует церковная библиотека. Издаётся время от времени храмовый листок — приходская газета.

Некоторые из наших ребят взяли за правило в каждом храме оставлять поминальные записки. И здесь такие задравные и заупокойные листочки были оставлены. Приложились к храмовым святыням.

Из Оленина дальнейший путь лежал в Татеву — родину Сергея Александровича Рачинского. Ехали некоторое время под пение духовных песнопений о Пасхе. Александр Николаевич Теплов, учитель музыки, и несколько ребят красиво и энергично выпевали эти весенние песни. Но вскоре образовался другой хор — молодежной песни. Запели про «последнюю электричку», «черного кота» и другие. С этим антифонным пением и добрались до Татева. Проехали вглубь леса мимо масштабной полуразрушенной родовой усадьбы С.А. Рачинского и остановились

возле длинного старинного одноэтажного деревянного дома. Он принадлежал когда то приходскому священнику. Неподалеку среди заросшего зеленью кладбища увидели полуразрушенную церковь с отреставрированным и покрашенным куполом. Кругом буйствовала сочная яркая зелень, возвышались высокие редкие пихты, лежала плотной насыпью песчаная дорога, а возле самого дома пестро светилась обширная луговина со множеством разных летних мелких цветов. Дети сразу разбрелись кто куда. Мальчишки, которым Татево знакомо по прошлогодней поездке, побежали к знакомому месту — полю — играть в футбол. Педагоги пошли осматривать Троицкую церковь. Она производила удручающее впечатление своими проломами в стенах, искореженностью оконных пролетов, неподъемностью трудов по восстановлению. Рядом с церковью уже теплились островки старинных могил с величественными надгробиями (мы не знали, что все это не так давно было воссоздано «из пепла»). Перед нами было родовое кладбище Рачинских, восстановленное совсем недавно. Могилы С.А. Рачинского, его матери, сестры, других родственников. Чуть в сторонке от родового склепа Рачинских были похоронены Серяковы: Аркадий Аверьянович Серяков и его родственники. Серяков был последним предреволюционным директором татевской школы, ближайшим учеником и сподвижником С.А. Рачинского. Все могилы — и Рачинских и Серяковых — были восстановлены стараниями ныне живущей в Татеве дочери А.А. Серякова — Александры Аркадьевны Серяковой.

Школа Рачинского сохранилась. Двухэтажная, красного кирпича, с надписью на фронтоне «1907 год». В этом здании Сергей Александрович уже не преподавал, она была достроена после его смерти. Старая же деревянная школа, где он учительствовал, когда-то стояла неподалеку, метрах в ста от нынешней в сторону церкви. К слову сказать, совсем недавно долгими трудами А.А. Серяковой школе в Татеве было возвращено ее законное имя — школа Рачинского. «Но, — говорит Александра Аркадьевна, — до сих пор в чиновничьих бумагах сохраняется ошибка в обозначении ее». Так, сказано: «школа имени Рачинского», а нужно — «школа Рачинского». Звание ей «не присвоено, а установлено». До 1917 г. она была школой Рачинского. Варвара Александровна — сестра Сергея Александровича — строила школу в память своего брата. Она сказала, что, если

школа будет носить имя брата, она обязуется платить деньги на хозяйственные нужды и зарплату учителям. А когда совершилась революция, Рачинские были объявлены врагами народа»¹¹⁹. Это была, по словам А.А. Серяковой, образцовая школа. Приводим более подробный рассказ Александры Аркадьевны об истории школы: «Это была школа математики. Здесь в основном преподавали математику и русский язык. Большой частью отсюда выходили будущие учителя, фельдшеры, священники, ученые. Рачинский — это прежде всего математика, это твердые глубокие знания, это самоотдача в учебе и работе. Отец — Аркадий Аверьянович — с восьми утра начинал работать и в восемь вечера заканчивал. Все время был с детьми, и ночевал, и ел из одной миски с ними. Рачинский за семь лет до своей смерти, в 1919 году, взял папу сюда, в Татево. Сергей Александрович уже чувствовал себя плохо. Стоит сказать о том, как отец стал учителем. Он был сыном татевского крестьянина, у которого было шесть детей. Из шести можно было выучить только одного. Остальные должны были работать на земле, чтобы прокормиться. Отец закончил Татевскую школу, потом Алферовское духовное училище. Получил прекрасное духовное и риторическое образование. Далее он поступил под начала С.А. Рачинского, а тот направил его в одну из церковно-приходских школ, которые он курировал. И вот, когда С.А. Рачинский почувствовал, что сил нет справляться с работой, он приехал к отцу и забрал его в Татево. Помнится, была зима, пурга. Отец отпустил только ближних детей вернуться на ночь к родителям. А дальних оставил у себя в классе. У них там были набиты соломой холщовые матрацы и в сенях до поры лежали. Дети сдвинули столы в классе, положили на них матрацы. Топились печи. Отец тоже ночевал с ними. Дети приготовили ужин: испекли картошки и ели ее с льняным маслом. Подъехал Рачинский, дети знали, кто он такой, выскочили, стали ухаживать за лошадью. Рачинский разделся и сел с ними ужинать. В глиняной мисочке он толлок картошку и поливал ее льняным маслом. И тут он сказал отцу: „Знаешь, я чего приехал. Ты мне нужнее в Татеве. А сюда я пришлю другого“. И отец был с ним до последнего часа в Татеве. Рачинский умер на руках отца. Он ему

---

¹¹⁹Прежде всего за тесную связь С.А. Рачинского с К.П. Победоносцевым, обер прокурором Св. Синода.

и передал школу и просил, чтобы вел ее по его линии. Так оно и было до 1917 года¹²⁰.

Интересны многие детали той крестьянской жизни, которые остались в моей памяти. У отца было очень много крестников. Все хотели, чтоб он был крестным. И вот крыльцо нашего дома и половина угла нашего дома, как сейчас вижу, в Пасхальный день все занято пришедшими крестниками. Кто в лапотках, кто в сапожках, все празднично одеты, кто яичко держит, кто маленький куличик. У отца была зарплата 25 рублей. Ее хватало только на то, чтобы выписывать книги. Библиотеку потом у нас во время войны немцы забрали и увезли. Но обязательно отец покупал каждому крестнику материал на рубашку. Покупали целыми тюками голубой и розовой сатин. Многим он даже сапоги заказывал. Из лаптей дети не вылезали. Сапоги шились на вырост, да и так, чтоб и после него кто то поносил. Некоторые дети не могли вносить плату за учебу. Таких, если они на экзамене проявляли способность к учебу, брали на полное обеспечение школы.

Много видных людей вышло из татевской школы. Из числа тех, кто жил на обеспечении школы, был будущий академик Синев. Николай Синев закончил шесть классов татевской школы, а потом поступил сразу в Баумановский институт в Москву, затем попал работать на Кировский завод в Ленинграде, потом трудился на Урале, куда завод эвакуировали. Во время войны принимал участие в создании мотора танка. Был награжден. Он — четырежды лауреат Ленинской премии, атомщик, был засекречен. Умер совсем недавно. Два раза уже в старости приезжал к нам в Татево. Дети у нас боролись отрядами за право носить его имя. Он, будучи в школе, говорит: „Ну, покажите мне этих детей“. А классы маленькие, школа бедная, и перед ним поставили четырех мальчиков. Он, бедный, даже чуть не заплакал»¹²¹.

Художник Александр Константинович Богданов-Бельский также принадлежит к числу выпускников татевской школы. Еще из знаменитых людей татевскую школу окончили писатель Иванов, доктор медицинских наук Богданов, министр нефтяной промышленности Крылов.

---

¹²⁰ А.А. Серяков умер в 1929 г.

¹²¹ Материалы экспедиции ИЭА РАН 1997 г.

Долгое время и после революции татевская школа продолжала быть весьма авторитетной. До войны 1941—1945 гг. все районные педагогические совещания проходили в ней. Сюда постоянно приезжали перенимать опыт учителя. Александра Аркадьевна продолжает свой рассказ: «*Страшным и непоправимым событием было закрытие храма Святой Троицы в 1934 г. Это была самая богатая и самая красивая церковь в округе. Когда-то село называлось Троицким, а не Татево. Церковь перестраивалась трижды, сначала была деревянной, а потом — каменной. Еще позже к ней сделали зимнюю пристройку во имя Покрова Божьей Матери. Иконы привозились из иконописных мастерских Троице-Сергиевой лавры. Закрывали церковь местные комсомольцы, их потомки до сих пор живут в селе. Увезли позолоченные подсвечники и всю прочую драгоценную утварь. А иконы все сложили в кучу и сожгли. Храм превратили в ремонтно-тракторную мастерскую. Осквернили родовой склеп Рачинских.*

В прежние годы дворян и священников хоронили в кирпичных склепах-криптах. Под землей выкладывалась кирпичом часовня с потолком¹²². Верх ее выходил наружу в виде крыши домика. Внутри получалось небольшое помещение. В крипте Рачинских было одиннадцать захоронений. Здесь стояли специальные диванчики, на них устанавливались гробы. Некоторые гробы подвешивались на цепях. Потолок отличался высотой, на стенах имелись росписи. В дни поминовений сюда спускались священник, родственники и близкие. Служилась панихида. Трупного запаха никогда не ощущалось. Входить в крипту можно было с двух сторон. После разорения церкви в 1933 г. местные рабочие мастерских открыли вход и забрались внутрь в поисках драгоценностей. Мы — дети, услышав, что происходит, побежали смотреть.

И я помню как палками швыряли эти одежды, там была тафта с золотыми нитями. Милиция при этом так и не появилась. Черепа пинали ногами. Череп Рачинского тоже пинали. Брат пришел домой и говорит: „Мама череп Рачинского пинают ногами, как футбольный мяч“. Она ему говорит: „Пойди ночью, чтоб никто не знал и закопай“. Брат и закопал череп Рачинского в

---

¹²²Такие склепы устраивались по образу пещеры Господней, в которой было положено тело Христово.

могилу отца. А днем мы пошли с мамой за картошкой (мы нищенствовали тогда) и видим: дети пинают белую туфельку ногами. Мама узнала туфельку. Она была с ноги покойной Марии Константиновны Толстой — жены сына Льва Николаевича, Сергея Николаевича. Она умерла в Англии. Привезли ее оттуда в нескольких гробах, один из которых был цинковым. Везли парходом и здесь похоронили. Ее сын, Сергей Сергеевич Толстой, боялся узнавать, где мать похоронена, время было революционное. Его потом забрали к себе Толстые. Сергей Сергеевич знал 12 языков, долго преподавал в советское время в Московском институте международного права. Был небольшого роста, рыженький. В Москве С.А. Рачинскому принадлежал дом по улице Чехова, 21. Там он встречался с Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, П.И. Чайковским. Мать Сергея Александровича, Вера Абрамовна, безвыездно жила в Татеве»¹²³.

Общение с Александрой Аркадьевной было одним из самых удивительных открытий нашего похода. Во всем ее облике, разговоре, поведении проглядывал человек «той эпохи», с ее самобытным укладом и прекрасной образной русской речью. А ведь ей было в пору нашей встречи более 90 лет.

В день рождения святой страстотерпицы императрицы Александры Федоровны — 6 июня — наша группа петербургских учителей и школьников Школы Народных Искусств Императрицы Александры Федоровны выехали из Татева — имения С.А. Рачинского — в сторону с. Оковцы. Кроме общего утреннего молитвенного правила прочитали молитву о благоденствии России и пропели тропари преподобному Нилу Столобенскому и Матери Божьей Оковецкой.

Об утреннем молочном завтраке в Татеве (рисовой молочной каше, домашней простокваше, компоте и от души — деревенском молоке) часам к двенадцати уже стали забывать, поэтому подкупили где-то в пути продуктов для бутербродов и поехали дальше. Дорога все чаще и чаще стала открывать текущие где то рядом воды неширокой, но стремительной в этих местах Волги. Вся Тверская земля словно напоена многочисленными родниками, ручейками и речушками, не говоря уже о нескольких крупных реках — Волге, Двине, Каме. Воды легко струятся в каменистой с голышами и песком почве, и растительности

---

¹²³Экспедиция ИЭА РАН 2000г.

здесь сверх меры достается влаги. Этими преизобильными подводными источниками щедро питается и набирает вес, силу и величие и сама Волга. Мы не удержались и сделали остановку у одной из крутых волжских излучин, где берег реки отвесен и глубок, как это обычно бывает у мощно распаханых течением сибирских рек. Река от свежего июньского солнца вся играла и переливалась так, что глазам было больно смотреть. На самом краю берега росла светлая, вся прозрачная от молодой зелени березовая роща. Поэтому немудрено, что всех вдруг охватило острое и радостное чувство жизни. Девочки начали плести венки из цветов, группками фотографироваться, кто то спустился к воде потрогать ее льянную прохладу, кто-то успел молча посидеть, поглядеть вдаль.

Свежесть и живописность волжского окоема так всех вдохновила, что решили и потрапезничать на берегу. Проехали еще километров 25, нашли малолюдное, в стороне от дороги место, и остановились на привал. Здесь были огромные, редко росшие сосны и лужайка, подернутая свежей молодой зеленью, теплый и легкий ветерок с запахом хвойной смолы — словом все то, что нам, горожанам, видится началу просто как чудесная декорация. Сосны трогали руками, в траву вглядывались, ветерку подставляли щеки, убеждаясь глазами и чувствами, что все здесь по-настоящему. Наша стоянка оказалась обитаемой — тут похоже, имели обыкновение отдыхать в летнюю жару пастухи и скот. Но сейчас никого не было, и мы одни расположились вокруг пастушьего столика с небольшой скамейкой «на двоих». Часть ребят занялась приготовлением бутербродов, остальные разбрелись по берегу. Здесь же неподалеку, разрезая берег надвое, тянулся к реке глубокий овраг. На дне его, среди пестроты самого разного мелкоцветья, таился родниковый ручеек. По предложению директора Натальи Ивановны это поэтическое место вскоре получило название «Александровский ручей» в честь дня рождения святой императрицы Александры Федоровны.

Девочки не могли удержаться, чтобы не нарвать по небольшому букетику первых летних цветов. Потом уже, сидя в автобусе, все стали соревноваться, разделившись на четыре группы (по количеству букетов): «Какой это цветок?». Конечно, всеми легко узнавались одуванчики, земляника, куриная слепота, тимopheйник, лютики, красная крапива, пастушья сумка,

но был еще с десяток цветов, о которых никто, кроме специалиста ботаника, не мог нам сказать, что это за растения. Сергей Александрович Рачинский — ученый ботаник по специальности — подробно рассказывал в своем дневнике «Детского паломничества» о богатейшей флоре тверского края — тех мест, где он проходил с детьми. Очевидно, и его ученики — крестьянские дети — знали о цветах по больше нашего.

Перед нынешними школьниками из Петербурга, увидевшими природу не глазами естествоиспытателя, а «глазами адамовыми», возник один нелегкий вопрос: что лучше знать — где у любого цветка тычинка, пестик и прочие анатомические детали или уметь называть любые цветы по имени, иметь представление об его полезных свойствах? А вопрос стоит именно так: одно из этих знаний, как правило, вытесняет другое. Увлечся человек анатомией тела, но при этом стал терять интерес (или способность видеть?) к красоте образа, красоте души. Все эти вопросы невольно возникали в паломничестве.

Не доезжая до села Оковцы 12—15 км, большинство ребят вышло из автобуса, чтобы пешком, с молитвой — по образу прежних паломников — пройти оставшийся до святого места путь. Шли группами по три четыре человека, впереди — мальчики постарше, замыкали нашу паломническую вереницу девочки старшекласницы. Дорогой, хотя и переговаривались между собой, но неумовимо ощущалось, что ребята идут вперед с молитвенным настроением. Напились в одной из встречных деревень колодезной воды и к заходу солнца были уже у оковецкой средней школы, недавно выстроенной из белого кирпича взамен старой деревянной. Директор школы — мужчина лет пятидесяти, сельского вида, загорелый, с натруженными рабочими руками — тепло принял нас, разместил всех по классам, раздал матрацы, подробно рассказал, с кем можно поговорить в селе о старине, и сам поведал историю оковецкого источника. Сам он, по его словам, «человек неверующий, но источник почитает, как и все здесь». Мы решили не дожидаться утра, но сейчас же пойти на это святое место. А было уже часов 10 вечера. Дорогой начали петь богородичные песнопения: «Царица моя преблагая», «Богородице Дево, радуйся», «Пресвятая Богородица спаси нас», «Под Твою милость». Молились и призывали святых петербургских: св. праведного Иоанна Кронштадтского, блаженную Ксению Петербургскую, св. бла-

говерного князя Александра Невского, Святых Царственных мучеников, прп. Нила Столобенского. Приблизились к болотистой части дороги, где тропинка терялась, начиналась топь и потому над ней положили деревянный настил. Дальше наша группа подошла к острову, пересекла деревянные, потом каменные ворота с иконой Спасителя. Искони вход к явленному месту обозначался так, словно это был вход в райские обители. Вокруг узкого деревянного настила плотно стоял высокий сосновый лес, но с недавнего времени тропу начали освещать электричеством: шаг за шагом, как на Арбате, перед нами возникли обычные городские фонарные столбы с ярко горящими лампами. Сам чудотворный источник скрывался внутри крутой излучины, которую здесь делает р. Пырошня. Возникновение источника связывают с явлением в этом месте в далеком XVI в. двух икон: «Божья Мать со святителем Николаем» и образа «Животворящий Крест Господень». Первая икона была явлена Ивану да Ермолаю — двум «хищникам», как тогда называли воров и разбойников. Они поведали об этом местным сельчанам, а когда те пришли с черноризцем Стефаном, то оказались свидетелями чудесного обретения второй иконы на Пырошненском городище. О чудотворных иконах стало известно из отчета Московского архиерея при царском дворе Иоанна Грозного, и иконы, по благочестивой практике того времени, были в 1540 г. отправлены на царское поклонение в Москву, а потом, через некоторое время, с великой честью возвращены назад. На царские же деньги в селе был выстроен храм в честь иконы Божьей Матери Оковецкой. Оковцы со временем стали крупным, богатым и знатым селом в Тверской губ. В XVII в. Оковецкая слобода насчитывала уже три храма. В 1871 г. храм Оковецкой Божьей Матери был перестроен в большой, под стать городскому собору, с величественной колокольней. 26 деревень входило тогда в приход этого храма, т.е. вся округа верст 15 по периметру¹²⁴.

В памяти некоторых нынешних жителей остались рассказы дедов и прадедов о времени, когда перестраивался храм, и на мирские деньги — и богатых, и бедных — был заказан и привезен пятисотпудовый колокол. За колоколом крестьяне отправились сами на многочисленных подводах. Клавдия Ивановна

---

¹²⁴Историческое и археологическое описание церкви села Оковец Осташковского уезда Тверской губернии. Тверь, 1998 (Репринт. Тверь, 1912). С. 30

Лебедева — в прошлом учительница начальных классов око-
вецкой школы — рассказала об этом, так как она слышала от
родителей: «Весь приход, особенно мужчины, по желанию были
отправлены за колоколом с несколькими лошадьми, по трое за-
пряженных в специальные сани. Во Ржеве им передали колокол.
Погрузили его и, помолясь, отправились. К ним присоединились
ржевские. По мере того, как проезжали села, народа вокруг ко-
колола все больше прибавлялось. Раньше ведь плотно жили,
деревень было много. Дорога узкая была, и народ, шедший за
колоколом, растянулся очень длинно, так что если было обер-
нуться назад от головы движения, то человеческому морю не
было конца. Лошадей постоянно меняли. А уж как привезли —
такое торжество было! Тогда об этом только и говорили: „Ко-
локол везут“. Даже дрожь по телу пробежала, так все рады были
этому событию. Долго колокол поднимали, вручную на кана-
тах. А как ударили первый раз и раздался звон, мы аж прослези-
лись. Так торжественно все было. В воскресенье на службе было
столько народа (а храм по размерам под стать Московскому
Елоховскому собору), что и вокруг храма метров на 50 люди
стояли плотно»¹²⁵.

Слушая этот рассказ, трудно было представить, что всего че-
рез несколько лет после этих событий тех же людей насильно
принудят закрыть этот храм, сбросить колокол и отдать цер-
ковную святыню на произвол стихии и тех «хищников», с кото-
рых и начиналась история в XVI в. Сегодня полуразрушенный,
без крыши над основной частью, храм еще живет, в правом его
приделе сделан ремонт и совершается богослужение. Но хват-
ит ли сил его восстановить целиком? Есть надежда, что этому
способствуют многочисленные паломники и почитатели чу-
дотворного источника, текущего в полукилометре от храма.

Святой источник еще совсем недавно поражал всех сюда
приходящих мощью и стремительностью выбрасываемой
вверх воды. Каскад воды падал, как водопад, и люди несколько
веков приходили сюда и стоя омывались в святом источнике.
В 1990-е годы, когда епархия начала здесь работы по восста-
новлению уничтоженных святынь (часовен, купальни), было
благое намерение удобнее устроить место купальни. Неосто-
рожными действиями прерван был ток фонтанирующей воды,

---

¹²⁵ Материалы экспедиции ИЭА РАН 2000 г.

и она потекла медленно, плавно набираясь в установленное бетонное кольцо и плавно выливаясь из него. Тем не менее святая купальня продолжает действовать, и люди приходят сюда и зимой и летом, чтобы окунуться в благодатные воды этого святого места. От местных жителей мы услышали много рассказов о чудесах на этом источнике, об исцелениях страдающих кожными заболеваниями.

Источник был тем местом, где даже в самые страшные годы гонений не прерывалась религиозная жизнь, тут собирались верующие, читались каноны, акафисты, молитвы. А в праздник Оковецкой иконы Божьей Матери люди шли сюда крестным ходом с иконами — с места от закрытого храма и до источника. До сих пор в памяти многих старых людей живы воспоминания о дореволюционных обычаях этих мест: о престольных праздниках в окрестных селах, старинном церковном укладе здешнего народа. Интересно, что престольные праздники не всегда были связаны с именованьем храма и его пределов, но иногда — с особыми памятными днями. Например, в д. Владимирская Дивисилка праздновали память иконы Божьей Матери Владимирской, так как в этот день когда то деревня была спасена от сильной бури, разрушающей все вокруг. В Оковцах были престолы на Троицу, в Вознесение и в Ильинскую пятницу. В эти дни не только совершались торжественные богослужения, но и «именники» принимали из других деревень многочисленных гостей — родственников.

Старые люди вспоминают, что 6 мая, на «весеннего Георгия», все село в первый раз после зимы выгоняло пасхальными вербами скот на пастбище. Поначалу, он собирался в одно место (стадо было большое), служился молебен перед иконой великомученика Георгия, священник кропил животных и тогда только коров гнали на пастбище. Также весной вместе со священником сельчане обходили поле с иконами и пасхальным песнопением «Христос воскрес из мертвых». Крестным ходом несли икону великомученика Георгия. С ней три раза обходили поле. До сих пор памятен и существовавший прежде обычай обхода священником домов прихожан в пасхальные дни. Неделю после Пасхи он ездил с причтом по деревням прихода и посещал все дома. Первое воскресенье после Пасхи здесь называлось *поставное*, поскольку в этот день торжественно возвращались в Оковецкий храм те иконы, которые брал священ-

ник, когда отправлялся служить по приходу в домах прихожан в дни светлой седмицы. В каждой деревне после посещения ее священником оставалась одна икона до «поставного» воскресенья. Священнослужителя с причтом торжественно встречали на окраине деревни у ворот. Каждая деревня тогда имела вокруг себя деревянную ограду и въездные ворота. Старики с хлебом солью поджидали тут священника, открывали ворота, и начинался обход по дворам. Одну икону (или крест, или хоругвь) оставляли у самого уважаемого в деревне человека. В «поставное» воскресенье со всех деревень люди торжественно несли в храм оставленные образа и другие святыни, а потом начиналась праздничная служба. Местные жители этих мест до сих пор не могут забыть ушедшие обычаи¹²⁶.

Вообще пожилой народ вдоль этого богомольного тракта из Ржева в Осташков и Нило-Столобенский монастырь, как показывали даже краткие наши встречи, был как-то по-простому, по-старинному, богомолен. Проезжаем крохотную деревушку Малое Гольтино, видим, идут вокруг нее как бы крестным ходом, хотя и без икон, три старушки. Подошли мы поближе, действительно, они поют пасхальный тропарь на свой, не привычный нам, мотив¹²⁷. Встретили нас с радушием, но на просьбы фольклориста спеть свадебные припевки категорически отказались. «Сейчас, на исходе пасхальные дни — какие вам свадебные припевки». Расселись мы по их приглашению возле завалинки одного из домов прямо на зеленую мураву. У порога деревянного старинного дома — каменная плита с надписью «Н.Г. 21 р. 1892—1921г.». Бабушка поясняет: «Это тятенькина плита, он положил, как дом строил». В коротком разговоре тут же нам была рассказана вся ее жизнь. С мужем прожила «27 годов не записавшись», потом взяли лошадь, поехали да записались в сельсовет, а венчаться уж и речи не было. Муж был партийный, хотя веровать не запрещал, «любил слушать, когда мы Христа поем и не мешал в церковь ходить. Народ почти весь в деревне повымер, а мы шалыгаемся помаленьку. Вот батюшка нам запрещает смотреть телевизор, говорит, что это грех, а мы

---

¹²⁶Экспедиция ИЭА РАН 2000г.

¹²⁷Этот напев записали, как и ряд других. См.: *Теплова И.Б.* Народный распев пасхального тропаря «Христос, воскрес!» в традиции северо-западных областей России // *Традиции и современность. Научный православный журнал.* 2003. №2. С. 103—107.

ведь все равно глядим всякую сбродь и лихорадку, какую показывают сейчас. Гибнут люди». Крестится наша собеседница Любовь Яковлевна Савинова и говорит, что поначалу не хотела разговаривать, да пустословить в праздник Вознесения, но так получилось, что разговорили мы ее. «Но да вознесется Господь на небеса и просветит нас Своею благодатью», — говорит она, крестясь и прощаясь с нами.

Последний отрезок пути был связан с такой святыней России, как Волговерховье — местом, где находится исток Волги. До революции у истока было другое наименование — Волгино Верховье. Но прежде чем направиться к истоку Волги, наш петербургский отряд детей и педагогов Школы народных искусств императрицы Александры Федоровны в середине дня остановился на короткий отдых в старинном городке Селижарово. Здесь в Волгу впадает местная речка Селижаровка. Переезжая через волжский мост, мы сразу же отметили церковную старину — храм по облику XVI в. Едем к нему. Выясняем, что приходский храм стоит на месте древнего Свято-Троицкого мужского монастыря, основанного в XV столетия. От древности осталась только монастырская трапезная церковь во имя Петра и Павла XV в. Сияюще белая, с сахарным рубчиком строгого орнамента по периметру стены, она вызывает гул восторга у детей. У ее стен — легкий холодок несуетной старины, так что даже постоять рядом с ней уже доставляет радость и наслаждение. Сохранившаяся церковь сегодня превратилась в целый церковный комплекс. Здесь и храм на втором этаже, и дом причта, и церковные мастерские, и церковный музей. Наверх в храм ведет крутая и широкая деревянная лестница. Есть и подвальное помещение, где существует уникальная дренажная система по отводу вод (река то рядом). На первом этаже — иконописная мастерская для взрослых и детей.

Настоятель иерей Сергей был немного взволнован неожиданностью появления стольких гостей, но с радостью взялся показывать нам свое церковное хозяйство. Скоро выяснилось, что батюшка в прошлом был театральным художником (в театре кукол), потом — иконописцем, после чего уже был рукоположен во священники. Нам показали большую коллекцию великолепно сделанных о. Сергием и его матушкой кукол из папье-маше. Здесь были и персонажи Рождественского вертепа, и герои русских народных сказок. На супруге настоятеля лежит обязанность

заведования иконописной мастерской при храме. Увидели мы и глиняные образки, которые тут же мастерят, потом раскрашивают и обжигают. Прикладное искусство при церкви явно процветает. Немало детей из воскресной школы учатся искусству росписи, лепки. Воскресная школа включает такие дисциплины, как Закон Божий, хоровое пение, прикладное искусство, иконопись, православный театр. Одно из помещений занимает крестильня с бассейном-баптистерием для крещения с полным погружением. Был нам представлен в лицах и хор. «Клирошане — все выпускники местной музыкальной школы, но регент — из семинаристов», — подчеркнул о. Сергей.

Мы поднялись в храм. Здесь заметны следы неоконченно-го еще восстановления: самое пестрое разнообразие икон, как это бывает во вновь открытых храмах: от темных старинных до современных бумажных. Понятно, что все собиралось по принципу: что принесут прихожане, за то — слава Богу. В монастыре особо читается святитель Казанский Гурий — святой, живший в XVI в. и бывший одно время игуменом этой обители. Молебен о путешествующих, который отслужил о. Сергей, нас очень воодушевил. Во всем этом была простота, открытость, радушие и любовь настоятеля к нам — случайным посетителям. «Утешения» для гостей на этом не закончились, батюшка уговорил нас съездить в удивительное место, недалеко от Селижарова — с. Голенково, в храм святителя Николая, на свою родину, где он также числится настоятелем. Здесь было когда-то помещичье имение баронов Вейтлицев, помещиков, приехавших в XIX в. с территории современной западной Украины. В 1870-е годы они построили в имении трехпрестольный обширный каменный храм с величественной отдельно стоящей колокольней. Тогда в России стали пользоваться популярностью фаянсовые иконостасы, которые делались в основном на заводе Кузнецова. Такие иконостасы заказал в 1910 г. для своего храма и барон Вейтлиц. Завод, подобный Кузнецовскому, существовал и в Тверской губ. — Корчевский (ныне — Конаковский).

В Голенково многое сохранилось в первозданности. Большевики ничего не тронули, в Великую Отечественную войну немцы проходили близко, в нескольких десятках километрах от села, но не заглянули в эту глухомань. Осталась в неприкосновенности даже чугунная часовня на могиле Вейтлицев. В обычаях того времени было делать обетные приношения в церковь.

У барона сыновья находились на военной службе, участвовали в боевых действиях в период войны с Японией (1905 г.). В это время их отец и украшал церковь, заказывал иконы во имя тех святых, имена которых носили сыновья. Фаянсовые, расписанные золотом иконостасы до сих пор сияют новизной и ювелирностью работы, производят сильное впечатление и заставляют в восхищении замирать перед красотой. Иконы в иконостасе сделаны на металле, также в стиле начала XX в. Перед огромным старинным образом святителя Николая мы пропели тропарь, также помолились перед образом Казанской Божьей Матери. С высоты колокольни оглядели окрестности, а после уже поехали в Волговерховье.

И вот мы в знаменитом и славном месте России — Волговерховье! Конечно, не могло это святое место быть обозначено только какой-нибудь памятной стелой с надписью, что-то вроде: «Здесь находится исток крупнейшей в Европе реки Волги». По этому до революции тут располагался женский монастырь, высились приходские храмы, само же место *истока* было истари покрыто сенью Свято-Никольской часовни. Так было до революции, к этому потихоньку Волговерховье возвращается сейчас. В начале 1990-х годов восстановили часовню. Монастырь еще не возрожден, но один из храмов уже действует. Идем к самому истоку Волги. Вода в разбегающихся по сторонам ручейках от обилия водорослей красноватая, плавно вытекает со дна и бежит-струится обыденно и совсем не торжественно. Плавают головастики. Слышим детские крики: «Болото какое-то, а не исток». И становится немного горько и за что-то стыдно. Наталья Ивановна Пономарева тут же решительно действует, но не как директор, а как строгая мать. Зовет всех в часовню и, отрешившись от той радостной ребячливости, которая здесь всех охватила, начинает говорить, обращаясь к «глазам», а не к «ногам»: «Здесь наше самое родное, наши истоки, и вы все должны быть чистыми душой, должны осознать высоту истока, который поит половину России и является символом ее в какой-то мере. Все это сравнимо с тем, какой исток имеет наша душа, наша способность поить и кормить тех, кого мы призваны поить и кормить. Мне памятен один голландский обычай. Не столько обычай, сколько сокровенный ритуал, зов сердца: возвращаясь с чужбины, целовать свою землю. Поцелуем и мы, хотя бы в сердце своем, это святое место истока». Установилась звонкая тишина.

Все вместе перед образом Спаса пропели несколько песнопений и словно заново ступили на эту священную землю.

Волгу начинает ручей Персянка, потом друг за другом идут озера Большой и Малый Верхит, Стерж, Вселуг, Пенно, Волго, происходят встречи с ручьями и реками, Волга ширится, и так 3690 км до Каспийского моря¹²⁸. Поит и кормит Ярославль, Тверь, Нижний Новгород, Казань, Самару, Симбирск, да и просто согревает нас своим присутствием на карте нашей души. А ведь тут же, неподалеку, истоки еще двух великих рек — Западной Двины, протекающей через Белоруссию, и Днепра — коренной реки Украины. Сама природа словно подчеркивает единство истока трех невольно разделившихся братских народов.

В Волговерховье мы были одарены еще одной незабываемой встречей — с местной жительницей 1907 г. рождения Марией Ефимовной Васильевой. Она доживает свой долгий век в доме, когда-то купленном ее отцом. Вместе с домом прежние хозяева оставили тогда в иконном углу деревянный образ прп. Нила Столобенского. Так он до сих пор и стоит здесь. Посетовали мы, что вымирает деревня, живут только дачники да пьющие местные жители. *«В мое время,— тихо говорит Мария Ефимовна, — в селе было 40 хозяйств, и в каждом доме по 5—6 семей жило. Много работали, уважали тех, кто был богат, имел много добра. Детей помногу рожали. У моей мамы было семь детей, и она церковь не оставляла, ходила постоянно. Бабушка оставалась за хозяйку в воскресный или праздничный день, а мы идем в церковь. И вся жизнь была в труде: пряли, ткали и пахали. Мама скатерти ткала, дорожки, вышивала. Отец был в церкви псаломщик, хотел дьяконом стать, но не получилось. Потом, при советской власти сидел в тюрьме за то, что читал в церкви. Я девочкой была, когда начали строить здешние церкви: сначала кирпичную, потом деревянную. Много денег в строительство монастыря вложила царевна Ольга, дочь царя. Монастырь то был Свято-Ольгин. Говорили, что книги и материалы для стройки были от нее. Ради монастыря построили рядом кирпичный завод, купец Саровков был застройщиком. Нам, жителям, нравился монастырь, его службы, занятия монахинь. У них было большое хозяйство: породистые коровы, красивые лошади. Управляла всем игуменья Варвара. Когда большевики начали*

---

¹²⁸Иванов В. Ф. Топонимический словарь Селигерского края. Тверь, 2003. С. 8.

громить монастырь, игуменью арестовали и увезли в Осташков. Там, в тюрьме, она и умерла. Ее заменила на некоторое время сестра Антония. Потом всех разогнали. Молодые монахи разъехались по домам. У большевиков была такая ненависть к монастырю, что при его закрытии, даже скотину не забрали („монашеское добро“), а закрыли на скотном дворе и подожгли. Так ревел скот, что у нас волосы дыбом поднимались. До сих пор у меня в памяти этот рев стоит. Большую икону Нила Столобенского, что носили всегда до революции в день обретения ее по всем окрестным деревням, разрубили эти паразиты-коммунисты на части. Жил в деревне человек святой жизни — юродивый Тимофеюшка. Построил в густом лесу себе землянку и там жил. Спал на подстилке, брошенной на каменную плиту. Но дорожка в лесу была протоптана, люди приходили, чтили его прозорливость. Когда он надумывал помыться, то приходил к моему отцу, и отец топил ему баню. Когда строили монастырский храм, Тимофеюшка очень помогал материалы носить. Там, где три мужика не могли поднять бревно, он один поднимал, хоть и росточка был небольшого. Помню, был средних лет, с бородкой, одет бедно. Мне предсказал, что буду жить долго — 100 лет. 93 я уже прожила. Большевики знали, что Тимофеюшка принимает народ, пришли и расстреляли его прямо в лесу и там же закопали. Никто не посмел возразить. А землянка его до сих пор цела».

Рядом с Марией Ефимовной сидит ее сын, который уже сам старик. Старческая немощь присутствует во всем доме, в старых немудреных вещах: мебели, серых занавесочках. Но хозяева дома еще живы и каждый из них несет свет своего времени, его силу и достоинство. Нам очень уютно сидеть и стоять вокруг Марии Ефимовны — удивительного человека — истинного творца русской истории. Прощаемся, выходим из избы. Какой же необычный сегодня день с легко бегущими облаками (а ветра не чувствуется), коротким дождем сеянцем и ветром накануне дождя, ярким солнцем, выбегающим из-за туч облаков и тихо незаметно опять исчезающим. И что за обилие яркой растительности. Луговые цветы самых разных расцветок: фиолетовые, желтые, сиреневые. И все такое мелкое, крошечное, миниатюрное.

Дальше наш путь лежал прямо на г. Осташков. Не доезжая города, попали под радугу дугу на все небо. И день памяти

святого Нила был близок, и словно сам святой был рядом. Но в монастырь сразу не поехали, остановились в интернате. Утром, накануне праздничного дня обретения мощей, пошли на литургию в Знаменский храм г. Осташкова. На пути к храму встретился памятный знак — тумба с вежливой надписью, гласящей, что до революции здесь было городское кладбище, на котором были захоронены виднейшие люди г. Осташкова. Теперь тут обычные городские постройки. В бывшем женском Знаменском монастыре, а ныне приходском храме также сохранились следы революции. На месте монашеских келий — деревянных домиков (сами строения монахинь живы) — до сих пор жилой сектор города под названием Рабочий поселок. В Знаменском храме после закрытия монастыря большевики хранили (как на складе) мощи прп. Нила, изъятые в монастыре в 1920-е годы. Точнее, мощи перевезли сами монахи, после закрытия мужского монастыря, когда Знаменский храм был еще открыт. Потом, в 1928 г., храм закрыли и переоборудовали одну часть под музей атеизма (где и находились мощи), а другую под зернохранилище. После войны, в 1947 г., храм был по просьбам верующих открыт, а потом были переданы и святые мощи. Настоятелем тогда был о. Вассиан, ныне архимандрит Нило-Столобенской пустыни и одновременно настоятель Знаменского храма. В 1995 г. мощи прп. Нила торжественно, с участием Святейшего Патриарха, были перенесены в монастырь.

Нило-Столобенский монастырь — величественное и грандиозное сооружение, построенное в основном в конце XVIII—XIX в., хотя время его основания — конец XVI столетия. Стоит на острове, но искусственная дамба соединяет его с материком. В советские годы гонений на Церковь монастырь пережил многое: здесь были в разное время концлагерь, госпиталь, дом престарелых, колония для малолетних преступников. Совсем недавно монастырь стал восстанавливаться и вновь сиять своими куполами, духом монашеской молитвы, тем незаметным глазу светом, который собирается возле великих святых. А мощи прп. Нила — покровителя всего Тверского края — это великая святыня.

9-е июня. День обретения мощей преподобного Нила Столобенского — великий праздник для всей Тверской земли. Едем из Осташкова в монастырь на службу. Наш шофер Ваня («дорогой и любимый Ванечка», как называет его Наталья Ивановна)

все еще с нами. По договору его время закончилось, и он мог бы уезжать домой в Ржев (или Оленино), но он по своему желанию остался с нами еще на день. Добрый и терпеливый человек. Дети говорят, что это лучший шофер за время их поездок. Ваня даже получил от Натальи Ивановны, как директора школы, приглашение работать у них и переехать в Петербург. В 8.30 мы уже в монастыре. На дамбе нас встречают несколько продавцов с фигурками прп. Нила, резными досками с видом монастыря, ложками и другой резьбой. Здесь это традиционный народный промысел. Даже в монастыре возобновилась традиция вырезать фигурки преподобного и раскрашивать их. Заморосил мелкий дождь. Похолодало. Канон ко святому причащению читали в основном в автобусе. Некоторые из ребят надели чистую одежду, специально прибереженную для праздника.

Собор, где началась уже служба, был до отказа набит людьми. Много народа стояло и вокруг церкви. На праздник преподобного традиционно собирается много простого люда из самых отдаленных сел Тверской обл. До начала литургии архимандрит Вассиан начал служить праздничный водосвятный молебен преподобному перед его ракой. К началу литургии подъехал владыка Виктор — архиепископ Тверской и Кашинский. В невероятной тесноте, с трудом передвигаясь по храму, мы исповедались, потом было долгое причастие. После литургии — традиционный праздничный крестный ход с мощами преподобного Нила вокруг собора. Зрелище грандиозное! Стоя в огромной массе людей, видим, как мощи преподобного, положенные на специальное деревянное ложе, пышно украшенное цветами и дубовыми ветками, выносятся из храма. Под мощами — архиепископ Виктор, по бокам от мощей, держа за специальные деревянные ножки, шли все остальные — настоятель и другие монахи. Сначала мощи обнесли вокруг Богоявленского храма, где совершалась служба. Обойдя его, подошли ко входу и поставили мощи на помост. Начался праздничный молебен. После архиерейской молитвы опять подходили к мощам и, подняв их вверх на вытянутых руках, качали крестообразно вправо и влево, благословляя все четыре стороны света. Природа, чувствительная к духовным импульсам человека, и здесь «не осталась равнодушной». Низкие облака, застилавшие небо, ветер, время от времени моросивший дождь будто и не предвещали никаких перемен. Но когда

мощи поднимали наверх и начинали раскачивать, тучи словно расступались, и из за них вырывался ослепительный сноп солнечного света. Мощи опускали, и солнце снова скрывалось за тучи. Так повторилось три раза.

По монастырскому обычаю мощи не стали заносить в собор, но на некоторое время оставили перед папертью для того, чтобы верующие могли с молитвой пройти под ними. Монахи передали мощи мирянам, и люди рекой потекли под этот священный мост. «Гробовой» иеромонах Нил смотрел за порядком. Некоторые из паломников потихоньку начали отрывать листочки от украшения гробницы, так что в итоге почти все цветы и листья дуба были унесены богомольцами с собой. По слезным просьбам одной старушки, которая очень жаловалась на свои болезни, мощи опустили пониже, и она коснулась их головой. Эти просьбы стали повторяться. Не меньше полутора часов продолжалось это массовое испрашивание благословения у преподобного Нила. Наконец, людская река оскудела, многие направились в братскую трапезную на обед. Паломники расаживались за два длинных стола, им раздали тарелки, ложки, кружки. Потом на столы были поставлены кастрюли с супом, отваренной гречкой и подливой из грибов и лука. Стояли салаты из рыбы, свеклы, риса. Одного из преподавателей нашей Школы — Александра Николаевича — по его инициативе благословили читать житие преподобного Нила.

Вечером в интернате, где мы жили, был праздничный импровизированный концерт «для себя», на следующий день — осмотр, исторический и этнографический, старинного Осташкова, новые встречи со старожилами. Настоящим открытием было посещение «обычного» частного одноэтажного дома в самой старой части города. Сначала нас привлек сам дом своими узорами наличников, духом старины, и мы напросились у хозяев зайти внутрь. А там оказался настоящий музей XIX в. Мебель начала пушкинского столетия, картины, книги — все это было не музейным, а интерьером жилого дома. Дамский столик и из толстого стекла резное зеркало когда-то принадлежали не кому-нибудь, а Анне Петровне Керн. Небывалое собрание попало сюда не из антикварного магазина, а находилось здесь всегда, и хозяева дома менялись от поколения к поколению. Словом, на детей как будто взглянула мудрыми глазами сама История и открыла им одну своих бесчисленных кладовых. Всем было

спокойно и грустно. А вечером был неизбежный отъезд одной группы в Санкт-Петербург, другой — в Москву. Закончилось наше короткое знакомство с епархией преподобного Нила, с землей, овеянной славой воинских подвигов в последнюю Отечественную войну (даже в рядовом интернате, где мы жили в Осташкове, имелся маленький музей военных экспонатов), со святынями, которые только начинают восстанавливаться.

Детское паломничество, посвященное памяти выдающегося православного педагога Сергея Александровича Рачинского, прошло как собирание земель в некое царство, называемое исторической памятью. Чудо с большой буквы сопровождало нас всю дорогу, оно раскрывало перед паломниками то одну тайну, то другую, так что и «Божий мир» перестал для нас быть просто природой, и все мы почувствовали (хотя бы на время паломничества) единство с ним. Ведь природа всегда, но по-своему учила православного христианина вере, душевной теплоте, эмоциональной открытости, отзывчивости. Она и только она (*при духовном к ней отношении*) заложила основу русского характера — радушие, открытость, простоту. Русский народ вырос на пешем паломничестве к святыням, на крестных ходах, и наш детский паломнический путь воочию открыл нам эту живую истину.

Крестный ход к месту к месту расстрелов верующих в годы репрессий

Запланированный полевой выезд в г. Борисоглебск (с 6 по 10 февраля 2009г.) был приурочен к празднованию в городе церковного (православного) праздника — Дня новомучеников и исповедников российских, который отмечается здесь уже пять лет. В 10 км от города в местечке Чигорак в 1930-е годы проходили массовые расстрелы репрессированных, которые свозились сюда из ближних областей. Моей исследовательской целью было зафиксировать особенности проведения церковных и общественно-памятных мероприятий в этот день в городе. По местному радио и телевидению было объявлено, что главным мероприятием в день памяти расстрелянных в Чигораке будет проведение крестного хода из восстанавливающейся церкви в с. Чигорак к месту расстрела (около 3 км). Администрация города выделила автобус (и сопровождение ГАИ) для горожан, желающих поехать в село, и в результате собралось около 150

человек из города. В селе к ним присоединилось еще столько, привезли детей из воскресных школ, которые во время крестного хода пели церковные песнопения. Начался праздник с литургии в полуразрушенном храме с. Чигорак, потом с хоругвями под охраной местного казачества крестный ход двинулся к памятному месту. Те, кто расстреливал невинных людей в оврагах за Чигораком, бросали их в ямы, где располагались скотомогильники. Сегодняшний крестный ход с церковными знаменами (хоругвями) при торжественном облачении священников, массовом церковном пении воздавал честь этим страдальцам. Это было величественное зрелище именно благодаря тому, что церковное поминовение здесь соединилось с народным. В памяти народа эти люди святы именно из-за того, что пострадали невинно. В проповеди священника после панихиды вспоминались события трагических лет, в частности слова молодого священника, которого вели на расстрел, как он тихо плакал, потому что у него оставались жена и несколько маленьких детей; вспоминались две девочки — дочери репрессированных, которые пробрались к колючей проволоке, и по ним начал стрелять часовой, но они остались и рассказали о виденном. Многие выступавшие обращались к стоявшим возле памятного креста детям, чтобы они помнили, что здесь произошло. После проповеди выстроилась длинная череда крестоходцев для прикладывания к памятному поклонному кресту. А затем все подходило к раздающим чай и поминальные пирожки, испеченные специально для всех собравшихся в одном из приходов Борисоглебска.

Общие выводы. Самой распространенной и, может быть, даже единственно массовой традиционной формой народного участия в церковном празднике сегодня является крестный ход. Крестный ход — это даже не форма, а исходный материал, который активно используется для созидания самых разных массовых церковных акций, приуроченных к тому или иному празднику. К крестному ходу прибегают при праздновании дня города (или села), чтобы придать священный и одновременно народный характер торжеству. Отметим, что единственный до недавнего времени церковный праздник, помеченный красным цветом и в гражданском календаре, — День славянских просветителей равноапостольных Кирилла и Мефодия — уже много лет в Москве отмечается массовыми крестными

ходами на Славянскую площадь: из Кремля и из приходских храмов столицы.

Крестные ходы со святынями к памятным местам, древним и новым — все это имеет не локальный, а общероссийский размах и отличается большей или меньшей массовостью, объемом времени и теми или иными локальными особенностями проведения. Так, нами был отмечен новый вид крестного хода — в монастыри, приуроченные к престольному празднику.

В целом такое широчайшее явление, как престольный праздник, имевший до революции ярко выраженный народный характер, сегодня находится в состоянии сильно трансформированном. От престола сохранилась только богослужебная часть и общественная трапеза в сильно усеченном виде. Пока еще не восстановлена (и будет ли восстановлена?) та существенная часть праздника, которая имела отношение к развлечениям. Это 1) многодневный характер праздника; 2) широкий прием родственников в дни престола; 3) массовые гулянья, игры, спортивные состязания; 4) повсеместное празднование «отеческого праздника», участие всех возрастов в гуляньи. Престольные праздники опирались на иной характер социальных и в том числе родственных связей, иные условия долговременного совместного проживания людей на одной территории. Сегодня нет ни той скрепы родственных связей, что была раньше, нет тех «грибниц» родственных анклавов, которые были вполне естественны до революции. Но мы не исключаем той возможности, что престольные праздники могут начать возрождаться в прежнем виде в той части сельской России, где сохранились приходы, как важные элементы территориального единения людей.

Кремлева И.А.

Церковные праздники: место обетных праздников в русле народной культуры

Предлагаемая статья основана на архивных и полевых материалах. Значительную часть составляют сведения, почерпнутые из Архива АРЭМ, Фонда Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, Архива Российского географического общества. Также использованы многочисленные материалы из дореволюционной литературы и архивов различных городов, таких как Вологда, Великий Устюг, Калуга, Тотьма, Тамбов, Рязань. Материалы, касающиеся современности, извлечены из полевых материалов автора, сотрудников отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН, полевых материалов ЛГУ.

В XXI столетии в жизни русского народа произошли огромные перемены. Настойчивая борьба с религией, проводившаяся почти все годы советской эпохи, коренным образом изменяла духовную жизнь людей. Вопреки всему духовные устои части православных верующих были так крепки, традиции были так глубоко прочны, что идеологическая работа, направленная на утверждение атеизма, не смогла искоренить многие обычаи повседневной религиозной деятельности народа.

Конечно, условия не позволяли строить новые храмы и часовни, но главное — у верующей части русских никогда не угасала потребность в проявлении религиозных чувств. Одним из таких проявлений был обет.

Выполнение обета народ считал святым делом. Как же соотносится понятия святость и обет? В Полном церковнославянском словаре мы находим такое определение: «Святость означала иногда осветительное действие благодати Божьей в таинствах (I Петр. I, 2); иногда очистительное действие благодати, приемлемое свободою, как нравственное освящение, очищение, исправление души (I Кор. I, 30). Иногда состояние нравственной чистоты, установившийся нрав жить чисто и непорочно по всем заповедям Божиим: святы будите, якоже Азь

святъ есмь, требует Господь (I Петр. I, 16)»¹²⁹. В Евангелии святость, освящение представляются везде как свойство христианина во всех его проявлениях. Православная церковь почитает праведников. На основании Священного Писания и священного предания церковь всегда учила призывать святых как предстателей перед Богом. Все, что относилось к понятию святой, определялось как нечто духовно и нравственно непорочное, чистое, совершенное. В.И. Даль писал, что «святым зовут вообще все заветное, дорогое, связанное с истинною и с благом»¹³⁰.

Анализ полученных данных дает возможность осветить на примере истории возникновения обетов и обетной практики широко бытовавшее отношение верующих к святыням: религиозное обращение к Богу перед святынями, взятые обещания перед ними и выполнение (или не исполнение) их.

Обет — универсальное явление в истории культур разных народов. Он занимает важное место в их религиозной жизни. Обет — обещание, обязательство, принятое из религиозных побуждений¹³¹. Взять на себя обет означает, что человек дает Богу обещание совершить какое-либо особое богоугодное дело — дело милосердия или благочестия. Что касается христианства, то в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» обету дается такое определение: «Обет — обещание какого-либо доброго дела, данное Богу, свободным в распоряжении своей волей христианином»¹³².

Можно выделить обеты в широком и узком смысле слова. К первым относят обет, даваемый при крещении быть верным Иисусу Христу и его учению, обет добросовестно служить обществу, защищать Отечество, не жалея живота своего, возможно, который позже и превратился в воинскую присягу, и т.п. К обету в узком смысле относится обдуманное обещание Господу исполнить особое богоугодное дело. Такое обязательство

---

¹²⁹Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). Составил священник магистр Григорий Дьяченко. М., 1900. С. 1102.

¹³⁰Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. М., 1882. С. 161.

¹³¹Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова. Т. 2. М., 1935. 635.

¹³²Полный православный богословский энциклопедический словарь / Изд. П.П.Сойкина. Т. 2. М., 1992. С. 1688.

верующий (или группа верующих) берет на себя добровольно. Обет дают Богу в благодарность за избавление от несчастий, болезней или иное благодеяние и ради предотвращения различных бед, угрожающих людям.

Православная церковь считает, что добрые дела, совершаемые по обету, служат свободной жертвой угождения Богу, возникающей не из сознания обязанности только, но из более сильного, чем обязанности, чувства к Богу¹³³.

Вместе с тем обеты являются нравственно-дисциплинирующей мерой, полезной для приобретения навыка в добрых делах¹³⁴. Помимо этого Православная церковь признает также пользу и богоугодность обетов, так как они питают и укрепляют веру в Бога, надежду на Его помощь и предстательство святых. Главное, чтобы человек, возлагающий на себя обет, чувствовал в себе достаточные физические и нравственные силы для его исполнения.

Но что интересно, еще в ветхозаветные времена выполнение обетов для евреев могло быть заменено внесением известной суммы в скинию (место общественного богослужения для иудеев). Обеты становились как бы законом, который позволял евреям выкупать данные обеты по разным причинам: чтобы не были слишком обременительными для скинии, или иногда обеты могли даваться необдуманно, тогда выкуп предоставлял возможность исправить ошибку.

Христианство наполнило древний обычай новым содержанием, соответствующим духу веры, которому свойственна готовность к жертвованию, вплоть до самоотречения. Подчеркнем, что сам русский народ придавал особую важность личного ответа перед Богом. Для дающего обет существенную роль играла не только внешняя, материальная, но и духовной сторона обета, связанная с желанием лично потрудиться для Бога, в чем можно усмотреть отличие от традиций Ветхого Завета, широко допускавших выкуп обета. В Евангелие утверждается приоритет совершаемых действий по обетованию¹³⁵. Наряду с другими разнообразными проявлениями религиозного

---

¹³³Религии мира: Энциклопедический словарь Ф.А Брокгауза и Е.И. Ефрона / Ред.-сост. И.Е. Арясов. М., 2006. С. 357.

¹³⁴Полный православный богословский... С. 1689.

¹³⁵Евангелие. Послание к Галатам святого Апостола Павла. 196; 214.

чувства православные обеты исходят из нравственных идеалов народа, которые поддерживают в нем благочестие.

В русской православной традиции обет воспринимается как религиозно-нравственное проявление чувств, идеалов, ожиданий, как форма покаянного выражения и реакция на конкретные бытовые условия и обстоятельства жизни отдельного человека или всей общины, мира, деревни¹³⁶.

Наиболее распространенная форма покаяния вне таинства исповеди — обетная практика. Ежедневные молитвы, хождения в церковь — все это как бы обычная жизнь верующего. Но ими же и часто «нарушаемая»: то из-за погодных неблагоприятных условий, то из-за дальности расстояния от храма, то по болезни своей или детей, а то и просто из-за недостаточного усердия. Указанное не давало возможности крестьянам совершать свои «обязанности» по отношению к Богу и церкви так, как они считали необходимым. Верующие жили в постоянном осознании своей греховности, а потому «обречься», сделать что-то сверх повседневных возможностей являлось способом выражения своего отношения к Богу, способом потрудиться для него. Обет для верующего означал внутреннее общение с Богом.

А.А. Панченко полагает, что обет — это вполне нормативная и общедоступная (как для индивидуума, так и коллектива) форма коммуникации с сакральным миром. Поэтому (народ) прибегает к ней достаточно часто¹³⁷. Верующие давали обещание построить церковь, часовню, организовать праздник, пойти на богомолье (лучше дальше) к святым местам. Во время службы в церкви ставили большие свечи, которые обходились достаточно дорого для небогатых прихожан, народ любил украшать и жертвовать в храм красивые полотенца, холсты, сделанные своими руками, или деньги, накопленные для этого случая.

В разных местностях России наряду со словом «обет» употреблялись и другие термины: «овет», «завет» «обреченные дни», «богомолья. Эти термины свойственны для Русского Севера. В центральных и южных областях более употребительны определения «зарок», «оброк», «обет». Обеты в зависимости от

---

¹³⁶Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина. // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков. Итоги этнографических исследований. М., 2001. С.133.

¹³⁷Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 239.

их характера можно разделить на индивидуальные и коллективные. Обет, принятый одним человеком, как то ношение икон, заказ благодарственного молебна, посещение святых мест, денежное жертвование и другое, можно отнести к индивидуальным.

К коллективным относятся обеты, принятые всей общиной, а именно установление верующими праздников, крестных ходов всем миром, в случае спасения от какого-либо бедствия. В основном мы будем рассматривать обеты только мирян, а обеты монашествующих — это особый вопрос. Остановимся на некоторых видах коллективного обета, а именно на праздниках.

Коллективные обеты.

Обетные праздники и крестные ходы

Возникнув в христианской церкви на первых же порах ее существования, вера в богоугодность и спасительность должного чествования святых выразилась в установлении в память мучеников и других святых особых праздников, по примеру воскресных и иных праздничных дней, с совершением литургии. Начиная с IV в. открыто и торжественно проходило чествование святых, узаконенное двумя поместными соборами того же века.

В почитании святых Православная церковь рассматривает праведников не как богов, а как верных слуг, угодников и друзей Божьих. Восхваляя их подвиги и дела, церковь напоминала верующим, о том, что нельзя забывать, что они их совершали при помощи благодати Божьей, во славу Божью, так что вся честь, воздаваемая святым, относится к величанию Бога, которого они благоугождали на земле своей жизнью.

Огромным бедствием для людей, живущих на земле и кормящихся ею, служили главным образом, опустошающие пожары, градобития, засухи, эпидемии холеры, приобретавшие масштабный характер, от чего страдали иногда целые города с округой, села или деревни. Эти потрясения вызывали ужас у верующих.

Как понять, что думал и ощущал крестьянин в таких бедственных ситуациях? Павел Флоренский в лекциях, читаемых в Духовной академии в Москве в 1908 г., говорил: «чтобы проникнуть в непосредственное мировосприятие крестьянина, необходимо отрешиться от интеллигентских взглядов, ...всмотреться в этот душевный мир. Для того, кто не живет или не может

жить эту цельною жизнью, ключ к народному мирозерцанию утерян навсегда»¹³⁸. Эти страдания жители принимали как неотвратимую кару Господа за грехи. Они так и говорили: «Что же с Богом поделаешь? Божья воля, никто как Бог»¹³⁹.

Единственным спасением от бед, в их понимании, были всеобщее раскаяние в греховной жизни, покаяние и соборная молитва. Все это выражалось в огромном разнообразии обетной практики, в том числе в устройении обетных праздников перед святынями.

Жители села, деревни по поводу избавления от таких несчастий устанавливали свой обетный праздник, часто с крестным ходом, но иногда только крестный ход. Эти праздники устанавливались в честь святого или Богородицы, у которых просили избавления от беды, и эти святые становились, по мнению крестьян, покровителями их деревни. Обетные праздники и обетные крестные ходы, естественно, вписывались в сложившийся цикл православных праздников. В отличие от престольных они устанавливались самими жителями и отмечались селом, деревней, группой деревень каждый год в один и тот же календарный день. Продолжительность их была разной: от одного до трех дней.

Обеты, безусловно, связаны с понятием греха и кары Божьей. Общие представления о грехе в среде крестьян не расходились с церковным православным учением. При конкретизации их в повседневной жизни, в применении к определенным случаям, эти представления могли несколько отклоняться от канонических: иногда в сторону усиления осуждения греха, расширительной трактовки того, что осуждается как грех, иногда же напротив в сторону послабления в осуждении и даже полного отрицания греховности некоторых поступков.

Повсеместно считалось, что в дни праздников нельзя работать, особенно «на себя», а работу в обетный праздник тем более считали «смертельным грехом». Вот почему иногда не только смотрели, чтобы члены общины не работали в такой праздник, но и принимали на сходе волостной, сельской или деревенской

---

¹³⁸Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма // *Оправдание космоса* / Изд. подг. К.Г. Исупов. М., 1994. С. 31

¹³⁹Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Ч. 2. Тверская губ. Зубцовский у. С. Первитено. №448. С. 357. (Далее — Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы...).

общины решение об обязательности всех членов не трудиться в этот день. В Ярославской губ. Ростовского у. обетные праздники назывались «обреченные дни». Например, в такие дни работа воспрещалась под страхом денежного штрафа, размер которого бывал разный — от нескольких копеек до нескольких рублей. Накануне «обреченных дней» сельский выборный обходил все дома селения, под каждым окном стучал палкой и говорил: «Завтра никуда из дома не отлучаться. Это означало, что не только какая-нибудь, но и отлучка из дома, например, за ягодами, грибами и т. п., будет наказана денежным штрафом»¹⁴⁰.

Любопытный документ о запрете на разные работы находим в архиве Бюро князя В.Н. Тенишева по Вологодской губ. Вельскому у., Усть-Вельской вол., д. Нестюковской. Крестьяне, собравшись, долго обдумывали, предлагали разные запреты. В результате споров договорившись о том, что в лес за грибами и ягодами, на охоту с ружьем ходить можно; а нельзя «только... сосны подскабливать для смолокурения и брать топор или что другое в руки, или на лошади за дровами ездить. Такой залог клался устно. Договорившись, все вставали, тут же пред часовой и молились»¹⁴¹, и после этого договор вступал в силу.

Нарушение таких приговоров крестьяне считали даже преступлением, так как из-за одного человека могла пострадать вся община. Забвение обетов предков, по народному представлению, грозило бедствием для ныне живущих — вот почему крестьяне так строго следили за выполнением коллективных обетов.

Приведем примеры некоторых обетных праздников, как в далеком прошлом, так и в наши дни. В Архангельской, Вологодской, Костромской и многих других губерниях некоторые виды обетных праздников нередко назывались *богомольями*. Такой праздник отмечался одной или несколькими деревнями сообща, из года в год и, наконец, приобретал общие черты, а именно: участие всего населения в крестном ходе, кормление в складчину нищих, церковного причта и соседей (столы порой тянулись на 30 м в длину).

Обетные богомолья случались весной или во второй части лета, и обыкновенно в день праздника совершался и крестный

---

¹⁴⁰ Там же. С. 245. Ярославская губ.

¹⁴¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 10.

ход на поля — для освящения озимых или яровых. Крестный ход представлял собой торжественное шествие из храма священнослужителей в праздничных облачениях в сопровождении народа. Впереди процессии несли святые кресты, иконы, хоругви и Евангелие. Если в деревне не было храма, крестный ход шествовал от приходской церкви, расположенной в ближайшем селе. Процессия шла не только на поля, но и к рекам, колодцам, озерам для водоосвящения. Крестный ход в обетные праздники совершался так же торжественно, как и в другие большие праздники, принятые Православной церковью. При праздновании обетных праздников крестьяне сообща платили духовенству за совершение службы. Приведем некоторые примеры.

Так, в д. Филяево Кадниковского у. Вологодской губ. 23 июля, в день Аграфены купальницы, филяевцы ежегодно отмечали обетный праздник. Время установления его неизвестно. По словам стариков, «они с испокон веков празднуют этот день. Деды и отцы праздновали, ну и мы тоже»¹⁴². Существовало предание, что когда-то несколько лет кряду в д. Филяево были неурожаи, что и послужило поводом дать обещание ежегодно в день святой Аграфены служить молебен, после которого кропить святой водой все поля. К началу литургии несколько крестьян отправлялось в г. Кадников (он располагался в двух верстах от селения) для приглашения «батюшки отслужить в деревне молебен после обедни и за разрешением взять из церкви несколько икон, запрестольный крест и хоругви. Часов в 10—11 посылались ребятишки, чтобы дать знать населению, когда причт со священником направятся в д. Филяево.

Одетые в лучшие наряды жители в свою очередь брали свои иконы и шли встречать. Встретившись, все сообща отправились к месту, где должен был служить водосвятный молебен. После него обходили поля с иконами, священник кропил их святой водой. Затем причт обедал у старосты, и этот обед устраивался на арендную плату. Интересно, что в этой деревне жители дали еще одно обещание — во время праздника кормить обедом нищих, сколько бы их ни пришло к ним. Иногда собиралось до 300 и более человек¹⁴³. Провизия на этот обед закупалась на

---

¹⁴²Государственный архив Вологодской области. Вологодское общество по изучению Северного края. (ГАВО. ВОИСК). Ф. 652. Оп. 1. Д. 70. Л.1.

¹⁴³Там же. Л.1 об.

деньги, которые получала деревня с отдачи в аренду покосов. Причем покос отдавался только филиевским мужчинам, а не людям из другой деревни.

Существенные подробности, свидетельствующие о благоговейном настроении крестьян, содержит описание очевидца, видевшего, как проходил в 1866г. обетный праздник и обетный крестный ход в д. Василеве Янгорской вол. Вологодской губ. «Раздался благовест большого колокола к утренней службе при Никольской церкви в будничный день. Подходя к деревне, я увидел множество народа с развевающимися хоругвями. Несмотря на такое количество народа, было тихо, как в могиле. Ни шепота, ни брожения с одного места на другое, как обыкновенно бывает на градских крестных ходах... Здесь все проникнуто духом веры и теплыми молитвами, испрашивали благословения Божия на предпринимаемое дело»¹⁴⁴. После молебна и окропления всего поля святой водой, кресты уносились обратно в церковь.

А.Д. Неуступов также оставил интересные заметки о причине и проведении обетного праздника, проводившегося д. Зарубино Васьяновской вол. Кадниковского у. Вологодской губ. Было это в 1902г. Причиной установления праздника послужило «истребление червяком» весной всех озимых. Крестьяне решили установить ежегодный крестный ход для сохранения хлебных посевов от вредных насекомых и падежа скота. День был выбран не случайный. Постановили отслужить молебен св. Параскеве Пятнице (так полюбившейся и почитаемой народом) в последнюю пятницу, накануне праздника св. Пророка Ильи (20 июля) и не работать в этот день.

Отличался обетный праздник от престольного тем, что в этот день общественным молениям придавалось особое значение: «тогдашние крестьяне свято чтили этот день, мало вкушали пищи и совсем не употребляли водки»¹⁴⁵. Вот как помнили старожилы празднование. Крестьяне прибирали избы, пекли пироги, готовили лучшую еду и празднично одевались. Трое добровольцев из крестьян пешком отправлялись в храм за святыми иконами, а один на лошади — за священнослужителями.

---

¹⁴⁴Четверухин И. Янгосарь // Вологодские губернские ведомости. 1866. №13. С. 103.

¹⁴⁵ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

Ко времени приноса икон и привоза священника крестьяне собирались в часовню; дождавшись священника, служили общий молебен. Каждый житель участвовал в нем по усердию или обету, т.е. заказывал от себя лично обетные дополнительные молебны и панихиды. Затем крестный ход обходил поля и кропил святой водой. Ход останавливался «в прогоне» или по дороге к выгону скота; крестьяне в том месте гнали домашний скот, и священник кропил его святой водой. Потом устраивался обед¹⁴⁶. Очень интересный факт сохранился о том, как этот «местный священник года три тому назад (т.е. в 1889г. — И.К.), взамен покупки чая, водки и сахара предложил крестьянам заказывать обедню о здравии», — крестьяне это приняли.

Примерно так же проходил обетный праздник и в Шуйском у. Владимирской губ. Никто в деревне по общему обещанию в этот день не работал. Активное участие принимали женщины, молодые парни, девушки и подростки¹⁴⁷.

Обязательно устанавливали обетные праздники и в случае «наступления холеры». Жители г. Зарайска Рязанской губ. в память избавления от холеры учредили обетный праздник 5 июля 1871г., который отмечался у часовни в день преподобного Сергия Радонежского Чудотворца. Этот праздник на то время из года в год проходил в течение 11 лет. Население с. Ижеславль Михаловского у. Рязанской губ. особо чтило резной деревянный образ святителя Николая (Можайского). Кроме общепринятых дней памяти святителя — в мае и декабре — жители села установили по обету в 1859г. еще один праздник в память о некогда случившемся избавлении этих мест от холеры, когда после молебна и крестного хода с образом Николая Угодника мор прекратился¹⁴⁸.

В Ильинской вол. Ростовского у. Ярославской губ. в древние времена некоторые из обреченных праздников праздновались каким-либо одним селением однако, к концу XIXв. уже вся волость отмечала такие праздники. К их числу принадлежали Смоленская Богоматерь (28 июля) и Спасов день (10 июля). Праздник в честь иконы Смоленской Божьей Матери был установлен по случаю падежа скота, бывшего когда-то только в

---

¹⁴⁶ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

¹⁴⁷АРЭМ. Ф. 7. Оп.1. Д. 63. Л. 1об. Владимирская губ.

¹⁴⁸Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. М.: Паломник, 1998. С. 93.

с. Ильинском. Два прихода — Ильинский и Назорновский — в обреченный день утром до обедни совершали крестный ход вокруг села. Затем имевшийся в селах скот прогонялся между поставленными в два ряда иконами и окроплялся святой водой. После обедни каждый крестьянин принимал икону Смоленской Божьей Матери у себя на дворе и служил молебен. Спасов день был установлен по случаю холеры, бывшей в с. Назорном в 1848 г. Кроме этих были еще обетные праздники, установленные в связи с пожарами. В такие дни крестьяне бывали за богослужением, служили молебны тому святому, память которого праздновалась, и потом целый день не работали¹⁴⁹.

В с. Бор Семеновского у. Нижегородской губ. по случаю моровой язвы жители дали обет совершать три крестных хода с иконой Казанской Божьей Матери. Сведения относились к событиям 1840-го г. Простой подсчет дает возможность установить, что этот обет жители выполняли уже в течение 80 лет¹⁵⁰. В Москве во второй половине XIX — начале XX в. «по заведенному обычаю бывало несколько крестных ходов в память об избавлении от холеры в 1848 г., устраивавшихся, как правило, утром по окончании богослужения в храме. От церкви крестный ход двигался по прилегавшим к ней улицам и, сделав круг, возвращался обратно. Иногда он направлялся к ближайшей площади, где служился общий молебен»¹⁵¹.

Молебном и крестным ходом с обнесением нетленных мощей святого благоверного князя Михаила Ярославича вокруг древнего Преображенского собора отмечался обетный праздник, введенный в 1831 г. в Твери в память об избавлении города и его округи от азиатской холеры, свирепствовавшей там летом того же года. На этот праздник, приуроченный тверским архиепископом Амвросием к 24 июня (Иванов день), стекалось огромное число богомольцев не только из Твери, но и соседних губерний¹⁵².

В Ярославле в течение многих десятилетий ежегодно в первое воскресенье Петровского поста по случаю обетного

---

¹⁴⁹Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 2. Ч. 2. Ярославская губ. Ростовский у. С. 246.

¹⁵⁰АРГО. Оп. 1. Д. 9. Л. 4. Нижегородская губ.

¹⁵¹Русские. М., 1997. С. 609.

¹⁵²Там же.

праздника, установленного в память о спасении жителей города от «моровой язвы (эпидемия с высокой смертностью), устраивался многолюдный (до 20 тыс. человек) и многочасовой общий крестный ход вокруг города. По свидетельству местных газет и современников, он совершался «при участии духовенства, хоругвей и икон от всех церквей города и образа Толгской Божьей Матери», особо почитаемого верующими. В торжественной процессии наряду с горожанами шло множество крестьян из ближайших сел и деревень.

Таких примеров можно привести великое множество. Нужно отметить, что как в опубликованных, так и в архивных документах прошлых столетий трудно выявлять, насколько молебная часть определяла суть праздника для большинства его участников.

Наблюдатели (это легко заметить) уделяли наибольшее внимание застойной части обычая. Эта особенность многих этнографических описаний второй половины XIX в., не ставивших перед собой задачу выяснения состояния православия в народе¹⁵³. В 1907 г. В.Н. Харузина отмечала в своей публикации, что «исследование форм „христианского культа“ в народе было в забвении у этнографов, как русских, так и иностранных»¹⁵⁴. Тем не менее из собранных материалов, как подметил А.В. Камкин, можно видеть, что «праздник делился на две части: молитвенно-литургическую в храме и празднично-народную. Религиозная основа общения в крестьянский праздник поддерживалась и за порогом храма»¹⁵⁵.

Священники старались, по возможности, проводить разъяснения каким образом предпочтительнее проводить обетные праздники. Так, в церковной летописи Николаевско-Валушенского прихода Вологодского у. Вологодской губ. за 1873 г. находим запись о том, что «обещанные праздники в летнее время, известные под именем „крестных ходов“, отправляемы были, как и прежде. Эти праздники ныне не сопровождалась шумными веселостями по совету наших пастырей и благодаря нашей сельской школе»¹⁵⁶.

---

¹⁵³Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 37.

¹⁵⁴Харузина В. По поводу заметки Р. Ангрэ о новом этнографическом музее в Антверпене // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1907. №4. С. 95.

¹⁵⁵Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Вологда. 1992. С. 39.

¹⁵⁶ГАВО. Ф. 1063. Оп. 57. Д. 32. Л. 35.

В журнале «Живая старина» за 1891г. был помещен интересный материал о том, каким образом и в каких случаях назначались заветные праздники в Череповецком у Ногородской губ. Прежде чем дать обет при общественных бедствиях в с. Большой Остров, связанных со скотом, население деревни для прекращения болезни и предохранения остальных от заболевания «вытирали огонь». Огонь этот считали священным, потому что нужно было потратить много труда, чтобы получить его. Кроме того, к самому «трению» приступали в молитвенном настроении. Добывали огонь сильным трением бревна о бревно.

В этот день крестьяне не должны были ни топить печку, ни греть самовары, ни курить, одним словом, не следовало жечь огонь. С восходом солнца все жители собирались на улицу и приготовленными бревнами начинали «вытирать» огонь, да так, чтобы всякий мог потрудиться. Когда огонь вспыхивал, раскладывали небольшой костер, и сначала все здоровые переходили через огонь, потом переносили больных. Этим же огнем затапливали все печки в селении. «Тут же давали обещание в ближайший праздник отслужить водосвятный молебен с крестным ходом вокруг селения и затем этот день праздновать ежегодно»¹⁵⁷. Этот случай имел место в мае 1898г. Интересно, что таким же способом, т.е. «вытиранием огня», отмечался обетный праздник в Пинежском у. Архангельской губ.¹⁵⁸

Чем же отличались обетные праздники от престольных? Каким образом, по представлению людей, обетный праздник мог им помочь? Во-первых, они назначались самими жителями по приговору, на сходках. Во-вторых, акцент обетного празднования несколько смещался.

Сильной стороной обетных праздников являлась их общественно-религиозная часть. Церемония действий была отработана веками: коллективная молитва, крестный ход, окропление полей и в конце устройства праздничного застолья в честь того святого или Богородицы, в день которых случилась беда. Отныне этому посреднику (посреднице) между Богом и сообществом обещалось постоянно — ежегодное празднество, в котором фиксировалась память о несчастье. В этот

---

¹⁵⁷ Герасимов. Обычай «вытирания огня» // Живая старина. Год седьмой. 1891. Вып. II. Отд. II. С. 247. Новгородская губ.

¹⁵⁸ Чирцов Д. Праздники в Пинежском уезде // Изв. АОИРС. 1916. №11.

день как бы заново проживались все события случившегося. В этом действии самым главным было раскаяние в грехах каждого члена общины и всеобщее соборное моление, что придавало особую торжественность молебну и являлось, по представлению крестьян, залогом предотвращения от повторных несчастий.

Как мы видим, обетные крестные ходы, как правило, сопровождали обетные праздники, и в таком случае в народе назывались покаянными. Совершались они в кризисной ситуации. Оценивая роль общественных бедствий на духовно-нравственное состояние крестьян, священник Яков Светлов писал: «...общественные бедствия — пожары, градобитие, эпидемии вызывают в прихожанах глубокое религиозно-нравственное настроение с полною преданностью воле Божьей. Память грозных посещений Божьих увековечивается из рода в род ежегодными крестными ходами с общественными молебствиями»¹⁵⁹. Корреспондент Тенишевского бюро, земский учитель А.В. Страшинин отмечал, что в с. Первитено Зубцовского у. Тверской губ. на различного рода невзгоды — градобитие, засуха и пр. — «крестьяне смотрят как на наказание Божие за грехи. А потому лучшим средством для предотвращения их считают богомолебствия с крестным ходом, отслуженные на полях». Обычно крестный обетный ход сопровождался празднеством, однако бывало и так, что после крестного хода получал угощение только церковный причт.

В обетных праздниках и покаянных крестных ходах проявлялась связь обета данная народом, с верой в чудесное заступничество святых. Так, сведения об обетном крестном ходе в г. Вологде, установленном в XVIIв., достаточно ясно показывают эту связь. Преподобный Галактион — вологодский чудотворец — был очень почитаем в тех краях. В XVIIв. на его могиле построили храм. От его мощей православные получали чудесные исцеления. Летом 1655 г. стояла сырая погода, шли проливные дожди. Жители вспомнили, как в прежние годы, еще при жизни прп. Галактиона, была страшная засуха и тогдашний архиепископ просил прп. Галактиона прийти в храм, помолиться вместе с народом о прекращении засухи «Господь умилился и послал дождь».

---

¹⁵⁹РБВ. 1889. №5. С.176.

Не теряя надежды на милость Божью, прихожане дали обет и стали просить архиепископа идти с крестным ходом ко гробу святого и просить о прекращении дождя. По церковной летописи, архиепископ согласился и назначил для молебна день. Когда совершилась служба в монастырской церкви, небо прояснилось, заблестело солнце. С того времени крестный ход из собора в монастырь устраивали ежегодно в Духов день¹⁶⁰.

К принятию обета население относилось ответственно и богобоязненно. Случалось, люди забывали или не могли по какой-то уважительной причине выполнить данный оброк. Чем же грозило невыполнение обетов для жителей? В с. Ухолове (Рязанская губ.) в Ильинской церкви исстари почитался праздник св. вмч. Дмитрия Солунского, хотя в честь него не только церкви, но даже придела в храме никогда не было. Существовало народное предание, что в отдаленные времена свирепствовал на селе какой-то мор. Люди умирали, как мухи. В таких несчастных обстоятельствах они избрали своим защитником и покровителем св. Дмитрия. Почему именно его — неизвестно¹⁶¹. С того времени и постановили праздновать всегда Дмитриев день.

С течением времени память о страшном море стала забываться, так что, в конце концов, в селе совсем забыли о своем заступнике и перестали отмечать его. Неожиданно, согласно преданию, в Дмитриев день случился страшный пожар, опустошивший все село. В постигшем бедствии увидели прямое наказание Божие за оставление памяти этого праздника. Было принято вторичное решение праздник «крепко-накрепко почитать на все времена». С тех пор день вмч. Дмитрия Солунского праздновался селом вплоть до конца XIX в., о чем свидетельствуют записи архивной комиссии¹⁶².

В Тамбовском крае жители помнят, как в д. Комаровка Бондарского р-на жители праздновали обетный праздник «на Егория», — «поднимали иконы и в этот день не работали». Но прошло много времени, по всей вероятности с новым бытом «при колхозах», когда уже не приветствовались открытые крестные

---

¹⁶⁰Верюжский И., свящ. Преподобный Галактион Вологодский чудотворец. Вологда, 1910. С. 20.

¹⁶¹Труды Рязанской Архивной комиссии. Т. XV. Вып. 1. Рязань, 1900. С.114.

¹⁶²Там же.

ходы (попросту они были запрещены), народ перестал выполнять обещания: в праздник вынужден был ходить на работу. Случился пожар, и вся д. Комаровка выгорела. После этого народ вспомнил об обете, данном их предками. Собрали собрание и приняли решение снова обречься и выполнять обещание, что и старались по возможности делать.

В приведенных случаях можно видеть, что крестьяне воспринимали обрушившиеся на них несчастья как кару Божию, наказание за грех. Выражался этот грех, (по их мнению) не только в забвении обетов, установленных предками, и невыполнении обещаний, принятых православным сообществом. Прежде всего, как они сами считали, Господь наказывал «за оставление памяти своего прежнего заступника», которая должна была выражаться ежегодным выполнением обета в виде празднования дня святого всем миром. Забыв о праведнике, они понимали, что таким образом нарушали святость жизненного пространства.

Иногда обетные крестные ходы устраивались в качестве превентивной меры в предвидении какой-либо беды или в всякий случай, чтобы не повторилось несчастье, в знак благодарности за свое спасение. Так произошло в Вельском у. «За дарование... в лето 1903 г. хлебов и яровых — тогда как в соседних приходах нет или все уничтожены весенними заморозками и летнею засухой» и чтобы и впредь не лишил Господь своей милости, «прихожане Николаевской Григоровской церкви все единодушно порешили и постановили поднять местно-чтимую икону Святителя и Чудотворца Николая 29 августа и учинить с нею крестный ход по всем своим селениям, отправляя в каждом молебен с водосвятием и окроплением святою водою озимые поля»¹⁶³.

Прихожане постановили совершать крестный ход каждый год. И не только своими силами, но и «впредь нашими потомками, сохраняя те наши древние молебствия, какие установленные ранее и соблюдать которые завещали нам отцы наши». Для этих молебствий они обязывались два дня — 29 и 30 августа — «проводить в полном воздержании, пив и суслов не варить, и водкою не запасаться, а нарушившего сей завет — да накажет праведный Господь Бог»¹⁶⁴. Таким образом, мы видим,

---

¹⁶³ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17995. Л. 1.

¹⁶⁴Там же. Л. 3 об.

как серьезны были их намерения и как редко или часто они нарушали свое слово.

Народный религиозный календарь, помимо установленных церковью праздников, включал в себя почитание 12 пятниц; они были соотнесены с важнейшими христианскими праздниками (пятница перед Троицей, пятница перед Успением, пятница перед Ильиным днем и т.д.)¹⁶⁵. Существовало масса запретов на работы в такие дни.

В народе считалось: «кто в 7-ю пятницу перед Ильєю Прокопом будет поститься, тот избавлен будет от вечной муки, а кто [будет держать пост] в 12-ю пятницу перед Богоявлением Господа нашего Иисуса Христа, имя того человека будет непременно у самого Господа в книгах животных»¹⁶⁶ и пр. Вот почему народ предпочитал в эти пятницы возлагать на себя различные обеты. В эти дни старались устраивать праздники и не работать.

На северо-востоке Вологодской губ. (на Ваге) в старину «ежегодно праздновали пяток первой недели Великого поста у часовни, куда нарочно для этого совершали крестный ход»¹⁶⁷. При падеже скота, сильных дождях, засухах народ считал действенным средством против бедствий празднование обетных пятниц. Любопытные «заповедные записи» в XVI в. были оставлены крестьянами Тавленской вол. (тот же район Ваги).

В них отмечалось, что прихожане «обговорились промеж себя и учинили заповедь на 3 года, чтобы в пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменья жечи, а кто заповедь порушит, на том доправить 8 алтын и 2 деньги»¹⁶⁸. Пятницу, имевшую, по представлениям русских, решительное влияние на здоровье людей и скота, на урожай хлеба олицетворяли с образом святой Параскевы. В старину, во время церковных обрядов, совершавшихся в пятницу, выносили икону святой Параскевы, увешанную лентами, цветами, монистами и душистыми травами.

Вот что вспоминали жители Ягницкого с/с Череповецкого р-на. На восьмую пятницу они «заповедовали отмечать, когда

---

¹⁶⁵Подробнее см.: Т. Заметка к рассказу о двенадцати пятницах // Тульские епархиальные ведомости. 1878. №11. С. 358—367.

¹⁶⁶Руководство для сельских пастырей. 1870. №28. С. 370.

¹⁶⁷Там же. С. 371.

¹⁶⁸Там же.

скотина или народ подал. В один год падала скотина в с. Ягнице. Установили праздник „Смоленскую, а в Спасов день“ болели кони. Как сделали праздник на 8-ю пятницу, сходили в часовню, кропили скот и скотина стала поправляться»¹⁶⁹.

А в Варнавинском у. Костромской губ. во время рабочей поры устраивали обетный праздник девятой пятнице с молебном на полях и крестным ходом. «Крестьяне платили по 3 руб. с селения или по 30 коп. с дому. Кто не принимал участия в таком празднике, считался богоотступником»¹⁷⁰.

Во всех местах в такой праздник кропилась вся скотина: лошади, рогатый скот и мелкий. После общественного молебствия каждый домохозяин подводил свою скотину к священнику и тот кропляет ее водой. В указанный день на лошадях не работали, и «лошадь была свободна от упряжи до утра субботы»¹⁷¹.

В приходе с. Коровино Михайловского у. Рязанской губ. отмечали девять пятниц, в том числе пятницу перед 22 октября (по ст. ст. празднование иконе Казанской Божьей Матери)¹⁷². Избежали прясть лен и коноплю, чтобы «не запылить и тем самым не оскорбить пятницу» в с. Тюшеве Рязанского у. В некоторых деревнях по пятницам «запрещалось выезжать в свое поле». Матери часто обрекались свозить своих больных детей накануне Ильинской Пятницы «под иконы»: болящих протаскивали под иконой в Зареченском погосте Псковского у. Псковской губ. также отмечали Ильинскую пятницу. Приносили обеты (так жители называли свои подношения): шерсть, сыры, масло, хлебцы и свечи, и все это лежало в общей куче во время литургии¹⁷³.

Л.А. Тульцева книге обращает внимание, что среди функций Параскевы Пятницы есть такие, которые говорят, что с образом Параскевы слилось древнее дохристианское женское божество, покровительствовавшее земле, воде, браку, прядению и торговле, почитаемому пятничному дню¹⁷⁴. М.М. Громыко предполагает, что «в основе особого отношения к пятницам и

---

¹⁶⁹ Праздник и обряды Череповецкого р-на в записях 1999г. // Народные традиции Вологодской области. Из собраний фольклорно-этнографических материалов. Вып. 1. Вологда, 2000. С. 17.

¹⁷⁰ АРЭМ. Д. 569. Л. 17 об. (Варнавинский уезд Костромской губернии).

¹⁷¹ ЭАОРК. Кн. IV. Д. 77. С. 40.

¹⁷² РЕВ. 1892. №13. С. 596.

¹⁷³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1415. Л.1. Псковская губ.

¹⁷⁴ Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов... С. 28.

желания усилить строгость поста, запреты на работу и другие ограничения в этот день, несомненно, лежал факт распятия Спасителя в пятницу. Заметное выделение почитания св. Параскевы Пятницы во многих районах так же связано с тем, что она носила имя, обозначавшее день распятия Христа, и считалась поэтому особенно святой»¹⁷⁵.

В Никольском у. Вологодской губ. еще в XIX в. сохранялся обычай дарить в церковь «девятой пятнице обыденную (т.е. обещанную и сделанную в один день. — И.А.) пелену аршина в полтора. Задумавши совершить сей подвиг, девушка созывала к себе девушек и молодущек, и все они теребили лен, пряли и ткали в один день. Когда пелена была выткана, они все шли на реку, ее мыли, белили. Считали, что такая работа — дело самое богоугодное»¹⁷⁶.

Несмотря на перемены после 1917 г., в деревнях какое-то время продолжалась повседневная жизнь с ее религиозными представлениями и обычаями. Главный удар был нанесен деревне к середине 1920-х годов. Хотя старые календарные праздники продолжали занимать определенное место в празднично-обрядовой жизни некоторой части сельского населения, их влияние на деревенскую жизнь, сильно ограничилось. Атеистическая пропаганда была нацелена на разрушение христианского мировоззрения. В селе или деревне оказывались люди, как правило, молодые, инициатива и рвение которых нередко опережали антирелигиозные предписания центральных органов власти¹⁷⁷.

Все публичные шествия, моления вне храма не поощрялись и стали запрещаться. Несмотря на это, мы можем привести примеры, которые подтверждают, что в тот период народ не боялся выражать свою веру (а, следовательно, главное — он ее не растерял) в помощь Божьей Матери и святых угодников и раскаяние в забвении своих праздников.

Многие обеты, касающиеся защиты скота от падежа, по выражению крестьян «держались некоторое время и после революции». По материалам А.К. Супинского, в Вологодской губ.

---

¹⁷⁵ Громыко М.М. Указ. соч. С. 26.

¹⁷⁶ АРЭМ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 73. Л. 33. (Никольский у. Вологодской губ.).

¹⁷⁷ Кузнецов С.В. Православный приход в Рязанском крае (вторая половина XIX—XX вв. // Рязанский этнографический вестник. Православие и традиционная культура Рязанской обл. Рязань, 2001. С. 18.

многие крестьяне приводили по обету к церкви на Ильин день живой скот (коров, овец, бычков), из разных, в том числе из дальних деревень. Иногда их число доходило до двенадцати. После богослужения, скот продавался, а деньги, вырученные за него, поступали в пользу церкви. Так же поступали и в д. Рудково Череповецкого р-на Петропавловского с/с. В храмовый праздник приносили, откормленных осенью по обету овец. Мясо продавали, а полученные за него деньги передавали в храм. В Ильин день, по сообщению К.К. Морозова, в Чепецком с/с (бывшая Чепецкая вол.) откормленных по обету бычков также приводили к церкви. После благословения животных священником их резали. Лучший кусок мяса вырезался церковным старостой в пользу причта.

Разрубленное мясо делилось по количеству душ в семье. Каждая семья варила его отдельно на своем костре, разведенном тут же, у церкви. Когда пища была готова, священник благословлял ее, обходя костры¹⁷⁸. После этого начиналось всеобщее пиршество. Мясо в этом случае не продавалось, а раздавалось даром, по обещанию, чтобы предотвратить падеж скота. Нарушать принятый предками обычай, по народному представлению, являлось большим грехом и могло навлечь на их местность беду.

Приведем пример празднования обетного праздника в дер. Левково, Ратигорского с/с Смоленской обл. С 1924 по 1927 г. в этой деревне свирепствовала болезнь крупного рогатого скота. Ходили разговоры, что падеж происходит оттого, что оставили веру в Бога. На общем собрании постановили праздновать «заветный праздник» Смоленской Божьей Матери и выстроить часовню. Тут же провели сбор бревен, тесу, гвоздей и денег (по рублю с каждого двора) для строительства часовни. На собранные деньги наняли двух плотников, которые приступили к работе.

К 10 августа 1927 г. — дню «заветного» праздника, который прежде всегда праздновался в честь Смоленской Божьей Матери, — часовня была готова. После обедни весь скот согнали вместе, священник отслужил молебен, окропил животных святой водой. Принимая решение учредить праздник, жители

---

¹⁷⁸Пушкинский дом. Колл. Супинского А.К. Папка 1. Колл. 148. №5. Карт. 23. Л. 35.

договорились: поскольку этот праздник «заветный», то в этот день не будет ни вина, ни гостей¹⁷⁹.

В 1929 г. постановление ВЦИК и СНК РСФСР о «Религиозных объединениях» и изменения в Конституции, были приняты состоявшимся очередным Всероссийским съездом Советов. Запрещались любые формы религиозной пропаганды, в том числе богослужения вне храма¹⁸⁰. Праздники продолжали проводить, но с оглядкой, иногда тайно, самое главное — уже без участия духовенства. Дальнейшие запреты в первую очередь сказались именно на коллективных формах обрядов, так как сутью общественных праздников, крестных ходов являлись массовые моления, особенно обетные; в них, за небольшим исключением, участвовало все сельское население.

К середине XX в. многие функции религиозной жизни изменились. Церковь стали посещать главным образом люди старшего и среднего поколения. Как уже говорилось, влияние атеистической пропаганды, насаждаемое государством, закрытие храмов, отсутствие религиозного образования давали о себе знать.

Все это во многом подточило религиозную жизнь, и, казалось, должно было уничтожить основы православных традиций. Но внутренняя духовная жизнь (пусть с большими потерями) продолжала теплиться у некоторой части религиозных людей. Сохранение обетных праздников — тому пример.

В последние годы XX — в начале XXI в. в связи с прекращением гонений на церковь и верующих постепенно оживает церковная жизнедеятельность. Восстанавливаются общественные крестные ходы и праздники. Во многих вновь открытых монастырях возобновлены крестные ходы. Возрождаются обетные праздники. Так, в д. Федоровке Тамбовской обл., как и в старину, празднуется «по оброку» обетный праздник в честь Покрова Божьей Матери. Несколько лет назад возобновился обетный праздник, установленный предками односельчан, в честь свт. Николая Угодника в с. Ижеславль Рязанской обл.

«Паломники устремляются в Ижеславль именно к 28 июня, в обетный праздник, когда устраивается водосвятный молебен.

---

¹⁷⁹ АРГО. Р. 38. Д. 29. Л. 11.

¹⁸⁰ Кузнецов С. В. Современный православный приход в русской провинции // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2004. № 3. С. 9.

Многие приезжают из отдаленных районов на своих машинах, а из окрестных сел трактора привозят полные прицепы нарядно одетых старушек. Нам довелось видеть и тех, кто по старинке хотя бы часть пути старается пройти пешком... Когда образ Николая Угодника вынесли, толпа устремилась к нему, пытаясь дотронуться до него рукой и утереться. Люди приседали под носилки, на которых его несли.

Во время молебна на улице икона стояла на специальном столике, накрытом скатертью, и некоторые успевали протиснуться между ножками стола, поставленными крест накрест. Некоторые матери поспешно проталкивали своих детей под стол. После молебна был крестный ход вокруг церкви. Народ приседал, образуя широкую цепочку из спин. Некоторые спешили присесть несколько раз, подсказывали, как только образ проплывал над ними, и бежали в конец живой цепочки, чтобы успеть быстро пристроиться где-нибудь с боку»¹⁸¹.

Обетные праздники, унаследованные от прошлого, передаваемые из поколения в поколение, становились, так же как и престольные, традицией. Они сохранялись, как доставшееся наследие предков, как их заветы: «как деды делали, так и нам велели».

С обетными праздниками тесно связано и строительство обетных храмов. К уникальному обычаю можно отнести строительство храмов по обету в один день, такие церкви назывались «обыденными». Обыденные церкви строили в честь избавления города, села, деревни или всего государства от того или другого общественного бедствия или в честь героических побед над врагом или в благодарность за выполнения несбыточных желаний (моления за рождение детей). В православном христианстве возведение храма всегда считалось особо благочестивым делом, имевшим большое общественное значение.

Храм играл величайшую роль в духовной жизни православного народа. Туда приходили на службы, проповеди, исповеди, причащение, праздники. В храме крестили, венчали, отпевали, поминали. В храм приходили исполнить обет. Как поучал святитель Тихон Задонский, «храм — место особого

---

¹⁸¹ Иникова С.А. Почитание Святителя Николая Чудотворца в русской народной традиции (по материалам Рязанского края) // Рязанский этнографический вестник. Православие... С. 134.

присутствия Божия. Молитвенные храмы, тщанием боголюбивых людей состроенные... домом Божиим называются... В них Сам Спаситель наш Христос Господь, в священной Евхаристии, под видом хлеба и вина присутствует. В них Дух Святой на предложенные святые Дары снисходит, священнодействие совершает, молящихся освещает»¹⁸². Любовь к Дому Божьему верующими проявлялась в широко распространенной практике как пожертвований на храм, так и строительства церквей. В этом их поддерживали церковные отцы, непрестанно напоминающие прихожанам в проповедях и в различных письменных изданиях церковного характера о пользе таких благодеяний.

Обращаясь к пастве, архиепископ Рязанский и Зарайский Феокист говорил, что «поданное в Храм Божий — помнится святою церковью, и доколе ты будешь жить здесь на земле, и когда помрешь: святая церковь будет молиться за тебя. В каждую службу вы слышите, как она усердно молится о плодоносящих и добродетельных во св. храме... о приснопамятных создателях храма»¹⁸³. Построение обыденных храмов относится к коллективным обетам.

Одной из главных причин построения обыденных храмов служил мор (от эпидемии чумы). Чтобы представить, какое страшное несчастье несла моровая язва, под названием «черная смерть», можно вспомнить времена великого князя Симеона Иоанновича, прозванным Гордым. в его правление произошло жуткое несчастье (1353г.) — от чумы погибли две трети московских жителей и сам великий князь. Таким образом, как для городских, так и для сельских жителей того времени эпидемии были страшными бедствиями.

Согласно новгородским летописям, с 1390 по 1553 г. в Новгороде были построены восемь, а в Пскове с 1407 по 1552 г. — пять обыденных храмов. Но обыденные церкви строились не только в этих двух городах. По случаю предупреждения моровой язвы и великая княгиня Софья Фоминишна, жена великого князя Ивана III, возвела в Московском Кремле около 1480 г. обыденную церковь во имя святого Николая, (впо-

---

¹⁸²Схиархимандрит *Иоанн (Маслов)*. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2000. С. 1062.

¹⁸³РЕВ. 1886. №23. С. 531. Прибавления.

следствии она получила известность как Николо-Гостунский собор)¹⁸⁴.

Д.К. Зеленин в работе «Обыденные» полотенца и «обыденные» храмы¹⁸⁵ приводит много данных, подтверждающих, что обыденные храмы строились главным образом по причине «мора и моровых поветрий»¹⁸⁶. Он подчеркивает, что обычай возведения обыденных храмов был известен в основном в Новгородской и Московской Руси — в городах Новгород, Псков, Москва, Ярославль, Вологда, Вятка. Этот перечень городов можно продолжить. Автору данной статьи удалось обнаружить в «Вологодских епархиальных ведомостях» факты, указывающие на наличие обыденных церквей еще в городах Сольвычегодск и Устюг¹⁸⁷.

Так, Сольвычегодск охватило страшное моровое поветрие, унесшее много жизней. И тогда 8 июля 1571г. по обещанию и по совету «градских и уездных людей в сем городе был основан в один день храм деревянный в честь Спаса Нерукотворного и освящен с божественной литургией. После этого мор прекратился»¹⁸⁸.

Город Устюг дважды страдал от моровой язвы. В 1474г., как пишет летописец, в Устюге было «моровое поветрие весьма велико. По сему несчастному случаю устюжане на поле за городом построили деревянную церковь во имя Воскресения Христова близ Архангельского монастыря. Церковь сию называли обыденною, потому что поставили и освятили ее в один день. После сего мор прекратился»¹⁸⁹.

Обыденные церкви стояли год, три, двадцать пять, сорок лет, а иные и более ста пятидесяти — как, например, церковь Спаса Всемилостивого, построенная в Новгороде около 1424г.

---

¹⁸⁴ Белокуров С.А. Сказание о построении обыденного храма в Вологде во избавление от смертоносные язвы // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете за 1893г. Кн. III. Отд. 2. С. III.

¹⁸⁵ Зеленин Д. «Обыденные» полотенца и «обыденные» храмы // Живая старина. 1911. Год XX. С. 16.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Кремлева И.А. Мирской обет // Православная жизнь... С. 231.

¹⁸⁸ Соскин А. История города Соли-Вычегодской древнейших и нынешних времен // Вологодские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1881. №20. С. 365.

¹⁸⁹ ВГВ. 1847. №13. С. 127

и действовавшая до 1592 г. Эти церкви были деревянными, и то, что они еще стояли в конце XIX в., было просто чудом. Среди сохранившихся к концу указанного века храмов известны Илья Обыденный в Москве, Спасопробоинский обыденный храм в Ярославле, Спас Обыденный в Вологде, Екатерининская обыденная церковь в с. Екатерининском Слободского у. Вятской губ. Эта последняя — едва ли не единственная, сохранившаяся в первоначальном виде до начала XX в., когда она сгорела. Прочие обыденные храмы были перестроены и большей частью заменены каменными¹⁹⁰.

Главная идея построения обыденного храма состояла в том, что в этом действии (как и в обетных праздниках) участвовало все население города или деревни; если работы шли ночью, то место постройки освещалось огнем костров, чтобы не останавливать строительство. Освящение церкви должно было быть совершено в те же сутки. Храмы посвящались Спасителю, Божьей Матери или какому-нибудь святому, причем не было правилом избирать того святителя, чья память праздновалась в день, когда возводилась церковь. Иногда по случаю общественных бедствий строили несколько обыденных церквей — две, а то и три в одном городе (например, в Устюге).

Всеградский Обыденный собор во имя Спаса Всемилостивого был построен жителями г. Вологды в царствование Алексея Михайловича, в 1654 г., по случаю «свирепствования в городе и окрестностях моровой язвы для отвращения праведного гнева Божия»¹⁹¹.

Летописец так описал построение храма: «По назначению заранее дня и по получении благословения от архиепископа Вологодского Маркелла 18 октября вечером в первом часу ночи совершена была закладка храма. Образа были взяты из других церквей... Лета 7163 октября 18 дня надлежащу мору, на память св. Апостола и Евангелиста Луки, поставили единопдневный храм во имя Всемилостивого Спаса. На старой площади начали рубить в 6 часов ночи, а клали светочи и зажигали смолье на батогах, светили светло, а срубили за 2 часа до дни, а святить начали в пятом часу дни.

---

¹⁹⁰ Зеленин Дм. Указ. раб. С. 16.

¹⁹¹ Суворов Н. Историческая заметка о Спасо-обыденной церкви в Вологде // ВЕВ. 1864. №2. (1 октября). С. 50.

И видя Господь веру и моления рабов своих и покаяние слезное о своих согрешениях, той великий гнев свой на милость преложи и моровую язву утоли, и от того дни мор на Вологде преста»¹⁹². В память об этом чудесном событии вологжане дали обет ежегодно праздновать день возведения церкви. За неделю до 18 октября они соблюдали пост, а накануне после всенощного бдения в обыденной церкви громко читалось сказание о ее построении. В 1858 г. в архиве вологодской консистории был найден подлинник обетного общественного приговора вологжан, в котором они обещали за себя и своих потомков на вечные времена давать в Спасообыденную церковь ежегодно на неугасимую лампаду воск, на церковный обиход — свечи, ладан, вино церковное, а на содержание причта — хлеб и деньги¹⁹³.

В начале XVIII в. стали воздвигать каменный храм, а деревянная обыденная церковь, пока строился каменный храм, стояла внутри и в ней велась церковная служба непрерывно. В течение XIX в. храм достраивался и перестраивался, но по-прежнему отмечался всеградский праздник в Вологде 18 октября. В день святого апостола и евангелиста Луки — день построения обыденной церкви и прекращения «моровой язвы» — и совершался крестный ход.

Не менее интересны причины построения обыденного Спасо-Пробоинского храма в Ярославле. В источниках повествуется о чудотворной иконе Спасителя, обретенной жителями города в 1612 г., во время «моровой язвы», поразившей Ярославль, куда тогда стекались войска народного ополчения. В честь обретения такой иконы и был немедленно воздвигнут гражданами города и ополченцами обыденный храм; прошли моления, после чего язва вскоре прекратилась¹⁹⁴.

Как мы писали выше, обыденные храмы воздвигались не только по причине «моровой язвы». Наши предки старались сохранить память о том или ином событии военных дел. При этом помимо простого напоминания о событии, как это происходит в светских мемориалах, такие церкви заключили в себе идею

---

¹⁹² Белокуров С. А. Указ. раб. С. III.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Лествицын В. И. Другая редакция сказания о Спасопробоинской церкви г. Ярославля // Ярославские епархиальные губернские ведомости. 1874. № 13. Неоф. С. 97—99.

молитвенного благодарения за помощь или прошения о ниспослании благ свыше, а также молитвенного поминовения усопших (не случайно и хоронили прежде под полом церкви или рядом).

Церкви, построенные Иваном Грозным. Хотелось бы особо выделить строительства часовен и церквей, в том числе обыденных и обетных, в правление Ивана Грозного. Под влиянием своего духовного наставника митрополита Макария великий князь всея Руси Иоанн IV 16 января 1547 г. стал первым русским боговенчанным царем и пастырем православных христиан от Востока до Запада. Молодому царю нужны были конкретные дела, подтверждающие его власть. Надо было показать всему миру, что на место Константинополя в роли хранителя православия от магометанства явился новый Царьград — Москва и московский крепкий царь. Таков был, можно предположить, исторический смысл казанских походов и осуществленного им широкомасштабного строительства монастырей, церквей, часовен, погостов на пути в Казань и по обету после победы 1552 г.

Невозможно перечислить все постройки. Их очень много. Под предводительством Ивана Грозного были совершены три казанских похода, и лишь последний закончился победой и покорением Казанского ханства. Отправляясь в поход, Иоанн говорил: «Хочу страдати за православную веру, и за святые церкви, не токмо до крови, но и до последнего издыхания»¹⁹⁵. Казань была взята 2 октября 1552 г., в день памяти великомучеников Киприана и Иустинии. Царь повелел в этот день поставить церковь во имя святых, что и было сделано на следующий день. Это была первая обыденная православная церковь в казанском кремле. *Обыденные церкви были общепонятным символом торжества православия.* Там, где стояла боевая хоругвь с изображением Спасителя, Иван Грозный приказал поставить в один день церковь во имя Нерукотворного образа Спаса. Царь сам выбрал место для соборной Благовещенской церкви и своими руками заложил на месте престола святой крест.

Есть свидетельство, что 4 октября царь лично участвовал в строительстве этого собора, сам рубил лес и носил бревна на плечах. Автор «Казанской истории», очевидец взятия Казани, очень красочно и подробно описал эти события. После взятия

---

¹⁹⁵Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 410.

Казани царь сам захотел выполнить свой обет. Он повелевает всем воеводам и «сам прежде руками своими древо секирою посече и от леса на плещу своею принесе. И во един день созда храм соборный Благовещение Пресвятыя Владичицы наша Богородицы, на месте Красне, на площади, близ царева двора»¹⁹⁶. Собор Благовещения в Казани освятили 6 октября 1552 г.

Ничего удивительного в этом нет. Иван Грозный следовал примеру отца, Василия Ш, который в 1531 г. по обету, данному перед рождением сына Иоанна, в один день построил церковь Иоанна Предтечи на старом Ваганькове в Москве, «сам первый начал работать, за ним плотники; церковь выстроили в один день и в тот же день освятили»¹⁹⁷.

Был построен великолепный храм по повелению Ивана Грозного в память побед над волжскими и крымскими татарами в Москве — собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы, называемый также Троицким или Василием Блаженным. Иван Грозный взял с собой в Казанский поход в качестве талисмана легендарный посох ростовского святителя Авраамия, которым тот сокрушил идола Велеса. В благодарность монастырю и по обету после похода царь построил в Ростове Великом каменный собор Богоявления¹⁹⁸.

Само церковное строительство на территории четырех губерний — Владимирской, Казанской, Нижегородской и Симбирской — во время похода протяженностью около 900 км, безусловно, является феноменальным явлением нашей истории, не известным ни до Ивана Грозного, ни после. Дмитрий Донской по обету построил несколько монастырей, но уже после Куликовской битвы. Впоследствии Петр I, Екатерина II, Павел I повторили путь Ивана Грозного в Казань, но никто из них не оставил после себя построенных церквей.

В древности на Руси существовало такое понятие, как обетный монастырь. Подобные обители создавались на средства

---

¹⁹⁶ Сказание о зачатии царства Казанского и о победах великих князей Московских, со царьми Казанскими преславно содеянных, и о взятии того царства Казанского от благочестивого государя и царя и великого князя Иоанна Васильевича, Всея России Самодержца. Казань, 1902.

¹⁹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. М., 1885. С. 477.

¹⁹⁸ Баталов А. Л. Идея многопрестольности в московском каменном зодчестве середины — второй половины XVI в. // Русское государство позднего средневековья. Образ мысли и смысл. М., 1993. С. 109.

влиятельных лиц по обету или по обещанию в благодарность Богу. Так были устроены многие монастыри. Новодевичий (на Девичьем поле) монастырь сооружен великим князем Василием III в 1525 г. в честь покорения Смоленска. Или другой пример: перед Куликовской битвой великий князь Дмитрий Донской дал обет: «Если Господь и Пресвятая Матерь его пошлет мне помощь противу врага, то я построю монастырь во имя Пресвятой Богородицы». После успешного окончания битвы великий князь исполнил свой обет.

При помощи преподобного Сергия князем Дмитрием построен Стромынский мужской Успенский монастырь, на р. Дубенке (располагавшийся недалеко от нынешнего с. Стромынь в Ногинского р-не). Другой — Бобренов монастырь — стал великим молитвенным памятником Куликовской битвы — он был построен по обету Дмитрием Донским и его славным полководцем Боброком в честь Рождества Богородицы.

Так же по обету Дмитрия Донского и по тому же случаю победы над ордынцами в Новгороде в 1381 г. возвели два каменных храма: во имя св. Дмитрия Солунского в Славкове и в честь Рождества Христова на поле. Например, Варлаамовская обетная церковь в г. Устюге была построена в 1612 г. по случаю избавления города от нашествия поляков и литовцев¹⁹⁹.

Хотелось бы привести пример канувшего в прошлое, но сохранявшегося еще в XVII в. старинного обета — «не щадить жизни за Отечество»²⁰⁰. Один такой обет связан с именем князя Дмитрия Михайловича Пожарского, который был прислан воеводой в г. Зарайск в Смутное время, когда «часть жителей города, подстрекаемая изменниками и примерами прочих городов, ... принуждали князя присягнуть самозванцу»²⁰¹. Протоиерей Никольского собора содействовал Пожарскому и убеждал вместе с князем жителей города повиноваться законной власти. Обстановка была сложная. При таких обстоятельствах князь получил благословение от протоиерея умереть за Отечество. Дмитрий Пожарский, вступая в управление вверенного ему г. Зарайска, произнес «обет не щадить жизни за

---

¹⁹⁹ ВЕВ. 1881. №2. С. 372.

²⁰⁰ Бочарников С. Зарайск. М., 1865. С. 27.

²⁰¹ Там же. С. 24.

Отечество»²⁰² при всем народе. Это сыграло свою положительную роль.

Для сравнения приведем небольшой отрывок из челобитной смолян московскому государю в 1609г. Этот текст (довольно большой) помещен на доске Успенского собора г. Смоленска в память погибших 3 июня 1611г.: «У нас, у всякого инока, и служилых, и ратных людей дан обет в храме Пречистые Богородицы, чтобы всем нам помереть за истинную православную веру и за святые Божие церкви, и за тебя государя, царя и великого князя, и за твое крестное целование...»²⁰³. Обет не щадить своей жизни, на первый взгляд, можно приравнять к самоубийству. Но участие в военных действиях против захватчиков, за православную веру и сохранение Отечества рассматривалось церковью как богоугодное дело, как духовный подвиг. Недаром сам протоиерей благословляет князя Дмитрия Пожарского на смерть за святое дело. В народе считалось, что воины, погибшие в таких боях, идут прямо в рай.

Для строительства обыденных, так и обетных храмов поводы могли быть самые разные: чудесное спасение от неминуемой гибели во время военных действий; различного рода исцеления от неизлечимых или тяжких болезней; в память усопших родителей и близких членов семьи или просто по духовной потребности. Храмы строились, как правило, по обету богатых людей — князей, помещиков, купцов, духовенства, посадских людей; очень редко это могли себе позволить и состоятельные крестьяне.

До наших дней сохранилось немного легенд, преданий и письменных источников о строительстве обетных храмов. Приведем примеры возведения князьями храмов, связанных со смертельной опасностью, во время военных действий.

Первый пример (письменно зафиксированный случай) возведения обетной деревянной церкви в г. Васильеве относится ко времени великого князя Владимира, к 996г. Спасаясь от преследовавших его печенегов, Владимир был вынужден скрыться под мостом и тогда дал обет построить церковь в случае избавления от угрожавшей ему опасности. При удалении печенегов

---

²⁰²Бочарников С. Зарайск. М.,1865. С. 27.

²⁰³Эта надпись помещена на доске Успенского собора г. Смоленска.

он немедля исполнил свой обет, «постави церковь и сотвори праздник великий»²⁰⁴.

Свидетельством благодарственного обета служила построенная в XVIII в. церковь в с. Остромино Рязанского у. помещиком Князевым «за благополучное возвращение из военного похода»²⁰⁵.

Как уже говорилось, обетные церкви возводились и не в один день. С военными действиями связывает местное предание и построение обетной церкви в с. Темиреве Елатомского у. Тамбовской губ. «При Василии Темном из Золотой Орды переходили к нам татарские князья и расселялись по нашей земле. Один из таких, татарин именем Темир или Тамир, поселился на том месте, где теперь стоит село... От этого князя и... название Темирово. Темир поселился на земле Рязанского княжества. Его поместье находилось посреди дремучих лесов. Однажды Темир рассердил чем-то рязанского князя, который и отправился на него с небольшим отрядом». По дороге князь увяз в болоте, которое было известно под названием Святое болото. Не сумев выбраться из топи, «он обратился к помощи Божьей. Он обещал, что если выберется благополучно из болота, то построит на этом месте (на месте хутора Темира) церковь во имя Св. Николая Чудотворца». Дав это обещание, он вывел свой отряд из болота, более того, исцелились его внезапно заболевшие глаза. Однако о своем намерении князь забыл. Спустя год он нашел хороший предлог и вновь отправился с воинами, намереваясь изгнать Темира из рязанских пределов. Князь «пошел тем же путем и опять увяз в болоте. В это время... ему явился во сне Св. Николай Чудотворец и сказал, что это за то его Бог наказывает, что он не исполнил своего обещания. Проснувшись, князь раскаялся и дал себе слово, как только прогонит Темира из его владений, построит обещанный храм. С трудом выбравшись, он нанес поражение Темиру и прогнал его... На этот раз князь исполнил обещание. Храм этот существовал до 50-х годов XIX столетия, когда был перестроен на новый, теперешний»²⁰⁶.

---

²⁰⁴Уваров С.А. Обыденные или единокровные церкви // Труды Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 2. М., 1865—1867. Материалы для Археологического словаря.

²⁰⁵РЕВ. 1891. №20. С. 937—938. Прибавления.

²⁰⁶Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (далее — ЭАОИРК). Кн. IX. Д. 202. С. 6.

Строительство церкви во имя свт. Николая Мирликийского в г. Зарайске — имело другой повод. В Зарайске находилась чтимая икона свт. Николая, прибывшая, по преданию, в Рязанскую землю из далеких земель, из г. Корсуни в 1224 г.²⁰⁷ Эта икона пользовалась большим почитанием среди зарайского населения, прославилась многочисленными исцелениями от нее. В 1513 г. ввиду нашествия крымских татар на Рязанские земли зарайские священники перенесли чудотворную икону в г. Коломну, где она так же прославилась чудесами. Она пользовалась особым почитанием у великого князя Василия Ш. Обстоятельства сложились таким образом, что икона святого Николы долго оставалась в Коломне (по желанию князя), а зарайские жители хотели, чтобы она непременно вернулась к ним.

Василий III вернул образ и дал обещание построить для него в Зарайске каменную церковь и ограду²⁰⁸. В этом обете отразился дипломатический талант великого князя, а возвращение святыни имело политическую подоплеку. Василий III не стал обострять отношения, спорить с жителями и настаивать на оставлении иконы в Коломне, которая в то время являлась великокняжеским доменом²⁰⁹.

С обетом связано основание Андрониковского монастыря в Москве. Его история такова. При Симеоне Гордом в 1352 г. митрополитом Всея Руси стал Алексий. Требовалось, чтобы он отправился в Царьград получить подтверждение. «На обратном пути страшная буря застигла святителя на море. Он молился усердно и дал обет соорудить храм во имя того угодника Божия, которому будут праздновать в день высадки пловцов на берег. Господь услышал молитву праведника, и корабль пристал к берегу 16 августа, когда Церковь празднует Нерукотворному образу Спасителя». Алексий соорудил обетный монастырь на берегу р. Яузы во имя Нерукотворного образа Спасителя. Этот

---

²⁰⁷Подробнее см.: *Иникова С.А.* Почитание святителя Николая Чудотворца в русской народной традиции (по материалам Рязанского края) // Православие и традиционная народная культура Рязанской области. Рязань, 2001. С. 127—128.

²⁰⁸*Лихачев Д.С.* Повести о Николле Заразском. Тексты // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 283.

²⁰⁹*Иникова С.А.* Почитание святителя Николая Чудотворца... С.128.

монастырь получил название Андроникова по имени своего первого игумена²¹⁰.

Существует предание о том, что великий князь Рязанский Ингвар Ингваревич основал по обету Ольговский мужской монастырь, расположенный недалеко от Рязани (в 1219 г.), «в знак благодарения Господу Богу и его Пречистой Матери за свое спасение от угрожавшей ему смертельной опасности»²¹¹, которую с 1217 г. готовил Ингвару двоюродный брат его, Глеб Владимирович, «убивший пять родных братьев, его князей рязанских и своего брата»²¹².

В московском Сретенском монастыре в XVII в. к Большому Владимирскому собору пристроили придел Рождества Иоанна Предтечи. Это была обетная постройка. В приделе висела памятная каменная доска с надписью: «Божией милостью повелением государя нашего царя Великого князя Федора Алексеевича всея России по благословению святейшего Иоакима Патриарха Московского строена сия соборная церковь в лето 7187 (1679) августа в (10) день. А сей придел построен повелением государя царя и Великого князя Петра Алексеевича всея России по благословению Стефана митрополита Рязанского и Муромского лета 7214 (1706) меж патриаршеством по обещаю обители сея игумена Моисея Великосельского»²¹³.

В 1577 г. живший в окрестностях г. Чернигова состоятельный человек Тарасий Игнатъев, будучи немощным в течение семи лет, обещал по выздоровлении построить храм во имя святых великих царей Константина и Елены, что и было им исполнено²¹⁴.

По обещанию была построена и Троицкая церковь в с. Дединове Зарайского у. Рязанской губ. и в годы правления Петра I, о чем свидетельствует надпись, помещенная при входе: «Благословением Преосвященного Архиепископа Никиты Коломенского и Каширского тцанием по обещаю Никиты Федорова

---

²¹⁰Жития русских святых. 1000 лет русской святости / Собрала монахиня Таисия. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 273.

²¹¹РВВ. 1896. №13. С. 427. Прибавления.

²¹²Денисов Л.И. Православные монастыри Российской Империи. Полный список. М., 1908. С. 7—24.

²¹³Романов Г.А. Крест резной. Малоизвестные памятники русской культуры. Московский Сретенский монастырь. М., 1992. С. 49—51.

²¹⁴ВВВ. 1881. №14. С. 298.

сына Шустова тремя детьми в вечное поминовение рода своему...»²¹⁵.

Наряду с благодарностью за избавление от бедствий причиной возведения храма могла быть и духовная потребность, вызванная или укрепленная указанием свыше.

Нередко по духовной потребности давали обещание построить, вместо ветхой церкви новую. Так, в 1770г. помещиком Иваном Петровичем Карамышевым была возведена новая деревянная церковь с двумя приделами и колокольней в с. Пуцино Рязанского у.

Упомянутый выше Ольгов монастырь к концу XIXв. начал угасать, и его хотели упразднить, но, как писалось в историко-статистических описаниях, «Господу Богу негодно было такое упразднение. Он послал благотворителя в лице благочестивого помещика с. Песочни — Н.З. Апухтина»²¹⁶. Во-первых, он упрощил преосвященнейшего Феофилакта не закрывать монастырь, а во-вторых, дал обет возобновить его. Действительно, щедрая рука жертвователя «не пожалела громадной суммы — до 3000 руб. и даже свою серебряную посуду и другие ценности принес в дар монастырю»²¹⁷. На эти деньги при поддержке монастыря был создан новый Троицкий собор с приделами Успения Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. Можно предположить, что придел Николаю Чудотворцу он построил в честь своего ангела-хранителя²¹⁸.

Строили церкви и состоятельные крестьяне. В 1752г. в Рязанскую духовную консисторию обратился с прошением о сооружении новой церкви в с. Лакаши Спасского у. «Иванов сын [который] имеет обещание вместо онной ветхой построить каменную с тем же храмоименованием с приделом Екатерины Христовой мученицы»²¹⁹.

Можно сказать, что построение часовен по обету было характерно для всех губерний России. Часовни, как правило, ставились на местах, «ознаменованных какой нибудь милостью

---

²¹⁵ЭАОИРК. Кн. XII. Д. 296. С. 5.

²¹⁶РЕВ. 1890. №13. С. 430. Прибавления.

²¹⁷Там же.

²¹⁸Смотри раздел Т.А. Листовой в данном сборнике.

²¹⁹Государственный архив Рязанской области. Ф. 627. Оп. 10. Св. 59. Д. 63. Л. 1.

Божией»: явления икон и при в воспоминание важных событий церковно государственной жизни, при бедствиях (таких, как пожар, градобитие, неурожаи и пр). Представляли они собой малые церкви без алтарей, могли быть каменными или деревянными, большими или маленькими; воздвигались главным образом для общественных молений. На этом их функции не заканчивались: часовни часто обозначали места престолов разрушенных церквей, служили надгробными памятниками. Например, купец г. Данкова за избавление своего семейства от холеры в 1837 г. по обету, на собственные средства построил круглую деревянную часовню над могилой основателя Данковского мужского монастыря схимонаха Р.Н. Телепнева. Купец объяснял свой поступок тем, что однажды увидел, как на месте захоронения схимонаха бродил скот; «и чтобы святое место не было осквернено», воздвиг на нем часовню»²²⁰.

Очевидно, когда в источниках не упоминается, что церковь обыденная, мы вправе предполагать, что строительные работы продолжались дольше, чем день. В д. Большое Воронино Кадниковского у. Вологодской губ. не позднее XVIII в. была построенная обетная часовня²²¹. Причиной ее сооружения послужил падеж скота, во время которого жители деревни дали обещание после прекращения напасти поставить часовню. Прошло время, часовня сгорела, но в 1892—1893 гг. была возобновлена; в праздник в ней совершались всенощные бдения, приносились иконы (как известно, в деревенских часовнях чаще всего не было икон). Кстати, в этом Устьянском приходе было шесть обетных часовен, построенных по случаю общественных бедствий.

Имеющийся материал позволяет заключить, что к XIX в. обычай строить по обету храмы или часовни начал ослабевать. Быть может, угасанию традиции содействовала позиция церкви, следившей за тем, чтобы народная инициатива не вышла за установленные рамки. При Петре I, например, издаются законы, регулирующие количество строящихся церквей и штат духовенства; цель этих законов — создать условия для нор-

---

²²⁰ Описание Данковского мужского монастыря / Сост. данковский купец В.И. Ермаков. Рязань, 1863.

²²¹ Государственный Архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 883. Оп. 1. Д. 214. Л. 58.

мальности деятельности церквей и духовенства («чтобы не было поругания Божьему месту») ²²².

Е. Поселянин так оценивал этот указ, который, как и многие другие, не был выполнен: «Прошли два века. Россия стала культурнее, но, слава Богу, не снесла еще тех „внешних икон“,... не погасила перед ними лампад и свечей, не разорила часовен, а воздвигла и воздвигает на видных местах, на площадях городских и перекрестках новые часовни...» ²²³. Эти слова относились к началу ХХв.

Контроль за должным порядком в деле возведения церквей и часовен был постоянным. О том, как он осуществлялся, свидетельствуют выразительные документы конца XIX в., хранящиеся в Государственном архиве Вологодской обл. Так, по доносу земского исправника о вызвавших его подозрения неизвестно кем и когда построенных часовнях в Вельской округе было предписано дать объяснение местному священнику Е. Глубоковскому. В ответе начальству священник сообщал: «В разных деревнях построены часовни [числом] около 95, из них 23 — построены по обещанию... В показанном приходе в селениях и равно в тех, где имеются часовни, от существования их никакой противности святой церкви нет, и прихожане к святым церквам вообще рачительны и прилежны». Он перечислял причины, побудившие к строительству обетных часовен: «В деревне Толстой — обетная часовня, построена по случаю падежа скота, в деревне Коротыгинской — крестьяне положили обещание устроить часовню в связи с повреждением нив червями, с чего самого и гибель нивы от червей прекратилась» ²²⁴. Таким образом, и в конце XIX столетия обычай сооружать обетные церкви и часовни все еще держался достаточно прочно.

Обычай не был полностью забыт и в первой трети ХХв., о чем свидетельствует описание обетного праздника в д. Левково в Смоленской обл.

Как можно видеть по представленному материалу, в строительстве обетных храмов принимали участие все слои населения — князья, купцы, духовенство, посадские люди, крестьян-

---

²²²Кириченко О.В. Традиции православной религиозности у русских дворян XVIII столетия. Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С. 55.

²²³Поселянин Е. Указ. соч. С. 25.

²²⁴ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9053. Л. 7 об.

ство. Церкви воздвигались по разным поводам. В заключение хочется вернуться к строительству кафедрального соборного храма Христа Спасителя (во имя Рождества Христова). У него нелегкая судьба. Его строительство продолжалось почти 44 года. Храм Христа Спасителя был воздвигнут в честь и память великой победы над войсками Наполеона в Отечественной войне 1812 г.

Идея построения такого рода памятников восходит к древней традиции обетных храмов, возводившихся в знак благодарения за победу и в вечное поминовение о погибших. В них постоянно и особенно усердно поминались воины, «на поле брани за веру и Отечество живот свой положившие», как гласит заупокойная молитва об убиенных и от ран скончавшихся воинах. В таких храмах-памятниках нашло выражение одно из главных правил православной жизни — благодарность Богу и людям, благодарность воинам, пострадавшим за свой народ и за свою Родину.

Храм Христа Спасителя был сооружен на месте бывшего Алексеевского монастыря по обету, данному во время Отечественной войны императором Александром I. Он не успел осуществить постройку. Обещание, данное императором от лица нации, исполнялось уже при его наследниках. Этот обет впоследствии принял на себя Николай I, который и определил, где его строить²²⁵. 10 апреля 1832 г. в Святейший Синод и московскому военному губернатору Д. В. Голицыну Николаем I было послано предписание: «Утвердив ныне проект сооружаемого храма и приступив к исполнению всегда священной для Нас воли почившего Государя и брата нашего, нам приятно поручить вам возвестить любезно верным жителям первопрестольной столицы Нашей, что обет, произнесенный Им в незабвенный день спасения России, будет при помощи Божьей совершен»²²⁶. Оба царя следовали старой русской традиции, но сроки его строительства были, мягко говоря, затянуты. Как следует из представленного текста, обеты старались выполнить как можно быстрее. И так, заложенный в 1838 г., храм строился без малого 45 лет и был освящен 26 мая 1883 г., в торжественные дни коро-

---

²²⁵Грошников Б., Корнюшин В. Москва златоглавая. Фоторепродукции. М., 1990. Изд. 2-е. Автор текста — Корнешов Л. №30.

²²⁶Цит. по: История — проект К.А. Тона — Храм Христа Спасителя.

нации императора Александра III. К этому моменту со времени манифеста Александра I прошло более 70 лет, но обет, данный Россией, был выполнен. Увы, в декабре 1931г. храм Христа Спасителя был взорван. Но в 1989г. Фонд восстановления храма Христа Спасителя обратился к жертвователям со словами: «Всем народам создавался этот храм в честь победы в Отечественной войне 1812г., в память воинов, погибших за свободу и независимость России. На века, для памяти и назидания был создан собор, но через полвека был взорван вместе с тысячами церквей, дворцов и архитектурных ансамблей. Время пришло собирать камни, собирая народы. Возродим в Москве, собирая соборы земель русских, Храм Христа Спасителя — Храм ратной славы и национальной духовности»²²⁷. В августе 2000г. состоялось полное освящение воссозданного храма.

Как мы видим, для религиозного сознания православных верующих возведение храмов и часовен считалось и считается особо благочестивым делом, имевшим и имеющим большое общественное значение и способствующим спасению души.

Послесловие. В настоящее время уже много лет действует Российский клуб православных меценатов. Его ядро — профессионалы в сфере управления, финансов и маркетинга. Миссией клуба стало социальное служение на основе православных традиций благотворительности и меценатства. Председатель клуба — Андрей Поклонский, а председателем совета директоров финансово-промышленной компании «Сатори» — Андрей Гусаров. Строительство обыденных храмов — один из центральных проектов клуба.

Правда, изменились причины возведения обыденных церквей. По словам А. Поклонского, экономический и духовный смысл проекта заключается в том, чтобы строить быстро (проекты, чертежи документация раздаются бесплатно). Храмы нужны, «чтобы дух сохранить у людей, возродить веру в сердцах и нравственность — вот глубинный сакральный смысл»²²⁸.

Члены клуба обратились к патриарху Алексию II с письмом, о возрождении традиции строительства обыденных храмов.

---

²²⁷ *Буторов А.В.* Храм Христа Спасителя. История строительства и разрушения. М., 1992. С. 47.

²²⁸ *Поклонский А.* Семь храмов в семи городах за один день // Достоинство. Наше наследие. Общественно-политический журнал. Человек. Страна. Мир. 2009. №1. Март.

Тот дал благословение и ответил, что надеется, что епархии, светская власть, администрации областей откроют двери этому нужному для России начинанию²²⁹. Обыденные храмы возводятся в новых микрорайонах, клуб собирався профинансировать, по благословению покойного патриарха Алексия II, строительство 11 храмов. Первый такой храм был построен в г. Кемерово. Одновременно 3 декабря 2008г. возвели за один день храмы в Москве, Киеве и Минске.

В дальнейшем члены клуба ставят своей задачей возродить традицию. Они дают чертежи, готовят документацию, помогают технологиями. Но собирать средства и строить церковь будут сами жители. Кто не может помочь деньгами, примет участие непосредственно в строительстве: носить бревна, варить еду и кормить людей. И таким образом, суть построения обыденного храма останется прежней — всем миром, сами, в едином порыве.

Обеты были и есть важная часть религиозной жизни русского народа. В них отражаются покаяние в своей греховности, надежда заслужить прощение особыми усилиями, представление о важности жертвования и идея духовной пользы самоограничения. По существу все, что связано с обетами, выделяется среди повседневных проявлений веры, поскольку совершается, как и прежде, в дополнение к обычным религиозным обязанностям человека, означает добровольно возложенные на себя дополнительные тяготы-«подвиги».

Изложенные факты позволяют предположить, что в годы гонений на веру именно обет не утратил своей значимости и стал активной формой поддержания традиции. Выполнение обетов давало и дает поддержку людям, ощущающим потребность проявлять веру таким образом. Приведенные материалы об обетах дают возможность сделать вывод о том, что они остаются важным явлением многосторонней духовной жизни русского народа.

Люди старшего поколения по-прежнему считают за грех невыполнение взятых на себя обетов. Как ранее, так и в настоящее время многие виды личных обетов и причины их принятия сокрыты, поскольку, по представлениям многих верующих, были и остаются глубоко внутренней стороной религиозного

---

²²⁹ Там же. С. 171.

чувства. В XXв. обеты часто заменяли собой донныне существующие ритуальные формы контактов со святынями, святыми местами. Некоторые виды обетов утратили свою полнокровную жизнь, особенно это касается коллективных обетов, в том числе праздников.

Вместе с тем в последнее время тенденция изменяется в пользу восстановления общественных обетов. Неважно, что обетные праздники, обетные крестные ходы пока малочисленны. Важно, что обет не утратил своей значимости и является активной формой поддержания православной традиции в народной культуре, остается важным феноменом многосторонней духовной жизни русского народа.

Листова Т.А.

Православие в общественно-религиозных праздниках советского и постсоветского времени (по материалам полевых исследований в российско-украинско-белорусском пограничье)²³⁰

В начале 1982г. на западе Смоленской обл. в большом с. Каспля (бывший районный центр) в воскресенье на Троицу в местном кафе мне довелось услышать довольно печальный разговор двух мужчин лет 50. На улице было тепло, сухо и очень пустынно. В разговоре мужчины все время возвращались к воспоминаниям о том, «как раньше было». Троица — престольный праздник села, и, по их словам, еще лет 20 назад, т.е. где-то в начале 1960-х годов, «здесь бы на праздник все гуляло и шумело, все бы на улице были» (Смоленский р-н, 1982). Подобные сетования, а равно возможность лично оценить характер проведения праздничных дней в селах и небольших городах позволяли задуматься над тем, какое же место занимали православные

---

²³⁰Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №11-21-02004а/Ukr).

праздники в общем праздничном комплексе жителей каждой местности в советский период, какова была динамика их изменений, можно ли говорить о региональных и даже локальных отличиях не только в обрядовом сопровождении этих праздников, а таковые существовали всегда, но и в самом характере трансформации праздничных дней. Не менее интересным представляется и анализ изменений в православной праздничной культуре в постсоветское время, для которого, как мы покажем ниже, свойственны весьма своеобразные формы организации православных праздников.

Основная научная база исследований — собственные полевые материалы, позволяющие судить как о ситуации в современности, так и, используя воспоминания лиц старшего поколения и передаваемые из поколения в поколение рассказы уже ушедших людей, о специфике православных праздников в разные этапы советского периода. В сущности, только полевые записи могут дать возможность составить адекватную картину тех уже достаточно отдаленных от нас дней. В научной литературе советского периода уделялось в основном внимание лишь главным церковным праздникам — Пасхе и Рождеству (мы имеем в виду анализ их проведения именно как церковных праздников). При этом отмечались лишь некоторые из обрядовых элементов религиозного характера, причем с заведомо негативной оценкой. Совершенно опускались из вида в силу цензурных возможностей особенности религиозного мироощущения участников праздника.

Между тем, как показывают материалы, и в советское время церковный календарь, выведенный за рамки легального функционирования, продолжал существовать в культуре народа. Иногда это происходило совершенно явно, сопротивление властей было скорее внешним, формальным, чем реальным. В других случаях, лишившись возможности даже в минимальной степени следовать правилам проведения праздничного времени, жители, хотя бы тайно, считали нужным почтить свой праздник, а тем самым и те небесные силы, к которым привыкли обращаться многие поколения их предков. Особенно это касалось тех праздников, проведение которых традиционно имело церковно-общественный характер, т.е. выходило за пределы церкви или чисто семейных празднеств в пространство деревенской, реже — городской, общественной жизни, имело

коллективный характер. Полевые материалы позволяют составить представление о том, какое же место занимали в разные периоды советской истории и занимают в наши дни православные праздники в праздничном календаре русских, белорусов и украинцев (в данном случае, в определенном регионе), насколько массово их празднование, каково соотношение (по уделяемому времени, по приоритетности) церковного и внецерковного празднования. Среди массы сюжетов, имеющих отношение к православной праздничной культуре, мы выделили лишь несколько, что дает больше возможностей для сопоставления данных, касающихся разных периодов истории (в указанных временных рамках).

Практика научной работы по религиозной тематике показывает, что любое проявление реального функционирования православной веры в среде нецерковного населения вообще и тем более в советский период времени определялось не только такими явными факторами, как давление сверху, приверженность собственной традиции, но и особенностями религиозно-мировоззренческого характера. Применительно к нашей теме, очевидно, что сохранность и цельность общественно-религиозных православных праздников напрямую зависели и зависят от понимания народом сакрального смысла соответствующих дней церковного месяцеслова, более того от степени проникновения их мистического наполнения в сознание каждой личности. Наличие этих факторов — основа сохранения цельности праздничного комплекса, где церковная и внецерковная (обрядово-праздничная и развлекательная) части дополняют друг друга, отсутствие же их приводит к сохранению лишь внешней оболочке изначально церковного праздника и, как результат — к исчезновению и (или) смысловой его трансформации.

Конечно, при изучении характера религиозности и ее проявлений в советский период трудно надеяться на полностью адекватное понимание реальной ситуации. Что-то уже стерлось из памяти наших пожилых собеседников, что-то подверглось инверсии во времени, и нынешние ощущения воспринимаются как перманентно присутствовавшие на протяжении всей жизни. Кроме того, почти каждый из отвечающих может с достаточной степенью достоверности вспомнить, насколько массовым и популярным было то или иное праздничное мероприятие в их местности. Но гораздо реже наши собеседники в

состоянии, по их собственному признанию, судить о религиозных ощущениях других даже в пределах своего селения, о восприятии ими праздничного времени именно как времени чествования божественного мира. Более четко сохранялись воспоминания о внешнем эмоциональном фоне подготовки и проведения православных праздников.

В статье использован материал, собранный, в основном, в регионе русско-белорусско-украинского пограничья²³¹. Мы не планируем заострять внимание на обрядово-праздничных особенностях, свойственных отдельным регионам, им будет уделено внимание лишь в контексте рассмотрения сохранности и трансформации православной праздничной культуры.

Изучаемый нами регион имеет ряд отличительных особенностей. Длительное время эта территории была переходной зоной между тремя восточнославянскими народами, что совершенно определенно подтверждается и культурными, и языковыми характеристиками жителей смежных районов. Историческое развитие пограничных земель привело к тому, что этническая принадлежность их жителей не поддается четкой этнической идентификации²³². С политической точки зрения территории нашего региона — это окраины, а, следовательно, земли, являвшиеся ареной постоянных войн, перехода из рук в руки, что не могло не способствовать формированию некоторой переходной, или точнее сказать, «ничьей» по культуре зоны, что отразилось на формировании всех областей жизни, в том числе и на духовной культуре. Маргинальную зону представлял собой этот регион и в отношении влияния и значимости православного вероисповедания. В большей мере это касается белорусских земель. В период вхождения их в великое княжество Литовское православие сохраняло свои позиции. Однако после унии с Польшей в 1569г. начинает распространяться католичество, идет интенсивный перевод православных церквей в униатство, что вызывает протесты со стороны православного

---

²³¹ Это запад Псковской, Смоленской, Брянской областей России, восточная часть Витебской, Могилевской, Гомельской областей Беларуси и север Черниговской обл. Украины. Для сравнения привлекаются некоторые данные по аналогичным сюжетам из Калужской обл. и центральных районов Смоленщины.

²³² Григорьева Р.А., Касперович Г.И. Этнокультурные процессы и этнический состав населения // Белорусско-русское пограничье. М., 2005. С. 59.

населения. С 1772 г., с присоединением этих земель к России, униатство постепенно вытесняется православием, а с 1830 г. перестает существовать. Однако католичество ещё некоторое время после присоединения к России западных смоленских, а затем и белорусских земель сохраняло в Смоленской губ. свои позиции и влияние на верхние слои общества. Тем более это было ощутимо в белорусских землях, где одна часть населения продолжала исповедовать католичество, а другая перешла в ведение римско-католической церкви из униатства. Правда, в восточном пограничье число католиков было невелико; в целом преобладала православная культура. Неоднократный переход из одной конфессии в другую, подчас поликонфессиональный состав семей, что стало особенно характерным в послереволюционное время, способствовал распространению терпимости в отношениях между последователями разных религий на уровне рядовых мирян.

Отсутствие признаков конфессиональной розни, гораздо меньшая, по сравнению с Россией, значимость религиозного фактора в самоидентификации и сейчас бросается в глаза как особенность именно жителей белорусских земель. Правда, эта терпимость имела, по-видимому, и обратную сторону: униатство сохраняло обрядовую практику православия (хотя и не полностью), что как бы стирало различия в вероисповедании. Людей интересовало выполнение положенных обрядов и треб, но вся полнота православного учения, его влияние на мироощущение, поведение людей, религиозную грамотность не могли проявляться здесь в том же объеме, что и на основной территории Европейской России.

О том, что Православная Церковь в великом княжестве Литовском «имела гораздо более слабые позиции», нежели в Русском государстве, «где церковь пользовалась постоянной поддержкой государства», пишут и историки²³³. По данным П. Цебрикова, набожность населения была сильнее в восточных — так называемых великорусских (по его делению) уездах Смоленского края, нежели в западных, которые он считал белорусскими²³⁴. Это

---

²³³Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV—XVI в. // Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 128.

²³⁴Цебриков П. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Т. 21. СПб., 1862. С. 260.

обстоятельство, безусловно, влияло на своеобразие народной культуры населения, которое сказывается и по сей день. Иначе выглядела ситуация в Черниговских землях. Даже во время принадлежности к Великому княжеству Литовскому и затем Польше население этих земель сумело отстоять православие, которое стало для украинцев одним из важнейших мотивов для ведения освободительной войны, и сейчас входит в число основных этноопределяющих признаков украинцев. Судя по рассказам местных жителей, в том числе лиц, по роду службы имеющих отношение к исследованию религиозной ситуации, неравномерной была и активность атеистической деятельности государства. В наибольшей степени она коснулась северо-восточной Витебской обл., где и сейчас далеко не во всех районах замечается подъем религиозности. Так, по словам священника из Дубровенского р-на, по приблизительной оценке на 200 смертей приходится только 20 отпеваний, включая заочные. Ситуация, не характерная для юго-восточных районов Белоруссии и тем более для Украины. Явное оживление религиозной и именно церковной жизни чувствуется и в западных районах России.

Еще одна специфика региона — массовое расселение в районе брянско-гомельского пограничья последователей старообрядческого направления православия. Это известный с XVII в. стародубско-ветковский массив старообрядцев. В настоящее время число их невелико, особенно в Гомельской обл. Сокращению числа старообрядцев способствовали не только антирелигиозное давление государства, но и Чернобыльская авария, в результате которой пострадали многие старообрядческие селения. По-разному складываются и взаимоотношения церкви и государства в трех ныне отдельных государствах в постсоветский период. Ниже будут затронуты некоторые аспекты этих взаимоотношений, имеющие отношения к теме нашего исследования.

Праздники православного календаря. Складывавшийся веками календарь церковных праздников, неизменно сохраняя празднование дней, основополагающих для христианской веры, в целом не представлял собой что-то застывшее. Общей направленностью праздников было донести до верующих и приблизить к ним события церковной истории, прославить подвиги святых подвижников и мучеников за веру, а также

учителей Церкви, способствовавших разворачиванию догматических положений в цельную систему вероучения с ее сложно-символическими таинствами, обрядами и обычаями. И все же историческая трансформация затрагивала и церковный календарь. Дело не только в том, что знаменательных для Церкви дней, чудесных явлений, обретения икон, а также православных святых становилось больше, а, соответственно, рождались и новые праздники. Изменения могли идти как по линии возникновения новых и исчезновения (или ухода на периферию) старых, так и появления новых праздничных дней. Происшедшая трансформация, как показывает история, была в первую очередь связана с переменами в социальном обустройстве общества, хотя этот факт мог действовать опосредованно и обнаруживал себя лишь при рассмотрении всей системы общественных взаимоотношений в каждый исторический период. Любой православный праздник функционировал на трех уровнях: государственно-церковном, общественном и семейном. К безусловным, хотя и меняющимся во времени, аспектам трансформаций в праздничном церковном календаре относится степень соучастия государственно-общественных сил в проведении праздников и придании им особого звучания.

Первоначально статья задумывалась как исследование по современным церковным праздникам. Однако реальность дореволюционного времени показывает, что праздники, установленные и проводимые церковью, никогда не существовали сами по себе, так сказать, корпоративно. С одной стороны, они так или иначе вовлекали, мирское население, с другой — церковные мероприятия не оставались вне внимания государства. Причем, если первая корреляция с начала христианизации шла по пути полного и органичного слияния, позволяя говорить о единой церковно-народной культуре, то симбиоз веры народа и государственной власти, даже при их официальном единстве, постепенно терял характер органики. При этом оставалась и даже возрастала потребность привлечения церкви, а равно и веры народа, к решению государственно-идеологических программ.

Мы говорили выше о том, что в большей или меньшей степени государственно-политическую окраску имели церковные торжества во всей истории России. Это политическое звучание было обусловлено неотделимостью государства и

его правителей от подданных, для которых православие было органическим основанием понимания миропорядка, в том числе и государственного устройства, его принципа соподчиненности.

К концу XIX в. становится очевидным ослабление, а возможно, и постепенное разрушение гармонического единства власти и народа, построенного на единой православной вере и Церкви. На рубеже XIX—XX вв. уже открыто провозглашается необходимость усилить политическое звучание всех церковно-религиозных мероприятий. Прежде всего имелось в виду усиление построенного на традиционной для православия сакрализации монархической власти авторитета правящего императора. В выступлении на миссионерском собрании профессора Духовной академии священника Д.Ф. Косицина, которое можно считать программным, дается точное определение статуса православной веры в государстве: «Ни в одном из современных государств Церковь не имеет такого мощного культурно-государственного значения. Россия есть носительница православия, и вселенское православие исповедуется в России как русская и царская вера»²³⁵. Любое особо значимое религиозное мероприятие осмыслялось и с точки зрения его политического звучания. Таковыми были всенародно празднуемые торжества по случаю открытия мощей Серафима Саровского в 1903 г. «Черниговские губернские ведомости» (с перепечаткой из «Московских новостей») информировали население о том, что благодаря «присутствию Царя и его семьи... дни великого духовного торжества стали в Сарове и днями великого политического торжества»²³⁶. Молебны по данному случаю были проведены во всех церквях России, в том числе в белорусских и украинских. Насколько успешными были предпринимаемые шаги, видно из последующих в 1917 г. событий.

Естественно, что особенно радикальные перемены в отношении государства к православным праздникам, произошли в советский период. Взаимодействие Церкви и государства не только было прервано, церковная организация была противопоставлена государству как его антагонист. Между тем, несмотря на воинствующую атеистическую позицию государства,

---

²³⁵Черниговские губернские ведомости (далее — ЧГВ). 1890. 22 марта.

²³⁶ЧГВ. 1903. 29 июля.

некоторые празднично-церковные традиции сохранялись как на личном, так и на общественном уровне. Нас будут интересовать формы проведения именно тех православных праздников, которые в традиции существовали не только как семейные, но подразумевали участие определенного коллектива.

Изучение современной праздничной культуры показывает, что государство, не только узаконив, но и, в отличие от дореволюционной России, публично декларируя отделение Церкви от государства, не забывает и об общественно-государственном значении церковных мероприятий. С начала 1990-х годов мы видим разные варианты участия Церкви в государственных праздниках, предпринимаются шаги и по совмещению государственных и церковных праздников.

Выход религиозной жизни из-под запрета, активизация деятельности Церкви, желание наших современников вернуться к своим религиозным традициям, воспринимаемым часто как этнические, лояльная и даже протекционистская политика государства в отношении Церкви и церковной жизни привели к возобновлению или даже созданию новой общественно- и государственно-церковной праздничной культуры. Эта культура не имеет какой-либо завершенной формы, она находится в стадии становления, показывая как общие тенденции, так и региональные и локальные отличия.

Судя по имеющимся воспоминаниям местных жителей, данным местных архивов, в 1920-е годы в большинстве мест нашего региона церковно-приходская жизнь функционировала если и не в полном объеме, то с сохранением основных элементов, в том числе в проведении церковных праздников. В детских воспоминаниях престарелых женщин эти праздники отмечены ощущением именно всеобщности радостного молитвенного служения односельчан. Таковыми, например, остались в памяти одной из жительниц западной Смоленщины пасхальные обходы их деревни с иконами: «Иконы носили, это неделя после Пасхи. И мы бегали. И в каждом доме отпевание. А потом, вечером, останавливают икону, оставляют на ночь и все жители, кто может, все приходят и целую ночь пьют Христа» (д. Лукиха, Касплянский р-н, Смоленская обл. Запись в с. Павловское Темкинского р-на Смоленской обл., 2007 г.). Однако с начала 1930-х годов антирелигиозная борьба государства начинает вестись по разным направлениям: от агитации переходят к запретам,

массовому закрытию церквей, физическому уничтожению священнослужителей, т.е. разрушению церковно-приходской жизни, в рамках которой и функционировала общественно-религиозная праздничная культура.

На ослабление или полный уход церковной и в целом религиозной жизни в регионе повлияли и последствия Великой Отечественной войны, оставившей после себя обезлюдившие и разрушенные земли. Особенно пострадали районы русско-белорусского пограничья. О возрождении обрядово-праздничной культуры можно говорить лишь применительно к началу 1950-х годов. Возвращение к православным праздникам зависело от разных факторов: религиозной традиции довоенного и даже дореволюционного времени, наличия церкви, активности местных властей в их борьбе с «религиозными пережитками», наличия в каждой местности достаточно деятельных верующих и религиозно-грамотных людей.

Имеющиеся в нашем распоряжении записи бесед с пожилыми людьми позволяют сделать некоторые выводы о том, какие православные праздники продолжали существовать в эти годы, каково было их содержание и восприятие мирским населением.

Можно сказать, что одним из важных факторов сохранения православных традиций были не только религиозные убеждения жителей. Имели значение и личные религиозно-нравственные и эмоциональные переживания и воспоминания. В этом отношении интересна беседа с женщиной (1943г.р.) из католической семьи, родом из Брацлавского р-на Витебской обл., где приблизительно в равных долях жили бок о бок православные и католики. В 1978г. она вышла замуж за православного, и с тех пор живет в православном по составу населения селе. На формирование ее мировоззрения и поведения населения сказался ранний отрыв от семьи — ушла из дома в 14 лет. Как и многие ее сверстники, выросшие в бесцерковное время («ни церкви, ни костела не было, а мы были атеистами. Православный или католик — нам было все равно»), она индифферентно относится к вопросам веры. В ее отношении к религиозным праздникам, в объяснении потребности их отмечать главными аргументами являются сохраненные с детства радостные ощущения праздников и чувство долга перед ушедшими родителями, реализуемые в сохранении их праздничных традиций.

Думается, что последнее, не всегда даже четко формулируемое нашими собеседниками соображение, довольно часто является действенным фактором сохранения и передачи особенностей семейного уклада, в том числе и в религиозной жизни. «У нас очень переплетено — католики и православные. Праздники отмечали по-разному, но, в основном, получалось так: например, муж — католик, жена — православная или наоборот. Тогда отмечали и тот, и тот праздник. И сейчас католическое Рождество отмечаю — в память родителей, и Пасху, и Троицу. И православные отмечаю, так как муж — православный. Я — католик бывший, дети православные. Католическое во мне — это воспоминание о родителях, как на Рождество сено носили, застилали стол, как все это было торжественно, все в памяти оставалось» (с. Краснополье Россонского р-на Витебской обл. 2010г.).

Воспоминания о православных праздниках как днях, наполненных радостью и ощущением чего-то особенного, из времен детства остались и у нашей собеседницы из Новозыбкова (выросла в старообрядческой семье, перешла в православие). «Дедушка был сторож, бабушка — санитарка. Дедушка вырос, воспитывался при Покровском монастыре, очень грамотный был. Жили все вместе. Бабушка сумела сохранить в семье уклад. В 1970-годах праздновали Рождество, елку ставили не на Новый год, а на Рождество. Мне это не очень нравилось, так как девочки приходят, надо как-то объяснять. А сейчас мне жалко той атмосферы, что-то ушло, ощущение благодати. К Рождеству все белилось, мылось. Бабушка много молилась. Из житий была книга Дмитрия Ростовского, в пост бабушка только ее читала. Отмечала только день ангела» (г. Новозыбков Брянской обл. 2008г.).

Можно утверждать, что при сокращении обрядово-праздничных мероприятий, традиционно приуроченных к основным дням православного календаря, они сохраняли свой статус сакрально освященных дней, что определяло следование традиционным нормам поведения. Эти религиозно-этические нормы действовали и до войны, и после, можно сказать, что они не теряли своего значения во все советское время, особенно для старшего поколения. Таковы воспоминания пожилой женщины из с. Лобок Невельского р-на. «Каляды — это перед Рождеством, а тады начинаются святки. Днем на святки можно работать, а вечером нет: это *святые вечера!* Но стирать и днем

было нельзя» (Псковская обл. 2010 г.). Как правило, наши собеседники дают положительный ответ и на вопрос, продолжали ли ощущать себя православными в советское время. Один из аргументов — соблюдение церковных праздников, выполнение положенных обрядовых традиций при том, что из-за отсутствия храмов это требовало часто немалых усилий: «Естественно, мы — православные. Ведь и не было церкви, но все эти обряды — вот, освящение яблок, освящение духовой (или духовной) воды на Троицу, освящение куличей... Мама ездила в Дубровно освящать» (с. Ляды Дубровенского р-на Витебской обл. 2008 г.).

Характерной особенностью трансформации праздничной православной культуры в советское время можно считать сохранение не столько самих праздников как ритуально-обрядовых мероприятий, сколько приуроченных к ним запретов. И в первую очередь соблюдались запреты, связанные с практикой охраны материнства и детства. Воспитанная в духе отрицания религиозных норм молодежь в целом довольно скептически относилась к религиозно-дидактическим наставлениям старших. Однако в тех случаях, когда дело касалось безопасности будущего потомства, молодые люди, особенно молодые женщины, предпочитали следовать традиции. Имело значение и повсеместное хождение рассказов о печальных последствиях — рождении неполноценного ребенка вследствие того, что будущая мать работала в большой церковный праздник. В целом можно говорить о выделении праздничных дней хотя бы на уровне отказа от работы, т.е. праздничного проведения этого дня. К таковым праздникам относились в первую очередь Пасха, а также Рождество, память Николая Чудотворца, Казанская, Ильин день, возможно, престольные или обетные местные праздники.

При невозможности открытого общественного празднования дней церковного календаря торжество, тем не менее, сохранялось часто в стихийных, но привычных для села формах, причем касалось это и церковных, и светских праздников. Например, по воспоминаниям пожилой жительницы д. Горбачева Россонского р-на, «мы отмечали Октябрьскую революцию, Новый год, Пасху — и всей деревней собирались в мою хатку. Народ был сплоченнее. А мы, дети, — на печке. Пели, веселились. Следующий праздник — идут к следующему, так и ходили.

А сейчас зажалась. И на Троицу так вместе собирались на кладбище, ходили там один к одному. На братскую могилу ходили все вместе» (Витебская обл. 2010г.).

Интересно отметить, что при утере православных традиций празднования на первый план выходили обрядовые элементы народной празднично-развлекательной культуры. Таковым стал статус Рождества Христова в праздничном времени от 7 до 19 января, обозначаемого на белорусско-российском пограничье как каляды. В течение довоенного и длительное время в послевоенный период коляды сохраняли особенности обрядового поведения, включая обходы ряжеными дворов, пение специальных песен, т.е. целый обрядово-поведенческий комплекс, который на местах, хотя бы частично, сохранялся до начала 1990-х годов. Однако само Рождество как день рождения Христа, как один из двух главных праздников Православной Церкви, стал теряться в череде праздничных развлечений. Это не значит, что праздник совсем ушел из мироощущения людей, особенно в семьях с религиозными традициями. Иногда даже местные жители затрудняются определить его значимость в системе праздников. «(Отношение к Рождеству, сочельнику? Как чувствуется в домах?) Все-таки это больше праздники католические и православные. На западе, там сильнее... А у нас, в Советском Союзе больше Новый год. А Рождество больше православный, я думаю, что глубоко православные люди всегда скрывают этот праздник. Как-то он больше в душе» (г. Городок Витебской обл. 2010г.).

Имеющиеся у нас материалы позволяют оценивать состояние православной праздничной культуры в изучаемом регионе в сравнении с ситуацией в аналогичный период времени в более восточных регионах России. Судя по воспоминаниям очевидцев, в некоторых центральных и особенно центрально-черноземных областях России сохранность обрядово-праздничных комплексов была явно выше, чем в регионе русско-белорусского пограничья, особенно его северо-восточной части. Так, в Юхновском р-не Калужской обл. еще в 1960—1970-е годы существовало традиционное христославление с обходами всех домов. Причем христославы вполне владели положенным стихотворным репертуаром (Юхнов. 2009г.). Еще более отчетливо религиозные традиции проявлялись в Воронежской, Тамбовской, Пензенской областях. То же можно сказать и о ситуации

с религиозными традициями в Черниговской обл. «И Илью, и Пасху праздновали всегда. Яички красили, пасху пекли и печем. И никто ничего не делает» (с. Орликовка Семеновского р-на. 2010г.). Возможно, имело значение и то обстоятельство, что и ко времени глобальных перемен в советское время религиозный уклад жизни с приуроченными к церковным праздникам обрядами и обычаями существовал в этих районах в более полном и цельном варианте. Конечно, нужно учитывать, что возможности проведения того или иного православного праздника всегда зависели от активности противодействия им советской власти.

В научной литературе как советского, так и дореволюционного периода немало написано о том, что церковь только присоединила дохристианские земледельческие праздники к церковному месяцеслову, причем последние сохраняли свою внутреннюю автономность, имея лишь внешнюю христианскую окрашенность. Однако христианизация любимых в народе праздников подтверждается не только массовым дореволюционным материалом, но и особенностями их трансформации в советский период. Яркий пример — праздник Преображения, называемый в народе Яблочный Спас. Две основные характеристики праздника — освящение плодов и снятие тем самым запрета на их употребление, который, в свою очередь, соотносился с поверьями о загробной жизни младенцев (см. ниже). Еще в советское время действующие храмы сельской местности и небольших городов средней части России, где нам довелось бывать в конце 1960-х годов, были наполнены ароматом яблок, здесь же лежали груды плодов, оставленных в качестве приношения церкви. Там же, где церквей не было, т.е. отсутствовала возможность освящения плодов, день 19 августа постепенно терял свои праздничные характеристики и к началу 1990-х годов из праздничного комплекса наиболее устойчиво сохранялся лишь запрет на их употребление женщинами, потерявшими своих детей.

Как показывают исследования в регионе русско-белорусского пограничья, этот один из наиболее любимых христианских праздников сохранялся здесь именно как граница запретного для употребления яблок времени. А поскольку редкую женщину обошли трагедии, связанные с потерей детей, то и запреты эти стали органичной частью культуры женского поведения.

«У мамы умер новорожденный мальчик, мне еще лет 5 было. И мама не ела яблок до Спаса. Я у нее спрашиваю: „почему?“ — „Когда на Спас боженька будет делить яблоки всем детям, нашему скажут, что твое яблоко съела мама“. Я так поразились и где-то с класса 7-го тоже перестала есть яблоки. А теперь — у меня два аборта, так что не ем» (г. Дубровно Витебской обл. 2005 г.). Между прочим, редкая из наших собеседниц (мы не имеем в виду узкий круг воцерковленных людей) вспомнила о том, что в церковном календаре этот день посвящен Преображению Господнему.

Самым массовым, значимым церковным праздником была до революции Пасха. Она сохранялась все советское время практически повсеместно. Конечно, конкретная реализация ее празднования далеко не всегда соответствовала высокому мистическому значению праздника. Церковно-приходская жизнь была разрушена, вместе с этим ушла и возможность для большинства граждан страны приобщиться к литургическому служению Церкви. Общим осталось ощущение наступающего радостного прекрасного праздника и чувство необходимости подготовиться к нему, чему не могли воспрепятствовать никакие запретительные и даже карательные меры светских властей. Особенно это было очевидно в небольших городах и сельской местности, где поведение жителей определялось не только собственными настроениями, но и сложившейся традицией и общественным мнением. Можно сказать, что в году были два праздника, подготовка к которым требовала напряжения сил всей семьи — материальных и духовных. Это Новый год и Пасха. Символическая значимость первого праздника понятна — это и символика начала, и постепенное перенесение на него праздничных традиций рождественского периода, и главное — празднование на государственном уровне. Причем, как вспоминают лица преклонного возраста, еще до войны, а в некоторых семьях и позже основным зимним праздником оставалось Рождество. Пасха даже для далеких от церкви людей, мало интересующихся церковными догматами и сущностью божественного мира, ощущалась как праздник совсем иной природы, нежели череда праздников светских. Свое сакральное значение сохраняла и пасхальная обрядовая пища. Даже неосвященные кулич, пасха, крашеные яички воспринимались не просто как символы праздника, а как предметы, наделенные

особой благодатной сущностью. Их употребление давало человеку чувство приобщения к особой ауре этого дня, если и не для всех наполненной святости, то явно сакрализованной. С начала 1990-х годов началось массовое посещение церквей для освящения обрядовой пищи. Для многих пожилых и тем более старых людей это было возможностью возобновить никогда не угасавшую потребность освятить пасхальную пищу.

Правда, не всегда нашим собеседникам понятна современная практика освящения продуктов в субботу до пасхальной службы. Это особенно характерно для старообрядцев, придерживающихся традиционного порядка богослужения. Причем, их аргументация показывает присутствующим ощущение литургического смысла происходящего во время пасхальной службы. Как сказала с недоумением одна из наших собеседниц — старообрядка: «как же можно освящать? Ведь Христос еще не воскрес! Откуда ж святой дух уже, чтобы освящать?», «Светят пасху у нас часов в 6 утра, когда Иисуса Христа пропоят. Это в воскресенье. Ну какое это правило: идут в субботу святить! Иисуса Христа еще не запели, а они уже едят ее» (Новозыбков Брянской обл. 2009г.). Опросы населения показывают, что и молодежь видит в церковном освящении пищи не только красивую культурную старинную традицию, но и нечто большее, когда в результате освящения принесенные продукты приобретают иное качество. Более того, по традиции, существующей на юго-западе России, как и в соседних областях Украины и Белоруссии, на освящение приносят также и продукты своего хозяйства. Местные жители считают, что освящающая и благословляющая сила церковного действия обеспечит продуцирующую силу и всему хозяйству. По словам молодой женщины из пограничного с Россией белорусского города Дубровно, «в церковь перед праздником — все свое. Покупное нельзя. Перед Новым годом забой идет и что лучше оставляют на Пасху — нести в церковь как поклонение, как дань. Есть что и оставляют на поминальном столе. Несут именно своего хозяйства, чтобы велось: колбасу, сыр, что кто умеет приготовить. Ну, у нас люди в Дубровно настолько все умеют, что придешь в церковь, такой красоты согласишься. И булки такие красивые, как с картинки» (Витебская обл. 2004г.).

Особенности возрождения православных праздников.

В целом к началу 1990-х годов сохранность православных праздников была далеко не равнозначна в масштабах нашего региона. Между тем изменения в политическом устройстве трех православных государств, выделившихся из бывшего Советского Союза, кардинально поменяли и отношение светской власти не только к Церкви, но и ко всей системе ее функционирования в государстве. В русле новой политики было обращено внимание и на состояние всей праздничной культуры, связанной с православием. Вслед за чем соответствующие государственные структуры, и прежде всего местные отделы культуры, включились в дело возрождения как народной культуры, так и ее религиозных составляющих. В результате современная ситуация в очередной раз показывает парадоксальность нашей истории. В советское время в обязанности работников культуры входило постепенное вытеснение традиционной культуры, которая в большей или меньшей степени очевидности вся была соотнесена с церковным месяцесловом и проникнута духом православия. Начиная с 1990-х годов и в настоящее время перед ними стоит задача, можно сказать, прямо противоположная.

Беседы с работниками культуры разных уровней, а также изучение различных форм организации их работы и ее продуктивности, позволяют сделать предварительные выводы. В позиции всех служащих, так или иначе по роду деятельности связанных с областью духовной жизни народа, в их активности одним из определяющих факторов являются личные взгляды, степень собственной убежденности в необходимости *воцерковления* общественной жизни, в постепенном приобщении народа к православным ценностям. С разной степенью активности они пытаются возродить обрядово-праздничную культуру, для чего собирают местные материалы или же, при отсутствии таковых, привлекают всевозможные разработки, научные или научно-популярные труды, в которых дается некий инвариант этнической культуры. Такая работа приносит положительные, хотя подчас и слишком запоздалые результаты, однако она же показывает и ущербность попыток возрождения православных праздников без наполнения их вновь глубоким религиозным содержанием. Утеряна гармоничная целостность традиционной культуры народа, который воспринимал мир и себя в нем

религиозно. К тому же инсценированные и заорганизованные праздничные мероприятия, приуроченные к тому или иному дню церковного календаря, имеют часто одноразовый характер, как отчетное мероприятие. В результате вся масса лиц, бывших в традиционной культуре участниками, превращается в зрителей, и при отсутствии энергичного руководства обрядовым действием все возвращается к прежней ситуации. Люди хотя и празднуют, все с радостью и благодарностью вспоминают «устроенные» праздники, но возвращения к традиции не происходит.

Безусловно, церковь соучаствует в попытках возрождения православной культуры не только в храмах, но и вне их, стремится к восстановлению традиционной приходской жизни, но обнаруживается масса сложностей, препятствующих слиянию светского и церковного усилий. Кроме того, со стороны потерявшего вкус к традиции населения далеко не всегда ощущается встречное желание воспринять свою же культуру. Приходские церкви почти не занимаются миссионерской работой, куда входит и восстановление праздничного календаря. При чем восстановления его как органичной части праздничного наполнения повседневной жизни мирян. Священники, отчасти из-за нехватки времени, отчасти из-за убеждения в том, что паства сама должна приходить в церковь и приобщаться к ее канонам, не идут в народ с религиозно-просветительской деятельностью, не делают попыток выводить праздник за стены церкви. Потеряна традиция свободного контакта с мирянами, люди отвыкли от церкви, некоторые далеки от религии вообще и не видят смысла возвращения к религиозным нормам жизни, не всегда местные власти склонны приветствовать церковные инициативы. Активному содействию церкви в восстановлении народной православной культуры мешают и часто встречающиеся опасения священнослужителей оказаться пособниками народных суеверий. «Суеверий много. Вот Спас яблочный, медовый, а ведь Спас один — Спаситель. Разве это не суеверие?» (пос. Езерище Городокского р-на Витебской обл. 2010 г.).

Сотрудничество государства и Церкви по возвращению православия в праздничную жизнь народа началось с 1990-х годов. Оптимальные формы этого сотрудничества искали эмпирическим путем, и далеко не всегда они были удачны. С начала 1990-х годов обычной становится ситуация, когда основные

церковные праздники одновременно отмечаются и обычным порядком в храмах, и выносятся на внецерковное пространство городов и сел стараниями работников культуры. Так, в начале 1990-х годов в подмосковном г. Ступино местные власти устанавливали пасхальное действо на центральной площади, в него были включены элементы богослужения и поздравления от Церкви и от городских властей. Желание вынести церковную службу за стены храма, придать празднику характер общегородского, т.е. праздника всех жителей, объяснялось спецификой настроений тех лет. Это была своего рода демонстрация полученной свободы различных взглядов, свободы от единственной и постоянно давящей на умы и поведение идеологии. И ярче всего эта демонстрация обретенной свободы могла проявиться во всеобщем устройстве запрещенных ранее, но празднуемых тихо в семьях, считающимися традиционно русскими церковных праздников.

Нельзя сказать, чтобы публичное празднование Пасхи получилось удачным. Этот праздник так глубоко наполнен церковным смыслом, настолько тесно связан с церковным богослужением, что любая попытка придать ему более гражданский характер может только нанести вред и не вызовет встречной инициативы со стороны Церкви. Эксперимент больше не повторяли, хотя в целом дух праздника с сопровождающими его атрибутами и праздничными мероприятиями стал нормальным явлением городской жизни, характерным для большинства мест изучаемого региона.

Формы приобщения народа к православным праздникам, некоторые варианты которых мы приведем ниже, имеют общую основу: это единая направленность и включение обязательных компонентов из традиционной культуры. Один из главных праздничных комплексов, разработкой и организацией которого занимаются работники культуры, — Рождество Христово. Об утере в культуре жителей региона высочайшего статуса Рождества, о чем уже говорилось выше, можно услышать от сельских работников культуры, особенно тех, кто сам начал соотносить свою жизнь, ее наполненность буднями и праздниками, с жизнью и установлениями церкви, кто готов вновь постичь мистическую сторону праздничных дат. Они ищут пути и возможности соединить церковную и внецерковную местную праздничную традиции, имея в виду привлечь

население в церковь, напомнить об изначальном смысле христианского праздника, показать естественность включения народной традиции в церковную. По словам работника культуры из д. Ляды, подготовившей с детьми рождественский репертуар, «Рождество стали [отмечать] с появлением церкви, а так у нас каляды, с 6 на 7 раньше взрослые ходили [калядовать]. В Лядах колядуют с 6 на 7, это неправильная традиция. Это самый постный день. Я борюсь. А в этом году мы пошли на Рождество с детьми, сначала в церкви выступали со своими песнями и стихами, посвященными Рождеству. Сценки сделали: царь Ирод, три пастуха — волхвы. Руководитель хора из Дубровно (районный центр. — Т.Л.), она набожная. Потом поехали в клуб, переоделись и поехали колядовать, но решили только по родственникам, а то мало ли что. А некоторые были обижены, что не заехали. Песни пели и рождественские» (Дубровенский р-н Витебской обл. 2010г.).

Устройство зрелищных мероприятий, посвященных Рождеству, довольно характерно для других приграничных районов Белоруссии. Сценарии их составляются обычно из трех компонентов: церковного учения, местных традиций и сведений из Интернета, касающихся в основном белорусской народной культуры. В результате, сообразуясь, конечно, и с собственным разумением, составляется сценарий, основная цель которого передать суть христианского предания. «Вместе с церковью проводили в этом году мероприятие на Рождество. Ответственная была женщина — прихожанка, она проявила инициативу, собрала школьников и сделала театральное представление. Написала объявление, народ собрался, от клуба сделали несколько номеров по тематике Рождества. Они взяли кусочек обряда рождения Христа. Выходили дети, выносили куклу в роли Христа, были соответствующе одеты — в рубахах. Стихи читали по теме, песни религиозного характера, скорее всего, из Интернета. Это к православному Рождеству» (д. Краснополье Россонского р-на Витебской обл. 2010г.).

Здесь также есть праздничное выделение дня католического Рождества, что характерно для Белоруссии, даже для районов с абсолютным преобладанием православного населения. «Уже много лет на 25 декабря проводим Огонек, без религиозности» (Там же). Судя по опросам, выделение 25 декабря в сетке положенных для учреждений культуры мероприятий

основано не только на установлении государством за этим днем статуса праздника и выходного дня. Это и сложившееся веками в Белоруссии признание правомочности обеих религий, многочисленность конфессионально-смешанных семей, где без какого-либо чувства дисгармонии празднуют положенные религиозные праздники обеих конфессий. Большинство православного населения не относит 25 декабря к своим религиозным праздникам, тем не менее некоторое религиозно-этическое выделение его характерно и для многих православных. «На 25 декабря ничего не делаем, мероприятий нет. Но все равно к этому дню с уважением относимся. Работы всякие — резать, колоть, пилить — не делаем. (То есть относитесь как к крупному религиозному празднику?) Да». (д. Холомерье Городокского р-на Витебской обл. 2010г.).

Совместный, т.е. с участием церкви и светских учреждений, способ организации праздничных мероприятий — наиболее характерная форма их взаимодействия в наши дни. Независимо от того, по чьей инициативе устраивается праздничное торжество, местные власти всегда оказывают ему поддержку. Типичной можно считать ситуацию в г. Себеже, где для рождественского представления, организованного воскресной школой, город предоставляет самый большой зал, здесь же с программой духовного пения выступают и работники Дома культуры (Псковская обл. 2010г.).

Частый вариант — это разделение церковного и последующего за ним внецерковного празднования с обязательным участием служителей церкви. Так, по словам работников культуры в г. Спас-Деменске Калужской обл., «у нас на Рождество традиционно рождественское гуляние прямо на площади. Батюшку приглашаем, он поздравляет, читает (?). Это седьмого. Потом представление, ряженые и на площади, и по домам они ходят. И из Дома культуры ходят. Колядовать ходили и при советской власти» (2009г.)

Неоднократно, но безуспешно предпринимались в разных районах попытки полностью совместить рождественские и новогодние детские елки. Основная причина невозможности их объединения — разница календарного времени: основная часть зимних школьных каникул приходится на пост. Другая видимая причина — устоявшаяся за советское время традиция организации детских праздников с неизменными Дедом

Морозом и Снегурочкой, т.е. персонажами, не входящими в православную картину рождественского торжества. Бывали случаи, когда священники, не желая соседствовать с представителями языческого мира, отказывались участвовать в детских праздниках.

Работа по возвращению православных праздников проходит по-разному; многое зависит от творческих инициатив работников культуры и образования, поскольку всеми осознается необходимость с раннего возраста приобщать детей к традиционной культуре. К числу наиболее распространенных вариантов религиозного просвещения детей и выяснения их мироощущения относятся ставшими обычными задания школьникам сделать рисунки на тему того или иного церковного праздника, прежде всего Пасхи. Те рисунки, которые мы видели в разных областях России и Белоруссии, свидетельствуют о том, что дети в основном представляют, о чем идет речь, и, как правило, передают в рисунках атмосферу радости. Это, в свою очередь, наглядно свидетельствует о том, с каким настроением этот день встречают в их семьях.

Кроме устройства торжеств и мероприятий в дни православных праздников светские власти проводят, так сказать, пассивную политику по православному воспитанию молодежи, постепенному включению ее в нормы и этику православной культуры. Один из наиболее распространенных вариантов такой политики — отмена или ограничение Домами культуры положенных дискотек и увеселительных мероприятий в предпраздничные дни. Так, по словам работников культуры г. Юхнова, 6 января «молодежь знает, что никаких развлекательных мероприятий не будет, будет рождественское богослужение на почитаемый праздник». Наверняка не вся молодежь подерживает эти нововведения, но большинство относится с пониманием. Такие меры — это, безусловно, воспитание одновременно и уважения к Церкви, и к культуре своих предков, и постепенно введение в ту традицию, которая была естественна для многих предыдущих поколений (Калужская обл. 2009 г.). Точно также, никаких развлекательных мероприятий не проводится и под Пасху, это стало если и не повсеместным, то характерным явлением организации работы Домов культуры на всем пространстве Православной Церкви восточных славян. На вопрос, является ли подобное ограничение органическим

следствием современных тенденций общественной жизни или это следствие указания вышестоящих инстанций, наиболее общей точке зрения соответствует ответ работников Отдела культуры г. Юхнова: «Это, наверное, временем навеяно» (Калужская обл. 2009г.).

Активное включение светских властей в возрождение народно-православной праздничной культуры особенно характерно для регионов, наиболее пострадавших от политики воинствующего атеизма. К таковым относится, например, Витебская обл. Причем, потеря не только церковной, но и внецерковной праздничной традиции бывает настолько существенна, что работу по возрождению работникам культуры приходится начинать с нуля. «На Яблочный Спас ездили в деревни, в одной 5 человек, в другой 13. Мы им рассказали, какой бывает Спас: медовый, ореховый, яблочный. Привезли им из Дубровно священные яблоки, частушки про яблоки, приговорки. (Так они сами не помнят?) Может, они и не знают, но мы стараемся до них донести, рассказать. И как 14 августа мак светят на Маккавея. Все хотим рассказать» (д. Баево Дубровенского р-на Витебской обл. 2010г.). К сожалению, присутствовать на таких мероприятиях нам не приходилось. Судя по рассказам, даже при отсутствии священнослужителей они включают попытки тем или иным образом включить церковную часть, показать нераздельность церковной и внецерковной традиции празднования. «Праздник Веселый Спас. Приезжали методисты, ходили, освящали яблоки, но без батюшки. Моя мама рассказала о празднике как старейшая. Она рассказала о Преображении, так как Спас — это все-таки языческий. Мы показали небольшое представление, я заранее напекла пирогов с яблоками. Бабушки пришли. Посидели, поговорили» (с. Ляды Дубровенского р-на Витебской обл.).

В некоторых местах кроме организации совместных празднеств работники культуры просто оказывают помощь церкви и дают возможность жителям района приобщиться к церковным службам. Так, по словам сотрудницы Отдела культуры г. Городок, «на Пасху я организую транспорт, вожу священника по деревням. Молебен в основном в Доме культуры. Туда приносят освящать. Это обычно в понедельник. И уезжаем в следующую деревню. Так же делаем на Крещение. (Это чья инициатива?) Мы всегда с церковью тесно сотрудничаем. А я и регент в церкви.

Пасху как городское массовое мероприятие не проводим. На 9 мая только в храме служба по погибшим, на площадь не выносятся» (Городокский р-н Витебской обл. 2010г.).

Полевые материалы показывают, что с начала 1990-х годов в практику входят не только совместные инициативы по проведению православных праздников. Становится очевидным стремление государства вернуть Церковь в духовную жизнь народа, в том числе и его праздничную культуру. Одно из направлений этого курса — привлечение Церкви к освящению гражданских праздников и особенно важных мероприятий, в том числе и тех календарных праздников, проведение которых в советское время находилось в ведении отделов культуры. Причем, при устройстве таких праздников организаторы мероприятий вполне корректно учитывают степень православной каноничности праздника и уместности освящения его Церковью. Так, по словам работников культуры г. Россошь Воронежской обл. (почти половина жителей р-на — украинцы), «позиции государства — от церкви отдельно, но повернулись лицом к церкви. Население, молодежь тоже стали больше посещать церковь. И администрация приглашает на свои мероприятия настоятелей церкви — на День Победы демонстрация, люди охотно ходят, потом собираются у братской могилы. Проповеди там не читают, но церковь обязательно присутствует, а панихиду в церкви до того служат. У нас уже 10 лет Рождественские встречи по типу концертов Пугачевой. Там и колядки на украинском языке. И обязательно приглашаем церковь. Они приходят, поздравляют. Масленицу мы празднуем обязательно. На Масленице церковь не присутствует, мы не приглашаем. Считается, вроде языческий праздник» (Воронежская обл. 2001г.). В настоящее время практически все праздничные комплексы включают то или иное соучастие священнослужителей. Это касается и сценариев новых светских праздников. Например, в г. Россошь, по словам директора Дома культуры, «на день пожилого человека и службы делают в церкви». (2001г.). Такая ситуация характерна для всего региона исследований. Причем в приграничных районах Белоруссии, даже при наличии в районах католических священников, в праздничных торжествах гражданского характера, как правило, принимают участие лишь представители Православной Церкви.

Вполне в духе времени у работников культуры возникают идеи приурочивать профессиональные праздники к дням

определенных святых. Так, работникам культуры, связанным с известным в Липецкой обл. предприятием «Куриное царство», кажется весьма удачным устройство профессионального праздника работников предприятия на день Козьмы и Дамиана, которые считались покровителями кур.

Престольные праздники. Одним из наиболее традиционных и красочных явлений православной праздничной культуры села были престольные праздники²³⁷. По содержанию и характеру проведения к ним примыкали и праздники обетные, а также праздники деревень, где и при отсутствии церквей были свои празднуемые дни, посвященные тому или иному дню церковного календаря. Установление таких дней было характерно для русской церковно-приходской системы, их выбор принадлежал обычно самой деревне и мог быть связан с самыми разными обстоятельствами, но в конечном итоге их появление соответствовало желанию иметь своего святого покровителя (конкретного святого или праздник).

Посвящения престолов, а также весь круг сопутствующих реалий (иконы, крестные ходы и т.д.) влияли на религиозность мирян, определенным образом формировали в их представлении образ того святого воинства, которое освящало и защищало весь земной мир и человека в нем. Престольные праздники в наибольшей степени являли собой сочетание церковного почитания и разнообразного по содержанию внецерковного народного празднования.

Воспоминания пожилых людей о довоенном и послевоенном времени дают представление о праздничной культуре того периода, в том числе и о престольных праздниках. Приведу некоторые данные из бесед с местными жителями. По словам двух пожилых мужчин из с. Старый Кривец, «престольный здесь Троица. И в советское время это продолжалось, даже хорошо продолжалось. Все перестало с этой жизнью (в данном случае из контекста ясно, что имеется в виду постепенное угасание где-то с 1980-годов годов. — Т.Л.), а было — праздник, гуляли всем селом. В этот день съезжались люди со всех окрестных деревень к нам. Это я еще был мальчиком, а мои родители приглашали и родственников. Сестра из Божеевки Климовского р-на с детьми

---

²³⁷Тулъцева Л.А. Церковный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков. М., 2001.

приезжала. А мы к ним ездили в другие престольные праздники, например, Фролы были в Побожеевке, так туда. А Пречистая была в Слободе. Церкви там не было, а престол был. Это в более-менее больших деревнях престольный праздник» (с. Старый Кривец Клинцовского р-на Брянской обл. 2008г.). Активно праздновали престолы и на западе Смоленской обл. в довоенные и первые десятилетия после войны. «В деревне престол был Егорьев день. Три дня гуляли. На первый день — гости. На второй день снимали дом, там молодежь гуляла. А на третий день одевались, как цыгане, и шли, это называлось колядовать. По всем домам просят, кто что даст. Кто хлеба, кто самогонки. И вечером опять собирались. Это на зимнего Егория 9 декабря» (д. Лукихи Смоленского р-на (бывший Касплянский р-н) Смоленской обл. 2008г.); «Второго августа на Илью у нас в Темкино гуляли, в Успеньев день идем в Галилеево, там так же. Подряд все праздники друг к другу ездили. И на улицы все шли, хороводы водили» (с. Темкино Темкинского р-на Смоленской обл. 2006г.).

О том, что престолы оставались обязательной составляющей праздничной культуры еще и 1980-е годы XXв. вспоминает и жительница приграничного с Украиной Стародубского р-на Брянской обл. (с. Демьянки). Большое село было разделено по престолам, что, видимо, отражает церковно-исторические особенности данной местности, (по этому поводу информант не мог дать каких-либо сведений, подчеркнув лишь бесспорную давность традиции). Наша собеседница хорошо помнит всеобщее празднество в 1950—1970-е годы, постепенно уходящее из жизни села. Но окончательно покончила с традицией разруха и социально-экономические потрясения начала 1990-х годов «В нашем селе праздник — Никола зимний, это на нашем краю, это наш престол. А на другом конце Пречистая, Спас у соседей. Это ведь пошло оттуда... и сквозь. Раньше хорошо праздновали, много родственников приезжало. На улице гуляли, дома — нет. А сейчас и Николу не празднуют. Село почти распадается, и некому праздновать, родни нет» (с. Демьянки. 2010г.). Обратим внимание на то, что, говоря о сохранении празднования престолов, практически ни один из отвечающих не упоминает (повидимому, не обращает внимания) об утери необходимой для проведения православного в своей основе праздника молитвенной части.

Конечно, говорить о полноценном — многофункциональном и полисемантическом — сценарии проведения престольного праздника в советское время не приходится, хотя многие черты внецерковного празднества сохранялись. Большинству наших информантов престолы запомнились как праздники, наполненные общением, музыкой и праздничной торговлей. «В Чубаково празднуют 12-ю пятницу. И кирмаш. С чем-то это связано. Там источник. И в советское время к кринице ходили. Всю работу кидают. До обеда работают, а с обеда уже — праздник, идут на кирмаш» (д. Станиславово Дубровенского р-на Витебской обл. 2010 г.).

Как показывают приведенные сценарии престольных праздников, с закрытием церквей терялась обязательная составляющая общинного православного праздника — коллективное моление. Религиозное почитание праздника оставалось, но уже на уровне индивидуального религиозного поведения. Оставалась и убежденность в необходимости почитать святого покровителя, хотя бы обязательным освобождением от работ и праздничным времяпрепровождением. Жительница Калужской обл. вспоминает об отношении к престольному празднику в их деревне (возможно, это был именно деревенский праздник) во времена ее молодости, т.е. примерно где-то в 1960—1970-е годы. «Я не знаю, откуда он у нас пошел. Но всегда этот престольный праздник праздновали. Всегда наводили в доме порядок, всегда стирали, мыли. И всегда праздничный обед на столе». В ее рассказе речь идет о праздновании в семье, но традиция поддерживалась, безусловно, общим настроением в селе, сложившимся укладом жизни. Какого-либо общего молебна, насколько помнит наша собеседница, не было, но личные молитвы, особенно пожилыми людьми, совершались.

К общему настроению праздника, к традиции его соблюдения прибобщались и дети: «Церкви в деревне у нас не было, но бабушка всегда молилась, лампадку зажигала. Наверное, это с детства пошло, что всегда в этот день праздник. Нас не заставляли мыть крапиву, копать картошку. Нам покупали все вкусное, у нас были гости. Это был настоящий праздник. В деревне играла гармошка, танцевали, плясали, общались» (Юхнов, 2009 г.). О сочетании индивидуального характера молитвенной части и всеобщности гуляния вспоминает и жительница Смоленской обл.: «После закрытия церкви не собирались [для молебна] нигде, но

праздновали очень. Помолиться не собирались, это в одиночестве. Гулянье, выезжали на природу с едой. Молодежь с других деревень приходила, гости приезжали. Не работали, ну до обеда можно еще. А после обеда нельзя даже скотину в поле выгонять» (с. Павловское Темкинского р-на Смоленской обл. 2006г.).

Религиозная ситуация в приграничных районах Украины и в советское время отличалась сохранением многих православных традиций, в том числе и в праздничной культуре. Возможно, это объясняется тем, что речь идет о территориях, изначально включенных в систему традиционной для русских территорий церковно-приходской жизни, где влияние католичества и униатства было очень непродолжительным, в то время как православие здесь стало одной из основных составляющих этнического самосознания. В общую картину вписываются и престольные праздники. В церковно-православной культуре (а равно и религиозной памяти) Украины, несмотря на повсеместную антирелигиозную политику, сумели во многом сохранить традиции религиозно-общественной жизни. Активнее они начинают восстанавливаться и в постсоветское время. Значимость религии в настоящее время в Украине обусловлена не только теми факторами, которые имеют место в России. Православие здесь должно было стать фактором этнонационального сплочения, но оно же, в силу разделения единой Православной Церкви и придания этому разделению политического значения, оказалось и источником внутренних противоречий. Точнее сказать, на уровне мирян осталось единое православное самосознание, но разность, а порой и враждебность двух православных церквей — Московского Патриархата и Киевского Патриархата, негативно сказываются на этнонациональном единстве.

Но в любом случае политическая значимость православия подняла его статус в обществе, хотя тяжелое экономическое положение замедляет восстановление храмов и не способствует религиозной активности населения. Один из примеров — ситуация в приграничном с Россией с. Лемешовка. Село не обошли все сложности хозяйственно-экономической жизни, однако оно и сейчас еще функционирующее и жизнеспособное. Свобода любых религиозных проявлений не только не привела к расцвету религиозно-праздничной культуры. Речь может идти о застое, даже об угасании религиозно-общественной жизни.

В селе на средства местных жителей и при помощи о. Варфоломея, настоятеля монастыря в Старой Ладогге, мать которого — уроженка села, строится церковь. По словам местных жителей (35 и 37 лет), престольный праздник села — Рождество Богородицы — праздновали весь советский период: «У нас престол Пречистая. Раньше такие гулянки, еще на нашей памяти. Хоть и день рабочий, а праздновали. Приходили после работы, полночи готовили, потому что завтра приедут гости. А последнее время — не так стало. Ездят, но меньше. Раньше батюшка не приезжал, а теперь уже три года приезжает».

Правда, есть и противоположная точка зрения: в последние годы, видимо, именно в связи с оживлением церковной жизни, проведением службы намечается явная активизация населения в престольный день. «Рождество Богородицы праздновали и сейчас празднуют. Наш русский народ любит выпить. И родственники приезжают. То стали забывать трохи, а сейчас восстанавливается, сейчас богато и молодые едут. В прошлом году 21 сентября на храмовый праздник освящали место под церковь, а пока служим в палатке» (Городнянский р-н Черниговской обл. 2009г.).

В советское время престолы относились к тем немногочисленным коллективным праздникам, которые население проводило самостоятельно, без организующей роли работников культуры. Соучастие властей могло сказываться лишь в организации в эти дни торговых ярмарок. В традиции престолы соединяли церковный, семейно-родственный и общественный характер проведения, но постепенно празднование начало уходить с пространства селения, ограничиваясь границами дома, семьи и семейно-родственных связей. И предоставленные с начала 1990-х годов свободы оказались не в состоянии вернуть на улицы население, отвыкшее проявлять инициативы и умение самоорганизовываться, в том числе и в проведении любимых престольных дней. Это очевидно и в проведении престольных праздников в украинских селах. «Покров (престольный праздник села. — Т.Л.) празднуют все, в основном по домам. Гости приезжают. В каждом селе есть престол. Например, в Александровке зимний Никола, туда ездим, к себе приглашаем на Покров. В Архиповке тоже Никола, в Леоновке зимний Николай. Где бываем, тех и приглашаем. Это лично люди. Ярмарка — она и не получится в этот день, потому что

все готовятся, отмечают» (с. Костобоброво Городнянского р-на Черниговской обл. 2009г.). Как мы видим, и здесь, так же как в России и Белоруссии, речь идет уже о локализации праздника до масштабов отдельного дома и семьи. Празднично-развлекательные мероприятия, которые устраивались традиционно силами самих жителей, массовое общение вне стен дома постепенно ушли из привычного порядка празднования.

Традиционность престольных праздников с обязательными посещениями родных, причем не только живых, но и умерших, а в настоящее время посещение кладбища часто включается в праздничное время, стала причиной особого отношения пограничных служб России и Украины к переходу границы в дни престольных праздников. Приграничные селения на брянско-черниговском пограничье исторически представляли собой единый культурный массив, тем более что до революции запад Брянской обл. входил в Черниговскую губ. И сейчас эта территория с единой религиозной и обрядово-праздничной культурой, жители которой в течение многих лет роднились между собой. Поэтому для них очень важна возможность упрощенного перехода границы, т.е. ближайшим путем, минуя отведенные для этого пункты таможи. По словам председателя сельсовета с. Костоборово, «я подаю письмо на область, в таможенную службу и прошу, что у нас престол, это такой праздник! Мы в гости, а те к нам приходят. У них тоже есть престол, кто с Россией связан, знают, когда и где. Там их председатели беспокоятся. Прошу упростить границу. И тогда Россия и Украина ставят нам пропускной пункт, но это ведь здесь рядом. Там смотрят по паспорту, отмечают и предупреждают, что это до 18 часов. Если до того не вернется, то уже будете возвращаться через таможду. Граница — ведь все перепахано, но есть место между Леоновкой и Гагановкой, там пункт. А может, на время зарывают». По словам жителей приграничных сел, упрощенный переход границы вводят и на Радоницу.

Ситуация с престольным праздником в с. Костоборова не лишена своеобразия, считается с которой приходится не только церковным, но и светским властям. Дело в том, что старая церковь Покрова сгорела и новая возведена при содействии бывшего президента Украины Л. Кучмы и освящена как Свято-Даниловская. В связи с чем возникает и вопрос о том, как в календаре праздников села старая традиция будет соотноситься

с новым престолом. Над этим задумываются не только церковные власти, но и светские, что вполне соответствует нынешней тенденции к их сближению. Правда, предполагаемый вариант празднования нового посвящения церкви являет собой некий компромисс, учитывающий религиозный приоритет старого престола. По словам председателя сельсовета, «Свято-Даниловская — это в честь отца Кучмы, но мы еще не праздновали как престол. Планируем, чтобы со следующего года было как день села. Не престол, а просто торжественная часть, гулянье» (с. Костобоброво Городнянского р-на Черниговской обл. 2010г.).

Престольные праздники и дни села. С начала 1990-х годов в устоявшуюся сетку светских праздников входит повсеместное празднование отдельных сел и городов. Местные власти, учитывая сохраняющуюся традицию празднования престольных праздников, с одной стороны, и необходимость выбора наиболее подходящего времени для нового праздника — с другой, с разной степенью успешности предпринимают попытки приурочить новый праздник к традиционным престолом, считая, совершенно справедливо, что подобное объединение должно послужить сплоченности местных жителей. Такое объединение кажется вполне логичным, учитывая, что и в послереволюционное время, и даже до сих пор день престольного праздника воспринимается как день собственного селения, своего рода «именины села».

До революции соединение светских и церковных элементов входило в традицию и не вызывало ощущения диссонанса. Однако традиция где-то видоизменилась, где-то оказалась почти потерянной, тем более в церковной части. В результате во многих случаях стремление соединить церковное и светское начала в едином дне не имело успеха. День села (или города) предусматривал праздничную торговлю с утра, а церковь ждала всех на молебен. Однако в некоторых местах постепенно престольный праздник, соединившись с днем села, приобрел устоявшиеся черты. Например, органичное совмещение самых разных элементов церковного, общественного и семейного празднования мы видели в с. Первое Пересыпкино Гавриловского р-на Тамбовской обл., где в престольный праздник — День иконы Казанской Божьей Матери — храм был полон народа, а после службы народ отправился на положенные ярмарку и гулянье.

В основном жители, особенно в тех селениях, где уже есть действующие церкви, находят вполне естественным объединение двух праздников.

Одним из препятствий к такому объединению является несовпадение сетки церковных праздников и выходных дней по государственному календарю. В результате в некоторых местах церковное празднование переносится на ближайший выходной день. Так, по словам председателя сельсовета с. Орликовка Черниговской обл., в их селе «престольный праздник — Илья Пророк 2 августа. У нас традиция проводить день села, и мы бы его проводили на Илью, но он в будни. Поэтому проводим в первую субботу августа. Назначаем на 12 часов, чтобы после богослужения. Народа полно, много приезжают из Белоруссии, в основном те, кто здесь родился. У нас обязательно [коллективное угощение на природе]: уха-юшка, обязательно кулеш варят. Кулеш надо с пшеном и тушенку туда, но мы варили рисовую, это дороже, но вкуснее. На самого Илью, если это будни, то могут приехать только пенсионеры. Богослужение, потом все расходятся по домам. И в каждой хате вам нальют чарку, угостят. На Илью всегда обязательно приезжали. Вот Пасха — каждый празднует у себя дома, Новый год — дома, а если Илья... Пока мои родители были живы, к нам приезжали родственники из Тополевки, из Погорелиц, из Шишковки, из Барановки. У нас столбе, гуляют. А мы к ним: в Тополевке Пречистая, в Барановке тоже Пречистая. И едут все к своим. (А как же работа?) Если это лесничество (основное место работы жителей села. — Т.Л.), то переносят рабочий день, чтоб це був праздник. Илью праздновали всегда, и Пасху всегда. И пасху пекут, яички красят. И никто ничего не делает» (с. Орликовка Семеновского р-на. 2010г.).

Содействие практическому возрождению православной культуры, в том числе и возрождению престольных праздников (в масштабах сел и деревень), стало органической составляющей работы отделов культуры Смоленской и Калужской областей, хотя осуществляется оно в разной степени активности. Здесь, как и в других местах, эти праздники практически не уходили из жизни весь советский период, угасая по разным причинам с 1980-х и особенно с начала 1990-х годов. Местным работникам культуры кажется вполне логичным направление работы, позволяющее соединить возрождение традиционных праздников и введение новых. О том, как реально складывается

картина в организации и проведении праздников, рассказывают и местные жители, и лица, на которых возложена ответственность за возрождение праздничной культуры нового типа, т.е. работники культуры. Приведем отрывок из беседы с заведующей отделом культуры Спас-Деменского р-на Калужской обл. относительно контактов с Церковью в области праздничной культуры: «Соединить церковные праздники с культурой — это на селе, с престольными праздниками. Это последние годы, лет шесть. У нас 13 сельских Домов культуры и практически в каждом есть свой религиозный праздник: это праздник села. В городе такого нет. Здесь День города — день освобождения от немцев 13 августа. (Как проводится в селах совместный праздник?) Некоторые проводят на улице, с обрядами, как раньше. Перед праздником зачитывают о селе: когда появилось, какие праздники, о старожилах села. Потом гулянье, хороводы. Религиозная часть... как-то не очень». Церковная часть более значима там, где есть церкви и куда на праздник приезжает священник. «Батюшку приглашали в хутор Ново-Александровский. Там есть церковь Александра Невского, старинная, но не действует. 12 сентября там батюшка приезжает, все жители приходят к храму, молятся, а потом уже гулянье» (г. Спас-Деменск. 2009г.).

Сложнее с возможностью выбором формы соединения светского и церковного праздников в городах, хотя примеры такового уже существуют. Древний город Псков издавна воспринимался его жителями как *Дом Пресвятой Троицы*, где исторически празднование посвящения центрального храма было и праздником его жителей. В настоящее время можно говорить о безусловном оживлении в самом храме и на территории всего Кремля на Троицу, но не о всеобщем празднике православного города. Казалось бы, логичным совместить День города с историческим днем его именин, возратить уверенность в покровительстве свыше, что было бы важно не только для людей воцерковленных, но и для всех горожан, но никаких попыток к этому не делается, не видно и ощутимой инициативы снизу. Правда, нынешний вариант празднования показывает, что властям города не чуждо желание иметь святых покровителей города. Таковой, что достаточно логично, стала уроженка Пскова святая княгиня Ольга, персонаж достаточно конкретный, в городе ей установлены два памятника (см. ниже). Ее почитание

вошло в комплекс праздничных дней, посвященных Дню города: 23 июля — День города, это день освобождения Пскова от немцев, и продолжение празднования 24-го, в день рождения княгини Ольги.

Привлечение религиозной тематики, связанной с историей города, в том или ином виде можно встретить в организации мероприятий или символике городов России, но, как правило, речь не идет о слиянии церковного и светского начал в едином празднике. Например, *городовой день* г. Архангельска праздновали до революции 19 сентября, в Михайлов день, во время проведения Маргаритинской ярмарки. 300-летие Архангельска также отмечали по старой традиции. Однако постоянным Днем города стало последнее воскресенье июня. На гербе Архангельска с 1780г. архангел Михаил ниспровергает дьявола. В советское время его заменило изображение корабля. В 1989г. был введен новый герб, сделанный по мотивам герба 1780г. Не стремится вернуться к дореволюционным традициям празднования и древний Ярославль. Вплоть до начала XXв. 21 августа (Толгин день) был неофициальным днем города и отмечался массовым гуляньем. В настоящее время День города празднуется во вторую субботу сентября.

Мы привели примеры городов Архангельска и Ярославля, ситуация в которых, судя даже по данным Интернета, вполне типична. Эти города не входили в зону немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны и показывают свободный выбор дней празднования. Ситуация в изучаемом нами регионе отражает его специфику — длительную оккупацию и тяжесть последствий войны для его жителей. Здесь дни города наиболее часто приурочиваются к наиболее значимым для населения датам: дням освобождения от немцев отдельного селения или же дням освобождения республики, что особенно характерно для Белоруссии. Для западных областей России — это всегда день освобождения данного селения, поскольку отдельные даты освобождения России государством не узаконено.

В связи с этим кратко приведем историю того, как выбирали день города Витебска. В течение многих лет День города совмещали со временем проведения фестиваля Славянский базар. Но в 2009г. власти решили упорядочить дату Дня города с тем, чтобы не было его временной зависимости от фестиваля, проводимого каждый год в разных числах. Был проведен

опрос жителей, причем в обращении к ним было сказано, что и любому человеку, и городу приятно праздновать свой день рождения. По результатам опроса таким днем стал 26 июня — день освобождения Витебска от немцев. И это неудивительно для жителей города, полностью разрушенного во время войны, оцененного международной комиссией как «мертвый город» и затем восстановленного жителями из руин. Отметим, что воспитание памяти павших и уважения к тем, кто восстанавливал страну, особенно чувствуется в небольшой Белоруссии. Это направление входит в государственную политику страны с момента ее образования и реализуется разными путями, о некоторых из которых будет сказано ниже.

Теперь мы рассмотрим варианты празднований, предусматривающих, если и не совмещение, то приурочивание Дней города к престольным праздникам. Несовпадение церковных праздников и календаря выходных дней препятствует в г. Юхнове установлению Дня города в день посвящения единственной действующей городской церкви. Это один из наиболее почитаемых в народе дней церковного календаря — день Казанской иконы Божьей Матери. Но, чтобы не отказываться от традиционно почитаемого жителями города праздника, чтобы почтить праздником любимую и грозную покровительницу города, тут идут на компромисс. «У нас день города — третья суббота июля, так как здесь празднуют в честь иконы Казанской Божьей Матери. Казанская — 21 июля, а поскольку она не совпадает с выходными, то назначили третью субботу. (Это как-то звучит на празднике?) Да, сначала бывает молебен, а потом день распisan по мероприятиям. Крестный ход бывает тогда, когда День города совпадает с Казанской. А если просто суббота, то богослужение, а на Казанскую — крестный ход к источнику». Можно добавить, что в городе до начала 1990-х годов в течение длительного времени не было действующей церкви, хотя традиция почитать день Казанской иконы сохранялась в памяти жителей, особенно старшего поколения. Сейчас День города — любимый общественный праздник жителей, но далеко не все из них знают о религиозном назначении этого дня: почитании Богородицы посредством одной из ее наиболее известных и любимых православными икон, которая воспринималась как небесная покровительница города (Калужская обл. 2009г.).

Характерное для современности привлечение церкви к организации городских или сельских праздников варьируется от простого освящения происходящего действия и материальных объектов, обязательного присутствия на торжестве до равноправной, если не доминирующей роли. В этом отношении представляет интерес День города, который мы могли наблюдать в г. Вязьме в 2009г. Особенностью городской праздничной культуры этого города является принятое местным законом приурочивание дня города к празднику Троицы, которой посвящен соборный храм Вязьмы.

6 февраля 2002г. вяземские депутаты внесли изменения в Устав Вяземского р-на, в частности, в статье «Герб и другие символы Вяземского р-на» появилась поправка о том, что праздновать «День рождения города Вязьмы» следует отныне не в первое воскресенье июня, а на Троицу. «День города празднуется ежегодно в день Пресвятой Троицы, отмечаемой Русской Православной церковью». До революции престольный праздник Троица был патрональным праздником города, и празднование его отмечалось как крестным ходом, так и масовыми гуляньями населения. Таким образом, руководители города имели целью узаконить не просто День города, а престольному празднику придать статус общегородского праздника, создать своего рода день городских именин. Правда, нарушенный когда-то традиционный порядок престольных праздников, охватывающих все селение, органично соединяющих церковный и внецерковный порядок празднования, восстановить одновременно невозможно. Не будем забывать, что и светские власти до некоторой степени ограничены в своих действиях в связи с тем, что законодательно церковь отделена от государства.

День города в Вязьме, он же праздник Троицы, совпал с 770-летием юбилеем города. Высокий статус празднику придавало и то обстоятельство, что это было первое чествование города в звании города воинской славы. Поэтому празднование было решено, несмотря на кризис, устроить с большим размахом. По замыслу его устроителей, два массовых шествия — крестный ход от Троицкого собора и гражданская демонстрация — должны были слиться в едином потоке на центральной площади. Одновременно можно было наблюдать два потока участников торжества. По улице, которая спускается к

площади, двигалась организованная в характерной для современности манере колонна: выписанные из Москвы военный оркестр и мотоциклисты, затем костюмированные жители, здесь были и витязи, и девушки в народных (?) костюмах, и ветераны с красными флагами, и дети. В это же время у Троицкого собора, расположенного на той же улице, после праздничного богослужения в храме епископ Смоленский Феофилакт начал освящение часовни в честь прп. Аркадия Вяземского и Новоторжского, расположенной у стен собора. После начался крестный ход. На этом активное участие церкви и окончилось, хотя церковный компонент сказывался и в присутствии служителей церкви во главе с епископом Феофилактом, и в церковных колоколах, расположенных на сцене. Примечательно с точки зрения степени слияния церковного и светского праздника и интегрированности современного общества обращение главы города: с праздником он поздравил всех вязьмичей и «всех православных верующих» города. Нельзя сказать, что такое разделение сказывалось как-то в реальной картине торжества, скорее, это было желание сделать акцент на единстве гражданского и православного праздников.

Поскольку наше исследование предусматривает сравнение праздничной церковно-гражданской культуры в России и в соседних восточнославянских республиках, отметим, что подобное обращение вполне могло бы прозвучать в Украине, хотя, судя по специфике современной украинской идеологии, направленной на сплочение украинского общества, там не склонны выделять в нем отдельно контингент верующих. В Белоруссии, при наличии двух ведущих христианских конфессий — православия и католичества, подобное обращение на общегородском празднике могло бы выглядеть некорректно.

Добавим, что нераздельность церковного и светского компонентов праздника, а равно и его участников, была подчеркнута и другими массовыми мероприятиями, например, рок-концертом, устроенным у стен Троицкого собора. Репертуар музыкантов был выдержан в общем характере праздника, исполнялись песни патриотического содержания.

Большой интерес с точки зрения современной организации городских праздников и характера соучастия в них церкви и включенности элементов церковных праздников представляет

День города в Новозыбкове Брянской обл., который мы могли наблюдать лично.

В этом городе стало уже традицией по инициативе главы города к каждому Дню города не только наводить на городской территории чистоту, но и убирать какие-либо развалины, мусор и месте возводить там сооружения общественного значения. Эта инициатива подразумевает строительство светских сооружений, так и зданий религиозного характера. Совершенно понятно, что, учитывая этнический состав и профессиональную принадлежность жителей, это материальные объекты, выражающие идеи православной веры. По замыслу отцов города, данные сооружения должны не только отвечать духовным запросам жителей, но и охранять город, становиться его небесными покровителями. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько мы можем считать их традиционными для русской религиозно-общественной культуры?

Традицию ставить охранные кресты по границам селений или в местах духовно опасных, можно рассматривать как устойчивую, хотя в разных регионах она имела разное распространение. Эта традиция получила размах в постсоветское время. Судя по опросам населения, ее нельзя назвать данью моде на религию и вспыхнувшим (особенно в первые перестроечные годы) желанием возродить свои народно-религиозные обычаи. Религия никогда не уходила из жизни народа, хотя в силу необходимости принимала различные нецерковные формы. Сохранялась потребность в покровительстве высших сил. Трагические для многих перемены 1990-х годов, коснувшиеся не только отдельных лиц, но и всей страны (закрытие производств, безработица, разрушение сельскохозяйственной системы), вызывали чувство незащитности и даже обреченности, раздавленности какой-то немилосердной, почти мистической высшей силой, и, соответственно, желанием защитить себя от зла. О некоторых примерах, связанных с установкой охранных крестов и другими охранительно-церковными действиями, мы скажем ниже.

В данном случае нас интересуют праздники города, включающие церковные мероприятия, соответствие их содержания символике и целям православной праздничной культуре прошлого и отношение к ним жителей. И здесь мы не можем пройти мимо проблемы изменений и новых веяний в церковно-религиозном искусстве. Традиционно святой мир предстал перед

православным человеком в ликах святых, передающих святость, высшую духовную красоту Божественного мира. Развитие церковного искусства шло постепенно по пути все большей реалистичности изображений, сохраняя, однако, желание передать именно высшую духовность и красоту иного мира, к чему должен стремиться каждый православный человек. Это искусство формировало определенный облик небесных лиц. При этом эталонами иконописных изображений оставались древние, наиболее почитаемые иконы, прежде всего богородичные.

Можно добавить, что в современном художественном мире православия наблюдаются две тенденции. Одна из них — возвращение к древним канонам, что явно отражает поиски духовности. Стремление видеть такие лики в своих церквях характерны и для мирян, и для священнослужителей. И прямо противоположная тенденция — изображение святых, прежде всего Богородицы не только в предельно реалистической манере, но и придание ей облика миловидной молодой женщины, не имеющего ничего общего с высокой духовностью русской иконописи. Последняя тенденция идет скорее от тех, кто определяет сегодня церковную индустрию тиражированных икон Церкви, заполнившую и храмы, и иконописные лавки подобными образами божественного мира.

Иконописные изображения святых и Богородицы, считавшиеся покровителями определенного города или местности, являлись центрами устоявшихся народно-церковных празднеств. Последние празднества включали такие мероприятия, как общегородские молебны, крестные ходы, сопровождавшиеся массовым собранием народа, общегородские мероприятия светского характера. Аналогичным образом выглядели и празднования почитаемых икон в сельской местности. Общий характер таких праздников — коллективное моление приближившейся к земным людям Богородице (или другому святому, чаще всего Николаю Чудотворцу) посредством своей иконы, ощущение возможности контакта с Божественным миром в сакрализованное время праздника. Ежегодно повторяющиеся, эти праздники можно назвать прототипом современных общепринятых дней города или села. Устроители современных мероприятий стараются включить и церковный элемент. Особенно это характерно тогда, когда данные дни случайно или преднамеренно совпадают с днями традиционно празднуемых

в городе патрональных праздников (по случаю почитаемых икон или посвящений основных храмов). Мы остановимся на тех городских праздниках, которые не только включают религиозный компонент, но активно используют материальные произведения религиозной тематики в качестве сопутствующих или центральных объектов, вокруг которых концентрируются происходящие события. Нас интересует восприятие их жителями и соответствие традиции проведения религиозно-общественных мероприятий в прошлом.

Весьма интересным в этом плане было проведение Дня города в сентябре 2008 г. в Новозыбкове Брянской обл. Своеобразие его в том, что, в отличие от обычных для таких праздников мероприятий, праздник включал открытие памятника религиозного значения — скульптурного изображения Пресвятой Богородицы. В связи с этим мы не можем не остановиться, хотя бы кратко, на распространяющейся тенденции изображении небесных сил, включая и Пресвятую Богородицу, в формах монументальной скульптуры. Как известно, скульптура в православии всегда вызывала негативную оценку со стороны Церкви; в 1722 г. она была запрещена указом Петра I. Однако в реальности она существовала — это и изображение Христа в церквах («Христос в узах»), и знаменитая пермская скульптура, и резные скульптуры, в основном изображения Параскевы Пятницы, Николая Чудотворца, которые можно было видеть в основном в православных церквах и часовнях. Однако скульптура никогда не выходила за пределы церковного пространства и не приобретала монументальных форм, несущих совершенно иную символично-содержательную функцию, нежели иконописные, привычные для православной традиции лики.

Назначение памятников — почтить память ушедших лиц и исторических событий, и эта функция вполне уместна при изображении лиц, связанных с историей христианства (например, памятник первопечатникам Кириллу и Мефодию). Однако изображение персонажей Божественного, святого мира в монументальном скульптурном обличье вряд ли соответствует православной концепции непознаваемого Горнего мира, соприкосновение с которым происходит на уровне духовных чувств и мистических прозрений.

В настоящее время строительство памятников религиозно- и религиозно-исторического характера идет полным ходом.

Назначение их понятно: не только отдать дань уважения и поклонения изображенным персонажам, но и служить средством религиозного и религиозно-исторического просвещения мирян. В целом на всей изучаемой территории преобладает строительство памятников лицам, которые воплощают собой нераздельность русской (восточнославянской) истории и православия в масштабах всего православного мира или же конкретного региона. В них отражена и специфика исторического развития, и исторические связи восточнославянских земель. Наиболее многочисленны такие памятники в древнем Полоцке. Кроме памятника покровительнице Беларуси преподобной княжне Ефросинии Полоцкой, а таковой статус ей придает не только Церковь, но и светская идеология. Особенно велико ее почитание в северо-восточном регионе страны; здесь есть еще памятники полоцкому князю Всеславу чародею, Франциску Скорине, Симеону Полоцкому.

В Витебске планируется поставить памятники княгине Ольге как основательнице города, Александру Невскому (то мотивируется тем, что его жена была дочерью местного князя Брячислава Полоцкого), и Ольгерду, князю Литовскому (по одной версии, он оставался язычником в течение жизни и принял крещение лишь перед смертью, по другой — сделал это уже во время своей активной политической деятельности). Два памятника княгине Ольге украшают и площади Пскова.

Сравнение этих памятников показывает, насколько важно знать скульптуру и понимать историю народа и роль в ней изображаемого персонажа. Зураб Церетели увидел княгиню как воительницу, что подчеркивает и ее грозная поза, и атрибуты войны, и одеяние. Памятник не одобрили ни Церковь, ни общество. Поэтому был поставлен еще один памятник, работы В.М. Клыкова, где она соответствует образу мудрой правительницы и христианской просветительницы Древней Руси. Значимость таких памятников для исторического просвещения и воспитания этнонациональной и православной идентичности, особенно для населения бывшего Советского союза, безусловна.

Аналогично воспринимает роль этих памятников и один из священников, мнением которых по данному вопросу мы интересовались: «В богослужении не употребляется скульптура. В плане богослужебного почитания религиозного предмета —

у нас это крест и икона, скульптуре не воздаем религиозного поклонения. Но в плане общественного устройства общества, я считаю, — это очень хорошо, правильно, когда обществу, новым поколениям заявляется огромная роль той или иной личности. Мы должны знать своих героев, которые были и церковными людьми, и общественными устроителями» (пос. Россоны Витебской обл. 2010г.).

В изучаемом регионе есть весьма удачные памятники, олицетворяющие одновременно историческую и религиозную идеи, которые имеют целью показать, что светская история русского народа неотделима от истории православия, а религиозно нравственные законы бытия служат базой исторического развития. К таковым памятникам можно отнести скульптурное изображение семьи старообрядца Василия Клинцева — основателя города Клинцы, открытие которого состоялось на праздновании 300-летия города. Надпись на памятнике гласит: «основа города зиждется на семейных традициях». Комментируя идеи, заложенные в памятник, его автор скульптор А.А. Смирнов пожелал, «чтобы крест, который установлен на памятнике, расцвел в душах людей».

Однако вернемся к городу Новозыбкову, площади которого украшают скульптурные изображения персонажей Божественного мира. Приезжающему на городской вокзал сразу бросается в глаза стоящая на площади интересная фигура, носящая наименование «доброего ангела мира». Сам выбранный для изображения персонаж должен, конечно, импонировать современным религиозным настроениям. В существовании ангела-хранителя верят или хотят верить даже не слишком религиозные люди. Видимо, потребность в личной защите у современных людей не меньше, если не больше чем у их верующих предков, окруженных целым сонмом святых защитников. Полевые исследования показывают, что народные молитвы ангелу-хранителю — один из самых распространенных сейчас жанров религиозной поэзии. Форма скульптурного ангела имеет что-то общее со знаменитым изображением богини Ники и вызывает некоторое недоумение у привыкших к определенному облику русских городов человеку. У людей, обладающих достаточно высокой степенью религиозности и общей культуры, вызывает критические отзывы сама эстетика скульптуры и несоответствие ее духу православного искусства. По словам

одной из жительниц, «он похож не на ангела, а как раньше были — девушка с веслом, с цветами. Крылья у него растут из поясицы, то есть непонятно, как он летает». Правда сам факт оценки персонажа нематериального мира с точки зрения анатомических пропорций свидетельствует о том, что скульптура не воспринимается как символическое изображение духовного мира. И все-таки в целом отношение к данной скульптуре положительное, она уже вписалась в городской пейзаж, и у местных жителей не вызывает нареканий.

При общем доброжелательном отношении к введению активного православного компонента в городские празднества, несколько противоречивые суждения вызвало у жителей праздничное открытие памятника Богородице, к которому и приурочили День города в 2008г. Сюжет скульптуры связан с историей возникновения города — появлением здесь первых поселенцев — старообрядцев, чья культура определила облик города. По легенде, основание города началось с обретения иконы Божьей Матери Одигитрии, ставшей потом патрональной иконой города, которую в равной мере почитали все последователи православия в Новозыбковском крае. Скульптура изображает Богородицу в виде женщины, держащей икону. Приведу некоторые отзывы местных жителей о том, какие чувства вызывает в них и скульптура, и связанное с ней празднество. Одним не хватает реалистичности изображения. С их точки зрения, раз уж Богородицу решили изобразить в непривычном, т.е. не иконописном, виде, сделать это надо было по аналогии с привычной скульптурой советских времен.

(Этот памятник нравится Вам?) Ну, памятник, ну нехай... А образ надо было не такой делать, отделать его иначе, а то так сляпали все в кучку. (Ну, а как Вам то, что изобразили Богородицу?) Ну... хоть бы образ Богородицы сделали. (Понятно, что это Богородица?) Ну... женщина стоит и держит что-то такое. Надо было нарисовать хоть что-то такое... Вот у нас около церкви стоит Мать-Родина. Это наша святская (ликвидированное после чернобыльской аварии большое старообрядческое село), так оно ж видно, что она Мать-Родина. Теперь Драгунский — это тоже наш, бюст его, был танкист».

Некоторые воспринимают сам памятник, несмотря на изображаемое лицо, как бы вне религии. Так, одна из жительниц города на вопрос о том, что значит для нее прошедший празд-

ник — просто день города или религиозный праздник, каковы ее личные ощущения, ответила: «Нет, это с религией не связано. Это просто мэр хочет сделать наш город красивым, чистым». В один ряд ставятся все возведенные объекты, призванные украсить город и наполнить его пространство определенным смыслом. «Везде вместо свалок, болот сделал скверик, все расчистил. Вот памятник Доброму ангелу, стелла, монументик — камень, памятный, так как здесь границы трех республик, и скверик сделал. Всем нравится и мне тоже» (Новозыбков. 2008г.). Другие не сомневаются в религиозном характере открытого памятника, но не потому, что воспринимают его на уровне чувств и ощущений. В их представлении безусловность религиозного содержания памятника связана с участием церкви. «(Как воспринимаете открытие памятника?) Как обретение иконы Божьей Матери» (т.е. так, как названа композиция в местных средствах массовой информации. — Т.Л.). Я так считаю, что раз памятник освятил батюшка, то это с какой-то божественной целью, с верой. Значит, памятник с такой целью, чтобы люди к вере возвращались». Третьи рассматривают и все мероприятие, и саму скульптуру в контексте укрепления религиозной защиты города, его постепенной одухотворенности, приобщения жителей к божественному миру. Их реакция на происходящее, восприятие праздничных действий — это реакция людей если еще и не совсем верующих, то готовых поверить, испытывающих чувства, адекватные обычным чувствам верующих, участвующих в богослужениях. «Ставят, значит, для того, чтобы люди к вере возвращались. Вот в городе, в какую сторону поедете, стоит крест. При въезде крест большой. (Что это значит?) Ну, не знаю. Может быть, это Божья помощь, может Бог городу и помогает. Мы же не знаем, но есть разум выше нас. Я лично так думаю, видеть нам не дано, но такое есть. Почему вот в церкви побудешь и такая умиротворенность? Вчера ко мне приходит моя сватья и говорит: „я ходила на открытие памятника“, там у нее внуки выступали, „и мы домой пришли все такие умиротворенные, спокойные. Спокойно покушали, отдохнули, и каждый разошелся по своим делам“».

Вернемся к самой организации праздника. Специфика главного действия, имевшего целью прославить Богородицу и отдать дань уважения старообрядцам, по-видимому, послужила и основой для отведения ведущей роли церкви. Однако в

целом все происходившее удивляло неожиданной даже для современных празднеств, лишенных явной идеологической идеи, эклектикой. После торжественной речи главы города, в которой он отдал дань заслугам старообрядцев в прошлом, подчеркнув, что и в нынешнее время город продолжает оставаться духовным центром старообрядчества, основная роль была отведена священнослужителям и хору Древлеправославной церкви. В открытии монументального комплекса приняли участие и служители РПЦ, а также светские руководители. Предварительную часть сопровождало выступление хора представителей Древлеправославной церкви. Последующее за этим празднично-развлекательное действие включило персонажей, которые, по-видимому, и должны были олицетворять единство духовной и светской жизни города. Началось шоу с выхода ангела — мальчика в белых одеждах с крылышками. Затем последовали девушки в золотых кокошниках, олицетворявшая, по-видимому, одновременно и русский колорит (одежда не брянской, а некоей «общерусской традиции»), и золотые купола русских храмов. Вместе с ними появились подростки в стилизованной русской одежде, изображающие некое действо типа языческого поклонения солнцу. Вслед за этим у подножия скульптуры Богородице начался концерт бальных танцев. Начало же дня города включало обычные для этого дня массовые демонстрации жителей (г. Новозыбков Брянской обл. 2008 г.).

Аналогичные тенденции в современных празднованиях и в монументальном оформлении городов характерны и для соседней Украины. На центральной площади г. Городня Черниговской обл. возвышаются скульптуры, демонстрирующие идеологию разных эпох: традиционный для советских времен памятник Ленину и скульптурная композиция «Покров Богородицы». Сам выбор богородичного сюжета далеко не случаен: Покров Богородицы — икона и праздник — считаются покровителями казачества и в настоящее время активно пропагандируются и в церкви, и в средствах массовой информации в качестве таковых. Городня была центром казачьей сотни, так что памятник поставлен и как дань защитникам, и как символ возрождающегося казачества и, возможно, в целом нового украинского возрождения, поскольку современная религиозно-национальная идеология в число факторов, определяющих

особый статус Украины, вводит и ее богоизбранность, отмеченную эксклюзивным покровительством Богородицы — «Покров Богородицы» над всей Украиной²³⁸. Композиция памятника (если так можно назвать скульптурный образ Богородицы) такова: фигура Богоматери находится в открытой часовой в окружении ангелочков. Как и в Новозыбкове, открытие композиции было приурочено ко дню города и, можно сказать, что церковная линия доминировала в празднестве. В данном случае совпадение Дня города с открытием религиозной скульптуры было одноразовым явлением. В настоящее время уже по традиции он проводится в дни освобождения города от фашистов — 22—24 сентября, но обязательно включает молебен у **каплички** с Богородицей. Все больше входит в традицию возложение цветов новобранцами к скульптурной композиции «Покров Богородицы».

Характерной особенностью современной праздничной культуры можно считать и включение церковного компонента в праздники сугубо светские, не существовавшие до революции, т.е. в традиции народа. Например, в г. Россошь Воронежской обл., по словам директора местного Дома культуры, на день пожилого человека и «службы делают в церкви» (2001г.)

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что эклектика современных мероприятий — это отражение реальной жизни современного общества. Она является одновременно следствием идеологической многослойности общества, т.е. наличия в нем групп с ярко выраженными различными идеологическими установками наряду с теми, у кого таковые отсутствуют. В то же время возможность такой многослойности — это свидетельство реального плюрализма мнений, признание не только правомерности существования людей с противоположными взглядами, но и отсутствие альтернативности в собственных установках, когда человеку в равной степени импонирует и церковное празднество, и лики святых, и красные знамена ветеранов, и девочки-барабанщицы, заимствованные из массовых шоу Запада. Одновременно такие мероприятия оказывают и встречное влияние: они приучают людей к многообразию современного

---

²³⁸Одним из факторов, дающих основание претендовать на особое покровительство Богородицы, является, даже с точки зрения авторов научных статей, этническая принадлежность блаженных Андрея и Епифания — они были украинцами.

мира, располагают к диалогу культур и на практике учат толерантности во взглядах и в поведении.

Мы рассматривали праздники, где региональное или локальное своеобразие основывается больше на творческой инициативе организаторов — как светских, так и духовных. Отличительные особенности праздников, о которых мы будем говорить ниже, есть результат сохранения традиционной культуры. Анализируя их, приходишь к выводу о том, что и сейчас в религиозно-общественных праздниках присутствует региональное, локальное и конфессиональное своеобразие.

Взаимодействие церкви и отделов культуры в деле возрождения народной православной культуры, о чем говорилось выше, и привнесения православных элементов в сельские и городские праздники светского характера имеет в разную степень успешности. Не будем забывать, что Церковь отделена от государства, поэтому деятельность светских государственных организаций ограничена определенными рамками. Есть еще один очень важный момент, который требует отдельного теоретического рассмотрения, не предусмотренного в данной статье. Мы имеем в виду изначально разные методики (если так можно сказать по отношению к сакральным ритуалам) проведения праздничных мероприятий. Обрядово-праздничная сторона церковных служб, безусловно, менялась со временем, но это были необходимые и постепенно происходившие перемены. В целом церковные службы — это ежегодно повторяемые богослужебные действия, назначение которых приблизить человека к миру Божественному, дать возможность ему вспомнить и вновь пережить события мистического характера. Эта повторяемость давала возможность человеку с детства приобщаться к миру своей религии.

В задачи же работников культуры входит не только создать у людей праздничное настроение, заинтересовать происходящим, но и не повторять даже удачно составленный сценарий. Рассказывая о проведении Дня города, одна из служащих отдела культуры сформулировала эту задачу следующим образом: «День города у нас приурочен ко Дню независимости. Всё на стадионе проводим. И летчиков привлекаем, и вертолет, и артистов, военный десант, но чтобы не повторялось, чтобы не падал авторитет» (г. Городок Витебской обл. 2010г.). Отметим, что не только для церковной, но и для всей традиционной культуры

была характерна именно повторяемость действий, существование определенного инварианта обрядов и праздников, что не исключало вариативности происходящего. Это создавало цельный культурный комплекс, в котором и выросал человек. Признаком же организации обрядово-праздничных мероприятий любого уровня начиная с послевоенного времени и до наших дней можно считать постоянную тягу к внесению разнообразия и новых элементов во все обрядовые сценарии.

В современности мы видим и возрождение традиций, и возникновение новых праздников регионального или даже локального характера, обязанных своим происхождением чудесным явлениям, связанным со святыми местами, святыми подвижниками или иконами. Такие праздники часто возникают в результате совместной инициативы церкви и светских властей. Так, в г. Россошь в конце 1990-х годов замироточила Иверская икона Божьей Матери. Явление достаточно распространенное в эти годы, но несколько необычным было место, где проявилась чудесная сила иконы. Икона замироточила в колонии, куда ее принесла местная жительница, попросив помочь сделать ей киот. Колония успешно окормляется церковью, заключенные готовят резные подсвечники и киоты для икон. Чудесное явление подтвердило совместное совещание епархиальной комиссии и руководителей Воронежской управления исправления и наказания. Построен небольшой храм, куда помещена икона. Здесь должны проводиться специальные посвященные ей службы. Население микрорайона, который будет окормлять храм, обрело свою патрональную икону и свой праздник.

Возобновлена традиция проведения *оказиональных* праздников. В основном это организация церковных праздничных служб по случаю каких-то бедствий, прежде всего молебствия по случаю засухи, которая и сейчас может нанести непоправимый вред хозяйству. К сожалению, все чаще встречается организация церковных мероприятий по еще более печальным случаям, что, судя по официальной статистике, можно назвать симптоматикой нашего времени. Мы имеем в виду самоубийства, число которых в некоторых местах заставляет местных жителей усматривать их причину не только в чисто бытовых или психологических причинах, но и в негативной духовной атмосфере, улучшить которую возможно лишь путем содействия со стороны церкви. Так, в с. Любовшо Красногорского р-на

Брянской обл. (зона активной радиации после Чернобыльской катастрофы) при числе жителей около 1000 человек, за два года (2006—2007) покончили с собой около 30 человек, среди них и пожилые люди, и 10-летний школьник. После этого жители попросили главу администрации о помощи церкви (в селе нет действующего храма; по некоторым данным, его тамее в селе никогда и не было). Отметим, что для жителей села, по замечаниям приезжих из других мест, характерно крайне слабое проявление религиозности. Здесь не встречались даже привычные для сельской (и не только сельской) местности России охранные действия. Так, жительница с. Любовшо, уроженка Выгоничского р-на (восточная часть Брянской обл.), была поражена тем, что тут совершенно отсутствует традиция рисовать на дверях кресты на Крещение. Более того, когда она хотела оградить таким простейшим способом свой дом и нарисовала крест, муж ее попросил так больше не делать — дабы не нарушать общей стереотип поведения и не вызывать нареканий односельчан. Для улучшения ситуации летом 2007 г. устроили освящение села. С участием всех жителей был совершен крестный ход его территории, на въезде и выезде поставили кресты. «Шли по центру, в центре был обряд, служба, певчие, воду святую принесли из Бобровой криницы. Сам председатель на машине за ней ездил. Рабочий день был, но очень много народа собралось. Дали всем воду, чтобы побызгали дома» (2008 г.).

Аналогичным образом поступили местные жители приграничного с Россией украинского с. Лемешовка Городнянского р-на Черниговской обл. И причиной, заставившей их обратиться к помощи церкви, были также участвовавшие случаи самоубийств. Летом 2007 г. один за другим покончили с собой четыре человека. И тогда местные жители решили, что, может быть, дело не только в их собственной воле. Ситуация выглядела явно сакрально нечистой. В результате были устроены крестный ход с иконами и крестом вокруг села, тождественный молебен. Заложена часовня и (с помощью российских священнослужителей) начато строительство церкви.

Поминальные праздники. Выше говорилось об общественно-религиозных праздниках, в проведении которых в настоящее время принимают участие светские организации, в основном работники культуры. Но до сегодняшнего времени не только существуют, но и имеют все больший вес в системе

праздничной культуры, дни, празднование которых происходит исключительно по инициативе самих местных жителей. Мы имеем в виду поминальные праздники. Этнорегиональные отличия в поминальном календаре были и до революции. В настоящее время количество поминальных дней сократилось, тем более очевидными стали региональные и даже локальные традиции выделения для поминания какого-то конкретного дня. На всем русско-белорусско-украинском пограничье это девятый день после Пасхи — Радоница. Данный поминальный день ведет свое начало не от церковного канонического месяца слова, наоборот, Церковь ввела его в свой календарь, соотносясь с народно-религиозной практикой. В советское время, судя по воспоминаниям лиц пожилого возраста, жители этих мест любимы путями, хитростями, но после обеда отправлялись на Радоницу на могилы родных.

Сейчас ситуация упростилась. В Белоруссии этот день сделан официальным выходным. В России официального выходного нет, да и сделать это было бы сложно, учитывая отсутствие единообразия в выделении основных поминальных дней на территории огромной страны. Но в ряде регионов, в том числе в Брянской и Смоленской областях, идут навстречу традиции и разрешают жителям гулять этот день с последующей отработкой. Как говорят, «на Радоницу ходят. Мы в этот день не работаем. Все равно — или отгулы берут, больничные, отпрашиваются», (г. Клинцы Брянской обл. 2008г.). Аналогичное положение характерно и для пограничных украинских территорий. «У нас 9-й день после Пасхи называют проводы. Це очень большой праздник. До него наводят порядок. Приезжают, убирают могилы — це закон. Братские могилы убираем на субботнике. Это не государственный праздник, но с выходными — как-то договариваются, меняются. Очень много народа» (г. Городня Черниговской обл. 2009г.).

Причислять поминальные дни к общественно-религиозным праздникам позволяют как отличительные признаки их проведения, так и отношение к ним самих жителей. Основное праздничное действие происходит на кладбище. К числу тех характеристик, которые отличают проведение этого дня во всем указанном регионе, относятся массовость, обязательность посещения, активное общение на кладбище, семейно-родственные, а иногда и коллективные трапезы, гулянье после пребывания на кладбище.

В оценке наших собеседников разного возраста этот день соответствует статусу праздника. К нему идет активная подготовка не только материальная, но и духовная, создается определенное ощущение праздника. Можно сказать, что в наши дни на Радоницу перенесены многие из тех отличительных признаков, которые были присущи престольным праздникам, и именно ее можно считать действительным днем празднования всего селения.

По словам жительницы с. Ляды, «у нас есть еще один объединяющий праздник (кроме Нового года) — это Радоница, то есть день поминовения. Мы годами не видимся, а на кладбище встречаемся» (Дубровенский р-н Витебской обл. 2010г.).

Приведу некоторые характеристики проведения и оценки эмоциональной атмосферы на Радоницу из разных мест нашего региона. «Яичницу и сало жарили на кладбище. А може, и блины из дома приносили. (Это как праздник получалось?) Так и считали, што це праздник. До обеда можно было работать, в обед сходились на кладбище, уже никто ничего не делает. Где-то часов в 12... Раньше бедно жили, приносили яйца, сало, жарили яичницу на кладбище. Стелят скатерти и *все село садится на траву за общий стол* (курсив мой. — Т.Л.). Кто что принес. Это не на могилах. Сейчас этого нет. Сейчас семьи по отдельности. Мало людей стало, а родственники приезжают, когда могут» (с. Сеньковка Городнянского р-на Черниговской обл. 2009г.); «На Радоницу — слава Богу, что нам президент сделал выходной. Очень много народа. Прийдешь на кладбище, там не столько выпьешь, сколько увидишься со знакомыми, родственниками и наговоришься. На свадьбы-то все некогда, а на Радоницу уж точно приедут» (с. Ляды Дубровенского р-на Витебской обл. 2009г.); «На Радоницу — и всегда: поработали, бежали домой, переодевались и на кладбище. Сейчас с утра идут, у нас это выходной. Здорово богато людей приезжает» (с. Лемешовка Городокского р-на Черниговской обл. 2009г.).

Обязательным элементом ритуального поведения на кладбище является трапеза. Могилы застилаются специально приготовленными скатертями. «На Радоницу на кладбище обязательно. У меня 13 могилок — 13 скатертей несу. Это уже особые, приношу с кладбища, перестирываю, утюжу и кладу. И они лежат, а потом их на кладбище несу. Каждую могилу застелить. Полотенце обязательно меняю на кресте. Раньше-то

вышивала, а теперь-то купим, то батистовочку какую-нибудь. А еду всю прямо на могилу, на скатерть. И садимся вокруг на лавочки. А тады Христа у нас поють, уже перед тем, как сесть» (д. Вьюково Суражского р-на Брянской области. 2008 г.). До сих пор распространен старинный обычай устраивать обед именно на могиле, хотя сейчас все больше для этого делают столики, а на застеленные могилы кладут крашеные яички и сдобную *пасху* (булки, куличи).

Обустройство могил и столиков свидетельствует о желании организовать пространство так, чтобы обед каждой семьи у своих могил приобретал характер совместной трапезы. Именно семейно-родственный характер поминального обеда сближает Радоницу с престольными праздниками. Только взаимное гостевание происходит уже не в жилых домах, а в местах обитания умерших членов рода и односельчан. Как говорят, «у нас, если тепло, то долго на кладбище ходюте, ходюте с одной могилы на другую. Люди приезжие есть, надо встретиться». Судя по опросам жителей относительно их восприятия праздника, совершенно очевидна сакрализация праздничного времени, охватывающего празднеством и живых, и умерших. Согласно наиболее распространенному мнению, умершие приходят на трапезу за могильным столиком. Наряду с этим верят, что у них происходит параллельная трапеза в ином мире: «Идут с 12 часов. Я вообще-то слышала, что в два часа покойники устраивают там себе [трапезу]. Это и на Пасху, и на трапезу [радоницкую]» (г. Клинцы Брянской обл.). Причем иногда вполне допускается одновременное пребывание умерших за обеими трапезами.

В результате создается удивительное ощущение расширения пространства и времени на Радоницу: кладбище становится не просто местом встречи живых с умершими. Одновременно это и место обязательного присутствия всех местных жителей — потомков лежащих здесь людей, объединенных общей сакрально-социальной задачей — поминанием, а также уверенностью в том, что их коллективное посещение и общение между собой одновременно проецируется в загробный мир, где одновременно происходит празднество умерших. И это празднество будет настолько радостным, обильным, многочисленным, насколько эти качества присущи поведению живых в пространстве кладбища. При этом присутствие умерших на

трапезе в загробном мире не исключает их незримого присутствия на трапезе живых.

Молодая женщина из Калужской обл., давая характеристику местным обычаям, сделала попутное заключение относительно причин ритуального поведения посетителей кладбища в этот день: «Ходят на Радоницу, говорят: и Родительская, и на Пасху. Это как традиция, приезжают из разных мест. Могилы покрывают полотенцами, кладут все поминать, каждый может подойти, помянуть, поговорить. Могилы обязательно застилают, и еды много. Вот как накрываешь столы на праздник, так накрывают там столы. Считается, как его помянешь, так ему там будет хорошо, то есть там у него будет богаче, радостнее, меньше огорчений. (То есть у него там стол?) Да, тоже у него стол, тоже он может угостить своих, с кем он знаком, близких» (г. Спас-Деменск. 2008г.). Ощущение присутствия умерших достигается выполнением положенных для их прихода обрядовых элементов. Например, распространенным в регионе обычаем вешать на кресты в эти дни полотенца: «Полотенца на крест вешают, умерших зовут. Умершие же встанут, и они вроде тоже за трапезой. Потом надо им руки помыть (соответственно, и вытереть. — Т.Л.). (г. Дубровно Витебской обл. 2010г.).

Общественный характер проведения праздника сказывается и в организации помина, и в установлении определенного этикета, основанного на уважении каждого из своих односельчан, признания горя одной семьи как общего. Например, собравшиеся на кладбище расставляют всю еду, но не приступают к трапезе, пока не начнет помин семья, у который был последний умерший; как говорили, поминать начинали «с последнего гроба». К ним подходили помянуть и все присутствовавшие, после чего уже начинались семейные трапезы на своих семейных могилах.

До сих пор сохраняются обрядовые традиции, имеющие локальное распространение. К таковым относится, например, празднование первой Радоницы после смерти человека. Выделение этого дня в череде поминальных дней Радоницы встречается на территории Белоруссии, а также в юго-западных областях России. Они имеют локальные отличия. Например, довольно распространен следующий вариант: «Если первая Радоница, то надо рано застлать, покуда люди не приходят. А тады уже можно позднее застелить, часов в 10—11. А я с утра

наготовила все: и ложки, вилки, тарелки. У нас так: застелят [рано] и идут во двор. Ну а я, если постлала, я же не придыбаю назад. Уже дочки несут обедать, уже наготовят тоже туточки и везут сами без меня. Это я старая. А есть, что уходят, потом домой, потом возвращаются» (д. Вьюково Суражского р-на Брянской обл. 2008г.).

В культуре жителей витебско-псковского пограничья посещение кладбища органично вписывалось в сценарий одного из двенадцатых праздников — Троицу, который в данном регионе был основным поминальным днем. «Троица — конечно, это большой праздник. К ней готовились, все убирали, мыли. Дом украшали березками. На кладбище ходили часов в 11—12, это в зависимости от хозяйства, от дойки коров» (с. Глембочино Себежского р-на Псковской обл. 2010г.).

Конечно, власти постоянно противодействовали не только общественному, но даже семейному проведению религиозных праздников. Наказание могло ожидать и лиц, посещавших в эти дни кладбища. Тем не менее, праздник сохранялся, в том числе, хотя и не в прежнем объеме, его празднично-развлекательная соответствующая, которая в значительной части была перенесена на кладбище. Приведу воспоминания 70-летней жительницы с. Долосцы Себежского р-на, работавшей раньше в местном клубе: «Если на Троицу увидят на кладбище, то... ох что было! Специально на Троицу в Себеже создавали разные праздники, машины с плакатами. Но ходили. Раньше не так, как сейчас. На Троицу было очень большое гулянье. К обеду приходили, сначала там гуляют, ходят друг к другу. Садятся поминать только часам к четырем, и мы успевали после разных мероприятий приехать. (Есть начинали одновременно?) Ну, не было такого гудка, но как-то есть садились все разом. Не знаю, уж как это, смотрели друг на друга. И как поедят, и гармонь играла, и пели. Сначала бабульки приходили, голосили, очень плакали. Сейчас этого нет. А раньше так звучно было, то в одном углу голосят, то в другом. И молодежь не сразу гуляет, тогда уж голошений нет. (Действительно было гулянье на кладбище?) Да, на лошадях приезжала выездная торговля, там и пряники, и водка, молодежь под ручки гуляет по центральной дороге, все встречаются. Березку воткнут в могилу, подметут, крестик сделают. Некоторые пожилые и сейчас приходят с березками. А молитв

никаких не было, не было никого церковных. И церкви действующей даже в Себеже не было».

Можно предположить, что активность выездной торговли, казалось бы, не согласующаяся с желанием властей ограничить посещение кладбища в этот день, объяснялась намерением свести до минимума религиозную основу праздника. Посещение кладбища и сейчас остается обязательным для жителей села, но характер массового гулянья и общения утерян не только здесь, но и во многих селах Псковской обл., что связано с катастрофическим упадком сельской жизни в крае.

Отметим еще один важный момент, очевидно свидетельствующий о праздничном содержании Радоницы и Троицы. В дореволюционных источниках подчеркивалась многослойность содержательной стороны праздника, включающей поэтапно разные по характеру проведения отрезки времени: «до обеда пашут, в обед плачут, вечером скачут» — это определение до сих пор знают все жители пограничья. Центральный, собственно поминальный, этап еще на памяти наших пожилых собеседниц включал голошения на кладбище. Однако в настоящее время это характерное для поминального времени традиционное поведение отсутствует. Причин несколько. Как говорят, нет больше женщин, которые умели произносить нужные тексты. Сказывается и уход в целом традиции фольклорного поведения, подразумевающего публичность выступления. Элемент печали, безусловно, присутствует, но психологически доминирует радость от встречи с родными, от сознания, что все сделано как надо, что умершие рады присутствию родных людей у их могил.

Все более развернутые трапезы с неумеренным употреблением алкоголя вызывают нарекания у священников. Не вполне православным представляется и обычай застилания могил скатертями. «Сейчас священник говорит, что так застилать могилы и устраивать празднества нельзя, так как идет литургия (в это время). Но когда новое кладбище начиналось, так в тот год священный сам ходил по кладбищу, читал панихиду. И никому замечания не сделал, все застилали. Это же очень давнишний обычай» (г. Клинцы Брянской обл. 2008 г.); «Скатерти на могилы, на скатерть яички, кашу. Садимся у могилы. Помолюсь и говорю: „Приходите, родители, все к нам за стол“. И уходим, оставляем на тарелке кашу, еще что-то. Батюшка говорит: „Этого делать

нельзя". А с другой стороны: у нас все ложать и мне кажется, что на могиле ее съедят птицы» (г. Дубровно Витебской обл. 2010).

Желание приобрести умерших к церковному празднеству, происходящему на земле, определяет и характер поведения их родственникам на кладбище в другие праздничные дни. «И на Спас тоже яблоки освящали и носили на могилы, а нельзя освященные, надо съесть. Но мы положили» (г. Дубровно Витебской обл. 2010г.). Создается впечатление, что в народном представлении сформирована следующая взаимосвязь: поскольку сакральная масштабность христианского праздника подразумевает в обязательном порядке выход за предел земной жизни, то в качестве органичной составляющей она должна включать и контакт с миром загробным. Вследствие этого большинство сохраняющихся церковных праздников включают и посещение кладбищ.

В связи с этим целесообразно остановиться на постоянно озвучиваемых церковью, особенно на уровне приходских храмов, утверждениях о том, что нет необходимости посещать кладбища на Пасху, и что присутствие там в этот день — грех. Между тем посещение могил на Пасху не только распространено в разных регионах, но и является основной поминальной традицией в некоторых местах. Исключительно в этот великий день ходят на кладбища жители восточной части Брянской обл. На Пасху посещают могилы старообрядцы ветковского-стародубского региона, причем праздник Радоница в их календаре даже не присутствует.

Создается впечатление, что аргументы, проясняющие смысл посещения, очевидные, по-видимому, для дореволюционных священнослужителей, остаются вне рассуждений церкви. Желание похристосоваться с умершими, ощущение всеобщего праздника, охватывающего живых и мертвых, что входит в религиозную доктрину православия, не принимаются во внимание.

Чтобы отвести свою паству от посещения кладбищ на Пасху, священники используют различные аргументы, в основном созвучные народному религиозно-реалистическому видению соединения мира умерших и живых в поминальные дни. Например, неуместность пребывания на могилах в пасхальное воскресенье объясняют тем, что в этот день все умершие находятся на обеде у Бога (весьма распространенный аргумент),

или же делают упор на нецелесообразность отправления на кладбище тем, что все умершие родные на Пасху приходят в свои дома и незримо разговляются с родными. «Как сказал батюшка: в этот день умершие идут домой к родственникам, а вы забираете их и ведете обратно на кладбище. Это светлый праздник, воскресла душа, и они идут к родственникам домой, или где жили раньше, или домой» (с. Новый Ропск Климовского р-на Брянской обл. 2008 г.).

До сих пор на гомельско-брянском пограничье сохраняются конфессиональные отличия в днях посещения кладбищ и в характере поведения на могилах. Старообрядцы сохраняют свою традицию посещать кладбища не на Радоницу, а на Пасху. Смысл посещения — похристосоваться с умершими родными, приносятся крашеные яйца и пасха. Какие-либо элементы трапезы отсутствуют. Эта традиция представляет интерес и с точки зрения истории поминального календаря в России. «Радоница — у нас в Святске (старообрядческое село. — Т.Л.) в жизни никто не пойдет. Это уже когда стали православные (православные переселенцы из соседних сел. — Т.Л.), они попутали, стали ходить. А на кладбище, если у нас пойдет кто, да еще выпивают, да ты что! Никогда в жизни и горелки там не будет. А теперича пьют, гуляют, еще и песни запоют. У нас на Пасху придут, похристосываются — скажешь „Христос воскрес“, яички положишь, и всё. Яички положил — и всё. И три дня (Пасха и после нее. — Т.Л.) можешь приходить. Радоницы у нас не было. (И в календаре ее нет?) Не было. Никогда никто не справлял. (И вообще в календаре отсутствует?) Даже не знаю. Яичко просто положишь, не катаешь. А пасху святую на кладбище класть нельзя. Мы из церкви приходим домой, разговеемся, тогда на кладбище» (г. Новозыбков Брянской обл. 2008 г.).

Женщины из смешанных православно-старообрядческих семей, зная о разных традициях староверов и православных, испытывают подчас затруднения с выбором дня посещения кладбища. Дело в том, что оба праздничных дня трактуются не просто как чисто душевная или сакральная потребность посетить близкие могилы. По общему мнению, умершие ждут своих родных в день, отведенный для этого традицией своей конфессии. Враждебных отношений между старообрядцами и православными на практике не было, но каждая сторона признавала истинно православной свою традицию и не обнаруживала по-

требности к их смешению. Посещение в другой день, тем более традиционный для противоположной стороны, мог рассматриваться как обида, как пренебрежение к ожиданиям умершего. Именно с этой позиции и рассуждает о современном смешении традиций одна из наших собеседниц, у которой отец был старообрядец, а мама никонианка. В ее словах звучит явное желание оправдаться. «На кладбище ходим и на Пасху и на Радоницу. К папе хожу на Пасху разговляться после церкви, но хожу и на Радоницу. Раз уж жил, родился там, а прожил среди православных... Н., они ведь и те, и те — православные. Поэтому два раза хожу. Я знаю, он не обидится» (г. Новозыбков Брянской обл. 2008 г.). Правда, одного из наших собеседников, пожилого старообрядца из г. Ветки, посетил во сне разгневанный отец и сделал сыну выговор за то, что он пришел к нему на могилу на Радоницу (Гомельская обл. 2006 г.).

Особенности менталитета старообрядцев сказываются в различных ситуациях, в том числе и в организации праздников. В открытии в Новозыбкове памятника Богородице, о котором шла речь выше, принимали участие и православные, и старообрядцы, более того, именно старообрядцы были главными персонажами. Но в целом совместных праздников религиозного характера на общественном уровне практически не получается, прежде всего по инициативе старообрядцев. Так, по словам сотрудницы районного отдела культуры г. Новозыбкова, «у них немного другая культура и другое направление. У них нет таких праздников, они люди закрытые. Они не только не будут устраивать таких праздников, они не позволяют таких делать. Даже в мелочах. Например, село Перевоз — старообрядческое. Там построили мост. А сейчас ведь как — освящать! Позвали батюшку, а бабушки: „нет, нам этого не надо! Нам все это ваше светское не надо! Мы договоримся в своей церкви“. Они его пригласили, он приехал, освятил. Они любят более закрытые, не такие шумные праздники. А у нас — стол, и мы всем миром гуляем. (Они в православных праздниках участвуют?) Ну, это уже не то поколение, не та культура, строгости такой нет. Это же не может остаться на века» (г. Новозыбков Брянской обл. 2007 г.).

Сложности религиозно-этического характера возникают в аналогичных случаях и у представителей смешанных православных-католических семей на территории Белоруссии. Приведем

пример молодой девушки из семьи, получившей крещение в Православной Церкви, но не так давно перешедшей в католичество — религию ее матери. Наша собеседница старается следовать местной традиции в отношении своих православных умерших, а в основном в данной местности — пос. Езерище — население православное, и его традиции определяют специфику местной культуры. Но при этом из местной традиции она исключает некоторые элементы, которые не соответствуют церковным учениям обеих конфессий и народной традиции католиков. Прежде всего это касается трапезы на могилах. «На кладбище ходим и 2 ноября, и на Троицу. Так принято. У нас в семье перемешано. И мы ходим и на католическую Троицу, и на православную. Но без еды. К папиным православным ходим, но стараемся с утра. Кутью положим и всё. А на свою Троицу или деды — к католическим могилам, кутью не берем, что-либо берем: конфеты, печенье» (пос. Езерище Городокского р-на Витебской обл. 2010г.).

Бесцерковная жизнь разорвала сложившиеся веками нормы проведения поминальных дней, когда отправлению на кладбище предшествовало участие в церковной службе. Посещение кладбища оставалось неукоснительно выполняемой нормой, но уходила потребность в соучастии церкви. Это был постепенный процесс. У нас достаточно воспоминаний об обязательном отправлении панихиды священниками на кладбище или же при невозможности этого хотя бы чтение положенных молитв воцерковленными людьми, что делалось в соответствии с желаниями сельчан. Там, где религиозные нормы, хотя бы и в упрощенном варианте, сохранялись, возвращение священников на кладбища проходит естественно, органично совмещаясь с народным обычаем поминания. Это характерно для многих районов Центральной России, а также для украинского пограничья. Вместе с тем и в России, и в Белоруссии неоднократно приходилось слышать о том, что отвыкшее от церковной жизни население не чувствует потребности в посещении храма даже в дни поминаний. Это характерно для восточных районов Витебщины, где, по общему признанию, гонение на церковь было особенно активным. Так, по словам священника из г. Россоны, приехавшего из западных районов и имеющего возможность сравнивать религиозное поведение своих прихожан, «у меня душа бунтует против той установки жизни, которая здесь есть».

По его мнению, слабая степень религиозности и потребности в церковном окормлении объясняется тем, что «здесь 50 лет не слышали голоса пастыря». Один из показателей — поведение прихожан на Троицу, на которую в данной местности приходится основной поминальный день. «Сюда я приехал перед Троицей, и люди идут на кладбище с большими сумками, потом идут обратно пьяные, и никто не зовет священника на кладбище, ни разу» (г. Россоны Витебской обл. 2010г.).

При этом в Белоруссии наиболее ощутимо желание не просто возродить народную культуру, но вписать ее в общий курс воспитания патриотизма, уважения к памяти предков, особенно тех, кто погиб за ее освобождение. Отсюда и внимание работников культуры и образования к традициям сохранения всеобщего поминания предков. Возрождая эти традиции в театрализованном варианте, они стремятся решить при этом две проблемы: дать урок воспитания нравственного, поскольку прививается уважение к предкам и осознание необходимости их почитания, а также воспитания культурного: ввести молодых людей в традиции белорусского народа. Так, например, в педагогическом училище пос. Ленино на уроках истории и этнографии в курсе ознакомления с народным календарем проводится и урок, посвященный Дмитриевской субботе — *Практические деды*. На этих уроках школьников знакомят с содержанием праздника Деды, поминальной пищей, соответствующей христианской атрибутикой. Проводятся и практические занятия. То же самое мы видели и в пос. Клястица: «Деды с детьми проводим и рассказываем им, что такое поминальная свечка. На кладбище водим. Дети убирают могилы» (пос. Клястица Россонского р-на Витебской обл. 2003г.).

Театрализованные представления, на которых в различных вариантах представлены скорбные сцены поминания умерших, подготавливают к поминальным дням и местные Дома культуры. Сценарии этих представлений не ставят целью воспроизвести перед зрителями цельный ритуал поминального действия в той или иной местности. Их задача — создание эмоционального настроения, соответствующего данному дню. В приведенном ниже сценарии (а все сценарии обычно — это результат соединения методических пособий и творчества местных работников культуры) интересно то, что он включает как обязательную составляющую церковное поминовение умерших, тем

самым подчеркивая нераздельность светской традиционной и церковной культуры. «*Деды* — музыка, всё в свечах. На сцене деревце, на нем красные повязки. В центре — мать, которая похоронила своих детей. К каждой повязке подходит персонаж — мать и говорит: „Вспоминаю своего сына Иванка“ и отвязывает повязку, „сына Архипку“ и отвязывает опять. Всё идет на белорусском языке. Подиум, зажигают свечу. На подиуме икона, батюшка давал. Около матери стоит ведущий и говорит: у нас есть книга кроник — умерших, погибших. Девушки в национальных костюмах несут что-то вроде папки (адрес), и туда все записывают имя своего умершего. Звучит траурная музыка. Этот кроник ставим на подиум, свеча горит. Потом этот кроник, все имена, прочтет батюшка. Потом присутствующих угощают поминальными пирогами, печеньем, булками» (р. Янковичи Россонского р-на Витебской обл. 2003г.).

Определение статуса праздника Деды, как одного из составляющих элементов этнической культуры белорусов, подчеркивается и исполнением всего действия обязательно на белорусском языке. Мы обратили на это внимание, так как в белорусском пограничье культурные мероприятия, не имеющие этнической или национальной окраски, могут проводиться и на белорусском, и на русском языке.

В инсценировках подобного рода ставится целью воспитание уважения к семейным связям, реализующимся в праздниках, а также дается детям знание местных традиций, которые уже не всегда можно встретить в обрядово-праздничном укладе отдельных семей, особенно тех, где нет представителей старшего поколения. «Один раз делали Дмитровскую субботу на базе школы. Рассказали им про деды, сделали выставку фотографий, которые принесли ученики, зажигали свечи у фотографий. Приносили блюда, говорили, какие блюда поминальные, делали поминальный стол. Изображали семью, вот как должно быть в семье. Показывали: в каждой семье есть хозяин, хозяйка, дети. И как говорили: „святые деды, идите сюды, пейте, ешьте, что Бог дал“. Отчиняли окна, двери и призывали дедов. И садились поминали. Мы боялись, что будут смеяться, а весь зал плакал. Были и некоторые родители. Мы даже не ждали такой реакции. Фотографии своих родных, и дети рассказывали о них. Мы говорим детям: „так принято в народе“ (д. Холомерье Городокского р-на Витебской обл. 2010г.).

Общественно-религиозный праздник свеча. К праздничным традициям церковно-общественного характера, имеющим ярко выраженные региональные и локальные особенности, относится так называемый праздник *свеча*. В изучаемом нами регионе обычай был распространен в восточной части Белоруссии, исключая Витебскую обл., на западе и частично в центре Смоленщины, западе Брянской обл. и на севере Черниговской обл. Украины. Один из таких праздников, происходивший в 2007 г. в Могилевской обл. Белоруссии, нам удалось наблюдать и заснять²³⁹. В основе таких праздников — изготовление общественной свечи или же ее семантического эквивалента — иконы, вокруг которых и концентрируется праздничное действо. Изготовление общих свечей или икон всеми прихожанами — распространенная в православии церковно-приходская традиция. Однако в данном случае свеча имеет существенное отличие от мирской — храмовой свечи. Эта свеча, или свеча-икона (т.е. икона, называемая в народной обрядовой традиции также свечой, что характерно для гомельско-брянско-черниговского пограничья), как правило, хранится не в церкви, а у кого-либо из деревенских жителей, и выполняет крайне важную для общественно-религиозного самосознания функцию — становится организующим началом нового сообщества, объединенного патронатом определенного святого, чье покровительство и реализуется через данный сакральный объект. Это сообщество, точно определяемое В.И. Далем как «братство по свече», связано установленными обычаями правами и обязанностями.

В литературе XIX в. определенный круг лиц, объединенных общим празднованием, часто называют *братчиками*. Термин не имел повсеместного распространения, но вошел в научный обиход для обозначения членов религиозного коллектива. Значение свечи (или иконы) могло подчеркиваться и употреблением термина *супляне*, что означает *общинники* по отношению к собравшимся на обеде лицам. Коллективный характер выражался и в сборе с каждого из братчиков воска для свечи

---

²³⁹Его описание, а также характеристику различных вариантов праздника см: *Листова Т.А.* Общественно-религиозные праздники на русско-белорусском пограничье («свеча», «Божья свеча», «гулять икону») // Традиции и современность. 2008. №8. С. 22—54; *Лопатин Г.* Икона звалась свячей. Из опыта изучения обряда «Свячы» в Восточном Полесье / Антропологический форум. 2008. №8. С. 411.

и зерна для изготовления браги. В советское время основные расходы приходилось нести хозяину свечи, устраивавшему обед, однако и все приходившие на торжество обязательно делали свой вклад продуктами или деньгами. Ежегодно свеча переносилась к новому хозяину. Порядок передачи определялся обычаем, наиболее частые варианты — по порядку улицы или по желанию одного из братчиков. Считалось, что высказавший такое желание давал обет, отказаться от которого было уже невозможно. Обязательным моментом являлось молитвенное служение в церкви за здоровье всех братчиков, или же, при отсутствии церкви в советское время, чтение акафистов кем-либо из грамотных односельчан.

Собственно праздничные традиции, связанные с данным обычаем, заключались в торжественном перенесении са크рального объекта в дом нового хозяина и праздничном обеде с участием, в зависимости от местной традиции, всей деревни, улицы или же отдельной группы семей, объединенных общей свечой. Эта традиция сохранялась и в советское время, хотя и не в столь упорядоченном и развернутом виде, как это было до революции. Причем степень сохранности обычая не была идентичной на пространстве его прежнего бытования. Он сохранялся длительное время в послевоенный период в белорусском пограничье, кое-где вплоть до 1980—1990-х годов и даже до наших дней. Сравнение полевых материалов, собранных в Смоленской обл. еще в 1980-е годы, с дореволюционными описаниями праздника свидетельствует о том, что он либо перестал существовать еще в довоенное время, либо постепенно трансформировался, соединившись с престольными праздниками. Конечно, постепенно, в силу объективных причин, обрядово-праздничный комплекс терял цельный характер. Тем не менее даже в том редуцированном варианте, который нам удалось наблюдать в отношении участниц к совершаемому ими действию, в осмыслении ими глубинного смысла и содержания происходящего, мы видим то глубокое религиозное чувство, которое руководило их предками почти два века назад.

В советское время, при отсутствии церкви, дом, где в определенный год находилась свеча, становился местом сбора для общего молитвенного служения. Это мог быть дом очередного хозяина, но со временем, по мере сокращения количества

лиц, желающих взять свечу, она переходила на постоянное жительство в дом одного из наиболее воцерковленных в данной местности людей. Здесь же обычно хранились и другие реликвии села. Так, по словам жительницы д. Казацкие Балсуны Ветковского р-на, общественно-религиозная жизнь у них концентрировалась у некоей Ховри. «Годовой праздник у нее праздновали постоянно, у нее плащаница была. Перед Великим днем, в пятницу, як Христа замучили, так у нее. И как помянуть надо, к ней» (Добрушский р-н Гомельской обл. 2005 г.). О том же говорят и жители украинского пограничья: «Церкви не было, так ходили молиться в тот дом, где икона стояла, каждое воскресенье» (с. Тимоновичи Семеновского р-на Черниговской обл. 2009 г.).

Согласно дореволюционной традиции, в организации и проведении всего праздника свечи принимали участие мужчины и женщины с приоритетом первых. Но уже на памяти наших пожилых собеседниц основными действующими лицами стали женщины. Возможно, перемена гендерного состава участников — следствие военного времени. Почти полное отсутствие мужчин, страхи за близких — всё это способствовало объединению женщин для совместных молитв. В военное время потребность в небесной помощи дала всплеск женских обетов, прежде всего на изготовление свечей или устройство коллективных обедов, посвященных определенному святому. «В войну именно на мужчин было больше всего обречение» (д. Малятичи Кричевского р-на Могилевской обл. 2007 г.); «Особенно свечи делали во время войны. Мужчины ушли на войну, вот чтобы они вернулись» (д. Казацкие Балсуны Добрушского р-на Гомельской обл. 2007 г.).

Традиция празднования с переносом общественной святыни могла иметь разные варианты. Так, в с. Ляды существовала общая икона св. Николая, ежегодно ее переносили из дома в дом, а праздник назывался «Святой Микола по селу ходит». Причем ходила икона только по одной улице большого села — Закобылице. Во время войны эту икону местные жители брали с собой «в беженцы». Сейчас икона находится в недавно построенной церкви, больше нет желающих брать ее, «чтобы пожила дома год». Для этого нужно устраивать обед, делать праздник со всеми составляющими, становиться организаторами публичного мероприятия, что при нынешней замкнутости жизни

представляется не только нежелательным, но и сложным. Вместе с тем главное — святыня была центром религиозной жизни, местной покровительницей и тем святым объектом, беречь и почитать который было не просто ежегодной традицией, т.е. до некоторой степени обязанностью, но и потребностью. И в данном случае уход праздника связан с потерей сакральной значимости местной святыни.

Отметим, что традиция сохранялась вплоть до начала 1980-х годов, т.е. практически весь советский период. Передача иконы в церковь кажется логичной; церковь отныне становится посредником между небесным миром и паствой. Однако церковь пока малопосещаемая, и икона оказалась вне общественно-религиозной жизни села. По-видимому, перемещение иконы в церковь дало жителям с. Ляды некоторое моральное успокоение: святыня не брошена, она стала всеобщим достоянием в положенном для христианского служения месте.

Вспоминают об аналогичных праздниках и в черниговском пограничье, в районах, прилегающих к российской и белорусской границам. «Икону переносили у нас Николая Чудотворца. Икона была с церкви, это оброчная икона. Она сейчас в Ульяновской, это соседний поселок. Мы просили отдать в церковь, но не отдали. Обрекались обычно на год. Кто отдает, делает обед, ко мне переносят, я тоже даю обед. Народу много. Под икону подходили. В селе два Николы ходили. Церковь была Никольская. Несешь икону со своим рушником и оставляешь, а потом уж та вешает свой, а старый можно в церковь. Кончили переносить лет 10—12 назад. И если и не отдаешь, то должна в этот день акафист отправить возле иконы и обед сделать. Хоть три человека. Один-два, это считается неполный обед, а три вдовы — это уже полный обед. Кто-то акафист почитает, помолятся и сядут обедать» (с. Тимоновичи Семеновского р-на Черниговской обл. 2009г.). Это воспоминание показывает, как постепенно многолюдный праздник с приглашением односельчан на обед превратился в скромное застолье, сохранив при этом обязательную молитвенную часть. Уход положенного по традиции перенесения оброчной иконы наша рассказчица расценивает как грех, который лег на все село, поскольку икона была общая. «Вот не стали Николая [переносить], и что хорошего? Дети вот болеют» (с. Тимоновичи Семеновского р-на Черниговской обл. 2009г.).

Приведу одно из типичных описаний, зафиксированное в 2007 г. в Гомельской обл. Белоруссии. «Годов 15 назад носили. Не подлезали. У кого голова болит, их подводили. Кто-то обрехался взять, хозяин отправу делает, а новый — обед. Молодежь не ходила, и без мужчин. Одни женщины. (Почему без мужчин?) Ну... это сейчас стали малость преклоняться вере. Было несколько свечей. Якому святому кто оброк делал. И люди могли приносить к ним деньги. Это о здравии акафист. Любой мог захотеть свечу, это не по улицам. (Причины?) У кого какая беда. Усе люди поклоняются Богу, когда что-то не ладится, и обрекаются. Обед — больше сами хозяева». С открытием церкви икону-свечу перенесли туда. Не стало желающих брать на себя обязанность справлять праздник. И тогда местный батюшка уговорил нашу рассказчицу сделать праздник у себя в доме. «Никола никогда не бывает скоромный. Рыбу нажарила, борща наварили, крупник сварили с грибами. Наготовали обед очень хороший. Это с церкви мне принесли, а я боялась брать, как мне наготовить. Батюшка пришел, певчая пришла. А икону из церкви принесли и потом унесли. А я только обед делала, так обрелась. И икону вокруг церкви носят. У нас Никола престол». Таким образом, сохранение праздника произошло по инициативе местного священника (д. Огородня Кузминичская Добрушского р-на Гомельской обл. 2007 г.).

В советское время коллективной святыней часто становилась икона того святого, которому была посвящена местная церковь. Это могла быть икона из закрытой церкви или чья-то изначально личная, отданная на служение обществу. Таким образом, расширялся круг икон, «ходивших» по селу. Так выглядит ситуация в с. Денисковичи Злынковского р-на. «У нас свеча-икона Михаил. Михаил был престол. И Миколу собирались праздновали. Сколько помню, всегда. Сейчас Никола (т.е. его сельская икона. — Т.Л.) в Злынке. Люди и сами собираются и празднуют. Сосед к соседу. И друг другу напоминают. И весеннего зимнего. „Седня же Никола, а ты ходишь“. Пречистая — у нас ее знают, а в Лысах она престольный праздник. У нас понимают, что Пречистая, нельзя работать, типа выходной. И в Белоруссии в Хорошевке (приграничное белорусское село. — Т.Л.) знают, там говорят „Прачистая“ — по-белорусски» (Брянская обл. 2007 г.).

Праздник свечи по коллективному характеру проведения приближается к престольным праздникам. Отличия состоят в

отсутствии обязательных компонентов престолов — ярмарки, массового гулянья и, пожалуй, более воздержанном употреблении горячительных напитков. В дореволюционных источниках можно встретить и указания на их полный запрет. По сведениям одного из священников Черниговской губ., «во многих местах посещение в этот день питейного заведения считается грехом и ведет за собою штраф нарушителя дедовского обычая». На обеде «замечается полнейшее отсутствие хмельных напитков, за исключением меда, если же изредка и замечается по любви русского народа к хлебосольству, то в малом количестве, так что положительно можно ручаться за то, что, где существует обычай празднования „свечи“, во весь день не увидишь пьяного, и даже самые рьяные любители выпить уступают прадедовским свято хранимым обычаям. На второй день за обедом тоже старики»²⁴⁰.

Характерной особенностью военного и послевоенного времени стали обещания определенному святому на устройства коллективных обедов в день его празднования.

Приведем рассказ женщины, устраивающей ежегодно праздничный обед для односельчан в день Александра Невского. «У меня сын болел, и очень, очень... такая болезнь, что всё уже. Я страдала, ездила и в Киев, и в Чернигов. И еще — сестра моя ехала из Гомеля в Тимоновичи к маме картошку сажать. И в поезде убили ее и на рельсы выбросили. И сын все болеет. А у нас до войны была церковно-приходская школа. И мама моя все говорит: „Вера, обрекись, обрекись!“ И я тоже Бога просила, чтобы мой сын поправился. И я говорю: „Сколько буду жить на свете, сколько мне Господь отмерил, каждый год 12 сентября у мене будет обед — акафист читать и справлять обед“. А 14-го день рождения у сына, зовут Александр, он по Александру Невскому. И я обреклась. И представляете, 33-й год — и каждый год в этот день у меня обед. Я зову тех, кто в церкви поет, если есть батюшка, то его, соседей, много приглашаю. И готуюсь. И уже все село знает, что 12 сентября у меня обед. И только один раз я пропустила, у меня болезнь была. А больно у меня на душе, так я в Троицкую церковь пошла и там нищие, так деньги им [раздала]». По ее словам, раньше «таких, кто на обед обрекался», было

---

²⁴⁰ Богословский Н., священник. Кое-что из народных обычаев // Черниговские губернские ведомости. 1886. №101. 25 дек.

очень много» (с. Тимоновичи Семеновского р-на Черниговской обл. 2009г.). Отказ от данного обета впоследствии расценивался как грех, за который и могло последовать наказание: «Раз уж ты обрекся... У нас одна женщина обреклась, муж у нее болел, а потом он поправился и она не стала (устраивать обед — Т.Л.). И через несколько годков он и помер» (с.Тимоновичи Семеновского р-на Черниговской обл. 2009г.).

В XIXв. после отмены крепостного права последовали многочисленные изъявления благодарности крестьян в разных формах — обычно они были связаны со святыми покровителями царя и царицы, с днем отмены крепостного права. Это и строительство часовен, заказывание икон и т.д. Судя по прессе тех лет, в нашем регионе особенно активны в проявлении благодарности были крестьяне белорусских уездов Могилевщины. И здесь как выясняется, местные жители часто следовали своей религиозной традиции, т.е. принятию тех или иных обетов. И среди таковых были и традиционные обеты — изготовить на свои средства братские свечи и таким образом начать новый праздник в селе. Чаще желание сделать все на свои средства изъявлял один человек, но «с тем, чтобы свеча была братская и ежегодно прибавляла в весе»²⁴¹.

Материалы доказывают, что свеча — и сама свеча (или икона), и праздник — являлись неким объединяющим началом для всего общества, они были центром не только религиозной, но и общественной жизни. И это естественно, поскольку в самом функционировании сельского общества отделить религиозную и общественную жизнь практически невозможно. Я приведу один из примеров, показывающий значение свечи для общества и в то же время говорящий о вариативности самоорганизации крестьянской жизни. Во многих селах Стародубского у. существовали, как это часто бывало, сенокосы и лесные заросли в общем пользовании, их отдавали кому-то из общинников, брали небольшую плату, которую нередко пропивали обществом. Вот почему в некоторых селах возник похвальный обычай, «предоставляющий право пользования землей своим односельчанам бесплатно, а чтобы очередь самопроизвольно не нарушалась односельчанами, общество сроком использования этою, так сказать мирскою землею, считает время нахождения иконы в

---

²⁴¹Могилевские губернские ведомости. 1866. 3 окт. №40.

известном доме. В силу этого икона переносится из дома в дом поочередно, а не по желанию только, и доходом от мирского надела пользуется каждый в селе по очереди»²⁴².

Мы ведем речь о сельских братствах, основанных на принципе коллективного обладания и передачи общей святыни, что как бы освящало одновременно и дом того, кто ее имел в данное время, и всех братчиков. Такие объединения существовали не только в селах, но и в городах. В последних еще в XIX в. они объединяли людей не по принципу общего проживания, а по производственному. Это цеховые братства при церквях, имеющие цеховые святыни. По сообщению из г. Погар Черниговской губ. (теперь — Брянская обл.), цех кузнецов имел цехмейстера, который на самом деле не был главой цеха. Так называлось лицо, в доме которого в данный год хранилась икона покровителей кузнецов — св. бессеребренников Козьмы и Дамиана. То есть он был цехмейстером год — до передачи иконы в следующий дом. Очевидцы празднования передачи иконы пишут: «в недавнее время праздновали широко: собирали деньги, варили мед, его продавали и деньги в пользу братчиков. Накануне праздника приглашали священника и после краткого молебствия икону переносили в следующий дом»²⁴³.

Мы дали описание лишь некоторых форм сохранения и трансформации общественно-религиозных праздников, материал о которых получен в ходе полевых исследований. Основное внимание было уделено взаимодействию Церкви и светских структур в сохранении и возрождении коллективных традиций православных праздников. Можно добавить, что новым явлением в праздничном календаре России стало соединение церковного и государственного начала в установленном Дне народного единства, приуроченного к празднованию одной из наиболее почитаемой в народе икон, — Казанской Божьей Матери 4 ноября. Рассматривая порядок его проведения в разных городах (в сельской местности он еще совсем не звучит как праздник государственный), остается впечатление, что сценарий праздника еще не сложился. Соединение государственного и духовного начала в возрождении праздничной

---

²⁴²Богословский Н., свящ. Кое-что из народных обычаев // Черниговские губернские ведомости. 1886. 25 дек. №101.

²⁴³Он же. Народные обычаи. Черниговские губернские ведомости. 1886. 26 июня. №50.

культуры можно только приветствовать, но пока нет оснований говорить, что оно стало успешным с точки зрения возрождения массового, в общегосударственном масштабе, празднования дней церковного календаря, особо значимых для России.

Можно сказать, что теряется значение именно религиозного праздника. Впрочем, это относится к большинству вариантов возрождения общественно-религиозных праздников. При всей добросовестности и энтузиазме работники культуры не смогут наполнить эти праздники церковным, духовным содержанием. Следует сказать им спасибо, но при этом выразить удивление: почему организацией и, так сказать, введением в традицию новых праздников, имеющих религиозное основание, интегрированием их в народ, опять должны заниматься только работники культуры?

Традиции православной праздничной культуры, в том числе и появления целых комплексов коллективного празднования, складывались веками. И все многообразие народных обычаев центром притяжения имело приходской храм. Церковь не только окормляла мирян, но и давала христианский смысл народным торжествам. Можно сказать, что церковь влияла и на формы проведения праздников, изменяя их или же придавая новый смысл происходящему. Введение новых праздников в общегосударственном масштабе, не имеющих традиций коллективного празднования, возложение на работников культуры обязанности их организации, конечно, часто ставит последних в тупик. По словам одной из заведующих отделом культуры Смоленской обл. «Петра и Февронию проводили два раза. Обращаем внимание на семью: у кого, например, золотая свадьба, многодетные. Я думаю, праздник приживется и можно будет найти другой формат» (г. Ельня. 2008 г.).

Тульцева Л.А.

Ритуально-возрастная стратификация крестьянских сообществ в обрядности Средокрестного дня (по материалам полевых исследований 1986 — 1993 гг.)

Ключевая основа традиционного праздника — включенность в него всех поколений крестьянского социума. В этом одно из главных его отличий от современных фольклорно-этнографических праздничных мероприятий, на которых мало участников, но в большинстве своём — это только зрители. Между тем ещё лет 30—40 назад каждая возрастная группа сельских жителей знала свою «роль» и своё особое место в конкретной обрядово-праздничной ситуации. Такая трансформация функциональной основы праздника связана не только с изменившимся в 1930-е годы социально-экономическим базисом во всей жизнедеятельности населения Российской империи. Стали утрачиваться, забываться и стираться из памяти тончайшие механизмы **ритуальной последовательности** или **ритуального порядка** праздника, понимания семантики того или иного действия, в том числе понимания **сакральной значимости** каждой возрастной категории старых и молодых участников праздника.

Вопросы возрастной стратификации и ритуальных ролей отдельных возрастных групп сельского сообщества рассмотрим на примере ранневесенней обрядности Средокрестного дня аграрного календаря русских. Наш выбор объясняется следующим принципиальным обстоятельством: полевые материалы автора позволяют воссоздать сакральное пространство сельского празднования Средокрестного дня в границах ближней и дальней мироколиц²⁴⁴. Это значит, что актуализируется вопрос сельских территорий и сельских границ как факторов этнокультурной или шире — культурно-религиозной идентичности, что, в свою очередь, позво-

---

²⁴⁴О понятии *мироколица* подробно см. данный сборник: статья Л.А. Тульцевой «У Бога Света...».

ляет актуализировать вопрос **ритуально-возрастной стратификации**²⁴⁵ в весенней обрядности, а также восстановить образно-ассоциативный ряд многообразных символов ранневесеннего возрождения сил природы.

Прежде чем перейти к рассмотрению названных проблем, определим, во-первых, место Средокрестного дня в структуре аграрного календаря и, во-вторых, уточним понятие «аграрный календарь» по отношению к трудовой и ментальной жизнедеятельности крестьян. Начнем с последнего. Очевидно, что понятие «аграрный календарь» не охватывает всё совокупное богатство аграрного опыта землепашцев, так как этот опыт обогащен православным самосознанием. Благодаря этому народные знания о природе и космосе, флоре и фауне, ландшафте и метеорологии были знаниями о Божьем мире и мирочувствовании в этом Божьем мире. Крестьянин, занятый трудом на земле, не смотрел на себя как на царя природы (концепция индивидуализма европейского *антропоцентризма*, вырывающего человека из природы). Но он «растворял» свою жизнь в жизни растений, которые выращивал, животных, которых выхаживал, стихиях, среди которых жил, и складывал знания в копилку премудростей, чтобы оставаться **человеком** в мире природы и приумножать человеческий род (концепция антропокосмизма²⁴⁶). Принципиально и то, что с принятием православия аграрный ритуально-праздничный календарь получил фундаментальный стержень в рамках православного мировосприятия и православной культуры в широком её аспекте. С приходом православия межевые ритуально-праздничные циклы календаря, которые изначально, со времен неведомых нам космических мудрецов, были исчислены в соответствии с осевыми астрономическими точками движения Солнца и Луны, наполняются литургическим временем православно-церковного календаря и православными вероисповедными мировоззренческими принципами.

---

²⁴⁵ Автор впервые поставил вопрос об этом в ходе дискуссии по статье М.М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» (Сов. этнография (далее — СЭ). 1984. №5. С. 70–80); отклик Л.А. Тульцевой см.: СЭ. 1984. №6. С. 60—61.

²⁴⁶ В этом случае Я.В. Чеснов вводит понятия *антропоценоза* и *культуроценоза*. См.: Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 13—16.

О концепции антропокосмизма подробнее см. данный сборник, статья Л.А. Тульцевой «У Бога Света...».

В свете такого понимания вопроса не может быть и речи ни о «двойной вере», а тем более «тройной вере» русских крестьян²⁴⁷. В данном случае М.М. Громыко справедливо пишет о нравственной ответственности «этнолога-этнографа», «изучающего многообразные проявления религиозности и пытающегося проникнуть во внутреннюю жизнь народа»²⁴⁸. По этим причинам, исследуя проблемы аграрно-праздничного календаря, мы вводим понятия «аграрно-православный календарь», «аграрно-православный месяцеслов», «аграрно-праздничные святцы», так как именно православные святцы стали стержнем для всех крестьянских календарей (аграрных, скотоводческих, фенологических, личных календарей пастухов, ткачих, гончаров и др.). Речь идет не только о православном культе, но и этнокультурных традициях в сочетании с культом, т.е. той стратегической стороне духовной жизни народа, по которой носитель (реципиент) этнокультурной традиции самоидентифицирует себя с этнической территорией, этнической общностью, в целом с народом.

Ярчайшим примером этнокультурной традиции, экстраполированной на этническую территорию, являются средокрестные обычаи крестьянского населения Верхневолжско-Ветлужского региона. Этот вывод основан на исследовании обрядов и обрядового фольклора Средокрестного дня на европейской территории расселения русских. Исследование показало особую сакрально-функциональную значимость средокрестной обрядности в пределах огромного ареала междуречья Верхней Волги (ярославско-костромское пограничье) и бассейна Ветлуги, распространяясь на Грязовецкий р-н Вологодской обл.²⁴⁹ Территория совпадает с картой распространения *егорьевских окликаний* — пастушьих и мужских подростково-молодежных обходов деревень с исполнением ритуального текста на Егорьев день (23 апреля / 6 мая) и *вьюнишников* — коллективных величаний молодоженов на Красную горку.

---

²⁴⁷ Конт Ф. Язычество и христианство в России: «двойная вера» или «тройная вера»? // Тысячелетие введения христианства на Руси. 988—1988. Юнеско, 1989. С. 167—175.

²⁴⁸ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 537.

²⁴⁹ Подробнее см.: Тульцева Л.А. Средокрестный день русского аграрного календаря: мифосемантика обычаев и фольклорных образов // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. И.В. Власова. М., 2009. С. 410—459.

В структуре аграрно-православного календаря Средокрестный день — это среда на четвертой неделе Великого поста, в православии посвящаемая особенному поклонению *Животворящему Кресту*. Повсеместное название среды на Крестопоклонной неделе — Средокрестье. У этого хрононима множество диалектных вариантов, сохраняемых до нашего времени. Знаком Средокрестного дня на всей этнотерритории русских земледельцев был и остаётся печеный ржаной хлебец в форме *креста*. Повсюду эта выпечка воспроизводила (и воспроизводит) четырехконечный крест с равными сторонами (греческий крест) или косой крест (андреевский); редко (локально, единично) — в форме шестиконечного православного креста (*распятыё*). В земледельческих районах распространена выпечка в форме круглой лепешки (пышки) с прорезанным или выложенным из равных жгутиков теста прямым/косым крестом. Такая выпечка символически воспроизводит *крест внутри круга* (так называемый *колёсный крест*). Другой вариант *креста в круге*: у хлебного креста предварительно «расщеплялись» его концы и попарно соединялись или каждый расщепленный крест наодин раз закруглялся, благодаря чему, как записал Павел Флоренский, «крест получался в круге»²⁵⁰.

Косой или прямой крест внутри круга символизирует солнечный диск с четырьмя лучами, расходящимися на четыре стороны света. Кроме того, в этнокультурном ареале центральных и западных районов Костромской обл. и ярославско-костромского пограничья выпекалось печенье-кресты с загнутыми концами-«хвостами». Эта традиция нашла отражение и в записанных нами текстах окличек из Чухломского, Галичского и Солигаличского районов (№10, 16, 18, 23). При выпекании такой крест приобретал вполне очевидную солярную форму, в том числе и свастика абриса, символизируя также летящую птицу, особенно жаворонка, что типично для весеннего календаря данного периода. Все эти формы выпечки, являясь знаком праздника и «перелома»/середины Великого поста, одновременно были знаком особой хронологии Средокрестья в пасхалиях данного года. Являясь «крестовым» днем аграрного календаря и православных святцев, Средокрестный день со-

---

²⁵⁰ Флоренский П., *свящ.* Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. 17-й. М., 1977. С. 231.

впадает со сроком особого астрономического положения Луны и Солнца на небесах, которое соответствует расчетам православных пасхалий в датах встречи Воскресения Христова²⁵¹.

Другие виды обрядовых хлебцев Средокрестного дня символизировали весну и яровую пашню. Например, в западнорусских губерниях типичным было печенье в виде земледельческих орудий — сохи, бороны с зубьями, косы, серпа. В ареале рязано-тамбовского пограничья, в селениях междуречья Оки, Пары, Мокши, бытовала средокрестная выпечка, имитировавшая кладку снопов нового урожая на ниве. Выпечка называлась так же, как эта кладка — *хрестцы*, или *крестцы*. Хлебце-хрестец, или крестец, имел в основании круглую лепешку, на которую укладывалось 13 «снопиков» (перекладин из теста). Такая лепешка с хлебными «снопиками» — это метафорическое проектирование плодородной земли-нивы, уродившей хлеб в виде уложенных на «земле-ниве» хлебных снопов. (Сравним чухломскую загадку о снопе: «Тысяча братьев связаны, на мать поставлены».) На древность аграрных традиций в выпечке хрестцов/крестцов указывает старинный обычай с. Новое Еголдаево Ряжского р-на Рязанской обл. Здесь средокрестные *хрестцы* хранились до *медового Спаса* (1/14 августа) и освящения зерна для сева озимых. На медовый Спас, разговляясь мёдом, его пробовали вместе с *хрестцами*. Уникальность информации в том, что средокрестное печенье сберегалось не только для засева яровых и озимых, но и *медовых первинкок*.

Вся обрядовая выпечка Крестопоклонной недели и Средокрестного дня была в компетенции старших женщин — «хозяйшек», «бабушек-сударушек», «матушек-стряпушек» (см. *Приложение*: №10, 11, 16, 18, 23, 28, 30, 31).

Типичная традиция Средокрестного дня в XXв. — изготовление хлебцев-крестиков на всю крестьянскую семью. Еще в 1970-е годы, во времена колхозной деревни, один крестик часто выпекался «на нищего» или «кому хочешь» — в качестве поминального подаяния (см. №23). Поскольку средокрестным крестам приписывалось продуцирующее влияние на предстоящий урожай, то даже в советское время, несмотря на то что поля были обобществлены, один или несколько таких печеных

---

²⁵¹Подробнее см.: *Тульцева Л.А.* Указ. соч. С. 419—420, 424—425, 436, 439, 446.

крестов крестьяне продолжали хранить в сусеке, в зерне. Обычай поддерживался десятилетия спустя после коллективизации и в послевоенной колхозной деревне (см. №24).

Этнографические материалы свидетельствуют об исключительном значении средокрестного хлебного креста в аграрной практике землепашцев. Его глубинная суть — знак возрождения весенней картины мира. Но такое печенье в равной мере характеризует и крестьянскую ментальность, воплотившую в хлебных крестах и *крестцах* свои чаяния о земном и представлении о небесном. В них переплелись космос *ближней мироколицы* — с хлопотами о весенней пашне и *сакральный космос* — с крестными ходами по общинным землям, молениями на полях, чаяниями о земле, дожде, солнце, с праздничной вехой — Средокрестным днём. Примечательно, что в этот день приднестровские крестьянки изготавливали *писанки на пчелу* с космическим символом-узором *бесконечная*²⁵², а в некоторых местах белорусского Полесья выпекался хлебец в форме *месяца*²⁵³.

Сакральными знаками возрождающейся картины мира стали обычаи «слушать», как «ломается» Великий пост, а в Верхневолжско-Ветлужском регионе еще и отмечать середину говенья традицией *кресты кричать*. Героями обычая «слушать», как «ломается» пост, были чаще всего *дети*. Это закономерно, поскольку дети в качестве нового поколения всегда ассоциируются с новым, «юным»/«молодым» временем. Со старостью, *старым стариком* или *старухой* ассоциировалась середина Великого поста (№16, 27, 28, 30). Пасха — это возрождение, новое, «молодое» время — время молодости и нарядного девичества (№27). Символом «нового» времени и так нужных для полей первых весенних дождей была также традиция обливать детей, которые «слушали», как «ломается» пост. Детей обливали водой и во время обходов деревни, когда *кресты кричали* (№11, 16, 27, 28—31)²⁵⁴.

---

²⁵²Иваницкая З.Н. Писанка. М., 2001. С. 16.

²⁵³Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 256.

²⁵⁴О календарно-аграрном значении и целительной силе средокрестной воды подробнее см.: Тульцева Л.А. Указ. соч. С. 429—436. Фольклорные тексты Средокрестного дня с мотивом обливаний также см.: Родионова А.А. Календарный обрядовый фольклор // Пыщуганье. Традиционный фольклор Пыщугского района Костромской области. Пыщуг, 2001. С. 46—47.

Обычай *кресты кричать* назывался также *вопить кресты*, *окликать говенью*, *говенью вопить* (№2, 28). Середина Великого поста была первым весенним сроком календарно-ритуального обхода деревень ватагами селян с соблюдением принципа поло-возрастной стратификации. С 1920-х годов в числе постоянных исполнителей традиции «*ходить за крестами*» — дети и подростки. Дети вообще играли исключительно важную роль во всей ранневесенней и в целом весенней обрядности. В 1930—1950-е годы дети, покричав кресты и получив награду, выбирали для себя те, которые были вкусными и красиво выпеченными, а «неувалястые», из плохой муки отдавали скоту, так как, согласно аграрно-праздничной традиции, на Средокрестье, как и на Крещение, в пойло домашней скотине полагалось раскрошить печеный крест (№3, 9, 50). Для тех голодных лет подающая праздничными *крестами* воспринималась как *гостинице православный*. Поэтому дети «каждый крест знали, в каком доме подали» (№7, 9, 11, 22, 34).

Со второй половины XX в., когда демографические показатели русской деревни начали быстро «стареть», соответственно, когорты сельской молодежи год от года всё более оскудевали²⁵⁵, дети остаются в числе основных исполнителей обрядности, связанной с обходом дворов и сбором обрядовой еды. Об участии молодежных групп в средокрестных окликаниях можно судить по рассказам старожиллов и фольклорным текстам (№17, 18).

О традиционном участии молодежи в средокрестных обходах и ассоциациях с новым временем говорят такие образы средокрестных текстов, как *комар*, *воробей*, *соловей*. Образу комара (№2, 37) в крестьянских агрономических приметах отводилась особая роль. Наблюдали, много ли их «толчётся» в весеннем воздухе, и судили об урожайности лета: *Много комаров, готовь коробов* (плетенок, по ягоду); *Комара нет, овса и трав не будет*; *Много комаров, быть хорошему овсу*; *Когда появятся комары, пора сеять рожь*²⁵⁶. В соответствии с этими представлениями

---

²⁵⁵Подробнее см.: Тульцева Л.А. Русский праздник и демография в XX—XXI вв. // Этнограф. обозрение. 2011. №4.

²⁵⁶*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1979. С. 146. Типологически схожие представления были известны коми, но они касались боровой птицы (подробнее см.: Уляшев О.И. Ильин день в селе Вольдино: традиции в потоке времени. Рукопись статьи). В народном календаре 13 мая по ст. ст. Лукерьи-комарницы (день святой Гликерии-девы) — время появления комаров, одновременно и земледельческих забот.

комар в средокрестном фольклоре обещает крестьянскому двору прибыль: ни много, ни мало он в свой дом «сто рублей тащит!» (см. №37). Ритм фольклорных текстов с «комаром», как и воробьем и соловьем, напоминает о русской плясовой «Камаринская» — живое свидетельство того, что, обходя дома, исполнители ритуала могли сплясать перед хозяевами, посвящая пляску празднику²⁵⁷.

Образы воробья (№16) и соловья (№38) в народной поэтике имеют яркую любовно-брачную символику. В фольклоре у каждого из них своя запоминающаяся сюжетная линия, широко известная на всей территории исторического расселения русских. Об образе воробья мне уже приходилось писать²⁵⁸. Что касается соловья, то средокрестный текст №38 — свидетельство его самого раннего весеннего упоминания в русском календарном фольклоре. И это не случайно. Образ соловья — наряду со многими другими — «открывает» весну и весенние праздники. В календарном фольклоре Волжско-Ветлужского междуречья образ соловья, символизируя удачливого жениха и молодожёна, — любимый персонаж вьюнишных окликаний, исполнявшихся для молодых супругов на Красную горку²⁵⁹. В с. Толтуново Галичского р-на в числе егорьевских была песня, распространенная в разных вариантах в сельской Европейской России. В с. Толтуново она имела зачин: «Выходили милы девушки / Что весной гулять на улице, / Выносили раскрасавицы / Да соловья-то на белых руках. / Соловейшка насвистывает, / Добрый молодец наигрывает...»²⁶⁰ Эта весенняя песня в Солигаличском р-не исполнялась «в кругу» (хоровод) для подружек в «последнее»

---

²⁵⁷ О широком бытовании песенного плясового напева «Камаринская» см.: Кирюшина Т.В. Музыкальный фольклор Поветлужья // Пышуганье. С. 186—188, 222.

²⁵⁸ Тульцева Л.А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 163—179. Обратим внимание на универсальность символики образа воробья в разных этнокультурных традициях. О схожести с русскими представлений о воробье у узбеков мне говорила этнограф Б.Х. Кармышева, у корейцев и японцев — этнограф Р.Ш. Джарылгасинова. Напомним и об образе колесницы, запряженной воробьями, у античной поэтессы Сапфо.

²⁵⁹ Подробное см.: Тульцева Л.А. Вьюнишники // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 122—137.

²⁶⁰ Архив Института этнологии и антропологии РАН (далее — АИЭА). Полевые материалы Л.А. Тульцевой. Костромская обл. Д. 8846. 1989 г. Тетр. № 3. Л. 23—24.

(по народному календарю) весеннее воскресенье — *луговое заговенье* (Всесвятское заговенье). В этом районе, согласно фольклорному варианту, исполнявшемуся девушками д. Калинино, «*красны девушки*» выносили одного «*соловешку на рученьках*»; по варианту д. Першино: «*красны девицы*» выносили «*во белых руках по соловью...*»²⁶¹ В этой этнографической зоне (Солигаличский р-н) песня величала молодиц, она «закрывала» сезон весенних браков и время весны по солнечному календарю²⁶². Изложенные материалы позволяют обоснованно включить образ *соловья* в круг весенних календарных образов²⁶³.

В целом обрядовый фольклор Средокрестного дня с его символизмом нового весеннего времени, в том числе и благодаря таким разным образам, как *комар*, *воробей*, *соловей*, наполнен жизнерадостным мироощущением, объединявшим разновозрастные категории людей, которые отмечали праздник на своей родовой/общинной территории.

К 1970-м годам в русских областях с преобладающим сельским населением (Тверская, Ивановская, Псковская и др.) наметились явные процессы депопуляции. Причина сокращения численности русского населения, когда смертность заметно превосходила число рождений, — «эхо» войны 1941—1945 гг., из-за которой было мало рождений детей, а многие из тех, кто тогда родился, погибли от голода и войны. Государственные структуры не сразу откликнулись на эту чрезвычайно серьезную демографическую ситуацию. Между тем из-за депопуляционных процессов нарастали перекосы в половозрастной структуре населения. Деревня «старела». Это вело к разрушению традиционных внутриэтнических связей, среди которых

---

²⁶¹ Там же. Д. 8847. 1989 г. Тетр. №2. Л. 5 об. —6.

²⁶² На юге Нижегородского края, в селениях бассейна р. Алатырь, среди обычаев, завершавших весну, — «*похороны воробья*» и «*проводы соловушки*». Подробнее см.: *Корелова К.Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009. С. 338—343.

²⁶³ Подробнее см.: *Тульцева Л.А.* Образ соловья в русских календарных традициях // X Санкт-Петербургские этнографические чтения «Праздники и обряды как феномены этнической культуры». Тез. докл. СПб., 2011.

Отметим и образ *соловья* в аграрных приметах: «Соловьи первым своим пением служат лучшей приметою, что удобное для пахоты время наступило; но если они начнут петь, когда лес еще не оделся, то не быть урожаю» (*Баранович М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860. С. 393).

празднованию всем миром сельских праздников придавалось столь же большое значение, что и общинному правилу единовременно начинать пахоту, сев, сенокос, жатву. Наряду с процессами депопуляции разрушались и такие способы организации сельского бытия, которые требовали умелых рук и образного мышления, — льноводство и выделка конопли с домашним ткачеством, гончарство, пчеловодство, художественная деревообработка, вышивание и кружевоплетение и многое другое, что в течение веков умели делать своими руками русские крестьяне и крестьянки. В свете обозначенных проблем весьма ценно наблюдение Я.В. Чеснова по костромской этнографии: «Разрушение льноводческого производства повлекло за собой деградацию мировоззрения, лежащего в основе традиционных духовных ценностей»²⁶⁴. На этом фоне с начала 1980-х годов средокрестные традиции стали возрождаться женщинами, которые еще подростками сами принимали участие в календарных обходах.

Тексты средокрестных окликаний бассейна Волжско-Костромского Поветлужья говорят о том, что в некие более отдаленные времена, ритуал предназначался не только для исполнения в деревне. Какая-то самая сокровенная часть исполнялась в иных местах. На это предположение указывает один из основных мотивов, с которых начинаются средокрестные окликивания, — это *шествие* или даже бег по дорогам персонифицированных «крестов», которых именуют как «*кресты-богомолы*», «*кресты-пророки*», «*кресты-вересты*» (№1, 2, 4, 9—14, 16, 17, 23, 31, 33—38). Согласно сюжету многих текстов, персонифицированные «*кресты-богомолы*» торопятся к самому важному и сакрально значимому для крестьянской общины месту, какой была *часовня* (№1, 4, 9, 10, 16, 34, 37, 38). Отметим, что вплоть до 1980-х годов в ареале бытования средокрестной традиции *кресты кричать* сохранялось много *часовен* конца XIX — начала XXв. Значительная их часть построена по *обету* крестьянскими мужчинами, на долгое время уехавшими на заработки из родной деревни.

Обетные часовни часто строились на перекрестках. Здесь же, а также на других рубежах, возводились *обетные кресты*

---

²⁶⁴Чеснов Я.В. Культуроценоз северного района: на примере Парфеньевского района Костромской области // Человеческий потенциал Парфеньевского района Костромской области. М., 2003. С. 187.

и *го́лбцы*. Сюжет средокрестных текстов позволяет предположить, что ритуальные персонажи, названные «крестами-богомолами», и др., должны совершить **первый после зимы сакрально значимый обход земельных владений общины**, охраняемых межевыми знаками, крестами, голбцами, часовнями, и принести к этим памятным местам поминальное угощение. Предположение тем более вероятно, что в православии суббота первых четырех недель Великого поста являются днями особого поминовения. На особенную ритуальную функцию лиц, исполнявших средокрестные обходы, указывают тексты с мотивом приготовления *поминальных овсяных блинов* (№9, 10, 17, 33). Хлебцы-кресты также были поминальной обрядовой едой. Можно предположить, что в более отдаленные времена группа ритуальных персонажей («кресты-богомолы»), обходя земельные владения общины и совершая *сакрально-очистительный ритуал люстрации*, выполняла также календарные функции, рассчитывая лунное и солнечное время, что было важно и для исчисления пасхалий, и для жизнедеятельности крестьянского мира, ожидавшего прихода весны и начала весенних сельских работ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Экспедиционные материалы Л.А. Тульцевой в записях 1986—1993гг. по теме «Обряды и обрядовый фольклор Средокрестного дня русского аграрного календаря»

Материалы по указанной теме собирались в рамках широко представленного в современной этнографии направления по изучению аграрного календаря русских крестьян. Сбор материалов был начат в 1986г. в Костромской обл. в селениях бассейна р. Костромы. В те годы начинались подготовительные работы к грандиозному проекту по повороту северных рек в Волгу. В итоге под водой оказались бы многие и многие северные деревни и малые города. В рамках этого проекта Институту этнографии АН СССР были выделены финансовые средства на проведение этнографических работ в зоне предполагаемого затопления. Один из отрядов под руководством к.и.н. О.Р. Будины летом 1986г. выехал в Костромскую обл. Здесь затоплению подлежали 64 селения Солигаличского р-на, 62 селения Буйского р-на и 8 селений Костромского р-на, расположенных

в трехкилометровой зоне от р. Костромы. Парадокс заключается в том, что, хотя были начаты некоторые подготовительные работы, уже 14 августа 1986 г. было принято правительственное постановление о прекращении всех работ по проекту поворота северных рек.

До того, как было принято это постановление, в июльский полевой сезон 1986 г. наш отряд начал работу в Буйском и Костромском районах. Каждый участник экспедиции работал по своим темам. Меня давно волновал вопрос половозрастной стратификации крестьянского социума в связи с традициями аграрного календаря. Уже первые записи, сделанные в д. Лоходомово Буйского р-на, показали, какие богатые возможности дает костромская этнография и фольклор по данному вопросу. В первую очередь привлекли внимание весенние календарно-приуроченные обходы дворов разновозрастными ватагами селян с исполнением ритмизированных инвокаций-окликаний. Поэтому в 1987-м и в последующие годы в ходе индивидуальных экспедиционных выездов была продолжена работа в зоне р. Костромы на ярославско-костромском пограничье и в других районах Ярославской и Костромской областей, а также в Кимрском р-не Тверской обл. К сожалению, в те годы техническое оснащение многих этнографов состояло лишь из тетради и ручки. Записи велись «на слух», торопясь, лишь бы успеть за речью рассказчика, часто пропуская материал, который в тот момент казался менее значимым. Это не могло не сказаться на качестве записей. Еще одно обстоятельство: после окончания аспирантуры и защиты диссертации в 1970 г. и до 1993 г. у меня не было возможности работать в соответствии со своей профессиональной специализацией, т.е. как этнографу. Мои экспедиционные выезды осуществлялись вне плановой работы и имели рекогносцировочный характер. Но даже собранные тогда материалы позволяют достаточно многосторонне воссоздать календарно-праздничную мироколицу русских крестьян ярославско-костромского ареала.

Костромская область

1. В д. Лоходомово мы добирались на автобусе отдела культуры Буйского р-на. Дорогу преодолевали с величайшим трудом. Автобус изрядно покорёжил бока, пробираясь сквозь лесную глушь. Когда, наконец, мы добрались в Лоходомово, жи-

тели крайних домов деревни вышли навстречу, так как обычно летом сюда добирались только на леспромхозовском тракторе. Среди вышедших к автобусу была и Валентина Васильевна Бекенёва — хозяйка аккуратной избы. Узнав о цели приезда, она пригласила к себе наш отряд из семи человек на все дни нашей работы. Крыша над головой, обед из деревенских харчей и даже баня — такого радушия мы не ожидали! Плюс к этому сама хозяйка охотно рассказывала и показывала старые вещи из сундука, дарила нам их. Все они, по решению начальника отряда, были переданы в Буйский краеведческий музей, в том числе и уникальное свадебное полотенце с кружевным архаическим сюжетом, которое было подарено лично мне. Я долго ломала голову над, казалось бы, бессмысленно заполненным пространством конца полотенца, пока в какой-то момент он не открыл свой сюжет. Покидая Лоходомово, мы пытались расплатиться с нашей хозяйкой. Не тут-то было! Валентина Васильевна наотрез отказалась от денег. В её глазах *мы были странниками, которых ей послал сам Бог*. По этому поводу она даже говорила, что *«люди ей позавидовали»*. Дело было также в том, что дни нашей работы в Лоходомово совпали с поминками (девять дней) по бывшей свекрови нашей хозяйки. На поминках она не могла быть, так как с мужем давно была в разводе и двоих дочерей от того брака поставила на ноги без чьей-либо помощи. Гостеприимство и щедрое харчевание, оказанные нам, — это была своего рода *тихая* или *тайная поминальная милостыня* по бывшей свекрови. Позже, когда в круг моих интересов пришла необычная для науки тема *тайной милостыни в структуре поминального культа и взаимопомощи*, я смогла оценить нравственную глубину щедрого приёма Валентиной Васильевой неизвестных ей людей. В соответствии с традиционным миропониманием, присущим ещё совсем недавно не только русским, но и другим народам России, наша хозяйка восприняла наш отряд этнографов как странников, оказать гостеприимство которым считалось делом особой чести. Принять странников — это своего рода милостыня Господу Богу не только на помин усопшей души, но и выполнение некоего сокровенного долга. Свидетелями нравственного примера матери стали обе её дочери, гостившие в те дни в родной деревне. Моя благодарная память о запомнившейся мне встрече с замечательной женщиной вылилась в эти строки.

От В.В. Бекенёвой (1935 г.р.) записано окликание, о котором в местной традиции говорили: «кресты кричали»:

Кресты-пророки / Побежали по дороге,
Половины Говины переломится,
(Говины, т.е. пост. — Л.Т.)
А вторая за овин схоронится,
А третья треснет — / Подай наш крестик!
Огород трещит,
Сто рублей тащит!*

* В публикуемом тексте отсутствует (забыта) строка с образом комара, характерного для средокрестного фольклора этнографической зоны Буйского р-на.

2. «„Кресты“ пекли ещё в 1958 году. На жерди на огороде качались и пели (? — Л.Т.). Пели и качались»:

Кресты-пророки / Шли по дороге
[вар.: Бежали по дороге].
Шли-шли-шли, / До часовенки дошли.
А в часовенке комар / Все кресты переломал*.
Половина Говенья / Переломилась,
Вторая под-гору / Покатилась!

*Все кресты переломал — речь идёт о выпечке-печенье в форме крестов.

(Архив Ин-та этнологии и антропологии РАН, далее — АИЭА. Д. 8846. 1986 г. Тетр. 2. Записано от работников краеведческого музея г. Буй Н.Г. Соболевой и Л.Ф. Румянцевой, урожденных с. Контеево Буйского р-на)

3. «На половину Говина крестов напекут, кресты скотине давали».

«Кресты кричат»:
Половина Говины треснет,
Дайте всем по кресту!
Кто не даст креста,
Тому в лоб песта!

Ходили группами по возрасту. Кресты кричали дети, взрослым было совестно.

(Там же. 1986 г. с. Дьяконово Буйского р-на; запись от Симеона Ал. Смирнова)

4. Для крестов шили маленькие мешочки. Форма печеных крестов «крест на́ крест».

Кресты-вересты
По дороге шли,
В часовню зашли.
Часовня поди-мал,*
Все кресты переломал!

* Далее какие-то строки забыты.

(Там же; с. Дьяконово Буйского р-на; запись 1986г. от А.В. Белозерской, 1915г.р.)

5. «Ребятишки собирают кресты. В 1970-е годы еще ходили, собирали, а сейчас не ходят»:

Половина Говина треснула —
Дайте всем по кресту!
Кто не даст креста,
Тот не верует в Христа!

(Там же; с. Дьяконово Буйского р-на; запись 1986г. от З.П. Румянцевой, 1927г.р.)

6. Половина Говина переломилась
А другая под гору покатила!
Кто не даст креста,
Тому в лоб песта!

(Там же; с. Дьяконово Буйского р-на; запись 1986г. от Марфы Мих. Бахаревой, 1908г.р.)

7. На Средокрестье:
Покатилась Коляда
К дяде Коле в ворота —
У него сто коров,
Полтора ста быков.
Они на речку идут —
Все помыкивают,
Они с речки идут —
Все покрикивают!
Кто не даст креста,
Тому в лоб песта!

«За дверями поют. Потом двери открывают и всей гурьбой вваливались в дом, и кресты им давали». Кресты собирали до 1970г. Форма крестов — «крест на крест». Шили специально маленькие мешочки в руки (но не через плечо): «И каждый приносит домой, вытряхивает на стол и выбирает, какие лучше».

По сообщению рассказчицы, в с. Дьяконово и окрестных селениях не было выражения «кресты кричать».

(Там же; д. Юре́цкие Буйского р-на; запись 1986 г. от М.М. Курочкиной, 1928 г.р.)

8. В Средокрестье пекли кресты. Исполняли:

Половина Говины переломится,

Хрен да капуста переводится!

«Мы со своими крестами на огороде качались на жерди. Какую найдем жердину, качаемся, песни поём и кресты едим. А в другой деревне, в Воскресенском приходе, то дети собирали кресты, а в Контеевском приходе не собирали».

(Там же; д. Ива́нищи (Контеевского прихода) Буйского р-на; запись от Л.Ф. Ивановой, 1920 г.р.)

9. «Раньше голодно было и крестам были рады. [Кресты получались] у кого складные-ладные, а у кого неувалистые».

В 1950-е годы дети уже смотрели: у кого кресты были вкусные и красиво испеченные, те и выбирали для себя, а «неувалистые», из плохой муки — отдавали скоту.

Фольклорный текст Матвеевского прихода, где прошло детство рассказчицы:

Кресты-пророки

Побежали по дороге,

Овёс толкчи, блины пекчи.

На дороге-то часовня стоит,

Попы поют, кресты подают!

«Мы стоим в ожидании, нас оделяют крестами».

(Там же. №8846. Тетр.3; с. Толтуново Галичского р-на; запись 1988 г. от учительницы Г.А. Поспеловой, 1941 г.р.)

10. Великий пост называли «Крестовым», потому что неделя — Средокрестная. Пекли кресты. Когда собирали кресты:

Кресты-пророки

Одна переломилась!

Побежали по дороге,

Редьки хвост

Овес толкчи, блины пекчи.

На Великий пост!

Подбежали к часовне —

Тётка Дарья,

Тресни часовня!

Подавай кресты!

Подай наш крест!

Дядька Саша,

Половина Говина

Загибай хвосты!*

Под гору покати́лась,

* *Загибай хвосты!* — речь идёт об обрядовом печенье в форме равноконечного креста, стороны которого хозяйка при выпечке могла «загнуть». Крест приобретал форму солнечной свастики. См. также №18, 23.

(Там же; с. Толтуново Галичского р-на; запись 1988г. от М.А. Горячёвой, 1923—1988)

11. До 1950-х годов бегали за крестами. 1947г. был очень голодный.

Кресты-пророки
Побежали по дороге!
Сломили дубинку
На хозяеву спинку.
Хозяин с хозяйшкой,
Пеките кресты!
Оделяйте по кресту,
Обливайте по ковшу!

Обязательно детей обливали водой. Дети, конечно, разбежались: „Да много ли попадёт, отскакиваешь, убегаешь“. И шли дальше по домам.

(Там же; с. Берёзовец Галичского р-на; запись 1988г. от А.С. Виноградова, 1938г.р.)

12. «Кресты пекли и сейчас пекут, и ребятишки ещё бегут»:

Кресты-пророки
Побежали по дороге.
Как мороз треснет,
Подайте крестик!

Жаворонки на Алексея Божьего человека пекут, но ребятишки не бегают.

(Там же; с. Берёзовец Галичского р-на; запись 1988г. от Павлы Ивановны Добрецовоной, 1906г.р.)

13. Маленькими девочками ходили, кресты собирали, кричали:

Кресты-пророки
Бежали по дороге —
Дорога обломилась,
Хрен да уродилась!
По Великому посту
Подавайте по кресту!
Кому белый крест —

Тот скорее съест;
Кому черный крест —
Тот подольше поест!

(Там же; д. Буносово Галичского р-на; запись 1988г. от А.Г. Ворониной, 1919г.р.)

14. Кресты-пророки бежали по дороге,
Встретился пономарь —
Все кресты
Под окошко покидал!

(Там же; д. Бартеневщина Галичского р-на; записано от участников фольклорного ансамбля «Сударушка»; 1988г.)

15. «В середине Говины» исполняли:
Чивили-чивили!
Жаворонки летят,
На окошках сидят,
Хвостами шевелят-пошевеливают!
Кыша-кыша, жаворонки,
На чужую-то сторонку!
Там крест-перекрест
Да во истину Христос воскрес!
Хозяюшка, [подавай крест]!

(с. Лубчуг Вохомского р-на; записано от одной из участниц фольклорного ансамбля «Сударушка» Галичского р-на, урожденной с. Лубчуг Вохомского р-на; 1988г.)

16. Кресты-пророки побежали по дороге,
На дороге-то часовня,
А в часовне воробей!
Воробей пищит — сто рублей тащит!
Половина-то Говина переломится,
Хрен да редька переводится.
Уж вы, бабушки-сударушки,
Дорогие поварушки, —
Загибайте хвосты,
Подавайте кресты!
Кто не даст креста —
У того избушка треснется!
Тресни-вересни,
На нас водой плёсни!

(Из репертуара хора ветеранов совхоза «Пронинский»;

Галичский р-н; запись 1989г. Последнюю строку для исполнения переделали «На нас водкой плесни».)

17. «Пекли кресты, а дети и молодежь под окошками собирали «кресты»:

Кресты-пророки
Бежали по дороге
Овёс толкли,
Блины пекли —
Половина Говины
Переломится,
Хрен да редька
Переводится!
На полатях шест,
Подавайте крест!

(с. Готовцево Галичского р-на, запись 1989г. от Е.Н. Сваиной, 1935г.р.)

18. На Средокрестье:

Матушки-стряпушки,
Пеките кресты,
Загибайте хвосты!*

Нам, молодцам,
Подokoшечникам** —
По зелёному дубцу,
По печёному кресту!

*«Загибали хвосты» у фигурного печенья «жаворонков» и «крестов» (комментарий исполнителей).

**«Подokoшечники» — «девок вызывали под окошками, а их прогонят дубовой палкой» (комментарий исполнителей).

(д. Боловино Чухломского р-на; запись 1989г. от З.Н. Исаковской, 1914г.р., К.И. Соболевой, 1919г.р., А.В. Яковлевой, 1939г.р.)

19. [После Масленицы] начинался пост — «редьки хвост». По воспоминаниям, когда постничали, то подростки украдкой что-нибудь скоромное таскали: «А мы вóровски». Во время поста из еды «много всего было»: готовили горох, «голланку» (так здесь называют брюкву. — Л.Т.), «луковник» — лук с квасом и горстью брусники.

Кресты пекли с запеченными монетами и настоящими крестиками: «Мама делает, а мы примечали, в котором — крест».

(с. Введенское Чухломского р-на, запись 1989г. от Т.Д. Гусевой, 1913г.р.)

20. На Средокрестье дети бегали:

Половина Говины перетреснула,

Дайте нам по крестику!

(д. Бариново Чухломского р-на; запись 1989г. от Р.М. Крюковой, 1930г.р.)

21. Кресты — Средокрёстный день. Из пшеничного теста крестики, запекали денежку. «Жаворонки пекли, когда ещё моя мама была, а мы уже не пекли».

Постом все пряли, ткали. Дрова рубили в лесу, заготавливали; пилим, колем — весной.

(с. Григорьевское Чухломского р-на; записано от В.В. Ловкачевой, 1915г.р. и Н.Г. Быстровой, 1915г.р.)

22. «Великим постом ходили за крестам: Я сама ходила. Выбирали, какое вкусное, а какое — в пойло. На мосту у дверей [исполняли]: „Кресты-пророки / Побежали по дороге“»

(Там же. №8847. Тетр.2; д. Калинино Солигаличского р-на; запись 1989г. от М.С. Сулоевой, 1914г.р.)

23. «Кресты и сейчас печём. Кому хочешь дать и дашь — они помянут родителей; или скотине отдашь, и сама съешь».

«Как избу отворишь, то в кути дети останавливались»:

Кресты-пророки

Хозяин с хозяйкой,

Бежали по дороге,

Пекли ли кресты?

Увидали Христа,

Загибали ли хвосты?

Загибали три хвоста.

Подайте наши крестики!

(вар.: Заиграли три листа)

На вопрос: «Что значит „Загибали хвосты?“ — был ответ: „Когда коров погонят на прорубь пить, они побегут и хвосты загнут“» .

(Там же; д. Бессоново Солигаличского р-на; запись 1989г. от А.Ф. Антоновой, 1909г.р.)

24. Средокрестье: из теста «сделают кресты», в один закладывали деревянный крестик — кому попадет, тот умрёт. Окликания не было. «А вот кресты пекли маленькие и клали в сусеки, в житницу, в жито. А для чего? — не знаю. Родители так делали».

(Там же; д. Германов Починок Солигаличского р-на; запись 1989г. от Апполинаруи Александровны Дедюхиной, 1911г.р. Уже тогда в д. Германов Починок оставался один двор)

25. «Жизнь была голодноватая, так и никаких праздников не отмечали».

(д. Германов Починок Солигаличского р-на; запись 1989г. от М.Н. Сирогодской, 1910г.р.)

26. «Кресты» пекли: копейка — к счастью, уголь — к печали, лучина — к покойнику. Дети бегали с утра, кричали под окошком:

Половина Говины
Переломилась,
Другая половина
Под горушку укатилась,
Третья треснула —
Подавайте наши крестики!

(Там же; с. Николо-Ширь Парфеньевского р-на; запись 1989г. от М.В. Шараповой, 1914г.р.)

27. Пекли «крестики». Исполняли:

Крест-воскрес!
Подавай нам крест!
Великое говенье переломится,
Другая половина останется,
До Христова дни протянется!
Красные сапожки с нёба упадут!
Старые старушки по кресту дадут!
Молодые молодёжки водёнкой оболють!

«Водой прыснут, а мы и рады. Пекли кресты, а один больше всех. На него клали крест, который стоял у икон, и выносили скотине».

(д. Вторино Макарьевского р-на; запись 1989г. от Н.С. Куликовой, 1914г.р.)

На родине художника Ефима Васильевича Честнякова:

28. В д. Илешево Кологривского р-на «Говенье вопили»:

Говенье, Говенье!
Трещит да лопают,
Под гору катится,

Дубинкой подпирается,
Полотенцем закрывается!
Бабушка-старушка,
Выгляни в окошко —
Полененка раскатилась,
Под горушку укатилась!
Середокрестье, крестье,
На головку плесни!
Подайте крестик!
Кто даст креста,
Тот и верует в Христа!
Кто не даст креста,
Тот не верует в Христа!

Комментарии к тексту «Говенье вопить» исполнительницы А. Тимофеевой:

«Дубинкой подпирается» — «пост уже старенький стал»;

«Полотенцем закрывается» — «На снег выкладывали холсты и отбеливалось бело. Снег держал, не проваливался. Солнце отбеливало»;

«Полененка раскатилась» — «снег подтаял»;

«На головку плесни» — «близко к дождю».

В д. Илешево престольный праздник Ильин день: «молебствовали, иконы по домам, ходили в гости». Это воспомина-ние рассказчица завершила присловьем: «Где деревня — тут и вера, где приход — тут и поп».

Когда завершалась жатва: «Выжнут всё, оставляли Илье бороду с молитвой», которая повторялась трижды:

Господи, Иисусе Христе,
Сыне Божий,
Помилуй нас!
Илье-пророку — борода,
Пресвятой Богородице — коса,
А нам жнеям — доброе здоровье!!!

«Бороду» завивали «против солнышка».

По всему Илешевскому приходу *Никола зимний* и *Никола весенний* — престольные праздники. На *Николау весеннего* невесты и женихи ходили молиться в церковь (Записано от Александры Трофимовой, 1910г.р. Родилась и жила в знаменитой д. Шаблово Кологривского р-на — здесь большую часть своей жизни безвыездно жил и творил художник Ефим Васильевич

Честняков (1874—1961). Шаблово, как и десятки тысяч других деревень, попало в число «неперспективных» селений и стало вымирать, поэтому рассказчица переехала сначала в соседнее Жуково, а с 1984 г. обосновалась в д. Илешево. Записи 1987 г.).

29. Дети «постукали» в дом к Е.В. Честнякову и исполнили:

Трещит и лопает,	Полотенцем закрывается.
Говинье ломица,	Давайте крест!
Под горушку катится,	Кто не даст креста,
К молочку подвигается,	Тот не любит Христа!

«И вдруг нас оглеснул водой и дал нам крест».

(Записано в 1987 г. от Ульяны Степановой, 1906 г.р., родом из д. Бурдово Кологривского р-на. В момент записи проживала в г. Кологриве).

30. Е.В. Честняков «любил по праздникам ходить с детьми по деревне с весельем. С длинными палками». Средокрестный текст д. Шаблово:

Говинье, говинье!	Кто даст креста —
Трещит да лопает,	Тот любит Христа,
По ж... хлопает!	Кто не даст креста —
Старушка, старушка,	Тот не любит Христа!
Выгляни в окошко —	
Поленница раскатилась,	
Полотенцем закрылась!	

У Е.В. Честнякова по случаю средокрестного обхода были припасены «большие белые кресты, и он их давал детям».

«Некоторые старушки через решето поливали, чтобы был, как дождичек».

(Записано в 1987 г. от Анны Андреевны Семеновой, 1905 г.р. и Серафимы Семеновны Цветковой, 1932 г.р., родом из д. Шаблово. В момент записи проживали в г. Кологриве.)

31. Со средокрестным окликаньем ходили ещё в начале 1960-х годов. Исполняли:

Крестики-пророки	Тётушка, матушка,
Ходили по дороге,	Дай креста
Крестики давайте,	Для Великого поста!
Водой не обливайте!	

В крестах «кто лучину запекал, кому попадетса — то смерть; денежка — то хорошо».

(Записано в 1987 г. от Павла Ефимовича Серова, 1914 г.р. и его жены Марии Федоровны, урождённых д. Шаблово. В момент записи проживали в г. Кологриве.)

Ярославская область

В Ярославской обл. оклички типа «кресты кричать» бытовали только в Любимском р-не, т.е. в ярославско-костромском пограничье. Административной границей между областями служит р. Кострома. Любимский р-н является западной окраиной этнографического ареала средокрестного обхода деревень с исполнением «окликальных» текстов. В других районах Ярославской обл. кресты выпекались, но обходов деревень не было, хотя, как и везде, была развита традиция «гаданий о судьбе» по печеному кресту. Предметы, которые запекались в средокрестных хлебцах, — одно из горьких свидетельств о нищенской доле русских крестьян в XX в.

32. «Кресты пекли в Крестовую неделю, а жаворонки пекли в Алексеев день. Говорили: „Вот Алексеев день — жаворонки прилетели“».

Исполняли закличку:

Сороки, сороки,
Кресты-пророки
Бегали по дороге!
Когда ничего не дадут:
Крест, крест переломися,
Марьихин дом развалися!
Крест, разломися,
Половина Говинья
Переломися!

На уточняющий вопрос о начале заклички «Сороки, сороки...» рассказчица ответила: «Про сороку говорят, что она — вестница. „Чирвик“, „чирвик“ — вот и письмо получишь. Сорока — птица особенная».

(д. Рудниково Любимского р-на; Ульяна Кузьминична Воскова, 1902 г.р. Запись 1988 г.)

33. На Средокрестье:

Кресты-пророки бежали по дороге,
Овёс толкчи, блины пекчи —
Блины мазанные, перемазанные!

«Кресты собирали по домам и потом делить пойдём; какие — едим, а какие — нет, если не сдобные. С корзинкой ходили по домам».

(пос. Соколиный Любимского р-на; Евдокия Кузьминична Потёмкина, 1923 г.р.; запись 1988 г.)

34. «Когда кресты пекли, то один крест пекли большой. Его скармливали лошади на первой пашне». «Девчонки ходим — кричам»:

Кресты-пророки	Половина Говина
Бежали по дороге,	Перехрястнется,
Они шли-шли-шли,	Переломится!
Они крест нашли,	Да другая половина
Они в часовенку зашли.	Под гору покатится!

«Ходили по своей деревне всяк со своей корзиночкой. Знали, сколько нас человек — по кресту или жаворонку и вынесут». «Засев был просто с молитвой: „Господи, благослови!“ Когда озимую рожь засевали, то её сначала святили в церкви, горох тоже святили, брали святую воду и кропили ею. Рожь и горох носили в церковь».

(д. Починок посёлка Соколиный, Евг. Вас. Капустина, 1912 г.р.; запись 1988 г.)

35. В д. Починок Черепанов Любимского р-на исполняли:

Кресты, кресты-пророки
Бежали по дороге,
Крест нашли,
За другим пошли!

«Бежали детишками, собирали кресты. В крест копейку клали» (записано от 90-летней рассказчицы, 1898 г.р.; 1988 г.).

36. «На Средокрестной неделе кресты пекли. Пекли из любой муки, у кого какая есть. Собирали девчонками кресты. В дом заходили, так как холодно было». Исполняли:

Кресты-пророки
Побежали по дороге,
Один крест переломился,
Другой под горушку укатился!

(д. Лобаново Любимского р-на; О.В. Никулина, 1901 г.р.; запись 1988 г.)

37. На Средокрестье «кричат кресты»:

Кресты-пророки
Побежали по дороге,
Там часовенка стоит,
Да комар пищит —
Сто рублей тащит!
Половина Говина
Переломится,
Одна под гору покатится,
Другая остановится!

(д. Ермаково Любимского р-на; Анна Павл. Смирнова, 1916г.р.; запись 1988г.)

38. «Крестовая неделя». «[Стряпуха] в крест запечёт копейку, только в один крест. Кому попадётся, тот счастливый»:

Кресты-пророки
Побежали по дороге.
На дороге-то часовня,
У часовни соловей
Пищит, верещит —
Сто рублей тащит!

«Дети лет до 14-ти бегали [за крестами]. Крест возьмём в руку и в огороде с загородки прыгаем, так, чтобы крестик переломился: „Половина Говина — крест пополам!“»

(д. Слобода, что за р. Обнорой, Любимского р-на; Вера Павл. Епифанова, 1913г.р.; запись 1988г.)

39. «Всё примёрло», т.е. всё ушло — о праздниках и праздничных обычаях (д. Вахромейка Любимского р-на, Клавдия Фед. Чумакова, 1914г.р.; запись 1988г.)

40. «Кресты среди поста пекут — из разной муки, крестиком; для забавы клали денежку, тот счастливый» (д. Вахромейка Любимского р-на, Мария Фед. Голубкова, 1910г.р.; запись 1988г.)

41. На 4-й неделе поста пекли кресты. Закладывали: лучину (кому попадетса, то «умрёт»), «денежки» (тот «богатый») или «пустые» (с. Белое Пошехонского р-на, А.И. Цветкова, 1915г.р.; запись 1988г.).

42. Жаворонки и кресты пекли среди поста. «Некоторые старые и сейчас пекут. Пекли с печиной (кусочек глинки от печки) — это печаль, с денежкой — богатая жизнь, с угольком — черная

жизнь» (д. Берендяки Пошехонского р-на, А.Ф. Никифорова, 1919 г.р.; запись 1988 г.).

43. «Если первый день поста будет чистый [т.е. не будет снега], то не будет ни грибов, ни ягод».

«Полпоста пройдет — пекли кресты с лучиной, денежкой, печиной»

(д. Берендяки Пошехонского р-на, А.Д. Волохова, 1914 г.р.; запись 1988 г.)

44. Сев начинает самый старый человек, который знает наговоры. На дне берестяного лукошка делали крест и сеяли в лаптях.

Первое зерно с первого снопа хранили до следующего сева. Когда зерно созревало, приходил священник, на поле ему накрывали стол, тут служил и кропил поле.

Первый сноп брали и говорили: «Господи, благослови!» В начале жатвы снопы клали крестом.

(д. Степаньково Даниловского р-на; Анастасия Вас. Симонова, 1912 г.р. С 1969 г. проживает в г. Данилове. Запись сделана А.В. Тищенко и В.Н. Клименко; 1988 г.)

45. Пекут «кресты» — с копейкой (к счастью), с луком (горько жить), с тряпочкой (в тряпье жить), с бумажкой (к шуму). «Кресты» сдобные, на соде «мешонные». Кулич в Пасху скотине давали, а кресты [скотине] не давали.

Кресты пекут, так как «пост нынче треснул, перелом поста».

(д. Головино Угличского р-на; О.В. Алексеева, 1923 г.р.; запись 1993 г.)

46. «Кресты» пекли: «Сколько семья — столько крестов. Нас было девять человек, и на всех пекли. И в каждый крест что-нибудь запекали — или лук, или денежку, или колосок («будешь с хлебом» — мать немного сверху от колоска отщипнёт и положит в тесто), или сладость (клали кусочек сахара или конфету). Противень большой: „Ребята, подите выбирайте, кому с чем попадёт!“ С лучиной — умрёт, с крестом — святой».

Пост: «Мама, бывало, если пост — молока не даст. Из свёклы сушеной красной делала мурцовку — крошили хлеб и вливали растительное масло. Репу [готовили] — в горшок и в печку, она разопреет, сок выливали и его хлебали. А молоко копили на масло, сыр».

(д. Теренькино Угличского р-на; Клавдия Дмитр. Лебедева; запись 1993 г.)

47. «Без креста не до порога, а с крестом — хошь за море, — раньше так говорили старые люди. Раньше поля благословляли, так и хлеб был благословленный, сытный. Раньше сядут за стол, так три раза еще и еду перекрестят, чтобы еда была благословленная, потом только едят. Раньше всё было с молитвой».

«Рожь или овёс — первый снопик принесут в передний угол, потом его хранят до озимого сева, первая горсть шла из этого снопика: «Уроди, Господи, на всех православных христиан!» Чего на огороде сажали, горох, бобы, и тоже говорили: «Уроди, Господи, на всех, чтобы всем хватило!». «Постные пекли кресты».

(с. Чурьяково Угличского р-на; А.С. Чаброва, 1910 г.р.; запись 1993 г.; А.С. Чаброва — староверческого исповедания; от неё единственной были сделаны записи о тайной милостыне)

48. «Кресты пекли на 4-й неделе — две перекладыны, пресные, на дрожжах, на воде. Пекли потому, что половина поста прошла. Чинили их — деньгами, лучинкой, сахаром, кому какой крест достанется. С лучинкой — помрёшь, с сахаром — сладко будешь жить. Все старались с деньгами достать. А пустой — так пусто будешь жить, бедно. Вроде бы всё это в шутку. [Кресты не собирали]: дети только ходили в Рождество да славили, а в Пасху собирали яйца, поздравляли».

[Так как храм был закрыт, Мария Ефимовна заочно читала по покойникам].

(с. Чурьяково Угличского р-на; М.Е. Аверьева, 1899 г.р.; запись 1993 г.)

Кимрский район Тверской области

49. Кресты — из любой муки, пресные или сдобные. «Пекли, сколько задумаешь». Форма креста — «просто крест на крест». По домам не ходили за крестами. Пекли только для себя.

(с. Быковó, П.А. Карпова, 1912 г.р.; запись 1992 г.)

50. «Крестики — давали скотинке, в каждом доме пекли и [давали] своей скотинке».

«А уж Николая Угодника я, не знаю как, люблю! Он, кто погибает на дороге, а он тут как тут. ... Кто почитает Николая Угодника,

к тому он ходит. Нет лучше Николая Угодника. Сам Господь... Он [Николай Угодник] второй будет у них. Ему вся воля дадена. Он всех воскресит, не даст погибнуть, кто в пути. Он — как Бог, моли, проси!»

(с. Красное, Анна Ник. Новикова, 1909г.р.; запись 1992г.)

51. «Кресты пресные — сколько хочешь, пекли».

«„Птюшечки“ с носиками и с глазами сделают. Пекли Великим постом. Сороки святые — может, в этот день пекли?»

(с. Дуброво, Марфа Алексеевна Анисимова; запись 1992г.)

Тульцева Л.А.

**«У Бога Света всего доспето»:
сакрально-световое пространство
русских святок
и новые поколения рода-племени**

Рождество — Новый год

Изучение структурно-функционального состава ключевых циклов русского традиционного календаря показывает, сколь заметное место в этих циклах занимала система обрядово-праздничных обычаев и традиций, которые не только санкционировали реальность новой детской жизни, но и проецировали желаемое деторождение. Эти обычаи в числе первоочередных воспроизводились в форме этнокультурных традиций и моделей поведения в свято-световом пространстве зимнего солнцестояния и святок, дней весеннего равноденствия, а также летнего солнцеворота и дней осеннего равноденствия, т.е. времени осевых астрономических точек по сезонам года. Обрядность каждого из названных циклов провоцировала, настаивала, одобряла новые деторождения. Особые календарные детские величания посвящались даже малым детям.

В свете изложенного была поставлена цель исследовать образно-ассоциативные и ритуальные (как и сакральные)

особенности этнокультурной программы на продолжение коллектива в потомстве в границах конкретного календарно-астрономического цикла и на базе исторической памяти народа. Ближайшей задачей стала этнографическая реконструкция темы «новых детей» в этнокультурном пространстве периода святок у русских (в рамках аграрно-православного календаря и с привлечением сведений по этнографии соседних народов при недостатке соответствующих данных в русской этнографии).

Особое внимание было уделено разработке темы Света в сакральном пространстве святок. Априори было предположено, что коль скоро речь пойдет о начале нового календарно-астрономического цикла и новых поколениях детей в этом цикле, то в народной обрядности должна каким-то образом прозвучать тема Света как субстанциональной Божественной первоусущности, без которой невозможна жизнь. Принципиально важно и то, что аграрно-православный календарь периода Святок имеет особые *женские* дни в память святых мучениц, в народной среде течение XXв. и вплоть до настоящего времени воспринимаемых в качестве родовспоможениц: это Варвара-великомученица (4/17 декабря) и Анастасия Узорешительница (22 декабря / 4 января).

Исследовательские работы и публикации материалов по зимнему периоду земледельческого календаря у русских и соседних народов свидетельствуют о чрезвычайно высоком региональном и локальном разнообразии ритуально-праздничной картины пространства и времени периода зимнего солнцезаворота и святок. Это — начало нового солнечно-годового цикла. Соответственно, две недели святок максимально насыщены обрядами перехода к новому календарному циклу. В этом периоде мы выделили те традиции, которые должны были гармонизировать биоприродную и человеческую картину жизни нового солнечно-годового цикла. Первейшее условие этого «делания» — новая жизнь через рождение новых детей как воплощенных продолжателей генетической программы жизни «рода-племени» и его ушедших предков («родителей»). Тема «предков» изучена очень подробно, главным образом в связи с чрезмерным вниманием исследователей к символизму святочного ряженья. Между тем, когда речь идет о календарно-астрономической смене сезонов в народной культуре, чрезвычайно

актуализировался весь универсум жизненных сил, направленных на появление новых поколений.

В этой ситуации по-особому звучала тема смены поколений (старики и дети); актуализировался один из важнейших вопросов семьи и общины — дети как продолжение рода, ибо только через «*новых*» детей человек мог во всей полноте самоидентифицировать себя со своими предками и всем «родом-племенем». И только через «*новых*» детей могла реализоваться генетическая программа пополнения мира людей свежими жизненными силами (чтобы рождались здоровые младенцы, сосватывались женихи и невесты, игрались свадьбы, был приплод у животных). В свете этих задач в глубинах народных знаний и памяти бережно сохранялись все те смыслы и значения социокультурных кодов на выживание, которые априори предостерегали или даже оберегали от истощения людские ресурсы и приумножали запас прочности коллектива на случай кризисных ситуаций. Последних не только в традиционном обществе, но и в XX в. было предостаточно. Их не стало меньше и в XXI в.

Старики и дети

Святки открываются праздником Рождества Христова, который, по установившейся традиции, считается *детским праздником*. В то же время этнографические материалы говорят о том, что канун Рождества — рождественский сочельник — был своего рода *праздником стариков*. В данном случае народное понимание празднования как ничегонеделания конкретно выражалось в освобождении стариков от хозяйственных забот в день рождественского сочельника. Мы не можем судить о глубине традиции, но очевидно то, что обычай на каждом новом календарном витке как бы вновь воссоздавался, причем не без влияния церковных святцев, согласно которым в последние два воскресенья, предшествующих Рождеству, отмечаются сначала «Неделя праотец», затем «Неделя святых отец». Возможно, поэтому в Тверском у. бытовало диалектное название старика как *праведник*²⁶⁶.

---

²⁶⁶ Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сб. Вып. 1. СПб., 1853. С. 178.

Привлекает внимание южнорусская традиция обрядового шествия (например, современные кубанские казаки²⁶⁷) до рождественской «звезды» младших детей, иногда и молодых семейных пар, с «вечерей» (кутьей, взваром и другими гостинцами) к крестным родителям, старшим родственникам и старикам-соседям. Эта «встреча» поколений, из которых одни (дети) «открывают» демографическую шкалу, а другие (старики) ее «закрывают», глубоко символична с учетом смены годового цикла, его начала и конца²⁶⁸. Символично и то, что именно дети несли старикам обрядовую трапезу с главным угощением — *кутьей*. Уже сам этот факт является знаком неких сакрально значимых межпоколенных связей между разными возрастными мирами, из которых один мир представляет поколение детей, а другой — поколение стариков, что подразумевает свою особую символику в рождественско-крещенских обрядах, образах, фольклорных сюжетах.

Еще бытописатели XIX в., из них А.Н. Афанасьев едва ли не в числе первых, обратили внимание на то, что с кутьей не только проводжали в последний путь, но и встречали народившееся дитя²⁶⁹. Так

²⁶⁷ Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества. Избр. работы. Краснодар, 1999. С. 80—81; Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: культура, быт, традиции. Черкесск, 1999. С. 230.

²⁶⁸ Глубоко символична «встреча» начала и конца обрядов жизненного цикла в полесской традиции: здесь на кутний угол, который у восточных славян традиционно связан с культом предков, было принято выливать воду и с новорожденного, и с покойного (Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. М., 1999. С.189). У староверов Усть-Цильмы в XX в. по традиции зыбку для новорожденного делал дед ребенка (Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX—XX в.). Сыктывкар, 2002. С. 175). Аналогичных примеров много.

²⁶⁹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1994. С. 378; Т. III. С. 419—420, 743—744, 751 (репринт-издания 1865 и 1869 гг.). См. также: Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957. С. 81—82; Мадлевская Е.Л. Кутья // Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. СПб., 2002. С. 314—317.

П.А. Бессонов писал в 1871 г.: «Сухоядение, особенно сочиво, по народным воззрениям, ...применяется к характеру торжества: так, известно, это есть кушанье поминок...; оно же, провожая „дедов“, встречает и новые существа, новорожденные к жизни, так называемому у славян *Божичу*: а в сем последнем случае является как кутья, кушанье, собственное ребенку, притом сладкое, „с медовым сочком“. Отсюда название „солодкая кутья“, а у нас „солодкие кануны“» (Бессонов П.А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871. С. 89.)

же и время сакральной семейной трапезы с кутьей/сочивом и блинами накануне Рождества: оно было и временем поминальных традиций, и одновременно встречей праздника рождения Христа. Поминальная пища — важнейший пищевой код в структуре столь значимого в аграрном круговороте события, каким является зимний солнцеворот и святки с Рождеством, Новым годом и Крещением Господним. Дело в том, что в течение этого цикла, в соответствии с принятыми социокультурными нормами, каждая семья спешила реализовать свою оптимальную программу кодов на жизнь и рождение всего сущего. Помочь реализовать эту программу, согласно народным представлениям о святочной картине мира, спешили и «освобожденные» на время святок души предков — святые (вологодское), незримо возвращавшиеся к родному порогу, к своему роду-племени. Поэтому в рязанском с. Тимошкино в канун Рождества до недавнего времени на стол ставили хлеб и соль, а под стол бросали клоч сена — в память рождения Христа и для помины умерших²⁷⁰. Сведения о том, что на Рождество готовилась кутья, отмечены по всей территории Нижегородского края²⁷¹. Поминая умерших, вплоть до наших дней принято до утра Рождества не убирать со стола ложки, тарелки, хлеб, соль, крошки и вообще еду, оставшуюся от ужина. Отсюда столь жестко у колядующих звучало требование угощения — по сути своей поминального:

Пришла Коляда накануне Рождества!

Виноградье, красно-зелёное моё!

Блин да лепешка — кладись на окошко,

Коли нет блина, то конец пирога,

Коли ж нет пирога, то корову за рога,

А сладкая кутья, сама сыпья из окна,

Мы кутью разберём, да й Мороз помянём!

(Смоленская губ.²⁷²)

---

²⁷⁰ Гаврилов А.Н. Народный календарь Шилковского края. Шилово, 2004. С. 6.

В рождественской сочельник, как это было в Княгининском р-не Нижегородской обл., когда разговлялись кутьёй, на стол могли поставить лишнюю чашку, ложку, яички, хлеб — «умершим родителям» (Новые поступления в фольклорный архив Нижегородского ун-та. Календарные обряды. 1983—1996 / Сост.: К.Е. Корепова, Ю.М. Шеваренкова (далее — ФАНУ). Нижний Новгород, 1997. №82).

²⁷¹ Корепова К.Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009. С. 36—37.

²⁷² Бессонов П.А. Указ. соч. С. 76.

Повелительные возгласы типа: «Блин да лепешка на заднем окошке!», «В заднее окошко блин да лепешку!»²⁷³, — слышались во время святок по всем русским деревням в течение всего XX в.

По современным записям в Плюсском р-не Псковской обл. в рождественскую Коляду варили поминальный овсяный кисель и кричали: «*Каляда́, Каляда́! Ни замаро́зь маих ребят, агаро́д!... На, паешь киселька!*» Овсяный кисель выставляли на столб у забора: «*А птички-та набярутца и наклюютца там... Так якобы у нас на Святках наши умёршие радители молят Богу за нас. А мы далжны за их молитца, вспоминать йих*»²⁷⁴. И только на Рождество и Новый год звучали тексты с мотивами угроз «*стащить старика*» взамен обрядовой пищи: «*Не дадите хлеба — стащим с печи деда!*»; «*Кто не даст лапку (гусиную, куриную. — Л.Т.) — стащим с печи бабку!*» (повсеместно).

Это был тот межевой момент аграрно-календарного цикла, когда кутьей как благословенной Богом ритуальной пищей поминались усопшие предки, и одновременно кутья была обязательной обрядовой пищей сакральной семейной трапезы в канун таких великих праздников, как Рождество Христово и Крещение Господне. «Кутья живот (здоровье) держит», — говорят кубанские казаки²⁷⁵. По некоторым сведениям, кутью готовили и к *Николиным святкам*. Обратим внимание и на то, что П.А. Бессонов называет вечер накануне Рождества *кутьей постной*, а также *кутьей ребяческой*²⁷⁶. Здесь кутья была одним из сакральных знаков того, что *в мир приходят новые поколения, которые должны войти в пространство христианского мира*. К сожалению, в научной литературе, начиная с работ Д.К. Зеленина и до последнего времени преобладал взгляд на народную рождественскую обрядность как посвященную умершим пред-

---

²⁷³Смирнов М. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде // Тр. Переславль-Залесского историко-художественного и краевого музея. Вып. 1. Старый быт и хозяйство переславской деревни. Переславль-Залесский, 1927. С.15, 16.

²⁷⁴Лобкова Г. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 25.

²⁷⁵Куракеева М.Ф. Указ. соч. С. 231.

²⁷⁶Бессонов П.А. Указ. соч. С. 90.

кам²⁷⁷. Между тем знаком обновления жизни была не только кутья. Этому была подчинена вся святочная обрядность, в том числе громогласно озвучивавшиеся перед каждым домом величальные тексты обхода деревень колядующими ватагами.

Празднования стариков

Празднования стариков начинались задолго до сочельника и были связаны с локальными традициями собраний стариков в дни святых Варвары (4/17 декабря), Саввы (5/18 декабря), Николы Угодника-зимнего (6/19 декабря), возможно, Спиридона-солнцеворота (12/25 декабря). Эти следующие друг за другом праздники народ называл *Никольщиной*, *Никольской братчиной*, *Николиными святками*. У русских это были праздники по преимуществу общинников старших возрастных категорий, т.е. «летá» празднующих символически соответствовали восприятию перечисленных святых как праотцов.

На древность образа Варвары указывает ее неизменный фольклорный антропоним как бабушка Варварушка, особенно в текстах с поминальными мотивами: «*Ах, ты, бабушка Варварушка, / Вари кашу да щи, / Чтобы люди шли козла поминать!...*» (Зарайский у., ныне — Московская обл.). В некоторых текстах эту святую даже называют *Таусина бабушка* (т.е. *бабушка Таусеня*). Например, один из современных редуцированных вариантов архаического текста типа «мир как загадка и отгадка» начинается с вопроса: «*Таусина бабушка, / Таусина Варварушка, / Ты где была? — Коней пасла...*»²⁷⁸.

В недрах духовно-нравственной жизни среди православно ориентированных людей в течение XX в. широко поддерживалась старинная традиция обращаться к святой Варваре

---

²⁷⁷ Обзор литературы по данному вопросу см.: Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX века. Новосибирск, 2004. С. 108; Страхов А.Б. Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge — Massachusetts, 2003. С. 93—94 и др. А.Б. Страхов на страницах своей книги постоянно напоминает, что мотивами рождений пронизана вся святочная обрядность. Автор обоснованно пишет: «В период адвента и святок обрядовая роль детей резко возрастает: часто в силу ассоциаций с младенцем Иисусом, иногда — с вифлеемским младенцем, но, главным образом, благодаря общей атмосфере Рождества с ее заботой о воспроизводстве и здоровье молодняка» (Страхов А.Б. Указ. соч. С. 133).

²⁷⁸ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков (далее — КОПС) / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск, 1981. №92.

с молением о причастии. Традиция была актуализирована в советское время, так как на иконах великомученица Варвара изображается с алавастром для причастия в руках. Поскольку верующие в большинстве своём не имели возможности причаститься *святых таин* перед кончиной, то молились святой в надежде на помощь избежать смерти без причастия. В современных народных святцах великомученица Варвара по-прежнему считается хранительницей от внезапной смерти.

Образно-этимологические ассоциации с празднованиями старшим поколением дней Варвары и Саввы современная областная лексика сохранила в словах *проварвариться, просав[в]иться*. Например, в районах тамбовско-рязано-липецкого пограничья бытует назидательная *побаска*, рассказывающая о том, как старик пенял старухе, что та не прядет и не ткёт, а ходит праздновать по соседям: «Померла старуха, дед и говорит: „Просаввивалась, проварварилась — собирать тебя не во что, надо было прясть и ткать“»²⁷⁹.

Никольщину, или змние *Никольские братчины* (южнорус. *Николины святки*), всегда справляли в складчину и пировали на них по преимуществу старики и главы семей. В отличие от других праздников Никольщина была «праздником стариковским, большаков семей и представителей деревенских и сельских родов»²⁸⁰.

О *Никольщине* — обходе дворов накануне Миколы-зимнего с главным персонажем в образе «мужика в белом балахоне» — помнили еще в начале 1980-х годов в Усвятском и Куньинском районах Псковской обл.²⁸¹ В д. Сиверсты Великолуцкого р-на той же обл. вспоминали: «*Никольщину зимнюю справляли. Одна бабка болела и обещала, что, если выздоровеет, то будет по деревням в Николу ездить и собирать хлеб: „Подарите, ради Христа, на святую Николу!“ Потом овсом коня кормила, толокно делала [для Никольщины]*»²⁸². Факт «микольских» обходов дворов со сбором «микольской трапезы» отразили

---

²⁷⁹Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. С. 34—35.

²⁸⁰Максимов С.В. Указ. соч. С. 271—272.

²⁸¹Традиционная музыка Русского Поозерья (По материалам экспедиций 1971—1992 годов) (далее — ТМРП) / Сост. и коммент. Е.Н. Разумовской. СПб., 1998. С. 13.

²⁸²Полевые материалы автора (далее — ПМА). Псковская обл. 1991г. Тетр.1. Л.24.

севернорусские и сибирские колядки: «...И подайте-ко луцины, / Микольскую трапезку: / Старым посидеть, / Молодым поиграть»²⁸³.

Праздником стариков был и рождественский сочельник. Поскольку стариковские годы ассоциируются с прошедшим временем, именно они в северо-западных областях (Псковская обл.) *встречали «состарившуюся» Коляду*. В д. Кириширино Печорского р-на Псковской обл. записаны сведения об обходах деревни в рождественский сочельник старцами на конях: «Ходили старцы, пожилые, с бородой, на конях и пели коляду. Вечером ездили — вечером поздно, а рядом в другой деревне — утром»²⁸⁴.

Обычай *встречи Коляды старцами на конях* соотносится с полесскими народными рассказами, представлявшими дни накануне Рождества как *встречу Коляды*, приезжающей поочередно сначала на трех конях, затем двух и одном коне. При этом чем меньше дней оставалось до сочельника, тем меньше коней оставалось в упряжке Коляды: за три дня — «кажут, вот вже Коляда еде на трох кониках; осталось два дни — на двох кониках, а по одном вже приежжае» (Ровенская обл., Дубровицкий р-н)²⁸⁵. Кони Коляды — это мифопоэтические олицетворения сезонов солнечного календаря. В аграрном календаре восточноевропейских землепашцев было три сезона. Последний, третий, — это зима. К моменту Рождества Христова, а точнее, к зимнему солнцестоянию, круговорот солнечных дней стремительно убывает, год «стареет». В итоге к рождественскому сочельнику у Коляды остается лишь один конь, потому что «состарившейся» Коляде, как и крестьянам-старикам, положено запрягать в упряжь только одного коня. Однако святочное ряжение бабкой Колядой знает персонаж Коляды с ребенком на руках или в корзине как знак конца и начала годового круговорота, конца и начала всего сущего. Солнечный цикл завершен, чтобы начаться вновь, и у Коляды опять будут кони, но уже те, что символизируют молодость, «прибыток» дня и света.

---

²⁸³КОПС. №61; Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX—XX вв.). М., 2004. С. 277.

²⁸⁴ПМА. Псковская обл. 1991 г. Тетр. 1. Л. 49—50.

²⁸⁵Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 120.

Сад-свет в канун Рождества

В календаре прибыль дня и света приходится на дни святых Варвары, Саввы, Николы-зимнего, Спиридона-солнцеворота. Они завершают самые длинные в году ночи. Этот космоприродный факт в народной метеорологии зафиксирован множеством наблюдений, локальные варианты которых еще помнят наши крестьяне старшего возраста. Синхронно с возрастанием дня и света расцветали в укромных местах русских изб ветки фруктовых кустов. Выращивать их могли только девушки, что не случайно: у русских поэтика образа *дэвицы* несет в себе представление о поэтике **света девичества**. В этом случае исследователи говорят о светоносности образа *дэвицы*, светящейся девственной красотой²⁸⁶. Не случайно применительно к девушке сложилось присловье: «Девка в наряде, что икона в окладе» (девичий образ сравнивается с образом иконы!)²⁸⁷. Поэтому только девушки *на Варвару* ставили в воду ветви садовых деревьев и кустов, ожидая их цветения к Рождеству Христову или Новому году. В некоторых местах эта традиция сохранялась еще в 1960-е годы²⁸⁸. Цветущие в канун Рождества белой кипенью ветки плодовых деревьев воспринимались как **райский сад-свет**, как виденье рая на земле. У русских рождественские ветки высаживались в день *Великой Варвары*²⁸⁹. Но именно с этого дня, согласно астрономическому и народному календарям, день увеличивался на «воробьиный скок», т.е. каждый день, как почки на рождественских ветках, «набухал» **новым светом**, знаменуя **начало нового космоприродного цикла**.

---

²⁸⁶См.: Чеснов Я.В. Поэтика девичества // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. М., 1994. С. 342; Багдасаров Р.В. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М., 2002. С. 222.

²⁸⁷Присловье, родившись в недрах православного мироощущения, отразило особую глубину сакрально-нравственного восприятия *девичества* как *света целомудренной чистоты*. См. также: Ладик Л.А. Солнце честного девичества. М., 2007.

²⁸⁸Например, старались вырастить к Рождеству зацветшие вишнёвые ветки в Меленковском р-не Владимирской обл. Подробнее см.: Тульцева Л.А. Антропологические воззрения русских крестьян: день Спиридона-поворота // ЭО. 1997. №5. С. 91; Она же. Рязанский месяцеслов. С. 179.

²⁸⁹В уржумском народном календаре XIX в. св. Варвара названа «*Великой Варварой*». В г. Уржуме в день «*Великой Варвары*» было принято ставить ветки черёмухи в воду: «К Рождеству они расцветут, как весной» (Магницкий В. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883. С. 7).

Возвращаясь к чуду зацветших к Рождеству веток, отметим, что в народной поэтике цветущие плодовые ветки, как и *цветущий сад* в целом, — это символы света и сияния, плодоношения, а для девушек — еще и обещание счастливого брака. По сути своей мифологема цветов несет световые и, соответственно, живоносные характеристики, воспроизводя образные понятия со значением *света, сияния, святости*. Одновременно расцветшие к рождественскому сочельнику ветки плодовых деревьев несут еще один чрезвычайно важный смысл, являясь в мифосимволическом значении *цветами жизни*²⁹⁰. Все эти «смыслы» народная поэтика во всей полноте связала с таким дорогим для мировосприятия русских растений, как **верба**. Отмечено даже поверье, что в рождественскую ночь или на Крещеньи верба расцветает. Тем самым народная мудрость вновь подчеркивала сакральное величие светлых праздников Рождества и Крещения Господня.

«Счастливым людям открываются ворота неба»

Понимание сокровенных глубин народной рождественской обрядности невозможно без обращения к такой ключевой мифологеме рождественского неба, как великая божественная тайна небес, открытых человеку на некое сакральное время, соответствующее рождению младенца Христа. Национальным достоянием русской ментальности стала вера в то, что можно благодаря духовным очам быть причастными к тайне открытого неба²⁹¹, к торжеству Рождества Христова.

Именно рождественская мифологема об открывающихся со всеми чудесами небесах определяла мировидение православных людей, праздновавших святки, не только во времена

---

²⁹⁰Обратим внимание на рождественские стихи из Купянского у., в которых Рождество Христово, а значит, и младенец Христос, ассоциируются с цветком. Речь идёт о дарах трех царей: «*А едын царь мыром мырував, / А другый царь Сусос Христом называв, / А третий царь квиоточкою дарував: / Тож не квиоточка, тож святое Рождество...*» (Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907. С. 49).

²⁹¹Заметим, что даже во второй половине XX в. в религиозном сознании старшего поколения сохранялись мифологизированные представления о существовании семи небес, из которых первое, видимое небо, «открывается» во время грозы, когда будто бы «по небесам в колеснице развезжает Илья-пророк». Истоки этого представления — в известном и почитаемом иконописном сюжете об огненном восхождении Ильи Пророка на небо.

прежние, но и в течение всего XX в. Любой верующий, особенно крестьянки старшего возраста, охотно расскажут о том, что в рождественскую полночь *небеса открываются*. Однако современные исследователи прошли мимо столь значимого факта. Между тем присущее православному мироощущению экзистенциальное восприятие праздника с характеристиками сияния и святости стоит в прямой связи с представлением о Рождестве и Крещении как **времени, когда человеку небеса открываются**. А.Н. Афанасьев в свое время записал: «Все вечера, начиная с 24-го декабря по день Крещения, называются у нас **святыми**... По мнению поселян, в эти **святые вечера** нисходит с неба и странствует по земле новорожденный Бог... Явление божества сопровождается чудесными знаменами. В полночь накануне Рождества и Крещения *отверзаются небесные врата; пресветлый рай*, в котором обитает Солнце, *открывает свои сокровища; воды в реках и источниках оживают... и получают целебную силу; на деревьях распускаются цветы и зреют золотые яблоки*. ...О чем помолишься отверстому небу, то и сбудется»²⁹².

Сакральную глубину данного мировидения раскрывает рождественский фольклор. В этом случае привлекают внимание своими образами и содержанием украинские колядки и вирши, в которых рождение Божия Сына сопровождается цветением садов и половодьем рек²⁹³. У потомков черниговских переселенцев Новосибирской обл. это великое событие отражено в возгласе рождественского поздравления: «*Ой, рай-море, радуйся, земля! Святой вечер!*». В фольклорных текстах запечатлена картина рождения Христа в простой светелке посреди двора, куда с малыми детками, «с ангелятками» придет сам Бог вечером²⁹⁴.

По записи 1911 г. рождественской рацеи в Вязниковском у.: «...Весь мир просветился, / Ангелы поют и славят, / Все младенца хвалят, / Небо ликует, / Земля торжествует!»²⁹⁵. Близкие

---

²⁹²Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1994. С. 741 (курсив автора. — Л.Т.). То же у А.А. Коринфского.

²⁹³Иванов П.В. Указ. соч. С. 51. №25; Чубинский П.П. Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Юго-западный край: Материалы и исследование. Т. III. СПб., 1872. С. 409—410.

²⁹⁴КОПС. №34. 35. 90.

²⁹⁵Завойко Г.К. Вера, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. 1914. №3/4. С. 134.

варианты этой рацеи известны и нашей современности²⁹⁶, что свидетельствует о сохранении этой части духовного наследия в течение всего XXв. и до нашего времени²⁹⁷.

Мифопоэтический календарный срок Рождества и святков как времени, когда *счастливым людям* небеса открываются, отмечен у православных татар-крящен. Девушки этой этнической группы во время святочного гадания с кольцами пели: *«Дверь белой клетки открывается на заре, / Счастливым людям открываются ворота неба»*²⁹⁸. По записям 1973г. в Усвятском р-не Псковской обл.: *«На Святую ночь мы все двери открываем, чтобы Спаситель всё хозяйство обошёл и благословил»*²⁹⁹. Примечательно и то, что, согласно бытующим по сей день народным представлениям, моления, обращенные к небу в рождественскую полночь, непременно сбудутся.

Итак, рождественская полночь — это время таинственных свершений. Сам Иисус Христос сходит на землю. Но что значит в религиозно-мистическом значении то, что небесные врата раскрываются и на землю сходит Христос? По одному из мифопоэтических ответов, «„пресветлый рай“ во время этого торжественного явления открывает взорам праведных людей все свои сокровища неоценимые, все свои тайны неизъяснимые»³⁰⁰. Смеем полагать, что едва небесные врата отверзаются, из «пре-

---

²⁹⁶Традиционная культура Гороховецкого края / Сост. А.Н. Иванов, А.М. Каргин (далее — ТКГК). Т. 2. М., 2004. С. 51, №48; Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XXв. Ч. II. Зима. Пермь, 2008. С. 47.

²⁹⁷Тема романтизированного райского видения открытых рождественских небес продолжает сохраняться в современных духовных стихах:

Давно, как будто Божье око,	И пела: «Слава в вышних Богу!»
В небес безбрежной тишине,	<i>И разверзлась ширь небес.</i>
Среди немых пустынь Востока	Лилися ангелов напевы,
Звезда зажглася в вышине.	Благоухали рощи роз...
И пастухи пошли в дорогу,	И на коленях кроткой Девы
И ночь полна была чудес	Лежал спелёнутый Христос...

(Из тетради духовных стихов А.В. Рогожина, служителя Богородицерождественской церкви в с.Новопанском Михайловского р-на Рязанской обл. 1960-е годы. Запись Л.А.Тулцевой, 1968г. [курсив мой. — Л.Т.]).

²⁹⁸Баязитова Ф.С. Говоры татар-крящен в сравнительном освещении. М., 1986. С. 174.

²⁹⁹ТМРП. С. 13.

³⁰⁰Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1901. С. 538.

светлого рая» на землю устремляются потоки божественного Света. Рождение Бога обновляет картину мира. Светоносным сиянием зорь, по украинским рождественским виршам, сопровождается рождение Христа: «*На небе зори ясны / Весь свет осияли*»³⁰¹. Таинственной светозарностью проникнуты рождественские строфы из Вязниковского уезда Владимирской губ.: *Ангел Божий — дух небесный / Светло розовых лучей, / Тихо он с небес спустился / И сказал: «Христос родился»*³⁰². На иконах, живописующих Рождество Христово, библейское событие рождения Христа разворачивается по кругу, в который вовлечена вся Вселенная.

Божественный Свет, хлынувший из «пресветлого рая», обновляет весь Белый свет. Одновременно рождественская картина мира предполагает (благодаря растворившимся вратам рая) некое «приближение» рождественского неба к земле, празднующей Рождество Христово. Метафизика этого представления нашла отражение в рождественских духовных стихах: «...*Само Небо к нам спустилось / И с землей все соединилось... / Растворился прежний рай — / Всех желаний наших край. / О, Вселенной Обновитель, / Милосердный Искупитель!...*»³⁰³ В цитированных строфах обращает внимание идея гиперсакрализации, или *всесвятости* («пан-сакральности», по В.Н. Топорову), всего земного в итоге божественного единения Неба и Земли в пространстве и времени рождественских дней. Как результат — на земле даже «растворился прежний рай...»!

Идею *всесвятости* или «пан-сакральности», столь емко и красочно выраженную в цитированных стихах (а это 1914 г.!), прокомментируем, обратившись к наследию В.Н. Топорова: «Эта „пан-сакральность“ („всесвятость“) — на это, к сожалению, не всегда обращают внимание — по сути дела ограничивает или даже вовсе снимает противоположность Неба и Земли, божественного и человеческого, священного и мирского. Небо при таком подходе как бы сходит на землю, и человек становится уже не просто образом, подобием и творением Бога, но как бы его воплощением, носителем божественных энергий (хотя

---

³⁰¹Иванов П.В. Указ. соч. С. 54. №29.

³⁰²Завойко Г.К. Указ. соч. С. 135.

³⁰³Там же. С. 136—137.

бы в потенции, в идеале)...»³⁰⁴. Небесные врата отверзлись, и на земле «растворился прежний рай». Это рай до грехопадения, рай священной истории до зла, истории, еще не познавшей зла и неправды. Утопические идеи справедливого царства Божия на земле, столь дорогие общественному сознанию старой православной Руси, тем более должны были быть интериоризованными в самосознание людей через соответствующие настроения и представления о красоте и светозарности картины мира во время празднования основных циклов годового круговорота. Речь идет в особенности о праздниках Рождества и Крещения, пасхальном цикле, Троице и дне Святого Духа, народных праздниках проводов весны. «Милосердный Искупитель» обновляет Вселенную, т.е. наполняет ее светом, святостью, сиянием. В то же время мотивами нового света — света солнцеворота и утренней зари — пронизан весь обрядовый фольклор святков.

В народных представлениях о картине Божьего мира тщательно разработан вопрос о происхождении благодати Божьего света. Синонимы понятию **Божий Свет** — Белый Свет, вольный свет. *Отец Белого Света* — Господь Бог. Бог есть Свет. Клятва Белым Светом, как и землей, относится к числу *страшных* по своей карающей силе. В духовных стихах, и прежде всего в разных вариантах Стиха о Голубиной книге, о происхождении Белого Света говорится, что Белый Свет начался «от лица Божия»³⁰⁵, от суда Божия³⁰⁶, от Свята Духа, или Самого Христа, Царя Небесного³⁰⁷. Всё это — Божьи ипостаси, соединяемые в Божье триединство.

В традиционном самосознании русских в самом понимании Божьего Света заложено восприятие стихии света как видимого духовными очами мира со всей поднебесной вместе со Светом как всё преобразующей благодатной субстанции. Ещё А.Н. Афанасьев отмечал, что традиционное мировосприятие видело в стихии света «высочайшее благо и красоту»³⁰⁸. В то же

---

³⁰⁴Топоров В.Н. Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 34.

³⁰⁵Данилов Кириша. Древние российские стихотворения. М., 1977. С. 211.

³⁰⁶Былины («Русская классическая библиотека» под ред. А.Н. Чудинова). СПб., 1893. С. 97.

³⁰⁷Бессонов П. Калики перехожие. Т. I. М., 1861. С. 275.

³⁰⁸Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. I. С. 98.

время праведным людям было дано видение того живоносного горнего Света, в божественном сиянии которого, по народным сказаниям, спускался на землю в рождественскую полночь «*Обновитель Вселенной*» — Иисус Христос. Но живоносный горний Свет рождественского неба не есть ли на самом деле **Первый свет, свет** на заре мифических первых времен?

Образы/символы Света/Первосвета

Тема божественного Света, по сути **Первосвета**, запечатлена в святочном фольклоре разнообразными образами-символами. Начиная с кануна Рождества величальные тексты, которые кричались у каждого двора, рисовали каждому жителю ближних и дальних мироколиц³⁰⁹ преобразованную рождественским Светом картину Божьего мира. Преобразованный мир воссоздавался уже в храме, в ходе праздничной литургии, в тот особенный момент, когда к рождественской полуночи священнослужители меняли скромные облачения на праздничные ризы перламутрово-жемчужных и золотых цветов. Цвета риз символизируют образ божественного Света³¹⁰ и одновременно сакральную данность перехода к новому состоянию Божьего мира. Именно эти цвета божественного Света широко представлены в величальных фольклорных текстах образами / символами драгоценного жемчуга, серебра, золота. Образ **жемчуга** — любимейший в русском фольклоре, в том числе рождественском. Замечательно то, что одно из народных

---

³⁰⁹*Мироколица* — это понятие используется в данной статье в качестве синонима к понятию *картина мира*. Однако в контексте статьи (как и других моих работ) это — *картина мира* не как Вселенная, но вся ширь, даль и высь поднебесная Русской земли. Ее конкретный ооём, расширяющийся во все стороны горизонта, а также в соответствии с контекстом моих исследовательских интересов — *все окрестные селения со всеми их землями, лесами, полями, водными источниками*. Слово *мироколица* почерпнуто из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (I, 28) и впервые мной использовано в статье «Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина» // *Расы и народы*. 1998. Ежегодник. Вып. 25. М., 1998. С. 157—210. Статья перепечатана в книге: *Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв. Итоги этнографических исследований*. М., 2001. С. 124—167. Смысл слова *мироколица* не сопоставим с понятием *атмосфера*, поскольку слово *мироколица* составляют два социально значимых понятия: *мир* и *околица*.

³¹⁰Подробнее см.: *Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа (Искусство и литература) Сб. в честь В.Н. Лазарева*. М., 1973. С. 45—48.

сакральных преданий связывает именно с жемчугом появление **Первого Света** на земле. Предание повествует: «Когда Бог создавал весь мир, то Он сказал: „Да будет Свет!“ И Света стало очень много. И тогда Бог немножко его убавил. И вот этот-то „убавленный“ Свет превратился в жемчуга. Жемчуга не рождаются в раковинах, а живут как осколки того божественного „убавленного“ первого Света»³¹¹.

Драгоценный образ жемчуга особенно заметен в фольклоре Северо-Запада, Русского Севера, Нечерноземья, величаниях севернорусских переселенцев Сибири: «...Искала Коляда Иванова двора, / У Иванова двора шелкова трава, / На каждой на травинке / По жемчужинке» (колядка; Берендеевская волость Переславль-Залесского уезда)³¹²; «Вокруг этого двора всё железный тын, / Как на всякой тынинчке по маковке, / Что по маковке — по жемчужинке...» (виноградье, 1890-е годы; средне-колымские казаки)³¹³.

Часто в текстах, благодаря драгоценным образам жемчуга, серебра, золота, дана вся полнота световых характеристик сказочно преобразованного дома/усадыбы крестьянина: «Вокруг этого двора **тын серебряный** стоит! / Вокруг этого тына — всё **шелковая трава**, / На всякой тынинчке **по жемчужинке!** / Во этом во тыну стоит три терема — / Стоит три **терема златоверхие** ...» (Псковская губ.)³¹⁴. Светоносная символика рождественского жемчуга в текстах «усиливается» и за счет образа горящих свеч: «...На каждой тычинке по маковке, / По свечке горит, по жемчужинке»³¹⁵. В некоторых печорских виноградыях

---

³¹¹ Данная публикация предания об «убавленном» Свете и жемчуге является первой. Предание рассказала в 1975 г. одна из хранительниц фольклора, местных обрядово-ритуальных знаний и народной медицины жительница с. Борок Шиловского р-на Рязанской обл. С.К. Климова (1914—1998), когда передавала свою девичью жемчужную *повязку* (головной убор) в дар Шиловскому краеведческому музею (Научный архив Шиловского районного этнокультурного Центра «Заряна», №421).

При перепечатке предания об «убавленном» Свете и жемчуге ссылка на данную статью обязательна.

³¹² *Смирнов Вас.* Народные гаданья Костромского края // Тр. Костромского научн. Об-ва по изучению местного края. Вып. XLl. Четвертый этнографический сб. Кострома, 1927. С.15.

³¹³ КОПС. № 13; см. также №16.

³¹⁴ *Шейн П.В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. Вып. 1. СПб., 1898. №1030.

³¹⁵ КОПС. №14.

мотив жемчуга и горящих свеч разворачивается перед слушателями с эпической неторопливостью и последовательностью:

...Господинов двор да высоко на горе,
Да высоко на горе, да далёко в стороне,
На семьдесят верстах да на восьмидесят столбах.
Да на каждом ли столбе по маковке,
Да на каждой на маковке по *замчужке*,
Да на каждой на *замчужке по ленточке*,
Да на каждой на ленточке по кисточке,
Да на каждой на кисточке по *свечке горит...*³¹⁶

В некоторых вариантах величаний-виноградий картина горящих свеч соотносена с образом **золотого креста**. Например, в винограде из г. Колы Архангельской губ.: «...*Що на каждой тынинки по маковки, / Що на каждой маковки по золоту кресту, / Що у каждого креста по воскуяровой свешши...*» (конец XIX в.)³¹⁷. В цитированных строфах образ «воскуяровой свешши», согласно символике свечи, может являться и метафорой жизни, «пламенеющей» полнотой бытия.

Светоносные характеристики горящих свеч типичны для рождественских величаний потомков белорусских переселенцев Сибири. Это образ *горящей свечи* на **яблоне, груше, вербе**, каждая из которых есть мифопоэтический символ Света/Первосвета. Например, в одной из колядок образ *свечи как символ света и жизни* стоит в сакральном соотношении с *яблоной* как женским образом и одновременно, согласно нашим реконструкциям, *яблоной* как образом с яркими *светоносными характеристиками*³¹⁸:

---

³¹⁶Поэзия крестьянских праздников / Вступ. ст., сост., примеч. И.И. Земцовского (далее — ПКП). Л., 1970. №49.

³¹⁷Архив Института этнологии и антропологии РАН. Ф. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ). Д. 162. Л. 1—2.

³¹⁸Образу *яблони* в народной поэтике присущи светоносные характеристики сакрально соотносенные с Божьей мироколицей. Например, календарное воронежское поверье «*Если на Покров истопить избу яблонью – зиму тепло будет*» сберегло мифопоэтическое представление о яблоне как хранительнице солнечного тепла и света. Антропокосмизм Божьей мироколицы через символику яблоневого цвета / света отразила саратовская загадка: «*На нашем **мосту** / Стоит яблонь с версту, / Как на яблоне цвет / Во весь белый свет*» («День»). У наших старых крестьянок до недавнего времени типичным было образно-ассоциативное восприятие цветущей яблони с характеристиками света/цвета (Подробнее см.: Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. С. 208).

Под кутным окном стоит яблоня,
Что на той яблоне свеча горела,
Свеча грела — искорка упала,
Искорка упала — озеро стало.
Что в том озере сам Бог искупался, —
С Иисусом Христом, светлым Рождеством!³¹⁹

В цитированной колядке *светоизлучающая яблоня* стоит *под кутным окном*, т.е. там, где в избе был «бабий угол», *кут* или *середь*, и стряпалась еда. Открываясь указанием на место, где растет *яблоня — под кутным окном*, — колядка делает своего рода приглашение к рождественскому угощению праздничной едой. Но это будет не просто праздничная пища — это еда с семантикой *возрождения и рождения*. Далее по тексту следует еще одна метафора *рождения* — это *искорка* от горящей свечи: «Искорка упала — озеро стало»³²⁰. Преобразованное *озеро* — это уже метафорические женские воды, в которых находится/купаются ребенок. Поэтому следующая строфа «*Что в том озере сам Бог искупался*» также служит метафорой рождения. Таким образом, колядка сообщает о рождении Иисуса Христа, но она является и своего рода сакральной провокацией/благопожеланием рождения детей в новом году той семье, которую поздравляли колядующие. Обратим внимание и на то, что сюжет колядки разворачивается «*на цвету/свету*» яблони как древа жизни и как — в соответствии с целостностью восприятия человеком божьего мира — рождественские тексты виноградий рисуют и удивительную картину мира, преобразованного на «тонко белом полотне» девушками-вышивальщицами, каждая из которых сродни муромской деве Февронии³²¹. В виноградье из с. Житово Верхнеленского округа, по записи 1915 г., красна девица-душа «шьет-вышивает-то шириночку». Только эта «шириночка»-холстинка в мифосимволическом смысле не проста — на ней Божий мир со всеми сторонами света, с солнцем,

---

³¹⁹Цит. по: Фурсова Е. Обычаи и обряды зимних календарных праздников сибирских белорусов (конец XIX—XX в.) // Белорусы в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 128.

³²⁰Анализируя схожий мотив в литовской колядке, Б.П. Кербелите обращает внимание на карельские причитания, для которых типична метафорическая замена слова «дитя» словом «искорка». Аналогичная замена характерна и для русской лексики, хотя для обрядового фольклора она не характерна, что типично и для других народов.

³²¹Напр., см.: ПКП. №55, 57.

луной, звездами: «По шириночке — красным золотом, / По шириночке — чистым серебром, / По шириночке — мелким жемчугом! / По краям сидят шириночки птицы райские, / Птицы райские поют песни царские!...»³²².

В русской поэтике отражением темы Первосвета является и образ таинственного **лазоревого цветка**, который в обрядовом фольклоре обнаруживается как раз в тех строфах, где может сиять образ «жемчуга на тычинке». Например, в мезенском рождественском винограде: «...Еще около двора да всё трава-мурава, / Трава-мурава, трава шёлкова, / На каждой на травинке по цветочку цветёт, / На каждом на цветочке по жемчужинке висит...»³²³. Символика цитированной строфы проста и требует своего прочтения. Цветок с жемчужинкой, как и жемчужина с горящей свечой, — это метафоры возрождения. В рождественском винограде с Пинежья образ «цветов лазуревых» как символов света усиливается/расцветается образами «хрустального стекла» и «чистого серебра», светоносных по самой своей сути, или, по характеристике С.С. Аверинцева, светящихся уже по своей „богосозданной“ природе³²⁴:

Да ещё около двора да всё трава-мурава!
Да всё трава ли мурава, цветы лазуревые!
Да воротá-те тут-ак были да как хрустального стекла!
Да ободворенки те были как чистого серебра!..³²⁵

Цитированные строфы когда-то в разных вариантах звучали по всей России. Сияющая драгоценным сиянием красота мира рождественских величальных текстов и в храмах, и на деревенских улицах — не только в честь Света метафизического, божественного («от лица Божия начался Белый Свет»), но и Света реального — нового годового круговорота. Астрономическое явление «прибытка» суточного светового цикла особенно ощутимо для людей аграрного общества, поскольку вся их жизнедеятельность ориентирована на смену дня и ночи, восход и закат солнца, смену сезонов. Согласно фольклорным текстам, одним из символов прибытка света для наших предков стал жемчуг. И это не только потому, что жемчуга было много (очень-очень

---

³²²КОПС. №17.

³²³ПКП: №53.

³²⁴Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 45.

³²⁵ПКП. №54.

много!) в чистейших родниковых водах рек Восточно-Европейской равнины. Но и потому, что в жемчуге заключена энергия воды, света, космоса и, возможно, земли (через жемчужницу на дне реки). Важно и то, что бело-перламутровый цвет жемчуга сияет великолепием всех оттенков белого света/цвета или, что то же, семью цветами радуги, т.е. жемчуг концентрирует в себе такие субстанциональные основы жизни, как свет/цвет/ вода. Свет и вода — это генетический код природы. Без них невозможно зарождение жизни и продолжение человеческого рода. Поэтому жемчуг в мифопоэтической картине мира наших предков символизировал и свет, и рождение, и новую судьбу. Примечательно, что у католиков одним из воплощений идеи Света рождения Христа стал рождественский вертеп в форме жемчужной раковины³²⁶.

Воспроизводство собственного рода, семьи, общины всегда было важно человеку, особенно в те далекие «на заре времен», когда люди были ближе к «тайнам о семи небесах» и «грамоте солнечного пространства» (С. Есенин). Знание символики жемчуга принадлежит к таким «тайнам о семи небесах» и «грамоте» некогда малозаселенного «солнечного пространства» Земли, т.е. тем принципам бытия, которые передают новым поколениям генетически важную информацию на выживание.

Говоря о концептах Света/ Первосвета в рождественском и новогоднем фольклоре, обратим внимание на то, что во всех величальных текстах (колядках, виноградях, овсеньках) в честь семейных пар с детьми и холостой молодежи, герои величания, благодаря сравнению их с астральными стихиями, должны прямо-таки сиять/сверкать/освещать всё вокруг себя: «хозяин» — *млад светел/ясный/светлый месяц*; «хозяюшка» — *утренняя/светлая/красная зоря-заря, красное солнышко*; «малы детушки» — *часты звёздушки*. Те же самые стихии представлены в фольклоре в качестве «родителей» всех величавшихся предавителей нового поколения. Именно месяц, солнце, звезды их *спородили, воспоили, воспелывали*. Важно и то, что эти стихии в качестве мощно и положительно светоизлучающих сил природы не просто побеждают

---

³²⁶ Информации о вертепах в форме жемчужной раковины мы обязаны религиоведу Р.В. Багдасарову.

тьму, изгоняют нечисть. Но каждого человека солнце, месяц, звезды, заря освещают и согревают светом, «одевают» светом. Люди жили с восприятием света вокруг себя как метафизической данности. Более того, в русском традиционном обществе человека воспринимали посредством первосущности Света, видимо, имея в виду некую глубину его духа и души: к человеку было принято почтительное обращение через образ Света, называя его сначала «Светом», а потом по имени-отчеству³²⁷.

Свет святочных костров

Защищенность светом пространства нового солнечного года, а также новое Солнце и обновление Света (через идею сожжения старого года), как и символическую связь земли и неба, ушедших поколений с миром живущих, воплощали **святочные костры**, усиливая тем самым «светоносность» пространства и времени от Рождества до Крещения.

Время зажжения костров маркировало ключевые дни Святков: Рождество, Васильев вечер, Крещение. Первые костры зажигались с появлением рождественской звезды на небе или в полночь Рождества Христова. Рождественский сочельник, его первые минуты и часы, был сакрализован верованием, что приближается время, когда небеса открываются людям. Это верование синхронизирует с ритуальными правилами (нормами) праздновать в рождественский вечер «встречу» умерших предков со своими потомками и зажигать для встречи костры во дворах. В этом отличие рождественских «семейно-родовых» костров от новогодних общественных/общесельских костров, получивших широкое распространение, вероятно, в 1930-е

---

³²⁷ В этнических традициях обмена приветствиями одним из универсальных архетипов было обращение к человеку посредством понятий «света» и «светоизлучающих звезд», «солнца», «зари».

Например, у армян утреннее приветствие звучит как «Барилуис!», т.е. «Доброго света/зари!». Общее приветствие типа русского «Здравствуйте!» — это «Баревдз!» — «Доброго солнца Вам!» (Сообщение этнографа И.А. Амирьянц, июль 2009 г.).

У коми пожелание более высокого порядка (ритуалы, благословения) «Шонді Енмэн овны!», т.е. «Жить с солнечным богом в/при себе»; «Жить под охраной Солнца»; «Жить, подобно солнечному дню». «Шонді ньылыд тэд овны!» — «С Солнцем попутно тебе жить!» (Сообщение этнографа и фольклориста О.И. Уляшева, апрель 2011 г.).

годы³²⁸. География обычая зажигать рождественские костры была обширной, но XX в. дает уже дисперсную картину, с локальными сведениями по всему южнорусскому региону, включая Самарское и Астраханское Поволжье³²⁹.

Теме встречи предков, которых, как полагают исследователи, воплощали ряженные, в научной литературе уделено повышенное внимание. Однако не менее важными были нетравестирированные формы (вне травести) таких встреч, как сакральная часть семейно-общинного культа. В их числе — костры, которые разводили во дворе, чтобы, согласно народным верованиям, согрелись души усопших. У православных русских собирательный образ всех ушедших поколений именуется *родителями*. Поэтому именно самые старшие в семье ходили за соломой для рождественского костра. Было принято солому для такого костра брать от одного из последних сжатых на поле снопов, как правило, *дожиночного*. Зажигали костры, чтобы *обогреть родителей*, или, как говорили воронежские и липецкие крестьяне, *отопляли умерших родителей, родителям ноги грели*³³⁰. Локальные варианты обычая греть родителей во многих местах, в соответствии с библейским преданием о рождении Христа-младенца, восприняли в своем названии имя Христа. Так, в Бутурлиновском р-не Воронежской обл. пожилые жители в рождественскую полночь *жгли пурину* (солому), которую брали на выгоне, чтобы *«Христа встретить», «Христа обогреть»*³³¹. В Борисоглебском р-не Воронежской обл.

---

³²⁸ Не только рождественские, но и новогодние, и крещенские костры зажигались для «встречи родителей»: «До последнего времени в селе сохранился обычай греть покойников вечером на Новый год и под Крещение. Зажигают костры, чтобы согреть в крещенские морозы „родителей“» (*Поликарпов Ф.* Бытовые черты из жизни села Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Воронеж, 1906. С. 25. Отд. оттиск из «Памятной книжки Воронежской губ. на 1906 г.»). Подробнее см.: *Зеленин Д. К.* Народный обычай «греть покойников» // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994. С. 164—178.

³²⁹ Челобитная нижегородских священников 1636 г. свидетельствует о всеместном распространении рождественских костров в первой половине XVII века в Нижегородском Поволжье: «Да на праздник же гедрь Рожества Хсва <...> по селам и по деревням кладут огни...» (Цит. по: *Корепова К. Е.* Указ. соч. С. 65).

³³⁰ Воронежская гос. академия искусств. Архив кабинета народной музыки (далее — ВГАИ КНМ): №656/3, 657/4, 782/10. Записи 1990-х годов.

³³¹ Там же: №576/1,8.

обычай сохранялся еще в 1960-е годы и назывался «*греть Христа*»³³². В с. Черная слобода Шацкого р-на Рязанской обл. поясняли: «*Иисуса Христа надо обогреть и осветить*»³³³. Каждый из цитированных примеров — отражение веры крестьян в необходимость согреть божественного младенца, как это принято по отношению к любому новорожденному. Обратим внимание на пояснение из с. Черная Слобода: младенца Христа надо не только обогреть, но и *осветить*. Не исключено, что этнолексическая идиома *Христа согреть и осветить* в своей второй части отразила какие-то представления о значении божественного Света в рождении каждого здорового младенца. Вероятно, именно в этом ключе расшифровывается лексическое выражение «*Бог осветил!*», которым устьцилёмы-староверы встречают известие о рождении младенца³³⁴.

В этот первый святочный сочельник наряду с ментальными рождественскими ассоциациями о Христе-младенце праздничный тезаурус русских был буквально пронизан метафорами новых рождений и малых детей. Более того: пространственно-временной континуум святок характеризуется тем, что естественное природное **обновление света** данного периода, будучи соотносенным на мифосемантическом уровне с **первосветом** и **обновлением света в связи с рождением Христа-младенца**, в реальной святочной обрядности было теснейшим образом сопряжено с темой **обновления поколений**. Поэтому обрядность, посвящаящаяся новой жизни, разворачивалась на фоне повсеместно звучащих пожеланий-величаний с образами Первосвета или нового Света, в контекст которых органично вплетается образ горящих свечей в качестве символа жизни людей. Одновременно в православных храмах, украшенных вечнозелеными еловыми ветвями, миряне наблюдали поток света от сияющих золотой парчой риз священнослужителей, одетых по чину рождественского богослужения.

---

³³²ПМА. 1978г.

³³³Слепцова И.С. Коляда // Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XXв.: Шацкий этнодиалектный словарь // Рязанский этнографический вестник (далее — ШЭС). Рязань, 2001. С. 218.

³³⁴Дронова Т.И. Указ. соч. С. 172.

Память о рае — воспоминание о рае

На этом фоне удивительно звучит одно из сокровенных представлений о душах детей, которым предстояло родиться. Короткий текст, записанный в Шиловском р-не Рязанской обл., повествует: «**В рождественский сочельник к раскрытым райским воротам Божья мать подводит души ещё не родившихся детей, чтобы они смогли выбрать себе будущих родителей**»³³⁵. Здесь *раскрытые райские врата*, к которым Божья Мать подводит души новых детей, символизируют **божественный Первосвет**, льющийся на людей и землю. Надо полагать, что в потоке этого света и со светом светящиеся души еще не родившихся детей как раз и совершают переход на землю, т.е. именно в то самое сокровенное время, когда женщины начинают вымаливать себе детей. Это представление о детях, которым предстоит родиться, мы находим в рождественских песенках:

Маленькие детки
Резали ветки,
На горе стояли —
Христа величали!
Рай отворился,
Ангелы слетелись,
Слава богу, —
Вышли запели!..

Был я у Христа в ограде,
Был я воссиянье,
Видел там такое чудо чудно:
Ангелы на небе возгремели.
Я этого грому испугался
На землю пал, не спознался.
Я хотел встать, убежати...

(с. Стояново Одоевского³³⁷
р-на Тульской обл.)

(дер. Мостовая³³⁶
Пермского р-на)

В песенках, типа цитированной из с. Стояново, не случаен образ (в мире традиционной культуры случайных образов не бывает!) «маленьких деток», которые «резали ветки». *Ветки* — это

---

³³⁵ Гаврилов А.Н. Указ. соч. С. 6.

³³⁶ Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч. II. Зима. Пермь, 2008. С. 49.

³³⁷ Гайсина Ю. Календарно-годовой круг в с. Стояново. Тула, 2004. №2.

³³⁸ Один из современных вариантов см.: Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.) / Под ред. Н.И. Савушкиной (далее — ОПП). МГУ, 1980. С. 238.

символ новых детей, которыми будет прирастать генеалогическое древо рода. Мотив «*Рай отворился, / Ангелы слетелись...*» также напоминает о новых рождениях³³⁸. Рождественский «припев» детей из д. Мостовой привлекает внимание образом рая (у Христа в ограде) и особенно образом ребёнка, когда он был как *воссиянье*, т.е., судя по контексту стиха, сияющей душой, которая в итоге «пала» на землю³³⁹. В обоих текстах, как и других их вариантах, сюжетные ситуации обрываются, словно останавливаются на некой заветной черте. После этих стихов дети обыгрывали известный сюжет подать «*на орешки — детям на потешки*».

Столь сокровенный архетип или воспоминание как знание о душах детей, выбирающих себе матерей у райских ворот в Рождество Христово, нашло отражение в широко известной детской игре, разные варианты которой объединяют ключевые понятия/символы «*золотые ворота*» и «*рай*». Главные персонажи игры — **два игрока**, изображающие с помощью поднятых рук «*золотые ворота*», и **дети**, которых должны пропустить или не пропустить через *ворота* в соответствии с сюжетом исполняемой песенки, а точнее, в соответствии с архетипом *ворот* как символом перехода из одного мира в другой или другое состояние. Цель игры — успеть пройти цепочке детей через «*золотые ворота*», потому что они могут закрыться. «*Золотые ворота пропускают не всегда!*» — так мог завершиться песенный припев игры. В с. Верхнее Талызино Сеченского р-на Нижегородской обл. во время игры дети исполняли: «*Раю-раю, играю, / Всех пропускаю, / А последних оставляю. / Сама мать пройдёт / И детей проведёт!*» Этот вариант песенки с началом «*Золотые ворота*» в Износковском р-не Калужской обл. имел продолжение: «*...А за ней отец / Проведёт через дворец. / Первый раз прощается, / Второй запрещается, / А на третий раз / Не пропустим вас!*» (запись 1971г.). В смоленском варианте игры детей, изображавших *ворота* (которые одновременно «вели» в рай и пекло), называли **ангелами** (пос. Стодолище

---

³³⁹ Отметим, что вариант рождественской рацеи из дер. Мостовой Пермского р-на по своему сюжету ближе духу народного понимания рождественской картины рая, чем вариант той же рацеи, записанный свыше 100 лет назад в Архангельской губ. (См.: *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. М., 1877. С. 148).

Починковского р-на)³⁴⁰. Память о рае и пращурах воссозда-ет куплет рязанского варианта игры: *Иди в сад, иди в рай, / Иди в дедушкин сарай, / А в бабушкин попадешь — / Конца края не найдешь*³⁴¹.

Образы-символы душ новых детей просматриваются и в группе некоторых рождественских колядок. Один из таких образов — *гуси-лебеди*, хорошо известный нам по детской сказке. В рождественских колядках образ *гусей-лебедей* — это метафора новых детей, рождаемых в свет и со светом: гуси, лебеди снесут яйцо, т.е. новую жизнь как новый свет. Поэтому в цитируемых колядках образ гусей-лебедей сопряжен с образом *малёшеньких колядовщицков*:

Напала пороша снегу беленького,
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели, —
Колядовщички, недоросточки,
Недоросточки, красны девушки
Сочили-искали Иванова двора...
(Псковская губ.)³⁴²

Коляда-миледа!
Ты пришла на двор
Накануне Рождества
По снежному полю...
Гуси-лебеди летели:
Мы малёшеньки колядовщички
Мы пришли прославлять
(Гороховецкий уезд)³⁴³

---

³⁴⁰Цитируемые тексты и варианты игры см.: *Науменко Г.М.* Русские народные детские игры с напевами. М., 2003. С. 330—334.

Игра в «*Золотые ворота*» мне известна по моему детству. Это был московский дворик в Измайлово первой половины 1950-х годов. Детей было много. Играя, дружно исполняли напевным речитативом:

Золотые ворота!	Второй запрещается,
Проходите, господа!	А на третий навсегда —
Первый раз прощается,	Закрываем ворота!

³⁴¹Рязанский областной историко-архитектурный музей-заповедник. Этнологический архив Об-ва исследователей Рязанского края (далее — РИАМЗ ЭАОИРК). III-878 (1920-е годы).

³⁴²*Шейн П.А.* Указ. соч. №1030.

³⁴³*Соболев А.Н.* Детские игры и песни // Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. XVI. Владимир, 1914. С. 24—25.

Обратим внимание: в обеих колядках присутствует мотив *по-роши, снега*. В псковской колядке гуси-лебеди летели *по пороше*. Снег и снежная пороша — светоизлучающие стихии, вместе с которыми летят гуси-лебеди, — символы душ детей в народной поэтике (вспомним мотив похищения ребёнка гусями-лебедями). Контекст цитированных колядок также подсказывает, что гуси-лебеди и «малёшеньки колядовщички» — равнозначные образы. Получается, что дети предстоящих рождений наступающего года в качестве благотворной силы незримо участвуют в творении крестьянского универсума. Красноречивое тому подтверждение — **малые дети** и **хлеб** как типичные образы северорусских рождественских величаний. Малые дети и хлеб — и есть суть крестьянского бытия: «...*Да выходили малы дети на краснó ново крыльцо, / Да выносили малы дети да бел крупичатый калач, / Да подавали малы детки да виноградчицам калач*»; «...*Да выносили малы дети бел крупичатый калач, / Да бел крупичатый калач да на тарелочке, / Да на тарелочке серебряной*» (виноградье; Пинежский р-н Архангельской обл.)³⁴⁴. В старинных сибирских виноградыях: «*Малы детушки в дому, как аладейка (вар. оладушки) в меду*»³⁴⁵.

«На что детей родить?»

Пожелание реальных новых рождений и малых детей многократно воспроизводилось на каждом дворе благодаря традиции обхода деревень группами колядующих, начиная с рождественского сочельника и до Васильева вечера и Нового года. Например, в «коляде-маледе» из д. Толстикова Меленковского у. тема детей обыгрывалась через ярко представленный в народной поэтике образ бобра, брачная символика которого была как-то связана с родами³⁴⁶ и соответственно с малыши детьми, что вполне прослеживается в сюжете текста: «...*Ивана-то жена через речку плыла, / ...Увидала бобра, / ...Своим деткам принесла на шубеночки...*»³⁴⁷. В советское время не

³⁴⁴ ОПП. №1, 2 (см. здесь же указатель вариантов).

³⁴⁵ КОПС. №17, 23.

³⁴⁶ Гуря А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1977. С. 213—214; Топоров В.Н. Мифопоэтический образ бобра в балтийско-славянской перспективе: генетическое, ареальное, типологическое // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998. С. 428—429.

³⁴⁷ Соболев А.Н. Указ. соч. С. 26.

прерывалась традиция «опевать» холостую молодежь с пожеланием женитьбы и детей: «Как у Ларина двора стоит дров костер, / ...Хотят Ваню женить..., / Пойдут детушки — часты звездочки» (таусенька; Вознесенский р-н Нижегородской обл.; 1970-ые годы).

К теме рождения детей подводит слушателей содержание многих вариантов текстов типа «мир как загадка и разгадка», в которых вопросы-загадки чередуются с ответом-разгадкой. В русских святочных текстах этого типа выстраивается сюжетная цепочка, рассказывающая от вопроса к ответу о сотворении среды обитания земледельческого социума. Звенья этой хитроумной, постоянно варьируемой цепочки объясняют целесообразность каждого шага в жизнедеятельности крестьян. При этом ответы на вопрос: «На что детей родить?» говорят о «разумной необходимости» их рождения: дети наследуют конкретные ценности, в том числе созидательный труд отцов-первопроходцев, например, трудоемкое дело «перелогии ломать» (распахивать землю после нескольких лет ее отдыха)³⁴⁸. Поэтому закономерно, что в крестьянском репертуаре были востребованы тексты с сюжетом «молодую в дом привозить» или «сына женить», чтобы в семье рождались дети. Один из выразительных таких текстов был записан московскими этнографами в 1965 г. в д. Цепелево Собинского р-на Владимирской обл.:

Калёда-малёда!	— Молодую привозить!
— Дома ли хозяин?	— На что молодую привозить?
— Дома его нету.	— На что молодую привозить?
— Где же он?	— Детей родить.
— Уехал по прутья.	— На что детей родить?
— На что прутья?	— За желудками ходить
— Мост мостить.	(т.е. собирать жёлуди — Л.Т.).
— На что мост мостить?	— На что за желудками ходить?
	— Свиной кормить! ³⁴⁹

Неожиданная концовка цитированного текста «детей родить», чтобы дети помогали «свиной кормить» (и далее, по шацкому варианту, «свиной кормить», чтобы «кишки чинить»)

---

³⁴⁸Тексты с этим сюжетом см.: Завойко Г.К. Указ. соч. С. 142; Чичеров В.И. Указ. соч. С. 138—139.

³⁴⁹ТФВД. С. 123, №5 (Варианты см.: Терещенко А. Быт русского народа. Ч. VII. СПб., 1848. С. 121; ШЭС. 69).

прагматична с точки зрения современного мировосприятия. Однако для человека традиционной культуры в таком завершении обрядового текста скрыт великий смысл, поскольку вепрь/боров/кабан/свинья стоят в числе универсальных мифологизированных (в том числе календарных) символов. В святочной мироколице русских, как и других народов, боров/свинья — знаковое животное, воплощение плодovitости и успешного земледелия. «Калёды-малёды» типа цитированного текста хранят глубокую информацию не только о хозяйственно-культурных традициях, но и былых сакральных ценностях народа.

Знаком рождения новых детей в наступающем году являлись и ряженые «Колядой» с ребенком в руках. В ряжском с. Поплевино Рязанской обл. рассказывали: «Под Рождество Коляда ходила: нарядится баба или мужик. Маленького в мешок посадят и ходят с ним»³⁵⁰. В некоторых местах (например, современное пограничье Сасовского и Пителинского районов Рязанской обл.) к Рождеству и сейчас выпекают рождественское печенье «калёдки» — группу хлебных фигурок-человечков как символ семьи из трех поколений, со стариками, родителями, малыми детками и даже младенчиком в люльке. В старинной колядке из Ставропольской губ. персонифицированный образ Коляды рисуется в качестве заботливой няньки — покровительницы малых детей: Коляда шла по дорожке, нашла «топорышко», «срубил дубышко», затем баню истопила, каши наварила, «детей накормила/ и спать положила.../ Дети встали, по копейке ей дали!»³⁵¹.

Малёшеньки колядовщички

Многочисленные группы колядующих детей в текстах колядок названы в соответствии с народной возрастной терминологией: это — *малёшеньки колядовщички, колядовщички-недо-*

---

³⁵⁰Ивлева Л.М. Ряженые в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 82—83.

Для святочного ряженья XX в. стали типичными и более откровенные образы: женщины рядились как будто «беременными», при этом «размер живота», по наблюдениям старожилов, «к концу XX в. всё увеличивался» (*Ковырина Ю.И. Материалы по календарной традиции карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий. Петрозаводск, 2010. С. 165*).

³⁵¹ПКП. №90.

росточки, ребята-колядовщики — молодые недоросточки или просто недоросточки, а также девочки — колядки, душечки — колядки³⁵². В некоторых виноградыях прямо указывается, что с исполнением колядок ходили только дети: «А девки виноградые большо поют, / Виноградые красно-зеленоё, / А с колядой-то малы ребята ходят...» (Пинежский р-н; 1970-е годы)³⁵³.

Вечер рождественского сочельника как «детский вечер» был в свое время описан владимирским священником А.Н. Соболевым³⁵⁴. По его описанию, с колядой ходила гурьба мальчиков и девочек, и среди них малыш с соломенной звездой.

Мои рассказыцы старшего возраста — участницы колядований или славлений с фигурой рождественской звезды — сохранили воспоминания об этом обычае на всю жизнь. Как правило, соблюдалась традиция ходить со звездой только мальчикам. В Шировском р-не детское славление называлось *Рождество петь*³⁵⁵.

Экспедиции Г.Л. Дайн в Ярославскую обл. (1994г.) позволили записать от старожилов 1900—1920-х г.р. типичные особенности участия деревенских детей в рождественской обрядности. Так, в д. Климово Мышкинского р-на в 1900-е годы мальчики ещё носили в Рождество самодельный вертеп. Позднее, в 1910—1920-е годы рождественское христославие проходило уже без вертепа, но со звездой и ёлочкой. В Даниловском р-не

---

³⁵²Там же. №6, 7, 27, 47; КОПС: №81.

³⁵³ОПП. №1.

³⁵⁴«Вот вспыхивает на востоке ярким трепетным светом звезда, – звезда вифлеемская. Зашевелилась детвора, ... теперь настало время её деятельности. „Коляду петь! Коляду петь! Пойдём с Колядой!“ Кричат мальчики и девочки, выскакивая то из одного дома, то из другого. Вот их уже собралась гурьба; откуда-то у одного малыша появилась в руках палка с приделанной соломенной звездой...» (Соболев А.Н. Указ. соч. С. 24).

³⁵⁵Один из довольно редких вариантов *рождественской звезды*, которая мастерилась из подручных средств, использовался в с. Ванчур Шировского р-на. В этом селе традиция детского славления со звездой и пением рождественского тропаря бытовала до 1940-х годов. Здесь начинали славить «с часов трех и до заутрени». Основой для звезды служил лубок (хлебное сито или решето). На одну его сторону натягивался надутый, как шар, свиной пузырь, в другую вставлялось стеклышко с приклеенными цветными бумажками. Внутреннее пространство украшалось «всякими крестиками – зелеными, желтыми, красными». Сюда же ставилась горелка с маленьким горящим фитильком. Для детского восприятия 1930-х годов это была красивая картинка. По рассказу О.К. Фаломеевой, рождественский тропарь она помнила всю жизнь (ПМА. 1999г. Записи от О.К. Фаломеевой, 1922г.р., и В.К. Морозовой, 1932г.р.).

в д. Федурино «*коляду кричали*» под Рождество только девочки, а на другой день уже одни мальчики ходили «христорсловами» с соломенной звездой. Типичной для среднерусской полосы была картина, когда мальчики и девочки сообща «*коляду собирали*»: в д. Нефёдово при этом мальчики плясали в самодельных ма-сках, а девочки «кричали» колядку и «принимали подавание»³⁵⁶.

Если у кого-то из детей была гармошка, то колядовали или Христа славили с гармошкой. В этом случае соблюдалось правило: юный гармонист никогда не заходил в дом, т.к. христорс-лавление начиналось с чтения рождественского тропаря.

Детское славление продолжалось и во второй день Рождества.

Коляда-маляда. Уже сам зачин колядных текстов «каляда-маляда», «коледа-моледа», «калёда-малёда», «калида-малида», «коляда-миледа», «калёдушки-малёдушки» и др. подразумевает, что народная персонификация первой недели святок с именем Коляда, связана неким ассоциативно-функциональным родством с понятием, обозначенным в колядных зачинах как «маляда», «моледа», «малёда» и т.д. Корень этих слов указывает на молодость в его широком возрастном контексте (от детей до молодоженов). В то же время многочисленные вариации этого корня отражают как особенности русского областного и локального произношения (о́канье, а́канье, ёканье и др.), так и факт освоения детьми слова «молода»³⁵⁷. Предположение подкрепляется значительным блоком фольклорно-этнографический информации по среднерусскому региону, где колядки с зачином типа «калёда-молёда» исполнялись, как правило, детьми. В данном случае принципиально важно следующее культурологическое наблюдение С.С. Аверинцева: «В истории культуры не раз возникали семантические системы, доверявшие сакральную функцию не патетике „высокого стиля“, но просторечно-детскому, просторечно-стариковскому лепету уменьшительных форм»³⁵⁸.

---

³⁵⁶ Дайн Г.Л. Об изучении детской традиционной культуры (по материалам экспедиций 1992—1994 гг. в Рязанскую, Курскую, Пензенскую, Ярославскую области) // Русское народное искусство. Сообщения Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника. 1996. Сергиев Посад, 1998. С. 181.

³⁵⁷ Забавный пример детского упрощения зачина колядки даёт одна из современных записей: «*Каля, маля, ехала сударя...*» (Гороховецкий р-н Владимирской обл.; ТКГК. №24).

³⁵⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 185 и далее.

Мы склонны считать, что в редуцированных (сообразно локальной лексике или же детскому произношению) записях идиомы «коляда молода» во многих случаях подразумевалась сосватанная невеста (зима — время свадеб) или молодуха первого года брака, т.е. *Коляда молодая, Коляда молодица*. Тезис подтверждается следующими фактами. Еще в 1980-е годы в ареале юго-западного побережья оз. Ильмень (Новгородская обл.) вечером в первый день свадьбы *кричали* (в буквальном исполнительском значении этого слова) под окнами молодых «*Молодую коляду*»: «*Коляда, коляда!* (вар.: *Молода, молода!*) *Поддай пирога! Подашь пирога — будешь хороша молода! Не подашь пирога — будешь худая молода!*»³⁵⁹. В Лысковском р-не Нижегородской обл. исполняли: «*Коледица, молядица, красная девица! Дай коледу...!*»; «*Ой, колёдка, ой, молёдка!... В лесу растет сосна... Намостим мы мосты... К нам приедут гости...*»³⁶⁰. Наш вывод относится только к текстам с соответствующим сюжетом, который исполнялся для молодухи как величание и с целью «накликать» ей дитя. Вероятнее всего, за начальным призывным возгласом колядок типа «калёда-малёда» в определенных случаях как раз и подразумевалась та самая *роженица-молодуха*, которую «накликивали» (чтобы «сына женить») колядовщицы. Потому-то значительную долю рождественских колядок исполняли именно дети — они ближе всех к проецируемыми новым детям (как это бывает на свадьбе, когда невеста держит на коленях младшего брата или другого мальчика).

Одна из ранних записей с зачином типа *коляда молода* была сделана в 1850-е годы в Дмитровском уезде Московской губ. и является самой ранней. В ней речь явно идет о молодухе первого года брака, т.е., согласно обрядовому тексту, «*коляде молодой*». Соответственно в колядке во всей полноте звучит всегда волнующая тема рождения новых детей:

Коляда молода
 У Иванова двора!
 У Ирины у большой
 Купила горшок —
 Кутью варить, жену кормить,

---

³⁵⁹ Лапин В.А. Воля — групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 102.

³⁶⁰ ФАНУ. №104, 112.

Детей родить,
А им пашню пахать,
Переложки сломать!³⁶¹

Тема «молодой Коледы» замечательно представлена в развёрнутом тексте с плясовым припевом «*Вот и Кóлида, вот и мóлода!*» по записи 1973 г. в дер. Стеревнёво Усвяцкого р-на Псковской обл. Один из сюжетов этой колядки (он, возможно, заимствован) — любовно-брачный, и его воплощает типичный для данного варианта колядки образ *зайца*³⁶².

В «чистом» виде колядок с зачином «*коляда молода*» опубликовано ограниченное число³⁶³. Между тем записано и опубликовано много текстов с зачином типа «*каляда-маляда*» как напоминание, что детей надо одарить/ наградить или подать *коляду/колядку*, т.е. детское рождественское угощение, принятое в местной традиции. Сам рождественский обход мог называться *собрать коляду* или, как в Поморье, *славить шаньги*.

Христос-«пеленашка»

Знаком продолжения рода-племени в его новых поколениях, рождения новых детей и детства стали соответствующие народные традиции второго и третьего дней Рождества Христова (26 и 27 декабря ст. ст./ 8/ 9 января новый ст.). В Православной Церкви 26 декабря/ 8 января посвящается древней иконе Божьей Матери «Блаженное Чрево» (современное название «Помощь в родах» или «Помощница в родах»³⁶⁴). День именуется Собором Пресвятой Богородицы. В народе его именуют *Бабины, Бабий день, Бабы каши, Каши*. Белорусский хрононим — *Богородица*. День известен так же, как *Второе Рождество, Собор*.

---

³⁶¹ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Русского Географического общества. Вып.2. Пг., 1915. С. 712. №17; Чичеров В.И. Указ. соч. С. 138—139.

³⁶² ТМРП. С.15. Так же см.: КОПС. №46, 62; Гура А.В. Указ. соч. С. 178—180.

³⁶³ Например, см.: КОПС. №46, 82.

³⁶⁴ По современным наблюдениям Н.В. Шляхтиной, «кроме иконы “Помощница в родах” в домашнем иконостасе семьи можно увидеть образ Богородицы “Млекопитательница”, перед которым молятся кормящие матери, а также другие иконы, которые супруги, исходя из своего духовного опыта, считают связанными с благополучием семьи» (*Шляхтина Н.В. Дом как среда проявления религиозности: святыни, освященные предметы и связанные с ними представления в современных русских православных семьях // Традиции и современность. 2004. №3. С. 21).*

На Смоленщине его называют *Молодёны*. В Арзамасском р-не Нижегородской обл. — *Бабины/Бабушкин/Богородицын день*. Согласно объяснению, записанному в Арзамасском р-не: «*Бабушкин день, а по-Божьи — Богородицын день, Богородица отдыхает после родов*»³⁶⁵. Сложился обычай посвящать праздник в честь рожениц прошедшего года и бабушек-повитушек. Такая традиция — своего рода подведение итогов годовому матриониальному циклу³⁶⁶.

Обрядо-праздничная структура второго дня Рождества Христова или Бабьих каш отражает социально-нравственные и этнопсихологические принципы понимания такой фундаментальной базы существования народа, как воспроизводство собственного рода-племени. Этнографические материалы позволяют наметить условную структуру народного празднования этого дня. Его героинями были: в первую очередь, начиная с раннего утра, *Матерь Божья* как Мать Младенца Иисуса Христа, затем *женщины-роженицы* и бабушки-повитухи и, наконец, все *молодые женщины первых лет брака*, хотя и не рожавшие, но являющиеся потенциальными роженицами предстоящего года.

Празднование дня Собора Пресвятой Богородицы складывалось с первых столетий христианства на Руси³⁶⁷. В XIX—X вв. оно предварялось общим молебном женщин в храме перед иконой «Блаженное чрево». Молились (и молятся) все: женщины рожавшие — с благодарственными молитвами, бесплодные вымаливали детей у Богоматери и святых угодников, поскольку Рождество — благоприятный день православных святцев для таких молений. Приходя с молебном к Божьей Матери в храм, одновременно поминали усопших предков, что вообще типично для семейно-родовых традиций восточных славян во время молений в церкви. В Подольской губ. женщины, придя в храм на второй день Рождества, приносили *хлеб*, называемый «*приносом*», над ним и совершалась краткая лития по усопшим.

---

³⁶⁵Коренева К.Е. Указ. соч. С. 66.

³⁶⁶Подробнее см.: Листова Т.А. Русские обряды и обычаи, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142—171; Георгиев Г. Дарение «повойника» в болгарской традиционной культуре // ЭО. 2003. №4. С. 52—66; и др.

³⁶⁷См.: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 45—47, 162—165 и др.

Комментируя обычай подолян, Н.М. Гальковский писал: «Хотя в этом случае нет намерения поминать умерших, но оно совершается по издавна установившемуся обычаю в Малороссии и других молитвословий над приносами не совершается»³⁶⁸. Обычай назывался «*ходити на родини до Богородици*»³⁶⁹. Таким образом, женщины, молясь в храме, благодарили Божью Мать с помощью молитвы и *хлебного дара*, как это принято, когда речь идет о проведывании роженицы. Над хлебным даром совершалась и лития по усопшим. В данной традиции — связь времен и поколений.

Национальные особенности обычая «*проведывания Богородицы*» в день праздника Собор Пресвятой Богородицы отразились в разных вариантах рождественских стихов с сюжетом «*проведчиков Христовых*», типичных для Русского Севера. Один из вариантов сохранили староверы Печоры:

Коледа, моледа, отворей ворота!
Снеги на землю падали, перепадывали!
Со небёс Христос да со ангелом Гавриилом!
Пресвятая Мати Мария по Божьим церквам ходила,
Божьей дани насбирала,
Руку к сердцу прижимала,
Всем проведчикам дала (т.е. сказала — Л.Т.):
«Вы, проведчики Христовы,
Вы спроведайте про то,
Про Христово Рождество —
Прикатилось Рождество господину под окно...»
(Усть-Цильма. Запись 1984г.)

Цитированный текст — контаминация духовного стиха с колядкой, что типично для бытования этих фольклорных жанров в XXв. По воспоминаниям, «*пели это девки малы, подростки, небольшие таки девчонки*»³⁷⁰.

---

³⁶⁸ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916. С. 168.

³⁶⁹ Об обычае хождения в храм со снедью на «родины к Богородице» подробнее см.: Гальковский Н.М. Указ. соч. С. 167—169; Страхов А.Б. Указ. соч. С. 199—201.

³⁷⁰ Дронова Т.И. Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / Сост.: Т.И. Дронова, Т.С. Канева. Сыктывкар, 2008. С. 104 (рождественский стих — № 511). См. также: ПКП. №21; ОПП. № 4; Ковырина Ю.И. Указ. соч. С. 160 и др.

Обратим внимание на то, что народные рождественские песнопения о «*проведчиках Христовых*» исполнялись детьми и что главное полагавшееся им угощение — это «*божья дань*» в форме хлебных изделий: *рождественских рогулек, пирогов, калиток, шанег*, т.е. хлебной выпечки, входившей в ассортимент детских гостинцев. Например, в пинежских деревнях рождественский детский стих завершался строфами:

— Хозяин, хозяйюшка, встречай Рождество,
Со пивом, со вином и со сладким медом!
Нам не дорога чара зеленого вина,
И нам не дорога братыня пива пьяного,
Дорога нам козулечка рождественская
И дорога ваша копеечка серебряна.

Хозяин, хозяйюшка, посеребрите коляду (здесь: «*божью дань*», гостинцы. — Л.Т.),

Подавайте, не ломайте, по целому пирогу
И наверх — *калиточку!*³⁷¹

В этом случае народная мудрость, соединённая с рождественской традицией, вновь поднимала на высоту главное богатство семьи и общества — это дети и хлеб.

Итак, согласно рождественским величаниям, дети или выносят колядующим «*бел крупитчатый калач*», или сами получают «*божью дань*» в форме рождественской обрядовой выпечки. В итоге реконструируется, может быть, одна из важнейших заповедей аграрного общества: данность бытия, его полноценность обеспечивается двумя Божьими дарами: фактором детства и детей, зачатых и возвращенных на непреходящем понимании и восприятии сути хлеба как Божьем даре и сути семьи в детях также как Божьем даре. Вместе — дети и хлеб — скрепляют и расширяют семейно-родовые узы, связывая прошлое с настоящим и обеспечивая продолжение жизни³⁷².

Обычай «*проведывания*» Богородицы актуализировал человеческий фактор божественного образа Богоматери и сблизил его с обычными женщинами, что подчеркивают строки духовных стихов с упоминанием *первого повивания*, в данном

---

³⁷¹ ОПП. №4.

³⁷² Подробнее см.: Тульцева Л.А. Символы хлеба и неба: решето и ночва в русской ритуальной традиции и обрядах тайного знания // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Материалы Девятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2010. С. 167—172.

случае Младенца Христа. Мотив рождественских стихов — чисто женское, а кроме того, божественное действо повивания Богородицей новорожденного Христа (*Христа сповила*) — в ритуальных традициях равнозначно началу жизненного цикла новорождённого, его *вочеловечиванию*:

Днесь прекрасная девица —
Небу и земли Царица —
Она Царя Христа рождала
И млекою Его питала,
И во яслях полагала,
И пеленами повивала...³⁷³

В новогоднем фольклоре мотив повивания младенца Христа продолжается темой наречения именем: «Мать Пречистая дитя всповила / И имене дала...»³⁷⁴

Глубокое почитание Богородицы как *Божьей Матери, Богоматери*, которая повивает новорожденное дитя, как это первой обязана сделать каждая бабушка-повитушка, а после и женщина-роженица, интегрировало женскую часть общества на всех этапах истории. Это способствовало закреплению этнокультурного опыта в характере женского деревенского празднования, называвшегося *бабьи каши, каши, бабий день* и др. Его типичная картина — совместное гулянье у *бабушки-повитушки* родителей малых детей, рожденных в истекшем году. Особенность празднования *бабьих каш* — угощение повитух *кашей*. В среднерусском регионе предпочтение отдавалось пшенной каше. *Праздничная каша пшенная молочная* — еще в 1950-е годы была праздничной едой и считалась обязательным блюдом на крестильном обеде. Именно такая каша стала символом женского празднования дня Собор Пресвятой Богородицы на второй и третий дни Рождества. Вместе с повитухами такой кашей угощали и женщин-рожениц.

В недавнем прошлом жителей села тесно связывали родственные и соседские узы, поэтому празднованием было охвачено всё село. Типичны воспоминания 1998—2002 гг., записанные в селениях Шиловского р-на Рязанской обл. о *кашах* или *бабьем дне*: «Ходили по селу — знаешь, сколько было народу-то! сейчас народу нет. Бабы плясали, играли. Только на второй

---

³⁷³Завойко Г.К. Указ. соч. С. 135.

³⁷⁴КОПС. №138; см. также: №41, 89.

день Рождества. Только ходили — плясали по селу, вот *пряма* карагодами ходили, гармошка, бабы пляшут. И мужики ходили с бабами. Ну, *тогда* ведь весело — веселей было!»³⁷⁵. «Гуляли из дома в дом, от знакомой к знакомой»; «одевались по-праздничному в атласки, ходили, гуляли». В с. Борок повитух и недавно родивших женщин потчевали кашей с мясом³⁷⁶.

Общественным характером отличались те варианты рождественской обрядности, которые закрепляли в общине *новый статус молодоженов*. В первую очередь это выражалось в их громогласных чествованиях-величаниях ватагами односельчан. Календарные тексты не пели, а кричали, чтобы слышала вся мироколица! В крестьянском репертуаре были особые рождественские и новогодние тексты, которые исполнялись только для молодых брачных пар.

Ритуальный контекст имел и *пир горой*, который устраивался для молодых супругов первого года совместной жизни на второй и третий дни Рождества. Такой пир был непременной частью семейного праздничного календаря. Гостевания молодых, когда повсюду праздновались *бабы каши*, были, вероятно, частью матримониальной обрядности — в честь супружества и рождения детей. В это самое время колядовщики под окнами молодых с куклами-«пеленашками» в руках громко исполняли колядки «с намёками». Например, в Пошехонском р-не Ярославской обл. (д. Бараново) еще в конце 1940-х годов во второй день Рождества ряженые колядовщики ходили по деревне с куклой-«пеленашкой» и кричали колядку с просьбой «*ребёнку на сосочку*»:

Ходила Коляда,

Просила пирога — масленого-перемасленого,

Сахарку-чайку на заварочку,

Маленькому ребёнку на сосочку!³⁷⁷

Кукол-«пеленашек», в соответствии с атмосферой праздника, делали на Рождество Христово в Сергиевом Посаде. Когда дети рассматривают икону «Рождество Христово», они говорят:

---

³⁷⁵ ПМА. Рязанская обл. 1998 г. Шилковский р-н, с. Константиново. Записано от П.Г. Осинной, 1914г.р.

³⁷⁶ Гаврилов А.Н. Указ. соч. С. 11.

³⁷⁷ Шустрова И.Ю. К вопросу о традиционной праздничной культуре русских (по материалам исследований в Ярославской области) // Полевые исследования. Нов. сер. / Отв. ред. С.И. Вайнштейн. Т. 1. Вып. 2. М., 1993. С. 4—5.

«Христос — тоже пеленашка». «Пеленашек», т.е. грудных младенцев, 26 декабря по старому стилю или 8 января по новому стилю носят к причастию в храм. Поэтому на Смоленщине день называют *Молодёны*. Это мог быть также и третий, и четвертый день Рождества, т.е. вплоть до 29 декабря ст. ст. или 11 января нов. ст., когда в Православной Церкви отмечается память «мучеников-младенцев, от Ирода в Вифлееме избивенных».

В некоторых местах на второй день Рождества было принято «показывать невест» (первая половина XXв., Калужский край).

Именно к Рождеству девушки-невесты приурочивали свои загадывания о *будущих детях*. Для такого случая предпочтение отдавалось предметному миру растительного происхождения. Например, пятились к черемухе, срывали ветку и считали почки: много почек — «значит, попадешь в большую семью. 12 почек у черемухи — попадешь в большую семью»³⁷⁸. Известным было гадание по полену. Его, как в Палехском р-не Ивановской обл., «воровали» и по сучкам судили, сколько будет детей³⁷⁹. Другой вариант этого загадывания: пятились к поленице, а потом считали сучки на вытащенном полене³⁸⁰. Часто прибегали к соломе: подбрасывали к матице и смотрели, сколько соломинок пристанет, столько детей ожидали. Популярным было ночное загадывание по звездам и месяцу (с зеркальцем). Девичьи гадания проходили в веселой компании сверстниц и совершались, хотя и не вполне серьезно, но с желанием «определить» долю, будущую судьбу, замужество, чем и объясняется живучесть этого специфического явления обрядово-праздничной жизни крестьян.

Повитуха у косяков дверей

Примечательно, что пространственно-временной (или числовой) код бабьих гуляний у старушек-повитушек стоит в некоем ритуальном соответствии с обрядом против «сил», вредящих человеку (имеются в виду разные олицетворения болезней, колдуны и др.). Обряд был в компетенции повитух и совершал-

---

³⁷⁸ АИЭА. ПМА. №8845. 1986г. Тетр.2. Л. 74 (д. Иванищи Контеевского прихода Буйского р-на Костромской обл.). См. также: Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лавренева (далее — ТОРП) Л., 1985. №147.

³⁷⁹ ПМА. Ивановская обл. 1990г.

³⁸⁰ ТОРП. № 107.

ся также на второй день празднования, но уже не Рождества, а Нового года (2/15 января). Верили, что 2 января ст. ст., когда солнце повернуло «на лето», мороз выгоняет из ада лихорадок, которые ищут пристанища в теплых избах. Тогда, рано на заре, старушки-повитушки справляли *смывание лихоманок*. Повитуху встречала с *хлебом-солью* и *низким поклоном* старшая в доме женщина. Не входя в избу, бабушка-повитушка обмывала лечебно-обережным снадобьем притолоку избы и вытирала ее чистым полотенцем. После этого изба считалась защищённой от болезней и недобрых глаз на весь год³⁸¹.

Единственной исполнительницей обряда была *повитуха*. Значит, от нее зависело не только и, может быть, не столько здоровье обитателей избы, но нечто большее. Это большее определяется особой ролью двери, дверных косяков и притолоки в жизни человека. Как известно, мифоассоциативная метафора двери — это чресла рожавшей женщины, а притолока — это метафора потолка, верха жилища, своего рода закомара. С верхом, с притолокой, с наглавным брусом связаны традиционные семейные обычаи, отмечавшие возрастание ребенка. Деревенская традиция до сих пор придерживается старины, связанной с первым постригом ребенка при исполнении одного года. В этом случае состриженные волосы ребенка «положат повыше, под палаты на брусок, чтобы рос повыше» (1986г., с. Дьяконово Буйского р-на)³⁸². Здесь же, на косяках двери, каждый раз все выше к притолоке и сейчас принято делать меты по мере возрастания ребенка или его выздоровления³⁸³. Не известны приговоры, с которыми бабушка-повитушка обмывала притолоку. Не исключено, что они содержали сакральные формулировки, в которых речь шла не просто об избе, а избе «рожающей», в лоне которой зачинались и будут начинаться новые поколения. Обряд *повитухи смывания лихоманок* — это также акт **победы** или понов-

---

³⁸¹ Сахаров И.П. Указ. соч. С. 200.

³⁸² АИЭА. Экспедиция Л.А. Тульцевой в Костромскую обл. 1986г. №8845, тетр. 2. Л. 56.

³⁸³ Известен следующий обычай, к которому обращались во время тяжелой болезни ребенка: в косяке двери на высоте роста ребенка делается небольшое отверстие и вставляется вербинка, отломанная от освященной ветки вербы. Считается, что ребенок пойдет на поправку, как только перерастет мету с вербинкой. Возможно, изначально обрядовые действия с вербной палочкой были в компетенции повитухи. Обычай сохраняется у кубанских казаков (любезное сообщение этнографа И.А. Кузнецовой).

ления/творения обжитого пространства во имя жизни семьи со всеми её «рожденными в одном гнезде» детьми, в том числе теми, кому предстояло родиться. Этот обряд — очередное свидетельство изначально высокого ритуального статуса фигуры повитухи в социальной иерархии традиционного общества³⁸⁴.

В свете изложенного становится понятнее мифоассоциативная символика *дверей* в величальном святочном фольклоре:

Мы ходили, походили / По святым вечерам!

Да—ай овсень! Да—ай овсень! (*вариант* — Бай овсень!)

Мы искали, поискали / Алексеева двора.

Как *Лексеев двор* / Весь тыном обтынён,

Весь тыном обтынён, / Кольцом обведён!

У Лексея на дворе / Стоял шитёр,

Как в эвтим шитре / *Трое дверей*:

Как *первыи двери* — / Свитёл месяц,

А *вторые двери* — / Красно солнушко,

Как *третьи двери* — / Часты звёздушки!

Вы скажите, прикажите / У ворот не держите...

(*авсенька*; Михайловский у. Рязанской губ.)³⁸⁵

В новогоднем поздравительном тексте *три двери* ритуально соотносятся с семьей — отцом, матерью, их детками—*частыми звёздушками*.

Сакрально значимым продолжением правила-оберега повитух обмывать притолоку входной двери являются обычаи крещенского сочельника. Это широко известная и не забывавшаяся в течение XXв. традиция ставить кресты на притолоках всех дверей, косяках окон и перекладинах ворот, кропить дом святой водой в канун праздника Крещения Господня. Обычай поддерживался в первую очередь женщинами старших возрастных категорий³⁸⁶.

---

³⁸⁴Согласно болгарскому апокрифу, **сама Богородица** повелела всем повитухам всегда быть наготове, так как мать и нарождающийся младенец могут находиться на пороге небытия (*Кабакова Г.И.* Повитуха // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого (далее — СД). Т. 4. М., 2009. С. 83).

³⁸⁵*Шейн П.* Великорус в своих песнях... Вып.1. №1042. См. также ниже (с. 44) текст ряжской овсенки с сюжетом *четырёх дверей*; *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. С. 44.

³⁸⁶Напр. см: *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX—XX вв.). Омск, 2002. С. 79.; *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Крещение // ШЭС. С. 238—239 и др.

Рождественские пастушьи обходы

В традиционной картине мира фигура пастуха занимает свое автономное место. Не случайно в народных рождественских рассказах на темы библейских сюжетов к месту Рождения младенца Христа спешат, по одним рассказам, — волхвы, по другим — пастухи.

В среднерусском регионе приход пастуха ранним утром в Рождество Христово сулил домохозяевам рождение детей и приплод скота. Это ожидаемое благосостояние было главной темой пастушьих приговоров и пожеланий. Произнося их, он бросал в подол к хозяйке (как зерно в борозду) овес или смесь из разных зерен: «*Передник дёржишь, а он тебе сыпет и [приговаривает]: „На телят, на ягнят, на беременных баб!“*» Варианты: «*Нате, на ребят, на ягнят!“*»; «*На телят, на ягнят, на ребят!“* и др. Массовый материал, записанный нами в Поочье, говорит об особой роли подола хозяйки или ее передника в пастушьем посевании. В этом и других обрядовых действиях подол символизирует женское лоно, рожающее новую жизнь. Поэтому именно в подол или в передник пастух бросал **зерно**, как залог его весеннего возрождения, как залог рождения новых детей.

В южнорусском регионе и Сибири аналогичный обряд приурочен к раннему утру Нового года. Он был в компетенции мальчиков и назывался *Васильевым посыпанием*, так как в храмах в это утреннее время начиналась праздничная служба в честь святителя Василия Великого (1/14 января). Поэтому все вечерние и утренние новогодние величания на огромной территории среднерусской России, Поволжья, южнорусского региона начинались с упоминания, что колядовщики «**ходят по святым вечерам**» (но не страшным!), и, прежде чем начать величание, испрашивают благословения у Бога. Например, в с. Посопная Пелетьма Мокшанского у. Пензенской губ. вечером под Новый год «*девки-подростки*» подходили к окну, одна из них спрашивала разрешения исполнить таусеньку, затем хором:

Благослови нас, Бог,
Завтра Новый год!
Всё святые вечера! Таусень!
Собирался Иван [имя] /
Ко заутрени. Таусень!

Надевал кафтан /
Во сто рублей! Таусень!...³⁸⁷

Типичный утренний зачин *таусеньки* (с. Аришки Городищенского у. той же губернии):

Таусень!
Благослови-ка, Бог, утра Новый год!
Таусень!
И святые вечера!
Таусень!...³⁸⁸

Мальчишеские обходы с посеванием зерна совершались в общем ритуальном контексте утра Нового года — на фоне обращений к Господу Богу с просьбой благословения, обходом причтом прихода с освящением посевного зерна³⁸⁹, сборами прихожан к новогодней утрени, праздничного приготовления пищи. Они отличаются от пастушьих (что соотносится со стратификацией их ролей в структуре общества). Мальчики зерно рассеивали по полу, который в данном случае символизировал поле, и бросали его в божий/передний угол. Соответственно и приговор начинался словами: «Сею-вею, посеваю». И дальше типичные благопожелания: «*Святой Василий! На новое лето роди рожь, овёс, пшеницу и всякую пшеницу!*»; «...*С Новым годом поздравляю! Со скотом, животом, / Со пшеничкой, с овсецом, / С малым детушкам, с малолетушкам...! / Сколь на кустике веточек, / Столь бы у вас было детушек!*» (Нижеудинский у. Иркутской губ.)³⁹⁰. Были любимы разные варианты новогоднего поздравления «*Сею, сею, посеваю, / С Новым годом поздравляю! / На телят, на жеребят / И на маленьких ребят!*» (Новосибирская обл.). Курский вариант: «*Сето, сето! На новое лето! / Сколькo дубочков — столькo сыночков!*». На Брянщине поздравляли: «*С Новым годом да со всем родом!*»³⁹¹. Современная

---

³⁸⁷Троицкий А.И. Народные песни Пензенской губернии // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Вып. VI. Пенза, 1905. №1. Отд. Оттиск. См. также №12 (с. Базарная Дубровка Краснослободского у.).

³⁸⁸Там же. №10.

³⁸⁹Чаще на Рождество и Крещение.

³⁹⁰Цит. по: Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX века. Новосибирск, 2004. С.100. См. также: ПКП. №92.

³⁹¹См.: КОПС. №131—134; ПКП. №60, 66, 67, 93.

запись одного из вариантов известного «посевального» текста была сделана в с. Репец Задонского р-на Липецкой обл. Дети заходили во двор, посыпали хозяев *пшеном* и исполняли:

А в поле, в поле сам Господь ходил,
Деву Марию за руку водил, —
Дева Мария ризы носила,
Ризы носила, Бога просила:
«Зароди, Боже, жито-пшеницу,
Жито-пшеницу, всяку пашницу,
Что в поле зерно, то в доме добро!»
Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!³⁹²

Значительный блок этнографической информации о «*Васильевом посыпании*» зерном свидетельствует, что его исполнителями, как правило, были мальчики. Это закономерно, во-первых, потому что во время весеннего сева хлебную ниву засеивали только мужчины; во-вторых, когда мальчики ранним утром Нового года имитировали по избам засев поля, то это согласовывалось со временем обряда, т.е. началом нового календарного цикла, в котором новому поколению детей отводились свои самостоятельные роли в обрядах жизнеобеспечения.

«...На гусиную лапку»

Факт самостоятельного участия детей (разумеется, после предварительного разучивания под руководством *хороводниц*³⁹³) в ключевых обрядах Рождества — Нового года позволяет предположить, что, вероятно, именно дети должны были громогласно, на всю деревенскую мироколицу, озвучить и «прибыток» *нового света* — космоприродное явление увеличения продолжительности дня. Простейший способ «замера» возрастания высоты Солнца над линией горизонта состоял в следующем: через четыре дня после Николы-зимнего и за два дня до Спиридона-солнцеворота (т.е. 10 декабря по ст. ст.) на

---

³⁹²Воронежская государственная академия искусств. Архив Кабинета народной музыки (далее — ВГАИ КНМ). 2000 г. №644. Запись С.Н. Ревнёвой.

³⁹³Участие детей в обрядовой жизни крестьян обеспечивали женщины-хороводницы — песенницы, они же знатоки традиций, специально приглашавшиеся общиной для обучения детей обрядовому репертуару данной локальной общности.

стене, на месте «павшего луча Солнца», делали зарубку, которую потом сличали с соответствующей линией солнечного луча на Новый год. Комментируя движение Солнца, говорили, что день прибавился «на гусиную лапку»³⁹⁴. В великорусских губерниях и сегодня широко известно наблюдение, зафиксированное еще И.П. Сахаровым в 1830-е годы: «На Васильев вечер день прибывает на куричий шаг». Примечательно, что среди угощений, которыми одаривали детей во время обхода дворов, были гусиные и куриные лапки. В рязанском Поочье, получив награду гусиными лапками, дети кричали: «Ах, как сладки / Гусиные лапки!» Этот вариант песенки-кричалки был записан в с. Ерахтур Рязанской обл., в каждом доме которого на подоконнике маленького оконца, выходившего на юг, были свои «солнечные часы». Во второй половине XX в. ими ещё пользовались старики 1900—1920 г.р. Такие часы могли служить и для измерения долготы дня в моменты астрономических точек. Есть некая мифосимволическая связь между новогодней песенкой-припевкой о сладких гусиных лапках и новогодней характеристикой «прибытка» долготы дня «на гусиную лапку»³⁹⁵.

Златоус Авсень!

Одновременно с величаниям, в которых звучали мотивы *ранней утренней зари* и жизни, начиная с Нового года, старики «разговаривают про давно прошедшее, ... начинают баить народные сказки, басни, побасенки, пословицы, поговорки, скороговорки, загадки... С ними в этом участвуют женщины и старухи» (Минусинский у. Енисейская губ.)³⁹⁶. Для возрастной категории стариков крестьянский мир припас свои метафоры. Их величают с характеристиками *особой (золотой) мудрости* — «золотая борода», «золотой/ позолоченный/ усок». Например, концовка новогодней колядки из дер. Валово Рязанского уезда: «Как у дедушки Ивана / Золотая борода, / Позолоченный усок!...»

---

³⁹⁴Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. III. С. 732; Бессонов П.А. Белорусские песни... С. 94.

³⁹⁵Напомним и о том, что у народов Восточно-Европейской равнины одно из названий Млечного Пути — *Гусиная дорога*, так как, согласно народным знаниям, считалось, что гуси в своих перелётах ориентируются по Млечному Пути.

³⁹⁶Любимова Г.В. Указ. соч. С. 84—85.

(1930 г.)³⁹⁷; запись московских этнографов в Гусь-Хрустальном р-не Владимирской обл. (1967 г.)³⁹⁸:

Как у нашего хозяина / Дорогие воротá,
Золотая борода, / Золотой усок,
По рублю волосок! Таусень! Таусень!...

В 1968 г. в с. Новопанском Михайловского р-на мне посчастливилось записать *авсеньку*, в которой после каждой строфы рефреном звучал призыв: *Авсень! Авсень! Златоус Авсень!*³⁹⁹

Перечисленный выше тезаурус народной мудрости согласовывался с поэтикой всего разнообразия новогодних величаний. Их метафоры и образы озвучивали огромную территорию исторической Московии, Русского Севера, с переселенцами звучали в Сибири.

«Как хозяйка во дому — мати утрянна заря...»

Символы Света Васильева вечера — Нового года

В *Васильев вечерок*, т.е. канун Нового года, и на следующий день, с рассветного утра Нового года в репертуаре колядующих появляются тексты с иными, чем в рождественский сочельник концептами **Первосвета**. В них нашла отражение тема нового солнечно-годового цикла не просто с символикой *нового света*, но *света утренней зари* — **зари, порождающей жизнь**.

В связи с намеченной темой привлекает внимание единый призывный рефрен новогодних текстов, бытовавших у русского населения бассейна рек Оки, Клязьмы, Дона, Мокши, Суры, Средней Волги. В разных огласовках он повторялся в начале или конце каждой строфы величального текста: это — *Усень-Овсень-Авсень-Таусень-Баусень* и т.д.

Этимология столь загадочных образов-понятий впечатляет своей адекватностью сакральным смыслам озвучиваемых текстов. Уже в XIX в. слависты установили, что лингвистические формы новогодних понятий *Усень-Авсень-Овсень* отражают

---

³⁹⁷ *Маслова Г.С.* Детский фольклор Архангельской волости Рязанского уезда // РИАМЗ ЭАОИРК. III–559. №361.

³⁹⁸ Традиционный фольклор владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.). М., 1972. С. 128. №14. См. также: *Гулярова Н.Н.* Музыкальный фольклор Рязанской области. Рязань, 1994. № 21; ТКГК. Т. 2. №7—11; *Коренева К.Е.* Указ. соч. С. 89.

³⁹⁹ Текст авсеньки см.: *Тульцева Л.А.* Рязанский месяцеслов. С. 44.

один из вариантов индоевропейского корня *aus со значением *утренняя заря до восхода солнца, утренняя звезда, восток, рассвет, светать*. Уже тогда был сделан вывод о вероятном единстве мифологических корней персонажа русского фольклора Овсеня-Усеня и латышского божества лошадей Усиньша (Ūsinš) с их общей свето-солнечной символикой. Исследования XX в. подтвердили тождественность имен латышского Усиньша, русских Усеня-Овсеня-Авсеня и божества утренней зари ведической мифологии Ушас (Uśas), а также тот факт, что все эти образы восходят к общеиндоевропейским мифологическим представлениям об утренней заре⁴⁰⁰. Было высказано также предположение, что образ русского фольклора Усень-Авсень «еще более вырожденный», чем образ латышской мифологии Усиньш⁴⁰¹. Последний тезис нуждается в дополнительных разысканиях, ибо в текстах русского новогоднего фольклора с образами *Усень-Авсень* сохранились не только мотивы дарений, в том числе конями, что тождественно соответствующим представлениям о ведической Ушас, но, что важно для нашей работы, божество зари Ушас периода Ригведы — это праматерь ариев, которая «отмеряет награды, состоящие из потомства»⁴⁰².

Поразительное соответствие между ведической Ушас, которая в качестве божества утренней зари и света **дарует детей, особенно сыновей**, мы находим в мифопоэтическом образе **утренней зóри/зари** русских новогодних величаний⁴⁰³. Именно этот образ предвестницы солнца — **утренней зóри/зари** в качестве космоприродного явления жизнеутверждающей силы стал долговременной метафорой матери детей в текстах *усенек-таусенек-авсенек*, а также *виноградий*, величавших

---

⁴⁰⁰Подробнее см.: Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О древнеиндийской Ушас (Uśas) и ее балтийском соответствии (Usinš) // Индия в древности. М., 1964. С. 66—84; Топоров В.Н. Ушас // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 553; Чмыхов Н.А. Истоки язычества Руси. Киев, 1990. С. 267, 269; Рыжакова С.И. Язык орнамента в латышской культуре. М., 2002. С. 88—89; Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда, 2003. С. 58—60.

⁴⁰¹Иванов В.В., Топоров В.Н. Усиньш // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 551.

⁴⁰²Жарникова С.В. Указ. соч. С. 59 (курсив мой. — Л.Т.).

⁴⁰³Схожее представление об утренней заре записано у коми: согласно традиционным сакральным знаниям коми, мальчиков зачинают при утренней заре — предвестнице солнца, девочек — после вечерней зари, при лунном свете (Ильина И.В., Уляшев О.И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2009. С. 70).

семью с детьми. Получается, что в усеньках-авсеньках образ *утренней зóри/зари* присутствует как в качестве метафоры, так и в «зашифрованном виде» в качестве сакральных инвокаций. Тексты авсенек-таусенек, записанные в первой половине XIX в., говорят, что из их сюжетной канвы вместе с редукцией текста начинает исчезать и метафора *утренней зари как покровительницы народжению детей*. Матушкой героя теперь чаще называется *красно солнышко*. Типичными становятся тексты с мотивом трех теремов как мифопоэтических символов жилища месяца, солнца, звезд и одновременно домов света для величаемой семьи⁴⁰⁴. При этом в авсеньках-таусеньках сохраняется вариативное богатство инвокативов-распевов, образованных от исходного корня со значением заря *aus-усень: *Овсень-Овсень! Ой-ов[ф]сень! Да-той-óвсень! Да-то-ой-авсень! Тай-овсень! Бай-авсень! Ту-у-у-авсень! Та-а-а-ё-ёсинь! Та-а-й-ёсинь! Та-а-усинь! Ба-усинь!* и т.д. Но ведь в переводе на современный русский язык все эти зовы-распевы призывают Ушас-зарю! К тому же в ареале бытования щедровок даже в XX в. можно было записать тексты с мотивом *брака месяца и зари*⁴⁰⁵:

Уникальной является и запись фольклориста А.М. Астаховой, свидетельствующая, что под Новый год «*кликали авсень на коленях*», а колядовщиков одаривали зерном и деньгами (с. Долгинино Рязанского р-на; 1934 г.)⁴⁰⁶.

Особо подчеркнем: в тех текстах, где сохранилась метафора *зóри-зари*, эта рассветная стихия ассоциируется с рождением мальчика. Само величание исполнялось для молодых парней или было адресовано мальчикам. Пример овсена с образом *белой зóри* — *матушки героя* (Ряжский у. Рязанской губ.):

...Как в етым тиряму читвёро двирей:
Первая двери — белая зоря,
Другая двери — свитёл месиц,
Третья двери — красна солнца,
Четвертая двери — часты звезды!

---

⁴⁰⁴Обратим внимание на текст одной из рязанских таусенек, в которой как будто величается конкретная семья и названы имена супругов: «*Как и светлой-от месяц — Сам Иван-от господин. / Красно солнышко — то Паладьюшка его, / Часты звёздочки — его детушки*» (Цит. по: ПКП, №10). *Паладьюшка* — ласковое от имени Пелагея.

⁴⁰⁵Напр.: ПКП, №60 (Брянская обл.).

⁴⁰⁶РИАМЗ ЭАОИРК III-1014.

Белая зоря — то и матушка ево,
Свитёл месяц — сам сударь-государь,
Красна сонца — яво жанушка,
А часты звездушки — то детушки яго...⁴⁰⁷

Еще один пример, сюжет которого сами исполнители (а вслед за ними и собиратели) называют «кудри». Тексты этого типа открывает удивительный по красоте и мифопоэтической значимости зачин «Как у месяца золотые рога, / А у солнышка лучи ясные, / Как у [имя] кудри по плечам лежат, ...словно жар горят». Величание было адресовано разновозрастной части «мужеского» холостого населения:

...Как у месяца, как у светлого / Лучи в золоте!
Как у Ванюшки у Петровича / Кудри русые в три ряда,
Кудри завивались, / В четвёртый ряд по плечам лежат!
Красоте его дивовались:
— Что за дитяtko, что за милое уродилося?
He заря ли его вспородила?
He светел ли месяц воспоил-воскормил?
He часты ли звёзды возлелеяли?...

(Чембарский у. Пензенской губ.)⁴⁰⁸

Пример бытования овсенъки из Кадомского р-на Рязанской обл. дает возможность проследить редукцию текста типа «кудри» на протяжении последних 50 лет. Согласно публикации 1965 г., кудрям Ванюши-«охотничка» дивятся люди:

...Уж и где это такое мало дитяtko? Да-той-óвсень!

Уж и чье это такое заражёное? [рожденное. — Л.Т.] Да-той-овсень!

Ой, вы, глупые бояры, неразумны господа! Да-той-овсень!

Вы спросите-ка меня: «чьего роду я, племя?» Да-той-овсень!

У мня батюшка — все светёл месяц! Да-той-овсень!

У мня матушка — красно солнышко! Да-той-овсень!

У мня братики — все белы зори! Да-той-овсень!

У мня сестры-то — все часты звезды! Да-той-овсень!⁴⁰⁹

В этой овсенъке характеристика Ванюшки-«охотничка» как «мало дитяtko» дает основание полагать, что исполнитель со-

---

⁴⁰⁷Добровольский В.Н. Культ зернового хлеба в поверьях крестьян Рязанской губернии // Известия II Отделения имп. Академии наук. Т. XI. Кн. 4. СПб., 1906. С. 114.

⁴⁰⁸Троицкий А.И. Указ. раб. №9.

⁴⁰⁹Устное народное творчество Рязанской области. М., 1965. С. 54. №41.

общал текст собирателю как величание, адресованное «малому дитятку», что согласуется с архаическим воззрением о *зоре/заре*, дарующей малых детей, особенно сыновей. Поэтому у героя овсеньки именно «братики» — *все белы зори*, хотя метафора белы зори должна была бы характеризовать матушку героя. Пример является вариантом текста, в котором образ матери как *белой зори* перекодирован на *красное солнышко*. Овсенька была записана в начале 1960-х годов в с. Полтевы Пеньки Кадомского р-на Рязанской обл.

В 2002 г. мне, этнографу, посчастливилось работать в этом селе (теперь это с. Восход). Мне известно, что до настоящего времени благодаря энтузиазму сельских работников культуры здесь поддерживается местная фольклорная традиция. Поэтому на Старый Новый год, как и прежде, исполняется величание «кудри» с рефреном *Да-той-авсень!* (но не *овсень*, как в публикации 1965 г.) и прежним зачином «*Как у месяца золотые рога,/ А у солнышка лучи ясные...*» Но дальше идет обычное величание, адресованное девочке/девушке или мальчику/парню, которым надо пробудиться, так как пришли *гости-колядовщики*. Образы *красно солнышко, белы зори* в нем отсутствуют.

Другой вариант современной трансформации ритуального текста — появление в его сюжете действующих лиц, никогда не упоминавшихся в рассматриваемых сюжетных ситуациях данных традиционных текстов. Запись такого варианта текста сделана в богатом фольклорными традициями с. Кочемирово Кадомского р-на. Здесь для колядующих детей до настоящего времени хозяйки пекут *аусеньки* — в форме *косы*, если поздравление адресовано девочке; или в форме *колечка*, если исполняется текст типа кудри для мальчика. В таком случае ватажка детей или подростков спрашивает: «*Бабушка, дедушка! Аусеньки скричать?*» или «*Сашеньке кудри скричать?*»:

Как у Саши-молодца, Та—а—усин! Та—а—усин!

По плечам кудри лежат! Та—а—усин! Та—а—усин!

Ево мамушка — Та—а—усин! Та—а—усин! —

Красно солнышко! Та—а—усин! Та—а—усин!

Яво батюшка — Та—а—усин! Та—а—усин! —

Свител месяц! Та—а—усин! Та—а—усин!

Ево бабушка — Та—а—усин! Та—а—усин! —

Бела зорюшка! Та—а—усин! Та—а—усин!

Яво дедушка — Та—а—усин! Та—а—усин! —

светла звездычка!

Неси, не тряси,

Половинку не откуси! Та—а—усин! Та—а—усин!⁴¹⁰

Ответ на вопрос, почему в традиционном величании появились такие персонажи, как *бабушка* и *дедушка*, достаточно прозрачен. Именно эта категория сельских жителей является носителями локальной фольклорной традиции. В наши годы, когда обнаружился «спрос» на праздники с этническим колоритом, к ним в первую очередь обращаются школьные учителя, чтобы разучить с детьми тот или иной фольклорный текст. В цитированной *аусеньке*, несмотря на появление новых героев, женские персонажи, в соответствии с традицией, величаются как *красно солнышко* и *бела зорюшка*.

Подобная редукция почти не коснулась святочных величаний для семейных пар с ритмическим инвокативом «*виноградье красно-зеленое моё!*». В их текстах находим образ/код *утренней зари*, равнозначный образу матери героя. Такая сохранность, вероятно, связана с тем, что только в ареале *виноградий* в свадебных причетах *прощания с зóрей* присутствует — аналогичный святочному — код *света утренней зари*. Каждая русская невеста накануне свадьбы в кругу своих подруг непременно «проходила» обряд *прощания с зóрей*. Важно и то, что именно девичьи/женские компании были основными исполнителями *виноградий*⁴¹¹. Благодаря этим причинам архаический мотив рождения героя от *света утренней зари* исполнительницы *виноградий* сохраняли в течение всего XX в.!

1. У дяди Федора сын хорош и пригож! Виноградье красно-зеленое моё!

Не мать его, сокола, родила, / Не отец вспоил-вскормил,
Родила его свет-зоря, / Взлелеял его светел месяц...

(с. Борис-Глеб Муромского р-на Влад. обл. Запись 1962 г.)

2. а) *Да во втором-то терему да всё светлая зоря,
Да всё светлая зоря — то сама госпожа...*

б) *Да как красно-то зоря — да хозяйюшка-госпожа...*

(Пинежье; 1970—1972 гг.)

---

⁴¹⁰ ПМА. Рязанская обл., Кадомский р-н. 2002 г. Тетр. 2. Л. 33. Записано от С. М. Бурмистровой, 1919 г. р.

⁴¹¹ Бернштам Т. А., Лапин В. А. Виноградье — песня и обряд // Русский север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 15.

3. Виноградье красно-зеленое!

...А сам-то государь как светел месяц взошел, /
А сама-то государыня как утрення заря...

(Орловский уезд Вятской губ.);

4. — Еще кто же тебя да вспородил, молодца?

— Вспородила да светлая заря, ...родна маменька (Мезень)

5. Виноградие красно-зелёное оно!...

Как хозяин во дому — светёл месяц во полку!

Как хозяйка во дому — мати утрянна заря!

Малы детоцьки — да цясти звездоцьки!...

(Конец XIX в.; г. Кола Архангельской губ.)⁴¹²

В некоторых текстах *виноградий* и *овсенек-таусенек* метафора *зори-зари* переходит от матери героя к мифопоэтической характеристике *кудрей дитя-молодца*, что закономерно, поскольку. и в XX в. волосы в традиционном мировосприятии наделались особой жизненной силой. Так, в величии, которое группа детей хором исполняла накануне Нового года в деревнях Эфаново и Дьяконово Муромского у., кудри героя сравниваются с алой зарей: «У Ивана кудри завивались, / В три ряда завивались, / Четвертый ряд / Ровно заря горит!». Вся красота и жизненная сила утренней зари и восходящего солнца, которые как бы напоминают о том, что герой — дитя утренней зари, теперь предназначены кудрям молодца. Например, при величании холостого парня: *В три ряда у него кудри завиваются: / В первый ряд завивались чистым серебром, / Во второй ряд завивались красным золотом, / В третий ряд завивались скатным жемчугом (Мезень); Как у месяца золотые рога, / А у Ивана-то кудри русые! / Жемчугом кудри пересыпаны, / Серебром кудри перевиваны!...*(овсенька, вторая пол. XIX в.). Все метафоры цитированных текстов светносны. Аналогичная ситуация в ареалах современного бытования авсенек-таусенек: они сохраняют мифопоэтическое сравнение волос молодца с русыми кудрями как символом солнечных лучей⁴¹³. Особенно популярен мотив: «Кудри русые по плечам лежат, словно жар горят, / Словно жар горят, разгораются»⁴¹⁴. Светоизлучающие метафоры скатного жемчуга, чистого серебра и красного золота по отношению к

⁴¹²ТФВД. С. 122; ОПП. №1, 2; ПКП. №52, 56.

⁴¹³Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М., 1989. С. 57.

⁴¹⁴ПКП. №44; ПМА. Рязанская обл., 2002; Корепова К.Е. Указ. соч. С. 84—88.

кудрям «молодца» рисуют не просто красоту, духовное и физическое совершенство героя величания, в первую очередь они подразумевают его принадлежность **миру Света**.

В целом мифопоэтическая тема *зари порождающей* является удивительной иллюстрацией сбережения в XX в. фольклорного наследия в таком особо значимом для выживания народа вопросе, как воспроизводство *рода-племени*. Ответом на этот запрос стал по сути весь рождественско-новогодний фольклорный тезаурус с мифопоэтической темой *брака месяца с зарёй*. Народ, оказавшись на протяжении целого столетия в агрессивных условиях *выбивания* из общественного сознания *исторической и генетической памяти рода-племени*, сохранил свою собственную память о роде-племени во всем разнообразии осиянных светом праздничных сюжетных величаниях, которые провозгласили и одобряли новые рождения детей—*частых звездочек*.

Павá — символ Света, брака, детей

Выше было отмечено, что, уже в XIX в. из текстов *овсенек-таусенок* с условно «семейным» сюжетом постепенно уходит образ *белой/утренней зóри/зари*. Однако тема нового солнечного цикла с символикой *нового света* и конкретно — *света зари утренней, зари порождающей* — не уходит из народного мировидения. Персонификацию *света зари-предвестницы Солнца, зари — порождающей жизнь*, мы находим в величаниях с образом **птицы павы**. Образ типичен для *овсенех-усенок-таусенок*. По сравнению с белорусской, украинской и западнославянской фольклорными традициями, для которых образ павы присущ всему календарному репертуару⁴¹⁵, в русском обрядовом фольклоре сюжетные «павы» ситуации в большей мере характеризуют зимний колядный цикл. Они имеют обширный ареал, хотя внутри ареала не везде известны. Северная граница календарно-фольклорных сюжетов с птицей-павой проходит по северо-западным территориям (Псковская обл.), среднерусскому Поочью и Волго-Клязьменскому междуречью. Для северорусских территорий колядные тексты с образом павы не типичны. Но в этом регионе широко представлена народная вышивка с птицами-павами.

---

⁴¹⁵Подробнее см.: *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 40—45.

Пава/павá — один из удивительных образов русской вышивки и обрядового фольклора. Первое, что сразу привлекает внимание — это «мифологичность» образа, поскольку на наших северных территориях птица-павá существует только в народном творчестве как сказочно-прекрасный, совершенный образ, озаривший своими перьями все стороны света обрядового полотна или пространство фольклорного текста. Известно, что полотенцами с *крупными павами* богатые горожанки украшали иконы в церкви (сам по себе многозначимый факт!). Для этого случая в вышивку чудо-пав включали *золотую нитку*, край полотенца низали жемчугом и пришивали *широкое дорогое кружево*⁴¹⁶. Золотая нить, жемчуг, дорогое кружево — всё это «светоизлучающие» предметы с символической *несущих свет*⁴¹⁷. Поэтому неслучайно в одной из пензенских таусенок появляется мотив *парчи* — ткани, переливающейся радужным светом/цветом, которая в тексте выступает драгоценным «эквивалентом» факту рождения сына или дочери. Молодая жена просит «Ивана-господина»: «*Поезжай в Москву, купи парчу! / Я за эту за парчу / Те сама заплачу: / Либо сына рожу, / Либо дочь хорошу, Таусень!*» (исполнялась под Новый год девочками-подростками)⁴¹⁸.

В обрядовом фольклоре образ *павы* имеет разные смыслы. В календарном фольклоре — это птица-олицетворение нового разворачивающегося по спирали солнечного цикла, открывающего время сватовства и свадеб. Об этом говорят новогодние тексты. В них разные варианты мотива «*павá-то летела, пёрышки роняла*» символизируют *паву как испускающую перья/свет, предназначенные для венка девушки-невесты*. «*Пёрышки роняла*» можно толковать также, следуя народно-этимологическим ассоциациям как лучи солнечного света и поток солнечных лучей в форме «*радужного столпа, под восходящим или заходящим солнцем*», который назывался «*пером солнечным*»

---

⁴¹⁶Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 149.

⁴¹⁷См. также: *Большова С.И.* Роль цвета в эстетическом восприятии рязанского народного костюма / Декоративное искусство и предметно-пространственная среда // Вестник МГХПУ. Ч. I. М., 2008. №2. С. 36.

⁴¹⁸*Троицкий А.И.* Народные песни Пензенской губернии // Сб. Пензенского губернского статистического комитета. Вып. VI. Пенза, 1905. №1.

или «пером под солнцем»⁴¹⁹. Поэтому, когда ватаги колядовщиков исполняли: «*Пава-то летела, перья роняла*», — одним из смыслов этого текста был призыв времени, проливающегося потоками радужного, как перья павы, солнечного света.

В новогодних текстах легко обнаружить и священное дерево нашей павы — это сосна и береза или даже береза с колёсами, висящими на ней: «...*Стояла берёза, / На этой берёзе висели колёса, / На этих колёсах сидела запала, / Пёрышки роняла...*» (Ермишинский р-н Рязанской обл.)⁴²⁰. В цитированных строфах пава названа запалой. Случайное название? Или это лексический признак, характеризующий мифопоэтическую причастность павы к огню небесному и огню земному? Этимологическое решение вопроса благодаря санскриту (близкородственному русскому) позволяет наметить лингво-культурные универсалии, отложившиеся в ермишинской авсеньке. Однокоренными с общеславянским «пава» в санскрите являются слова *rāvāna*, *rāvākā*, *rāvāna*, *rāvī*. Их значения: «свет», «ветер», «воздух», «дыхание» (*rāvāna*); «чистый», «яркий», «огонь» (*rāvākā*); очищающий, огонь, очищение, средство очищения (*rāvāna*); обод колеса» (*rāvī*)⁴²¹. Значения *rāvākā*, *rāvāna* предполагают/допускают в образе *павы-запалы* мотивы птицы-демиурга, в мифосемантическом плане каким-то образом ответственной за огонь и благодаря этому очищающей жизненное пространство нового календарного цикла.

В Поморье павá — это «*жаркá-птица*». Из причитаний невесты узнаём: если будет на дерево «*слетаться жаркá птица*», то «...*удачно пойдет женское житье подначально*»⁴²². *Жаркá-птица* — это Жар-птица, или чар-птица, царь-птица (северная лексика)⁴²³. По Г.П. Дурасову, светозарная пава в вышитом узорочье и в народных представлениях «родственна и петуху и русской сказочной Жар-птице с блистающими серебром и

---

⁴¹⁸Троицкий А.И. Народные песни Пензенской губернии // Сб. Пензенского губернского статистического комитета. Вып. VI. Пенза, 1905. №1.

⁴¹⁹Даль В.И. Указ. соч. Т. III. С. 101.

⁴²⁰Горбунов Б.В., Федулин Г.И. Этнография Ермишинского края. Ермишь, 1997. С. 77, 81.

⁴²¹Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1987. С. 392.

⁴²²Маслова Г.С. Указ. соч. С. 171.

⁴²³Любезное сообщение этнографа И.В. Власовой.

золотом перьями, освещающими все вокруг...»⁴²⁴. По П. Ершову («Конек-горбунок»): от пера Жар-птицы «Светит поле словно днем; / Чудный свет кругом струится...» Герой «Конька-горбунка», за маской Иванушки-дурачка которого скрывается сакральная фигура высокого посвящения, ловит Жар-птицу: «До восхода, слышь, зарницы / Прилетят сюда Жар-птицы...»; «... Ярким пламенем сверкая, / Встрепенулася вся стая. / Кругом огненным свилась / И за тучи понеслась».

Итак, пава, сидящая на березе, — символ света, причем света конкретного и особенного — это свет разгорающейся утренней зари. Важно и то, что в народных говорах с понятием «пава» ассоциируются представления о живой воде — незамерзающих родниках, ручьях, протоках, истоках рек⁴²⁵.

Тексты с сюжетом *пава перья роняла* имели достаточно широкое распространение в Волго-Окском регионе в течение всего XX в.

Итак, пава символизировала образ-время, *проливающийся то радужным, то пламенным светом Жар-птицы*. Поэтому закономерно, что фольклорная птица-пава была символом невест на выданьи, молодых, молодых женщин-рожиц. Именно для них исполнялись в Волго-Окском регионе *уменьки-тауменьки* с мотивом «*пава-то летела, пёрышки роняла*». Уникальным подтверждением тезису, что в народной поэтике *пава* была покровительницей невест на выданьи, является информация по Тарногскому р-ну Вологодской обл.: в д. Григорьевской (Верхний Спас), *показывая роскошное полотенце с двумя птицами-павами*, «хозяйка полотенца обмолвилась: „У нас такое поверье было, что, коли птицы павы или двух пав не вышьешь, замуж не выйдешь!“» Таких полотенцев в качестве свадебных даров невеста вышивала до 40 штук и все со сложнейшим узором⁴²⁶. Каждая молодуха в своем сундуке имела рубахи и подолы-юбки с вышитыми павами, порой столь крупными, что они занимали всю нижнюю половину подола.

---

⁴²⁴ Дурасов Г.П. Об одной группе архаических узоров в русской народной вышивке и их истоках // Сов. этнография. 1991. №4. С. 69—70.

⁴²⁵ См.: Даль В.И. Указ. соч. Т. III. С.5; СРНГ. Вып. 25. С. 108.

⁴²⁶ Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: свадебный обрядна Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьеге (Тарногский р-н Вологодской обл.). М., 1985. С. 31.

Таким образом, символом начала годового солнечного круга в новогоднем фольклоре обхода дворов была птица-павá, олицетворявшая мифопоэтический образ *зари порождающей*. Как испускающая потоки радужного солнечного света эта загадочная птица должна была покровительствовать деторождению, поскольку, по воззрениям наших предков, материнское чрево светоносно (на вышивках оно маркировано знаком солнце-цветка; см. также вышивку Русского Севера с образом рожаниц с птице-павами в руках) Образом светоносной, всё порождающей зари/павы пронизан весь новогодний фольклор. Его мы встретим не только в текстах, адресованных людям. С настоящей новогодней зарей связывались и ожидания на приплод животных, птиц, пчел. Воронежские крестьяне по этому случаю говорили: *Зори пляшут — к године* (хорошему году). В Витебской Белоруссии примечали: если на новогоднюю коляду погода «зарная», (т.е. ясная, «красивая», с утренней и вечерней зарею), то в наступающем году «стачина и птаство» будут плодovitы, а пчелы — роиться. Эта своего рода «мифопоэтическая непрерывность» темы рождения детей, птиц, пчел, зверей реально озвучивалась ватагами колядовщиков во время обхода селений и исполнявших новогодние благопожелания.

«Дарим Павлу шадру»

Образ «*павы, роняющей перья*», типичен также для группы авсенек-таусенек, сюжетная ситуация которых разворачивается на фоне известной новогодней темы «мостить мост», чтобы по нему ехать персонажу, имя которого было в числе любимых в русском именовании, когда говорилось о наречении новорожденного мальчика. Речь идет о святом Василии Кесарийском, память которого отмечается в первый день Нового года (1/ 14 января). Поэтому вечер накануне Нового года и первый день крестьянского новогодья были озвучены величаниями с темой Василия Великого, который шествует или пересекает верхом символический *мосту времени*, т.е. совершает переход из старого в новое время и новый год, а сам мост связывает прошлое и будущее⁴²⁷:

---

⁴²⁷ А.Н. Гаврилов пишет о *мосте* авсенек-таусенек: «...И мост не простой: это мост, связывающий прошлое и будущее, мост времени, тот самый зачарованный Калинов мост между явью и миром духов, тридевятым царством, мост, на котором сражаются богатыри» (Гаврилов А.Н. Указ. соч. С. 15).

Ой, Авсень! Ой, Авсень!

Вставайте вы, гости,

Мостите вы мости!

— Кому по мосту ходить?

— *Василию-вечеру...* (д.. Крыловка Шиловского р-на)⁴²⁸

В то же время хронимом Василий новогодних величаний среднерусского Поочья нередко сопровождается диалектным словом *шандр, шадр, шадрий*. В одном из таких текстов к строке «*Дарим Павлу шадру*» имеется пояснение: «*дарим шадру*», т. е. *лошадь* (Зарайский у.)⁴²⁹. В других текстах — по аналогии с хронимом новогодья *Васильев день* — героя называют *Василий-шандр, Василий-шадр, Василий-шадрий*. Этот персонаж должен пересекать мост на «*сивой свинке*», а погонять: «*живым поросенком*»; «*золотым поросенком, золотым ребенком*»; «*золотым поросенком, молодым ребенком*», а также «*цуцким поросенком*»; «*простой кишкой, шелудивым парсуком*»; «*кишкой да желудком*» (Хвалынский и Петровский уезды Саратовской губ., Касимовский у. Рязанской губ., Шиловский р-н Рязанской обл.)⁴³⁰.

Мост, по которому едет Василий-шадр — это мост времени. Он перекинут от старого календарного года к новому солнечному циклу. На стыке старого и нового времени стоит фигура святого Василия Великого. Поэтому именно ему (а точнее, фоль-

---

⁴²⁸ ПМА. Рязанская обл., Шиловский р-н. 1999г. Записано от А.Н. Артюхой, 1917 г.р.

⁴²⁹ Шейн П. Указ. соч. Вып. 1. № 1037.

Мотив дарения *лошадьми/конями* согласуется с данными о ведической Ушас как *дарующей коней*. Отметим и то, что семантический ряд русских диалектных слов *шандр-шандр*, наряду с *шандра* (конская мята), *шадриный* (козявый от оспы) и другими, включает и санскритское *шудра* (низшая каста населения древней Индии), а также, возможно, *шандас* (песня, священный гимн, язык священного гимна). Эти предварительные данные намекают более правильную оценку смысла антропонима *Василий-шандр-шадр* по сравнению с прежней его интерпретацией. Не исключено, что антропоним имеет двойной контекст: *крестьянский, земледельческий* — воспринимался как *Василий-с-лошадью*; и *мифосемантический* — как отголосок архаического текста, в котором колядовщики не просто дарят земледельцу лошадь/коня для работ на пашне, но, исполняя сакральный текст (*шандас?*), сажая его на коня «*в золотой узде*». В этом случае данный образ — символ солнечного года/календаря.

⁴³⁰ О мифоассоциативном символизме образа свиньи в русских обрядах и обрядовом фольклоре см.: Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С.150—151; Тульцева Л.А. Рязанские таусеньки в свете историографии вопроса «Что такое авсень?» // Этнография и фольклор Рязанского края. Материалы научной конференции к 100-летию Н.И. Лебедевой. Рязань, 1996. С. 73—76; Белова О.В. Свинья // СД. С. 574—575.

клорному Василию-шадру, Василию-шадрию и т.д.) предназначено переехать мост времени на «сивой свинке» (мифопоэтический образ старого земледельческого года и солнца до зимнего солнцеворота) и погонять «золотым поросенком» (мифопоэтический образ нового земледельческого цикла) и «золотым ребенком». В другой записи, сделанной в том же селе, Василий Шадрый погоняет «золотым поросенком, молодым ребенком». Поскольку в текстах имеется мифопоэтическое олицетворение нового солнечного земледельческого цикла («золотой поросенок»), то образы «золотого» и «молодого ребенка» могут расцениваться в качестве пожелания новых детей, появляющихся на Божий свет в свете нового солнечного года. В этом случае фольклорный образ Василия-шадра с «молодым ребенком» сродни рождественскому образу Коляды с «маленьким» на руках. Часть текстов этой группы авсенек-таусенок заканчивается куплетами на «тему дня»: *«Кто во двор подаст — тот парня родит, / А кто в окошко подаст — девку родит, на лопату посадит...»*; *«Кто скоро дарит — тот парня родит, / На коня посадит, в чисто поле проводит! / Кто не скоро дарит — шелудиву девку родит...»*.

«Ты роди-ка мне сынка!»

Пожелания родить детей оставались широко представленными в новогодних величаниях в течение всего XXв. В 1960—1970-е годы в сельской среднерусской полосе, особенно в Поочье и Среднем Поволжье, где были крепки традиции исполнения новогодних усенок-таусенок, в числе величаний молодоженам и беременным женщинам сохранялись тексты с традиционным пожеланием *«сына родить»*: *«Таусень! Таусень! Как Семён-то господин по новым сеням ходил, / Душу Машеньку дарил, чтобы сына родила...»*; *«Как Иванова жена вечер с пиру пришла. / Она сына родила...»* (Арзамасский р-н Нижегородской обл.). В дивеевских землях для беременных женщин исполнялась таусенька, повествующая о том, что Иван-«господин по садику ходил», «он сорвал цветок / лопушок», который в тереме «положил во перед». И далее обращение к жене: *«Ты роди-ка мне сынка, таусень!...»*⁴³¹. Начальные строфы цитируемой

---

⁴³¹ Коренева К.Е. Указ. соч. С. 106—107.

таусеньки привлекают внимание своими метафорами-знаками женского рожаящего лона.

В записях последних десятилетий XXв. тема новых детей сохранялась чаще в связи с требованием вознаграждения или как благодарность исполнителей традиционных текстов. Например, потомки калужских переселенцев в Новосибирской обл. желали молодой супружеской паре: *«Кто даст пяточок, тому сына родить / И на коника садить / На молоденькова, на вороненькова»*⁴³². В с. Сумерки Кадомского р-на Рязанской области таусинка, которую исполнители по сюжету называют «Коса», заканчивалась просьбой-пожеланием: *Ты неси-неси-неси, / Смотри хвостик не откуси! / Откусишь немножко! — Будет сын Тимошка! / Отлomiшь горбушку /— Родишь сына Андрюшку!* В д. Ивановке того же района *таёсинькали*:

Та-а-й-ёсинь! Та-а-й-ёсинь!
У [имя]-кудряша / Та-а-й-ёсинь!
Сударыня хороша! Та-а-й-ёсинь!
Она по полу не ходит! Та-а-й-ёсинь!
И по лавке не ступнет! Та-а-й-ёсинь!
Та-а-й-ёсинь! Та-а-й-ёсинь!

Далее скороговоркой:

Подавай, не ломай —
Будет сын Николай!
Подавай целай —
Будет сын белай!⁴³³

В среднерусском Поочье и сейчас остается широко известным пожелание: *«Давай, не ломай — будет сын Николай! / Отлomiшь немножко — будет сын Ярмошка!»*

Неизменной на протяжении XXв. оставалась та часть новгородных обрядовых текстов, в которых семья величалась/наделялась астральными метафорами: *«светел месяц»* — хозяйин дома, *«утренняя заря»* или *«красно солнышко»* — его женушка, малые дети — *«часты звёздушки»*. Из этого следует, что в течение XXв. каждый год всему крестьянскому миру «накликивалось» столько малых деток, сколько звезд на небе! Данный факт подтверждает мировоззренческий принцип человека традиционного общества, воспринимавшего единство пространства

---

⁴³²КОПС. №136

⁴³³ПМА. Рязанская обл. 2002г.

и времени как целокупность жизни людей и космоприродных явлений.

Тех же малых деток, которые уже родились на свет, было принято величать в соответствии с новогодней традицией. В 1980-е годы величание новорожденного в форме исполнения женщинами традиционного текста «*Что у месяца золоты рога... У Ивана кудри русые... словно жар горят... Уж чьё это дитяtko нарoжденное?*» было принято в Шатковском р-не Нижегородской обл. В этом случае мы имеем дело не с фактом «переадресовки» новогоднего величания от юноши к новорожденному, а с воссозданием традиции программировать судьбу ребенка как будущего мoлoдцa и воина. Так, в Веневском у. Тульской губ., где святочный обход дворов к концу XIX в. был утрачен, однако детей до четырех лет продолжали «славить» такие же дети, только старше возрастом. Они исполняли *баусень* (от припева «*Ой-ба-усень!*»), сюжет которого — разлука сына-мoлoдцa с отчим домoм⁴³⁴.

Сюжетная ситуация венёвского *баусень* типична для целoгo круга новогодних величаний, адресованных мальчикам и холoстым парням. Так, в саратовской *усенюшке* рассказывается: «*Не ясэн сокол во поле увивается, / Что Ваня на коне ти величается, / Выходила же к нему сера утушка, / Сера утушка — родна матушка. / „Уж ты, дитяtko-дитё, чадо милое мое! / ...ты не ездий-ка в орду, / ...служи белому царю. Как у белого царя три беды стряслось...“*»⁴³⁵. Этот круг величаний исполнялся и в XX в. Например, в 1993 г. в с. Кутуково Спасского р-на Рязанской обл. мне пришлось записать «*Овсень*» с вопросно-ответной структурой текста, один из мотивов которого отразил героическую историю Рязанского княжества, дoныне воспоминаемоу в местных преданиях. В кутуковском «*Овсене*» сюжет разворачивается по известной схеме. *Дедушкин внучек ищет брусok, чтобы косу точить, затем сено косить и далее: «На кой ему сено? — Коня кормить. / На кой ему коня кормить? — На службу ехать, / С татарами драться...»* «*Овсень*» исполнялся на старый Новый год. Его исполнителями были только дети и «малые ребята», которые «*ходили по своим*» (соседям и родственникам)⁴³⁶.

---

⁴³⁴Успенский М.И. Обычай славить детей накануне Нового года // ЭО. 1899. №4. С. 108—110.

⁴³⁵Цит. по: ПКП. №70.

⁴³⁶ПМА. 1993 г. Рязанская обл. Записано от М.И. Свиркиной (1927 г.р.). Текст «*Овсеня*» контаминирован, частично утрачен. Опубликовано в книге: *Тулъце-ва Л.А.* Рязанский месяцеслов. С. 50.

Эти величания отразили суровую реальность в жизни служилых людей XIV—XVII вв., каждое поколение которых было защитником южнорусских рубежей Московского государства. Не случайно историческая южная граница ареала авсенек-усенек-таусенек совпадает с казачьими поселениями, засеками, пограничьем с «Диким полем»⁴³⁷.

Этнографические записи последних десятилетий говорят, что в новогодних величаниях/поздравлениях по-прежнему звучит тема новых детей, но теперь пожелание родить детей чаще слышится в связи с напоминанием о традиционном вознаграждении или как благодарность за вознаграждение после исполнения величания.

Наши реконструкции свидетельствуют: с минуты появления на небе звезды рождественского сочельника и до конца святок над всем празднующим миром пахарей-аграриев сиял **победный Свет** — Свет новых рождений. Круговорот рождений в метафизической картине мира совпадает с астрономической картиной мира. Оно шло в свете нового солнечного цикла. Мифологема «у Христа в ограде», т.е. рае, где под покровом Божьей Матери в потоке божественного Света пребывают души не родившихся детей, прочитывается в донине живущих детских играх и рождественских песенках. Этноментальных игровых и фольклорных реминисценций с этими образами/символами/темами предостаточно. Отражением темы рождения новых детей стали в календарном фольклоре и такие образы/символы Первосвета, как жемчуг, золото, лазоревые цветы, огонь «воску яровых» свеч, образы павы и зари утренней, порождающей жизнь, астральные стихии. Всеми этими светозарными победными ситуациями новых рождений и детей было пронизано рождественско-новогоднее пространство русского мира. Его дополняла и завершала праздничная картина Крещения Господня.

---

⁴³⁷Национальной гордостью и памятью о тех славных временах является Сторожевой дуб, который растет на месте казачьей засеки близ с. Красного в современном Сапожковском р-не Рязанской обл.

Дети и деды в свято-световом пространстве праздника Крещения Господня

Если сакральная картина мира от Рождества до Нового года — это всесвятость космобожественной вертикали Небо-Земля с чудом открытых небес и ассоциациями о Христе-младенце, то народно-православная картина Крещения Господня — это великолепие свято-световых этнически значимых снежных пространств с чудом обновления земных вод и ассоциациями праздника с обрядом крещения, детством, молодостью, женихами и невестами.

Наряду с актуализацией образа Богородицы и одновременно молодой женщины с новорожденным на руках как продолжении «рода-племени» в обрядности периода солнцеворота и рождественско-крещенского новогодья принципиально важным было озвучивание имен женихов и невест, что тайло свой духовный смысл. Ритуализированными хлопотами об урожае и приплоде домашнего скота было озабочено старшее поколение. Отражением обрядов и примет будущего «всезерния»/«всеплодия» было обрядовое печенье в форме домашних животных, орудий сельского труда, креста, орешков. Особенно много выпекалось фигурок в форме всех имевшихся в хозяйстве домашних животных и птиц. Их собирательные названия *коровки* и *козули*. К Крещению отдельно выпекались *кони*. Этими обрядовыми хлебцами, раскрошенными и смешанными с зернами злаков, которые сеялись в домашнем хозяйстве, на Крещение «закармливали» (по принципу первого корма) домашних животных. Такое кормление животных имело целью его сбережение и размножение; кормление зернами всех злаков — приумножение нового урожая. Всё это — религиозно-бытовые варианты аграрной магии типа *интичиума*. В то же время в глазах каждого крестьянина крещенское закармливание животных и птиц имело особую *благодать*, которая передавалась закармливанию через *благодать* (а значит и *силу*) *праздника*. И все они соотносятся с народными приметами о звёздах на святочном небе как предвестниках урожая гороха, грибов, лесных ягод, приплода ягнят, молочности коров. Примечательны народные воззрения, согласно которым именно под Крещение на небе «звезды на-

рождаются»⁴³⁸. Такое представление тождественно верованию жителей Ровенского Полесья о том, что обилие звезд в канун Крещенья благоприятствует рождению детей⁴³⁹. Рождение детей сулили и крещенские загадывания с замерзшей водой. Например, небольшую емкость с водой и опущенным туда кольцом выставляли на мороз: потом смотрели, сколько намерзнет бугорков — столько будет сынков, сколько ямок — столько дочек⁴⁴⁰; по ложке с водой, оставленной на морозе, загадывали о рождении ребенка православные коми⁴⁴¹.

Свет и чудо открытых небес

Единовременно с темой рождений и новой жизни в крещенской картине мира с новой силой звучат темы Света и чудо открытых небес. По христианскому вероучению, крещение Господа сопровождалось явлением Божественной Троицы. Поэтому с древности праздник Крещения/Богоявления в православии называют «днем просвещения и праздником Светов, потому что Бог есть Свет и явился просветить...»⁴⁴². В церковных песнопениях величие наступления (предпразднества) Богоявления как «праздника Светов» запечатлено через символизм ликования небесных сил и земных стихий: Христос крещением «небеса отверзает, Духа Божественного низводит и нетления причастие дарует»⁴⁴³. Цитированное молитвословие подтверждает народное восприятие крещенской полночи как времени, когда *небеса открываются*. Один из таких крещенских обычаев, отразивший мировосприятие с чудом открывшихся небес, отмечен в Енисейской губ.: «Охотники до кудеснических откровений в полночь на Крещение садятся над стаканом или

---

⁴³⁸ Морозов И.А., Слепцова И.С. Крещение // Морозов И.А., Слепцова И.С., Гиларова Н.И., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001. С. 240.

⁴³⁹ Плотникова А.А. Звёзды // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5-ти т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 294.

⁴⁴⁰ Сахаров И.П. Сказания русского народа. М., 1997. С. 100—101.

⁴⁴¹ Конаков Н.Д. От Святок до сочельника. Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар, 1993. С. 17.

⁴⁴² Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). 3-е изд. Киев, 1913. С. 23.

⁴⁴³ Там же. С. 17.

чашкой воды в трепетном ожидании, что она заволнуется; тогда советуют стремительно бежать на улицу, где взорам удостоившихся „откроютца небеса“: счастливицы при этом могут просить все, что пожелают, даже „царство небёсно“ — и получают его... В том, что это „быва́ть“, ангарцы больше чем уверены»⁴⁴⁴. Такое мироощущение соответствовало народному восприятию дня пред навечерием Богоявления (5 января) как дня «чрезвычайно святого» и столь почитаемого, что «всякий считал своим неизменным священным долгом побывать в храме»⁴⁴⁵.

Крещенское обновление земных вод

«Чрезвычайно святой» была полночь в канун Крещения Господня — исходное время **обновления земных вод**. По народным поверьям, на Крещеньи вода — именинница: «В полночный час всколыхнется она вдруг во всех водоемах, обретая на некоторое время святость и первобытную непорочность»⁴⁴⁶; «В полночь на Крещение ангел, а другие говорят, сам Господь сходит в воду и ее освящает»⁴⁴⁷. Субстанция крещенской воды особая — ведь в ней крестился Господь. Поэтому у православных универсальным остается убеждение, что в крещенскую полночь непременно «*вода начинает колыхаться, святиться*»⁴⁴⁸. В эту святую полночь, по записи 1892 г., «**души праведников в соупствии ангелов**» незримо для людей «низводятся на землю», чтобы окунуться в родных «иорданиях», — «отчего здесь почти всегда можно видеть легкое колебание воды утром» (витебские белорусы)⁴⁴⁹. В Церкви

---

⁴⁴⁴Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913. С. 50. См. также: Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1979. Т. II. С. 192; Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1901. С. 123, 124—125 и др.

⁴⁴⁵Булгаков С.В. Указ. соч. С. 19.

⁴⁴⁶Гаврилов А.Н. Народный календарь Шиловского края. Шилово, 2004. С. 22.

⁴⁴⁷Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 432 (далее – Русские крестьяне...).

⁴⁴⁸Этнографические материалы см.: Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. С. 64—66.

⁴⁴⁹Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1897. №1828.

крещенская вода называется великая агисма⁴⁵⁰, чем подчеркивается ее особая святость.

Крещение Господне для русского национального самосознания — особенный праздник. Как и во время других праздников, например, Вербного воскресенья или на Троицу, народное празднование Крещения в местах его действия вновь и вновь воссоздает атмосферу этнически значимых сакральных пространств и этнически значимого религиозного поведения. Национальная особенность праздника Крещения — его антропокосмизм⁴⁵¹, т.е. в соотнесенности человеческой природы с небесным (христианским) миром. и вместе с тем «экзистенциальной включенностью» природных стихий в индивидуальные и коллективные переживания и действия по случаю праздника. Это полуночные молитвенные шествия за крещенской водой к водным источникам, а в день Крещения — торжество водосвятия среди природных стихий, о котором в Прикамье говорят: «*речку крестить*», «*воду крестить*»⁴⁵². Водосвятие в день Крещения веками свершалось (и совершается) в лучах солнца, в мороз, на льду у проруби-«иордани», рядом с которой заранее сооружались аналой из льда и большой ледяной крест, сверкавший на крещенском морозе всеми цветами радуги. По одному из рассказов А.П. Чехова, ледяной крест играл «на солнце, как осыпанный алмазами и рубинами». И далее: «Аналой, деревянный круг, колышки и крест на льду переливаются тысячами красок. Крест и голубь (изо льда как воплощение Духа Святаго. — Л.Т.) испускают из себя такие лучи, что смотреть больно»⁴⁵³. Солнце и мороз, свет как физическая данность, свет снежных просторов, речной лед — вся эта свето- и цветоиз-

---

⁴⁵⁰Греч. Αγίασμα — «святыня».

⁴⁵¹Концепция антропокосмизма рассматривает человека как составную часть природы и Вселенной. Все народные календари по сути антропокосмичны, ибо традиционное жизнеобеспечение людей осуществлялось в соответствии со сменой природных сезонов и четырьмя главными точками солнечного цикла: зимним и летним солнцестояниями, весенним и осенним равноденствиями. О концепции антропокосмизма подробнее см.: *Венцовский Л.Э., Смирнова Г.Е.* Человек, космос, творчество: история и современность. Научно-аналитический обзор. М., 1992 (здесь же историография вопроса). См. также: *Тулцева Л.А.* Антропокосмические воззрения русских крестьян: день Спиридона-поворота // ЭО. 1997. №5. С. 89—101.

⁴⁵²*Черных А.В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обычаи конца XIX — середины XX в. Ч. II. Зима. Пермь, 2008. С. 151.

⁴⁵³*Чехов А.П.* Художество // *Чехов А.П.* Собр. соч. Т. 4. М., 1976. С. 289.

лучающая картина «соучастия» природы в праздничном богослужении, соединяемая с сиянием риз икон и риз духовенства, моделировала невероятной силы *свято-световое сакральное пространство*. Сама светоизлучающая картина праздника, воспринимаемая зрительно и сопряженная с религиозными чувствами, при единовременно обнажавшихся головах и тысячах крестных знамениях в момент погружения креста в «иордань», вызывала неизменный благоговейный восторг (по А.П. Чехову, «...*Боже милостивый, как хорошо!*»). Эта зримая картина фиксировалась памятью о личной причастности к святому действию, хотя праздник крещенского водосвятия был естественной, веками повторяющейся данностью народной жизни⁴⁵⁴. Личное участие выражалось и в массовых купаниях в ледяных крещенских прорубях, что воспринималось как обновление человека, его второе рождение, а не просто смывание грехов.

Чувства ликования прочитываются и у православных гимнографов, которые чудо крещенского Богоявления описывают, обращаясь к стихиям воды, земли, неба и всего Мира: «Да радуется земля вся, **небо** да веселится, мир да играет, реки да плещут рукою, источники и озера, бездны моря да срадуются»⁴⁵⁵. В этом случае С.С. Аверинцев пишет о том, что православный чин церковной службы на Крещение Господне представляет собою «необычайно выразительную антологию библейских и гимнографических текстов, посвященных субстанции *воды* в различных аспектах ее символики»⁴⁵⁶. В контексте нашей статьи отметим, что в ходе православной службы на Крещение Господне молитвословия, посвященные субстанции

---

⁴⁵⁴Как пишут исследователи, «мы имеем право видеть в оформлении этого праздника точную модель локального, или, если хотите, национального, фольклорного образа сотворения сакрального пространства, национальной иеротопии. Это пространство не замкнуто стенами храма, оно структурируется из окружающей природы и полностью включено в неё через использование необъятных, ничем уже не ограниченных стихий, таких как лед/вода и воздух/небо. В силу этого художественные образы пространства не могут быть постоянными... — как природные элементы они включены в кругооборот времён года и являются, одновременно, эфемерными и вечными» (Беляев Л.А. Иеротопия православного праздника. О национальных традициях в создании сакральных пространств // Иеротопия. Исследование сакральных пространств. Материалы международного симпозиума / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2004. С. 45).

⁴⁵⁵Булгаков С.В. Указ. соч. С. 16.

⁴⁵⁶Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. С. 51.

воды, сопровождаются текстами, в которых прославляется Господь: «Коего Свет возсиял на „седающа во тме“⁴⁵⁷», говорится «о явлении благодати Божией», «обильном излиянии на верующих Святого Духа»⁴⁵⁸. В тропарях на праздник Богоявления миряне слышат о Свете Господнем: «Явился еси днесь вселенней, и Свет Твой, Господи, знаменася на нас, в разуме поющих Тя: пришел еси и явился еси, Свет неприступный»; «Видеша Тя воды и убояшася, трепетен бысть Предтеча, и возопи, глаголя: како просветит светильник Света, како руку положит раб на Владыку? Освяти мене и воды, Спасе, вземляй мира грех». Посему в навечерие Богоявления, при свете огней от множества зажженных свечей, когда совершается водоосвящение в храмах, а затем в день Богоявления, во время великого водосвятия на «иорданиях», приметливому взору наших предков открывалось духовно-физическое видение излучающих свет освящаемых водных источников. Не случайно староверы Забайкалья (семейские) о крещенской воде говорили: «*Светина идёт!*»⁴⁵⁹. Для традиционной культуры народов Восточно-Европейской равнины вообще присуща сакрализация воды как излучающей свет, как *светлой/святой* субстанции⁴⁶⁰. «*Святья*» — так называли крещенскую воду псковичи Холмского у.⁴⁶¹

У русских богоявленская (крещенская) вода считается самой «сильной» (по сравнению с водой, освященной в другие праздники). Само полуночное шествие в молчании за крещенской водой, т.е. водой «живой», «небесной», подразумевало в первую очередь получение *воды с божественной благодатью*, которая, верили, присутствовала в крещенской воде. Богоявленскую воду даже назначали принимать тем, кого церковь «за грехи» не допускала к причастию⁴⁶². Благоговейное отношение к крещенской воде среди крестьянских женщин оставалось

---

⁴⁵⁷ «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф. 4, 16).

⁴⁵⁸ Булгаков С.В. Указ. соч. С. 19.

⁴⁵⁹ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XXв.). Новосибирск, 1978. С. 63.

⁴⁶⁰ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 432—477.

⁴⁶¹ Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина (далее — СРНГ). Вып. 37. СПб., 2003. С. 9.

⁴⁶² Булгаков С.В. Указ. соч. С. 21.

непреходящим в течение всего XX в. В крестьянских домах на божнице у икон в сосуде всегда стояла богоявленская вода и лежала богоявленская свеча.

Отмечен и мифотворческий контекст шествия за полуночной крещенской водой. В некоторых местах такое шествие называлось «*уворовать у ворона воду*» (владимирское), «воду воровать у ворона» (пермское)⁴⁶³. В народной поэтике *ворон* — это вещая птица, хранитель «живой» и «мертвой» воды. Поэтому владимирские крестьяне верили: умыться такой водой перед началом работы, значит, получить силу необыкновенную; умыться перед дорогой — благополучно вернуться домой⁴⁶⁴.

Водосвятие на прорубях-«иорданиях» рек, озер, как и в колодцах, было кульминацией крещенской обрядности. Верили: когда начинается Великий чин освящения водных источников и с пением тропарей крест погружается в «иордань», — небеса закрываются, оканчиваются Святки. Но пространство еще хранит сакральность великого праздника с его обновленными земными водами. Поэтому до сих пор верующие строго соблюдают запрет устраивать стирку и беспокоить реки и озера в течение трех/семи дней после Крещения. Не только вода, но по-особому воспринималась стихия снега.

Свет и снег

Субстанцию Света в сакрально-национальном пространстве и времени праздника Крещения/Богоявления усиливает присущая этому времени года стихия *снега*. *Снег* и *вода* — эти две природные стихии являются неотъемлемой частью небесно-земного Света, его «световой» составляющей, неким божественным отражением Света в сакральном пространстве праздника Крещения Господня. Физическая структура снега — это мириады замороженных капель воды. Падая на землю в форме

---

⁴⁶³По современной записи в Куединском р-не Пермской обл.: «В Крещенье воду воровали — в двенадцать ночи идут на прорубку (прорубь на реке. — Л.Т.), из колодца нельзя. Ночью ходить, пока ворон не искупался, надо и украсть. В ней, говорят, Иисус Христос купался. И вот надо, как только он искупался, и до ворона надо почерпнуть» (*Черных А.В.* Указ. соч. С. 149—150). Представление о «*вороновой воде*» до недавнего времени особенно широко соотносилось с традицией ритуальных купаний ранним утром Чистого Четверга.

⁴⁶⁴*Поздняков Т.* Из народных поверий. Воронова вода // Владимирские губерньские ведомости. 1900. №7. С. 8.

неповторимых по совершенству снежинок, снег, т.е. мириады снежинок собирают и отражают белизну снега, а значит, усиливают белизну снежных просторов, создавая эффект излучения идеально белого цвета/света⁴⁶⁵. Тем самым зрительно удлиняется световое время-пространство коротких зимних дней, что чрезвычайно важно для жизнедеятельности землепашцев. Стихия снега усиливает природный свет в национальном пространстве России. Не случайно у понятия Русская земля был ныне забытый синоним **Светорусье** — «**Светорусье**, русский мир, земля; белый, вольный свет на Руси; говор[ят] и *святорусье*»⁴⁶⁶. В цитированном понятии Русская земля как Светорусье отразилась национальная специфика цвето-светового видения мира окрест человека через стихию света⁴⁶⁷.

Таким образом, вся среда обитания этого времени года погружала человека в цвето-световую лучистость снежных просторов зимы. По сути, метафора снега — это свет. В то же время искрящийся светом крещенский снег — это особый *молодой снег*. Такое представление сформировалось благодаря следующим факторам: это понимание Крещения Господня как «праздника Светов», а в народе еще и как праздника, в который не просто свершалось Крещение Господа, а как если бы это было крещение новорожденного (тоже у греков⁴⁶⁸). Эти важные факторы освятили и закрепили в народе восприятие выпавшего в крещенское утро снега как снега молодого. Пожилые бабы собирали этот «особый» снег (в Тульской губ. со стогов) и использовали для отбеливания холстов и «войлочания» сукна, считая,

---

⁴⁶⁵Как известно, *белый цвет* расщепляется призмами на отдельные цвета. Сложная система призм, представленная в одной снежинке, позволяет не только собирать и отражать, но и усиливать (т.е. излучать) белизну.

Снежный покров отражает в космос почти 90% лучистой энергии Солнца. В то время, как свободная от снега суша отражает только 10, максимум 20% (<http://ru.wikipedia.org>).

⁴⁶⁶*Даль В.И.* Указ. соч. Т. IV. М., 1980. С. 159. (Заглавные и малые буквы, полужирный шрифт и курсив по В.И. Далю. — Л.Т.)

⁴⁶⁷Однако для национального самосознания в иерархии духовных ценностей непреходящее значение имеет понятие *Святорусье*, в том числе его современная форма *Святорусская земля*. Например, среди поэтических строк песни «Встань за веру Русская земля», положенной на музыку известного марша В.И. Агапкина «Прощание славянки», звучат слова: ...*Беззаветно тебя мы любили / Святорусская наша земля* (А. Мингалёв, 1990-е годы).

⁴⁶⁸Подробнее см.: *Иванова Ю.В.* Греки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973. С. 326.

что «молодой» крещенский снег отбеливает лучше солнца и золы; его использовали в лечебных целях, им умывались. Верили в чудесное свойство молодого крещенского снега сберегать воду в колодцах: бросали в колодец, полагая, что вода из такого колодца приносит «спорину» во весь год⁴⁶⁹. Согласно народным знаниям, снег во время святок — залог урожая. Это понимание универсально. Например, тверское: «Снег глубок — хлеб хорош, зима без снегу — не быть хлебу». Снег освещал зимние пространства Восточно-Европейской равнины значительную часть года, а лету обещал плодородие.

Этносемантику «цветущего» инеем и куржавинами святочного снега чуткие к жизни природы староверы северо-запада Пермского края выразили в хрононимах святок как *Цветьё*, *Цветтё*⁴⁷⁰. Полагаем, что благодаря пермским староверам этносемантическая глубина понятия Цветьё сохранила архаическую специфику языка и мышления русских. Это отразилось в календарном единстве цвето-светового восприятия «молодого» цветущего куржавинами крещенского снега с цвето-световыми характеристиками картины природы периода летнего солнцеворота — от Иванова дня до Петровок, также называемого *Цветём*.

К помощи снега, особенно крещенского, повсеместно прибегали девушки во время святочных гаданий. Такие гадания не только давали некую информацию о судьбе. Дело в том, что метафизика «молодого снега» предполагает ассоциации с рождением и детством. Поэтому символические манипуляции девушек с «молодым» крещенским снегом должны были обеспечить главное — их способность к рождению детей в качестве будущих молодухек (снег «пололи» в подолах сарафанов и передников, толкли его мутовкой, рассевали с помощью скатерти и т.д.).

Ассоциации праздника Крещения с рождением, детством, молодостью закрепились в народной жизни благодаря соответствующей крещенской атрибутике и обычаям типа ритуалов перехода, маркировавших жизненные циклы человека. В первую очередь отметим веру в «могучую силу» *света/огня*

---

⁴⁶⁹Сахаров И.П. Указ. соч. С. 202. И.П. Сахаров впервые об этом в 1838г. См. также: Никифоровский Н.Я. Указ. соч. №1836.

⁴⁷⁰Черных А.В. Указ. соч. С. 10.

богоявленной свечи при родах⁴⁷¹. В этом случае зажженная богоявленная свеча «репрезентирует идею раскрытия небес»⁴⁷², что, как полагали, должно обеспечить помощь особенно при трудных родах⁴⁷³. Напомним и о повсеместном обычае умыть детей крещенской водой с приговорами, защищавшими ребенка⁴⁷⁴.

У крещенской проруби устраивались смотрины девушек-невест. Здесь же знакомили молодых людей кубанские станичники; при этом парень мог умыть щеки приглянувшейся девушке⁴⁷⁵, что расценивалось как знак перемены судьбы. В числе крещенских обычаев, маркировавших период сватовства, были и особые, осуждавшие неженатую молодежь. В Кунгурском р-не Пермского края в этом случае под окнами старых дев разжигали костёр: «старых дев выжигали»⁴⁷⁶.

Детям, предпочтительно мальчикам, в день Крещения поручались различные ответственные задания. На Псковщине им поручали отнести на озимое поле крест из лучин, где его надо было воткнуть в землю на своей полосе. К этому крещенскому кресту, поставленному детской рукой среди озими, отношение было самое благоговейное: летом, в страду, жнея осторожно обжилала вокруг него рожь, стараясь не свалить крест⁴⁷⁷.

---

⁴⁷¹Подробнее см.: Русские крестьяне... Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. С. 283, 285; Русские крестьяне... Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. СПб., 2006. С. 230; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1996. С. 116.

⁴⁷²*Страхов А.Б.* Ночь перед Рождеством... С. 314.

⁴⁷³Принципиально то, что богоявленная / крещенская свеча соединяла в одну сакрально значимую цепь обряды жизненного цикла человека, начиная с родов и «завершая» жизненный путь при кончине (ставили зажженную в изголовье умирающему, так как верили: свет крещенской свечи «оборонит» душу отходящего к Богу).

⁴⁷⁴Замечательно об этом в воспоминаниях И.С. Шмелёва: Горкин «умывает меня святой водой, совсем ледяной, и шепчет: „Крещенская-богоявленная, смой нечистоту, душу освяти, тела очисти, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа“. — „Как снежок будь чистый, как ледок крепкий“, – говорит он, утирая меня суровым полотенцем, — „тёмное совлекается, а светлое облакается...“ — даёт мне сухой просвирки и велит запивать водицей» (*Шмелёв И.С.* Лето господне. Богомолье. Статьи о Москве. М., 1990. С. 142).

⁴⁷⁵*Куракеева М.Ф.* Традиции и инновации в восприятии огня и воды казаками Верхнего Прикубанья // ЭО. 2002. №3. С. 64.

⁴⁷⁶*Черных А.В.* Указ. соч. С. 157.

⁴⁷⁷*Копаневич И.К.* Рождественские святки и сопровождающие их игры и развлечения в Псковской губернии. Псков, 1896. С. 38.

Старики и дети

В тоже время в соответствующих крещенских обычаях ассоциативно-переходного типа мы находим традиции, связывавшие своими сакральными нитями два крайних поколения семьи и общины, т.е. стариков и детей. Например, особое загадывание практиковалось вечером на крещенские «свечки» в Шацком р-не Рязанской обл. Исполнители загадывания — *дети* и их *дед*. Дети становились «по углам» (место сакрализовано «пребыванием» душ предков в положенные им сроки) и, подставив «подолы», ловили специально сваренную чечевицу, которую кидал дед. По количеству пойманных зерен судили, кто сколько проживет⁴⁷⁸. Вероятно, это загадывание пришло в Шацкий р-н вместе с переселенцами из западнорусских земель, где в крещенский сочельник аналогичным способом судили о благополучии семьи на предстоящий год⁴⁷⁹. Воспоминания свидетельствуют и о бытовании традиции праздничных крещенских чтений Евангелия *для детей* в исполнении их *деда*⁴⁸⁰.

Все эти, как и другие крещенские традиции, были в числе последних, завершавших святки. Среди них важное место отводилось ритуализированным проводам олицетворения праздника. В этом случае наиболее интересные материалы дает этнография Северо-Запада Руси и земель Полесья.

Отъезд Коляды

Этнографический ареал Северо-Запада Руси и земель Полесья богат традициями, которые характеризуют вечер накануне

---

⁴⁷⁸ Морозов И.А., Слепцова И.С. Указ. соч. С. 237.

⁴⁷⁹ Никифоровский Н.Я. Указ. соч. №819, 1820. Сравнительный славянский материал см.: Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 274—282.

⁴⁸⁰ Писатель А.Н. Стрижёв в своей автобиографической повести пишет: «Наутро — Крещенье. После завтрака дед читал Евандиль. Потёртый, старый. Перехваченная суровой *ниткой*, лежала книга в обыденные дни на полке среди хожалых белестовых платков... Зато на праздник ей положено на столе быть. Дед Яков умел читать и славянские столбцы, читал нараспев, с тихими вздохами. Смирели мы за столом, когда дед выговаривал „Во время оно“. Повсюду Господь, страдающий от людей. Никто не спрашивал, был ли Он?... *А ныне Он — живой, крещенье принял и будет расти...*» (Цит. по: Стрижев А.Н. Хроника одной души (Проза. Народный календарь). М., 1991. С. 70 (курсив мой. — Л.Т.). В повести широко используется диалектное наречие крестьян Шацкого у. Тамбовкой губ.).

Крещения (или день, следующий за Крещением) как календарный срок, ассоциировавшийся с *отъездом Коляды*. В этом этнографическом ареале представления о *Коляде отъезжающей* нашло образное отражение в рисунках: принято одновременно с крестами на окнах и дверях рисовать деревья, коней, людей, телеги. Говорили: «*Коляда уезжает*»; «*Коляда на белых конях одъезджаець*»⁴⁸¹. Обратим внимание на мифологему о Коляде, отъезжающей на белых конях. Если в рождественский сочельник Коляда «прибывала» к людям на одном коне, то в Крещение она «уезжала» уже на нескольких конях. Ориентируясь на уникальную информацию о том, что Коляда сначала едет к людям на *трех кониках*, затем на двух, а в канун Рождества только на одном⁴⁸², закономерно предположение, что в упряжке отъезжающей Коляды будет *три белых коня*. Тройка белых коней Коляды — это мифопоэтическая метафора солнечного календаря периода от зимнего солнцеворота до летнего солнцестояния. Аграрный календарь этого полугодия имеет несколько заветных вех, посвященных лошадям. Из них самые известные — это мчащиеся тройки с молодежью и молодоженами на Масляницу, а также чрезвычайно архаичный образ *белого Коня-Русалки/Русалки-Коня*, ритуальные сцены с которым разыгрывались на огромной территории земледельческой Руси в Русальское (Петровское) заговенье. Конь-Русалка олицетворял пик летнего восхождения солнца, как и само солнце, а также сакральное время цветения озимой ржи, льна, васильков, проводы вёснушки-весны, последние весенние брачные игры молодежи⁴⁸³.

В русском святочном календаре проводы Коляды, объединяемые с типичными для крещенского кануна поминальными традициями, известны лишь в пограничных с Белоруссией северо-западных областях. Например, в Плюсском р-не Псковской обл. варили гороховую кутью: «*Поминают родителей... што аны уходят на сваё места якобы. ...В чашку на улицу паставя: „На, вот — паешь гарошку, Каляда крещенска!“*»⁴⁸⁴. В крещенской

---

⁴⁸¹ Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 54, 120, 128, 345.

⁴⁸² Там же. С. 120.

⁴⁸³ Подробнее см.: Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Рязань, 2001. С. 179—205.

⁴⁸⁴ Лобкова Г. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 25.

обрядности русских при отсутствии образа *Коляды*, отъезжающей на конях, мифоэтический образ солнечных коней отчетливо просматривается в обрядовой выпечке в форме *коней*.

Кони — обязательная крещенская выпечка с последующим кормлением лошадей — типичная картина праздника Крещения Господня на всей аграрной территории Европейской России. Отметим обычай *ребят* (мальчиков) Синьковской вол. Дмитровского у. бегать перед крещенским водосвятием по избам с припевкой: «*Подайте конька, золотого гребенька!*» (т.е. *конька с золотой гривой!*). Ребятам подавали испеченные перед крещенской заутреней обрядовые хлебцы в форме *коньков*. Себе хозяйева оставляли столько печеных коньков, сколько было лошадей в хозяйстве⁴⁸⁵. Этнографические материалы говорят о том, что в каждой семье коньков или коней выпекалось ограниченное количество, часто — только по числу лошадей в хозяйстве. Лошадей кормили печеными *конями* вместе с освященной водой. Этот народный обычай был в числе завершающих праздник Крещения. Его сакральное значение подчеркивалось тем, что повсюду лошадей кормили хлебцами-*конями* вместе с крещенской водой, принесенной старшим домохозяином после великого освящения «на иорданиях» водных источников. Кроме того, повсеместно практиковалось освящение лошадей крещенской водой у «иордани». Всё это — многовековые обычаи земледельцев, готовившихся к весенней пашне по солнечному календарю.

Мифологема «проводов святков»

7 января сакральная атмосфера информационного святочного пространства наполнялась особыми настроениями и представлениями. Церковь посвящает этот день Собору Предтечи и Крестителя Господня Иоанну (празднуется 7 января по ст.ст./ 20 января по-новому). «**Собором**» празднество называется потому, что в этот день «Церковь собирает своих чад на богослужение, воспевающее Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, а вместе с ним и собор бесплотных сил, или лики ангельские»⁴⁸⁶. Предполагаем, что православная космография этого дня сохраняет некие сокровенные знания, нашедшие

---

⁴⁸⁵ *Зернова А.В.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде // Сов. этнография. 1932. №3. С. 38.

⁴⁸⁶ *Булгаков С.В.* Указ. соч. С. 26.

отражение в народных представлениях о сроках пребывания душ предков в родных пенатах. Наступал черед их возвращения в иные края. Уникальные сведения о таком мироощущении были записаны до 1860 г. в Витебской Белоруссии: «„Сборный день“ (7 янв.) все „святки“ собираются на „ра́ду“ и после обсуждения действий и поведения людей, как они „святку́вали“, отлетают от земли... Окончательный „отлет святко́в“ происходит около полдня, ...не „по люцку святкувавши“ семьи и лица еще могут умиловить их в эти последние часы»⁴⁸⁷.

Витебский «Сборный день», в который все *святки* собираются на *ра́ду*, — это очередной календарный родительский день, завершавший святочный цикл. Он сродни русской Радунице, когда праведные души, встретив на земле Пасху, собираются, чтобы, как витебские святки, отлететь от родных мест. Это типичная картина завершения календарно-значимого цикла, ассоциируемая с отлетом в некие края праведных душ «родителей» («*святко́в*» — световых сущностей, невидимых человеку⁴⁸⁸). Вплетение поминальных традиций в трапезы сочельников, как и святочные обходы ряженных, допускали некие умозрительные «связи» со сферой трансцендентного. На этих представлениях основаны календарные родительские поминки, которые включали ритуальные «встречи»-«угощения» («невидимо угощаются») и проводы душ предков⁴⁸⁹.

---

⁴⁸⁷ Никифоровский Н.Я. Указ. соч. №1862.

⁴⁸⁸ Ср.: «Души предков находятся на небе и смотрят по ночам на землю и кажутся нам звёздами» (1898 г. Новоладожский уезд [Русские крестьяне... Т. 6. СПб., 2008. С. 189]). По представлениям казаков Верхнего Прикубанья (станция Зеленчукская), душа праведного человека, отлетая, светится *золотистым цветом* (Куракеева М.Ф. Указ. соч. С. 61). По В.И. Далю, нижегородское *святё* — это «святые, боги, иконы, образа́, домашние святыни» (Даль В.И. Указ. соч. Т. IV. С. 162). В разных областях России понятия *святё* и *святё* употреблялись в значении *иконы* и *иконостас* (СРНГ. Вып. 37. С. 9).

Согласно космоутопии К.Э. Циолковского, человечество расселится во Вселенной не физически, а метафизически, т.е. в виде светящихся сущностей.

⁴⁸⁹ Одним из базовых постулатов народного мирозерцания («народ крепко верит») была и остается вера в то, что усопшие «духом-душою» «связаны с земной жизнью и родными на земле». Кроме того, «народ верит, что за молитвы земные [т.е. перед домашними образа́ми. — Л.Т.] умерший может получить *на том свете* „место пресветлое“, молясь простым молитвословием: «Упокой, Господи, ... [имя рек] и дай ему место пресветлое» (АИЭА ОЛЕАЭ. Д. 43). Прочитанные записи 1892 г. прошехонского краеведа С.М. Дерунова. Наше подсознательное и через 120 лет ассоциирует пребывание душ родных людей «на том свете» в «местах пресветлых», т.е. постоянно речь идёт о Свете, хотя и метафизическом другом Свете.

Этнографические сведения, типологически единые со сведениями о витебских «святках», были записаны уже в наше время в районах Северного Белозерья (Вологодская обл.) и Пермского Прикамья. Здесь понятие «святки» бытовало на территориях проживания староверческого населения, т.е. среди хранителей более архаичных пластов русской культуры. Именно здесь мифологемы *приезда* и *встречи святков*, а затем их *отъезда на коня* разворачивались на фоне поверий о дарах, которые «святки» будто бы оставляли детям и девушкам (в день их «приезда» на второй день Рождества и «отъезда» в крещенский сочельник или Крещеньи). Девушки ожидали в подарок шелковые ленточки («шелкá»), дети — шелковые «плетешки», позднее — конфеты⁴⁹⁰. В обмен на ожидаемый дар «святкам» чаще всего требовалось оставить охапку сена под передним углом избы; реже «вички» и криночки, которые, вероятно, имеют отношение к поминальному культу. Охапка сена — это знак внимания к святкам в форме символического «кормления» коней перед их отъездом в некие края⁴⁹¹.

---

⁴⁹⁰ Морозов И.А., Слепцова И.С. и др. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 346—348; Черных А.В. Указ. соч. С. 58—59.

Аналогичные представления известны другим народам. Итальянцы полагали, что умершие оставляют подарки детям в осенний день Всех Душ (2 ноября). Празднуя «отпуск душ умерших», устраивалось поминальное шествие во главе с клиром. С этих сцен начинается фильм «Прекрасный ноябрь» (Италия — Франция, 1969). О дне Всех Душ: Страхов А.Б. Указ. соч. С. 322—327. О празднествах с дарением детей см.: Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // ЭО. 1911. №1—2. С. 4—51.

⁴⁹¹ Поминальная жертва клочком сена или травы, с крестным знаменем, неукоснительно соблюдалась крестьянами Холмского у. Псковской губ., когда они шли мимо возвышения при устье безымянного ручья. По местному преданию, здесь был погребен богатырь с конем. К весне на этой легендарной могиле скапливалось столько сена, что его хватило бы на всю зиму для одной лошади, но никто «не отваживается собрать его для домашнего обихода...» (1848г. Русские крестьяне...Т. 6. С. 300). В рязанском Поочье среди обычаев погребально-поминального культа было правило оставлять на могиле немного травы или сена для *крылатого коня*, который, как верили, на 40-й день должен прилететь за душой усопшего (сообщение краеведа А.Н. Гаврилова, р.п. Шилово, 2009г.). В этом ареале отмечены и представления о *крылатом волке* (см.: Тульцева Л.А. народные названия Млечного Пути в среднерусской полосе России // Астрономия древних обществ. М., 2002. С. 282—284). Обратим внимание и на информацию из Пинского р-на Брестской обл. Здесь обычай класть сено под скатерть накануне рождественской коляды объясняли тем, что *«Коляда приехала на сивых конях, а коням трэба сина»* (Толстая С.М. Указ. соч. С. 120).

В деревнях Верхневажского р-на Вологодской обл. для «встречи» и «проводов» святко́в шелковые ленточки навязывали на сучья специально установленной бороны-суковатки или «шелка́» наматывали на мотовку. В некоторых деревнях бороны с шелковыми ленточками ставили перед каждым домом на все дни святков. Записавшая эти сведения И.М. Денисова связывает навязывание и наматывание «шелков» с бытующим поныне обычаем привязывать «в дар» духам-предкам нитки, ленточки, обрезки тканей на ветки деревьев и кустов, т.е. на места пребывания душ предков, по архаическим представлениям. Она же, опираясь на собственные полевые материалы, предлагает расшифровку понятия *шелыгане/шелукане/шуликуны*⁴⁹² как локальный синоним понятия *святки*⁴⁹³. В свою очередь, обратим внимание на мифопоэтическую инверсию слов *шелыгане/ шуликуны* и др., фонемы которых — *шлг/шлк, вероятно, послужили основой к собирательному понятию *шелка́* для всех нитей, лент и тканей святочного дарообмена.

Обмен дарами между *святка́ми* и людьми — это ритуальные знаки завершения срока святочного «освобождения» душ предков, межевые знаки перехода между календарными циклами. Напомним и о традиции обязательной выпечки фигурок крещенских коней, иногда двуконьковых (с головами по обеим сторонам туловища): среди универсальных архетипов народов Евразии *конь* — символ солнца и света, но он и проводник между мирами.

Герои дарообмена — дети и девушки, а также уезжающие или улетающие с ветром на конях души предков. Хранители традиции в семье — старшие поколения, в данном случае — родители детей и девушек. Они организовывали сакральное пространство «проводов» святко́в, подсказывали детям и девушкам, как следовать обычаю, наблюдали за его исполнением. Тем самым в течение XXв. сохранялся обычай семейно-родовых «встреч» и «проводов» душ предков. В этом обычае родители детей и девушек — связующее звено между новым поколением и

---

⁴⁹²Обстоятельную историографию работ, посвященных этимологии понятия шуликун см.: *Иванова Т.Г.* Комментарии// *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917—1934 / Подготовка текста и коммент. Т.Г. Ивановой. М., 1999. С. 279—283.

⁴⁹³*Денисова И.М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995. С. 36—38.

ушедшими предками. Фактически перед нами жизненный цикл человека — от детей к душам предков, — который разворачивался под охраной «прародителей»/«прадедов» семейного генеалогического древа. «Святки» должны оставить подарки: *детям*, потому что они — новые преемники этнокультурного наследия дедов; *девушкам* ленточки в качестве намека на *девичью красоту* и свадьбу, как залог непрерывности жизненного восхождения рода-племени, для которого девушки — это в ближайшем будущем молодухи с младенцами на руках. Но и святки, согласно весьма архаичной традиции, должны получить чрезвычайно важный для них дар — нити и ткани, т.е. то, что в сакральном информационном пространстве творит энергетическую судьбу человека и составляет неотъемлемую часть антропокосмического круговорота жизни⁴⁹⁴.

Важно и то, что святки, «посетив» родное пепелище, убедились в главном: рождается потомство — значит, генеалогическое древо расцветает, долг перед предками в продолжении рода выполняется. Эта реконструкция позволяет предположить, что в основе мифологемы о святках, посещающих родные пещища, лежит хорошо известный в этнографии *архетип родового гнезда/очага*, некоего его первоначала, которое никогда не должно угаснуть. Значит, цель появления святков в новый календарный цикл — это своего рода «проверка» родового гнезда, того, как оно расцветает/ разгорается/ «оперивается» новым потомством, что принципиально значимо, если учесть, сколь коротка была продолжительность жизни человека на протяжении тысячелетий. Поэтому именно девушки должны «получить» дары для *дивьей красоты*, так как в перспективе они будут ответственны за генетическое сохранение рода в потомстве.

---

⁴⁹⁴ Наш вывод подтверждают этнографические сведения о широко распространенной на Русском Севере традиции «заветов»: в том числе особенный обычай повесить к иконе или на крест полотенце, платок, пелену при *испрашивании* помощи и здоровья у Бога. При этом «так называемые тканые привесы — полотенца, платки, полотна — понимаются как воплощенная молитва...: „Молимся, так вроде Богу жертва“. Считается, что „платяной завет лучше, чем свеча“. Нередко приносили особую пелену — плат или кусок ткани с нашитым крестом» (*Мелехова Г.Н.* Часовни в православных традициях Кенозерья (Этнографические заметки) // Православный паломник. 2004, №1—2. С. 4. Также см.: *Дмитриева С.И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 127; *Лысенко О.В., Комарова С.В.* Ткань. Ритуал. Человек. СПб., 1992; и др.)

Завершение жизненного цикла, как и его возвращение, — вместе с душами предков. Они вернутся в нужное время, как вернется охапка сена, что возродится летом *троицкими* травами и цветами, которые надо оплакать, помяная родителей⁴⁹⁵, и *иванокупальским* разнотравьем, которое будет включено в структуру крещенской обрядности⁴⁹⁶.

Посткрещенское пространство — это симфония освященной воды, света, снегов. Человек был погружен в космоприродное великолепие этого пространства. Сам праздник Крещения / Богоявления в народном восприятии был столь велик, что в последующие дни отдания праздника нормой повседневного поведения стало поддержание в общественной жизни и самосознании людей сокровенного отношения к воде и освященным источникам. В самой структуре народных богоявленских обычаев и обрядов сформировалась обрядность, которая, с точки зрения русского землепашца, была особо значимой в перспективе всего сельскохозяйственного года. Здесь мы находим и обычаи, зеркально отразившие традиции крестильного обряда детей. Эти обычаи завершали крещенско-богоявленское трехдневье и приходились на 8/21 января («Василисы зимние» — «Емельяна-перезимники»). Благодаря И.П. Сахарову, мы знаем, что в «степных местах», т.е. в среде однодворцев и казаков, «на Емельяна-Василису» было принято угощать кума с кумой в доме крестников. Полагали, что «угощение кума с кумой приносит здоровью крестникам» (первая половина XIX в.)⁴⁹⁷. В этом обычае обрядовое значение имели дары *кумовьев*: холщовое полотенце («белое белильце») и мыло. Этнокультурная семантика *даров* связана с жизненной силой и красотой; эти вещи предполагали на практике смывать недуги, способствовать здоровью крестника, но главное — достойно ему возрастать от одного жизненного цикла к другому. Возможно, обычай крещенского угощения кумовьев сформировался не без влияния богоявленского Чина великого освящения вод, т.к. молитва богоявленского водоосвящения взята из обряда крещения и «есть не что иное, как позднейшая ее переработка»⁴⁹⁸.

---

⁴⁹⁵ Тульцева Л.А. «Умилно на пучок зари...» (К реконструкции одного из пушкинских образов *милой старины*) // ЭО. 1999. №3. С. 5—15.

⁴⁹⁶ Мадлевская Е.Л. Крещение Господне // Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. СПб., 2002. С. 282—283.

⁴⁹⁷ Сахаров И.П. Указ. соч. С. 204; Коринфский А.А. Указ. соч. С.115.

⁴⁹⁸ Булгаков С.В. Указ. соч. С. 25.

Таким образом, фактически святочный цикл завершался обрядностью, посвящавшейся детям. В русской этнографии сведения о крещенском обычае угощать кума с кумой теряются к началу XX в. (это не значит, что обычай вовсе исчез)⁴⁹⁹. У других православных народов и локально у русских (напр., Брянская обл. Столинский р-н⁵⁰⁰) посткрещенская тема с героями — «новыми детьми», бабушкой-повитушкой и молодухами — звучала во всей полноте каждый год 8/21 января на протяжении всего XX в., так как в этот день справлялся праздник повитух (*Бабин день*). В этом случае этнокультурная традиция соотносит Бабин день с Рождеством Богородицы, отмечаемым 8/21 сентября. Традиция отражает сакральное восприятие воды (тем более «обновленной», «живой», небесной крещенской воды) как природной и катартической субстанции, без которой немислимо рождение детей и которая возвращала человека к «исходной чистоте» (С.С. Аверинцев). Поэтому, например, у болгар праздник Бабина дня составляют три главных обрядовых действия: купание *бабой*-повитухой малых детей; угощение в ее доме женщин, у которых она принимала роды; ритуальное купание в реке или у колодца самой *бабы* молодухами, имеющими детей⁵⁰¹.

* * *

Совокупность изложенной этнографической информации свидетельствует, что вся жизнедеятельность людей была подчинена высшему порядку, реализовывавшемуся через последовательность календарно фиксированных ритуально-праздничных циклов. Упорядоченностью всего структурно-функционального состава обрядов и обычаев характеризуется и начало нового солнечно-годового цикла. Пространство и время этого цикла, как и человек в данном пространстве и времени, были подчинены традициям ритуального проживания времени от Рождества к Новому году и Крещению. Новый

---

⁴⁹⁹ Нам известно лишь одно краткое сообщение о том, что «в день св. Емельяна» в некоторых деревнях было принято «угощать кума с кумой, чтобы крестники их были здоровы» (1898 г. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 1579. Л. 11). Не исключено, что информация почерпнута корреспондентом «Этнографического бюро» из труда И.П. Сахарова.

⁵⁰⁰ Толстая С.М. Указ. соч. С. 128.

⁵⁰¹ Колева Т.А. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973. С. 279—280.

солнечно-годовой цикл начинается с хлопот о новой жизни — рождении новых детей, приумножении поголовья скота, возвращении зерновых. Не забыт человек и как единица космоса: его связь с окружающей средой, пространством и временем актуализировалась, например, через обрядовые хлебцы. Так, на Русском Севере *козулями* часто называлось рождественское печенье в форме оленя с ветвистыми рогами. Олень — один из символов солнечного света, восхода, обновления жизни. Его образы в рождественском печенье расшифровываются и с точки зрения мифо-календарной модели мира⁵⁰². В регионе среднерусского Нечерноземья, Волго-Окского бассейна отражением мифо-календарной модели мира и бесконечного, вечно возвращающегося круговорота жизни с солнцем и светом стало обрядовое печенье в форме архаической S-образной фигуры (его названия — *восьмёрки*, *витушки* или по новомуднему величанию *усеньки*, *авсеньки* и др.), а также, возможно, двуконьковые фигурки. На этих принципах бытия человека аграрного общества основывалось представление о непрекращающемся круговороте жизни и рождений.

Заключение. Была поставлена задача этнографической реконструкции ритуальных и образно-ассоциативных концептов этнокультурной программы на продолжение рода в потомстве. Мы начали с изучения сакрального пространства Святков. Было предположено, что коль скоро речь идет о новом солнечном цикле, то в народной обрядности должна прозвучать тема обновления всего жизненного пространства человека (мироколицы) благодаря новым поколениям детей. И в самом деле. Начиная с рождественской обрядности новый годовой цикл встречает обновленный микрокосм людей — это ватаги «новых» детей (*недоросточков-колядовщичков*), в том числе тех, о которых узнают в урочное время благодаря сакральному преданию о райском саде как щедром богатстве, состоящем из детей под покровом Божьей Матери. В день праздника Собор Пресвятой Богородицы под покровом Богородицы как **Светородительницы**, *Свет неизреченный родившей* (см. акафисты, каноны молебные и др.) повсюду честь воздавалась бабушкам-

---

⁵⁰² *Онучина Т.А.* Календарные мотивы в холмогорском обрядовом печенье // ЭО. 2002. №6. С. 35; *Она же.* Вырезной архангельский пряник в системе северного обрядового печенья // Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2004. С. 150—152.

повитушкам, перворожавшим молодым женщинам с младенцами на руках, всем вновь рожавшим женщинам. Нравственным императивом было представление о детях как Божьем даре и супружестве с детьми как Божьей благодати. На детей смотрели как на воплощенных наследников дедов и пращуров. На этом принципе базируется сакральная структура святок. Поэтому они открываются «встречей» представителей полярных демографических констант. Святки заканчиваются сначала «проводами» душ предков, а вслед за тем детской обрядностью, которая закрепляла семейно-родовые, соседские и общинные связи. В завершающей святки обрядности принципиальное значение имели религиозно-метафизические представления о крещенской картине мира как времени обновления земных вод, что расценивалось и как обновление матримониального цикла, родовых (от *рѳды*) вод и рождений.

Таким образом, в народно-православной картине мира обновлению космофизического Света (в связи с зимним солнцеворотом и поворотом «зимы на лето») соответствует религиозно-метафизическое обновление Мира и Света через Рождество Христово. Божественный Свет открытых небес на Рождество, Новый год и Крещение, обновляет Белый Свет. Сакральная и космологическая глубина мировидения о Рождестве и святках, когда человеку небеса открываются, — эта мифологема рождественско-крещенского мировосприятия никогда не была забыта нашими крестьянками. В то же время, обратившись к реконструкции образно-ассоциативного ряда символов Света периода Рождества и Святок, мы делаем неожиданный и чрезвычайно важный вывод: весь святочный величальный фольклор русских крестьян пронизан символами/образами Света и даже Первосвета! В первую очередь это образы астрально-солнечного происхождения — *млад светел месяц, утренняя зоряря, красное солнышко, частые звёздушки*. Эти светоизлучающие и согревающие стихии в фольклоре являются метафорами семьи с детьми или «родителями» нового поколения: *они дитя вспородили, вспеленали, вспоили*. Наряду с космоприродными стихиями Света в календарном обрядовом фольклоре широко представлены такие неизменные и универсальные архетипические знаки-константы Первосвета, как *жемчуг, красное золото, чистое серебро*, а также этнически значимые — *златоверхие терема, воску ярого свечи, золотые кресты, лазоревые цветы*.

Дополнительно остановимся на образе жемчуга. По М. Элиаде, жемчуг в символических системах Востока был включен в космоциклические ритмы реинкарнации, особенно в связи с космологическим комплексом Вода — Луна — Женщина. Это глубочайшее знание мы оставляем для других работ. В нашей статье мы интерпретируем значение жемчуга, исходя из конкретного (в связи с темой работы) контекста⁵⁰³, а именно: образ жемчужины включен в обрядовый фольклор периода зимнего солнцеворота и Рождества Христова, т.е. времени Творения/Обновления Света. Известны народные предания, объясняющие появление жемчуга вместе с Творением Света. Обратим внимание и на *не случайность* следующего совпадения. В традициях русского рукоделия было принято с понедельника второй недели Великого поста *начинать перенизывать жемчуг*, украшать убрusники и кокошники, шить дивью красоту, в том числе жемчугом⁵⁰⁴. Но именно эту неделю Церковь называет **Неделей светотворных постов** и посвящает ее памяти Григория Паламы (1296—1359) — великого исихаста, давшего новое богословское обоснование природе Фаворского света.

Удивительно в свое время писал Сергей Есенин: «В наших песнях и сказках мир слова так похож на какой-то вечно светящийся Фавор, где всякое движение живет, преображаясь»⁵⁰⁵. Светозарные, «светящиеся Фавором» образы/символы словом и звуком воспроизводились во всем весям новогодней заснеженной Руси. Не был забыт, пропущен, оставлен или обойден ни один конец села, ни один двор, ни одна живая душа! Так важно было, чтобы светозарные энергии величальных текстов коснулись каждого — детей, молодежи, семейных пар, стариков и старух, чтобы каждый благодаря этим величиям в очерденной

---

⁵⁰³ Конкретный контекст преобразования горницы благодаря чудесному свету жемчуга прочитывается в латышском фольклоре в строфах, посвященных пространству горницы. У горницы во время толоки: «*Пол из желудей дубовых, / Из жемчужин потолок*» (Дарбиниеце Я. Жанровая специфика латышских народных календарных обрядовых песен в свете сравнительного анализа // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 99; см. также с. 98). Даже если это поздняя реконструкция в духе латышской мифологической школы, она соответствует индоевропейской традиции.

⁵⁰⁴ Подробнее см.: Тульцева Л.А. Средокрестный день русского аграрного календаря: мифосемантика обычаев и фольклорных образов // Очерки русской народной культуры. М., 2009. С. 437, 455—456.

⁵⁰⁵ Есенин С.А. Ключи Марии / Есенин С.А. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 5. М., 1962. С. 35. (полу жирный шрифт мой. — Л.Т.).

раз прошел обряд посвящения жить в новом световом пространстве и времени. Мир организован на принципах Света — это знание достаточно прозрачно зашифровано в каждом винограде, в каждой авсеньке-таусеньке. Одновременно весь традиционный новогодний фольклор был для исполнителей и слушателей как знанием о самих себе, т.е. этнически значимой самоидентификацией, так и осознанием своего единства со всем сельским сообществом (социумом). Для детей тексты типа *каляда-маляда* — это и обучение языку, но это и впитывание этнокультурных образов, в том числе образов/символов Света, вместе с которыми они «перешагивали» свои обряды жизненного цикла. Детей пестовали/ напутствовали в жизнь «со Светом по Свету»!

На заре времен, когда великие мудрецы архаических времен устанавливали ритуалы, закономерно предположение, что первыми были ритуалы, фиксировавшие основные астрономические точки солнечного цикла. Какова была их суть, подсказывает этимология понятия «ритуал». В слове две морфемы: «рита»+«ал», которые мы склонны переводить как «высший порядок, подчиненный свету». Ключевое понятие здесь «свет». Весь изложенный материал свидетельствует о том, что Мир и наши предки в этом Мире были нацелены жить в соответствии с принципами/законами/ритуалами Света космоприродного, Света космобожественного.

Фролова А.В.

Месяцеслов русских Архангельского Севера в XX в.

Месяцеслов, или святцы — список памятей святых в порядке месяцев и дней года — по сути календарь Православной Церкви. Что происходило с народным месяцесловом русских Архангельского Севера в один из самых важных переломных моментов истории страны при смене политического строя,

экономической и культурной жизни и послужило вопросом исследования в данной статье.

В основе исследования лежат полевые материалы, собранные автором в деревнях Холмогорского, Пинежского, Мезенского, Лешуконского районов Архангельской обл., в городах Архангельске, Северодвинске, Котласе, Мезени и др. в 2003—2008 гг., также привлечены материалы, содержащие фактические данные, местные периодические издания, архивные документы Государственного архива Архангельской обл. (ГААО).

Территория Архангельского Севера выбрана неслучайно — это одна из немногих историко-культурных зон Европейского (Русского) Севера, стабильный интерес к которой со стороны ученых наблюдается в течение нескольких последних столетий. Архангельский Север — условное административно-географическое название, принятое в литературе из-за частого изменения границ при переделах губерний, а затем при преобразовании их в области. В настоящее время эта территория практически соответствует современной Архангельской обл.

Как и многие исследователи Архангельского Севера, необходимо отметить яркость, самобытность и своеобразие культуры его населения, тем более что это всегда был моноэтнический регион — 94% русских. Этой территории не коснулись разрушения, связанные с монголо-татарским игом, не было здесь и крепостных крестьян, не так тяжело, как в Средней и Южной России отозвались события многочисленных войн, в том числе 1812 г., Первой мировой и Великой Отечественной (1941—1945). Среди прочих факторов это способствовало сохранению историко-культурного наследия края, а в социокультурном плане определило относительно высокую степень стабильности общественной ситуации, мироощущения людей. Архангельский Север на протяжении столетий, начиная с XII в., представлял собой своеобразную «свободную экономическую зону», что способствовало росту предпринимательства, активизации внутренней и внешней торговли и, конечно же, формировало определенный тип мировоззрения северян, способных к самостоятельности, активности и в то же время не склонных к антагонистическим противопоставлениям в чем бы то ни было, поддерживающих, часто бессознательно, традиции и устои. В советское время эта предрасположенность к предприимчивости была существенно ограничена, но ее ростки продолжали

проявляться в некоторых видах хозяйствования и домашнем ремесле. Сам быт, образ жизни, суровые климатические условия сохраняли эти ценные качества душевного склада северян.

Содержание церковных праздников и связанных с ними обычаев и ритуалов в целом своей основе были едины на всей территории России. Однако в каждой области существовала своя специфика. Народный месяцеслов русских Архангельского Севера складывался из нескольких циклов, достаточно подвижных в различных регионах. В его основе лежала природно-аграрная последовательность годовых периодов, на которую накладывалось членение христианского (юлианского) календарного года по сезонам: зимний — циклы святочнорождественский и масленичный, большой весенний — недели Великого поста, Пасха; летний — троицко-купальский период, Иванов, Петров, Ильин дни, Успение; осенний — Рождество Богородицы, Покров. В Архангельском крае весенний и осенний циклы были значительно усечены по сравнению с праздничными комплексами Центральной России.

Месяцеслов включал и событий Священной истории, и церковные святцы. За века существования православия образы святых переосмыслились человеком сообразно «месту», отведенному им в календаре, а их имена соединялись в сознании крестьян, насыщаясь элементами, связанными с собственным трудом и бытом. Список особо чтимых святых достаточно устойчив на всем просторстве Русского Севера. Самыми почитаемыми были Николай Угодник и Параскева Пятница, число их именных часовен и храмов в 2—3 раза превышало количество остальных, а культ свт. Николая пронизывал и все стороны севернорусской морской культуры. Затем по значимости следовали вмч. Георгий, свв. Флор и Лавр, Илья Пророк, Иоанн Креститель. Среди праздников севернорусские крестьяне также выделяли Егорьев и Петров дни.

Особенно широко было распространено почитание святых — местных уроженцев. В разных уездах Архангельской губ. отмечалась память преподобного Варлаамия (2 июня) — Варлаамьев день, почитали Антония Сийского, Артемия Веркольского и его сестру Параскеву Пиринемскую, Никодима Кожеозерского, Макария Красногорского, Иоанна Кронштадтского и др.

На формирование народного месяцеслова в Архангельском крае наложила отпечаток специфика местного сельского

хозяйства. Необходимо отметить и роль скотоводства в хозяйстве архангельского крестьянина. Особенно большое значение оно имело в Мезенском, Пинежском, Холмогорском уездах. Все это сказалось на народном праздничном календаре Архангельского Севера и, вероятно, послужило причиной возникновения так называемых *съезжих* праздников с приуроченными к ним общественно-семейными церемониями гостеванья. *Съезжий* (*съезжой/пивной*) день мог приходиться как на престольные праздники, так и на обетные (*кануны*), устанавливавшиеся самими крестьянами чаще всего в память об эпизоотии (большой падеж скота) в деревне. Такой праздник считался главным в данной местности, и в эти дни устраивались особые многодневные гуляния: мезенские *петровщины*, пинежские и холмогорские *метѣщи*, поморские *круги*.

В таком виде месящеслов столкнулся с Октябрьской революцией 1917г., изменивший впоследствии сложившийся комплекс. В процессе «приобщения» к новому образу жизни устанавливались новые революционные праздники, обновлялись или вытеснялись из быта праздники народного календаря, формировались новые обрядовые действия, освящающие «переходное состояние» в жизни человека (рождение, свадьба, похороны и т.д.). Внедрение советской общественностью праздников революционного «красного» календаря, попытки замены традиционных народных праздников, составлявших «скелет», основу традиционной праздничной культуры, свидетельствовали о стремлении радикально перестроить духовный мир человека.

Для деревень и сел Архангельского Севера Октябрь 1917г. — условная дата. В городах стремительный приход новой власти был подготовлен длительной деятельностью большевиков, в сельской местности все происходило иначе. Во время Первой мировой войны нарушились ее традиционные связи с городом, в период гражданской войны и послевоенной разрухи положение крестьян стало просто катастрофическим, что заставило их вернуться к наиболее надежной форме хозяйства — натуральной, и, как следствие этого, произошло возрождение традиционной народной культуры — материальной и духовной.

Севернорусский крестьянин быстро вернулся к традиционным формам обработки земли — вплоть до дедовской

«подсечно-огневой» расчистки леса для увеличения посевной площади; количество имевшейся пашни было явно не достаточным для прокорма населения в новых условиях. Возрождались и забытые способы обработки сельскохозяйственной продукции. Так, в быту по своему прямому назначению вновь стали использоваться ступы и ручные жернова; строились водяные и ветряные мельницы для обмолота собранного урожая. Крестьянки сели за прялку и ткацкий станок; предпринимались попытки возродить давно забытые на Архангельском Севере посевы льна и конопли. В связи с реанимацией традиционных форм хозяйственной жизни возросла и роль большой неразделенной крестьянской семьи — отсюда строительство на Севере в 1920-е годы больших двухэтажных домов для таких семей⁵⁰⁶. Вслед за изменением «базиса» изменилась и «надстройка»: в 1920-е годы в деревне наблюдалось возрождение многих форм традиционной праздничной культуры, исследователи отмечали ренессанс традиционных, православных крестьянских праздников на Русском Севере⁵⁰⁷, что шло вразрез с проводимой в стране политикой в области праздничной культуры.

Идеологи и практики Главполитпросвета (ГПП) в сотрудничестве с Агитпропом ЦК РКП — ВКП(б) и ЦК РЛКСМ — ВЛКСМ предпринимали попытки использовать православные праздники в своих интересах. Сценарии «старых» праздников изучали, переделывали, подгоняя под революционные, и затем старались распространять в крестьянской среде. С этой целью было создано несколько новых журналов, среди которых наиболее рьяно антирелигиозной пропагандой занимались «Красный Ворон» и «Антирелигиозник».

Любимыми в России были главные православные праздники Рождество и Пасха. Поэтому была предпринята попытка вложить антирелигиозное содержание в традицию святочных и пасхальных гуляний. Тем более, что, молодежь, по мнению идеологов, в подобных торжествах интересовали только развлечения. Итогом было появление так называемых «комсомольского Рождества» и «комсомольской Пасхи».

---

⁵⁰⁶Трошина Т.И. Разрушение традиционной крестьянской культуры // Народная культура и музеи под открытым небом. Пути сохранения и возрождения традиционной культуры. Архангельск, 2000. С.112.

⁵⁰⁷Колпакова Н.П. У золотых родников. Записки фольклориста. Л., 1975. См. также: Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Ч. 2. Л., 1928.

В Архангельске первое «комсомольское Рождество» состоялось 13 января 1923 г. В основе нового праздника был политический карнавал: по улицам с трубами и плакатами «Беспощадная война религии!» двигалось шествие ряженных комсомольцев, изображавших попов, могильщиков старого режима, нэпманов, патриарха Тихона и др. Впереди процессии несли красную звезду — символ антиколядования. Участники мероприятия проводили небольшие митинги около всех крупных городских культовых зданий: кафедрального собора, синагоги, у молельного дома евангелистов, собирая вокруг себя множество зрителей и демонстрируя свой протест дружным чиханием в сторону культовых зданий⁵⁰⁸.

Кроме этого в течение нескольких дней вечерами в Архангельске устраивалось колядование по-комсомольски, «славленья Комсомольского Рождества с красной звездой». Ряженные заходили в разные учреждения, причем в театре, кино, казармах приветствовали присутствующих, а «хозяевам ресторанов и посетителям комсомольцы после славленья чихали»⁵⁰⁹.

Второй «атакой на богов» стала «комсомольская Пасха». В апрельские дни 1923 г. в городе прошли вечера Коперника, выступления живой газеты, концерты, всевозможные инсценировки, а также пикеты около городских церквей⁵¹⁰. Подобные мероприятия проходили и в уездных городах. В Пинеге, например, в ночь с 26 на 27 апреля 1924 г. комсомольская Пасха включала в себя доклад «Происхождение Пасхи», инсценировки, декламации и анекдоты на антирелигиозные темы, показательно, что комсомольцы собрались в спортзале школы, занимавшей здание церкви⁵¹¹. Естественно, что подобные агрессивные действия не находили понимания у многих городских жителей. Даже театральные постановки антирелигиозного содержания вызывали раздражение. В Цигломени на лесозаводе №1 по ходу спектакля «Бог отец, бог сын и К°» зрительный зал разделился: заводские рабочие хорошо воспринимали действие, а крестьяне остались недовольны характером пьесы и угрожали актерам⁵¹².

---

⁵⁰⁸ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 931. Л. 1—1 об.

⁵⁰⁹Там же.

⁵¹⁰ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 922. Л. 238.

⁵¹¹ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1146. Л. 52.

⁵¹²Волна. 1923. 18 апреля.

Авторы докладной записки в Агитпропотдел ЦК РКП(б) признавали, что первый опыт карнавалов и демонстраций 1923 г. не был удачным и лишь обострил взаимоотношения комсомольцев с населением, особенно в деревне⁵¹³.

Для прекращения святочных ряжений в 1923 г. Архангельский городской исполнительный комитет (АрхГИК) издал постановление «О воспрещении хождения по городу в масках». В целях охраны общественного порядка в дни святок было запрещено ходить по улицам города в масках, париках, гриме и т.п. Желающие принять участие в маскарадах обязаны были следовать к месту увеселения в обычной верхней одежде, только после её сдачи на хранение допускалось надевание масок. Нарушители данного постановления могли подвергнуться штрафу до 300 руб. или принудительным работам на срок до трех месяцев⁵¹⁴. Устройство маскарадов и вечеров теперь находилось в ведении административного отдела АрхГИК.

В сельской местности ряжение пытались превратить едва ли не в образец антикультурного поведения: «По домам теперь отложено ряжеными ходить... Сейчас считается это серость, некультурно». «В Усть-Цильме стали машкарованных разгонять, считали за хулиганство»⁵¹⁵.

Если в городах борьба против «старых праздников» велась с начала 1920-х годов, то до деревень она докатилась гораздо позже. С 1924 г. стали издаваться журналы ГПП «Изба-читальня», а вскоре и «Деревенский театр», определившие своей задачей «подняти культурного уровня деревни посредством наглядных живых образов», т.е. советами, сценариями, текстами, инсценировками; журналы «Город и деревня», «Красная деревня», «Журнал крестьянской молодежи» также стремились перевоспитать крестьян на новый лад⁵¹⁶. Помимо праздничных сценариев журналы предлагали инсценировки «комсомольских свадеб», «красных крестин» — «звездин», «октябрин». Претворяли в жизнь эти сценарии местные политпросветчики.

---

⁵¹³ Михайлов С.В. Государство и церковь: Отношения органов власти. Архангельск, 1998. С. 136.

⁵¹⁴ ГАО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 305. Л. 270.

⁵¹⁵ Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре. Петербург, 1994. С. 9.

⁵¹⁶ Кортаев В.И. Русский Север в конце XIX — первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998. С. 101.

В Архангельской вол. Онежского у. крестины стали заменяться «звездинами»⁵¹⁷.

«Хулиганские гулянки» деревенской молодежи заменяли «красными гулянками», стремясь вложить в них политическое содержание. Вот перечень мероприятий «красной посиделки» д. Сюма Шенкурского у.: 1) доклад о том, для чего нужны такие посиделки и какова их цель; 2) песни; 3) чтение из «Веселого чтеца-декламатора»; 4) чтение фельдшером статьи о чесотке и чахотке; 5) игры⁵¹⁸. Не вечеринка, а заседание, перемежающееся развлечениями. Вместе с тем многие святочные посиделки в Ленском районе, входившем в 1927 г. в Северо-Двинскую губ., сохраняли свои традиционные черты. Они проходили с пением и играми и лишь начинались с лекции или беседы на политические темы⁵¹⁹.

Традиционные праздники и обряды пытались трансформировать, наполнив их иным содержанием, создать на их основе новые праздники и советскую обрядность. Активными «проводниками» всего нового являлась молодежь. По воспоминаниям Ивана Петровича Попова (в 1919 году секретарь Устьпаденгского сельсовета, а в 1924—1927 гг. председатель волостного исполкома): «молодежи было много, веселая, голодная до всего нового, с ней мы и начали работать. Мы заменили хулиганские частушки... хоровыми песнями Демьяна Бедного, „Комаринской“, „Как родная меня мать провожала“, на злобу дня „Ай да ребята, ай да комсомольцы“ и др.»⁵²⁰. Создали спортивный клуб (в доме бывшего кулака Воюшина), драматический кружок, после спектаклей устраивали массовые игры. В 1924 г. купили радиоприемник. «Я был активистом на всех гуляньях и праздниках с губной гармошкой, — вспоминал И.П. Попов. — Надо было за ребят держаться, и я иногда стал петь хулиганские частушки, но в деревнях пел только хорошие песни»⁵²¹.

В с. Азаполье Мезенского у. комсомольская ячейка появилась в начале 1920-х годов. Сельские комсомольцы, по словам

---

⁵¹⁷ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁵¹⁸Там же. Д. 440. Л. 8.

⁵¹⁹Пономарев Н. Красные посиделки и вечеринки (Из опыта работы Северодвинской губернии) // Коммунистическое просвещение. 1928. №2—3. С. 244—246.

⁵²⁰ГААО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 9—10.

⁵²¹Там же. Л. 13.

первого азапольского комсомольца И.Н. Борисова, главной своей задачей в то время считали антирелигиозную пропаганду и постоянно собирались в избе-читальне для совместных «читок» и обсуждений журнала «Безбожник». «Потом расклеивали листовки на церкви на видном месте, ой и подняли верующие шум. Комсомольцы взбучку от родителей получили»⁵²². Затем организовали в селе театральный кружок и сообща купили граммофон. Азапольцам нравилось показывать свои театральные постановки землякам. Пьесы в основном были антирелигиозного и сатирического характера. На сцене в гротесковой форме «актерами» разыгрывалась православная служба:

«Поп:

Дьякон Агафошка,
Посмотри в окошко
Не идет ли кто
Не несет ли что?

Дьякон:

Баба идет,
Крынку масла несет.

Поп:

По-дай, гос-по-ди!
Ах, тут и смеялся же народ!

Мало-помалу верующих убавлялось. Комсомольцы, журналы, пьесы делали свое дело. А потом «пасху под гору бросали», так в селе Азаполье называли запрещение священнослужителю на проведение служб в храме, ходить по деревне в праздники, поздравлять селян и дань собирать⁵²³.

Активисты в целях пропаганды и агитации старались использовать и народные праздничные гулянья. До конца 1920-х г. на деревенских игрищах сохранялся следующий обычай: девушки, здороваясь поклонами с парнями, приглашали на гулянья сначала юношей побогаче. Комсомольцы этот обычай отвергли. «И пошли в селе новые обычаи». Перед праздниками собиралась молодежь на спевки, а в праздники — на демонстрации, где пели «Интернационал», «Варшавянку», «Смело товарищи в ногу»⁵²⁴.

---

⁵²²Север. 1978. №102. С. 3.

⁵²³Там же.

⁵²⁴Там же. С. 4.

В с. Дорогорском Мезенского у. после революции дом купца Ружникова перешел в собственность народа. «Народный дом» — так называли первый очаг культуры на селе. Вокруг него сразу начала организовываться молодежь. Девушки-активистки, самые красивые и умные, на которых больше всего заглядывались женихи, вступали на путь борьбы за новую советскую жизнь. Появился первый драмкружок. И в первую же Масленицу комсомольцы разыграли масленичную сценку. Запрягли пару лошадей, украсенных лентами и колокольчиками, поставили на санях что-то вроде будки-балагана. Поместили туда стол, на него — самовар с чашками и чайниками, жаровню, сковородку, на которой пекли блины и на ходу пили с ними чай. Спереди их не было видно, только сзади. Публика со всех сторон села сбегалась к саням и шла вслед за ними. На улице уже темнело, а у них к тому же и фонарь был приспособлен, всех в санях было видно, как на экране⁵²⁵.

Постепенно руководство страны разочаровывалось в вяло текущей и казенно проводимой переделке народных праздников и переходило к более жесткой политике, отдавая предпочтение запретительным мерам. С середины 1920-х г. власти стали убеждать народ отказываться от традиционных празднеств. Крестьяне, уступая натиску властей, вынуждены были принимать решения об упразднении главным образом своих местных праздников. В 1926 г. подобное решение приняли жители Шенкурского у.: в д. Зенкинской отказались от празднования Рождества и Петрова дня; в Лососевской — от дня Ивана Богослова и Петрова дня⁵²⁶. Отказывались от своих праздников крестьяне и в других деревнях Архангельского края. Эта кампания в 1927—1929 годах стала непрерывной и набирающей обороты по всей стране. В 1927 г., по официальным данным, от религиозных праздников отказались крестьяне 113 архангельских деревень, а в 1928 г. — 341 деревни⁵²⁷.

На рубеже 1920-х — 1930-х годов, несмотря на усиливающуюся антирелигиозную пропаганду, в быту продолжали мирно существовать как новые революционные праздники, так

---

⁵²⁵ Архив Дорогорского Дворца культуры. Ф. краеведа Е. Поднебесниковой. С. 8.

⁵²⁶ ГААО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 217. Л. 82.

⁵²⁷ Коротков В. И. Указ. соч. С. 107.

и старые — календарные. «Обязательно отмечали Паску, все летние праздники *Иваньски дни*, *Петровки*. Да и 1 мая очень хорошо отмечали, 8 марта — женский день тоже отмечали, 23 февраля. Все советские праздники с таким весельем отмечали. На демонстрацию ходили с флагами красными»⁵²⁸.

Необходимо сказать, что закрытие монастырей, церквей, храмов началось почти сразу же после революции. Специального декрета об упразднении монастырей в Советской России не было принято и закрытием считалось расторжение договора между органами местной власти и коллективом верующих об использовании последними церковных зданий. Одним из первых на Архангельском Севере пострадал Соловецкий монастырь. В 1920 г. здания упраздненного Пертоминского монастыря было решено использовать под трудовую колонию для дефективных детей. В том же году в Антониево-Сийском монастыре основана трудовая коммуна. В 1921 г. был упразднен Сурский женский и другие монастыри. Закрытие обителей сопровождалось изъятием ценностей, которое проводилось со многими нарушениями. Еще в 1918 г. началась кампания по вскрытию мощей в монастырях и к середине 1920-х годов она коснулась мощей почти всех северных святых. Всего в начале 1920-х годов в Архангельской губ. было национализировано 16 монастырей из более 30 существовавших скитов, пустыней, монастырей⁵²⁹.

Закрывавшиеся церкви, храмы разрушали на «хозяйственные нужды» или превращали их в клубы, дома культуры, склады и т.п. В 1929 г. закрыли Архангельский Троицкий кафедральный собор. В Сурской вол. каменный Успенский собор Иоанна-Богословского женского монастыря был превращен в кинотеатр, колокольня стала пожарной каланчой, часовня в д. Лавела разобрана на дрова⁵³⁰.

В сознании крестьян доминировали религиозно-нравственные нормы поведения и такое тяжелейшее преступление, как

---

⁵²⁸ ПМА. 2003 г. от Лысцева Е.С., 1929 г. р. Д. Ваймуша, Пинежский р-н.

⁵²⁹ Михайлов С.В. Судьба православных монастырей Русского Севера // IX Ломоносовские чтения. Тез. Докл. Архангельск, 1997. С. 38—39; Он же. Положение церкви и верующих в Архангельской губернии в 1918—1922 г. // Государство, религия и этнос на Севере. Архангельск, 1998. С. 63—66.

⁵³⁰ Михайлов С.В. К вопросу о массовом закрытии храмов 1928—1929 гг. // Экология человека. VII Междунар. Соловецкий форум. Вып. 2. Архангельск, 1995. С. 203.

разрушение храма, естественно вызывало непонимание и негодование. По народному мнению, содеянное обязательно навлекло на разрушителей кару Божью, «за такой грех Бог долгой жизни не даст»⁵³¹. По воспоминаниям жителей д. Ваймуша Пинежского р-на, «колокольню и церковь в Ваймуше разобрали, когда партийцы пошли, все разворотили. Да, сначала крест снимали, потом колокола сняли, а потом и всю разобрали. Иконы это ясно, что растащили. А партийцам потом худо было. Все и умерли. Народ говорит, умерли»⁵³².

За несколько десятилетий советской власти в условиях гонений на религию, сокращения числа церквей и господства атеистических взглядов, появления новых революционных праздников, традиция празднования старых народных праздников не прерывалась. В 1930-е годы, когда в колхозы вошло почти половина северных крестьян, календарные и православные праздники отмечали по-прежнему, но теперь уже всем колхозом и, конечно же, там, где это было возможно. В Несвойском сельсовете Кубиноозерского р-на Северного края (современный Кубиноозерский р-н Вологодской обл.) праздновали Иванов день 9 из 11 колхозов, да и молодежь здесь «кой-где пошла в церкви»⁵³³. В Коношском р-не в 1932г. в праздник Заговенья на работу колхозники не выходили, «занимались лишь пьянкой, ходили по деревням, пели песни, катали яйца». В 1938г. в колхозе «Красный лесохимик» в разгар страды крестьяне отмечали свой престольный Спасов день. Три дня никто не работал в поле. Тоже происходило в Николин день, на Рождество и на Крещение⁵³⁴.

К концу 1950-х годов народный календарь продолжал сохраняться в довольно полном виде. Многие информанты отмечали, что именно после войны, когда в родные места возвращалось много людей с фронта, в деревнях старались, по местным обычаям, широко и весело отмечать все календарные праздники. «После войны, народу то много пришло, кто из армии, кто еще. Вот они на праздник соберутся, идут впе-

---

⁵³¹ ПМА 2004г. от Клевакиной А.Е. 1927г.р. С. Засурье, Пинежский р-н.

⁵³² ПМА. 2003г. от Конышиной Марфы Прохоровны, 1920 г.р. Д. Ваймуша, Пинежский р-н.

⁵³³ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 20. Л. 6.

⁵³⁴ Козьмина Е.А. Коношский район в межгубернском культурном ландшафте в конце 1920-х — 1930-е гг. Коноша, 2005. С. 70.

реди, частушки поют, а мы молодежь за ними сзади подглядываем»⁵³⁵.

Многие информанты вспоминали, что вплоть до Великой Отечественной войны на святки боялись ходить *славить Христа*, позже христославцы опять стали появляться. «Вот четверыма ходили седьмого на Рождество, шанег наставили, денег на бутылку. Мы с мамашей, бабка Кира и Татьяна»⁵³⁶. Славильщики в советское время ходили не только по домам, могли зайти и на работу к знакомым. Конечно же, изменилось время обходов, приходили вечером. «Первой пришли к Рае, в больнице она работала. Зашли: Можно пославить? И стали славить — Рождество твое Христа боже...

Хозяин-хозяйка, на божью славу,
Что бог послал, то нам и подай,
Не горелышком, не опалышком,
Наверх козульку, под низ пятак.
Мамке на платье, отцу на табак.

Наклала Рая шанег, денег дала. У каждого ж на Рождество напечены, а после и собрались у одной бабки, песни пели, шаньги ели»⁵³⁷.

Традиция ряженья продолжала бытовать. Персонажи ряженья, как и время обходов домов, остались традиционными: черт, медведь, цыгане, попы, свадьба: жених с невестой и подружками невесты и др. «Наряжными бегали, кто, как сумеет наредится, песни пели да плясали, а нам подавали все угощения. И шубы выворачивали для медведя, а другой наряд хороший оденет: сарафан старинный, да платком завяжется. Да все чтобы не узнали, на лицо марли повесит»⁵³⁸. Старались передавать характер персонажа ряженья, изображая его походку, характер: медведь ходил на четвереньках, поп был степенным и все время кадил, цыганки бегали простоволосыми и попрошайничали. «Мы любили цыганками ходить. Волосы распустим,

---

⁵³⁵ ПМА. 2005 г. от Макурина Г.И., 1928 г. р. С. Дорогорское Мезенский р-н.

⁵³⁶ АКФ МГУ. Северная экспедиция МГУ. Зима 1978 г. Д. Важгора Лешуконский р-н. Тетр. №13(34). №3.

⁵³⁷ Там же. №4.

⁵³⁸ ПМА. 2003 г. от Козьминой А.А., 1931 г. р. Д. Ваймуша, Пинежский р-н.; МПА. 2005 г. Мезенский, Пинежский р-ны; АКФ МГУ. Северная экспедиция МГУ. Зима 1978 г. Д. Важгора, Лешуконский р-н. Тетр. №13(34). №4.

закосынкаемся, в сарафанах долгих, туес или банку повесим и ходим — просим: „Подай, тетушка, ради Христа у меня детишки исти хочут молочка!“ А тебе воды нальют в бутылку и подадут. Словами маленько присказывали, одно слово и вытвердили: махареса мангакырна»⁵³⁹.

Традиция гадания в святочные вечера, любимое занятие девушек, также сохранялась. Гадали в ночь в 12 часов, смотрели в блюдце с водой и кольцом, приговаривали, суженной ряженой, приходи ко мне, гадали около печки, жгли бумагу и смотрели на пепел, загадывали чего в снах привидется, то и сбудется⁵⁴⁰. Девушки перестали ходить слушать на перекрестках, под окнами домов, но гадания в банях со свечами и с петухом считались наиболее вещими. «Двенадцать девок нас было, с петухом гадали. Жито насыпали и петуха пустили, какую кучку первый ткнет, та и первой замуж выйдет. Свечи погасили, темно, а видим, петух заклевал у Люси Бардышевой. Она и первой вышла. А у второй подруги петух против пошел, да и голову так задрал, так и бросил ее мужик, она и умерла»⁵⁴¹.

Молодежь и подростки особенно любили *кудесить*. Если раньше кудесили в основном юноши, то в советское время «шалить» стали и девушки. Виды этого обрядового озорства в основном остались прежними: опускали перья в печную трубу, подпирали ворота и двери или заливали в притвор воду, чтобы она замерзла; разбрасывали сложенные в поленицы дрова и т.п. *Кудесей* могли досаждать провинившимся друзьям. «Кудесили, это вообще, друг у друга и по всем дворам, сыпали золу... Одной девчонке, учились вместе, вот и заложили ей дверь навозом, залили водой, а морозно было, так утром она не могла выйти, даже в школу пойти. Пришлось вырезать ворота»⁵⁴². Юноши позволяли себе и более серьезные шалости, связанные с приложением немалой физической силы, за что взрослые могли припугнуть милицией и статьей за хулиганство. «Один раз с ребятами сани затянули на столб. Утром просыпается хозяин саней: „О-о-о, сани-то придется стаскивать“.

---

⁵³⁹АКФ МГУ. Северная экспедиция МГУ Лето 1976 г. Д. Койнас, Лешуконский р-н. Тетр. 7(176). №9.

⁵⁴⁰ПМА 2003 г. Пинежский р-н; 2005 г. Мезенский р-н.

⁵⁴¹ПМА 2005 г. от Красиковой А.Е. 1924 г.р. Д. Сояны, Мезенский р-н.

⁵⁴²ПМА 2005 г. от Увакина Л.И. 1945 г.р. Д. Сояны, Мезенский р-н.

Потом с вечера натаскали воды и ему же облили крыльцо и сделали так, что дверь не открывалась на утро. Конечно, втык получили от взрослых»⁵⁴³.

Праздник Крещения оставался значимым для жителей Архангельского Севера. В Мезенском районе, например, во многих деревнях 19 января продолжали отмечали съезжий праздник⁵⁴⁴. С разрешения властей религиозные общества уцелевших церквей организовывали крестные ходы из храма на реку и освящение проруби (*Иордани*), что было в начале 1930-х годов в деревнях Тавреньге и Хмельниках Коношского районов⁵⁴⁵. В проруби купались ряженные, воду из нее приносили домой и окропляли ею помещение и скот. После разрушения православных храмов и церквей сакральность, по мнению крестьян, перешла к святым местам: ручьям, источникам, колодцам. И теперь воду в крещенский праздник в каждой местности брали из своей святыни. Таковыми были Николин ручей около с. Сура (Пинежский р-н), Варлаамиевский колодчик (Шенкурском р-н), ключ исцелительный Божьей матери на Туровце (Котласский р-н), родники у Антониево-Сийского (Холмогорский р-н) и Кенского (Плесецкий р-н) монастырей и др.⁵⁴⁶ Необходимо отметить, что подобные святыне места в дальнейшем приняли на себя функции разрушенных часовен и церквей.

Старшее поколение в городах и селах Архангельского Севера оставалось верным заветам старины, помнило даты церковного календаря, сроки постов и праздников. Во время масленичной недели (*Масляной недели*), зная, что она последняя перед постом, старались печь шаньги, сочни, блины. Любимым развлечением детей в это время оставалось катание с гор.

Следовавший затем Великий пост многие верующие старались выдерживать в тайне. В Вербное воскресенье заготавливали ветки вербы. Лучше сохранились воспоминания об обрядах Страстного четверга, или «Страшного четверга», как его называли во многих районах Архангельского Севера. С раннего

---

⁵⁴³ ПМА. 2006 г. от Крапивинои А.А. 1980 г.р. Д. Сояны, Мезенский р-н.

⁵⁴⁴ Север. 2002. №115. 29 ноября. С. 4.

⁵⁴⁵ ГААО. Ф. 2165. Оп. 1. Д. 119. Л. 31—32.

⁵⁴⁶ ПМА. 1992 г. Холмогорский р-н; 2003 г. Пинежский р-н; *Насонова А.В.* Устные рассказы о местночтимых святынях на Русском Севере // Народная культура Русского Севера. Живые традиции. Архангельск, 1998. С. 88—89.

утра нужно было считать деньги и «трясти» (перебирать) вещи, чтобы в течение года деньги водились и наряды были.

Пасха осталась самым значимым православным праздником для крестьян Архангельского Севера и сохранила многие сопутствующие ей обряды. К этому дню красили яйца, готовили *Паску*, и многие старались это сделать в Страшной четверг. С Пасхи начинали качаться на качелях и для детей обязательно вешали качулю на повети. «Паску отмечали всегда, — рассказывала жительница д. Союны Мезенского р-на. — Родители, наоборот, не скрывали никогда. Яйца варили и красили, потом разбивали, играли у кого крепче. **Хрисовались**. Качели ставили, больших-то уж нет, а на повети вешали. На досках прыгали. Мы возьмем чурку, положим доску, просто так и прыгали»⁵⁴⁷.

Среди весенних народных праздников Егорьев день — 23 апреля /6 мая — продолжал занимать важное место. Специфику обрядов этого дня повсеместно отличала животноводческая направленность. Большое значение в этот день придавалось различным действиям со скотом и пастушеским заговорам, о чем писала В.К. Соколова в своем исследовании⁵⁴⁸. Домашнюю скотину первый раз выгоняли на улицу на Егория (6 мая), реже на Николу Вешнего (22 мая). В сознании северянина прочно укоренилось, что первый раз выгонять скотину нужно обязательно на Егория; если же этот обычай нарушить, то со скотиной может случиться несчастье. «Егорьев день — коровушка именинница. Угощали, пекли пироги и угощали коровушек. Тогда всю корову освящали, да обмывали богородской травкой... примета така»⁵⁴⁹. Память весеннего святого Георгия сохранила важную роль в народном календаре. Повсеместно на Русском Севере бытовала примета. «Егорий — с водой, так Николай — с травой», т.е. если к 6 мая начнется ледоход, то к 22 мая луга покроются травой.

Празднование встречи лета (в усеченном виде по сравнению с обрядами Центральной России) было распространено в пинежских, холмогорских, мезенских деревнях. Первомайские костры жгли всегда в одних и тех же местах, как правило, за де-

---

⁵⁴⁷ ПМА. 2005 г. от Красиковой А.Е. 1924 г. р. Д. Союны, Мезенский р-н.

⁵⁴⁸ Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 268.

⁵⁴⁹ ПМА. 2003 г. от Рубцовой Ф.С., 1920 г. р. Д. Немнюга, Пинежский р-н.

ревней: «Как я помню, мы все около реки на угорышке лето-то встречали»⁵⁵⁰. Встреча лета 1 мая была большим праздником, все местные жители считали необходимым участвовать в нём. Материал для костра собирали за несколько дней до праздника и свозили в одно место. Часто это поручалось молодежи, назначался и главный организатор костра. В д. Малое Кротово практиковались даже особые обходы домов, во время которых ребята собирали старые, ненужные вещи. «У нас по деревне ребята даже на тракторе ездили, собирали всякое хламьё, кошелки, веники, да всего...»⁵⁵¹ Общие костры были также делом чести для всей деревни. Соседние деревни или бывшие *околодки* (концы, части деревни или села) обычно соревновались друг с другом, чей костёр выше, ярче и дальше виден: «За рекой, в Малом Кротове огонь горит, видно, в Земцове видно, в Рускововере, в Лохнове...»⁵⁵² Считалось, что пребывание возле костра обеспечивало человека здоровьем на весь год. «Даже старые старушки приходили. Все-все были тут. У кого и ноги болят, тоже придут, посидят на брёвнышке»⁵⁵³. От величины костра, по мнению сельчан, зависело и благополучие на протяжении всего года. Во время праздника примечали: чем ярче и больше костер, тем жарче будет лето и урожайнее год. «Костер большой, жаркий! У-у, како лето жарко будет! Тако лето и было»⁵⁵⁴.

На Троицу старались принести в дом ветку березки, которую оставляли в красном углу до Петрова дня. За годы советской власти сложилась традиция отмечать праздник Троицы на кладбище. В деревнях Устьянского, Мезенского, Пинежского районов в этот день поминали усопших и приносили им ветки березы⁵⁵⁵.

Среди летних праздников для жителей Архангельского Севера Иванов и Петров дни сохранили свою значимость. Повсе-

---

⁵⁵⁰Записано Хромцовой Т.В. (студентка ПГУ) в 2002 г. Д. Городецк, Пинежский р-н, от Хромцовой А.Ф., 1915 г.р.

⁵⁵¹ПМА 2003 г. от Земцовской Е.В., 1930 г.р. Д. Малое Кротово, Пинежский р-н.

⁵⁵²ПМА 2003 г. от Кузьминой М.А., 1936 г.р. Д. Малое Кротово Пинежский р-н.

⁵⁵³ПМА 2003 г. Записано в д. Остров от Хромцовой А.А. 1930 г.р. Д. Остров Пинежский р-н.

⁵⁵⁴ПМА 2004 г. от Ширяевой А.И., 1931 г.р. Д. Остров Пинежский р-н.

⁵⁵⁵Мырнин В.Л. Праздник Троицы в современной народной культуре // Народная культура Русского Севера... С. 62; ПМА. 2003 г. Пинежский р-н.; 2005 г., Мезенский р-н.

местно бытовал обычай собирать на Иванов день различные травы, с этого дня начинали заготавливать веники, и гадать, «а с 7 июля — Иванов день. И травы надо собирать с этого дня. Рвут траву и приговаривают: „Человек от Адама, а трава от Ивана“. В Иван день и рвут траву, и веники заготавливают с Ивана дня. У нас (в д. Немнюга. — А.Ф.) мечище был в Иванов день»⁵⁵⁶. Топили бани и гадали на первый веник, которым парились. После парения в бане его бросали в реку, если веник тонул — это предвещало смерть, если плыл — замужество.

Петров день примыкал к Иванову и воспринимался как единый праздничный цикл, поэтому в некоторых местах Пинежского, Холмогорского и Мезенского районов травы могли начинать собирать и с Петрова дня. «Все травы поспевают после Петрова дня, собирать можно и раньше, но лучше после Петрова дня»⁵⁵⁷.

Съезжие праздники, по воспоминаниям информантов, до конца 1950-х годов продолжали отмечать в Мезенском, Пинежском и Лешуконском районах. По традиции их праздновали два-три дня: в каждой деревне сообща готовили трапезу, варили брагу, пиво, обязательно устраивали *метище*. «До конца пятидесятых каждый год собирались на праздники, а затем приезжала милиция и всех разгоняла ...»⁵⁵⁸. Власти вели борьбу со съезжими праздниками, в первую очередь из-за частых нарушений трудовой дисциплины при неумеренном потреблении алкоголя.

Интересно, что в советское время из структуры съезжего праздника выпал довольно значительный пласт; вместо церковной части стали проводиться торжественные собрания и концерты, ушли традиционные развлечения, беседы, танцы, *застенки, столбы, круги*, которые воспринимались раньше крестьянами как своеобразные общественные смотры невест⁵⁵⁹, сократилось время родственного гостевания.

Сохранялись гулянья по улицам, мужские противоборства, но шли при этом не к церкви, как ранее, а к клубу, и борьба начиналась у клуба, тем более что во многих местах Архангельского Севера клуб располагался в бывшем здании церкви.

---

⁵⁵⁶ ПМА. 2003 г. от Рубцовой Ф.С., 1920 г. р. Д. Немнюга, Пинежский р-н.

⁵⁵⁷ ПМА. 2003 г. от Лысцева Е.С., 1929 г. р. Д. Ваймуша, Пинежский р-н.

⁵⁵⁸ ПМА. 2003 г. от Обросова Н.В., 1926 г. р. Д. Шотова, Пинежский р-н.

⁵⁵⁹ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 126.

«К нам в д. Сояны на съезжие праздники (старинные Петровы дни) приезжали из деревень Кареполья, Долгощелья, Совпалья все знакомые, друзья, родные. Этот праздник начинался с утра и заканчивался поздно ночью. Хороводы раньше были песни пели, все в клубе было, около клуба, раньше церковь была, а потом клуб. К клубу по улице шли, пели, плясали, раньше очень много знали старинных песен. Я запомнила это, когда маленькой была, а на Иванов день до 1970-х годов приезжали семьями по реке на карбасах, поморы их называли, ближе всех к морю потому что. Вот они пели, плясали, а когда мужчины напьются, начнут друг друга лопатами вместе с нашими, ну, что то не поделют, и драться. Сколько раз было, жердинами (оглобля такая огромная) друг друга намолотят, то пойдут топиться, прямо через реку, все побегут их спасать... интересно было»⁵⁶⁰.

В Заонежье с 1930-х годов изменилась старинная беседная традиция. *Прядимые беседы* с рукоделием устраивались очень редко. Возникали новые формы общения молодежи — так называемые *вечера*, но начинали их проводить с Успения Пресвятой Богородицы (28 августа) по воскресеньям в домах зажиточных крестьян, где были девушки на выданье. А с Рождества Пресвятой Богородицы (21 сентября) по вторникам и четвергам проводились *вечеринки*, для которых снимали избу, причем каждый раз новую и по разным деревням. Старинные забавы и игры постепенно заменяли новомодные танцы: тустеп, краковяк и др.⁵⁶¹

В весенне-летний период молодежь встречалась на праздничных гуляньях и игрищах, которые устраивались накануне храмовых праздников. Веселье продолжалось с вечера и до полуночи. В *пабедные* гулянья пляски и песни продолжались до утра. Гулянками, изредка игрищами в Заонежье назывались вечерние увеселения по воскресеньям на гумнах и в ригах с пением и плясками. Они начинались с Ильина дня и продолжались до Успения Пресвятой Богородицы (28 августа). По вторникам и четвергам в этот период девушки собирались также по вечерам для вышивания.

Традиционные хороводы и плясовые постоянно уходили из сел и деревень Архангельского Севера. «Молодежь уже не

---

⁵⁶⁰ ПМА. 2005 г. от Увакиной Л. 1945 г. р. Д. Сояны, Мезенский р-н.

⁵⁶¹ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск: ПГУ, 2001. С. 26.

танцевала на мосту (в с. Дорогорском Мезенского р-на. — А. Ф.), а плясали в зале открывшегося Народного дома, отодвинув после киносеанса скамейки. Первыми танцами были *Коробочка*, *Полечка ой-ра*. В конце 1930-х годов появились фокстрот и танго. Молодежь в праздники на танцы в клуб ходила». «Скоко танцев танцевали: фокстротов, яблочко, кадрили, краковяк, „на реченьку“, хороводную песню заводили, за руку возьмешь, вот так вот ходят. А вальс с ребятами, тот как пойдет по кругу, только бы не закрутил! А он: „Ты не бойся, не бросим!“ Потом кругом пойдет под руки»⁵⁶².

Самым любимым и популярным танцем оставалась кадриль во всем многообразии ее локальных вариантов. Во многих районах Архангельского Севера до начала 1970-х годов её продолжали танцевать на всех праздниках.

За десятилетия советской власти месящеслов не только не исчез из жизни северян, он смог оказать влияние на некоторые государственные праздники страны, и с ними произошла интересная метаморфоза. С середины 1930-х годов повсеместно стал внедряться в быт праздник новогодней елки, символом которого наряду с Дедом Морозом и Снегурочкой становится нарядно украшенная новогодняя елка. Праздничная ель была исключена из новогоднего торжества еще в середине 1920-х годов как пережиток прошлого, поскольку до революции она была атрибутом Рождества, одного из самых любимых и популярных праздников в России. Лишь спустя 11 лет она обрела новую жизнь.

28 декабря 1935г. газета «Правда» опубликовала статью секретаря ЦК Коммунистической партии Украины П.П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!». Автор писал: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на Новый год своим детям елку... Комсомольцы, пионеры, работники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, во дворах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская елка. Не может быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило накануне Нового года елку для своих ребятешек...»⁵⁶³.

---

⁵⁶² ПМА.1992г. Холмогорский р-н; 2003г. Пинежский р-н.; 2005г. от Красиковой А.Е., 1924г. Д. Сояны, Мезенский р-н.

⁵⁶³ Руднев В.А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л., 1979. С. 19.

Уже в январе 1936г. во многих детских садах, школах, домах пионеров, рабочих и армейских клубах проводились новогодние елки⁵⁶⁴.

Советский календарь обогатился новым праздником, истоки которого лежали в огромнейшей популярности рождественской елки. Наиболее любимым теперь уже советским праздником для городских и сельских жителей всей страны стал Новый год. Можно сказать, что на него были перенесены некоторые элементы таких праздников, как Рождество и Святки: маскарадные костюмы, украшенные елки, подарки детям, в Архангельске козули теперь пекли к 1 января. В сельской местности Архангельского Севера на Новый год было перенесено святочное ряженье, в котором появилось много новых персонажей: литературные и сказочные герои, например, кот в сапогах, клоун, лиса и заяц; экзотические животные (тигр, морж); остались и традиционные маски — черт, дед, медведь, козел. Новые персонажи ряженья основывались на традиционном комплексе народных средств и приемов изменения внешности, который представлялся как костюмом, маской, специфическим гримом, так и игровым перевоплощением. «Сейчас ряженье на Новый год — маски. Если лиса, то маска, платье атласное, хвост длинный на проволоке и ходит она кругом; черт — в черных рейтузах, на голове эластичный чулок черный с дырками для глаз и рта, хвостик короткий, идешь уже потихоньку, валовито, извиваешься; заяк — в брюках и рубашке из простыни, прыгаешь, пляшешь; тигр — все полосатое было; клоун — жабо, шляпа, костюм с широкими штанами из разноцветной ткани; медведь — полушубок вывернутый, да унты. Все просят: „Мишенька попляши!“ Так пляшешь, что не можешь воздуха хватать после пляски»⁵⁶⁵.

Интересен тот факт, что до конца 1950-х годов в деревнях и селах Мезенского, Пинежского, Лешуконского районов к государственному советским праздникам (Новый год, 8 марта, 23 февраля) приурочивали съезжие праздники. «У нас на Пезе 1 января, в Новый год все гости непременно съезжались в Лобане, 23 февраля — в Вирюге и Бычье, 8 Марта — в Езевце,

---

⁵⁶⁴Полищук Н.С. Развитие русских праздников... С. 594; Наши праздники. М., 1977. С. 149.

⁵⁶⁵АКФ МГУ. Северная экспедиция МГУ. Лето 1976г. Деревни Кеба, Олема, Лешуконский р-н. Тетр. 8(181). №2.

5 декабря — в Баковской»⁵⁶⁶. Ничего не могло помешать проведению сельских съезжих праздников, даже смерть И.В. Сталина. Умер он 5 марта, а к восьмому числу в Езевце уже готовились к приезду гостей. Собрался тогда сход жителей деревни и решил, праздник не отменять, ведь гости приглашены заранее, и брага в лагунах вызрела. Для того чтобы уехать на праздник, колхозники оставляли на фермах кормов и воды на три дня⁵⁶⁷. Многие информанты связывали запрещение съезжих праздников с приходом к власти Н.С. Хрущева и появлением большого количества новых советских праздников.

С конца 1980-х годов можно говорить о новом этапе в существовании календаря Православной Церкви. Экономические и социально-политические изменения в стране (перестройка экономической структуры общества, внедрение рыночных отношений, распад СССР) привели к подъему этнического самосознания, стремлению вернуться к своим национальным истокам. Празднование тысячелетия крещения Руси (1988г.) способствовало возрождению православной веры и Церкви, росту интереса к религиозным традициям и праздникам, которые стали восприниматься как русские национальные праздники.

Такое отношение к религии подкреплялось и политикой государства, законодательно расширившего права и свободы верующих граждан путем принятия законов СССР «О свободе совести и религиозных организаций» (1 октября 1990г.) и РСФСР «О свободе вероисповеданий» (25 октября 1990г.), а также официально признавшего праздник Рождества государственным, объявив его нерабочим днем*.

В Архангельском крае деятельность православного священства активизировалась с 1995г., после посещения патриархом Московским Алексеем II Соловецкого и Сийского монастырей, а также с. Суры, родины святого Иоанна Кронштадтского, и бывшего Сурского монастыря. В 2002г. в Сурском монастыре начались строительные и восстановительные работы: возрожден

---

⁵⁶⁶ПМА. 2005г. от Митькина В.И., 1928г.р. Г. Мезень, Макуриной Е.М. 1924 г.р., Макурина Г.И. 1929г.р. С. Дорогорское, Мезенский р-н.

⁵⁶⁷ПМА. 2005 г. от Макуриной Е. М. 1924г.р., Макурина Г.И. 1929г.р. С. Дорогорское, Мезенский р-н.

*В настоящее время действует закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях», принятый 10 сентября 1997г.

старинный скит, восстановлена Никольская церковь. По всему краю открылись воскресные школы, отмечаются православные праздники. В Архангельске построен храм Успения Пресвятой Богородицы (2007 г.), началось строительство Михаило-Архангельского Кафедрального собора (2009 г.)

Политика государства по отношению к Церкви отразилась на проведении православных праздников. В наши дни празднование дат христианского календаря сопровождается, как это было и до Октябрьской революции, общественным гулянием. По результатам этносоциологических опросов, Рождество в 1986 г. отмечали лишь 7% респондентов, а в 1994 г. — уже 83%⁵⁶⁸. Большую роль в возрождении и популяризации православных праздников сыграла и продолжает играть активная деятельность Церкви, разъясняющей их смысл этих праздников на страницах не только общероссийских, но и областных и районных газет, журналов, на радио и телевидении, в том числе местном (трансляция праздничных богослужений, поздравлений патриарха, епископов).

Церковные и календарные праздники «официально» вернулись в быт населения. Рождество, святки, Крещение, Ивановки и Петровки вновь широко отмечаются.

В последние годы у архангелогородцев и жителей Приморского района сложилась традиция отмечать многие даты месящеслова, как впрочем и гражданские праздники в музее-заповеднике деревянного зодчества Малые Корелы. Этот крупнейший в России этнографо-архитектурный скансен (музей под открытым небом) состоит из нескольких секторов: Пинежского, Мезенского, Каргопольско-Онежского, Двинского, Поморского и Важского, в каждом из которых сохраняется неповторимый островок местной крестьянской архитектуры и народно-прикладного искусства. Коллектив музея организует и проводит праздники и торжества, используя местные праздничные традиции. На Рождество в каждом «крае» музея исполняют свой хоровод и кадрили, поют свои колядки, величальные винограды и организуют конкурсы на лучшее исполнение частушек и песен. Спел частушку, вспомнил колядку, да еще и сплясал, получай награду у хороводницы — конфеты. Повсюду выставлены лотки с поделками народных умельцев, посетителей

---

⁵⁶⁸ Там же. С. 432.

приглашают попробовать козули и разнообразную выпечку, выпить чаю.

В сельской местности в большей степени сохранились обычаи и обряды зимних календарных праздников. Наиболее полным оказался святочный цикл. Степень сохранения обрядовых элементов календарных праздников Архангельского края неравномерна, в более полном виде они дошли до нас в Пинежском, Лешуконском, Мезенском районах. Здесь не прерывалась традиция ряженья. На святки, как и в старину, ряженные лошадей, курицей, цыганкой, медведем обходят дома сельчан, поздравляют и славят хозяев. Колядуют теперь все вместе: и холостая молодежь, и женатые (замужние). В д. Вохтома ряженные объезжают соседние деревни на «царском поезде» и возят по домам «покойника». В последние годы ребяташки из воскресных школ Суры, Верколы, Пинеги, Шенкурска ходят по домам и славят Христа, исполняя духовные песни и колядки. Ученики сурской воскресной школы к Рождеству подготовили спектакль «Сказание о рождестве Господа нашего Иисуса Христа» и показали его в д. Веркола, в музее Ф. Абрамова и в своей деревне. По окончании постановки ученики исполнили духовные песнопения и местные колядки.

С 2001г. во многих районах Архангельского Севера стали проводить съезжие праздники. Их появлению предшествовал конкурс «Культура Севера», поддержанный Институтом СОРО-Са «Открытое общество», когда объединенный областной проект «Новая культура» получил грант на возрождение съезжих праздников. За несколько лет старинные съезжие праздники получили новую жизнь в Мезенском р-не: в с. Лешуконском и д. Погорелец в Иванов день, в д. Жердь в Петров день, в д. Целегора в Сретении и Богородицын день (21 сентября — Рождество Богородицы); в Лешуконском районе в д. Белощелье в праздник *Девята* (Девятой Пятницы), в Пинежском р-не в д. Еркино в Иванов день и др. Безусловно, ведущая роль в этом принадлежит директорам и руководителям местных ДК и клубов. Благодаря бескорыстным и неутомимым стараниям Е.Г. Репицкой, директора клуба д. Кимжа Мезенского района, особую известность получил съезжий праздник *Прокопьев День* (21 июля), который проводится ежегодно с 2001г. Его праздничная программа построена в основном на местном фольклорном материале и включает элементы традиционного праздника: шествие по

улицам деревни в народных костюмах, приезд гостей из своего «гнезда» деревень: Жердь, Лампожена, Дорогорское, совместное застолье. В 2005 г. на праздник даже варили брагу, пекли пироги и запекали рыбу в латках, как в старину. На концерте показывали кимженскую кадрили, местные хороводы «столбы» и «круги», исполняли частушки.

В последнее время стало традицией в дни съезжих праздников устанавливать обетные кресты на месте разрушенных церквей и часовен. В Лешуконском р-не в д. Олеме в день Троицы на месте сгоревшей церкви жители села поставили обетный крест, в с. Лешуконское крест установили на месте часовни мученика Модеста.

Однако многие старожилы Мезенского р-на противопоставляют новые съезжие праздники старым традиционным, считая, что в современных съезжих праздниках основное место отводится развлекательной части, а все пришедшие на праздник являются только зрителями, а не активными участниками. Даже в советское время, по воспоминаниям местных жителей, гуляли по три-четыре дня, и веселились, начиная с шести часов, до двух часов ночи, ходили из дома в дом, навещая родственников и друзей. На следующий день шли в клуб на концерт и после него продолжались песни и пляски под гармонь. К утру гости из ближних деревень разъезжались по домам, а дальние оставались еще и гуляли два-три дня. Современный праздник на селе пока ограничивается одним днем и одной концертной площадкой.

С увеличением потока информации о календарных праздниках, все большее количество людей пытается следовать народным традициям. Взрослые стараются приобщить к ним своих детей («Родители теперь нам говорят: празднуйте Вербное воскресенье, Пасху...»⁵⁶⁹). Это обусловлено в первую очередь пониманием того, что возрождение традиций во многом будет зависеть от восприятия их детьми, что начинать лучше всего с их приобщения к историческому и фольклорному наследию. Во многих городах и поселках созданы центры детского творчества, фольклорные школы, которые, используя основные идеи праздников Рождества, святок, Масленицы, Пасхи, Троицы, Ивана Купалы, знакомят детей и подростков в доступной

---

⁵⁶⁹ПМА. 2005 г. Архангельск.

для них форме с традициями Архангельского Севера, его декоративно-прикладным искусством. К Рождеству учатся исполнять колядки, припевки и частушки, разыгрывать сценки с ряженым и гаданиями, печь мезенские и холмогорские козули, к Масленице делают горки, к Пасхе знакомятся с многообразием народных игр, изготавливают ходули, расписывают пасхальные яйца северными узорами⁵⁷⁰.

На этот процесс начала оказывать влияние и Православная Церковь, не только разъясняя, но и пропагандируя православные праздники. Сегодня наиболее ярким примером такого отношения РПЦ является праздник святых Петра и Февронии. Необходимо отметить, что этот праздник официально отмечается у нас в стране уже второй год и имеет свое светское название: День 8 июля — Праздник семьи, любви и верности. Его противопоставляют популярному Дню св. Валентина, желая, чтобы именно праздник святых благоверных Петра и Февронии стал исконно русским и поистине народным для влюбленных.

Для Архангельского края наиболее часты дискуссии о том, как правильно отмечать некоторые православные даты: Крещение Господне и Троицу. В советский период сложилась своеобразная традиция празднования этих дат, которая в наши дни исправляется служителями церкви. Так, многие сельчане Коношского, Устьянского районов убеждены, что отмечать праздник Троицы нужно на кладбище — «положено ходить по могилкам». Местные священники относятся с пониманием, говоря, что пока традиция жива, с ней надо считаться. Традиция посещения кладбища в праздник Троицы сохранилась и в Устьянском р-не. С утра жители п. Синики и близлежащих деревень собираются на кладбище и обязательно с гармонистом. Многие приносят с собой спиртное, конфеты, хлеб. После первого поминовения у могилы просят гармониста сыграть. Находящиеся рядом женщины поют, чаще всего исполняют рекрутские частушки или поминальные «писенки». К полудню на кладбище уже никого нет, и гулянье продолжается по домам⁵⁷¹.

---

⁵⁷⁰ГААО. Ф. 2618. Оп. 5. Д. 4. Л. 5—58. Отчеты методических детских центров Архангельска за 1997—1998 гг.; Пинежье. 2005. №11. 17 марта. С. 5 (Пинежский р-н).

⁵⁷¹Мыртин В.Л. Праздник Троицы в современной народной культуре // Народная культура Русского Севера. Живые традиции. Архангельск, 1998. С. 62—63.

Праздничная кухня. После Октябрьской революции в стране сложилась неблагоприятная обстановка для развития праздничной кухни русских. В первые годы советской власти в условиях разрухи, гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией первоочередной задачей новой власти была борьба с голодом и распределение ограниченных пищевых ресурсов. Эти проблемы стояли остро и позже — в коллективизации и индустриализации. Во время Великой Отечественной войны вопрос элементарного продовольственного обеспечения населения решался сложно. Только к 1950-м годам ситуация несколько улучшилась. Но несмотря на сложные экономические условия, можно говорить о том, что в праздничной и повседневной пище сохранились традиционные особенности и в первую очередь ее связь с земледельческим характером занятий населения.

На меню праздничной пищи, как и современного питания, русских в городах Архангельского Севера в последние 75 лет повлияло ее обобществление, т.е. превращение в особую отрасль планового хозяйства. Создание множества отраслей пищевой промышленности, сети общественного питания, централизация снабжения населения продовольствием — все это до сих пор определяет многие черты и питания, и праздничной кухни городского населения исследуемой территории.

Ведущее место в праздничной пище продолжали занимать хлебные, мучные и крупяные блюда в многочисленных локальных вариантах. До 1950-х годов в Архангельском крае готовили обрядовые каши саломат, мусня (мусёнка), ропотуха. Самым главным праздничным угощением на Севере были и остаются пироги. Из кислого или пресного теста пекли пироги, большие и малые, закрытые и открытые шаньги, сочни с разной начинкой, *калитки, лентяйки, пыхачи, рыбники, кулебяки*. «Напечем пирогов, шанег с разной начинкой, чаще всего семга, морошка, брусника, капуста. Картофельники, творожники»⁵⁷².

В советский период появились новые продукты, полуфабрикаты, специи, соусы. Особую популярность приобрели майонез, томатный соус (кетчуп). Праздничным блюдом во многих семьях вместе с холодцом становится запеченое мясо под майонезом («ленивое мясо», «мясо под шубой»). Большое место в

---

⁵⁷²ПМА. 2005г. от Красиковой А.Е., 1926г.р. Д. Сояны, Мезенский р-н.

севернорусской кулинарии продолжала занимать рыба и блюда, приготовленные из неё.

Сохранению традиционной праздничной пищи способствовало приготовление и потребление обрядовой пищи, причем часто независимо от отношения человека к самим обрядам (обычай печь *козули* к Рождеству, блины и шаньги на Масленицу, красить яйца и печь куличи на Пасху). Необходимо отметить, что с 1960-х годов началось возрождение изготовления пряников-*козуль*. Традиции этого мастерства в советское время сохранялись как домашнее ремесло, поскольку такое пряничное дело многие годы преследовалось как частное предпринимательство⁵⁷³. Городские мастера стали создавать новые виды и формы пряников. Так появились пряники к юбилеям Москвы, Архангельска, Холмогор и в честь юбиляров — известных архангелогородцев.

Русская печь, в которой исстари готовилась пища, сохранялась в деревнях (часто вместе с газовой или электрической плитой), встречалась и в небольших городах. Процесс ее замены на более современную технику затянулся на долгие годы. Технология приготовления многих блюд в русской печи оставалась традиционной, как и утварь, необходимая для приготовления пищи в печке: плоские *латки*, ухваты, маленькие и большие чугунные сковородки для шанег, сковородников и другой выпечки.

Общей чертой для городских и сельских жителей Архангельского Севера является одинаковое отношение к заготовкам продуктов впрок, главным образом ягод и грибов. В послевоенный период начали практиковаться выезды на автобусах за моршшкой, клюквой, брусникой, черникой, грибами. Архангельск, Мезень, Пинега и другие города окружены настоящими ягодными «плантациями».

Из традиционных праздничных алкогольных напитков в советский период продолжали бытовать пиво или брага домашнего изготовления. Технология приготовления напитка осталась прежней, изменились исходные продукты. Раньше для солода, необходимого для настаивания пива, пророщивали рожь, в советское время солод изготавливали из картофеля. Картошку натирали на терке, затем делали лепешки из

---

⁵⁷³ Архангельские козули. Архангельск, 1999. С. 16.

картофельного крахмала, сушили и растворяли в воде, которую выливали в специальный сосуд — лагун (деревянный, березовый ушат, с пробкой (*втулкой*) для выпуска газов), добавляли немного сахарного песка и держали лагун в теплом и темном месте, на печи, дней 7—10. «Перед съезжими праздниками по два больших лагуна поставим, — вспоминали жители мезенских деревень. Через дерево пиво такую крепость набирал, что бывало с одного стакана вырубало. Настаивали в погребе долго — месяц, а то и больше перед июлем. До 1950-х годов с хлебом проблема была, поэтому ничего не добавляли, потом только для крепости сухари (хлеб прижигали в печи), пшено, рис, чтоб хорошо бродило»⁵⁷⁴.

Старшее поколение, знакомое со вкусом настоящего домашнего пива, к бутылочному или разливному пиву промышленного производства относилось отрицательно: «Раньше пиво такое наварят — кружку выпьешь и уже пьяный. Сейчас водку два стакана надо выпить, а раньше одну кружку пива и пьяный. И всё — свалишься под стол...»⁵⁷⁵.

Водка и вино для большинства крестьян всегда были дорогими напитками, поэтому многие из них помимо пива изготавливали горькие настойки из собранных трав и корней. Рецепт изготовления их достаточно прост — через мясорубку и по кувшинам. Каждую траву настаивают отдельно, а могут и смешать несколько трав. Настойки получают удивительно красивого цвета — темно-бордовые и красно-коричневые со своеобразным пряным и горьким запахом, впитавшим все богатство разнотравья Архангельского Севера. «Сырье» для них собирали в определенное время. «Все травы поспевают к Иванову дню: зверобой, очанка, грушанка, калган, изгон, тысячелистник, богородска травка, или же на самом деле темьян ползучий... Собирают все травы в июле месяце после Иванова и Петрова дня»⁵⁷⁶.

В советский период сложилась праздничная трапеза с обязательным набором блюд, подаваемых в определенном порядке, завершаемая, как правило, чаепитием со «сладким столом». В отличие от прошлых времен она сопровождала практически все празднества, проходящие в домашних условиях и в целом,

---

⁵⁷⁴ ПМА. 2005 г. от Крапивинной Т.С. 1946 г. р. Д. Сояны, Мезенский р-н; Деревни Кимжа, Жердь, Мезенский р-н.

⁵⁷⁵ ПМА. 2003 г. от Лытцева Е.С., 1929 г. р. Д. Ваймуша, Пинежский р-н.

⁵⁷⁶ ПМА. 2004 г. от Клевакиной А.Е. 1927 г. р. С. Засурье, Пинежский р-н.

несмотря на изменения, сохраняла свою традиционную специфику. Исчез выгон — блюдо завершающее праздничную трапезу, но обязательно хозяйка подавала чай в завершение праздничного стола; главное праздничное блюдо по-прежнему горячее мясное или рыбное и разнообразная выпечка.

Праздничная одежда. Праздничная и повседневная одежда в советский период в известной степени отражала сложные социальные процессы того времени. Так, в первой трети XX в. костюм горожан и крестьян характеризовался разнообразием, обусловленным к тому же различными возрастными и социальными группами населения Архангельского Севера. С 1930-х годов в одежде преобладает постепенно распространяющаяся универсальность, единообразие, отмирание традиционных форм.

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что после революции сохранялся традиционный праздничный комплекс одежды. В первые десятилетия советской власти бытовали женские и мужские рубахи из домотканины, сарафаны, домотканые юбки, девичьи и женские традиционные головные уборы, лапти, поддевки, шубы и пр. По-прежнему надевали праздничный костюм в дни самых больших праздников и свадеб. Такое наблюдение сделал М.Б. Едемский, побывавший в 1921—1923 гг. в деревнях на Пинеге. По его словам, невеста всегда была одета в традиционную одежду, даже если вся деревенская молодежь надевала модные костюмы⁵⁷⁷.

К этому времени в деревнях у мужчин большой популярностью пользовался военный костюм, оставшийся после Первой мировой и гражданской войн: военные гимнастерки, галифе, шинели, сапоги, фуражки, буденовки. В военном или сходном с ним костюмом ходили бывшие солдаты, местные активисты, комсомольцы, считавшиеся передовыми людьми того времени. Многие мужчины носили пиджаки, жилеты, брюки, поддевки, пальто, шубы, цветные косоворотки и пр. У молодых женщин, наряду с сарафанным комплексом пользовались популярностью *парочки...* (юбка с кофтой), *гарнитур*ы (платья).

Если в начале XX в. домашнее ткачество постепенно вытеснялось фабрично-заводским производством и большей доступностью лучшей, красивой покупной ткани, то в 1930-е годы

---

⁵⁷⁷ Едемский М.Б. Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 г. // Север. 1923. Т. 3. С. 205.

причина отказа от ткачества была иной — сидеть за кроснами у женщин не было времени и сырья не было. Отсутствие тканей для пошива одежды заставляло их носить старую одежду, в том числе праздничную и обрядовую, хранившуюся в семьях поколениями. Труднее всего было с одеждой для детей. Обычный ответ в севернорусских деревнях на вопрос о традиционной одежде: «Было, да всё ребятам в портки изведено», «на ремки изведено», «в голодные годы перешито»⁵⁷⁸.

Праздничная традиционная одежда, как и праздники, также подвергалась гонениям. В деревнях Архангельского Севера высмеивали женщин, носивших традиционные головные уборы и убировавших волосы под повойник.

С 1930-х годов наблюдается постепенный отход от традиционного костюма, который сохранялся преимущественно у пожилых людей. Молодежь стремилась одеваться в духе времени, тем более что сельская одежда Архангельского Севера всегда испытывала сильное городское влияние. В селах исчезло домашнее изготовление тканей, но на ткацких станах продолжали ткать пояса, половики, вручную женщины вязали носки, варежки и т.п.

Дальнейшие изменения в сельской одежде происходили уже в послевоенные годы. У мужчин стал вновь популярен военный костюм. Молодые люди и среднее поколение стремились подражать моде той поры, учитывались при этом личные вкусы и материальные возможности. Молодые женщины и девушки начали носить не только юбку и кофту, но и платья.

В сельской местности сильнее, чем в городе, были выражены различия в одежде разных поколений. Люди старшего поколения старались сохранить традиционную одежду. Как и прежде, более удобным женским головным убором считались платки — ситцевые, шерстяные, появлявшиеся капроновые, большой популярностью пользовались разнообразие шали с крупным цветочным рисунком. Нужно отметить, что предпочтения в цветовой гамме головных уборов остались традиционными — яркие открытые цвета, всевозможные оттенки красных, синих, оранжевых. Рисунки тканей летних платьев напоминали рисунки старинных набивных тканей для сарафанов.

---

⁵⁷⁸ПМА. 1992 г. Пинежский, Холмогорский районы; ПМА. 2005 г. Мезенский р-н.

Из домотканого производства праздничной одежды сохранялись вязание из овечьей шерсти носков, чулок, шарфов, платков и ткачество поясов.

Следуя международным образцам, одежда в городе развивалась в основном по пути дифференциации форм в зависимости от назначения, сезонности, возрастной принадлежности, характера труда.

С 1960-х годов возрос интерес к традиционной одежде Архангельского Севера. Многие фольклорные коллективы и ансамбли стали выступать в местных праздничных сарафанах и головных уборах (Пинежский, Мезенский хоры). Однако ряд коллективов городских ДК, не имея подлинных костюмов, выступал в специально сшитых и часто стилизованных костюмах, являющихся символическим обобщением русской народной одежды (они включают обычно сарафан, кокошник, расшитую рубаху навыпуск и т.д.). К народному опыту начали обращаться также и модельеры, используя при создании современных вещей народные традиции орнамента, цветовой гаммы, кроя одежды.

***

В годы советской власти прекратило свое существование большинство государственных и церковных праздников бывшей Российской империи. Однако, несмотря на гонения на религию, сокращение числа церквей и господство атеистических взглядов, появление и утверждение в быту новых советских праздников, традиция отмечать даты народного месяцеслова не прерывалась.

Праздников, о которых помнили, не так уж и мало. Все они в основном связаны с датами зимнего и летнего солнцестояния: Рождество со святками, Крещеньи, Масленица, Пасха, Троица, Иванов, Петров дни и др. Сохранились многие обрядовые и игровые действия, которые приурочивались к традиционным праздникам в городском и сельском семейном быту. Зимой — гадания, приготовление обрядового печенья *козулей* на Новый год и Рождество, вырубание проруби-*иордани* на реках, приготовление блинов и шанег на Масленицу, весной — принесение в дом распускающейся вербы, уборка дома на Страстной неделе, крашение яиц на Пасху, летом — украшение на Троицу дома цветами и ветвями березки, посещение кладбищ в эти

дни, сбор трав, заготовка веников и традиция париться ими на Иванов день и др.

Приведенный материал выявил и происходившие трансформации. В святочный период изменился половозрастной состав и формы *кудеси* (обрядового озорства), исчезли традиционные и появились новые виды гаданий и персонажи ряженья. Сохранились скотоводческие обряды, связанные с Егорьевым днем. В советский период основной хранительницей старых традиций оставалась семья.

Анализ особенностей бытования традиционных народных праздников свидетельствует об изменении характерного для них состава. На смену торжественной православной части пришли торжественные собрания, митинги и демонстрации; несколько сократилась вторая часть — общественные гулянья, на смену традиционным развлечениям, песня, танцам, пришли новые; в большей степени сохранилась третья часть праздника — семейная или домашняя, связанная с традицией родственного застолья и гостеванья. Подобная структура постепенно переносилась жителями Архангельского Севера и на проведение некоторых советских праздников (23 февраля, 8 Марта).

Цеханская К.В.

Праздник Успения Пресвятой Богородицы в прошлом и настоящем

«Второй Пасхой» называли в народе Успение Пресвятой Богородицы. В русской православной традиции этот праздник также издревле считался одним из самых почитаемых. Не случайно Успенский пост — самый строгий после Великого. Успение входит в число главных двенадцатых праздников, составляющих годовой богослужебный круг, в течение которого в Церкви вспоминаются и прославляются важнейшие для спасения верующих события Нового Завета. Праздник Успения завершает церковный год 15 (28) августа.

Святой Ириной Лионский, богословствуя о человеческой истории, пришествие Христа называл плодом многовековой истории, а Успение Божьей Матери — тайной созревания человечества⁵⁷⁹. И в Ее Успении — завершение этой тайны, когда Божья Матерь — первый преобразенный человек, в котором эта тайна осуществилась. Таким образом, главный смысл праздника Успения — радость соединения Бога с человеком. По словам св. Григория Нисского, «то, что телесно осуществилось в Марии, Христом в Приснодеве, неким подобием осуществляется во всякой очищенной душе»⁵⁸⁰.

В церковном сознании утверждена мысль о Богородице как идеале обоженного человека. Ее имя воспевается во всех богослужениях. В церковных песнопениях Богородица с любовью называют разными именами, вкладывая в них необыкновенные черты: огненный Столп, показующий всем спасение; приснотекущий Источник, напоющий жаждущих; Неопалимая Купина; всех скорбящих Радость; Матерь рода человеческого; Одигитрия-Путеводительница ко спасению и много других имен. По словам архангела, Божью Матерь часто называют Благодатной, т.е. имеющей всю полноту Божественной благодати, но, по словам св. Григория Паламы, — не держащей ее в Самой Себе, а наполняющей всех этими дарами. С Успением Богородицы для Нее, по православному вероучению, открылась возможность особого ходатайства к Богу за мир «до его скончания». Святые отцы писали, что «Если Бог внимает мольбам прочих святых, это — Его милость, потому что Он — Владыка святым, а если внимает молениям Матери Девы, то это Его долг, ибо Он — Сын Девы. Богом дан закон, чтобы сын чтил мать; с тех пор, как Бог восприял плоть от Матери, Он подчиняется Своему собственному закону»⁵⁸¹.

В канонических текстах Евангелия и апостольских писаниях о Божьей Матери сказано совсем немного: Она все время оставалась как бы в тени и только последнее свидетельство о Ее присутствии при Голгофском Кресте говорит о том, что Богородица всегда была рядом с Сыном.

---

⁵⁷⁹ Шаргунов А., *прот.* Проповеди и выступления. М., 1995. С. 304.

⁵⁸⁰ Там же. С. 302.

⁵⁸¹ Илия Минятей, еп. Кефалонитский. Цит. По: Скабалланович М.Н. Успение Пресвятой Богородицы. Киев, 2004. С. 29 (репринт 1916г.).

Сведения о земной жизни Божьей Матери сложились на основе Писания, предания и древних сказаний, авторство которых неизвестно, но Церковь приняла их как достоверные свидетельства, подтвержденные и истолкованные трудами святых отцов, учителями Церкви⁵⁸². Многие из сказаний церковные песнотворцы внесли в богослужебные стихиры, тропари, кондаки и каноны, впоследствии объединенные и изложенные в церковных историях — в Четьи-Минеях.

По преданию, после Вознесения Иисуса Христа Богоматерь жила в Иерусалиме, в доме апостола Иоанна Богослова, затем переселилась в Ефес, а незадолго до Успения снова пребывала в Иерусалиме. За три дня до смерти во время молитвы архангелом Гавриилом Ей была возвещена весть о кончине. В ознаменование торжества над телесной смертью архангел вручил Ей райскую ветвь, которую в день погребения должны нести перед одром. Похоронить Себя Божья Матерь завещала в Гефсимании, рядом с могилами Своих праведных родителей — Иоакима и Анны и Иосифа Обручника. В предсмертный час в дом ворвался вихрь, который, по Божию велению, принес на облаках вместе с ангелами не только 12 апостолов, но и 70 других. Апостолы разошлись с проповедями по разным странам, но «от конец земли соединились». Они были удивлены происшедшему чуду, радовались возможности видеть Богоматерь, получить Ее благословение и присутствовать при Ее успении. На третий день после архангельского благовестия внезапно открылась кровля дома, «сошел Сам Христос с тьмами ангелов, со святыми праотцами и пророками». Богоматерь обратилась к Сыну со словами боговдохновенной песни: «Величит душа моя...», «Готово Сердце мое, Боже, Буди Мне по глаголу Твоему» (Пс. 56: 8). Богородица просила также защитить Ее от воздушных мытарств. Господь успокоил Ее: *Не бойся, Мати Моя, сатанинская сила уже поправа ногами твоими. Бестрепетно перейди теперь от земных селений к Небесным!* Затем Богоматерь безболезненно передала душу в руки Господа и сразу же раздалось ангельское пение, в котором часто повторялись слова благо-

---

⁵⁸²Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы. М., 1904; *Поселянин Е.* Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон. М., 2002; *Барсов М.* Сборник статей по истолкованию и назидательному чтению деяний святых. СПб., 1994; *Снегосорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание Святых чудотворных Ее икон. Ярославль, 1998.

вещенского приветствия: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою». (Лк. 1: 28). Душа Приснодевы на глазах апостолов в сопровождении небесных сил была восхищена в небесные обители.

Далее сказание повествует, что тело Божьей Матери, с пением молитв, на руках апостолов была перенесена из Иерусалима в Гефсиманию. Над одром, сопровождаая процессию, плыл облачный сияющий круг в виде венца. Удивляясь торжественному шествию, к нему присоединялись и не веровавшие во Христа, что привело в ярость иудейских архиереев и книжников. Они послали воинов и слуг разогнать процессию, убить апостолов и уничтожить тело Богоматери. Но, когда воины стали приближаться, облачный венец опустился и стеной окружил преследователей, а ангелы ослепили их. Среди недругов оказался иудейский священник Афоний, который коснулся одра, чтобы опрокинуть его, но был чудесно наказан отсечением рук. Однако после раскаяния получил исцеление.

По истечении трех суток после погребения прибыл опоздавший апостол Фома, скорбя, что не удостоился последнего благословения. Он попросил открыть гробницу для прощания, но тела там не оказалось. В тот же вечер, после вечерней трапезы, апостолам явилась Богоматерь со словами: «Радуйтесь, я с вами во все дни». Таков вкратце один из вариантов предания об успении Богоматери, которое еще в глубокой древности вариантах дополнялось подробностями, а также подвергалось критическим замечаниям⁵⁸³.

Год кончины Богоматери источники указывают по-разному: Ипполит Римский — 43 г.; Епифаний Кипрский — 58 г.; Никифор Каллист — 44 г. В Четьих-Минях святитель Дмитрий Ростовский склонялся к мнению, что ко времени Успения Божьей Матери было приблизительно 72 года.

События сказания — выражение православного взгляда в отношении Пресвятой Богородицы с ее телесной смертью и воскрешением, подобно другим евангельским описаниям воскрешения из мертвых, в отличие от воскресения Спасителя. Не приписывая Богоматери той чести смерти, какая подобала лишь одному Богочеловеку, сказание о Ее кончине в то же время отдает должное Ее высокому достоинству.

---

⁵⁸³ *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Примеч. 15 авг.

Обстоятельства Успения Божьей Матери в Православной Церкви известны с апостольских времен, в разные века о них писали: современник Богоматери священномученик Дионисий Ареопагит в I в.; во II в. сказание о телесном переселении Девы Марии на небо было изложено в сочинениях Мелитона, епископа Сардийского; в IV в. на предание об Успении Божией Матери указывал святитель Епифаний Кипрский. Подтверждением того, что тела Богоматери не оказалось в гробнице может служить известие св. Иоанна Дамаскина VIII в., который, в свою очередь, ссылаясь на некоего Евфимия⁵⁸⁴. В своей церковной истории Никифор Каллист в XIV в. сообщал также, что в V в. супруга императора Маркиана — Пульхерия, построившая несколько храмов в Константинополе в честь Пресвятой Богородицы, решила в одном из них положить тело Богоматери. За советом она обратилась к тогдашнему Иерусалимскому патриарху Ювеналию (ум. ок. 458). Патриарх ответил, что желание ее неосуществимо, поскольку по свидетельствам предания, сохранившегося в Иерусалимской Церкви, тела Богоматери уже на третий день по Ее смерти не оказалось в гробнице. Вместо него патриарх прислал погребальные пелены Богоматери, которые и были положены в построенном императрицей Влахернском храме.

По свидетельству того же Никифора Каллиста, в другом храме — Святого Престола, в предместье Константинополя — стараниями благочестивой Пульхерии хранился пояс Богоматери. По преданию, его получил апостол Фома, когда в момент своего перенесения в Иерусалим увидел возносившуюся на небо Богородицу. К XIII в. пояс и риза постоянно хранились во Влахернском храме. Соединение праздничных церемониалов «положения» двух реликвий в одном храме дало повод для создания единого иконного изображения этого события, а также посвящения храмов «во имя святых Богородицы положены ризы и пояса», как, например, новгородской надвратной церкви 1195 г.⁵⁸⁵

Пещера, где была погребена Божья Мать, издревле почиталась христианами. В IV в. св. равноапостольная Елена построила над нею храм Гробницы Божией Матери, который просуще-

---

⁵⁸⁴Св. Иоанн Дамаскин. Слово на Успение // Скабалланович М.Н. Указ. соч. С. 14.

⁵⁸⁵Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 291.

ствовал в своем первоизданном виде до XI в., когда в источниках о нем упоминали как уже о разрушенном. Но в XII в. храм был восстановлен, а в начале XX в. там же была построена Успенская церковь. Сорок восемь ступеней ведут вниз, ко входу в храм, на уровне 23-й ступени в углублениях пещерного храма расположены каменные ложа, по преданию — гробницы родителей Богоматери — святых Иоакима и Анны и св. Иосифа Обручника, служащие теперь престолами. Весь храм украшен множеством лампад. Главная святыня — гроб Богоматери — высечена в скале и представляет собой как бы подземную часовню. На гробе лежит белая с синими прожилками мраморная плита, которая служит престолом для православных и армян. За усыпальницей находится алтарь храма, в котором ежедневно совершается Божественная литургия на греческом языке.

15 августа по юлианскому календарю в день Успения Пресвятой Богородицы в храме с большой торжественностью совершается богослужение. Сюда из Иерусалима переносится плащаница⁵⁸⁶ с изображением Богоматери, украшенная стараниями православных из России. Святыня находится в Гефсиманском подворье, напротив храма Воскресения Господня, ее доставляют тем же путем, которым апостолы несли тело Божьей Матери в день погребения.

Начиная с X в. в памятниках церковной письменности появляются первые упоминания о празднике Успения, которые, по мнению исследователей, были связаны с богословским толкованием Церкви о догмате Боговоплощения и борьбой с посягательством ересей на достоинство Богоматери.

Известия о повседневном праздновании Успения в греческой Церкви датируются концом VI в., когда император Маврикий (592—602) в благодарность за победу над персами сделал этот праздник общецерковным⁵⁸⁷. Возможно, до этого времени праздник был местным, необязательным. Наличие в древнем Константинополе большого количества церквей, посвященных Богоматери, дает основание предполагать о более раннем бытовании праздника, это подтверждается тем, что в других восточных Церквях IV в. (у несториан, коптов, армян) есть следы

---

⁵⁸⁶ Плащаница — иконное изображение Богоматери «в успении» на смертном одре, написанное красками или вышитое на полотне. В день праздника Успения выносятся из алтаря.

⁵⁸⁷ Скабалланович М. Н. Указ. соч. С. 121.

его существования. С VII в. в письменных памятниках Востока судьба праздника прослеживается достаточно устойчиво: он значится в праздничном Евангелии 715 г.⁵⁸⁸, упоминается на VII Вселенском соборе, песнопения с темой Успения разных авторов, составленные в VIII в., обозначены в уставах последующих веков.

В описаниях служб Успения в древних богословских книгах встречаются особые дисциплинарные замечания в отношении церковного благочиния в праздник. Так, в отдельной главе Типикона XII в. малоазийского Богородичного монастыря говорилось: «Успения Пресвятой Богородицы должно праздновать преимущественно между всеми другими праздниками, весьма светло и любочестно, всячески украшая божественный храм Ее, т. е. священные сосуды, покровы, с особенным освящением и всякой другой светлостью, с целонощным бдением и сладкогласными певцами, и быть столу в трапезе пообильнее из рыб и солений до 4 блюд или и больше». В наставлениях по этому поводу южно-итальянского Николо-Казулянского монастыря указывалось, что после литургии священник «благословляет виноград»⁵⁸⁹. То есть происходил тот обряд, который закрепился на Руси, в праздник Преображения, в народе называемый Яблочным Спасом (празднуется 6/19 августа).

Почитаемые праздники в русской православной традиции предваряются постами. Успенский пост — также выражение особого отношения к памяти Матери Бога, он короткий, но строгий — с 14 по 27 августа. История Успенского поста считается наименее древней по сравнению с другими постами, возникшими не по евангельскому или апостольскому установлению (как таинства), а как народное выражение сердечного чувства по отношению к личности Христа, Богородицы и святых. Известия о постах, как явлении постнической жизни в аскетической практике первых христиан, основателей монашества и святых Отцов, нашли отражение в житиях подвижников, поучениях, а позднее — в канонических правилах. Церковные письменные памятники долгое время хранили молчание относительно Успенского поста. Одно из ранних таких свидетельств — в дея-

---

⁵⁸⁸ *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. С. 325.

⁵⁸⁹ *Дмитриевский А.* Описание литургических рукописей. Киев, 1895. С. 767, 820.

ниях так называемого «собора соединения» 920 г., который рассматривал возможность повторных браков⁵⁹⁰. Последующие отдельные упоминания об Успенском посте X—XI вв. были основаны на благочестивой традиции, не закрепленной церковными установлениями. Окончательно вопрос об Успенском посте был утвержден в XII в. на Константинопольском соборе при патриархе Луке и императоре Еммануиле⁵⁹¹. В России многие древнехристианские традиции не только продолжились, но и закрепились иногда в строгих формах⁵⁹². В отношении постов такое усердие зафиксировано иностранными описателями русского быта прошлых веков⁵⁹³.

О духовной значимости праздника в русской православной культуре свидетельствует большое количество разного рода посвящений Успению. Во многих русских городах и монастырях главные соборы были освящены в честь Успения Пресвятой Богородицы. Первая Успенская церковь была построена в Киево-Печерском монастыре.

Сохранилось предание о ее строительстве (XI в.): Сама Божья Матерь прислала из Влахерны золото на строительство, двенадцать греков зодчих, иконописцев и Свое благословение, — икону Успения, «да наместная будет». Эта икона и сейчас находится в Киевской лавре над царскими воротами соборного Успенского храма.

Другая ранняя церковь — в Суздале. По преданию, Владимир Мономах в конце XI в. заложил там одну из древнейших церквей Успения, на месте которой позже был построен Богородице-Рождественский собор, главной достопримечательностью которого считаются Златые врата — уникальный образец декоративно-прикладного искусства суздальских мастеров.

В ряду Успенских церквей первых веков христианства на Руси — собор XII в. во Владимире, а также главный храм

---

⁵⁹⁰ *Алексий, иером.* Историческое рассуждение о постах Православной восточной католической Церкви. М., 1837. С. 32, 66.

⁵⁹¹ *Скабалланович М. Н.* Указ. соч. С. 143.

⁵⁹² Интересно, что на Святой Горе Афон в Русском Свято-Пантелеймоновом монастыре Успение Пресвятой Богородицы празднуют почти месяц: с 1 августа ежедневно читают акафист Успению. Отдание же праздника бывает накануне воспоминании Усекновения главы Иоанна Предтечи.

⁵⁹³ Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. III. М., 1896—1900.

Московской Руси и России — Успенский собор в Кремле, именуемый в народе Домом Богородицы. Из монастырей раннего периода можно выделить Староладожский Свято-Успенский девичий монастырь, который был расположен в первой столице русского государства, основанной в 753 г. на берегу реки Волхов. Точных данных о времени его основания не сохранилось, но несомненно, что обитель была построена не позднее XII в., ее каменный храм-усыпальница — в честь Успения Пресвятой Богородицы в 1125—1156 гг. Это была княжеская женская обитель, построенная, возможно, женой князя Мстислава Мономаха, как усыпальница для княжон рода Рюриковичей. Начиная с 2005 г. на древней земле с. Старая Ладога возобновляется женский монастырь.

Освящение Успенских церквей говорит о почитании этого праздника уже в ранние века христианства на Руси. Однако до XV в., очевидно, празднование Успения оставалось не повсеместным. Так, например, архиепископ Геннадий (ум. 1505), заботясь об упорядочении богослужения, отовсюду собирал литургический материал и, будучи на Новгородской кафедре, установил там день Успения Богоматери как престольный праздник. До него в Новгородском Софийском соборе с особым торжеством совершались только Господские праздники. Новгородский богослов XVI в. инок Зиновий Отенский одно из своих произведений посвятил установлению в Новгороде праздника Успения, объясняя это тем, что в этот день было последнее явление Христе во плоти ученикам и Апостолам⁵⁹⁴.

Однако не только в политических делах, но и в направлении духовного устройства столица задавала тон. Именно Успенский собор Московского Кремля для православных России всегда оставался главным храмом страны.

В нем происходили венчания на царство русских царей, поставления митрополитов и патриархов. Там хранились особо чтимые святыни государства. В соборе традиционно хоронили архиереев, возглавлявших общерусскую кафедру, начиная с митрополита Петра в 1326 г. при князе Иване Даниловиче

---

⁵⁹⁴ «Сказание, которая ради вины причтен бысть праздник Успение святыя Богородицы к двенадесяти Владычных праздников» // Макарий, архим. (Вертенников). Инок Зиновий Отенский — Новгородский богослов XVI века // Альфа и Омега. 1997. №1 (12). С. 149.

Калите и, заканчивая патриархом Адрианом (1700г.)⁵⁹⁵. Свой высокий статус Успенский собор сохранил и после перенесения столицы в Санкт-Петербург. В 1479г. храм был перестроен итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. Новое здание собора поражало современников своей монументальностью. «Бысть же та церковь чудна вельми величеством и высотой, светлостью и звонностью и пространством такова же прежде того не бывала на Руси...», — писал летописец⁵⁹⁶.

Из трех приделов собора (Петропавловский, Дмитрия Солунского) один освящен в честь Похвалы Богоматери (на втором ярусе, куда он был перенесен в XVIв.)⁵⁹⁷. Внутренние росписи в разное время были выполнены лучшими изографами России. В общей сложности было написано 249 композиций и более 2 тыс. фигур святых. Стены собора делятся на пять регистров, каждый из которых отведен какому-либо определенному циклу. В нижнем ряду изображены Семь Вселенских Соборов. Во втором ряду — протоевангельский цикл, посвященный родителям Богородицы, святым праведным Иоакиму и Анне и детству Богоматери. В третьем ряду цикл, иллюстрирующий Акафист Богоматери.

Из кремлевских реликвий, связанных с темой Успения Божьей Матери в Московском Кремле, — дошедшая до наших дней икона «Успение Богоматери» на гробовой доске митрополита Алексия из центрального иконостаса Успенского собора. Образ был написан по подобию чудотворной иконы киевского Печерского монастыря⁵⁹⁸, который находился в главном храме

---

⁵⁹⁵ Митрополит Петр не только дал совет великому князю Ивану Даниловичу в Москве строить Успенский собор, но и сам помог в строительстве деньгами и собственноручно незадолго до смерти заложил в нем свою гробницу. Драгоценные ковчеги московских святителей в 1515г. при вел. кн. Василии III были сделаны из золота – митрополиту Петру с его рельефным изображением на крышке и из серебра – митрополиту Алексию (ум. 1378), с золотой крышкой и образом.

⁵⁹⁶ Москва Православная. М., 2002. С. 245.

⁵⁹⁷ Спасение столицы Византии от нашествия арабов в 674—678 и 717—718гг. при чудесной помощи ризы Богоматери, которую вместе с другими святынями крестным ходом носили во время осады по стене города, послужило причиной установления особого праздника Похвалы Богоматери, отмечающегося на пятой неделе Великого поста.

⁵⁹⁸ Смирнова Э.С. Икона «Успение Богоматери» письма Симона Ушакова из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника как реплика киевской святыни. Доклад на конференции Сергиево-Посадского музея-заповедника. 1998г.

обители над царскими воротами и после службы опускавшегося на шелковых шнурах на аналой.

Особо торжественными службами в XVI—XVII вв. отличался храмовый день Успения Божьей Матери в первопрестольном соборе Московского Кремля. За две недели начинались праздничные приготовления: чистили паникадила, оклады на иконах, соборную утварь, из царского дворца приносили пудовые свечи и масло для лампад. За два дня до праздника напоминали дворцовому дьяку о заготовке «мелкого, доброго» сена, которое перед малой вечерней стелили по всему собору, включая алтарь, а также патриаршие и царские места, куда полагали еще душистые травы и благовонные масла. Все покровы на гробницах и пелены под образами заменяли на праздничные, украшенные жемчугами. Заменяли и церковные сосуды на драгоценные и больших размеров. К малой вечерни, с которой начинались богослужебные торжества, выносили и большое Евангелие.

За день до праздника происходил ежегодный ритуал, называемый «зов государев от патриарха», когда священство во главе с предстоятелем, крестом и святой водой шли «на верх», в царский дворец приглашать царя к праздничным службам и торжественной трапезе. Церемониал этого зова был заранее определен и сопровождался следующей речью: «А великий государь царь и великий князь (имярек), всея Руси самодержец, чтобы еси государь пожаловал на праздник Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, вечерню и молебен и всенощное и заутреню и обедню слушал; а в дому бы у Пречистой Богородицы и у великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы и у нас своих богомольцев пожаловал бы еси хлеба ел»⁵⁹⁹. Во время богослужения царь выходил с большой свитой в полном царском наряде. После литургии государю, как благословение, на серебряном блюде подносили «благодарный» хлеб.

Из всех церковных праздников только на Успение были службы, главная особенность которых состояла в совершении такой же заутрени, как в Великую субботу на Пасху, она почти полностью состояла из погребального пения над плащаницей.

---

⁵⁹⁹ *Георгиевский Г.П.* Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. М., 1995. С. 205.

Такое благочестивое почитание Божьей Матери, почти равночестное с Ее Божественным Сыном, прослеживается с XV в. и было зафиксировано в тверском церковном уставе 1438 г. с замечанием о разрешении настоятеля и «надгробным пением» в случае престольного праздника⁶⁰⁰. «Надгробное пение» в Успенском соборе совершал сам патриарх. Оно сопровождалось помещением посреди храма праздничной иконы, перед которой становились все дьяконы и священники. В богослужебном обиходе Иосифо-Волоколамского монастыря о наличии надгробного пения сделано замечание о том, что такая служба, по преданию, должна проходить «не токмо в монастыре, но и по всем селам и по странам монастырской отчизны праздновати духовно в псалмах и в песнях духовных, благодарящее Бога и Пречистую Его Матерь, служити церковное пение сполна»⁶⁰¹. К XVII в. надгробное пение стало более соответствовать заутрене Великой субботы. В центре храма ставили стол в виде гробницы, на нее возлагали икону Богоматери. После великого славословия выносили плащаницу, которую возлагали поверх иконы, а по завершении чтения Евангелия икону снова клали поверх плащаницы, затем все прикладывались к ней. Плащаница и икона оставались посреди церкви до входа с Евангелием во время литургии, затем вносились в алтарь.

В больших монастырях надгробное пение совершалось в разное время торжественной службы на Успение с небольшими нюансами в порядке богослужения. В Успенском соборе Кремля его совершал сам патриарх.

После окончания надгробного пения и ряда других песнопений перед патриаршим местом в центре собора ставили аналой с праздничной иконой, а перед ним витую свечу. Служба продолжалась: в определенный момент патриарх с духовенством выходил из алтаря, становился на приготовленном для него месте и вставал около патриарха. Патриарх начинал раздавать свечи, кадить аналой с иконой и весь собор, после прикладывались к иконе: сначала царь, потом патриарх, бояре, духовенство. Дальше утренняя продолжалась обычным порядком.

После службы весь клир Успенского собора шел «на верх», к государю, петь праздничный молебен. Это посещение никогда

---

⁶⁰⁰ Там же. С. 205.

⁶⁰¹ Дмитриевский А. Богослужение в русской Церкви в XVI в. Казань. С. 190.

не откладывалось даже в случае отсутствия царя, как, например, в 1692 г., когда Петр I был в Переславле: к нему отправили делегацию «со святынею» — святой водой, освященной на молебне.

В день праздника в Патриаршей палате устраивали торжественный стол для царя, духовенства, бояр и всего клира. Обед заканчивался «произнесением тостов», которые в те времена назывались задравными чашами, сопровождаемыми песнопениями и специально составленными молитвословиями. Последовательность задравных чаш сложилась в самостоятельное действо, называемое «Чинном за приливом о здравии царя»⁶⁰². Чин этот расписывался по нотам на украшенных свитках. Поднятие чаш также строго определялось: во славу Христа Бога, Пресвятой Девы Матери, во славу святого, царя и митрополита; были чаши о здравии царицы и царских детей.

В требниках XVII в. для задравных чаш существовал и другой чин — над Богородичным хлебом, как тогда называли большую Богородичную просфору. Эту просфору в особом сосуде («панагиар», или «панагия») несли перед патриархом во время шествия к праздничному столу, Святейший читал над ней молитву, а после обеда частицы раздавал гостям. Затем следовало пение тропаря Богородице; царь собственноручно поднимал чашу, слава Богородицу, передавал кубок патриарху и другим гостям.

Россию называют Уделом Богоматери, на рубеже Российской империи издавна стоят Успенские монастыри — Почаевской лавры и Псково-Печерского монастыря с его главной святыней, чудотворной иконой Успения Пресвятой Богородицы. Псково-Печерский монастырь находился на самой границе с Ливонией и имел важное политическое значение. В 1521 г. псковские купцы Василий и Феодор пожертвовали в монастырь заказанную ими икону Успения, прославившуюся позже многими чудесами и названную Печерской. Эта икона спасла Псков во время осады поляками. Несколько раз святой образ уберегал и саму обитель от вражеских нашествий шведов и литовцев, в Отечественную войну 1812 г., в период двух разрушительных войн XX в.

Ежегодно 15/28 августа отмечается главный праздник Псково-Печерской обители — Успение. Тысячи паломников приезжают сюда в этот день. Местные жители заранее готовятся

---

⁶⁰²Там же. С. 217.

к торжеству: на всем пути предстоящего монастырского следования иконы Успения дорогу выкладывают из скошенной травы и живых цветочных узоров на ней. После цветы разбираются паломниками как святыньки на память, для лечения телесных и духовных недугов. Накануне праздника после малой вечерни икону на специальных носилках ставят перед храмом. Праздничное богослужение начинается под открытым небом, поскольку небольшой Успенский храм ископан в горе и только северная его сторона, сложенная из камня, обращена к монастырю, как бы образуя иконостас под небесным сводом. Большие праздники в Православной Церкви традиционно сопровождаются крестными ходами. После литии древнюю икону, украшенную гирляндами цветов, торжественно крестным ходом по «цветочной» дороге переносят на паперть Михайловского собора, где заполночь заканчивается всенощное бдение с пением акафиста. В день праздника многотысячный крестный ход с иконой обходит монастырь. По ходу движения, достигая уровня расположения Печерских пещер, служитя лития в память погребенных там насельников. По окончании крестного хода у Святых ворот монастыря происходит молебен перед чудотворным образом, а после его окончания в образ Святого Духа из-за иконы выпускают белых голубей. Икона занимает свое место в Успенском храме. Празднество завешается по древней иерусалимской традиции чином Погребения Богоматери.

Интересна недавно возобновленная традиция другого крестного хода, который начинается накануне Успения и заканчивается в день праздника в монастыре. Верующие из разных уголков России собираются в д. Камно Псковской обл. и в течение двух дней с ночевкой в Изборске идут в Псково-Печерский монастырь. В пути совершаются молебны у церквей и часовен, а также просто на остановках в целях отдыха. Как обычно, в таких ходах практически у всех на груди небольшие иконки праздника или другие с изображением Спасителя, Богоматери и особенно чтимых псковских и изборских святых — преподобных Онуфрия Мальского, Серапиона Изборского, святителя Никандра Пустынника. Народу собирается не особенно много — 50—60 человек, участвуют дети и даже инвалиды в колясках; идут умеренным, но бодрым шагом с молитвами и песнопениями. Для многих участие в таком ходе — духовная

надежда во искупление грехов. К середине дня крестный ход под звон колоколов входит в монастырь, где его участников, благословляя, приветствует сам настоятель архимандрит Тихон (Секретарев)⁶⁰³.

Творческое отношение к церковным службам было характерно для многих православных священников, несших свою горячую молитву к Божью Престолу. В Покровском храме с. Маккавеева (пос. Сынтул) Рязанской епархии прот. Анатолием Сергеевичем Правдолюбовым до 80-х годов XX в. продолжалась традиция успенских молебнов с проповедями, которую начал святитель и священномученик Иувеналий (Масловский), а затем продолжил священномученик Анатолий, служивший в Касимове⁶⁰⁴. По этой местной традиции во все вечера Успенского поста (кроме канунов воскресенья, Преображения и Успения) проходил Успенский молебен с пением параклисиса⁶⁰⁵ и чтением акафиста. После Евангелия читали поучение (их было 9—10, по числу молебнов), в которых излагалась жизнь Богородицы на основе книги Авдотьи Глинки, супруги известного в свое время поэта пушкинской поры Федора Глинки. Источником для книги послужили истории, выбранные из славянских Четьи-Миней. Подобные дополнения к службам вносили особое ощущение сопричастности к переживаемым событиям. Посредством проповедей и чтения объяснялось, что исключительная кончина Богоматери показала, что Она не была изъята из закона смерти, но подобно Сыну восторжествовала над ней. И Успение, и Воскресение Божьей Матери произошло сокровенно и, возможно, поэтому долгое время не было предметом особого церковного чина.

В 1846 г., святитель Филарет Московский благословил установить праздник Воскресения и Вознесения Божьей Матери на третий день после Успения в Успенском Гефсиманском скиту недалеко от Свято-Троицкой Сергиевой лавры. В этот день в скит и в Иверско-Выксунскую обитель, основанную прп. Варнавой Гефсиманским, где также отмечали Вознесение Божьей

---

⁶⁰³Полевые материалы автора (далее — ПМА). Экспедиция в Псковскую обл. 2005 г.

⁶⁰⁴*Правдолюбов А., прот., Жизнь Пресвятой Богородицы. Проповеди на Успенских молебнах 1970 года. М., 2005.*

⁶⁰⁵Параклис (греч. «утешение») — молебный канон, посвященный Богородице, который поется и читается верующими в случае душевной скорби.

Матери, стекалось множество богомольцев, а в новой Гефсимании служил сам первосвященник.

Крестный ход для православного человека — не просто церковное установление, а мистическое действо, славящее прежде всего Спасителя, Богородицу и святых, пребывающих постоянно рядом. Вспоминая детские годы, проведенные в Орле, псковский старец, архимандрит Иоанн (Крестьянкин, ум. 2006г.) особо отмечал большой городской крестный ход в праздник Успения. «Начинался этот крестный ход с самой отдаленной церкви города колокольным звоном. Одинокой отдаленно звучал ее колокол, извещающий город, что крестный ход пошел. К первой церкви присоединялись вторая, третья... Крестный ход ширился, рос, пока не превращался в мощный поток единого православного торжества, над которым плыл колокольный звон орловских церквей. ...На всю жизнь полюбил отец Иоанн эти яркие впечатления детства: молитвенное единодушие, когда Господь, Матерь Божья и святые идут по Русской земле своими пречистыми стопами, освящая ее. Когда русский народ Божий идет вслед святых, вдохновляясь силой их святости и примером служения Богу и людям. Когда Церковь свидетельствует миру, что жив Господь и жива душа народная верой, надеждой и любовью к Богу, проходя время земного искуса, живя Богом, живя для Бога и во славу Божию»⁶⁰⁶.

В Псково-Печерском монастыре была не одна прославленная икона Успения Богородицы. Самую древнюю не сохранившуюся святыню, по преданию, принес основатель обители преподобный Иона, который ископал в песчаном холме у ручья Каменца церковь, освященную в 1473г. в честь Успения и ставшей основанием Псково-Печерского монастыря. Известно, что день освящения ознаменовался чудесами исцелений. По этому поводу в первой Псковской летописи от 1519г. было свидетельство, что когда после многих бедствий стали восстанавливать монастырь, «Пречистая Царица, честное и славное Ея Успение, нача милость Свою являти православным крестьянам, приходящим к Ей с верою и чистым сердцем; и начаша много множество людей приходити на честный Ея праздник, а Пречистая нача Свою милостию многонедужные исцеляти»⁶⁰⁷.

⁶⁰⁶ Смирнова Т.С. Память сердца, 2006. С. 36—37.

⁶⁰⁷ Летопись Псково-Печерского монастыря, или исторические сказания Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых. М., 1993.

Около левого клироса монастырского Михайло-Архангельского собора находится другая икона — «Успения в житии», написанная также в 1521г., ее список, сделанный в 1586г., получил название «новое» Успение. Поскольку научных исследований не проводилось, можно предположить, что эта икона и есть древний образ обители⁶⁰⁸. Обе иконы прославились чудотворениями, но главной святыней в наше время считается житийная икона, находящаяся в Успенском храме.

За всю историю Печерского монастыря «сотворилось» множество чудес. Особенно прославились чудотворные иконы «Умиление» и «Успение Божией Матери» спасением Пскова и Печерской обители во время осады 1581г. польским королем Стефаном Баторием. При приближении врага ко Пскову архиепископ вызвал игумена из Печерского монастыря с чудотворными иконами. Еще до начала осады и во время приступа защитники неоднократно с крестным ходом отправились на стены города. Пока шел бой, продолжались и молебны перед иконой Успения Божьей Матери до окончательной победы псковичей. Но враг не успокоился и, желая ободрить своих наемников, вознамерился взять Псково-Печерский монастырь. Однако и здесь атаки были отбиты: в пролом стены монахи с молитвой вынесли чудотворную икону Успения. Вскоре приступ был отбит.

В ознаменование победы царь Иван Грозный «обложил икону золотом, а изображения Спасителя и Божьей Матери украсил жемчугом с камнями и золотой цепью», киот для нее устроил из серебра⁶⁰⁹. Монахи же монастыря в воспоминание избавления от Батория дали обет ежегодно в седьмую неделю после Пасхи ходить с иконой во Псков.

Псковские земли не давали покоя соседям, и при каждом удобном случае они вновь собирали войска для захватов. Один из эпизодов, связанный с чудесной помощью посредством иконы Успения, произошел в Смутные времена 1611г., Печерский монастырь вел почти непрерывную оборону против войск польских, литовских и шведских захватчиков, каждый раз выходя победителем из этих сражений. В период обороны от

---

⁶⁰⁸Толстой М. Святыни и древности Пскова. М., 1861. С. 113; Рыбакова С. Чудеса и судьбы икон Божией Матери в XX веке. М., 2008. С. 102.

⁶⁰⁹Толстой М. Указ соч. С. 113.

войск Яна Ходкевича полякам удалось вторгнуться в пределы обители. Поражение, казалось, было неминуемо. По свидетельству «Повести о Печерском монастыре», братья, защитники и бывшие в осаде люди стали молиться перед «чудотворной иконой Успения Богоматери, припадая и вопия со слезами...» «(И) тогда увидели иноверные поляки и немцы выходящих из пещерной церкви Пречистой Богородицы со святыми чудотворными иконами Пречистой и всех святых — большое священное ополчение со свечами и лампадами, совершающее молебное пение. И (еще) увидели эти бесстыдные поляки и немцы Жену пречудную и с Нею двух величественных мужей; и от этого дивного видения охватил их страх и ужас великий, и пришли они в смятение, и побежали они из града никем не гонимые»⁶¹⁰.

Однако после недолгого перерыва, пополнив силы, неприятель вернулся вновь уже с двенадцатью стенобитными пушками. Осада продолжалась более месяца с неоднократными штурмами и подкопами стен, но на вражеском пути всегда появлялся огромный камень. Последний приступ был принят в субботу перед Пятидесятницей. Враг пробил стены и, чтобы осажденные не успели их заделать, бой велся из «огненных» пушек с целью поджечь монастырь. На защиту с оружием встали все: и иноки, и мирские, жены и дети, прося помощи у Бога. «Тогда же иноверные видели на стене града Жену благообразную, машущую на них червлёным прапором (стягом), и ходящего с нею старца, прекрасного в своей святости, с оружием — сгоняющего их с монастырской стены»⁶¹¹. Осада длилась пять с половиной недель, враги семь раз ходили на приступ, но прорваться так и не смогли. Присланные на помощь подкрепления из Пскова и Изборска помогли окончательно разбить противника.

Церковный обиход с праздничными службами, крестными ходами, молебнами, акафистами и сопутствующими обрядами всегда оставался единым целым с повседневной жизнью крестьян. Воскресные дни и двунадесятые праздники за редким исключением традиционно почитались в русской деревне в дореволюционное время и после, только уже тайно. Нельзя сказать, что повсеместно в народной традиции праздник Успения выде-

---

⁶¹⁰Цит. по: Рыбакова С. Указ соч. С. 106.

⁶¹¹Там же.

лялся как-то особо. Но почитание Богоматери, Ее икон и связанных с Ее именем праздников всегда благочестиво отмечалось.

О том, какое значение придавали рязанцы самому празднику и духовной важности Успенского поста, говорит рассказ наместника Иоанно-Богословского монастыря архимандрита Авеля (ум. 2006). Еще в начале 30-х годов прошлого столетия сохранялся благочестивый обычай: из Рязани и близлежащих сел православный народ считал своим долгом идти пешком 25 км в монастырь. В городе были свои посещаемые храмы. Но с наступлением Успенского поста непременно шли в Иоанно-Богословскую обитель, жили там три дня: исповедовались, причащались в Успенском храме и, взяв лопоть монастырского хлеба, возвращались домой⁶¹².

Этнографы зафиксировали разнообразные народные названия праздника: Успенье, Успление, Успенщина; Большая, иначе Первая Пречистая, Госпожинки или несколько вариантов этого наименования — оспожинки, спожинки (от слова «спожать, спожинать»), дожинки, обжинки, т.е. время окончания жатвы⁶¹³. Слово «спожинки» превратилось в «госпожинки» по звучанию со словом «госпоженка», как иногда называли Богоматерь. Если Бог — Господь, т.е. господин, то Богоматерь — госпожа. В летописях праздник именовался как Госпожин день.

В повседневности крестьян русской деревни Успенский пост часто служил ориентиром в жизненных событиях. Так, корреспондент Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева писал, что во Владимирской губ. детей кормят грудью от Успенского поста до следующего (если ребенок родился после Успенского поста, то кормили почти до двух лет)⁶¹⁴.

Народное воображение творчески совместило особенности времени года с подготовкой к Успенскому посту, назвав беспокорные ночи середины августа Ярославской обл. с громами и зарницами — рябиновым заговеньем⁶¹⁵.

---

⁶¹² ПМА. Экспедиция в Рязанскую обл. 1999 г.

⁶¹³ См.: *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. 1880. С. 91; Русские. М., 1997. С. 643.

⁶¹⁴ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / На примере Владимирской губернии / Авт.-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. С. 265.

⁶¹⁵ *Тулъцева Л.А.* Календарные праздники и обряды (по материалам XIX—XX вв.) // Русские: народная культура (история и современность). Т. 4. Общественный быт. Праздничная культура. М., 2000. С. 200.

Отчет времени народного календаря традиционно совмещался с православными праздниками. Сплав церковного и народного запечатлелся в поэтике русской народной культуры. Известно было, «что август крушит, да после круглит», поэтому торопились вовремя подготовиться к следующему году. Старинная поговорка «С Успения солнце засыпается» имела не только астрономический характер, когда светило изменяло свое положение по отношению к горизонту, но было важным временем окончания уборки урожая и начала посевной озимых, которую старались завершить, как говорили, к Пречистой, т. е. к Успению Пресвятой Богородицы.

Накопленные веками знания, опыт, ритмы крестьянской жизни закреплялись в точных определениях, выраженных в художественной форме. В народе знали, что «озимь сей за три дня до Успенья, и три после Успенья: до Покрова дня взорать, до Ильи заборонить, до Спаса посеять». Если же работа спорится, то «До Успенья пахать — лишнюю копну нажать»⁶¹⁶.

В некоторых деревнях Рязанской обл. слово «успение» ассоциируется с понятием «успеть», т. е. убрать с поля и огорода, когда все уже «попело».

В 1930-е годы крестьяне во многих районах Центральной России по-прежнему пользовались традиционными ориентирами в сроках сбора урожая. В д. Кононово северного Белозерья вспоминали: «В августе мисяце перед Пречистой, дак бабье лето... Вот август-то. Тогда ить раньше выжинали. К сентябрю не оставят жнитву. Дак што бы на Фролов день, штобы било все очышшоно. И, вишь, Пречистая есте, штобы: Пречистая все оцистила! — вот. Все штобы поля оцистила. Ак до Прецистой уш все выжнут, только буде картошка у коо ишшо не выкопана»⁶¹⁷.

В русской традиционной культуре все значительные праздники завершаются застольем. Однако каждый из них имеет региональные особенности. Описывая народную культуру Рязанского края, Л.А. Тульцева обратила внимание на то что на Успение из крупы «новильного» урожая обязательно варили кашу, пекли пышки, пироги. Очень вкусными казались блины, сделанные из первого, еще «не обдирного проса» с остатками шелухи.

---

⁶¹⁶ Попова О.Н. Именинный календарь. М., 1996. С. 70.

⁶¹⁷ Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н. Духовная культура северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 119.

В строгий Успенский пост не полагается употреблять мяса, возможно, поэтому особенно приятно было разговестись куриным мясом. В Спасском и Шиловском районах, по наблюдению конца 90-х годов XX в., этот обычай старожилы называли «куриным праздником», поскольку варили куриные щи и лапшу⁶¹⁸. После Успения, когда собран урожай, повсеместно начиналось время хороводов и свадеб. К Михайлову дню (21 ноября) в большом селе их могло насчитываться до нескольких десятков.

Поскольку в дореволюционной России церковные праздники составляли неотъемлемую часть жизни — всякое нарушение традиции вызывало негативную реакцию. Однако ослабление веры в начале XX в. вело к нарушению привычного ритма сельского быта и последующему изменению всего крестьянского устройства, особенно в духовной сфере. В Мещовском у. Калужской губ. в праздничные дни по возможности не работали, бывали даже случаи, что за работу в праздник деревенский самосуд принуждал виновника к штрафу, например, четверть или полведра водки «миру». К началу XX в. такие штрафы уже не практиковались, но, вспоминая прежние времена, рассказывали, что нередко у тех, кто не хотел платить деньгами штраф «по совести», насильно брали телегу, колеса и т. п., вещи закладывались, деньги пропивались, а виновный в нарушении праздника волей-неволей был вынужден выручать свое имущество.

Корреспондент Этнографического бюро отмечал, что в 1897 г. в горячее время в д. Ямненцы после обедни разрешалось работать, и на «Успеньев день» крестьяне возили снопы. Деревенский моралист Евментий Васильев назвал своих соседей «бусурманами», выругался обстоятельно, даже плюнул, говоря: «И не придет на них прорва! Эндакий праздник — чисто нехристи поехали. От Бога и в сарае не схоронить»⁶¹⁹.

Немногочисленные обычаи и поверья, связанные с праздником Успения, существуют и поныне. Для страждущего мира, который видит в Божьей Матери свою утешительницу, «успение» — не исход. «Не в гробу хочет видеть народ свою Мать и Царицу, но и не на небесном, далеком престоле. Ее земное

---

⁶¹⁸Тулъцева Л.А. Рязанский месяцеслов // Рязанский этнографический вестник. №30. Рязань. 2001. С. 235.

⁶¹⁹Архив Российского Этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 547. Л. 1—50.

пребывание указано в утешительных словах Спасителя на кресте. Богоматерь живет в своей иконе», — писал Г.П. Федотов⁶²⁰.

Благочестие народа к празднику выражалось и в почитании икон с изображением Успения Божьей Матери, среди которых были (и есть) чудотворные. В основе иконографических сюжетов Успения лежат апокрифические сказания, большой пласт гимнографических произведений торжественных слов Отцов Церкви, в первую очередь «Слова на Успение» Иоанна Богослова и Иоанна Солунского. Самые ранние изображения Успения относятся к IX в. и имеют уже сложившиеся в византийской художественной практике живописные черты. В центре иконы — одр с лежащей на нем Богоматерью, по сторонам лежа над апостолами и плачущими женами нередко изображались святители — авторы апокрифов, которых, согласно приписываемому Дионисию Ареопагиту тексту, церковная традиция считает очевидцем события⁶²¹. В центре иконы за одром Богоматери — Спаситель со спеленутой в руках маленькой фигуркой, символизирующей непорочную душу Богородицы. Фигура Спасителя окружена миндалевидной мандорлой, вокруг которой изображены ангелы. На заднем плане — палаты.

Существуют разные изводы икон праздника, которые отличаются количеством деталей. В наиболее полных по содержанию иконах в верхней части располагают апостолов на облаках, переносимых ангелами или указывающих путь к одру Богоматери. Иногда перед одром помещают горящую свечу или небольшие фигуры Афонии и ангела, отсекающего ему руки.

Кроме упомянутых прославились еще несколько икон Успения Божьей Матери, среди них: две иконы из Московского Успенского собора — одна, написанная на гробовой доске св. митрополита Алексия, другая по преданию написана основателем собора — св. митрополитом Петром; Андриановская, Флорищевская, Овиновская — главная святыня Галича, которая со времени своего обретения в 1425 г. еще три раза в разные исторические времена пропадала, а потом являлась; икона Успения Пюхтицкая также прославилась своими чудотворени-

---

⁶²⁰ Федотов Г.П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 53.

⁶²¹ Очевидцами события считаются также Иаков Иерусалимский, Тимофей Эфесский, Иерофей Афинский. До XIV в. изображались двое или трое из них, после — все четверо с Дионисием Ареопагитом.

ями. Обретенный более 300 лет назад на эстонских землях образ стал причиной основания Успенского женского монастыря. Многие из чудесных исцелений по молитвам верующих были записаны в церковной летописи обители. С почитанием икон Успения связаны и многие народные обычаи.

Так, настоятель Никольского храма в Изборске рассказывал о благочестивой традиции приносить домой цветы от вечерней службы на погребение плащаницы в праздник Успения. Цветы, которые ее украшали, сохраняют для последнего часа, чтобы близкие положили их в гроб или наполнили ими «смертную» подушечку. Считается, что таким образом Господь простит многие грехи. По народному поверью, сбор таких цветов связан с преданием о кончине Богоматери, когда к Ней явился архангел Гавриил с вестью о близкой кончине. Для удостоверения в истине этого извещения он дал ей райскую ветвь от финикового дерева. Цветы же от плащаницы символизируют ту ветвь и должны напоминать о смертном часе⁶²².

В некоторых деревнях долгое время сохранились древние, казалось, совсем забытые обычаи. В 2000 г. в д. Большое Никулино Рязанской обл. рассказывали об омовении иконы. В этой деревне помнили, что на праздник Успения сходил народ со всей округи, в часовне служили молебен, после которого крестный ход шел к озеру и в его водах омывали почитаемую икону Успения Божьей Матери⁶²³.

Русское религиозное сознание традиционно воспринимало Успенский праздник как Богородичную Пасху, в которой Успение Божией Матери, Ее воскресение таинственно соединяются с Воскресением Христовым. Предстоя в церкви перед плащаницей Богоматери, русский народ духовно постигал главный смысл христианства — тайну спасения. «Как Бог пришел к нам через Приснодеву Марию, так и мы, каждый человек, можем прийти к Богу через Нее»⁶²⁴. Помимо эсхатологических надежд на обретение вечной жизни за гробом праздник Успения Пресвятой Богородицы порождал особый покаянный настрой души русского человека — состояние молитвенного плача, как бы совершающегося пред ликом Самой Царицы Небесной.

---

⁶²² ПМА. Экспедиция в Псковскую обл., 2005 г.

⁶²³ ПМА. Экспедиция в Рязанскую обл., 2000 г.

⁶²⁴ Шаргунов А., прот. Указ соч. С. 301.

Из столетия в столетие русский народ в праздник Успения литургически повторял апостольское стояние у одра усопшей Богоматери. И это древнейшее сокровенное почитание Божией Матери не только духовно поддерживало и утешало, но реально и благодатно преображало соборную душу православных.

Юренко А.И.
Праздники в современном
православном приходе
(на примере Рождества и Нового года)

О том, что представляет собой православный приход, пишут многие священники, а также ученые. Исследования быта белого приходского духовенства стали появляться еще в дореволюционное время. Этому посвящена, например, замечательная монография П.В. Знаменского «Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра».

К этой теме обращаются и современные авторы. Изучением православного прихода занимался С.В. Кузнецов. Исследователь характеризовал его как связанный со всеми областями жизнедеятельности русского народа социо-культурный микромир, имеющий важное значение для воплощения религиозно-нравственных норм среди верующих мирян. Отдельные аспекты из жизни церковных приходов затрагиваются в исследованиях его коллег — М.М. Громыко, К.В. Цеханской, О.В. Кириченко, Т.А. Листовой, Х.В. Поплавской, А.В. Буганова. Комплексному исследованию приходов и монастырей Русского Севера посвящены работы А.В. Камкина.

В настоящее время изданы многие мемуары, написанные как самими священниками, так и их матушками и детьми. Некоторые из них писались еще до революции, другие — уже в постсоветский период. Совершенно новый и очень ценный источник — это Живые журналы, которые ведут некоторые священники в Интернете. Ряд из них уже опубликован. В последние

несколько лет периодически издаются сборники художественных рассказов и очерков, написанные священниками на основе многолетних наблюдений церковно-приходской жизни. Наиболее известные из них и любимые православными читателями — сборники священников Ярослава Шипова и Николая Агафонова. Появляются в печати и этнографические исследования православных приходов.

Прекрасным источником о современной приходской жизни, в том числе о различных праздничных приходских традициях, являются приходские Интернет-сайты. На таких сайтах можно увидеть не только сухую хронику приходских событий, но и встретить живые, яркие рассказы участников приходского праздника, нередко иллюстрированные интересными фотографиями.

В качестве источника следует отметить приходскую доску объявлений и приходскую стенгазету. На доске объявлений обычно помещают информацию о предстоящих приходских событиях. Это может быть, например, объявление о времени и месте проведения пасхального концерта, о сборе пожертвований к такому-то празднику для тюрьмы, детского дома и т.д. Стенгазета обычно представляет собой большой ватман с фотографиями и рисунками, а также, обычно, кратким текстом-отчетом о прошедших в приходе событиях: паломнической поездке, престольном празднике, посещении архиерея и т.д.

Современный православный приход — явление сложное и многогранное, во многом отличное от того, что он представлял собой в дореволюционный период и в советскую эпоху. Начиная с празднования тысячелетия Крещения Руси по всей территории бывшего СССР зарегистрировано множество православных приходов. В некоторых из них под руководством священника складывается большая, социально активная община, другие приходы имеют общины, но не имеют постоянного пастырского окормления, случается и так, что священник на приходе есть, а община в силу различных причин не собирается.

В новом Уставе Русской Православной Церкви, принятом на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в 2000г. при формулировке определения «приход» употреблено понятие «община» «Ст. XI. 1. Приходом является община православных христиан, состоящая из клира и мирян, объединенных при храме».

По мнению многих священников, настоящая приходская жизнь развивается только органически, изнутри, от храма, от Престола, от Евхаристии.

Священник Александр Шантаев в этнографическом очерке современного сельского прихода характеризует его как живой организм. Вот цитата из его очерков: «Церковный приход по своей оси представляет участие верных в совершении главнейшего Таинства — Евхаристии, а всеми прочими сторонами и гранями распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры»⁶²⁵.

Священник московского храма иконы Божьей Матери «Живоносный Источник» в Царицыно о. Алексей Потокин определяет так приход: «Современный приход в большом городе очень многомерный. Есть постоянные прихожане, многие из которых не только участвуют в таинствах, но также соборно несут возложенные на храм послушания... (Окормление больниц, домов престарелых, посещение болящих и стариков на дому невозможно без помощи прихожан). Есть люди, которые приходят раз в год — чаще на Пасху, на первой неделе Великого поста или на Рождество. Поэтому в такие великие праздники и во время поста на службе гораздо больше народу, чем в обычный воскресный день. А немало и таких, кто уже внутренне признал Христа, иногда посещает богослужения, но еще не осознал необходимость таинств»⁶²⁶.

Церковные таинства, богослужения глубоко объединяют прихожан. Некоторые дни церковного календаря можно выделить особо. Так, в Прощеное воскресенье все просят прощения друг у друга. На Пасху порой христосуются друг с другом даже те, кто мало знакомы или вообще незнакомы между собой. На Рождество во многих приходах всем детям дарят подарки. В большинстве приходов, где есть община, сложился целый комплекс внебогослужебных праздничных традиций.

О русских народных зимних праздниках писали как фольклористы, так и этнографы. Одна из самых известных работ в этой области — труд Л.Н. Виноградова «Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян». Календарным празд-

---

⁶²⁵ Шантаев А., иерей. Священник. Колдуньи. Смерть: Этнографические очерки сельского прихода. М., 2004. С. 11.

⁶²⁶ Человеку, нашедшему Бога, нужны другие люди // Интернет-версия журнала «Нескучный сад»: <http://www.nsad.ru>

никам посвящен ряд работ сотрудников ИЭА РАН — Л.А. Тульцевой, Н.С. Полищук, А.В. Фроловой. Существует несколько исследований по истории рождественского вертепа в России, первые публикации вышли в свет еще до революции. Интересный материал по этой теме содержится в работе А. Некрыловой «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XIX века»⁶²⁷. Народной драме в русской святочной обрядности посвящен очерк Н.Н. Велецкой⁶²⁸.

А.Н. Розов в книге «Священник в духовной жизни русской деревни» посвятил отдельную главу рождественским и пасхальным христославениям⁶²⁹.

Собирать и публиковать тексты колядок, виноградий, описания святочных гаданий, народных святочных увеселений и т.д. начали еще в XIX в., и сбор этнографического материала по этой теме продолжается. Так, Российской Академией музыки им. Гнесиных выпущен «Смоленский музыкально-этнографический сборник», один из разделов которого посвящен святочному периоду. Он содержит основанное на рассказах самих носителей традиционной культуры этнографическое описание обрядов, а также нотации и тексты песен⁶³⁰.

Новогодне-рождественский период привлекает к себе исследователей как наиболее богатый разнообразными праздничными традициями, имеющими различное происхождение.

В настоящее время приходский рождественский праздник обычно называют рождественской елкой.

Елки как рождественское украшение дома, появились в России под влиянием немецкой культурной традиции. Начали елку наряжать в семье императора Николая I, его супруга — императрица Александра Федоровна, «вспоминала родную Пруссию, где ёлочки с горящими свечками украшали все ее детство. И вот в канун Рождества Христова на столах в Зимнем

---

⁶²⁷ Некрылова А. «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XIX века». СПб., 2004.

⁶²⁸ Велецкая Н.Н. Народная драма в русской святочной обрядности // Очерки русской народной культуры. М., 2009.

⁶²⁹ Розов А.Н. Рождественское и пасхальное христославение как виды праздничных обходов домов // Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. С. 118—191.

⁶³⁰ Смоленский музыкально-этнографический сборник. Календарные обряды и песни. Т. I. М., 2003.

дворце появились пучки еловых веток»⁶³¹. Сначала елку начали наряжать в столичных домах, позже — в усадьбах. Немалую роль сыграли в этом сказки Т. Гофмана «Щелкунчик» и «Повелитель блох», Г.Х. Андерсена «Елка», «Девочка с серными спичками». Свидетельства о том, что уже в 40-х годах XIX в. елку можно было встретить не только у живших в России немцев, но и в русских дворянских домах, можно найти в литературе того периода. В 1840-х годах о ней могли писать ещё с долей иронии, как, например, И.И. Панаев: «В Петербурге все помешаны на елках. Начиная от бедной комнаты чиновника до великолепного салона, везде в Петербурге горят, блестя, светятся и мерцают ёлки в рождественские вечера. Без елки теперь существовать нельзя. Что за праздник, коли не было ёлки?...»⁶³² В отечественных литературных произведениях начинают появляться упоминания о рождественской елке. Рассказ Ф.М. Достоевского «Елка и свадьба» был опубликован в сентябрьском номере «Отечественных записок» за 1848 г. Об украшении рождественской елки можно найти строки в рассказе А.П. Чехова «Мальчики». «Первые стеклянные и картонные елочные украшения стали выпускать в России уже в середине XIX в., под Клином, в имении Александра Меншикова»⁶³³. Есть воспоминания о рождественской елке у И. Шмелева в романе «Лето Господне».

В периодической печати стали публиковаться многочисленные рассказы, сказки и очерки, приуроченные к Рождеству.

Первая публичная елка была устроена в 1852 г. в петербургском Екатерингофском вокзале, после этого постепенно складывается традиция проводить елки в дворянских, офицерских собраниях, в клубах и т.д. Однако Святейший Синод не благословлял проведение елок в учебных заведениях.

Постепенно устройство елки стало приобретать русский колорит, начали складываться традиции ее проведения, созвучные русской городской праздничной культуре. Еще до революции вырабатываются образы, ставших новогодними персонажами: Деда Мороза, Снегурочки, Метелицы.

---

⁶³¹Татьяна Стефаненко, Александра Зайцева. Дом, где живут елочные игрушки // academ.info (<http://academ.info/news/10144>).

⁶³²Цит. по: Дерягина Зинаида. Елка как символ перемен в России // Фонд «Возвращение». <http://vozvr.ru>

⁶³³Там же.

Если мещанам устройство рождественской елки могло показаться заманчивым, то в рождественско-святочные праздничные традиции русской деревни это не вписалось. Однако, некоторые помещики проводили елки для крестьянских детей.

Была воспринята традиция устраивать рождественскую елку и в семьях православного духовенства. Приведем отрывок из воспоминаний сына священника женского Свято-Никольского монастыря г. Переславля-Залесского⁶³⁴, в будущем также священника, Владимира Елховского (1896—1977): «На Рождестве Преображенские (семья смотрителя городского духовного училища. — А.Ю.) были на елке у нас, а мы ездили на елку к ним, так как у них было человек пять детей, все в детском возрасте. На елке у них я получил в подарок железную мельницу с вращающимися крыльями» (1906 г., автор воспоминаний на тот момент еще ученик духовного училища)⁶³⁵. «В Рождественский сочельник, как всегда, ходили к „Царским часам“, говели до звезды. Вечером все были у всенощной, которую на большие праздники всегда служил весь причт. Храм был полон... На Рождестве были елки у нас, Охотиных, Ждановых. Как и ранее, мы всюду бывали, и у нас все бывали. Когда елки погасли, начинались танцы. Елка отодвигалась в угол, зал освобождался от лишней мебели, и я уже наравне с другими танцевал» (1910 г., Владимир Елховский — студент первого курса Владимирской семинарии)⁶³⁶.

С началом Первой мировой войны традиция ставить рождественскую елку начала встречать нападки, так как в обществе она еще достаточно четко ассоциировалась с немецкой праздничной культурой. После революции не только проведение елок, но и простое украшение елки дома оказалось под запретом. Для представителей советской власти елка в первую очередь ассоциировалась с Рождеством.

Вместе с тем были дома, преимущественно православной интеллигенции и духовенства, где к 7 января ставили елку и устраивали детский праздник: ребята пели тропарь праздника,

---

⁶³⁴Евгений Андреевич Елховский (1869—1937) прославлен в лике новомучеников и исповедников российских.

⁶³⁵Страницы истории России в летописи одного рода. (Автобиографические записки четырех поколений русских священников 1814—1937). М., 2004. С. 401.

⁶³⁶Там же. С. 451.

читали стихи, посвященные Рождеству, исполняли как народные, так и авторские песни. В своих воспоминаниях Наталья Николаевна Соколова (урожд. Пестова) пишет: «В нашу квартирку набивалось человек до тридцати. Елочку нам неизменно привозила в Сочельник Ольга Серафимовна — сестра закрытой в те годы Марфо-Мариинской обители. Рискуя своей свободой, она собственноручно срубала елочку в лесу, убирала ее в наш огромный чемодан, везла поездом, тащила по улицам. До 36-го года елки были запрещены как „буржуазный предрассудок“. Однако Ольга Серафимовна считала своим долгом доставить нам, детям, это рождественское удовольствие... Ежегодно под рождественской елочкой слышались стихи религиозного содержания»⁶³⁷. Чтение детьми стихов посвященных Рождеству — традиция, сложившаяся в дореволюционный период в среде верующей интеллигенции и духовенства, она бережно сохранялась также в эмигрантской среде.

28 декабря 1935 года в г. «Правда» появилась статья «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!» Автором ее был секретарь ЦК ВКП(б) П.П. Постышев (один из организаторов голодомора). Статья содержала призывы: «Комсомольцы, пионер-работники должны под новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, в дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская елка. Не должно быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне нового года елку для своих ребятишек»⁶³⁸. В это время в Советском Союзе проводилась политика замены традиционных праздников новыми, культмассовые работники активно разрабатывали для них обряды.

Елка вошла в жизнь советских людей как необходимый атрибут Нового года. Но в некоторых церковных семьях елку дома ставили только к Рождеству. Обратимся снова к воспоминаниям Н.Н. Соколовой, приведем отрывок, относящийся уже к 1950-м годам. «В школах уже все отпраздновали новогоднюю елку, но дома я елочку долго не ставила. Я говорила детям: „Сейчас последняя неделя Рождественского поста. Наш христианский

---

⁶³⁷ Соколова Н.Н. Под Покровом Всевышнего. М., 1999. С. 12—13, 273—279.

⁶³⁸ Цит. по: Гумеров Иов, иеромонах. Сайт «Православие.RU» <http://www.pravoslavie.ru/answers/6878.htm>

праздник еще не наступил. Будем же послушны уставам Православной Церкви, веселиться и праздновать Рождество будем 7-го января. Накануне Сочельника и мы поставим елочку в доме. У нас запахнет смолою, хвоей, украсим деревце, почувствуем Праздник. А пока — гуляйте, клейте игрушки, цепи, флажки, украшайте дом и с нетерпением ждите Праздник“»,⁶³⁹.

И сейчас есть православные семьи, где елка ставится только к Рождеству, но так как елочные базары закрываются уже к новогоднему вечеру, то живую елку в таком случае достать непросто. Иногда заранее купленную елку хранят на балконе, кто-то забирает брошенные на улице, никому не нужные елки после Нового года, кто-то просто ставит к сроку искусственную елку. Однако большинство православных семей ставят елочку все же перед наступлением Нового года.

В воспоминаниях Н.Н. Соколовой, относящихся к 50-м годам XX в., говорится, что после Нового года они с мужем-священником собирали в лесу срубленные, но отнятые у людей лесником елки. Приносили их к храму и украшали ими Иордань, однако при этом нет упоминаний об украшении ими самого храма.

В храм елка попала поздно, уже после Великой Отечественной войны. Известно, что уже в 1960-е годы елка устраивалась в Московской Духовной академии⁶⁴⁰. Выпускники Московской семинарии и академии, разъезжаясь по приходам, разносили эту традицию по всей стране⁶⁴¹. За несколько десятилетий елка в церковно-приходской среде стала восприниматься как необходимый атрибут в украшении храма к Рождеству. Так, на сайте храма Успения Пресвятой Богородицы во Владивостоке в статье о празднике Пятидесятницы есть такие примечательные слова: «Праздник Троицы без березы — то же самое, что Рождество без елки»⁶⁴².

В настоящее время и приходские, и монастырские храмы повсеместно украшаются елками; в некоторых районах, например, на Кубани, вместо елки может быть поставлена в храме сосна. Елки чаще появляются в храме в сочельник, но есть

---

⁶³⁹Соколова Н.Н. Указ. соч.. С. 273—279.

⁶⁴⁰Монахи — свет мирянам. Альбом фотографий схииерхимандрита Иоанна (Маслова). Сайт «Глинские чтения», <http://www.glinskie.ru>

⁶⁴¹ПМА. Москва, 2010.

⁶⁴²Сайт храма Успения Божьей Матери. <http://www.vladhram-uspenie.ru>

примеры, когда елочку устанавливают еще к Новому году. Чаще это несколько небольших елочек, но может быть и одна — высокая и пушистая. В некоторых приходах сложилась традиция украшать стоящую в храме елку (или елки). Для этого используют стеклянные шары, игрушки, мишуру, часто на нее вешают электрическую гирлянду. Украшать елки могут не только в приходских, но и в монастырских храмах⁶⁴³.

После календарных изменений, происшедших в России в ходе революционных преобразований, Новый год оказался не после, а перед Рождеством. Следуя традиции освящать молитвой гражданское новолетие Русская Православная Церковь стала служить молебен 1 января уже по новому стилю.

Традиция служить молебен на новолетие в гражданский Новый год ведет свое начало с самого установления отмечать его 1 января при Петре I. Приведем отрывок из воспоминаний семинариста В.Е. Елховского, (описание относится к 1911г.): «Встречать Новый год я ходил в городской собор, в котором ровно в 12 часов ночи служился новогодний молебен. До половины двенадцатого народ гулял по улице около собора, а затем постепенно наполнял собор. На этот молебен ежегодно стекалось так много людей, что в соборе, как говорится, было негде яблоку упасть. Пел всегда полный хор соборных певчих под управлением талантливого и любящего церковное пение регента Аркадия Аркадьевича Козлова... Перед 12 часами пять огромных паникадил, сделанных в греческом стиле, загорались яркими огнями больших восковых свечей. Отверзались Царские врата, и под звон гулкового соборного колокола настоятель собора отец Алексей Дилигенский со священниками отцом Василием Виноградовым и отцом Владимиром Побединским в сопровождении двух диаконов выходили на середину храма. Торжественные мелодии концерта Бортянского „Тебе Бога хвалим“ заполняли все своды храма, и все молящиеся, как один, осеняли себя крестным знамением. При таком многолюдстве в соборе в 9 часов утра совершалась поздняя Литургия»⁶⁴⁴.

В настоящее время практически во всех храмах 1 января или вечером 31 декабря совершается молебен на новолетие. Совершение молебна на новолетие в эти дни — традиционный

---

⁶⁴³ ПМА. Псковская обл., 2007; Москва, Московская обл. 1996—2011; Екатеринбург, 2009; Краснодарский край, 2010—2011.

⁶⁴⁴ Страницы истории России в летописи одного рода... С. 451—452.

шаг Церкви навстречу гражданскому обществу, что, собственно говоря, имело место и при календарной реформе Петра I. Молебен на новолетие совершает в этот день и Святейший Патриарх. Так, вечером 31 декабря 2010 г. в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил молебное пение на новолетие, Его Святейшеству сослужил сонм иерархов и духовенства. Перед началом молебна Его Святейшество обратился к собравшимся с проповедью, начинавшийся со следующих слов: «Остается несколько часов до завершения 2010 года, и мы вступим в новое лето благодати Божией. По обычаю, установленному Церковью, мы совершаем особое молебное пение. Мы благодарим Господа за лето минувшее и простираем к Нему свою молитву о предстоящем нам жизненном поприще». Многие из верующих москвичей старшего поколения помнят новогодние молебны, совершаемые вечером 31 декабря в Богоявленском патриаршем соборе покойным святейшим патриархом Пименом, многие, в том числе молодежь, с любовью вспоминают молебны, совершавшиеся в этот день Святейшим Патриархом Алексием II.

При этом Церковь знает и другой — непосредственно церковный новый год — начала нового церковного индикта, и начинается он, как и в прошлые века, 1 сентября по ст. ст. Встречается, но не так часто, когда некоторые из православных, как священников, так и мирян — отказываются совсем признавать за Новым годом статус праздника, считая для себя его совершенно рядовым днем и только досадуя на излишний шум в эту ночь. Случается также, что ритм служб Рождественского поста в сознании людей церковных как бы отодвигает гражданский Новый год на задний план.

Приведем воспоминание о посещении в этот день храма одного жителя Смоленска: «Как-то Новый год приходился с субботы на воскресенье. Я решил тогда в воскресенье на раннюю сходить. Иду и думаю: «вот я какой молодец! Все гуляют или, вернее, отдыхают от этого, а я герой». Захожу в храм, смотрю, а народу не мало. Очень я удивился этому. Но больше меня удивило, когда я заметил знакомую старушку. Я с ней поздоровался, говорю: „Здрасьте, с праздником!“ А она мне: „С каким?“ „С Новым годом“ — говорю: я ей. „Вот те раз, а я и забыла!“»⁶⁴⁵

---

⁶⁴⁵ Форум портала «Предание. Ру.» <http://www.predanie.ru/forum>

Во многих приходах и монастырях за последние несколько лет сложились свои традиции встречи гражданского Нового года.

Обычно утром 1 января служится литургия. На ней бывает много молящихся. Многие причащаются.

Не может не вызывать исследовательский интерес новое явление в церковной жизни, получающее с каждым годом все большее распространение, — совершение ночной новогодней литургии. Эта традиция берет свое начало в середине 1990-х годов. Тогда, такие службы стали проходить без какого-то распоряжения от вышестоящего церковного начальства, а как инициатива снизу — от отдельного прихода или монастыря. При чем служить начали как в обычных, ни чем не выделяющихся от прочих, приходах, так и в очень строгих монастырях. И с того времени уже больше 15 лет с каждым годом множится число монастырей и храмов, служащих в новый год ночную литургию. На сайте миссионерского отдела Ижевской и Удмурдской епархии по этому поводу говорится, что «богослужение в новогоднюю ночь позволяет, с одной стороны, отметить праздник, а с другой — начать год с молитвы»⁶⁴⁶. Ночную новогоднюю литургию в наступающий 2011г. в ряде епархий Русской Православной Церкви возглавили правящие архиереи⁶⁴⁷. Ночные службы прошли в ряде столичных храмов, монастырей, монастырских подворий, в храмах Петербурга, Тулы, Твери, Казани, Саратова, а также в ряде самых отдаленных городов и сел по всей территории России. Получила в последние годы распространение традиция совершать ночную литургию в Новый год и на Украине.

Вероятно, первая ночная новогодняя литургия была отслужена в 1995г. в Москве в Сретенском монастыре, тогда еще только открытом и имеющем статус подворья Псково-Печерского монастыря. Приведем слова наместника монастыря архимандрита Тихона (Шевкунован): «Для нецерковных и малоцерковных семей Новый год — может быть, единственный семейный праздник, оставшийся сегодня в России, когда семья собирается вместе и действительно может ощутить себя

---

⁶⁴⁶Сайт Миссионерского отдела Ижевской и Удмуртской епархии. <http://www.missia-udm.ru>

⁶⁴⁷Православие.Ru.

семьей. Таких событий очень немного в жизни современного человека, и разорвать это нельзя. Но можно постепенно попытаться это воцерковить.

Все чаще на эту литургию приходят невоцерковленные родные и близкие наших прихожан. Всякий раз эта ночная служба производит на них удивительно глубокое, сильное впечатление. Служим мы в эту ночь несколько быстрее обычного, чтобы люди успели на метро. Причащаем из четырех-пяти чаш. Литургия длится около полутора часов. Вся братия, да и большинство прихожан, обычно причащаются Святых Христовых Таин»⁶⁴⁸.

На ночную новогоднюю литургию там, где она совершается, обычно приходит много молящихся. Для кого-то — эта единственная возможность избежать участия в застолье собирающейся дома веселой компании с обязательными телевизором, громкой музыкой и т.д. и тем самым не нарушить молитвенного настроения Рождественского поста. Для кого-то — это желание прикоснуться к празднику, так как новогодняя ночь большинством с детства воспринимается как сказочная, таинственная, но с воцерковлением восприятие праздника оказывается неразрывно слито с богослужением, и праздник без него уже немислим.

Протоиерей Максим Козлов, настоятель храма святой мученицы Татианы МГУ пишет: «Здесь мы сталкиваемся уже не с уставной, а с практической ситуацией в жизни многих и многих православных людей. С одной стороны, Новый год — выделенный день календаря. Праздник или не праздник, но что-то особенное, какие-то ожидания в душе от этой ночи есть. Чем страдать от худшего — все равно под петарды не уснешь — лучше избрать лучшее, собраться всем на Божественной литургии, встретить бой часов звоном колоколов и возгласом „Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа“»⁶⁴⁹.

После ночной литургии может быть устроена праздничная, но при этом постная трапеза (так как Новый год выпадает на Рождественский пост). Например, трапезой заканчивается богослужение в Иверском храме г. Бобруйска, в храме великомученицы Параскевы Пятницы в г. Казани. После ночной новогодней литургии в екатеринбургском храме Спаса-на-Крови священник

---

⁶⁴⁸ *Сопова Александра*. Новогодняя Литургия: зачем и для кого? Интернет-издание «Татьянин день». 31 декабря 2010. <http://www.taday.ru>

⁶⁴⁹ Там же.

всех молящихся приглашает за трапезу. Столы стараниями прихожан накрыты по-праздничному, стоят постные салаты, постные дорогие шоколадные конфеты, шампанское, чай. Батюшка, поднимая бокал с шампанским, произносит поздравление, которое по своему содержанию близко к проповеди, посвященной ценности дарованного Богом времени⁶⁵⁰. Подобным образом отмечался Новый год в приходе храма великомученика Георгия Победоносца в Ленинском р-не Московской обл.⁶⁵¹ Отмечают так Новый год и в некоторых монастырях, а также в семинариях. На столе в эту ночь, если 1 января не выпадает на среду или пятницу, могут быть морепродукты и рыба, употребление которой на протяжении этого поста разрешено по праздникам.

По мнению иеромонаха Филиппа (Рябых), «такие совместные ночные застолья, в которых принимает участие вся семья после общей молитвы на Литургии в новогоднюю ночь, могли бы стать для верующих людей „малым заговением“ перед последующими самыми строгими днями Рождественского поста, со 2 по 6 января»⁶⁵².

Иногда, после ночной литургии совершается крестный ход. Так, в Петербурге в 2010г. в храме во имя Всех святых в земле Санкт-Петербургской и Ладожской просиявших после окончания литургии, в третьем часу ночи, состоялся крестный ход, который возглавил протоиерей Сергей Швед. «Прихожане обошли крестным ходом территорию своего и строящегося храма во имя Святых Царственных Страстотерпцев, призывая Божью благодать на всех жителей района Ульяновки и на успешное строительство нового храма». После литургии и крестного хода всех прихожан напоили горячим чаем⁶⁵³.

В 2006г. в Липецкой епархии состоялся двухдневный автобусный крестный ход. После ранней литургии в воскресенье, 1 января, был отслужен в Христорождественском соборе был молебен о путешествующих. Крестный ход возглавил иеромонах Герасим, в нем участвовало 45 паломников⁶⁵⁴.

---

⁶⁵⁰ ПМА, Екатеринбург, 2008.

⁶⁵¹ ПМА, Московская обл., 2008.

⁶⁵² *Иеромонах Филипп (Рябых)*. Новый год потихоньку становится квази-религиозным праздником // Православие. Ру. <http://www.pravoslavie.ru/news>

⁶⁵³ Православный. Ру. <http://www.pravoslavnyi.ru/index.htm>

⁶⁵⁴ Крестный ход по монастырям и храмам Липецкой области // Сайт <http://www.zadonsk>

Уже несколько лет многочисленные православные паломнические службы предлагают желающим 1—2 января совершить поездки в различные монастыри и храмы России.

В настоящее время в некоторых приходских храмах и монастырях служат молебен с акафистом святому мученику Вонифатию, чья память совершается в этот день. Ему молятся об избавлении от недуга пьянства, и прихожане 1 января имеют возможность сугубо помолиться за своих родственников и знакомых об исцелении от этого недуга. Так, в храме великомученицы Параскевы Пятницы в г. Казани после ночной литургии, которую совершают в приходе с 2000г., каждый раз служитя молебен св. мч. Вонифатию. Акафист св. Вонифатию, а также акафист «Слава Богу за все!» читают в новогоднюю ночь сестры Симанского Спасо-Казанского женского монастыря в г. Остров Псковской обл.

При храме святых мучеников Флора и Лавра с. Зелеево Кемеровской обл. с мая 2007г. действует мужской православный реабилитационный центр «Возвращение» для наркозависимых. Традиционно 31 декабря в храме служитя вечернее богослужение в честь мученика Вонифатия, а в новогоднюю полночь совершается литургия⁶⁵⁵.

Есть примеры, когда в новогоднюю ночь даются обеты трезвости. Так, в новогоднюю ночь в 2009г., после богослужения в храме в честь Всех святых екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря «прошел молебен на принятие обета трезвости. Обет приняли 35 человек. Все они дали торжественное обещание Богу перед святыми иконами: не пить, не курить, не сквернословить, жить нравственной жизнью. Участники церемонии молились и читали акафист святому Вонифатию»⁶⁵⁶. В Ново-Тихвинском монастыре подобные службы с принятием желающими обета трезвости в новогоднюю ночь проводятся уже несколько лет.

В станице Державная Свердловской обл. действует православный реабилитационный центр для тех, кто оказался в тяжелой жизненной ситуации, остался без постоянного места жительства. 1 января 2011г., в новогоднюю ночь казаки и все

---

⁶⁵⁵ Сайт храма святых мучеников Флора и Лавра с. Зелеево. <http://zeledevo.prihod.ru>

⁶⁵⁶ «Информационное агентство Екатеринбургской епархии» / Патриархия.ru.

желающие реабилитанты дали в храме обет трезвости. Обряд провел духовник станицы священник Владимир Первушин. Все принимающие его перед иконой «Державная» отрелись от недугов алкогольной, наркотической зависимости и прочих других тяжелых пороков⁶⁵⁷.

В той же Свердловской обл. в храме в честь иконы Пресвятой Богородицы «Касперовская» пос. Кольцово в 2010 г. в новогоднюю ночь после литургии желающие, вместе с настоятелем священником Андреем Николаевым приняли обет трезвости. Отец Андрей, сам не пьющий, принял обет, чтобы морально поддержать своих прихожан⁶⁵⁸.

Даются обеты трезвости в день памяти мч. Вонифатия 1 января и в г. Глазове, Удмуртия, где протоиереем Виктором Сергеевым при Преображенском храме создано Александро-Невское православное братство «Трезвение»⁶⁵⁹.

То, что обет трезвости дается в новогоднюю ночь связано не только с тем, что 1 января память св. мч. Вонифатия, в этом, безусловно, находит отражение отношение ко времени — начало нового года, как нового жизненного периода.

Другие дни, когда обычно даются такие обеты — дни памяти иконы Пресвятой Богородицы «Неупиваемая чаша» и дни памяти святого пророка и Предтечи Господня Иоанна, в день Усекновения главы которого в 1914 г. был установлен Всецерковный праздник трезвости⁶⁶⁰.

Уже в течение нескольких лет в день памяти мч. Вонифатия в Петербурге проходит крестный ход православных трезвенников. В нем участвуют несколько сот человек. Участники крестного хода собираются в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры к началу литургии, многие православные трезвенники приобщаются в этот день Святых Христовых Таин. По окончании литургии начинается крестный ход, возглавляемый священниками Санкт-Петербургской епархии. Участники его от Свято-Троицкого собора направляются к церкви святителя Николая Мирликийского на Никольском кладбище,

---

⁶⁵⁷ Сайт храма великомученика Пантелеимона.

⁶⁵⁸ Екатеринбургский епархиальный информационно-издательский центр, <http://orthodox.etel.ru>

⁶⁵⁹ Трезвая Удмуртия. <http://trezvenie-udm.info>

⁶⁶⁰ «Священное Писание постоянно напоминает о трезвости». Сайт «Трезвая Сибирь. Трезвый Красноярск».

обходят ее вокруг, а затем, пред входом в часовню, служится праздничный молебен. Затем крестный ход направляется к могиле священника Александра Васильевича Рождественского (1872—1905), где служится панихида⁶⁶¹.

В 1898 г. отец Александр организовал Александро-Невское общество трезвости в Санкт-Петербурге при Воскресенском храме у Варшавского вокзала, где он служил. К 1905 г. общество насчитывало уже более 70 тыс. человек. Участники общества давали обет трезвости. В 1914 г. оно стало именоваться Всероссийским Александро-Невским братством трезвости, имеющим свои филиалы по всей стране, а к 1917 г. состояло из более 140 тыс. человек⁶⁶².

1 января 2005 г. в день памяти мученика Вонифатия, в Улан-Удэ состоялся крестный ход с иконой Божьей Матери «Неупиваемая чаша». Его провело православное общество трезвения имени Иоанна Кронштадтского. Крестный ход начался после Божественной литургии в Свято-Троицком храме Улан-Удэ. Верующие молились за всех, кто не может отказаться от пагубной привычки пьянства⁶⁶³. Традиция проведения таких крестных ходов в Бурятии не прерывается уже семь лет. В 2011 г. «1-го января председатель епархиального Отдела по противодействию алкоголизму и наркомании, руководитель кяхтинской трезвеннической общины „Неупиваемая Чаша“ протоиерей Олег Матвеев возглавил молитвенное шествие в пограничном г. Кяхта. Несмотря на сильный мороз, в крестном ходе приняли участие около пятидесяти человек». В самой столице Бурятии такой крестный ход в 2011 г. прошел 2 января, в день памяти св. праведного Иоанна Кронштадтского, которого также почитают молитвенным помощником в борьбе с недугом пьянства⁶⁶⁴.

В монастырях к новогодней ночи могут быть приурочены иноческие и монашеские постриги. Так, несколько лет назад монашеский постриг перед ночной новогодней литургией

---

⁶⁶¹ Зимняя Пасха. // Православное информационное агентство Русская линия. <http://rusk.ru>. 06.01.09.

⁶⁶² «Священное Писание постоянно напоминает о трезвости». Сайт «Трезвая Сибирь. Трезвый Красноярск».

⁶⁶³ В Улан-Удэ 1 января состоялся крестный ход // Православное информационное агентство «Русская линия». <http://rusk.ru>. 4.01.05.

⁶⁶⁴ Православное братство «Трезвение» // Улан-Удэнская и Бурятская епархия. Официальный сайт. <http://www.uud-eparh.ru>

состоялся в мужском Сретенском монастыре в Москве. В подмосковном Свято-Екатерининском мужском монастыре стало традицией 31 декабря после всенощной совершать очередной постриг, после чего владыка Тихон возглавляет ночную Божественную литургию⁶⁶⁵.

В некоторых храмах в Новый год совершают молебен святому преподобному Илье Муромцу Печерскому, чья память так же приходится на 1 января. Например, ему служат молебен в храме вмч. Георгия Победоносца на Красной речке в г. Хабаровске.

Детский праздник в честь Ильи Муромца устраивается в московском храме Всех святых, что в Красном селе. В справочнике прихожанина «Московский месяцеслов» об этом говорится: «Православные малыши соревнуются в „забавах богатырских“, веселятся на свежем воздухе и вовсе не завидуют неверующим сверстникам, всю ночь сидевшим у телевизора или взрывававшим петарды»⁶⁶⁶.

Особым этот день является для жителей г. Муром, из города которого, с. Карачарова, был родом прославленный древнерусский богатырь. В день его памяти молебен ему служится во всех городских храмах и монастырях. 1 января тысячи паломников из разных областей России, в том числе военные и казаки, члены православных общественных движений, собираются на родину святого Ильи Муромца. После Божественной литургии в церкви святых мучеников Гурия, Самона и Авивы совершается крестный ход к Троицкому храму в с. Карачарово, а затем к часовне и источнику, местам, связанным с памятью святого воина и монаха.

С 2010 года особым этот день стал и для Забайкальского пос. Приаргунск, где летом был освящен храм в честь прп. Ильи Муромца⁶⁶⁷. Теперь Новый год для жителей поселка — храмовый праздник.

В некоторых приходах к Новому году и Рождеству обновляют стенд с фотографиями, отражающими события в жизни приходской общины за прошедший год.

---

⁶⁶⁵ Возрождение Свято-Екатерининского монастыря. <http://www.vidania.ru>

⁶⁶⁶ Справочник прихожанина «Московский месяцеслов». Интернет версия <http://www.rusiz.ru/journals>

⁶⁶⁷ Сайт Zabmedia.ru. <http://zabmedia.ru>

Есть приходы, где в преддверии Нового года выпускают настенные, перекидные, карманные календари, календари-домики с видовыми, архивными фотографиями храма, с фотографиями, отражающими жизнь прихода, наиболее яркие события за истекший год.

В некоторых приходах устраиваются в преддверии Рождества и Нового года рождественские ярмарки. Такая ярмарка проходит с 2006 г. в Свято-Ильинском храме г. Выборг. Многие из того, что выставляется на продажу, изготавливается прихожанами. Так, в столярной мастерской вытачиваются, а потом вручную расписываются деревянные елочные украшения⁶⁶⁸.

В московском храме святых бессребреников Космы и Дамиана на Маросейке ярмарка проводится 31 декабря после новогоднего молебна, который служится в 21.00, на ней проводится сбор средств на подарки к Рождеству воскресной школе, а после, в 22.30 начинается утренняя с полиелеем, в новогоднюю полночь — Божественная литургия.

Традиция проведения рождественских ярмарок на святках существовала до революции и нашла свое отражение в художественной литературе. Например, действие рассказа Н. Лескова «Неразменный рубль» происходит на рождественской ярмарке.

В настоящее время проводятся большие православные выставки-ярмарки. Обычно они устраиваются в преддверии церковных праздников. Обязательными участниками их бывают приходы и монастыри из различных епархий Русской Православной Церкви. Такие ярмарки дают дополнительный источник дохода храму. В подготовке к ним как правило, участвуют члены прихода. Приходские рождественские ярмарки проводятся в приходах Русской Православной Церкви За границей.

В преддверии Рождества в приходах и монастырях обычно проводится генеральная уборка храма и других помещений.

В воскресных школах дети репетируют рождественские спектакли или концерты, чаще же праздники называются Рождественской елкой. Проведение приходской елки в каждом храме имеет отличительные черты. Устраиваться она может как в сам день Рождества, так и в любой из дней святок. Нередко проводят несколько елок — для детей разных возрастных групп.

---

⁶⁶⁸Сайт Свято-Ильинского храма «На gore.ru». www.na-gore.ru

Специально для праздника в некоторых храмах взрослые прихожане и духовенство пишут сценарии, нередко за основу берутся литературные произведения духовно-нравственного содержания, сказки (обычно не народные, а детских писателей).

Традиция проведения елки в приходе — детского праздника или праздника для детей и взрослых — возникла в 1990-е годы и постепенно получила повсеместное распространение.

Наиболее древней и распространенной праздничной традицией Рождества и святок является пение христославильных текстов, которые традиционно называют колядками. Их поют в большинстве приходских Русской Православной Церкви, как на территории России, так и за ее пределами. Колядки поют члены причта и простые прихожане, монашествующие и миряне, дети и взрослые.

В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» отождествляет термины «славильщики» и «колядовщики». В настоящее время под словом „колядка“ в православной приходской и монастырской среде понимаются народные песнопения, посвященные событиям, связанным с Рождеством Христовым. Например, в Богогласнике «Созвучие времен» в разделе, посвященном новозаветным сюжетам, оговаривается, что в него не включены народные рождественские песнопения — колядки, так как их число настолько велико, что требует отдельного сборника⁶⁶⁹. Это же значение у слова «колядка» имеется и в польском языке — «Словарь польского языка» под редакцией В. Дорошевского дает следующее определение: «народная песня о рождении Иисуса Христа, обычно исполняемая в рождественский период»⁶⁷⁰.

Колядование — генетически связанный с древними языческими верованиями обрядовый обход домов. Но до революции активно проводилась (особенно на территории Украины) церковная политика замены древних, еще языческих по происхождению колядок, на тексты, посвященные Христову Рождеству. Церковь с начала христианизации Руси старалась наполнить древние, дохристианские обряды новым христианским

---

⁶⁶⁹Чернова Л., монахиня. Созвучие времен. Богогласник. Единецко-Бричанская епархия, 2004. С. 511.

⁶⁷⁰Бартминский Е. Апокрифические народные колядки // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 418.

содержанием, что, безусловно, служило делу Евангельской проповеди в народной среде.

Возникшая под церковным влиянием традиция рождественского обхода домов с пением посвященных Рождеству церковных гимнографических произведений чаще называлась славлением; репертуар, исполняемый помимо церковных гимнографических произведений — рацеями, славками, христославными песнями, раждейками. При обходе домов мирянами помимо церковных песнопений и посвященных Рождеству Христову духовных стихов, могли исполняться и настоящие колядки, виноградия⁶⁷¹.

В ряде приходов участники рождественских обходов приходили сначала к дому священника, где исполняли свой репертуар. Священник, — как пишет А.Н. Розов в своем исследовании, посвященном Рождественскому христославлению, — «мог вывести из числа колядников тех, кто плохо знал напевы и тексты, запретить петь одни коляды, а текст других исправить». Кроме того, священник им мог дать церковную кружку и колокольчик — «символы колядования в пользу церкви»⁶⁷².

Рождественские песни и стихи, получившие широкое распространение в России, изначально возникли под польским влиянием на Украине и в Белоруссии в первой половине XVIII в. Чуть позднее выпускники Киевской Духовной Академии, семинарий, украинские переселенцы, бродячие певцы — «калики перехожии» занесли этот репертуар в Россию.

Со второй половины XVIII века появляется «мода на подобины сочинения, которые передавались как изустно, так и переписывались, существуя в виде многочисленных рукописных сборников. Семинарский репертуар становится популярным сначала среди городского, а позднее сельского населения всех возрастов»⁶⁷³. Учащиеся духовных заведений были до революции одними из основных распространителей обычая славления в России. Многие информанты связывают появление в том или ином уезде традиции обхода домов с открытием в нем семинарии или духовного училища. В России среди семинаристов и учащихся духовных училищ из всех украинско-польских

---

⁶⁷¹ Там же. С. 154.

⁶⁷² Там же. С. 122.

⁶⁷³ Там же С. 121.

названий — канты, вирши, псалмы, рацеи — распространение получило лишь последнее. С конца XVIII — начала XIX в. рацеи из семинарской среды распространяются среди учащихся гимназий, светских училищ⁶⁷⁴.

На Всероссийском поместном соборе 1917 г. был организован отдел о богослужении, проповедничестве и храме, председателем которого был избран архиепископ Евлогий (Георгиевский). Повышенный интерес к тематике отдела проявился уже в многочисленности его состава: для работы в нем записалась почти треть членов собора — 171 человек, в том числе 33 архиерея. В ходе его работы был подготовлен ряд тезисов, один из которых касался духовных стихов: «Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужебных беседах по одобренным церковною властью сборникам признается полезным и желательным»⁶⁷⁵.

Архимандрит Павел (Груздев) вспоминал, что, будучи ребенком, любил колядовать на Рождество и святках. Детство он провел в женском Мологском монастыре, это были последние предреволюционные и первые революционные годы. «По монастырю ходили так — сначала к игуменье, потом к казначее, потом к благочинной и ко всем по порядку». За свое пение он получал от насельниц подарки⁶⁷⁶. С исполнением стихотворных текстов, посвященных Рождеству, связан ряд традиций, отличительной чертой которых является и то, что эти тексты чаще исполняют дети.

В советское время в семьях верующих тайно праздновали Пасху и Рождество. Несмотря на гонения и запреты, сохранялась, главным образом в сельской местности и в небольших провинциальных городах, традиция славления. Мария Сергеевна Трофимова, (1917 г.р., из мещан), вспоминая о детстве, которое прошло в г. Тихвине, писала: «В Рождественские дни мы ходили по домам друзей и знакомых, пели колядки, получали гостинцы»⁶⁷⁷. Ее сын, Александр Аршакович Трофимов (Аракелян) родившийся в конце войны, вспоминая детство, писал о

---

⁶⁷⁴ Там же. С. 138—140.

⁶⁷⁵ Балашов Н., протоиерей. Вопрос о богослужебном языке. // «Око церковное» — литургическая библиотека (editor@liturgica.ru).

⁶⁷⁶ Черных Н.Т. Последний старец. Ярославль, 2004. С. 18.

⁶⁷⁷ Трофимов А. Любовь воплощенная. Мария Сергеевна Трофимова. Жизнь. Время. Судьба (Портрет русской женщины). М., 2008. С. 41.

Рождестве: «Торжественно отмечали мы и Рождество Христово. В Рождественские дни к нам приходили дети, пели колядки, и мама угощала всех сладостями, дарила деньги» (эти воспоминания относятся к тому периоду, когда их семья жила в Слободзеи, Молдавия)⁶⁷⁸.

Прихожанин храма Покрова Пресвятой Богородицы в Истринском р-не Подмоскovie, чье детство прошло в с. Теплое Данковского р-на Липецкой обл. вспоминает, что в начале 1960-х годов, когда он был ребенком, то бегал на святках с ребятами по избам славить. Бабушки одаривали детей деньгами: если спеть только колядку, то дадут несколько копеек, если тропарь и кондак Рождества — то рубль или два⁶⁷⁹.

В течение всего советского периода, к примеру, сохранялся обычай славления в станицах и хуторах хоперского казачества. В Рождество дети от четырех-пяти лет до выпускников средней школы небольшими группами обходили сначала дома родственников и знакомых, а потом всех подряд. В советское время их поздравительный репертуар был ограничен несколькими стихами, тропарь, кондак, ирмос были известны лишь немногим детям. Так как канонические тексты песнопений передавались преимущественно устным путем, исполнители так же, как и в других областях России, сильно их искажали. За последние несколько лет у местных жителей определилось желание слышать полное традиционное поздравление с исполнением праздничных церковных песнопений. Обязательным элементом поздравления в конце XX в. снова становятся стихи, повествующие о событиях, связанных с Рождеством Христовым. «Наиболее популярны у бузулукских казаков тексты, распеваемые в других региональных традициях, как псалмы-колядки». Желание ребят расширить репертуар, рассказать что-то новое, приводит к тому, что «взрослые, у которых дети черпают всю информацию, восстанавливают в памяти все относительно подходящие по тематике тексты. Так, фрагмент духовного стиха „Хождение Богородицы“ стал исполняться в качестве текста славления»⁶⁸⁰.

На Кубани сохранялась в советский период и дожила до настоящего времени традиция навещать крестных в рождествен-

---

⁶⁷⁸ Там же. С. 245.

⁶⁷⁹ ПМА. Московская обл., 2002.

⁶⁸⁰ Гилярова Н.Н. Голоса Хопра. М., 2001. С. 49.

ский сочельник. Крестным обязательно приносят кутью, крестники поют им колядки, или, что встречается в настоящее время, читают стихи рождественской тематики⁶⁸¹.

С конца 1990-х годов стихи с рождественским сюжетом, колядки исполняются многими православными певческими коллективами, в том числе и монастырскими. В Колоцком Успенском женском монастыре (Московская обл.) в 2005 г. была записана аудиокассета «Щедрый вечер, добрый вечер», содержащая, как говорится в аннотации, русские и украинские колядки (представляющие собой христородавные тексты) в исполнении сестринского хора под управлением игумении Рахили (Райш).

Существует традиция пения духовных стихов и колядок непосредственно в храме, как в монастырском, так и в приходском. Колядки в рождественский период поют в ряде храмов по запричастном стихе. В Иоановском монастыре в Санкт-Петербурге существует традиция: после окончания утрени на Рождество Христово (ночной службы в монастыре в этот праздник нет) сестры, исполняют клиросное послушание, поют в храме колядки⁶⁸².

Существовала традиция «славления» в советское время в возрожденной Московской семинарии. Существует она и ныне. Например, учащиеся регентской школы при Троице-Сергиевой Лавре, ходят «славить» и к владыке Евгению — ректору академии и семинарии, и к наместнику лавры и к профессорам — везде их одаривают подарками. Ходят славить и учащиеся Калужской семинарии вместе с ученицами регентского училища⁶⁸³. На сайте Калужской епархии описывается рождественский праздник 2006 г.: «Колядование по традиции проходило 8 января. Христоравы (учащиеся воскресных школ, Православной гимназии, семинарии, женского епархиального училища и прихожане храмов) со звездой приходили в Епархиальное Управление, чтобы поздравить своего Архипастыря. Отраднo было видеть сияющие лица детей, которые с большой радостью славили Христа пением колядок, чтением стихов, игрой на гуслях. После посещения Владыки колядовщики понесли рождественскую радость по всему городу. Неся Вифлеемскую

---

⁶⁸¹ ПМА. Краснодарский край, 2009—2011.

⁶⁸² ПМА. Москва, 2006.

⁶⁸³ ПМА. Московская область, 2002—2011.

звезду, они шли по улицам города с пением рождественских песен. Каждый храм встречал христославов с нескрываемым восторгом, любовью и праздничным угощением. 9 января архиепископ Климент и епископ Георгий совершили Божественную литургию в Малоарославском Черноостровском монастыре. После богослужения с детьми приюта „Отрада“ был устроено чаепитие, на котором дети прославили Рождшегося Христа пением колядок»⁶⁸⁴.

Возрождается в некоторых приходах традиция Рождественского обхода домов.

В храме вмч. Георгия Победоносца Ленинского р-на Московской обл. настоятель с певчими в течение нескольких лет посещал на святки всех желающих. Для этого надо было договориться с батюшкой по телефону. После перевода священника в соседний населенный пункт, в храм прп. Иосифа Волоцкого, большая часть прихожан перешла за ним, а традиция святочного обхода домов стала поддерживаться уже в рамках нового прихода⁶⁸⁵.

В пос. Новогурский Тульской обл. дети из воскресной школы прихода святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии на Святках в 2011г. поздравляли с Рождеством Христовым местных жителей — приходили в дома бабушек, пели рождественские песни, читали стихи посвященные празднику. Когда дети пели тропарь Рождества Христова, некоторые бабушки плакали. Сами дети очень волновались перед входом в каждый новый дом, но везде встречали радушный прием. Детей обнимали, целовали, угощали, бабушки показывали им свои рукоделия, дарили подарки⁶⁸⁶.

Традиция рождественского обхода домов существует в приходе храма Рождества Христова с. Ямкино Ногинского р-на Московской обл. После праздничного богослужения ученики воскресной школы вместе с преподавателями отправляются с пением колядок по селу, поздравляя всех с Рождеством Христовым. Приходят к тем прихожанам, которые по состоянию здоровья не смогли быть в храме на службе, посещают пациентов сельской больницы⁶⁸⁷.

---

⁶⁸⁴ Интернет-сайт Калужской епархии. <http://www.kaluga-eparhia.ru>

⁶⁸⁵ ПМА. Московская обл. 2007—2011.

⁶⁸⁶ Сайт Новогуровского прихода. <http://gurovo.ru>

⁶⁸⁷ Сайт Богородского благочиния.

В центре организации и проведения приходского праздника в настоящее время обычно находится воскресная школа. Протоиерей Владимир Горюнов, делясь своим опытом по организации церковного прихода, замечает: «Приход — это семья. А практика показывает, что там, где дети, находятся и родители. Поэтому самые первые усилия, на мой взгляд, надо направлять на организацию нормальной работы воскресной школы. А дети приводят в храм родителей. Они понесут дальше нашу веру. Если сейчас не дать им знаний основ православной культуры и общения, мы рискуем увидеть в недалеком будущем еще более бездуховное общество»⁶⁸⁸.

В приходах, чаще в воскресной школе, в праздник обычно устраивают концерт. К Рождеству дети прихожан разучивают колядки, авторские стихи на Рождественскую тему, детские новогодние песни, многие из которых входили еще в новогодний репертуар советских школьников. Выступать могут также певчие, реже — священники, случается, приглашают семинаристов, детей из других приходов. Праздник может проходить прямо в храме, если нет другого помещения.

Приведем пример. 8 января 2006 г. в стенах храма Вознесения Господня Павло-Посадского благочиния прошел праздничный концерт, который еще задолго до Рождества готовили дети приходской воскресной школы. Вот как описала его одна из учениц воскресной школы, Мария Орлова: «Мы спели тропарь Рождеству Христову, рассказали рождественские стихи, показали сказку, спели песню о Рождестве и завершили представление тропарем. Всем очень понравилось, а мы остались довольны тем, что наше выступление удалось». Священник Марк Ермолаев, настоятель храма, организовал выступление хора выпускников московских духовной семинарии и академии Троице-Сергеевой лавры. Когда после концерта дети пили чай с батюшками, их ждал очередной сюрприз — к ним на праздник пришли с колядками прихожане храма Воскресения Христова в народных костюмах. Исполнив несколько колядок, они получили угощение и с песнями удалились»⁶⁸⁹.

---

⁶⁸⁸ Горюнов В., протоиерей. «Дети понесут нашу веру дальше...» // сайт газеты «Православная вера» (www.orthodoxy.eparhia-saratov.ru). 2005 г. Август. №17.

⁶⁸⁹ ПМА. Московская обл. 2006.

В воскресной школе при московском храме Покрова Пресвятой Богородицы На Яузе на Рождество Христово дети с помощью преподавателей делают постановки, а также разучивают духовные песнопения, стихи. Активно участвуют родители: мамы шьют костюмы и пекут пироги, папы помогают с изготовлением оформления⁶⁹⁰.

Приход храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках по сложившейся традиции проводит рождественскую елку совместно с приходом Большое Вознесение. Помещение предоставляет Геликон-опера. Так, на елке, проходившей в 2005 г., дети из храма Большого Вознесения пели колядки, потом младшие дети показывали спектакль «Синяя птица» по мотивам Метерлинка, старшие — драматический спектакль по рассказу О. Генри «Последний лист», а дети из прихода храма Успения Пресвятой Богородицы — музыкальный спектакль «Осы и пчелы» (о борьбе добра и зла). Все спектакли шли по 15—20 минут⁶⁹¹.

В течение столетий духовенство в России осуждало древнюю народную традицию ряженья, имевшую бытование в святочный период. Там, где она сохранилась, ее продолжают порицать, как имеющую явно языческую основу. Например, в одном из глухих сел Пермской обл. настоятель храма свидетельствует о том, что на святки народ как рядился раньше, так и сейчас рядится, сколько ни обличай⁶⁹². До революции те, кто рядился, часто осознавали, что это грех. Но с этим было связано еще одно суеверие — представление о том, что окунание на Иордани в Крещение смоев сотворенные за святки грехи. Эта традиция ярко описана у Шмелева в произведении «Лето Господне», во многом основанном на впечатлениях и воспоминаниях детства и посвященном жизни дореволюционной купеческой Москвы.

Традиция святочного ряженья претерпела значительные изменения в советский период. Она была оторвана от своих корней и включена как детская забава в сценарий новогодней елки. А в последние 20 лет, когда сложилась традиция проведения приходской рождественской елки, оказалась включенной в нее, как ее органическая часть. В настоящее время во

---

⁶⁹⁰ Ануфриева В. Светлый храм на Яузе // Первое сентября. 2000. №37. (<http://testan.narod.ru>).

⁶⁹¹ Беляева О., Виноградов Л. Приходские елки // Сайт Милосердие.Ru. <http://www.miloserdie.ru>

⁶⁹² ПМА. Пермская обл., 2004.

многих храмах в различных епархиях Русской Православной Церкви на рождественской елке имеет место ряжение детей различными животными и сказочными персонажи. Например, на приходской Рождественской елке в храме Спаса-на-крови в Екатеринбурге многие дети были в костюмах мишек, зайчиков, белочек⁶⁹³. На сайте прихода храма святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии пос. Новогуровский Тульской обл. можно увидеть фотографии с рождественской елки: на одной из них дети окружили большого симпатичного медведя. Под ней подпись: «Любимец детей — Мишка», а в самом рассказе о празднике — упоминание о том, что в костюме медведя был их прихожанин.

Детские костюмы и маски зверей или сказочных персонажей в настоящее время обычно не вызывают осуждения со стороны духовенства. Они оказались приняты в приходской среде. Также на детских приходских праздниках кто-то из взрослых может быть в полном закрытом костюме какого-либо сказочного героя. Если в древней традиции ряженья прослеживались языческие корни, и Церковь обличала эту народную забаву, так как сохранялась память о связи персонажей с магией плодородия, то в современной традиции проведения детского рождественского праздника подобной основы нет. Так, играющий с детьми Мишка связан уже не с архаическим образом медведя, а с рядом сказочных и мультипликационных персонажей, уже давно оторванных от народных корней.

Отдельно следует отметить участие в приходском празднике Деда Мороза. Случается, что переодевается Дедом Морозом кто-либо из членов причта, но чаще его костюм надевает кто-либо из прихожан. В качестве примера приведем слова матушки, жены дьякона одного из подмосковных храмов: «у нас дедом Морозом профессиональный актер был из наших прихожан — и совершенно бесплатно — во славу Божию»⁶⁹⁴.

А вот описание того, как проходила в 2011г. встреча Нового года на подмосковной даче Свято-Димитровского детского дома. На ночную литургию в домовом храме святых апостолов Петра и Павла собрались добровольцы службы «Милосердие», дети и воспитатели Свято-Димитриевского детского дома, кор-

---

⁶⁹³ПМА. Екатеринбург, 2008.

⁶⁹⁴ПМА. Московская обл., 2011.

респонденты сайта «Милосердие.Ру», сотрудники Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению. Среди присутствующих преобладала молодежь. После Литургии был организован праздничный стол (без шампанского), не обошлось без Деда Мороза и Снегурочки (оба — из добровольцев службы «Милосердие»), были всеобщее веселье, шутки, смешные конкурсы, катание на коньках до утра⁶⁹⁵.

Приведем рассказ, опубликованный на сайте храма с. Коткишево Нейского р-на Костромской епархии в рубрике «Жизнь прихода»: «8 января после Божественной литургии в Никольском храме в помещении приходской Воскресной школы состоялся детский Рождественский праздник. На него пришли дети и их родители из с. Коткишево, окрестных сел и деревень и из районного центра г. Неи. Зрители увидели спектакль по мотивам сказки „Морозко“, подготовленный нашей театральной студией „Мы — маленькие свечи!“. После спектакля Дед Мороз раздал более 100 вкусных Рождественских подарков»⁶⁹⁶.

Подарки детям на Рождество — традиция, пришедшая с до-революционного времени. В церковных семьях сохраняли ее и в советский период.

Сейчас в качестве подарка детям в приходе обычно дарят набор конфет. Однако есть и исключительные примеры. Так, в московском университетском храме святой мученицы Татианы на Рождество по благословению настоятеля протоиерея Максима Козлова решили сделать детям необычный сюрприз: «Дед Мороз подарил ребятам большую красивую коробку. Когда они развязали бант, из коробки вылетело 50 живых тропических бабочек — больших и необыкновенно красивых. Были изумлены не только дети, но и их родители, а восторгу не было предела!»⁶⁹⁷

При создании советской праздничной, досуговой культуры для взрослых и детей отбирались некоторые элементы традиционной культуры, а что-то создавалась «лабораторным» путем. В приходскую жизнь проникают те или иные традиции, пропущенные через мощный фильтр советской эпохи или

---

⁶⁹⁵ Новый год по-православному. Сайт храма праведного Андрея Рублева в Раменках. <http://www.hramramenki.ru>

⁶⁹⁶ Сайт «Приход святителя Николая». <http://www.kotkischevo.ru>

⁶⁹⁷ Интернет-сайт «Православие и Мир». www.pravmir.ru

созданные в то время, но воспринимающиеся сейчас их носителями уже как народные. Причем при организации внебогослужебной части приходских праздников элементы праздничной культуры советского периода используются в значительно большем количестве приходов, много реже приходится наблюдать, как приходская община пытается восстановить традиции праздничной народной культуры в их дореволюционном виде.

Образ Деда Мороза, созданный трудами советских работников культуры, стал неотъемлемой частью новогодних праздников. Те, чье детство прошло в советское время, помнят это ожидание новогоднего чуда. Естественно, ожидание чуда должно быть связано с Рождеством, но оно было вычеркнуто из жизни советских детей. Многие из взрослых прихожан сохранили в душе, как одно из самых теплых детских воспоминаний, подарки под елкой от деда Мороза 1 января. И, естественно, этой радости не хотят лишать своих детей. И мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию, когда Дед Мороз на приходской елке дарит рождественские подарки. И это чрезвычайно распространено, причем, не только в России. Волна эмигрантов принесла эту традицию в храмы Русского Зарубежья.

Приход храма свщм. Киприана и мч. Иустинии во Франкфуртена-Майне был создан силами нескольких православных семей в 2002 г., первая литургия отслужена в 2003 г. На фотографиях с рождественской приходской елки мы можем видеть Деда Мороза⁶⁹⁸.

А вот описание праздника, прошедшего в православном приходе Введения во храм Пресвятой Богородицы в Париже. «10 января 2010 года после Божественной литургии в нашей церкви состоялся праздник для прихожан всех возрастов — Рождественская Елка. По нашей традиции мы делим его на две части: первая, повествующая о Рождестве Христовом, представлена чтением стихов и исполнением музыкальных произведений, пением кантов и колядок, и вторая — встреча Деда Мороза со Снегурочкой, танцы, игры у елки, загадки и забавные сценки. Нам кажется важным и необходимым напомнить о

---

⁶⁹⁸ Сайт прихода свщм. Киприана и мч. Иустины, Франкфурт-на-Майне. Германия. www.frankfurt.orthodoxy.ru

наших русских корнях, поэтому мы стараемся петь русские народные песни, танцевать традиционные танцы»⁶⁹⁹.

В рамках рождественской елки может быть устроен показ вертепного действия. Например, устраивают и спектакль, и вертеп на детской елке в храме Михаила Архангела в г. Жуковском Московской обл.⁷⁰⁰, иногда для показа вертепа приглашают профессиональный творческий коллектив, такая традиция сложилась в московском храме Косьмы и Дамиана на Маросейке.

Часто под устройством рождественского вертепа в современной приходской традиции понимают устройство ледяной или снежной пещеры во дворе храма, а также положенную на аналой и специально украшенную еловыми ветками, цветками, колосками икону Рождества Христова в самом храме. Два типа вертепа — уличный и внутрихрамовый — имеют повсеместное распространение. Уличный вертеп может представлять собой пещеру различных размеров, иногда — это снежный домик, достаточно просторный для того, чтобы в него вошел не только ребенок, но и взрослый. Внутри находится икона Рождества, украшенная еловыми ветками, может даже быть маленький подсвечник, около иконы могут находиться вылепленные из снега или вырезанные из картона или дерева и раскрашенные фигуры ангелов, волхвов, пастухов, овец, коровы, ослика. Вместо иконы могут разместить вырезанные фигуры Богомладенца, Пресвятой Богородицы, святого праведного Иосифа Обручника. Пещерка может быть совсем маленькой, представлять собой некий ледяной навес, также выложенный еловыми ветками, на которых находится или икона Рождества Христова, или соответствующая фигурная композиция. Иногда фигуры лепят из снега или вырезают изо льда.

В качестве примера приведем рассказ о подготовке к празднованию Рождества Христова прихожанки храма села Поводнево, расположенного недалеко от г. Мышкин Ярославской обл.

«...Незадолго до Рождества в дверь настоятеля храма ночью постучали.

---

⁶⁹⁹Сайт церкви Введение во храм Пресвятой Богородицы при Русском Студенческом Христианском Движении. <http://www.eglise-de-la-presentation.net/index.html>

⁷⁰⁰Беляева О., Виноградов Л. Приходские елки. // Сайт Милосердие.Ru. <http://www.miloserdie.ru>

— Отец Николай, вставай! Оттепель!

Этот нелепый довод произвел магическое действие — все обитатели дома высыпали на улицу. Кто-то катал снежные шары, кто-то с помощью двухручной пилы придавал этим шарам кубическую форму, кто-то натирал грани получившихся кубов мокрой тряпкой. Настоятель лепил снежные фигуры... После нескольких часов работы участники этого странного мероприятия, все насквозь мокрые, запросились домой.

— Может, завтра закончим?

...Но прихожанка, первая заметившая оттепель, решительно ткнула пальцем в небо, где вокруг лунного диска все заметней становился радужный ореол — признак близкого похолодания. Пришлось продолжать работу...

И действительно, утром, когда ледяную пещеру-вертеп окружили вылепленные из снега Ангелы и пастушки с овечками, а череда елочек в сверкающих вазах-кубиках потянулась к входу в храм, ударил мороз»⁷⁰¹.

Выставка ледяных фигур на святках проводится уже несколько лет в Екатеринбурге у храма Спаса-на-крови.

Вертеп внутри храма также может представлять собой большую многофигурную композицию. Над пещерой обычно закрепляют Вифлеемскую звезду. В нее может быть вставлена лампочка. Иногда можно видеть вместо вырезанных из различных материалов фигурок животных, испеченных из теста овечек. В храмах г. Крымска Краснодарского края верующие во время рождественской службы, прикладываясь к праздничной иконе, положенной внутрь художественно оформленного вертепа, на солому рядом с выпеченной фигуркой овечки клали жертвоприношения — деньги, конфеты.

Вертеп может быть устроен в здании воскресной школы. Например, в приходе во имя святой Ольги в Патрушах (Екатеринбургская епархия) рождественский вертеп устроили в классе воскресной школы. «Роли библейских животных исполнили мягкие и резиновые игрушки. В центр пещеры поместили объемную праздничную открытку»⁷⁰².

---

⁷⁰¹ Крылова Е. Записки празднующца // Сайт Ярославской епархии. <http://www.yareparhia.ru>

⁷⁰² Новости Екатеринбургской епархии // Интернет-СМИ «Православная газета» №3 (612) / 18 января '11. <http://orthodox-newspaper.ru>

В малых городах и селах около некоторых храмов к святкам строятся ледяные горки. Так, в подмосковном Ногинске для юных прихожан Богоявленского собора на святках организуется катание со снежных гор.

В большинстве приходо́в после праздничной рождественской службы устраивается трапеза или праздничное чаепитие. Трапеза чаще проводится для тех, кто трудится при храме, чаепитие и небольшое угощение — для всех пришедших на службу. При отсутствии специального помещения угощение может быть предложено или непосредственно в храме, или же на улице, что случается значительно реже.

В Свято-Введенском женском монастыре г. Иваново существует интересная традиция, сложившаяся еще до преобразования общины в монастырь: в день Рождества после представления для детей в монастырской трапезной бывает сестринская елка. «Сестры молятся, а потом по очереди срезают открыточки с духовными поучениями, кому какое попадет, и читают их вслух. Например, такое: „Авва Пимен говорит: «Сделал доброе дело, если после него не было искушения, Богом не принято»“. Это духовное наставление для сестер на весь следующий год. Каждой сестре Господь посылает то, что ей полезно. Как-то был такой случай: из 150 открыток было только одно поучение про сребролюбие и досталось оно казначее»⁷⁰³. Архимандрит Амвросий (Юрасов) вспоминает, что когда он служил еще на приходе, то точно так же на елке развешивали поучения, высказывания святых отцов и срезали — кому что достанется⁷⁰⁴.

В некоторых приходах возрождается память о том, что до революции на Рождество Христово служился благодарственный молебен об «Избавлении Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык». В этот день — 25 декабря 1812 г. (по новому стилю — 7 января 1813 г.) — император Александр I издал указ об изгнании Наполеона из России. Текст молитв молебна написал святитель Филарет Московский.

Так, в воинском храме Александра Невского во Пскове протоиерей Олег Тэор уже на протяжении многих лет в Рождество Христово после поздней литургии служит благодарственный

---

⁷⁰³Диаконисса. Сайт Свято-Введенского женского монастыря в г. Иваново. <http://www.diaconissa.ru>

⁷⁰⁴Там же.

молебен в честь победы в Отечественной войне 1812г. После молебна провозглашается многолетие здравствующим, а императору Александру I поется «вечная память»⁷⁰⁵.

С 2006г. в Москве в храме Христа Спасителя, построенном в память о победе над Наполеоном и поэтому имеющем главный престол, посвященный Рождеству Христову, 7 января также служитя благодарственный молебен.

В 2010г. заместитель главы отдела внешних церковных связей Московского патриархата, иеромонах Филипп (Рябых) отслужил этот молебен в храме Иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость» на Большой Ордынке. При этом, он выразил пожелание, чтобы этот день стал государственным праздником, а также напомнил, что близится юбилей великой победы русского народа.

В Казанском Кафедральном соборе Санкт-Петербурга уже несколько лет так служитя благодарственный молебен в память изгнания из России войск Наполеона и победы в Отечественной войне 1812г. В этот день совершается также заупокойная лития у гробницы М.И. Кутузова, хотя обычно, по уставу в дни двенадцатых праздников панихида и заупокойная лития не совершаются. Могила фельдмаршала находится в северном приделе храма. В память о великом полководце здесь всегда горит лампада.

Текст благодарственной молитвы, написанной святителем Филаретом (Дроздовым) был напечатан на сайте станицы Борисоглебской, считающейся казачей (хоперское казачество)⁷⁰⁶.

С каждым годом развиваются и упрочиваются традиции приходской благотворительности. Социальное служение приходов весьма различно. Но общим является то, что приходская деятельность обычно приурочена к Пасхе и Рождеству. В одних храмах к этим дням собирают посылки в тюрьмы, в других — готовят подарки для детских домов, интернатов, домов престарелых. В некоторых храмах прихожане на святки посещают заведения социального призрения с рождественским концертом, проводят своими силами елку в детском доме. На сайте храма святого Саввы Сербского в Екатеринбурге дается следующее

---

⁷⁰⁵ Возрождение православных традиций // Интернет-версия газеты «Красная звезда».

⁷⁰⁶ Официальный сайт Второго Хоперского округа ВКО «Всевеликое войско Донское «Станица Борисоглебская» <http://2ho.info>

объяснение: «В первые дни праздника по традиции принято посещать знакомых, близких, друзей, дарить подарки — в воспоминание о дарах, принесенных Богомладенцу волхвами, в эти дни посещают больных, нуждающихся людей, детские дома, приюты, больницы, тюрьмы». Приход помогает детскому приюту «Отрада». Еще постом прихожане начинают собирать деньги, вещи, игрушки, сладости для приютских детей. Пишут сценарий праздника, проводят репетиции. Дети в приюте, в свою очередь, готовятся встретить гостей, учат рождественские стихотворения⁷⁰⁷.

Священники и приходские творческие коллективы храмов Богородского благочиния на святках посещают школы и детские сады, интернаты, больницы, военнослужащих подшефных частей, заключенных, инвалидов. Проводятся небольшие концерты, устраиваются беседы о празднике, раздаются подарки⁷⁰⁸. Например, дети из воскресной школы храма Вознесения Господня Павло-Посадского благочиния Московской епархии на святках выступают в детском саду «Малыш» и в школе-интернате⁷⁰⁹.

Рождественские приходские праздничные традиции тесно связаны с миром детства и имеют определенный воспитательный характер. Во время рождественского приходского праздника появляется возможность привить детям навыки взаимопомощи, милосердия, сострадания.

Новым явлением стало то, что православные приходы, особенно в сельской местности и малых городах, проводят рождественскую елку для всех желающих в помещениях, предоставленных сельской (или городской) администрацией. Часто это зал Дома культуры или сельского клуба. Иногда рождественская елка устраивается объединенными усилиями местного прихода и детского хора, какой-либо студии и т.п.

Часто рождественская елка, различные благотворительные акции, рождественские ярмарки, народные гулянья — в малых городах и селах — общее дело православного прихода или монастыря и сельской или городской администрации. Праздник выходит за рамки церковных стен, и участие в нем принимают

---

⁷⁰⁷ Сайт Екатеринбургской епархии.

⁷⁰⁸ Сайт Богородского благочиния.

⁷⁰⁹ Сайт Павлово-Посадского благочиния.

все местные жители, вне зависимости от степени их воцерковленности. Например, зимой 2010 г. в пос. Новогуровский Тульской обл. из-за эпидемии гриппа были отменены детские новогодние елки. Директор местного Дома культуры договорилась с администрацией поселка о проведении рождественского праздника в приходе храма святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Нашлись благотворители, и детям из многодетных и социально незащищенных семей были вручены подарки. Причем вход на праздник был свободный для всех желающих. На приходском сайте о рождественском торжестве сказано следующее: «Детская театральная студия подготовила спектакль-сказку, дети прихожан выучили с клирошанами новые колядки и вспомнили уже знакомые. Дети из воскресной школы и студии, а также зрители — все были проникнуты радостью благодатного, светлого и святого Праздника! Рождество Твое, Христе Боже наш, славим!»⁷¹⁰.

Значимым событием для города и села являются крестные ходы, но проведение их на Рождество для русской православной традиции, в отличие, к примеру, от грузинской⁷¹¹, в целом не свойственно. Исключение составляют храмы, имеющие престол Рождества Христова. В таком случае после литургии обычно бывает крестный ход вокруг храма. Например, в с. Сылва Свердловской обл. в приходе однопрестольной церкви Сретения Господня сложилась особая традиция — крестный ход совершается здесь перед ночной рождественской службой, по аналогии с крестным ходом, предвещающим пасхальную заутреню. Приходит много сельчан, хотя не все остаются в храме до конца службы. Во время крестного хода местная молодежь запускает петарды, кто-то зажигает бенгальские огни⁷¹².

В некоторых городах уже несколько лет на Рождество проводится крестный ход, однако это скорее исключительное

---

⁷¹⁰ Сайт Новогуровского прихода. <http://gurovo.ru>

⁷¹¹ Крестный ход под названием «Алило», имеющий многовековую историю, проходит в Грузии днем 7 января. «Главными действующими лицами праздничного шествия «Алило» являются «несущие благую весть». Они песнопениями оповещают всех о рождении Христа. «Несущие благую весть» одеты в белые одежды с красными крестами и несут в руках флаги». «Одни из самых многочисленных участников „Алило“ в Грузии – дети» // «В Грузии прошел рождественский крестный ход» Интернет-журнал Сретенского монастыря. Православие.Ru. <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/8615.htm>

⁷¹² ПМА. Свердловская обл., с. Сылва, 2008.

явление. Так, городской рождественский крестный ход последние несколько лет устраивается в г. Петропавловске-Камчатском. Один из его участников вспоминал в 2009 г.: «За полчаса — час начинаем собираться у остановки „Мехзавод“ для участия в крестном ходе. В ожидании здороваемся, поздравляем друг друга с праздником Рождества, спрашиваем, кто в каком храме встречал праздник. Издалека было слышно, как подъезжала к месту сбора передвижная звонница — звонари, сменяя друг друга, старались на славу!

Построились колонной. Впереди священство и наши маленькие христославы с крестами и Вифлеемскими звёздами, хоругви и большая святыня — крест-мощевик, в котором частицы мощей более 70 святых, и, конечно, икона Рождества Христова. Под колокольный звон с пением Рождественского тропаря двинулись к центру города. Солнце только-только показалось из-за Никольской сопки... Каждое Рождество и каждую Пасху мы совершаем крестный ход, и это уже добрая благочестивая традиция... У всех здесь присутствующих сердце поёт: с рождеством Христовым! А от нашей радости, нашей молитвы, от нашего крестного хода благодать Божия распространяется по городу святых апостолов Петра и Павла и по всей Камчатке... Праздничный молебен окончился, а расходиться не хотелось. Горожане окружили владыку Игнатия и священников — разговаривали, брали благословение, прикладывались к святыням — кресту-мощевнику и иконе Рождества Христова... По окончании праздника передвижная звонница с колокольным звоном объехала город и порадовала всех радостным праздничным звоном, напоминая тем, кто остался дома: „Христос раждается, славите!“»⁷¹³.

В Севастополе во время рождественского крестного хода священники, горожане, казаки идут двумя колоннами от Покровского и Владимирского соборов, сливаясь на площади Лазарева в единую церемониальную процессию, которая около полудня прибывает на площадь Нахимова.

Особым было празднование 2000-летия Рождества Христова. В 1999—2000 гг. организовывались и проводились особые юбилейные крестные ходы, а в ряде храмов и монастырей освящались памятные кресты. Одни из крестных ходов имели

---

⁷¹³ *Ступина Тамара*. Сайт «Наша Камчатка» (<http://www.pravkamchatka.ru>).

всероссийский масштаб, другие — местный. Так, в г. Щелково 7 января 2000 г. после праздничной службы от Покровского храма отправился крестный ход к центру города. Одновременно туда же двинулся и крестный ход от Троицкого собора. На центральной площади состоялся праздничный соборный молебен в память 2000-летия Рождества Христова.

Случается, после торжественного ночного богослужения на Рождество возле храмов устраиваются фейерверки. Например, в 2005 г. в Архангельске после ночной службы у Свято-Ильинского кафедрального собора состоялся праздничный фейерверк. Он стал благотворительным подарком архангельской организации «Оружейная лавка» всем жителям города и прихожанам главного храма епархии. Эта организация традиционно украшает город в дни главных христианских праздников — Пасхи и Рождества Христова⁷¹⁴. В Калининграде в 2006 г. фейерверк был устроен в рождественскую ночь возле кафедрального собора Христа Спасителя⁷¹⁵.

В последние 20 лет в открывшихся православных приходах активно формируются праздничные традиции. Одни из них имеют дореволюционные корни, другие возникли в советский период, третьи складываются только сейчас. Так, до революции получила распространение традиция наряжать елку и проводить возле нее детский праздник. Она имела рождественский характер, но не была раньше связана с православным храмом. Сегодня проведение рождественского торжества для детей имеет много заимствований из советского детского праздничного репертуара. Постепенно происходит «воцерковление» гражданского Нового года. Церковно-приходская и православная семейная традиция его празднования претерпела серьезное изменение после того, как Новый год оказался перенесенным со святок на Рождественский пост.

Новым явлением стала складывающаяся традиция давать обет трезвости на Новый год, в день памяти мч. Вонифатия. Новый год совпал с днем его памяти после календарной реформы. Интересен и тот факт, что рождественские подарки на приходской елке дарит Дед Мороз. Таким образом, происходит сращивание элементов советской праздничной традиции с церковной.

⁷¹⁴ Сайт Архангельской и Холмогорской епархии (<http://arh-eparhia.ru>).

⁷¹⁵ Сайт «Архив официального сайта Московского Патриархата 1997—2009» (<http://www.mospat.ru>).

Современный православный приход, восприняв традиции праздничной культуры прошлого — как дореволюционного периода, так и советского, во многом их преобразил и вывел на новый уровень бытования.

Шляхтина Н.В.

Православные праздники в современной русской семье

Жизнь современного человека состоит из будней и праздников, как и было всегда в истории. Однако сегодня такая важная составляющая праздничной культуры, как участие в развлекательных программах активно вторгается в повседневность. Благодаря телевидению и интернету любой человек после работы может удовлетворить потребность в общении и получить тот запас положительных, ярких эмоций (конечно, в соответствии со своими духовными и культурными потребностями), которые раньше приходили только праздничные дни. Из-за активного, наступательного воздействия развлекательных СМИ зачастую теряется вкус праздника. Например, люди не ждут, как раньше, какой-то особой программы на Новый год, потому что еженедельно видят на экранах бурное веселье. Зачастую то же происходит и с застольем. Из-за обилия продуктов, доступных ежедневно, зачастую стирается особенность праздничной трапезы. Особенно это чувствуется в мегаполисе, с его развлекательной и продовольственной инфраструктурой.

На этом фоне особое значение приобретают такие характеристики праздника, как свободное от работы время, возможность живого, не опосредованного общения с друзьями и родственниками, а также связь праздника с важными событиями семейной, культурной, общественной жизни. Семейные праздники определены вехами биографии супругов, детей и т.д. А общественные определяются государством, выделяющим под них выходные дни (Новый год, 23 февраля, 8 марта, 9 мая, 4 ноября, дни города и т.п.) и обеспечивающим соответствующую информационную подготовку.

Особое место занимают праздники, продуцирующиеся национальными и религиозными традициями. Они отмечаются исключительно носителями этих традиций, которые, однако, могут иметь разную степень включенности в них. Отношение к подобным праздникам представителей разных культур может быть как лояльным, так и негативным.

Таким образом, для русского жителя мегаполиса праздничная культура 21 столетия предстает как открытое информационное пространство. Он свободен в выборе. Благодаря этому даже сформировался тип кросскультурной праздничной культуры, ориентированной на культурно и национально окрашенное застолье. Представители этого типа с одинаковым энтузиазмом отмечают католическое и православное Рождество, гуляют масленицу (игнорируя великий пост), католическую, еврейскую и православную пасху, мусульманские праздники. Можно сказать, что такие люди стоят вне традиционных культур.

Если говорить о праздниках, связанных с русской культурой, то совершенно очевидно, что для Москвы и Санкт-Петербурга не актуален аграрный календарь, и первостепенное значение имеют праздники православной церкви, так сказать в чистом виде.

Русская православная церковь является одним из традиционных институтов. Для русского человека она — часть его культуры. Церковь и вера могут критиковаться, но на подсознательном уровне они все же воспринимаются как неотъемлемая часть истории и культуры России, а не как нечто чужое, разрушающее национальную культуру.

По материалам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) к православным в РФ себя относят две трети опрошенных россиян (63%)⁷¹⁶. Это сообщество православных неоднородно. То есть в православную культуру нынешний русский человек может входить: или одним признанием православной веры как веры предков и части истории России, или поведенческими стереотипами, истоки которых в православии (в частности, моральными принципами), учащем только в таинстве крещения, или участием в таинствах крещения, отпевания, венчания, или же всей полнотой церковной религиозной жизни.

---

⁷¹⁶REGIONS.RU

Все названные степени включения важны, так как создают живую среду православной культуры, дающую возможность перехода от простого к сложному, от формального к глубоко осмысленному. Так, Пасха и Крещение являются общепризнанными, широко почитаемыми праздниками всех русских. Однако и здесь существует дифференциация: одни ограничивают освящением куличей и набором крещенской воды, другие готовятся к этим дням постом, молитвой, причастием.

Приведенный выше тезис о существовании живой среды православной культуры позволяет не отчуждать эти группы друг от друга, а рассматривать их во взаимосвязи и взаимопроникновении.

Если говорить о людях, усвоивших церковную православную традицию во всей полноте, стремящихся максимально реализовать ее в жизни (так называемых воцерковленных), то можно сказать, что на них лежит значительная нагрузка и ответственность за воспроизводство и трансляцию этой культуры. К ним прежде всего обращаются люди, желающие больше узнать о вере, желающие пользоваться, так сказать, культурным и духовным багажом православия. (Здесь невольно напрашивается сравнение с понятиями «профессионализм» и «компетентность» в культуре светской).

В православной традиции праздник — день молитвенной памяти события евангельской, церковной истории или какого-либо святого. И каждый из дней в году может быть праздником в этом понимании. Однако в русской культуре понятие «праздник» всегда объединяло церковную и светскую часть. За участием в службе и причастием следовали гостевания, гуляния, ярмарки. Из таких праздников на сегодняшний день повсеместно отмечаются Рождество, Крещение, Пасха, Троица.

Интересно, что знание и почитание праздников опрашиваемыми нами информантами воспринимается как свидетельство приобщенности к православию. Его отмечают и когда хотят доказать, что предки были верующими. Например, говорят: «Родители, бабушка в Бога веровали, праздники почитали. На Пасху, Николу скажет: внучок, нельзя работать»⁷¹⁷. Или: «У нас дома иконы все знали. И Пасху, Троицу чтили — вопреки

---

⁷¹⁷НПМА. Г. Эртиль Эртильского р-на Воронежской обл. И.А. и Т., 76 и 66 лет.

учителям»⁷¹⁸. Молодая женщина, недавно воцерковившаяся, так характеризует свою прежнюю безрелигиозность: «Я до 20 лет буквально не знала ни праздников, ничего»⁷¹⁹.

В атеистическом советском государстве посещение церкви на великие праздники было доступнее, чем в воскресные или обычные дни. Власть лояльнее относилась к этому, хотя и в праздники велась слежка и ставились различные препоны для верующих. Однако приходилось считаться с тем, что множество русских православных устремлялись в эти дни в храмы, преодолевая иногда десятки километров пешком.

Церковные праздники в советское время позволяли значительной части русских приобщиться и сохранять связь с православием. Именно в праздничные дни в общей массе богомольцев удавалось сделать то, что категорически запрещалось в обычной жизни — подать поминальные записки, вспомнив умерших, «поставить свечку» - то есть помолиться о близких, о разрешении своих проблем, исповедоваться, причаститься и, что важно, причастить детей. (Многие современные верующие вспоминают, что в детстве бабушки водили их на праздничные службы и причащали).

В связи с этим встает вопрос о функциях церковного праздника. С.А. Иникова в программе сбора полевого материала по праздникам предлагает этнографам обращать внимание прежде всего на их внецерковную часть: «Мы не ставим своей целью ориентировать исследователей на изучение празднования христианских праздников в стенах храма, так как существовали правила праздничного богослужения, и все отклонения от них зависели в основном от индивидуальных взглядов священников, а не народа»⁷²⁰. Однако приведенный выше пример показывает, что изучение церковной составляющей праздника могло бы дать большой материал для понимания особенностей национального и религиозного сознания русских. Ведь светская часть православных праздников была аннулирована — люди стремились участвовать именно в церковном действе. Зачем? Почему?

---

⁷¹⁸НПМА. Г. Эртиль Эртильского р-на Воронежской обл. Н., 40 лет.

⁷¹⁹НПМА. С. Терновое Воронежской области. Н., 1974 г. р., трое детей.

⁷²⁰Иникова С.А. Программа-вопросник для сбора материалов по теме «Традиционные праздники русского народа» // Традиционная народная культура русских. Сборник программ и вопросников для этнографических исследований. Рязань, 1997. С. 78—85. С. 78.

Люди стремились в храм именно на службу. А служба представляет собой упорядоченную череду молитв, объединенных единым смыслом: именно желание молиться приводило человека в храм на праздник. Объем и понимание молитв отдельными людьми при этом могут значительно разниться: от сердечного вздыхания перед иконой до детального знания и молитвенного сопереживания каждого момента службы. При чем не надо забывать, что богослужбный круг православной церкви создавался людьми и является отражением осмысленных божественных тайн человеком. И соответственно может быть близок и понятен любому верующему. Глубина же освоенной мистики богослужения зависит от активности участия прихожанина в церковной жизни. И почитание церковных праздников здесь — ключевой момент.

Дочь протоиерея Тихона Пелиха показывает это на примере своего отца (1895—1983): «Наверное нужно отнести к особенностям характера отца то, что он всегда жил Церковью. Круг церковных праздников был кругом его жизни, а иначе он просто не мог и не умел. Каждый праздник, особенно двенадесятый, он переживал, как космическое событие, происходящее здесь и сейчас, и основательно готовился к нему: прочитывал службу наступающего праздника, выделял особо какую-то стихирю или прокимен, близкий его сердцу, пропевая его и размышляя часто вслух о смысле празднуемого события. Трудно словами передать его состояние. Приближается, скажем, праздник Богоявления, и отец уже весь в ожидании освящения водной стихии. Он радостно переживает и «трепет Предтечи», и явление благодати Божией, «спасительной всем человеком». И мы, дети, тоже с нетерпением ждем этого события, когда вся вода (а значит, и снег тоже) будут «дрожать» от благодати. Мы чувствуем, что отец всем своим существом погружен в эту скорбь: он там — в Гефсиманском саду, на Голгофе. И, глядя на него, понимаешь, что значит «да молчит всякая плоть человека... и ничтоже земное в себе не помышляет». Но вот настает Великая Суббота, и папу трудно узнать! Надо было видеть, как о.Тихон служил литургию Великой Субботы. Он всегда говорил, что не пережив Великой Субботы, не ощутить и полноты пасхальной радости. До сих пор помню свое детское недоумение в связи с пасхальными днями: нельзя было сказать, что папа в те дни ходил по земле. Он почти летал! И из храма после службы на

первый день Пасхи он не мог уйти, мы, его домашние, это понимали... Прошла Пасха, и опять взлет — от радости Вознесения Господня, затем — дни ожидания Пятидесятницы — ожидания Духа Святаго...»⁷²¹.

В приведенном отрывке важно отметить, что столь глубокое чувство смысла и сути церковных праздников передалось от отца Тихона остальным людям, даже детям. Таким образом, мы видим, что высоко духовный человек приобщает к духовной жизни людей, только начавших освоение церковной традиции. Поэтому его понимание церковных праздников не обособляет его от остальных, не выделяет в какое-то «высшее сословие», а делает необходимым звеном в передаче церковной традиции — от учителя к ученику. Таких людей не надо называть исключительными, ненародными и потому не интересными для этнолога.

Можно сказать, что именно церковь через круг богослужений-праздников создает живое поле молитвенной и богословской жизни народа, открытое каждому. Те, кто в понимании ушел дальше, помогают осваивать традицию остальным. М.Ф. Мансурова в воспоминаниях об отце — Федоре Дмитриевиче Самарине — отмечает особую религиозность их рода, связанную с глубоким знанием богослужебных текстов: «Семья, в которой родилась и выросла Мама, семья Трубецких, хотя и христианская, не была так насыщена духом Церкви, как та семья, куда Мама попала, выйдя замуж. Там, у Трубецких, гораздо позднее стал пробуждаться вкус к православному богослужению, и отчасти под влиянием Самариных»⁷²². Мансурова в качестве примера изучения, усвоения Антониной Николаевной Самариной (1865—1901, урожденная Трубецкая) смысла праздничного богослужения приводит «драгоценную подробность о том, что около Мама в Вербную субботу лежала раскрытая книга, по которой Мама читала славянский текст Вербного канона... Мама была больна и ко всеобщей пойти не могла. Это чтение, конечно, шло от Папа... О том же говорит письмо Мама от предпоследнего года ее жизни... Она описывает... Пасхальную ночь, проведенную ею, по болезни, дома... Мама одна... все ушли к

---

⁷²¹Старец протоиерей Тихон (Пелих). Жизнеописание. Проповеди, Дневники. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. — 270 с. С.71—73.

⁷²²Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 20.

Пасхальной заутрени... Мама читает Пасхальный канон — творение Иоанна Дамаскина... В то время мало кто из верующих имел богослужебные книги на дому и мало кто знал о богатстве их поэтического и умозрительного содержания... Самарины в этой области были передовыми людьми»⁷²³. И конечно при таком восприятии праздника главным становилась служба.

Хотелось бы привести еще один пример из жизни Самариных — их подготовку к Рождеству. «Папа тоже ждал Праздника, но для него не елка была его средоточием. Он ждал Сочельника, когда под колокольный гул с «Ивана Великого» он, на извозчике, повезет Соню и Варю в Кремль, в Успенский собор, к вечерне, чтобы и они услышали и полюбили дорогие ему слова, слова о Тайне Воплощения в высоком созерцании византийских песнопевцев. Все четыре Рождественских стихиры... с из высоким умозрением, Папа переживал сильно, вникая в каждое слово, в каждую мысль, любясь каждым образом... Папа плакал»⁷²⁴.

С глубоким пониманием священных текстов нам приходится сталкиваться в экспедициях в домах простых старушек, которые плакали, пересказывая ветхозаветные и евангельские истории и рассматривая нехитрые иллюстрации к Библии. Не говоря уже о коллективном духовно-эмоциональном восприятии праздника, которое может наблюдать любой человек в любом храме. Наиболее яркие примеры — Чистый Четверг и Пасха. В четверг Страстной недели все притихшие, сосредоточенные, а на Пасху радостные, готовые бесконечно поздравлять, христосоваться. Пасха — особый день, как будто вобравший в себя важнейшие коды памяти не только о вере, евангельских событиях, но и о самом понятии «христианин».

А.А. Трофимов приводит слова своей матери Марии Сергеевны Трофимовой (1917—2002) о празднике Пасхи Христовой: «Как я ждала всегда этот день! Только в дни Пасхи мы видим православных христиан такими, какими они должны быть. Все улыбаются, ласковые, радостные, приветствуют друг друга. В этот день все мы — как одна семья, и любовь озаряет сердца, радость наполняет души. Все кажутся родными. Я поняла смысл

---

⁷²³Там же. С. 20—21.

⁷²⁴Там же. С. 10.

Пасхи — это восстановление рая, тех отношений, какие были у людей до грехопадения»⁷²⁵.

Глубокое богословское понимание праздника пришло к Марии Сергеевне — простой русской женщине, работавшей зоотехником, пережившей войну и многие лишения, заботы и болезни, которые, казалось бы, должны были прижать ее дух к земле, - через жизнь в церкви. А.А. Трофимов пишет: «Жизнь мамы проходила в ритме церковного года: служб, постов, праздничных дней... Часто я слышал от мамы: «Так хочется в храм. Это Дом Божий, это тело Христово, там Дух Святой, там сила Божия совершается»».

Связь церковной жизни с богопознанием емко отразилась в народной пословице: «Кому Церковь не мать, тому Бог — не Отец!».

Мария Сергеевна знала текст литургии на память, нередко прочитывала перед службой Минеи праздника. Со своими знакомыми прихожанами, верующими, со своим сыном она делилась опытом усвоения службы: «Я ведь тоже не сразу стала понимать тексты богослужений и стояла в храме, не зная, что там происходит. Но однажды сказала себе: да как же так, почему ты не прочтешь сама и не выучишь, не поймешь смысла того, что происходит во время богослужения. Я взяла текст Литургии с толкованием и стала внимательно читать, вдумываясь в каждое слово, прочитывала даже священнические молитвы. Делать это пришлось много раз, и постепенно мне стало понятно, что происходит во время Литургии. Потом точно также просмотрела последование вечерни и утрени... Когда вы будете знать, что происходит во время службы... все преобразится тогда для тебя в храме, и начнешь понимать, что в храме и есть истинная духовная жизнь»⁷²⁶.

Наши полевые материалы показывают, что многие современные верующие проходят такой же путь к пониманию праздничных церковных служб, как дворяне Трубецкие и Самарины в 19 веке или М.С. Трофимова в двадцатом. (А из истории церкви известны многочисленные случаи освоения всей глубины богослужения крестьянами, купцами, дворянами, становившимися монахами или священниками). Таким образом в каждом

---

⁷²⁵ Любовь воплощенная. Жизнь. Время. Судьба. М., 2008. С. 289.

⁷²⁶ Там же. С. 281, 284.

поколении появляются такие люди, помогающие в дальнейшем остальным.

Но, разумеется, главным в духовном понимании праздников следует назвать веру в Бога. Именно она приводит в храм. Та же М.С. Трофимова задолго до того, как в ее руки попали богослужebные книги, в юности и в зрелые годы, несмотря на опасность и бытовые неудобства, каждый церковный праздник, каждое воскресенье стремилась быть в храме.

Понимание того, что на праздник приходишь в дом Божий — сознательно или подсознательно — существует у многих людей. Желание помолиться не дома, а именно в храме объясняется по-разному: «там иконы», «там можно помянуть близких», «там священник», — но очевидно, что многие люди ощущают особую духовную атмосферу храма.

Традиция приходить в храм на праздник отразилась в таком интересном явлении: многие приходящие на службу и совсем не знающие икон, не умеющие выделить из них даже иконы Богородицы или Христа, тем не менее знают, что надо поставить или передать свечу «к празднику».

Храм в праздник — прежде всего место исповеди, причастия, молитвы. Как сказал один из информантов в Москве (30 лет): «Праздник — это прежде всего молитва. Если не помолитесь — не ощущаешь праздника. То есть благодарение, молитва должны быть, должна быть какая-то духовная работа».

Для воцерковленных верующих центральное событие церковного праздника — причастие. У большинства из них сложилась традиция причащаться на церковные праздники, в дни именин, дни рождения, в первую субботу великого поста и в Великий Четверг. И если взрослые по каким-то причинам не могут приготовить и откладывают причастие, то детей причащают обязательно.

Для людей, долгое время не имевших возможности ходить в храм, посещение праздничной службы становилось не только возможностью помолиться, но и большим открытием в духовной жизни. Жительница воронежского села Верхняя Тишанка (50 лет) рассказывала, что в юности жила на Урале. Храмов не было. И мать говорила ей, что если когда-нибудь появится возможность посетить православное богослужение, надо оставить все дела и идти. И вот такая возможность появилась — впечатление от пения и торжественной красоты оказалось

незабываемым. Информант из Курска — татарка из мусульманской семьи — рассказывала, что отец категорически запрещал ей заходить в православный храм, объясняя это совершенно неожиданным образом: «Если ты отстоишь там хоть одну службу — ты там останешься». Обстоятельства жизни этой женщины сложились так, что она уверовала и приняла православие.

На особую роль храма в духовной жизни народа указывают и описания чудесных явлений простым прихожанами во время службы. Мы находим их или опубликованными или слышим в пересказах священников, так как прежде всего им люди сообщают об этом.

Священник г. Эртиля Воронежской области рассказывал, что однажды после праздничной службы в честь иконы Матери Божией Иверской к нему подошла старушка семидесяти лет (из верующей семьи, всегда помогавшей церкви, мать восьми детей): «Батюшка, я наверное скоро умру. — Почему? — Да я сейчас на службе я видела вместо иконы Матерь Божью живую». Прихожане о.Митрофана Мякинина из села Ячейки Воронежской области говорили, что видели исходящее из чаши со святыми дарами пламя⁷²⁷.

Прихожане Казанского храма в Богородском г. Москвы рассказывали, что во время службы приглашенного священника было ощущение, что у церкви нет крыши и буквально «открыты небеса»⁷²⁸. А.А. Трофимов вспоминает: «Однажды в праздник преподобного Серафима Саровского мы с мамой поехали в храм Рождества Пресвятой Богородицы села Поярково. Настоятель храма служил Литургию, я стоял и пел на клиросе, а мама молилась вместе с другими прихожанами. После службы она сказала: Я никогда не была на такой чудной службе. Когда началась Литургия, в храме явились святитель Николай и преподобный Серафим, благословили народ и скрылись»⁷²⁹.

Хотя перечень подобных явлений можно продолжить, все же они нечасты. Тем не менее, они дают ясное представление о том, что время праздничных богослужений — особое по духовной наполненности. И возможность особого исключительно

---

⁷²⁷С крестом и Евангелием. Свято-Владимирский Задонский монастырь, 2004.

⁷²⁸НПМА. Экспедиция ИЭА РАН 2000 г.

⁷²⁹Любовь воплощенная. С.304.

мистического опыта предоставляется не только святым, но и простым благочестивым людям. И это приоткрывает нам такие формы духовной жизни народа внутри храма, как характеризующие высоту духа, так и являющиеся для многих доказательством жизненности веры, которые, наверное, невозможно исследовать до конца.

Первый крупный праздник в календарном году — Рождество Христово — 7 января.

Сегодня многие верующие соблюдают рождественский пост, по продолжительности лишь 7 дней уступающий великому, но менее строгий. Надо сказать, что подготовка к празднику постом — очень важный фактор. Им измеряется глубина понимания праздника. Часто говорят: «Не постившись — не ощутишь и радости праздника». И дело, конечно, не в переходе от постной пищи к праздничным яствам. Речь идет о духовной подготовке: за время поста научиться владеть собой, приложить усилия к выполнению заповеди поста. И не только. Многие стремятся чаще бывать в храме, и сегодня стало повсеместным обязательное причащение в пост. На это настраивают священники. А причастие невозможно без исповеди, покаяния. И все сорок дней поста люди живут мыслью о предстоящем Рождестве: будет торжество и не хочется подойти к нему неподготовленным. Причащаются и на сам праздник. Таким образом люди обращают внимание прежде всего на духовный смысл Рождества. Посещение службы зависит от личных обстоятельств. Идут накануне вечером и утром в праздник или же на ночную службу. Нам встречались, правда редко, люди, посещавшие все службы — ночную, семичасовую и десятичасовую. Мотивация: «Не хотелось уходить», «Никак не мог насытиться праздником».

Рождество Христово — праздник с развитой светской, домашней частью, требующий предварительной подготовки. Если сравнить описание начала 20 века и современные, видно, что традиция (где-то непрерывавшаяся, где-то возрожденная) сохраняется почти неизменной.

Марина Стародубцева так описывает подготовку к Рождеству в 1920-е годы: «К этому празднику у нас дома готовились. На чердаке, втайне от нас, Мама заготавливала и держала пушистую елку. Мы начинали клеить длинные гирлянды из разноцветной бумаги, делали домики из склеенных спичечных коробков, из пустых скорлупок яиц мы изготавливали клоунов с

колпаками и разрисовывали им рожицы. Но, главное, мы разучивали и повторяли Рождественские молитвы. Мама играла на рояле, а мы с сестрой пели их на два голоса... Помню эти пред-рождественские вечера на Трубниковском. У окон в креслах сидят Бабушка, ее сестра... Мама тихо играет, а мы, дети, стоим перед ними и старательно поем тропарь праздника: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащие звездою учахуся, Тебе кланетися, Солнцу правды, и тебе ведети с высоты востока: Господи, слава Тебе»⁷³⁰

Дети всегда были и остаются центральными действующими лицами в светской части рождественского праздника и в то же время главными зрителями. Именно для них стараются взрослые, стремясь наполнить их души добротой, радостью, молитвой и любовью к Богу. Это одна из ключевых функций праздника — доказать на уровне эмоций, душевных впечатлений истинность и жизненность веры, добра и красоты. Иначе как объяснить стремление верующих в годы гонений под угрозой репрессий донести до детей свет Рождества. Наталья Николаевна Соколова описывает детские рождественские праздники в 1920—1930-е годы в Москве: «...к нам на Рождество детей приводили по большей части не их родители, а те, кто их воспитывал. Две тетушки приводили к нам троих детей князей Оболенских: Лизу, Андрея и Николушку. Родители их были арестованы. Приводили четверых детей отца Сергия Мечева, сидевшего в тюрьме, как и его супруга. Дети отца Владимира Амбарцумова, Женя и Лида, тоже бывали у нас нередко. Их мать умерла, а отца арестовали. И так в нашу квартиру набивалось человек до тридцати. Елочку нам неизменно привозила в Сочельник Ольга Серафимовна — сестра закрытой в те годы Марфо-Мариинской обители. Рискую своей свободой, она собственноручно срубала елочку в лесу, убирала ее в наш огромный чемодан, везла поездом, тащила по улицам. До 1936 года елки были запрещены как «буржуазный предрассудок». Однако Ольга Серафимовна считала своим долгом доставить нам, детям, это рождественское удовольствие. Мы благодарили ее и с замиранием сердца всегда слушали ее рассказы о том, как она, утопая в сугробах, добывала нам елочку: «Ночь, луна, волки воют...» ...Ежегодно

---

⁷³⁰ *Стародубцева М.* Круговорот (Времена и судьбы). Б/г, б/м. С. 244.

перед рождественской елочкой слышались стихи религиозного содержания.

И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Все, чем красна ее дорога,
Что ей светило на пути.

Мне шел десятый год, когда я декламировала на Рождество эти строчки из стихотворения Надсона «Христианин». Образ девушки, горящей жертвенной любовью к Спасителю, прощающей все своим палачам, уже пленял мое сердце»⁷³¹.

Читая описания дореволюционных рождественских праздников, понимаешь, что их организация предполагала определенный духовный и культурный уровень — знание тропарей, кондаков, колядок, песен, стихов. Как щедро передавалась эта культура детям во время праздников. Важно отметить, что детей репрессированных родителей не удаляли от церкви, а все же стремились дать им христианское воспитание — в данном случае, через почитание праздников.

Архимандрит Исаакий (Виноградов) с теплотой и юмором вспоминает Рождество своего детства, как передевались родители в Деда Мороза и Снегурочку, пели, устраивали простенькие, но веселые затеи. «Весело и дружно отмечали мы и большие церковные праздники, и семейные — дни именин и рождения, когда полагалось у нас пить шоколад. У меня было действительно беззаботное, радостное и, главное, мирное детство»⁷³².

В современных Москве и Санкт-Петербурге культура празднования Рождества близка, скорее, традиционной городской, чем сельской — с ее развитым колядованием.

Обязательно ставят елку. Причем среди елочных украшений присутствуют христианские сюжеты. Это — рождественская звезда, ангелы, гирлянды со словами: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение». К изготовлению игрушек, конечно, привлекаются дети. Все большее распространение получает изготовление вертепов под елку. Вертеп делается из картона, бумаги, пластилина в виде пещерки. Внутри ставят ясли с соломой, мочалом, тканью. Рядом располагаются

---

⁷³¹ Соколова Н.Н. Под кровом Всевышнего. М., 2000. С.12—13.

⁷³² Архимандрит Исаакий. Из воспоминаний детства. С. 38.

животные — самодельные (из пластилина, соломы или нарисованные) или покупные игрушки. Из бисера или бус изготавливаются дары волхвов. Если самих волхвов могут нарисовать или слепить, то к изображениям Богоматери и Христа подходят с большей осторожностью. Духовное чутье, как правило, подсказывает, что самодельные их изображения неуместны. Поэтому в вертеп или за него ставят небольшую икону Рождества.

Вертеп, как и рождественские украшения, можно купить в магазинах или на православных ярмарках, которые, безусловно, помогают православным верующим ознакомиться с традициями праздника.

Как уже отмечалось, традиционным в подготовке Рождества является разучивание тропарей, колядок, стихов религиозного содержания. Сегодня эта традиция широко представлена в воскресных школах и различных православных организациях. Но она имеет место и на домашних праздниках.

Приведем описание детского рождественского праздника, прошедшего в Москве в 2011 году.

«Мы с детьми готовились к Рождеству: делали вертеп, ангелов на елку, елочные украшения. Рождественскую звезду бумажную купили в храме. Дети разучили тропарь праздника. Им 4 и 7 лет. Решили пригласить их друзей, конечно, в сопровождении родителей. План праздника продумали заранее, но для детей и гостей все выглядело непринужденно. Когда гости пришли, сначала рассматривали елку, вертеп, гирлянды и фонарики, висевшие под потолком. Гости тут же рассказывали, как украшали свои елки. Такой обмен опытом. Потом сели есть. Потом семилетний сын показывал детям спектакль о Рождестве. Давно еще мы купили в магазине при Сретенском монастыре этот бумажный спектакль. Там несколько картонных фонов: Назарет, Вифлием, Иерусалим и ночное поле с вертепом. А фигуры тоже из картона устанавливаются перед каждой сценой. Спектакль состоит из нескольких эпизодов: расставим фон и фигурки — и Ваня рассказывает, как все происходило 2000 лет назад. Готовился заранее, читали из Евангелия о Рождестве, репетировали. Раньше на Рождество этот спектакль показывали папа и старший сын, а теперь пришла Ванина очередь. Спектакль короткий. Детям понравился. Потом решили устроить колядование. То есть не просто петь тропарь, а получи пожалуйста за это конфету. Оказалось, что не все дети знают тропарь.

Не лишать же их подарков. Не знаешь — пой хором с теми, кто знает, и угощайся. Как только дети поняли смысл колядования, быстро стали все запоминать. Праздник шел своим чередом — играли, танцевали, бегали — и периодически кто-нибудь из детей подходил спеть тропарик (то есть за конфетой). Сидим со взрослыми на кухне, появляется ребенок. «Что тебе?» — «Хочу тропарик спеть» — «Спой, голубчик». Скоро все конфеты закончились, стали торт кусочками резать — и он ушел. А к вечеру все дети прекрасно пели тропарь Рождества. Еще мы пекли рождественское печенье. Это, может быть, не русская традиция, но плохого в ней ничего нет. Тесто, конечно, было готово. Раскатывали его и звали детей. Давали им специальные формочки — надавишь на тесто и получается собачка, домик, елочка и т.д. Дети сами нарезали эти фигурки и сами укладывали на противень. А когда испеклось, ели. Еще жгли бенгальские огни, потом гуляли. Я думаю, детям запомнилось. Такие праздники надо делать по возможности — на Рождество, может быть, на Пасху. Чтобы дети помнили, знали, ждали их. Да и для взрослых это удовольствие»⁷³³.

В Санкт-Петербурге в одной из опрошенных нами многодетных семей, где родители — фольклористы, дети с мамой колядуют — славят Христа — ходят к соседям, знакомым.

Во многих храмах распространено и одаривание всех детей, пришедших на рождественскую службу. Так, в храме Преображения Господня в Богородском районе Москвы после службы все дети получили поздравительные открытки, изготовленные учениками воскресной школы.

Взрослые и дети поздравляют друг друга по телефону, очень редко — открытками. Можно сказать, что поздравление открытками сегодня традиция, которая поддерживается немногими. В Санкт-Петербурге в Школе народного искусства императрицы Александры Федоровны дети готовят открытки к Рождеству и Пасхе — полностью оформляют рисунками, росписями, фотографиями, тексты — стихи самих детей о празднике. Открытки рассылаются по многим городам России.

Для русской сельской культуры традиционны обходы священником и причтом домов на Рождество и Пасху. В современных городах живет и эта традиция. Энергичный, как правило,

---

⁷³³ НГМА. Москва, 2011. Семья с тремя детьми, супругам по 45 лет.

молодой батюшка с хором объезжает дома заранее пригласивших его прихожан после Рождества или Пасхи. Мы встречались с этим Курске и Москве. Такие объезды можно назвать, скорее, не традицией, а данью традиции. Поскольку они определяются не неизбежным течением церковной и семейной религиозной жизни, а единовременным решением, порывом: «Вот раньше колядовали, а давайте и мы повторим эту традицию». В сознании людей это не является обязательным — как праздник в воскресной школе или домашние елки. Пока есть настроение и силы — объезды совершаются. Изменились обстоятельства — объезды-колядования отменяются. Прихожане, которые дружны с батюшкой, считают необходимым приглашать его домой после Пасхи или Рождества: «Мы стараемся батюшку пригласить в гости на Святки и после Пасхи. Раньше на Руси священники обходили в эти дни все дома, кадили, кропили святой водой, служили молебны. Вот и мы батюшку зовем, но просто в гости — посидеть»⁷³⁴. Так интересно трансформировалась традиция обхода домов священником и клиром.

Хотелось бы сказать несколько слов о подарках. Не на все православные праздники принято дарить подарки. Не поздравительные открытки, а именно подарки. Только на Рождество и Пасху. В некоторых храмах дарят подарки женщинам в неделю жен-мироносиц (вместо советского праздника 8 марта). Дарят как то же, что и на обычные светские праздники, так и предметы, связанные с верой — иконы, святыни, привезенные из паломничеств (маслица, свечи от благодатного огня), молитвословы, Евангелия.

Особое место занимает проблема соотношения Нового года и Рождества. По новому стилю Новый год оказывается перед Рождеством и попадает на пост.

К Новому году готовится и Новый год встречает, что называется «вся страна». И Рождество как праздник оказывается в тени.

Супруги и Санкт-Петербурга, недавно пришедшие к вере, делятся своим опытом: «Конечно, хочется отказаться от Нового года. Потому что после Нового года сразу идет Рождество — как раз-таки самая такая неделя — самая постная. И пока дети маленькие, нужно срочно заканчивать его праздновать, потому

---

⁷³⁴НПМА. Москва, 2010. Семья с тремя детьми. Супругам по 38 и 40 лет.

что это очень большой грех — среди поста праздновать этот праздник. От 8-го марта мы давно отказались — это как-то легко получилось. А Новый год... Ну пока дети плохо понимают числа — какая им разница первое число или седьмое — их легко отучить. Этот Новый год точно не будем праздновать. Прошлый Новый год все-таки отпраздновали. Было такое сильное очень искушение. А в этом году мы с мужем решили, что все — четко седьмого мы празднуем Рождество. И дети получают подарки не новогодние, а именно рождественские. Мне кажется, что они должны привыкнуть. Потому что сначала мы празднуем каждый год, потом будем праздновать каждый месяц. В принципе что такое Новый год? Ну Новый год. Нужно эти праздники исключать, так правильнее будет»⁷³⁵.

Православные священники обращают внимание на то, что 31 декабря и 1 января — дня памяти святых Бонифатия и Моисея Мурина. Первый известен как помощник страждущим от греха пьянства, а второй — как святой, до смерти отстаивавший телесное и духовное целомудрие. Подчеркивается, что таким образом православная церковь побуждает 31 декабря и 1 января вспомнить подвиги воздержания. Надо отметить, что церковь понимает, насколько важное место занимает Новый год в системе современных государственных праздников. В связи с этим во всех храмах проводятся новогодние молебны — церковь просит божьего благословения на начало года.

Православные дети не могут не видеть мощной рекламы и подготовки к Новому году — на улицах, в СМИ, в детских садах и школах. Некоторые воскресные школы предлагают отмечать 1 января в христианском духе, увязывая праздник с днем памяти преподобного Илии Муромского: устраиваются игры и богатые забавы на свежем воздухе.

Многодетная мама из Москвы делится опытом «примирения» Нового года и Рождества: «Сколько ни пытались мы отказаться от Нового года — не получается. Пока дети маленькие были и им все равно, праздновали у бабушки. Ей казалось, если она на Новый год одна — это трагедия. Потом дети подросли — в детском саду, во всех кружках готовятся к Новому году. Получается нельзя игнорировать. И пришли к такому решению. Новый год

---

⁷³⁵ НПМА. Санкт-Петербург, 2001. Ю.А. и Ю.А., 32 года и 30 лет, четверо детей.

отмечаем постным столом, елкой, подарками от Деда Мороза всем-всем — чтобы общее ожидание как-то реализовать, не проигнорировать. А у Рождества другой характер, другое настроение: к нему готовим концерт, спектакль, самодельные украшения на елку и всего дома, приглашаем гостей, детей, делаем скоромный праздничный стол. И получается из-за такой неформальной (как в Новый год: купил — подарил) подготовки, требующей личного участия, церковной службы, гостей Рождество становится более запоминающимся, более веселым, более душевным праздником».

Не могут отказать от Нового года и многие пожилые люди, пришедшие к вере в зрелом возрасте. Рождество для них стало главным праздником, но и Новый год тихо, с постным столом отмечают «по старой памяти».

Религиозный праздник, как и светский, связан с весельем, радостными переживаниями. Но в нем, в отличие от светского, обязательно присутствует духовный смысл в большей или меньшей степени.

Интересно привести впечатления информанта из Москвы о праздновании масленицы:

«Мы были с детьми на праздновании масленицы, организованном Дворцом детского творчества. Часто светский праздник. Я и сама всегда считала масленицу веселой неделей — гости, блины. Конечно, понимала, что мудрый народный обычай — погулять, повеселиться перед великим постом. Все так и шло: выступали фольклорные детские коллективы, перетягивали канаты, были эстафеты, „царь горы“, снежки, игры. И вот наконец сжигание масленицы. Большую куклу поставили на горку в русском народном костюме, пропели какие-то песни про масленицу и подожгли. Стою я, еще не остыв от бурных забав с детьми. А масленица загорелась, огонь ее всю обнял, и вдруг сквозь нее проглядывает огромный черный крест. Я оцепенела. Кукла вся сгорела, осыпалась, а крест стоит. Это просто основа такая железная, на которой кукла держалась — палка от земли до головы и поперек — для рук. И получилось как в рассказе Лескова: все просто, по-земному, обыденно объясняется, но переживания человека, пока он этого не знал, настолько сильны, будто он с настоящим религиозным чудом столкнулся. И с тем пор связь масленой недели и поста я как-то очень ясно, глубоко стала понимать».

Последний день масленицы — прощенное воскресенье. Православные просят друг у друга прощения при встрече или по телефону с обязательным ответом: «Бог простит, и я прощаю». Кроме того в храмах в этот день причт встает перед народом с иконами, крестами, и люди вереницей идут и просят прощения у каждого священника, а он у них. Таким образом, бурная праздничная неделя заканчивается покаянными действиями.

Главный христианский праздник — пасха — не может рассматриваться как один день. Он связан с великим постом. То есть это праздник, к которому готовятся — постом, чтением канона святого Андрея Критского, причастием на первой, крестопоклонной и страстной неделях, соборованием.

Подготовка к праздникам, в том числе и к пасхе, требуют от современного человека знакомства с самыми разными сторонами православной традиции. В том числе приобщения к пищевой культуре (приготовление блинов, творожной пасхи, куличей, печенья жаворонков, крашение яиц).

Происходит информационная консолидация верующих. Сведения о духовной и материальной составляющих праздника получают через проповедь в церкви, книги, живой обмен опытом — как собственным, так и через пересказ прочитанного. Значительна здесь деятельность воскресных школ и роль православных ярмарок, проходящих перед Рождеством и Пасхой. Продукция, представляемая на ярмарках, это прежде всего потенциальные подарки к празднику. Но значение ее шире. Разные регионы страны (епархии) привозят иконы, народные костюмы, традиционное холодное оружие, утварь, мягкие, деревянные, глиняные игрушки. Предметы, не имеющие ритуального значения, связаны тем или иным образом с традиционной культурой. Поскольку и для организаторов, и для посетителей выставки очевидны взаимодействие и взаимопроникновение православия и традиционной русской народной культуры.

Современный православный праздник обязательно воспринимается в исторической плоскости — «отмечаем, как наши предки отмечали». И кроме того эти дни соотносятся с конкретными событиями евангельской (Крещение, Рождество...), церковной (дни памяти святых, часто являющиеся престольными праздниками), государственной (8 сентября, 4 ноября, 9 мая) истории.

По своей культурной составляющей православные праздники настолько богаты, что участие в них не только приобщает к духовной культуре христианства, но и к русской традиционной культуре, консолидирует как во времени, так и в пространстве.

Православные праздники составляют годовой цикл. Связь их с постами влияет и на планирование жизни человека, учитывается, например, при установке для свадьбы. Гостевания также стараются приурочить к традиционным праздничным неделям — масленичной, светлой, святкам.

Православные праздники, как и светские, имеют функцию обновления, отдохновения человека: во время церковной службы происходит духовное обновление, светская часть обеспечивает душевное обновление, укрепление связей с единомышленниками. В русском православии, возрождаемом после гонений 20 века, последние особенно важны, так как современные верующие, хотя и чувствуют связь с традиционной культурой и стараются ее воспроизвести, но не укорены в ней — традиционный семейный и общественный быт в основном разрушен.

Н.Н. Соколова пишет о послевоенном времени: «Да, в те 50-е годы хотя и было уже открыто несколько семинарий, но храмов по стране еще не было, народ постепенно погружался во тьму неверия. И никто не должен был знать, что в маленьких частных домиках еще горели перед образами лампы, еще нарождались дети — будущие пастыри русского народа. И мы знали несколько таких семей, мы общались с ними. Хоть редко, но раза два-три в год мы собирались семьями на праздники Святого Рождества, летом — во время отпусков. Дети наши должны были видеть, что не одни они христиане в безбожном государстве, что есть вера в Бога и в других семьях. Эти встречи с единомышленниками укрепляли веру, вселяли надежду, что еще может возгореться огонь любви от слабых искр, скрытых до времени»⁷³⁶.

Почитание праздников сегодня способствует и воспроизводству культуры гостеваний (подготовка дома — уборка; посещение близких, общие поминальные трапезы на кладбище и т.д.).

Конечно, культура праздника связана с культурой досуга в целом. Жена священника из интеллигентной семьи, где на

---

⁷³⁶Соколова Н.Н. Под кровом Всевышнего... С. 190.

праздник главными были духовные беседы и интересные игры, забавы, с недоумением говорит о традициях застолья и досуга, с которым столкнулась после замужества. Она пишет: «Видит Бог, мне было всегда совестно собирать эти застолья, своих именин я старалась не справлять. Накормить голодного — это дело Божие. Но накупать для потехи горы колбас, ветчин и т.п. — это грех! Сколько людей нуждается, а тут у священника в доме какая-то обжираловка устраивается: и торты, и пироги, и вино! А Володя мой без конца бывал на подобных праздниках и потому считал своим долгом тоже устраивать у себя нечто подобное, хотя пьяных у нас никогда не бывало. Моего отца эти застолья очень огорчали, но составить серьезный разговор ему не удавалось. Я была с ним согласна, как всегда. Смех, шутки — разве это образец компании в доме священника? Я просила родителей на эти часы уводить детей подальше от дома, что мама и делала. А папу просила сидеть с гостями за столом, но это ему было так тяжело! «Будем молиться, чтобы таким гулянок в доме у нас не было», — утешала я папочку. И вот застолья эти опять надолго прекратились — Господь послал нам труды и болезни». Она отмечает, что такая культура праздника вытекала культуры досуга, принятой в родительском доме мужа. Там не были приняты чтение, домашние рукоделия, а сидели вечерами за чаем до ночи. Если никто ничего интересного не рассказывал, то брат мужа приносил карты. Отсюда, вероятно, и тяга к описанному типу праздника — застолью с пересудами.

В современных городских семьях, где нет духа корпоративности, подчинения общепринятой норме, как в деревне, можно самим выбирать сценарий праздника по душе. А на селе церковный и светский праздник — событие не узкосемейное, а общедеревенское, подчиненное единым для всех правилам. До сих пор в русских деревнях живы престольные праздники и традиционные дни поминовения усопших. Например, в Кашинском районе Тверской области на Троицу обязательны общие трапезы на кладбище (д.Починки, Данильцево). Обязательны встречи более или менее узким кругом с застольем и вином. Причем церковная часть праздника отсутствует.

Традиционно на православные праздники было принято подавать милостыню, посещать больных, заключенных. В советские годы традиция эта не умирала среди верующих. Н.Е. Пестов пишет: «Тридцатые годы были очень тяжелые. Все

продукты получались по карточкам в мизерном количестве. В столовой на окне стояли две коробочки, куда дети откладывали из своего пайка — то кусочек сахара, то пряник, то конфетку. Эти запасы посылались по большим церковным праздникам в провинцию к бабушке и к одной монахине. «Это трудно, но это прекрасно», — говорил Колюша вычитанное им где-то выражение. Да это было трудно для детей его возраста, выросших на ограниченном пайке»⁷³⁷.

Сегодня в праздники распространена подача милостыни — и индивидуально, и подача продуктов на канун в храме. Походы в больницы, тюрьмы осуществляются организованно по инициативе некоторых приходов.

За последние 20 лет значительно обогатилась игровая составляющая праздников. Причем не за счет нововведений, а за счет воспроизводства русских традиций (колядования, взятие снежного городка, катание яиц и т.п.).

Восстановить и поддержать традицию праздника после десятилетий забытья во многом помогли фольклористы. В связи с этим интересно привести рассказ петербургского фольклориста А. Теплова. Одна из информантов, бабушка, задала вопрос, зачем же он спрашивает о песнях, танцах, записывает все, сам старается спеть, повторить танцевальные движения. Он ответил: «Это моя работа». Бабушка подумала и говорит: «Раньше мы так отдыхали, как вы работаете». То есть раньше праздник занимал свое место в череде человеческих дел, и радушие гостеваний, веселье игры, полет песни и удаль танца были естественным проявлением живущей полной жизнью православной души. Сейчас же, чтобы придать празднику былую насыщенность, нужны усилия и специалистов, и церковных институтов, и самих верующих.

---

⁷³⁷ Жизнь для вечности / Сост. Н.Е. Пестов. Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1997. С. 14.

Содержание

Введение	3
Воронина Т.А. Русский праздник: от заговенья к разговинам	7
Кириченко О.В. Новые формы церковной народной праздничной культуры	65
Кремлева И.А. Церковные праздники: место обетных праздников в русле народной культуры	122
Листова Т.А. Православие в общественно-религиозных праздниках советского и постсоветского времени (по материалам полевых исследований в российско-украинско-белорусском пограничье)	161
Тульцева Л.А. Ритуально-возрастная стратификация крестьянских сообществ в обрядности Средокрестного дня (по материалам полевых исследований 1986—1993 гг.)	231
Тульцева Л.А. «У Бога Света всего dospeto»: Сакрально-световое пространство русских святок и новые поколения рода-племени	259
Фролова А.В. Месяцеслов русских Архангельского Севера в XX в.	344
Цеханская К.В. Праздник Успения Пресвятой Богородицы в прошлом и настоящем	376
Юренко А.И. Праздники в современном православном приходе (на примере Рождества и Нового года)	399
Шляхтина Н.В. Православные праздники в современной русской семье	436